

ЭЛИЗАБЕТ
ГАСКЕЛЛ

Жены и дочери

АЗБУКА-КЛАССИКА

Annotation

Элизабет Гаскелл (1810–1865) — одна из самых известных «литературных леди» викторианской Англии, автор романов «Крэнфорд», «Север и Юг», «Жены и дочери». Последний остался неоконченным из-за внезапной смерти Гаскелл; заключительную часть романа дописал журналист и литератор Ф. Гринвуд, основываясь на полученных от самой писательницы сведениях о развитии сюжета и развязке. По характеру роман близок к произведениям Шарлотты Бронте, с которой Гаскелл была очень дружна, а тонкая ирония в изображении провинциального снобизма и предрассудков роднит его с традицией Теккерея и Диккенса. Главная героиня, дочь местного врача, чистая, доверчивая, пылкая Молли Гибсон, переживает трудный этап взросления, когда ее сердце впервые узнает муки неразделенной любви. Роман «Жены и дочери», вершина литературного творчества знаменитой писательницы, публикуется на русском языке впервые.

•

Элизабет Гаскелл
Часть I

Часть II
Часть III

Часть IV

Элизабет Гаскелл

"Жены и дочери"

Часть I

Глава I

Начало праздника

Начнем со старой детской присказки. В стране было графство, в том графстве — городок, в том городке — дом, в том доме — комната, а в комнате — кровать, а в той кровати лежала девочка. Она уже пробудилась ото сна и хотела встать, но не осмелилась из-за страха перед невидимой силой в соседней комнате — некой Бетти, чей сон нельзя было тревожить, пока не пробьет шесть. В шесть Бетти сама просыпалась, «точно, как часы», лишая покоя всех домочадцев. Стояло июньское утро, и в этот ранний час комнату заливал теплый солнечный свет.

На комод, напротив покрытой белым канифасом кровати, в которой лежала Молли Гибсон, стояла старомодная подставка для шляп, на ней висела шляпка, которую защищал от пыли огромный хлопчатобумажный платок, такой грубый и плотный, что, если бы вещь, укрытая им, была сделана из тонкой марли, кружев и цветов, она бы вся «изломалась», — так говорила Бетти. Но шляпка была сделана из прочной соломки, и только простая белая лента украшала ее, пробегая по верху тульи и заканчиваясь завязками. Кроме того, внутри были пришиты аккуратные маленькие рюши, каждую складочку которых Молли помнила. Разве не она сама пришивала их прошлым вечером с бесконечным усердием? И разве не было среди рюшей маленького голубого бантика, самого первого из украшений, которые Молли всегда надеялась носить?

Уже шесть часов! Звон церковного колокола известил об этом, призвав всех к дневным трудам, как это делалось сотни лет. Молли соскочила с кровати, прошлепала босыми ножками по комнате и сдернула платок, чтобы еще раз взглянуть на шляпку — символ наступившего счастливого дня. Потом подошла к окну и с некоторым усилием распахнула створки, впустив свежий утренний воздух. Роса уже сошла с цветов в саду, но еще поднималась с высокой травы на дальних лугах.

Перед девочкой раскинулся маленький городок Холлингфорд, на улице которого и стоял дом мистера Гибсона. Тонкими столбиками и небольшими клубами дым уже начал подниматься из труб в тех домах, где хозяйки встали и готовили завтрак для кормильцев семей.

Увидев все это, Молли Гибсон лишь подумала: «О, это будет прекрасный день! Я боялась, что он никогда, никогда не настанет. Или если он и настанет, то будет дождливым!» Сорок пять лет назад детские радости в провинциальном городке были очень простыми, и за двенадцать лет в жизни Молли не произошло ничего похожего на то, что должно было случиться сегодня. Бедное дитя! Правда, она потеряла мать, что изменило всю ее жизнь. Но об этом едва ли стоило упоминать. И, кроме того, она была слишком юна, чтобы осознать потерю. Но сегодня она впервые участвовала в ежегодном празднике в Холлингфорде, и это было то радостное событие, которого она так ждала.

Маленький, широко раскинувшийся городок плавно переходил в деревню, с одного края примыкавшую к сторожке огромного парка, где жили милорд и миледи Камнор, «граф» и «графиня», как их всегда называли жители городка. Там до сих пор сохранились феодальные взгляды и обычаи, которые сейчас, возможно, покажутся чудными, но которые в то время считали очень важными. Это было до того, как приняли парламентскую реформу, и время от времени между несколькими более просвещенными свободными землевладельцами, живущими в Холлингфорде, возникали либеральные разговоры. В графстве проживала большая семья тори, которая время от времени выставляла свою кандидатуру и соперничала на выборах с вигами — семьей Камнор. Можно было бы подумать, что вышеупомянутые либерально-мыслящие жители допускали возможность проголосовать за Хели-Харрисона, и таким образом постараться доказать свою независимость. Но ничего подобного. «Граф» был владельцем поместья и собственником большинства земель, на которых был построен Холлингфорд. Его самого и его домочадцев кормили, лечили и одевали добропорядочные жители города. Отцы их дедушек всегда голосовали за старшего сына из Камнор Тауэрс и, следуя наследственным курсом, каждый из простолюдинов отдавал свой голос за сеньора, совершенно независимо от таких фантастических новшеств, как политические взгляды.

В те дни, до постройки железных дорог, нередко случалось, что крупные землевладельцы имели полное влияние на своих незнатных соседей. И если могущественная семья пользовалась не только влиянием, но и уважением, как Камноры, это шло на благо краю. Помещики ожидали,

что им будут подчиняться и слушаться. Простодушное поклонение горожан воспринималось графом и графиней как должное. И они бы удивились и с ужасом вспомнили французских санкюлотов, которыми их пугали в юности, если бы нашелся житель Холлингфорда, осмелившийся настаивать на своем мнении, противоречащем графскому. Но, принимая это уважение как должное, они много делали для города и были обычно снисходительны, часто заботливы и добры в обращении со своими вассалами. Лорд Камнор был терпеливым хозяином. Порой, заняв место управляющего, он брал бразды правления в свои руки к большому неудовольствию своего поверенного, который, на самом деле, был слишком богат и независим, чтобы тревожиться о том, как бы сохранить должность. Тем более что его решения могли быть в любой момент отменены, если милорду снова приходило в голову «обжигать горшки» — как неуважительно отзывался об этом поверенный в стенах собственного дома. Это означало, что время от времени граф задавал вопросы своим арендаторам и сам улаживал малейшие вопросы относительно своей собственности. Но арендаторы больше любили милорда именно за эту его привычку. Лорд Камнор, конечно, большую часть времени проводил за болтовней, не вмешиваясь в отношения между управляющим имением и арендаторами. И тогда графиня возмещала своим недостижимым достоинством эту слабость графа. Раз в год она бывала снисходительной. Она и леди, ее дочери, основали школу. Не одну из школ нынешнего времени, где мальчикам и девочкам из рабочих семей дается намного лучшее образование, чем получили их родители, а школу, которую мы бы назвали «ремесленной», где девочек учили прекрасно шить, быть превосходными горничными, замечательными кухарками, делать реверансы и говорить «пожалуйста, мэм», а также опрятно одеваться в нечто вроде благотворительной формы, придуманной дамами из Камнор Тауэрс: в белые чепцы, белые палантины, клетчатые фартуки и синие платья.

Когда графиня покидала Тауэрс на достаточно большой срок, она с радостью заручалась поддержкой у дам Холлингфорда, чтобы они посещали школу те долгие месяцы, пока она со своими дочерьми отсутствует. И несколько свободных от дел дам из городка отозвались на призыв сеньоры и предложили ей свои услуги, а вместе с этим перешептывания и замысловатые восторги. «Как любезна графиня! Это так похоже на уважаемую графиню — всегда думать о других!» и так далее. Всегда считалось, что никто из приезжих не видел Холлингфорда должным образом, если не побывал в школе графини и не получил достаточно

впечатлений от опрятных маленьких учениц и их еще более аккуратного рукоделия. В свою очередь, каждое лето устраивался день почета, когда со всем великодушием и пышностью леди Камнор с дочерьми принимала всех школьных попечительниц в Тауэрсе, огромном семейном особняке, стоявшем в аристократическом уединении в центре огромного парка, одна из сторожек которого примыкала к городку. Порядок этого ежегодного праздника был таковым. Около десяти часов один из экипажей Тауэрса выезжал через сторожку и подъезжал к домам, где проживали женщины, удостоенные чести. Собрав их по одиночке или парами, заполненный экипаж возвращался через открытые ворота, проезжал по ровной, затененной деревьями дорожке и высаживал группу элегантно одетых дам у великолепной лестницы, ведущей к массивным дверям Камнор Тауэрс. Экипаж снова возвращался в городок. Снова собирал женщин, одетых в свои лучшие наряды, и снова возвращался, и так до тех пор, пока вся компания не собиралась в доме или в прекрасном парке. После того как с надлежащими демонстрациями с одной стороны и восхищениями с другой было покончено, гостям предлагали легкие закуски, после которых следовала еще одна порция показа и восхищения сокровищами в доме. К четырем часам приносили кофе, что служило сигналом о приближении экипажа, который должен был развезти дам по домам, куда они возвращались счастливые, что день проведен с пользой, и усталые от стараний не уронить свое достоинство и от долгих, высокопарных разговоров. Но ни леди Камнор, ни ее дочери также не были избавлены от подобного самовосхваления и от подобной усталости — усталости, что всегда сопровождает сознательное усилие угодить обществу, в котором живешь.

Впервые в жизни Молли Гибсон включили в число гостей Тауэрса. Она была слишком мала, чтобы оказаться в числе попечительниц школы, и должна была пойти не по этой причине. Так случилось, что однажды, когда лорд Камнор отправился «обжигать горшки», он столкнулся с мистером Гибсоном, соседским доктором, выходящим из дома фермера, когда туда входил милорд. И, желая расспросить доктора — лорд Камнор редко проходил мимо знакомых, не задав им какой-нибудь вопрос — он проводил мистера Гибсона до флигеля, где к кольцу, вделанному в стену, была привязана лошадь доктора. Молли ждала там отца, она сидела прямо и неподвижно на своем лохматом, маленьком пони. Она широко открыла серьезные глазки, заметив, что к ней приближается «граф». В ее детском воображении этот седовласый, краснолицый и слегка неуклюжий человек находился где-то между архангелом и королем.

– Ваша дочь, да, Гибсон? Прелестная маленькая девочка, сколько ей лет? Тем не менее, пони нуждается в чистке, — похлопывая лошадку, произнес он. — Как тебя зовут, моя дорогая? Он ужасно задолжает с рентой, как я говорил, но если он серьезно болен, я должен присмотреть за Шипшенксом, который не смыслит в делах. Чем он болен? Ты придешь на наши школьные посиделки в четверг, девочка... как твое имя? Не забудьте отослать ее или привезите сами, Гибсон. И передайте вашему конюху, я полагаю, что этого пони не подпаливали последний год, да? Не забудь про четверг, малышка... как тебя зовут? ... мы договорились, правда? — и граф поспешил уехать, провожаемый взглядом старшего сына фермера, стоявшего на другой стороне двора.

Мистер Гибсон сел на лошадь, и они с Молли поехали прочь. Несколько минут они не разговаривали. Потом она спросила взволнованным голосом:

– Можно я поеду, папа?

– Куда, моя дорогая? — спросил он, отвлекаясь от своих медицинских мыслей.

– В Тауэрс...в четверг, ты помнишь. Тот джентльмен — она не решилась назвать его титулом — пригласил меня.

– Тебе бы хотелось поехать, дорогая? Мне всегда казалось, что это довольно утомительное веселье...довольно утомительный день, я имею в виду, он начнется очень рано... жара и тому подобное.

– О, папа! — укоризненно воскликнула Молли.

– Тебе бы хотелось пойти, ведь, правда?

– Да, если можно! Он пригласил меня, ты ведь знаешь. Ты думаешь, что мне нельзя? Он дважды пригласил меня.

– Ну! Посмотрим... да! Я думаю, мы можем это устроить, если ты так хочешь, Молли.

Они снова помолчали. Чуть позже Молли сказала:

– Пожалуйста, папа... я очень хочу пойти... но мне все равно.

– Это довольно запутанная речь. Но полагаю, ты имеешь в виду, что ты не расстроишься, если не сможешь пойти туда. Тем не менее, я могу легко это устроить, поэтому можешь считать, что все устроено. Тебе понадобится белое платье, запомни. Тебе лучше сказать Бетти, что ты идешь, и она позаботится, чтобы ты выглядела опрятно.

Теперь мистеру Гибсону оставалось уладить два — три дела, чтобы Молли было вполне удобно явиться на праздник в Тауэрс, и каждое из этих дел требовало некоторых усилий с его стороны. Но ему очень хотелось доставить удовольствие своей маленькой девочке, поэтому на следующий

день он поехал в Тауэрс, якобы для того, чтобы навестить некую больную горничную, но в действительности, чтобы попасться на глаза миледи и получить от нее одобрение для Молли, приглашенной лордом Камнором. Он выбрал время с врожденной дипломатией, к которой ему часто приходилось прибегать, общаясь с великим семейством. Он приехал на конюшню около двенадцати часов, незадолго до завтрака, когда волнение после вскрытия корреспонденции и обсуждения ее содержимого уже поутихло. Привязав лошадь, он вошел через черный ход в дом. «Домом» назвалась постройка с тыльной стороны, тогда как с фасада она была «Тауэрсом». Он осмотрел пациентку, дал свои указания экономке и затем вышел с редким полевым цветком в руке, чтобы найти одну из леди Транмиэ в саду, где согласно его расчетам и надеждам, он столкнулся с леди Камнор; она то беседовала со своей дочерью о содержимом открытого письма, которое держала в руке, то давала указания садовнику, как высаживать растения.

- Меня позвали навестить Нэнни, и я воспользовался возможностью привезти леди Агнесс цветок, который, как я говорил ей, растет на болотах Камнора.

- Благодарю вас, мистер Гибсон. Мама, посмотри! Это *Drosera rotundifolia*, я так долго ее ждала.

- Ах, да! Мне кажется, очень мило, только я не ботаник. Нэнни лучше, я надеюсь? Мы не можем допустить, чтобы кто-нибудь слег на следующей неделе, поскольку в доме будет полно народу. Вот и Дэнби ждут предложить себя. Приезжаешь на две недели тишины после Троицына дня и оставляешь половину домочадцев в городе, но как только люди узнают о нашем пребывании здесь, мы без конца получаем письма, все желают подышать деревенским воздухом или посмотреть, как прекрасно выглядит Тауэрс весной. И я должна признать, лорд Камнор изрядно виноват во всем этом, поскольку как только мы приезжаем сюда, он объезжает всех соседей и приглашает их приехать и провести здесь несколько дней.

- Мы вернемся в город 18-го, в пятницу, — утешительно произнесла леди Агнес.

- Ах, да! Как только мы закончим дело с попечителями школы. Но до этого счастливого дня осталась неделя.

- Кстати! — сказал мистер Гибсон, пользуясь представившимся неплохим началом. — Я встретил вчера милорда у фермы Кросс Триз, и он был так любезен, что пригласил мою маленькую дочь, которая была со мной, на праздник в четверг. Я уверен, моей дочурке это доставило бы огромное удовольствие, — он замолчал, ожидая ответа леди Камнор.

– Ну, хорошо! Если милорд пригласил ее, полагаю, она должна прийти, но мне бы не хотелось, чтобы он был так чересчур радушен! Но все же маленькой девочке будут вполне рады. Только, понимаете, на днях он встретил младшую мисс Браунинг, о чьем существовании я даже не слышала.

– Она навещается в школу, мама, — заметила леди Агнес.

– Что ж, возможно, и так. Я и не говорила, что нет. Я знала, что одну из попечительниц звали Браунинг. Я не знала, что их две, но, конечно, как только лорд Камнор узнал, что есть другая, ему понадобилось пригласить ее. Поэтому теперь экипаж придется посылать туда и обратно четыре раза, чтобы доставить всех. Ваша дочь, мистер Гибсон, может без труда приехать, и я буду очень рада видеть ее ради вас. Полагаю, она может ехать, втиснувшись между Браунингами? Договоритесь с ними об этом. И не забудьте, Нэнни должна быть на ногах на следующей неделе.

Когда мистер Гибсон уже собрался уходить, леди Камнор окликнула его:

– О, между прочим, Клэр здесь. Вы помните Клэр, не так ли? Когда-то она была вашей пациенткой.

– Клэр!? — повторил он в замешательстве.

– Разве вы не помните ее? Мисс Клэр, наша бывшая гувернантка, — сказала леди Агнес. — Около двенадцати — четырнадцати лет назад, до того, как леди Куксхавен вышла замуж.

– Ах, да! — ответил он. — Мисс Клэр, у которой была скарлатина. Очень милая вежливая девушка. Но я думал, она вышла замуж!

– Да! — сказала леди Камнор. — Она была глупой барышней и не знала, как ей повезло. Мы все ее очень любили, несомненно.

Она уехала и вышла замуж за бедного викария, став глупой миссис Киркпатрик. Но мы всегда называли ее Клэр. А теперь он умер, оставив ее вдовой, и она осталась здесь. А мы ломаем головы, чтобы найти способ помочь ей с жалованьем, не разлучая ее с ребенком. Она где-то в саду, если вы хотите возобновить ваше знакомство с ней.

– Благодарю вас, миледи. Боюсь, сегодня я не могу задерживаться. Мне нужно далеко ехать. Боюсь, я и так надолго задержался.

После долгой поездки в тот день он заехал вечером к барышням Браунинг, договориться о том, чтобы Молли составила им компанию в Тауэрс. Это были высокие, статные женщины далеко не первой молодости, склонные оказать крайнее почтение вдовствующему доктору.

– Боже мой! Мистер Гибсон, мы будем рады взять ее с собой. Вам даже не стоило просить нас о подобных вещах, — воскликнула старшая

мисс Браунинг.

– Право, я едва сплю ночами, думая об этом, — сказала мисс Фиби. — Знаете, я никогда не бывала там прежде. Сестру приглашали много раз, но, хотя мое имя было в списках посетителей последних три года, графиня никогда не упоминала меня в своей записке. А я, знаете ли, не могла обратить на себя внимание и пойти в такое величественное место без приглашения. Как я могла?

– Я говорила Фиби в прошлом году, — заметила ее сестра, — что, без сомнения, это была невнимательность со стороны графини, если можно так это назвать, и что ее светлость будет обижена, как и любой другой, не увидев Фиби среди посетителей школы. Но Фиби очень деликатна, как вы видите, мистер Гибсон. И, несмотря на все то, что я сказала, она не пошла и осталась дома. Все мое удовольствие улетучилось, уверяю вас, вспомнив, какое лицо было у Фиби за занавеской, когда я уезжала. В ее глазах стояли слезы, поверьте мне.

– Я поплакала вволю после того, как ты уехала, Салли, — добавила мисс Фиби, — но, несмотря на это, я думаю, что поступила правильно, отказавшись поехать туда, куда меня не приглашали. Разве нет, мистер Гибсон?

– Несомненно, — ответил он. — Видите, в этом году вы едете, а в прошлом году шел дождь.

– Да, я помню! Я принялась наводить порядок в ящиках, чтобы приободрить себя. Я так была увлечена этим занятием, что вздрогнула, услышав, как капли дождя застучали в оконное стекло. «Боже мой! — сказала я себе, — что станет с белыми атласными туфлями моей сестры, если ей придется ходить по мокрой траве после такого дождя?» Видите, я много думала о том, что ей бы не помешала пара элегантных туфель. А в этом году она едет и подарила мне белую атласную пару, на удивление, такую же элегантную, как и ее.

– Молли узнает, что ей следует надеть лучшее платье, — сказала мисс Браунинг. — Мы, возможно, могли бы одолжить ей бусы или искусственные цветы, если потребуется.

– Молли должна идти в чистом белом платье, — довольно поспешно возразил мистер Гибсон, поскольку его не восхищала манера барышень Браунинг одеваться, и он не желал, чтобы его дитя наряжалось по их капризу. Он отдавал должное вкусу своей старой служанки Бетти, как более правильному, поскольку ее вкус был очень простым. В тоне, которым, вставая, ответила мисс Браунинг, послышалась досада:

– О! Очень хорошо. Это вполне справедливо, несомненно.

Но мисс Фиби сказала:
– Молли, без сомнения, будет выглядеть очень красиво, чтобы она ни надела.

Глава II

Новичок среди «высшего света»

В десять часов в знаменательный четверг экипаж из Тауэrsa начал свою работу. Молли была одета задолго до того, как он сделал свой первый рейс, хотя было решено, что она и барышни Браунинг должны уехать лишь с последним, четвертым. Ее лицо намылили, оттерли, и оно сияло чистотой. Оборки, платье и ленты — все было белоснежным. Она надела черный элегантный плащ, принадлежавший ее матери, он был отделан богатым кружевом и выглядел на ребенке причудливо и старомодно. Впервые в жизни Молли надела лайковые перчатки, прежде она носила только хлопчатобумажные. Перчатки были слишком велики для маленьких пухлых пальчиков, но раз Бетти сказала, что они должны прослужить несколько лет, все было хорошо. Девочка сильно дрожала и ослабела от долгого ожидания. Бетти могла бы повторить свою любимую поговорку — «кто над чайником стоит, у того он не кипит». Молли, не переставая, всматривалась, не появился ли экипаж из-за поворота, и спустя два часа он, наконец, прибыл за ней. Ей пришлось сидеть на самом краю, чтобы не помять новые платья барышень Браунинг, и к тому же не слишком наклоняться вперед из боязни стеснить тучную миссис Гудинаф [1] и ее племянницу, занимавших переднее сиденье экипажа. Молли было трудно и неловко сидеть в таком положении, и она чувствовала себя так, словно ее посадили в самом центре экипажа на обозрение всему Холлингфорду. Обыденный распорядок жизни маленького городка был нарушен праздником. Служанки высунулись из верхних окон, жены лавочников стояли на пороге, обитатели коттеджей высыпали на улицу с детьми на руках, а детишки, слишком маленькие, чтобы знать, как вежливо вести себя при виде графского экипажа, весело кричали «ура», пока он проезжал мимо.

Привратница придержала распахнутые ворота и низко присела в реверансе перед ливрейными слугами. И вот они уже в Парке; вот показался Тауэрс, и все леди в экипаже вдруг замолчали, лишь слабое восклицание приезжей племянницы миссис Гудинаф нарушило тишину,

когда они подъехали к двойному полукруглому пролету лестницы, ведущей к дверям особняка.

– Я полагаю, это называют «подъездом», не так ли? — спросила она. Но единственное, что услышала в ответ, было всеобщее «тс-с». Молли подумала, что это было просто ужасно, и уже почти пожелала снова оказаться дома. Но позднее она позабыла обо всем, когда вся компания отправилась на прогулку по прекрасному парку, ничего подобного Молли просто не могла себе представить. Зеленые бархатные лужайки, купающиеся в солнечном свете, переходили в густой лес. Если межи и низкие изгороди и разделяли мягкое, освещенное солнцем пространство травы, а за деревьями скрывался темный сумрак, то Молли не видела этого, а незаметный переход изящно подстриженных кустов в дикие заросли имел для нее необъяснимую прелесть. Рядом с домом возвышались изгороди, их покрывали вьющаяся роза, буйно цветущая жимолость и другие ползучие растения. Повсюду были клумбы: алые, малиновые, голубые, оранжевые россыпи цветов. Молли крепко держалась за руку мисс Браунинг, прогуливаясь в компании других леди, их возглавляла дочь владельцев Тауэrsa, которую, казалось, забавляли многоречивые возгласы восхищения, что раздавались при приближении к каждому новому месту. Молли молчала, как подобало ее возрасту и положению, но то и дело глубоко вздыхала, успокаивая свое переполненное впечатлениями сердечко. Спустя несколько минут они подошли к длинному, сверкающему ряду оранжерей и парников, где садовник уже был готов принять гостей. Тепличные растения интересовали Молли в половину меньше, чем цветы на открытом воздухе. Но у леди Агнес был более научный вкус, она распространялась то об этом редком цветке, то о способе разведения того растения, пока Молли не почувствовала усталость, а позднее — сильную слабость. Какое-то время она боялась заговорить, но, наконец, испугавшись, что наделает больше шума, если начнет плакать или упадет прямо на этажерку с дорогими цветами, она схватила мисс Браунинг за руку и задыхаясь, произнесла:

– Можно, я выйду обратно в сад? Я не могу здесь дышать!

– О, да, конечно, дорогая. Думаю, тебе сложно это понять, милая. Но это прекрасно и очень поучительно, к тому же много латинских слов.

Она поспешно отвернулась, чтобы не пропустить ни единого слова из лекции леди Агнес об орхидеях, а Молли повернулась и вышла из душной оранжереи. На свежем воздухе она почувствовала себя лучше. Никем незамеченная и свободная девочка шла от одного красивого места к другому — вот она в открытом парке, вот — в закрытом цветнике, где

тишину нарушали только пение птиц и шум капель фонтана в центре, а верхушки деревьев образовывали купол в голубом июньском небе. Она бродила, не осознавая, где находится, как бабочка, что перелетает с цветка на цветок, пока, наконец, не устала, и ей не захотелось вернуться в дом. Но она не знала, как это сделать, и, лишившись защиты мисс Браунинг, боялась столкнуться с незнакомыми людьми. Солнце напекло ей голову, и она начала болеть. Молли увидела огромный, широко раскинувшийся кедр на пригорке лужайки, к которой направлялась, темный покой под его ветвями манил ее к себе. В тени дерева стояла грубая скамейка, уставшая Молли уселась на нее и тут же уснула.

Спустя какое-то время она очнулась от дремоты и вскочила на ноги. Возле нее стояли две леди и говорили о ней. Они были совершенно ей незнакомы, и из-за смутного убеждения, что она сделала что-то не так, а так же потому, что была изнурена голодом, усталостью и утренним волнением, Молли начала плакать.

– Бедная девочка! Она потерялась. Я уверена, что она приехала с кем-то из Холлингфорда, — сказала старшая леди, коей на вид было около сорока, хотя на самом деле ей было не больше тридцати. У нее были простые черты и довольно строгое выражение лица. Ее платье было настолько дорогим, насколько может быть утреннее платье. Ее голос был глухим и невыразительным, в низших слоях общества его называли бы грубым, но так не стоит говорить о леди Куксхавен, старшей дочери графа и графини. Вторая леди выглядела намного моложе, но в действительности она была старше на несколько лет. С первого взгляда Молли решила, что это — самая красивая женщина из всех, что она видела. Когда она отвечала леди Куксхавен, ее голос был мягким и печальным:

– Бедняжка! Она измучена жарой, без сомнения — и к тому же на ней такая тяжелая соломенная шляпка! Позволь мне развязать ее, милая.

Молли обрела дар речи и произнесла: «Я — Молли Гибсон, с вашего позволения. Я приехала с мисс Браунинг», — из страха, что ее примут за незваную посетительницу.

– Мисс Браунинг? — переспросила леди Куксхавен у своей компаньонки.

– Я думаю, это те две высокие молодые девушки, о которых говорила леди Агнес.

– О, возможно. Я поняла, она многих опекает, — затем, снова взглянув на Молли, она спросила: — Ты что-нибудь ела, дитя, как приехала сюда? Ты выглядишь очень бледной, или это из-за жары?

– Я ничего не ела, — довольно жалобно ответила Молли, поскольку и

правда, перед тем, как заснуть, была очень голодна.

Обе леди разговаривали друг с другом очень тихо. Затем старшая сказала властным голосом, как всегда разговаривала с другими:

– Посиди здесь, моя дорогая. Мы пойдем в дом, и Клэр принесет тебе что-нибудь поесть, прежде чем ты пойдешь обратно. По крайней мере, это около четверти мили.

Когда они ушли, Молли села прямо, ожидая обещанную посланницу. Она не знала, кто такая Клэр, и не слишком хотела есть, но чувствовала, что не может идти без посторонней помощи. Наконец, она увидела, что красивая леди возвращается, а за ней лакей несет маленький поднос.

– Посмотри, как добра леди Куксхавен, — сказала та, которую звали Клэр. — Она приготовила этот ланч для себя. А теперь ты должна постараться его съесть, тебе станет лучше, дорогая... Вам не нужно оставаться, Эдвардс. Я сама принесу поднос.

На подносе лежали хлеб, холодный цыпленок, желе, бокал вина, бутылка шипучей воды и гроздь винограда. Молли протянула руку за водой, но была слишком слаба, чтобы удержать ее. Клэр поднесла бутылку к ее рту, и Молли, сделав большой глоток, освежилась. Она попыталась есть, но не смогла. Ее голова очень болела. Клэр была в замешательстве.

– Съешь немного винограда, он пойдет тебе на пользу. Ты должна постараться что-нибудь съесть, или я не знаю, как отправить тебя домой.

– У меня сильно болит голова, — сказала Молли, с трудом поднимая тяжелые веки.

– Боже, как утомительно! — произнесла Клэр тем же приятным, нежным голосом, она вовсе не была рассержена, а лишь высказала очевидное.

Молли почувствовала себя очень виноватой и несчастной. Клэр продолжила с оттенком резкости в голосе:

– Пойми, я не знаю, что с тобой делать, если ты не съешь достаточно, чтобы набраться сил и пойти домой. А я эти три часа бродила по парку, устала, пропустила свой ланч и прочее, — затем, словно ее осенила какая-то мысль, она добавила: — Ты полежишь на этой скамье несколько минут и постарайся съесть виноград, а я подожду тебя и тем временем съем что-нибудь. Ты точно не хочешь цыпленка?

Молли сделала так, как ей сказали, откинувшись назад, она вяло щипала виноград и наблюдала, с каким здоровым аппетитом леди проглотила курицу, желе и выпила бокал вина. Она была так мила и так элегантна в своем глубоком трауре, что даже то, как торопливо она ела, словно боялась, что кто-нибудь придет и захватит ее врасплох, не мешало

маленькой зрительнице восхищаться ею.

— Ну вот, дорогая, ты готова идти? — спросила она, съев все, что было на подносе. — Поднимайся, ты почти съела виноград, вот умница. Теперь, если ты пойдешь со мной к боковому входу, я проведу тебя в свою комнату, и ты приляжешь на час или два. А если вздремнешь, твоя головная боль пройдет.

Так они и отправились — Клэр несла пустой поднос к стыду Молли, но девочка с большим трудом переставляла ноги и боялась, что ее попросят сделать что-нибудь еще. «Боковой вход» представлял собой ряд ступенек, ведущих из закрытого цветника в отдельный, застланный коврами холл или вестибюль, куда выходило много дверей, за которыми хранили легкий садовый инструмент, а также луки и стрелы молодых леди из особняка. Леди Куксхавен, должно быть, заметила, что они идут, поскольку встретила их в этом холле, как только они вошли.

— Как она сейчас? — спросила леди и, взглянув на тарелки и бокалы, добавила: — Право же, я думаю, ей не может быть слишком дурно. Вы прежняя добрая Клэр, но вы должны были позволить кому-нибудь из слуг отнести этот поднос. В такую погоду, как сегодня, это слишком хлопотно.

Молли не могла не пожелать, чтобы ее милая компаньонка призналась леди Куксхавен в том, что это она сама помогла съесть обильный ланч. Но такая мысль, казалось, даже не могла прийти той в голову. Она лишь сказала:

— Бедняжка! Она еще чувствует себя не совсем здоровой. Она говорит, у нее болит голова. Я собираюсь уложить ее на свою кровать, может, она сможет немного поспать.

Молли заметила, как леди Куксхавен, улыбаясь, что-то сказала «Клэр» мимоходом. И девочка мучилась, вообразив, что прозвучавшие слова были поразительно похожи на «объелась, я полагаю». Однако она чувствовала себя слишком плохо, чтобы долго волноваться об этом. Небольшая белая кровать в прохладной и красивой комнате так и манила преклонить больную голову. Муслиновые занавески мягко колыхались от наполненного ароматом ветерка, что проникал в комнату через распахнутое окно. Клэр укрыла Молли легкой шалью и задернула занавески. Когда она выходила, Молли приподнялась и сказала:

— Пожалуйста, мэм, не позволяйте им уехать без меня. Пожалуйста, попросите кого-нибудь разбудить меня, если я усну. Я должна вернуться домой с мисс Браунинг.

— Не беспокойся об этом, дорогая. Я обо всем позабочусь, — ответила Клэр, оборачиваясь у двери и посылая воздушный поцелуй немного

встревоженной Молли. Затем она ушла и больше о ней не вспомнила. Экипажи прибыли в половину четвертого, подгоняемые леди Камнор, которая вдруг устала от приема гостей и которой стали досаждать многократные неразборчивые восхищения.

– Почему не отправить сразу два экипажа, мама, и избавиться от них всех сразу? — спросила леди Куксхавен. — Эта поездка частями — самое утомительное, что можно представить.

Поэтому, в конце концов, возникла большая спешка и беспорядочное выпроваживание всех и сразу. Старшая мисс Браунинг уехала в коляске, или «фойтоне», как называла его леди Камнор, это слово рифмовалось с именем ее дочери, леди Хойот, или Хэрриэт, как было записано в Книге пэров. А мисс Фиби вместе с другими гостями отбыла в огромном, просторном семейном экипаже, подобие которого мы сейчас называем «омнибусом». Каждая думала, что Молли Гибсон уехала с другой, а правда была в том, что она спала на кровати миссис Киркпатрик — миссис Киркпатрик, девичья фамилия которой была Клэр.

В комнату зашли прибраться горничные. Их разговор разбудил Молли, она села на кровати, попыталась откинуть назад волосы с горячего лба и вспомнить, где находится. Она спустилась на пол у спинки кровати к изумлению женщин и спросила:

– Пожалуйста, когда мы уедем?

– Господи, спаси и помилуй! Кто бы мог подумать, что на кровати кто-то есть. Ты одна из Холлингфордских леди, моя милая? Все они уехали более часа назад!

– Боже мой, что я буду делать? Та леди, которую звали Клэр, обещала разбудить меня вовремя. Папа будет очень беспокоиться, где я, и я не знаю, что скажет Бетти.

Девочка начала плакать, горничные смотрели друг на друга в замешательстве и с сочувствием. И тут услышали в коридоре приближающиеся шаги миссис Киркпатрик. Она напевала какой-то итальянский мотив низким мелодичным голосом, направляясь в свою комнату, чтобы переодеться к обеду. Одна служанка сказала другой, многозначительно посмотрев:

– Лучше оставить ее здесь, — и они пошли работать в другие комнаты.

Миссис Киркпатрик открыла дверь и замерла в замешательстве, увидев Молли.

– Боже, я совсем про тебя забыла! — произнесла она, наконец. — Нет, не плачь. У тебя будет ужасный вид. Конечно, я должна ответить за то, что

ты проспала, и если мне не удастся отправить тебя сегодня в Холлингфорд, ты будешь спать со мной, и мы сделаем все, что в наших силах, чтобы завтра утром ты уехала домой.

— Но папа! — рыдала Молли. — Он всегда хочет, чтобы я приготовила для него чай. И у меня нет одежды для сна.

— Ну, перестань оплакивать то, чему сейчас нельзя помочь. Я одолжу тебе ночную одежду, а твоему папе придется обойтись без твоего чая сегодня вечером. В следующий раз не засыпай в чужом доме. Ты не всегда можешь оказаться среди таких гостеприимных людей, как те, что живут здесь. Ну вот, если ты не плачешь, приведи себя в порядок, я спрошу, можно ли тебе спуститься к десерту с мастером Смайтом и маленькими леди. Ты пойдешь в детскую и выпьешь с ними чаю. Затем ты должна вернуться сюда, причесаться и привести себя в порядок. Я думаю, это просто замечательно, что ты находишься в таком роскошном доме. Многие маленькие девочки ничего лучшего не желали бы.

Произнося эту речь, она переодевалась к обеду — сняла свое черное утреннее платье, надела домашний халат, распустила по плечам длинные, мягкие золотисто-каштановые волосы и оглядела комнату в поисках предметов одежды; льющийся непринужденный поток слов не умолкал ни на минуту.

— У меня есть маленькая девочка, дорогая. Она все бы отдала, лишь бы остаться со мной в доме лорда Камнора. Но вместо этого ей приходится проводить каникулы в школе. И все же ты выглядишь такой несчастной при мысли, что проведешь здесь ночь. Я, действительно, была занята с этими утомительными... этими добропорядочными леди, я имею в виду, из Холлингфорда... нельзя сразу думать обо всем.

Молли была всего лишь ребенком, она прекратила плакать, как только упомянули маленькую девочку миссис Киркпатрик, и теперь осмелилась спросить:

— Вы замужем, мэм? Я думала, вас зовут мисс Клэр.

Миссис Киркпатрик, находясь в хорошем настроении, ответила:

— Я не выгляжу замужней женщиной, правда? Все удивляются. И, тем не менее, я уже семь месяцев, как вдова. А у меня ни одного седого волоса, хотя у леди Куксхавен, которая моложе меня, их много.

— Почему вас зовут «Клэр»? — продолжила Молли, находя ее такой приветливой и общительной.

— Потому что я жила с ними, когда была мисс Клэр. Красивое имя, правда? Я вышла замуж за мистера Киркпатрика. Он был всего лишь викарием, бедняга. Но он был из очень хорошей семьи, и если бы трое из

его родственников умерли бездетными, я стала бы женой баронета. Но провидение распорядилось иначе, и мы должны всегда покоряться тому, что нам определено. Двое из его кузенов женились, у них были огромные семьи, а бедный дорогой Киркпатрик умер, оставив меня вдовой.

– Но у вас есть маленькая девочка? — спросила Молли.

– Да, моя милая Синтия. Как бы мне хотелось увидаться с ней, она мое единственное утешение. Если у меня будет время, я покажу тебе ее портрет, когда мы пойдем спать. Но сейчас я должна идти. Не стоит заставлять леди Камнор ждать ни минуты, она попросила меня спуститься рано, чтобы помочь с гостями. Сейчас я позвоню в этот колокольчик, и когда придет горничная, попроси ее проводить тебя в детскую и объяснить няне леди Куксхавен, кто ты такая. Затем ты выпьешь чаю с маленькими леди и спустишься с ними к десерту. Вот! Мне жаль, что ты проспала и осталась здесь. Но поцелуй меня и не плачь — ты, и, правда, очень милый ребенок, хотя у тебя нет характера Синтии. О, Нэнни, будь так добра, отведи эту молодую леди... как твое имя, моя милая? Гибсон?.. мисс Гибсон к миссис Дайсон, в детскую, и попроси позволить ей выпить чаю с молодыми леди и отправить ее вместе с ними на десерт. Я все объясню миледи.

Лицо Нэнни просияло, как только она услышала имя Гибсон и, удостоверившись у Молли, что та — дочь доктора, она выказала большую готовность выполнить просьбу миссис Киркпатрик, чем обычно.

Молли была услужливой девочкой и любила детей. Поэтому, оказавшись в детской, она прекрасно с ними поладила, повинаясь желаниям верховной власти, и даже оказалась очень полезной миссис Дайсон, играя в кубики и занимая малыша, пока его братья и сестры наряжались в яркие наряды — кружева и муслин, бархат и широкие блестящие ленты.

– Теперь, мисс, — сказала миссис Дайсон, когда ее необычные подопечные были готовы, — что я могу сделать для вас? У вас нет с собой другого платья, ведь так?

Нет, конечно, нет, но даже если бы у нее и было другое платье, то было бы оно элегантнее сшито, чем ее платье из белого плотного канифаса? Поэтому она только вымыла лицо и руки и покорила тому, что няня причесала и надушила ее волосы. Молли думала, что лучше бы ей провести всю ночь в парке и спать под прекрасным безмолвным кедром, чем подвергаться суровому испытанию «спуститься к десерту», который явно расценивался и детьми, и нянями, как главное событие дня. Наконец, лакей передал требование спуститься, и миссис Дайсон в шуршащем

шелковом платье, выстроив свою процессию, поплыла к двери столовой.

В ярко освещенной комнате за роскошно накрытым столом сидела большая компания джентльменов и леди. Каждый знатный ребенок подбежал к своей матери, тете или какому-то знакомому. Но Молли не к кому было идти.

– Что это за высокая девочка в плотном белом платье? Полагаю, она не из детей этого дома.

Леди, которая произнесла эти слова, надела монокль, уставилась на Молли и через мгновение воскликнула:

– Думаю, она француженка. Я помню, леди Куксхавен искала такую, чтобы она воспитывалась с ее маленькими девочками, и у них с ранних лет было хорошее произношение. Бедняжка, она выглядит такой дикой и странной!

И говорившая дама, которая сидела рядом с лордом Камнором, сделала Молли знак подойти. Молли медленно подошла к ней, как к первой спасительнице, но когда леди начала говорить с ней по-французски, она сильно покраснела и произнесла очень тихо:

– Я не понимаю по-французски. Я всего лишь Молли Гибсон, мэм.

– Молли Гибсон! — повторила леди громко, словно объяснения было недостаточно.

Лорд Камнор услышал это восклицание.

– Ого! — сказал он. — Ты та маленькая девочка, что спала на моей кровати?

Он подражал низкому голосу сказочного медведя, что задает этот вопрос маленькой девочке из сказки. Но Молли никогда не читала «Трех медведей» [2] и вообразила, что он разозлился по-настоящему. Она задрожала и приблизилась к доброй леди, подозвавшей ее, как к спасительнице. Лорд Камнор очень любил доводить до крайности все, что он считал шуткой. Поэтому, все то время, пока леди находились в комнате, он направлял все свои остроты на Молли, намекая то на Спящую красавицу, то на Семерых спящих[3] и на других известных сонь, что пришли ему на ум. Он не представлял, какие страдания причиняют его шутки впечатлительной девочке, которая уже считала себя несчастной грешницей за то, что продолжала спать, когда должна была проснуться. Если бы Молли имела привычку соображать, что к чему, она бы смогла найти для себя извинение, вспомнив, что миссис Киркпатрик клятвенно обещала разбудить ее вовремя. Но все мысли девочки были о том, как она нежеланна в этом роскошном доме, как она, должно быть, кажется беспечной незваной гостьей, которой здесь нечего делать. Пару раз она

размышляла, где может быть ее отец, скучает ли он по ней, но при мысли о семейном счастье дома у нее так сдавливало горло, и она понимала, что не должна уступать ей из опасения расплакаться. Подсознательно она понимала, что раз уж она осталась в Тауэрссе, то лучше доставлять меньше беспокойства, тогда можно дольше оставаться незаметной.

Она вышла вместе с дамами из комнаты, почти надеясь, что никто ее не увидит. Но это оказалось невозможным, и она незамедлительно стала предметом разговора между ужасной леди Камнор и ее доброй соседкой за обедом.

– Вы знаете, когда я впервые ее увидела, я подумала, что эта молодая леди — француженка. У нее черные волосы и ресницы, серые глаза и цвет лица такой, какой можно встретить в некоторых частях Франции. И я знала, что леди Куксхавен пытается найти хорошо образованную девушку, которая могла бы стать славной компаньонкой ее детям.

– Нет! — ответила леди Камнор, которая на взгляд Молли выглядела очень суровой. — Она дочь нашего врача в Холлингфорде. Она приехала вместе со школьными попечителями сегодня утром, жара сморила ее, и она уснула в комнате Клэр и как-то умудрилась проспять и не проснулась, пока экипажи не уехали. Мы отошлем ее домой завтра утром, но сегодня вечером она должна остаться здесь, и Клэр настолько добра, что позволила ей спать в своей постели.

В этих словах слышалось скрытое осуждение, и Молли почувствовала себя как на иголках. В эту минуту вошла леди Куксхавен. Ее низкий голос и манера говорить были такими же резкими и властными, как у матери, но Молли подспудно чувствовала ее доброту.

– Как ты теперь себя чувствуешь, моя дорогая? Ты выглядишь лучше, чем тогда, под кедром. Значит, тебе придется остаться здесь на ночь? Клэр, вам не кажется, что мы могли бы найти несколько книг с гравюрами, которые заинтересуют Молли Гибсон.

Миссис Киркпатрик, плавно двигаясь, подошла к тому месту, где стояла Молли, и начала осыпать ее ласками, произнося приятные слова, пока леди Куксхавен, перебирая тяжелые тома, искала тот, который мог бы заинтересовать девочку.

– Бедняжка! Я видела, какой робкой ты выглядела, входя в гостиную. Мне хотелось, чтобы ты подошла ко мне, но я не могла подать тебе знак, потому что лорд Куксхавен говорил со мной в тот момент, рассказывая о своих путешествиях. А, вот прекрасная книга — Портреты Лоджа. Сейчас я сяду с тобой рядом и расскажу тебе о них. Не беспокойтесь больше, дорогая леди Куксхавен. Я позабочусь о ней. Прошу, оставьте меня с ней.

Молли еще больше разволновалась, когда последние слова достигли ее слуха. Если бы только они оставили ее в покое и не утруждали себя быть добрыми с ней, «не беспокоились» бы о ней! Слова миссис Киркпатрик, казалось, охладили ту признательность, которую Молли испытывала к леди Куксхавен за поиски книги, что могла бы развлечь ее. Несомненно, она причинила им беспокойство, и ей не следовало быть здесь.

Вскоре миссис Киркпатрик позвали аккомпанировать пению леди Агнес. И тогда у Молли появились несколько минут, которые она смогла провести в свое удовольствие. Незаметно она оглядела комнату и убедилась, что ни одно из помещений в Доме короля[4] не могло быть таким роскошным и величественным. Огромные зеркала, бархатные занавеси, картины в позолоченных рамах, множество ослепительных огней украшали обширную залу, где было полно леди и джентльменов, одетых в пышные наряды. Вдруг Молли вспомнила о детях, с которыми она спускалась в гостиную, и к классу которых она, оказывается, принадлежала... где они? Отправились спать час назад по молчаливому знаку своей матери. Молли размышляла, может ли она тоже уйти... если сможет найти дорогу в свое прибежище — спальню миссис Киркпатрик. Но она сидела далеко от двери, вдали от миссис Киркпатрик, которой она принадлежала больше, чем кому бы то ни было еще. Слишком далеко от леди Куксхавен и ужасной леди Камнор, и ее любящего пошутить и добродушного лорда. Поэтому Молли сидела и листала рисунки, которых еще не видела. На сердце у нее становилось все тяжелее и тяжелее от одиночества среди всей этой роскоши. Через некоторое время в комнату вошел лакей и, немного оглядевшись, подошел к миссис Киркпатрик, которая сидела за пианино в центре музыкальной группы, готовая аккомпанировать любому, желавшему спеть, и мило улыбалась, охотно отзываясь на все просьбы. Она прошла к Молли, в ее уголок, и сказала ей:

– Ты знаешь, дорогая, твой папа приехал за тобой и привел с собой пони, чтобы ты поехала домой. Значит, я буду лишена моей маленькой соседки по кровати, так как думаю, что ты должна ехать.

Ехать! Раздумывала ли Молли, вставая, дрожа, светясь, готовая вот-вот расплакаться? Следующие слова миссис Киркпатрик вернули ее на землю.

– Знаешь, моя дорогая, ты должна подойти и пожелать леди Камнор доброй ночи и поблагодарить ее светлость за доброту к тебе. Вот она, возле этой статуи, разговаривает с мистером Кортни.

Да! Она стояла там — в сорока футах — и в сотнях милях! Нужно пересечь это пустое пространство, а затем произнести речь!

– Я должна пойти? — спросила Молли самым жалостливым и умоляющим голосом.

– Да, поспеши. В этом нет ничего страшного, правда? — ответила миссис Киркпатрик, немного резче, чем прежде, понимая, что ее ждут за пианино, и, беспокоясь о том, как бы побыстрее сбыть девочку с рук.

Молли постояла минуту, затем, посмотрев на нее, сказал тихо:

– Вы не будете так добры пойти со мной?

– Да, конечно, — ответила миссис Киркпатрик, понимая, что, согласившись, она быстрее покончит с этим делом. Поэтому она взяла Молли за руку и, проходя мимо группы гостей у пианино, улыбнулась и произнесла со своей милой учтивостью:

– Наша маленькая подруга робкая и скромная, и желает, чтобы я проводила ее к леди Камнор пожелать доброй ночи. Ее отец приехал за ней, и она уезжает.

Молли не знала, как это произошло, но, услышав эти слова, она выдернула свою руку из руки миссис Киркпатрик, и, шагая на шаг или два впереди, подошла к леди Камнор, величественной в пурпурном бархате, и, присев в реверансе, наподобие школьницы, сказала:

– Миледи, приехал мой папа, и я уезжаю. И, миледи, я желаю вам доброй ночи и благодарю вас за вашу доброту. Доброту вашей светлости, я имею в виду, — сказала она, поправив себя, вспомнив подробные наставления мисс Браунинг о принятом у графов, графинь и их благородного потомства этикете, которые те давали ей утром по дороге в Тауэрс.

Не помня, как, она вышла из залы и позднее вспомнила, что не пожелала доброй ночи ни леди Куксхавен, ни миссис Киркпатрик, ни «всем остальным», как непочтительно она именovala их в своих мыслях.

Мистер Гибсон ждал в комнате экономки, когда туда вбежала Молли, приведя в замешательство почтенную миссис Браун. Молли бросилась отцу на шею.

– О, папа, папа, папа! Я так рада, что ты приехал, — а затем расплакалась, лаская его лицо почти в истерике, словно для того, чтобы увериться, что он здесь.

– Ну, какая ты глупышка, Молли! Ты подумала, что я оставлю мою маленькую девочку жить в Тауэрсе всю оставшуюся жизнь? Ты поднимаешь столько шума по поводу моего приезда, словно думала, что я мог так поступить. Поторопись же, надень свою шляпку. Миссис Браун, можно попросить у вас шаль, плед или какое-нибудь одеяло, чтобы обернуть вокруг нее юбкой?

Он не упомянул, что приехал домой после длительной поездки не более получаса назад, поездки, из которой он вернулся уставшим и голодным. Но, узнав, что Молли еще не вернулась из Тауэrsa, он заехал на своей уставшей лошади к барышням Браунинг и нашел их занятых самобичеванием и в безудержном волнении. Он не стал ждать их слезных извинений, он поскакал домой, сменил лошадь, оседлал для Молли пони, и хотя Берри прокричал доктору вдогонку о юбке для верховой езды, когда он не отъехал и десяти ярдов от конюшни, мистер Гибсон отказался возвращаться и уехал, как выразился конюх Дик, «ужасно ворча на себя».

Миссис Браун успела выпить вина и съесть кусочек кекса до того, как Молли вернулась из своего долгого путешествия в комнату миссис Киркпатрик, «почти рядом, в четверти мили отсюда», как просветила экономка нетерпеливого отца, пока он ждал, когда спустится его дитя, одетое в свой утренний наряд, с которого сошел лоск новизны. Мистер Гибсон был любимцем у всех придворных Тауэrsa, как и все семейные доктора, что обычно приносят надежду облегчения в часы тревог и страданий. И миссис Браун, страдающей подагрой, в особенности доставляло большое удовольствие опекать его всякий раз, когда он позволял. Она даже вышла на конюшню, чтобы укутать Молли шалью, когда та садилась на лохматого пони, и отважилась на смелое предположение:

– Осмелюсь сказать, она будет счастливее дома, мистер Гибсон.

Выехав в парк, Молли подхлестнула пони и заставила его бежать во всю прыть, мистер Гибсон прокричал ей в след:

– Молли, мы попадем в кроличьи норы. Ехать так быстро небезопасно. Остановись!

Когда она умерила прыть, он поехал рядом с ней.

– Мы едем в тени деревьев, и здесь опасно ехать быстро.

– О, папа, я никогда в жизни так не радовалась. Я чувствую себя, как зажженная свеча, когда ее погасили.

– Неужели? Откуда тебе известно, как себя чувствуют свечи?

– Я не знаю, но я почувствовала, — и, помолчав, добавила. — Я так рада быть здесь. Так приятно ехать здесь на открытом, свежем воздухе, когда копыта выжимают такой приятный аромат из росистой травы. Папа, ты здесь? Я не вижу тебя.

Мистер Гибсон подъехал ближе к ней. Он не знал, не побоится ли она ехать в темноте, поэтому накрыл ее ладошки своей рукой.

– О, я так рада чувствовать тебя, — она крепко пожала его руку. — Папа, мне хотелось бы получить цепь, как у Понто, такую же длинную, как

твоя самая длинная поездка, чтобы я могла привязать нас обоих к ее концам, и когда ты мне нужен, я могла бы потянуть за нее, а если ты не хочешь приезжать, ты можешь потянуть назад. Но я должна знать, что тебе известно, что ты мне нужен. Так мы бы никогда не теряли друг друга.

– Я совсем запутался в твоих планах. Ты излагаешь детали немного запутанно. Но если я понял правильно, мне придется ходить по деревне, как ходят ослики на выгоне, с путами, привязанными к задней ноге.

– Мне все равно, что ты называешь меня путами, лишь бы мы были связаны вместе.

– Но мне не все равно, что ты называешь меня осликом, — ответил он.

– Я не называла. По крайней мере, я не это имела в виду. Но так приятно знать, что я могу быть такой грубой, какой мне хочется быть.

– И этому ты научилась у благородной компании, с которой провела день? Я полагал, что ты будешь вежливой и чопорной, что даже прочитал несколько глав из «Сэра Чарльза Грандисона»[5], чтобы привести себя в гармоничное состояние.

– Надеюсь, я никогда не стану лордом или леди.

– Чтобы успокоить тебя, я скажу вот что. Я уверен, ты никогда не будешь лордом, и, думаю, есть всего один шанс из тысячи, что ты когда-нибудь будешь леди.

– Я буду теряться в бесконечных коридорах всякий раз, когда мне придется идти за шляпкой, чтобы выйти гулять.

– Но, знаешь, у тебя была бы горничная.

– Знаешь, папа, я думаю, что горничные еще хуже, чем леди. Я бы не так сильно возражала против того, чтобы быть экономкой.

– Хм! С одной стороны буфеты с вареньем и десертом будут удобно располагаться под рукой, — задумчиво ответил ее отец. — Но миссис Браун говорит мне, что мысли об обеденном меню часто оставляют ее без сна. Вот это нужно принять во внимание. И все же в каждом занятии есть тяжелые заботы и обязанности.

– Что ж! Я полагаю так и есть, — серьезно сказала Молли. — Я знаю, Бетти говорит, я изнуряю ее жизнь, пачкая фартук в зелени, когда сижу на вишневом дереве.

– И мисс Браунинг сказала, что она довела себя до головной боли, думая о том, как они оставили тебя. Как это случилось, глупышка?

– О, я сама пошла посмотреть парк. Он такой прекрасный! И я потерялась, села отдохнуть под огромным деревом. И леди Куксхавен и эта миссис Киркпатрик пришли. И миссис Киркпатрик принесла мне ланч, затем уложила спать в свою кровать. И я подумала, она разбудит меня

вовремя, а она не разбудила. И поэтому они уехали. И тогда они решили оставить меня до завтра, мне не хотелось говорить, как очень-очень сильно я хотела домой. Но я не переставала думать, что ты беспокоишься, где я.

– Это был довольно печальный день, да, глупышка?

– Только не утром. Я никогда не забуду утро в том саду. Но я никогда не была так несчастна за всю мою жизнь, как этим долгим вечером.

Мистер Гибсон посчитал своим долгом проехать до Тауэrsa, принести извинения и поблагодарить семью, прежде чем она отправится в Лондон. Все семейство готовилось к переезду, и все были слишком заняты, чтобы выслушивать его признательные любезности, кроме миссис Киркпатрик, которая, хотя и должна была сопровождать леди Куксхавен и нанести визит своей бывшей воспитаннице, нашла достаточно времени, чтобы принять мистера Гибсона от имени семьи и заверить его в самой обворожительной манере, что она часто вспоминает, сколько врачебной заботы он проявил к ней в былые дни.

[1] Букв. Goodenough — довольно хорошо

[2] Пэм Моррис в комментариях к роману ссылается на то, что в 19 в. сказкам приписывали сомнительный статус, поскольку многие видели в их несоответствии фактам и рациональности вред для детей. Она цитирует слова Диккенса, которые тот произнес в Манчестере в 1858 г. «...не позволяйте себе в похвальной погоне за фактами, что окружают нас, отрицать вымысел и воображение... Пусть у детей будут сказки...» и полагает, что Гаскелл, возможно, присутствовала при этом событии, во всяком случае, она была согласна с подобным мнением, и незнание Молли сказок указывает на тонкий подрыв Гаскелл рационализма мистера Гибсона.

[3] Семь отроков Эфесских, (Семь спящих отроков; Семь отроков, во Эфесе спящих) — христианские мученики, заживо замурованные в пещере и проспавшие там несколько веков.

[4] Имеются в виду королевские палаты в Лондонском Тауэрсе.

[5] «Сэр Чарльз Грандисон» — роман (1753) Самуэля Ричардсона (1689–1761), его герой — олицетворение утонченности и воспитанности.

Глава III

Детство Молли Гибсон

За шестнадцать лет до этих событий устои Холлингфорда были

расшатаны известием, что мистер Холл, опытный врач, который заботился о жителях городка всю их жизнь, собирается взять компаньона. Обсуждать с ними эту тему было бесполезно, поэтому мистер Браунинг, викарий, мистер Шипшэнкс — доверенное лицо лорда Камнора — и сам мистер Холл, маленькое общество мужественных спорщиков, оставили все попытки, понимая, что *Che sara sara*[1] успокоит недовольство лучше, чем многие аргументы. Мистер Холл признался своим преданным пациентам, что даже с самыми сильными очками он не может положиться на свое зрение. Да и они сами смогли убедиться, что его слух сильно пострадал, хотя на этот счет он твердо придерживался своего собственного мнения, и часто слышали, как он сокрушался о недобросовестности людского общения в наши дни, «все равно, что писать на промокательной бумаге — все слова сливаются друг с другом», сказал бы он. И не раз мистер Холл испытывал приступы сомнительной природы, которые обычно называл «ревматическими». Но для себя он определил, что это была подагра, мешавшая ему немедленно отправляться на срочные вызовы. Но слепой и глухой, и к тому же страдающий ревматизмом, он оставался для жителей все тем же мистером Холлом, доктором, который мог вылечить все их недомогания, если они тем временем не умирали, и у него не было права говорить о старости и брать компаньона.

Тем не менее, он неизменно продолжал работать, помещая объявления в медицинских журналах, читая рекомендации, анализируя репутации и квалификации. И как раз, когда почтенные, незамужние дамы Холлингфорда уже было подумали, что убедили своего ровесника в том, что он так же молод, как и прежде, он напугал их, приведя с собой нового компаньона, мистера Гибсона, и начал «втихомолку», как выразились дамы, вводить его в курс дела. «Кто такой этот мистер Гибсон?» — спрашивали они, и эхо могло бы ответить на вопрос, если бы захотело, поскольку никто этого не сделал. За всю жизнь мистера Гибсона никто не узнал о его прошлом больше, чем разузнали жители Холлингфорда в первый же день знакомства с ним: он был высоким, важным, скорее привлекательным, чем некрасивым, достаточно худым, чтобы в те дни, до того, как в моду вошло мускулистое Христианство, назвать его фигуру «очень изящной». Говорил он с легким шотландским акцентом, и, как заметила одна добропорядочная дама, «был очень банален в разговоре», что означало, саркастичен. Что касается его рождения, происхождения и образования, то холлингфордское общество предпочитало думать, что он был внебрачным сыном шотландского герцога и француженки. А основания для этой догадки были таковы: он говорил с шотландским

акцентом, значит, он должен быть шотландцем. У него была очень благородная внешность, изящная фигура и он был склонен, как утверждали его недоброжелатели, к высокомерию. Поэтому, его отец должен быть какой-то важной персоной. И, допуская это, было легко подвести подобное предположение под иерархию знати — баронет, барон, виконт, граф, маркиз, герцог. Подняться выше они не осмелились, хотя одна пожилая дама, знакомая с английской историей, отважилась заметить, «она верит в то, что кто-то из Стюартов... хм!.. не всегда ...гм!.. вел себя... совершенно правильно, и она полагает, что такое... гм!.. случается в семьях». Но, по общему мнению, отец мистера Гибсона навсегда останется герцогом, ни более, ни менее.

Тогда его мать, должно быть, француженка, потому что у него такие черные волосы; у него такой желтоватый цвет лица, потому что он был в Париже. Все это могло или не могло быть правдой. Никто не узнал и не выяснил о нем более того, что поведал мистер Холл, а именно, что его профессиональные качества так же высоки, как его моральный облик, и что и то, и другое выше среднего, как со всей ответственностью убедился мистер Холл, прежде чем представить его своим пациентам. То, что популярность в этом мире так же преходяща, как и слава, мистер Холл понял еще до того, как закончился год его партнерства. У него появилось много свободного времени, чтобы лечить свою подагру и беречь зрение. Молодой доктор одержал верх — почти все посылали теперь за мистером Гибсоном — даже из огромных особняков, даже из Тауэrsa — самого огромного из всех, где мистер Холл представил своего нового компаньона со страхом и трепетом, втайне беспокоясь, как тот будет себя вести и какое впечатление произведет на их светлость графа и графиню. К концу года мистера Гибсона принимали с таким же уважением, как когда-то самого мистера Холла. Нет, это было чересчур даже для добродушного старого доктора — мистера Гибсона однажды пригласили на обед в Тауэрс, пообедать с великим сэром Эстли[2], главой всех докторов! Конечно, мистера Холла тоже пригласили, но в то время он слег со своей подагрой — с тех пор, как он взял компаньона, ревматизму было позволено развиваться — и был не в состоянии идти. Бедный мистер Холл так и не оправился от этого огорчения, после этого он позволил себе слабо видеть и плохо слышать и последние две зимы своей жизни провел в стенах собственного дома. Он послал за внучатой племянницей, сиротой, чтобы она составила ему компанию на старости лет. Он, презирующий женщин старый холостяк, был благодарен за присутствие милой, красивой Мэри Престон, которая была добродетельна и благоразумна. Она завязала

тесную дружбу с дочерьми викария, мистера Браунинга, и мистер Гибсон нашел время, чтобы стать очень близким другом всем троим. Холлингфордцы строили много догадок о том, какая же молодая леди станет миссис Гибсон, и весьма огорчились, когда разговоры о возможностях и слухи о вероятностях брака молодого привлекательного доктора прервались самым обычным на свете образом, — он вступил в брак с племянницей своего предшественника. Обе мисс Браунинг не проявляли никаких признаков начинающейся чахотки, хотя за их видом и манерами внимательно наблюдали. Напротив, они были неистово веселыми на свадьбе, а бедная миссис Гибсон умерла от чахотки через четыре — пять лет после свадьбы и три года спустя после смерти своего двоюродного дедушки, когда ее единственному ребенку, Молли, было всего три года.

Потеряв жену, мистер Гибсон мало говорил о своем горе, которое, полагалось, он должен был испытывать. На самом деле, он избегал всех проявлений сочувствия и поспешно встал и покинул комнату, когда мисс Фиби Браунинг впервые увидела его после смерти жены и разразилась неконтролируемым потоком слез, грозившим закончиться истерикой. Впоследствии мисс Браунинг говорила, что так и не смогла простить его за жестокосердие в тот раз. Но две недели спустя она снизошла до разговора на повышенных тонах со старой миссис Гудинаф из-за того, что та выразила сомнение, испытывает ли мистер Гибсон сильные чувства, судя по узости креповой ленты, из-под которой были видны по меньшей мере три дюйма его касторовой шляпы. Но, несмотря на все это, мисс Браунинг и мисс Фиби считали себя самыми близкими друзьями мистера Гибсона из уважения к его умершей жене и с радостью бы проявили почти материнскую заботу о его маленькой дочери, если бы ее не охраняла бдительная дуэнья в лице Бетти, ее няня, которая ревниво относилась к любому вмешательству в отношения со своей подопечной, и особенно возмущалась всеми этими леди, которые, как она считала, «бросают на хозяина влюбленные взгляды».

За несколько лет до начала этой истории, положение мистера Гибсона, казалось, упрочилось на всю жизнь и в обществе, и на профессиональном поприще. Он — вдовец и, похоже, им и останется. Его семейные привязанности сосредоточились на маленькой Молли, но, даже оставаясь с ней наедине, он не давал выхода своим чувствам. Самым ласковым именем у него было «Гусенок», и он испытывал удовольствие, смущая ее детский разум своим подшучиванием. К несдержанным людям он относился с презрением, которое переросло из медицинской догадки в умозаключение

о расстроенном состоянии неконтролируемых чувств. Он заблуждался, веря в то, что его разум по-прежнему властелин всему, потому что так и не приобрел привычку выражать что-либо другое, кроме умственных материй. Молли, тем не менее, следовала собственной интуиции. Хотя отец и смеялся над нею, поддразнивал ее, подшучивал над нею в той манере, которую барышни Браунинг между собой называли «крайне жестокой», Молли поверяла ему свои детские печали и радости более охотно, чем Бетти, этой добросердечной, сварливой женщине. Ребенок научился хорошо понимать отца, и между ними сложились самые приятные взаимоотношения — полушутливые, полусерьезные, но в целом — отношения доверительной дружбы. Мистер Гибсон держал трех служанок: Бетти, кухарку и девушку, которой полагалось быть горничной, но которая была младше двух других, и как следствие, жила себе припеваючи. Трех служанок не потребовалось бы, если бы мистер Гибсон не придерживался традиции, которая была заведена у мистера Холла, брать двух «учеников»[3], как их по-благородному называли в Холлингфорде, но на самом деле они были подмастерьями, их связывал договор и высокая плата за обучение профессии. Они жили в доме и занимали неудобное, двусмысленное, или, как с некоторой долей правды назвала его мисс Браунинг, «земноводное» положение. Они ели вместе с мистером Гибсоном и Молли, и, как считалось, вели себя ужасно. Мистер Гибсон был не тем человеком, который мог завести разговор, и терпеть не мог говорить. И все же что-то в душе заставляло его морщиться, словно его обязанности не были должным образом исполнены, когда скатерть была убрана, и двое неуклюжих парней поднимались с радостным проворством, кивали ему, что должно было быть принято за поклон, и толкали друг друга, пытаясь быстро покинуть столовую. Можно было услышать, как они неслись по коридору, ведущему в приемную, давясь от еле сдерживаемого смеха. К тому же беспокойство при мысли о том, что он не до конца выполняет свои обязанности, делало его сарказм по поводу их неумения, глупости или плохих манер еще горше, чем прежде.

Помимо прямых профессиональных наставлений он не знал, какие еще знания передать двум молодым людям, которые, казалось, задались целью мучить своего учителя умышленно и неумышленно. Несколько раз мистер Гибсон отказывался взять нового ученика в надежде избавить себя от бремени, но слава о нем, как об искусном враче так быстро распространилась, что вознаграждения, которые он считал непомерно высокими, охотно выплачивались, в надежде, что молодой человек вступит в жизнь, окончив престижную школу мистера Гибсона из Холлингфорда.

Но как только Молли немного подросла, и ей исполнилось восемь лет, ее отец понял, что девочке неприлично обедать и завтракать наедине с учениками, в случае, если его не было дома. Чтобы исправить этот недостаток, он нанял уважаемую женщину — дочь владельца магазина в городке — которая оставила очень бедную семью, и приходила каждое утро перед завтраком, чтобы остаться с Молли до тех пор, пока он не придет домой поздно вечером, а если задержится — пока ребенок не ляжет спать.

– Теперь, мисс Эйр, — сказал он, подводя итог своим наставлениям за день до того, как она приступила к своим обязанностям, — запомните следующее: вам придется готовить чай для молодых людей и следить, чтобы им было уютно за обедом, и ... вам тридцать пять, вы сказали?.. постарайтесь заставить их говорить, хотя боюсь никто не в силах это сделать, но заставьте их говорить без заикания и хихиканья. Не слишком учите Молли: она должна уметь шить, читать, писать и считать, но я хочу, чтобы она оставалась ребенком, и если я посчитаю, что ей нужно учиться большему, я сам этим займусь. Все же, я не уверен, что чтение и письмо необходимы. Многие добропорядочные женщины выходят замуж, ставя крестик вместо имени. Это слишком ослабляет природный ум, на мой взгляд, но, тем не менее, мы должны уступить предрассудкам общества, мисс Эйр, поэтому вы можете учить ребенка читать.

Мисс Эйр слушала молча, она была растеряна, но решила последовать указаниям доктора, чья доброта была хорошо известна в ее семье. Она заваривала крепкий чай, много помогала молодым людям в отсутствие мистера Гибсона, так же как и в его присутствии, и она нашла способ развязывать их языки всякий раз, когда их хозяина не было дома, беседуя с ними об обычных вещах в приятной скромной манере. Она учила Молли читать и писать, но честно старалась воздерживаться от обучения любым другим вещам. Только тяжелыми усилиями и уговорами Молли понемногу убедила отца позволить ей учить французский и брать уроки рисования. Он всегда боялся, что она станет слишком образованной, хотя ему не нужно было тревожиться, художники, что наезжали в такие маленькие провинциальные городки, как Холлингфорд, сорок лет назад, были не слишком великими знатоками искусства. Раз в неделю она посещала занятия по танцам в зале для приемов в главной гостинице города — «Джордже» и, запуганная отцом, предостерегавшим ее от любых попыток умственного развития, она читала каждую книгу, что попадалась ей в руки, почти с таким же удовольствием, словно это было запрещено. Для своего общественного положения мистер Гибсон имел необыкновенно хорошую

библиотеку. Медицинские книги были недоступны Молли, они хранились в приемной, но все остальные книги она либо прочитала, либо пыталась прочесть. Летом местом ее обучения служила та самая вишня, чьей зеленью она пачкала свое платье, чем, как уже было сказано, «изнуряла всю жизнь» Бетти. Несмотря на этого «скрытого червяка в бутоне», Бетти была, по всей видимости, сильной и пышущей здоровьем. Она стала тяжелым испытанием для мисс Эйр, которая в других обстоятельствах была бы счастлива, что нашла подходящую, хорошо оплачиваемую работу как раз тогда, когда она наиболее в ней нуждалась. Но Бетти, хотя и согласилась со своим хозяином, когда он сказал ей, что ему необходимо нанять гувернантку для маленькой дочери, неистово противилась любому разделению власти и влияния на девочку, которая стала ее подопечной, ее наказанием, ее радостью с тех пор, как умерла миссис Гибсон. Она заняла позицию цензора над всем тем, что говорила и делала мисс Эйр с самого начала, и ни на мгновение не снизила до того, чтобы скрыть свое неодобрение. В глубине сердца она не могла не уважать терпение и старание добропорядочной леди — поскольку мисс Эйр была «леди» в полном смысле этого слова, хотя в Холлингфорде она занимала положение дочери владельца магазина. И все же Бетти брюзжала с раздражающим упрямством комара и всегда была готова придраться, если не укусить. Единственная защита мисс Эйр пришла с той стороны, откуда она меньше всего ее ожидала — от ее ученицы, от чьего имени, как маленького угнетенного создания, Бетти всегда строила свои нападки. Но с самого начала Молли поняла их несправедливость и вскоре начала уважать мисс Эйр за ее безропотную выносливость. Мистер Гибсон был верным другом ее семьи, поэтому мисс Эйр скорее сдержала бы свои жалобы, чем побеспокоила его. И она была вознаграждена. Бетти предложила бы Молли разнообразные искушения, лишь бы та игнорировала просьбы мисс Эйр. Молли упорно не поддавалась и корпела над своим заданием по шитью и трудными примерами. Бетти отпускала неприятные шутки на счет мисс Эйр. Молли смотрела на нее с крайней серьезностью, словно требовала объяснить непонятную фразу. И ничто так не сдерживает шутника, как просьба передать его остроту ясным, прозаичным языком и объяснить, в чем «соль». Порой Бетти совершенно выходила из себя и дерзко разговаривала с мисс Эйр. Но когда такое случалось в присутствии Молли, девочка с таким неистовством защищала свою молчаливую, дрожащую гувернантку, что даже сама Бетти покорялась ей, хотя она предпочитала воспринимать детский гнев, как хорошую шутку и пыталась убедить мисс Эйр присоединиться к развлечению.

– Господи помилуй, дитя! Можно подумать, я — голодная кошка, а она — воробья с дрожащими крылышками и горящими глазками и готова заклевать меня просто потому, что мне случилось оказаться возле ее гнезда. Нет, дитя, если тебе нравится задышаться в отвратительной, тесной комнате, учиться, когда нет ничего хорошего в этой учебе, вместо того, чтобы кататься в телеге Джоба Донкина, это твое дело, не мое. Она — маленькая лисичка, правда? — Бетти улыбнулась мисс Эйр, заканчивая свою речь. Но бедная гувернантка не увидела ничего смешного в этой шутке, а сравнение Молли с воробьем не достигло цели. Она была чуткой и добросовестной и по домашнему опыту знала недостатки неуправляемого характера. Поэтому она стала упрекать Молли за то, что та дала выход своим чувствам, и девочка подумала, что тяжело, когда тебя обвиняют за то, что ты справедливо возмутилась против Бетти. Но все же, это были лишь небольшие обиды очень счастливого детства.

[1] *Che sara sara* — (с итал.) будь, что будет

[2] Купер Эстли Пастон (1768–1841) — английский хирург и анатом, основатель клинической школы.

[3] В начале 19 в. начальное медицинское образование получали посредством ученичества.

Глава IV

Соседи мистера Гибсона

Молли выросла среди этих спокойных людей, и вела безмятежную, однообразную жизнь. До того, как ей исполнилось семнадцать, с ней не произошло никаких значительных событий, кроме того, о котором уже упоминалось — ее оставили в Тауэрс. Позже, она стала одной из попечительниц школы, но никогда больше не ездила на ежегодный праздник в роскошный дом. Для того чтобы избегать подобных визитов, было легко найти предлог. У Молли остались не слишком приятные воспоминания о том дне, хотя она часто думала о том, как бы ей хотелось снова посмотреть на парк.

Леди Агнес была замужем, и в доме оставалась только леди Харриет. Лорд Холлингфорд, старший сын, потерял жену и проводил много времени в Тауэрс с тех пор, как овдовел. Это был высокий, неуклюжий мужчина, считалось, что он такой же гордый, как и его мать, графиня, но на самом деле он просто не знал, что говорить людям, чьи повседневные привычки и интересы так отличались от его собственных, и при встрече с ними обычно

робко и вяло произносил банальности. Он, вероятно, был бы очень признателен за пособие по светской беседе и старательно заучил бы все фразы. Он часто завидовал беглости речи своего словоохотливого отца, который получал удовольствие от разговоров и совершенно не осознавал бессвязности своих речей. Но из-за свойственной ему сдержанности и робости, лорд Холлингфорд не пользовался признанием, хотя его сердце было добрым, простодушие — безмерным, а его научные знания — достаточно обширными, чтобы составить ему репутацию среди ученых мужей в Европейской республике[1]. Холлингфорд гордился его ученостью. Жители городка знали, что знатный, важный и неуклюжий наследник весьма уважаем за свою мудрость, что он сделал одно — два открытия, хотя не знали, в какой области. Незнакомцам, приехавшим в городок, с уверенностью указывали на него — «вот лорд Холлингфорд — знаменитый лорд Холлингфорд, знаете ли. Должно быть, вы слышали о нем, он такой ученый». Если приезжим было известно его имя, они также знали, что им можно гордиться, а если нет, то десять против одного, они бы сделали вид, что знают о нем, и таким образом утаили бы не только свое собственное невежество, но и то, что их собеседники создают ученому репутацию.

Сыновья лорда Холлингфорда учились в частной школе, так что их общество не могло сделать дом, в котором он провел свою семейную жизнь, настоящим домом для него, и поэтому он проводил много времени в Тауэрс, где им гордилась мать, и любил отец, и где так мало его боялись. Лорд и леди Камнор всегда радушно принимали его друзей, причем у первого вошло в привычку радушно приветствовать всех и везде, а леди Камнор доказала свою искреннюю любовь к знаменитому сыну тем, что позволила ему пригласить в Тауэрс «людей всех мастей», как она их называла. «Люди всех мастей» означали тех, кто прославился ученостью и образованностью, независимо от своего социального положения и, нужно признать, независимо от учтивости своих манер.

Миледи всегда была дружелюбно снисходительна к мистеру Холлу, предшественнику мистера Гибсона, она признала его семейным врачом, когда впервые приехала в Тауэрс после замужества, и никогда не думала препятствовать его привычке принимать пищу, если ему нужно было подкрепиться, в комнате экономки, но не с экономкой, *bien entendu*[2]. Спокойный, умный, тучный и краснолицый доктор предпочел бы принимать пищу именно там, даже если бы ему предложили — чего никогда не случалось — «перекусить», как он это называл, с милордом и

миледи в роскошной столовой. Если какое-нибудь медицинское «светило» вроде сэра Этли доставляли из Лондона, то после этого он был обязан вежливо и официально пригласить мистера Холла отобедать. По таким случаям мистер Холл погружал свой подбородок в пышные складки белого муслина, надевал черные бриджи с пучком лент по бокам, шелковые чулки и туфли с пряжками — в других обстоятельствах ему было совершенно неудобно в таком одеянии — и с важным видом отъезжал в дилижансе от «Георга», в глубине души утешая себя за вынужденные неудобства мыслью, как замечательно будет, если завтра сквайры, которых он обыкновенно навещал, услышат: «Вчера за обедом граф сказал» или «графиня заметила», или «я удивился, узнав об этом, когда вчера обедал в Тауэрс». Но, так или иначе все изменилось с тех пор, как мистер Гибсон стал в Холлингфорде «доктором» в полном смысле слова. Барышни Браунинг полагали, что это произошло из-за того, что у него такая изящная фигура и «такие изысканные манеры», а миссис Гудинаф — «из-за его аристократических родственников» — «сын шотландского герцога, мои дорогие, и не имеет значения, что он незаконнорожденный» — но этот факт очевиден. Хотя мистер Гибсон часто просил миссис Браун дать ему что-нибудь перекусить в комнате экономки — у него не было времени на суету и церемонии за ланчем у миледи — его всегда радушно принимали в кругу знатных гостей дома. Он мог пообедать с герцогом в любой другой день, назначавшийся, когда герцог прибывал в Тауэрс. У него был не здешний, шотландский акцент. У него не было ни одной лишней унции веса, а худоба — явный признак родovitости. У него был желтоватый цвет лица и черные волосы, а в те дни, спустя десять лет после окончания большой континентальной войны[3], желтоватый цвет лица и черные волосы являлись сами по себе отличительными признаками. Он был умен и слегка саркастичен, хотя и скуп на слова, как со вздохом заметил милорд, но миледи одобряла это. Поэтому мистера Гибсона считали достойным во всех отношениях.

Его шотландская кровь — а то, что у него были шотландские корни, не вызывало сомнения — придавала ему той язвительной гордости, которая заставляла всякого полагать, что к нему нужно относиться с уважением. Приглашения на роскошные обеды в Тауэрс, доставляли мистеру Гибсону мало удовольствия в течение многих лет, но эта формальность давала возможность получить признание в своей профессии.

Но с тех пор, как лорд Холлингфорд вернулся и поселился в Тауэрс, все изменилось. Мистер Гибсон узнал многое из того, что очень его интересовало. Время от времени он встречался со светилами научного

мира: чудаковатые, простодушные люди были всерьез увлечены своими научными вопросами и мало говорили на другие темы. Мистер Гибсон оказался способен оценить таких людей, а также понять то, что они дорожили его оценкой, поскольку она была искренней и разумной. Более того, со временем он начал посылать свои статьи для публикации в научные медицинские журналы, и так в его жизни появился новый интерес. Он мало общался с лордом Холлингфордом, один был слишком робок и молчалив, другой — слишком занят, чтобы настойчиво искать повод для встречи. Но они оба были очень рады этому общению. И каждый из них мог положиться на уважение и симпатию другого с уверенностью, неизвестной тем, кто называет себя друзьями, и это доставляло радость им обоим, мистеру Гибсону, конечно, больше, поскольку в его окружении было меньше ученых и образованных людей. И действительно, среди людей, с которыми он общался, не было ни одного человека равного ему, и это угнетало доктора, хотя он никогда не осознавал причину своего уныния. Среди знакомых мистера Гибсона был мистер Эштон, викарий, преемник мистера Браунинга, очень добропорядочный и добросердечный человек, но без свежих идей в голове. Обычная учтивость и вялый ум побуждали его соглашаться с каждым мнением, которое не содержало откровенной ереси и было достаточно банальным. Несколько раз мистер Гибсон забавлялся, подбивая викария признать аргументы верными и «совершенно убедительными», а утверждения — «странными, но безошибочными», пока бедный священник не увяз в болоте еретической путаницы. Но горе и страдания мистера Эштона, когда тот вдруг обнаружил, в какое богословское затруднение он попал, его искреннее самобичевание были такими сильными, что мистер Гибсон утратил все свое веселье и поспешил вернуться к догматам англиканского вероисповедания со всей доброжелательностью, поскольку это было единственное средство успокоить совесть викария. В любых других вопросах, кроме традиционных вопросов вероисповедания, мистер Гибсон легко его превосходил, но незнание викарием большинства из них избавляло его от необходимости вежливо уступать собеседнику, доходя до выводов, которые могли бы потрясти смиренного слугу божьего.

Викарий был состоятелен, не женат и вел жизнь праздного и утонченного холостяка, и хотя он сам не слишком активно навещал своих более бедных прихожан, он всегда желал облегчить их нужды самым щедрым, и, учитывая его привычки, порой самоотверженным способом всякий раз, когда мистер Гибсон или кто-нибудь еще сообщали ему о них. «Пользуйтесь моим кошельком так же свободно, как своим собственным,

Гибсон», — он обыкновенно говорил. — «Я не гожусь для того, чтобы бродить по округе и разговаривать с бедняками... смею сказать, я не достаточно делаю для них... но мне хочется передать с вами все, что нужно беднякам».

— Благодарю вас. Я прихожу к вам довольно часто и делаю это со спокойной совестью. Но если вы позволите мне дать совет, вам не стоит пытаться завязывать разговор, когда вы заходите в коттеджи, просто говорите.

— Я не вижу разницы, — недовольно ответил викарий, — но смею заметить, разница есть, и у меня нет сомнений, то, что вы говорите, совершенно правильно. Мне не нужно заводить разговор, а просто говорить, и так как и то, и другое одинаково сложно для меня, вы должны позволить мне купить привилегию молчания за эти десять фунтов.

— Благодарю вас. Мне этого не достаточно, и, думаю, вам тоже. Но, возможно, Джонсы и Грины выберут деньги.

После подобных слов мистер Эштон жалобно вглядывался в лицо мистера Гибсона, словно спрашивал, скрыт ли в них сарказм. В общем, они продолжили разговор в самой дружеской манере, но помимо дружеского общения, обычного для большинства мужчин, они находили очень мало удовольствия в компании друг друга. Возможно, единственный человек, к которому мистер Гибсон относился очень сердечно — по крайней мере, пока по соседству не поселился лорд Холлингфорд — был некий сквайр Хэмли. Он и его предки именовались сквайрами давно, с тех пор, как возникла традиция награждения этим титулом. В графстве жили и более крупные землевладельцы, поскольку поместье сквайра Хэмли было не больше восьмисот акров. Но его семья владела землей задолго до того, как люди слышали о графах Камнор, и до того, как Хели-Харрисоны купили Колдстоун парк. Никто в Холлингфорде не помнил того времени, когда бы семья Хэмли не жила в Хэмли. «Со времени Гептархии»[4] — заметил викарий. «Нет», — возразила мисс Браунинг, — «я слышала, что Хэмли из Хэмли жили до римлян». Викарий уже был готов вежливо согласиться, когда миссис Гудинаф выступила с еще более поразительным утверждением. «Я всегда знала», — неторопливо сказала она с авторитетностью старейшей жительницы, — «что Хэмли из Хэмли жили еще до язычества». Мистер Эштон смог только кивнуть и сказать: «Возможно, очень возможно, сударыня». Но он произнес эти слова в такой вежливой манере, что миссис Гудинаф гордо посмотрела на окружающих, как бы желая сказать: «Церковь подтверждает мои слова. Кто осмелится с ней спорить?» Во всяком случае, Хэмли происходили из очень старинного

рода. Многие века они не увеличивали свое поместье, они сохраняли свои владения, и даже если им пришлось трудно, они не продали ни руда[5] земли за последние сто лет. Но Хэмли были не из породы предприимчивых людей. Они никогда не торговали и не спекулировали, и не пробовали никаких аграрных улучшений. У них не было ни капитала в банке, ни — что больше подходило их характеру, — запаса золота в чулке. Их образ жизни был прост и больше похож на образ жизни крестьян, чем помещиков. Более того, сквайр Хэмли, продолжая старомодные обычаи и традиции своих предков, помещиков восемнадцатого столетия, жил скорее как йомен[6], чем как помещик нынешней эпохи. В этом скромном консерватизме было достоинство, которое помогло ему снискать безмерное уважение и богатых, и бедных, он был желанным гостем в любом доме графства. Но он был совершенно безразличен к обаянию общества и, возможно, благодаря этому сквайр Роджер Хэмли, который в настоящее время проживал и правил в Хэмли, не получил достойного образования, как должно. Его отец, сквайр Стивен, провалился на экзаменах в Оксфорде и упрямо отказывался вновь экзаменоваться. «Нет, больше ни за что!» — он поклялся великой клятвой, как делали в те времена, что никто из его будущих детей не переступит порога университета. У него родился только один ребенок, нынешний сквайр, и его воспитали согласно велению отца. Юного наследника отправили в заурядную провинциальную школу, где он повидал многое из того, что ненавидел, а затем избавился от этого, став наследником поместья. Такое воспитание не причинило ему ожидаемого вреда. Он был не вполне образован и во многом несведущ, но знал о своем недостатке и сожалел о нем. Сквайр неловко чувствовал себя в обществе, и поэтому, насколько возможно, избегал его. Он был упрям, вспыльчив и деспотичен со своими близкими. С другой стороны, сквайр был великодушным, преданным и верным и обладал истинным благородством. В нем было столько природной прозорливости, что его всегда стоило послушать, хотя он был склонен допускать совершенно неверные предположения, которые считал бесспорными, словно они были математически доказаны, но никто не мог выказать больше природного остроумия и здравого смысла, чтобы доказать свои суждения.

Он женился на болезненной и красивой леди из Лондона. Это был один из тех странных браков, причины которого никто не мог понять. И все же они были счастливы, хотя, возможно, миссис Хэмли не пребывала бы постоянно в болезненном состоянии, если бы муж немного больше потакал ее разнообразным пристрастиям или позволял ей общаться с друзьями. После женитьбы он имел обыкновение говорить, что у него есть

все, что стоило бы иметь из этого скопища домов, которое зовется Лондоном. Этот комплимент он повторял жене до самой ее смерти. Поначалу эти слова очаровывали ее и доставляли удовольствие до последнего времени, но, тем не менее, иногда ей хотелось, чтобы он понял, что в этом огромном городе есть что услышать и на что посмотреть. Но сквайр больше никогда не бывал в Лондоне, и хотя не запрещал жене туда ездить, проявлял так мало внимания к ее рассказам о том, что она видела и делала, что миссис Хэмли перестала испытывать интерес к таким поездкам. Но он был добр к ней, охотно давал свое согласие и щедро снабжал ее деньгами. «Ну полно, женушка, возьми эти деньги! Оденься так же красиво, как они, и купи то, что тебе нравится, ради доброго имени Хэмли из Хэмли. Сходи в парк или на представление и покрасуйся своим лучшим нарядом. Я буду рад снова тебя увидеть, но пока ты там, поживи в свое удовольствие». Затем, когда она возвращалась, он говорил: «Ну, ну, полагаю, вы довольны, значит, все как надо. Но все эти разговоры утомляют меня, и я не могу думать, как вы все это вынесли. Выйдите и посмотрите, как прелестны цветы в южном саду. Я заставил посадить те цветы, что вам нравятся. И я съездил в Холлингфордский питомник, чтобы купить отростки растений, которыми вы восхищались в прошлом году. Дуновение свежего ветра очистит мой мозг после всех этих разговоров о лондонской суете, от которых, похоже, у меня началось головокружение».

Миссис Хэмли очень любила читать и имела хороший литературный вкус. Она была мягкой и сентиментальной, нежной и доброй. Она прекратила свои визиты в Лондон и отказалась от дружеского общения в компании подруг, равных ей по образованности и положению. Из-за недостатка образования в юности ее мужу не нравилось общаться с теми, которым он уступал в познаниях и был слишком горд, чтобы общаться с теми, кто стоял ниже его по уму. Свою жену он любил сильнее за те жертвы, которые она приносила ради него, но, лишившись всех своих привязанностей, она стала не домохозяйка. Ничего определенного, только она всегда чувствовала себя нехорошо. Возможно, для нее было бы лучше, если бы у нее была дочь. Но у нее было двое сыновей, и их отец, озабоченный тем, чтобы дать детям те преимущества, которых он был лишен, очень рано отослал их в частную начальную школу. Они должны были продолжить учебу в Рагби [7] и Кэмбридже, мысль об Оксфорде была неприятна всем наследникам Хэмли. Осборн — старший сын, был назван в честь девичьей фамилии матери, обладал вкусом и имел некоторые таланты. В его внешности отразились изящество и утонченность матери.

Он был добрым, ласковым мальчиком, почти как девочка. Он хорошо учился в школе, выиграл много призов, и являлся гордостью и радостью отца и матери, а за неимением других и надежным другом последней. Роджер был на два года младше Осборна, неуклюж и крепко сложен, как отец, на его широком лице застыло серьезное выражение. «Он хороший, но скучный», — отзывались о нем наставники. Он не выигрывал призов, но привозил домой похвальный отчет о своем поведении. Когда он ласкался к матери, она обычно со смехом упоминала басню про комнатную собачку и ослика[8], и с тех пор он перестал проявлять свои чувства. Семья долго решала, последует ли он за своим братом в колледж после окончания Рагби. Миссис Хэмли считала, что это будет просто трата денег, поскольку, похоже, он не видит себя на интеллектуальном поприще. Какое-нибудь практичное ремесло, вроде профессии гражданского инженера, больше бы ему подошло в жизни. Она полагала, что для него будет слишком унижительно поступить в тот же колледж и университет, что и брат, который, несомненно, уже проявил себя, и неоднократно проваливаться на экзамене, чтобы, наконец, покинуть университет самым последним студентом. Но его отец упорно продолжал настаивать на том, чтобы дать обоим сыновьям одинаковое образование, у них обоих должны быть преимущества, которых он был лишен. Если Роджер не преуспеет в Кэмбридже, то виноват в этом будет только он сам. Если бы отец не отослал его туда, рано или поздно он бы пожалел об этом упущении, как когда-то давно пожалел об этом сквайр Роджер. Поэтому Роджер последовал за своим братом в Тринити Колледж, и миссис Хэмли снова осталась одна спустя год сомнений в предназначении Роджера, на котором она сама настаивала. Уже много лет она не могла долго гулять в саду, большую часть своей жизни проводя на софе, которую ставили к окну летом и к камину — зимой. Комната, которую она занимала, была большой и милой. Четыре высоких окна выходили на усеянную клумбами лужайку, переходящую в небольшой лесок, в центре которого находился пруд с водяными лилиями. Об этом недостижимом пруде в глубокой тени леса миссис Хэмли написала много милых четверостиший с тех пор, как легла на софу, то, читая, то, сочиняя стихи. Возле нее стоял маленький столик, на котором лежали новейшие издания поэзии и романов, карандаш и промокательная бумага с вынутыми чистыми листами, и всегда стояла ваза с цветами, которые собирал ее муж. Каждый день зимой и летом на ее столике всегда был свежий букетик цветов. Каждые три часа служанка приносила ей порцию лекарства со стаканом воды и бисквит. Муж навещал ее так часто, как ему позволяли его любовь к свежему воздуху и занятиям

на природе. Но когда ее мальчики отсутствовали, главным событием дня для миссис Хэмли становились визиты мистера Гибсона.

Он знал, что, говоря о ней, как о капризной больной, люди невольно причиняют ей вред. И некоторые даже обвиняли его в том, что он потакает ее капризам. Но он только улыбался в ответ на эти обвинения. Он понимал, что его визиты доставляют ей настоящее удовольствие и облегчают усиливающиеся и нестерпимые муки. Доктор знал, что сквайр Хэмли будет только рад, если он станет приходить каждый день. И он понимал, что, внимательно наблюдая за симптомами ее болезни, он может облегчить ее телесные страдания. Помимо всех этих причин он испытывал огромное удовольствие от общества сквайра. Мистеру Гибсону нравилась его неразумность, чудаковатость, его непоколебимый консерватизм в религии, политике и нравах. Миссис Хэмли иногда пыталась извиниться или смягчить те суждения, которые, как она полагала, были обидны доктору, или противоречия, которые она считала слишком резкими. Но в такие моменты ее муж ласково клал свою большую руку на плечо мистера Гибсона и успокаивал жену, говоря: «Оставь нас в покое, женушка. Мы понимаем друг друга, не правда ли доктор? Господи помилуй, он не остается у меня в долгу. Только, видишь ли, он льстит и говорит резкости, притворяясь вежливым и сдержанным, но я знаю, когда он дает мне пилюлю».

Миссис Хэмли часто выражала желание, чтобы Молли приехала и навестила ее. Мистер Гибсон всегда отказывал ей в этой просьбе, хотя едва ли мог бы объяснить причины этих отказов. Ему не хотелось лишаться общества своего ребенка, но на самом деле, все обстояло иначе. Он считал, что уроки и привычный режим ее занятий будут нарушены. Жаркая и душная атмосфера комнаты миссис Хэмли не пойдет на пользу девочке. Будь Осборн и Роджер Хэмли дома, ему бы не хотелось, чтобы Молли оставалась исключительно в их обществе. А не будь их дома, его девочке было бы довольно скучно и тягостно проводить весь день с нервной больной.

Но, наконец настал день, когда мистер Гибсон предложил, чтобы Молли приехала в поместье с визитом. Миссис Хэмли приняла предложение с «распростертыми объятиями ее души», как она выразилась, и длительность визита не обсуждали. Причина такой перемены в желаниях мистера Гибсона была следующей: уже говорилось, что вопреки своим убеждениям он взял учеников, мистера Уинна и мистера Кокса, «молодых джентльменов», как их называли домочадцы, «молодых джентльменов мистера Гибсона», как их именовали в городке. Мистер Уинн был старше,

опытнее, временами замещал своего учителя и набирался опыта, посещая бедных и больных с «хроническими случаями». Мистер Гибсон обычно обсуждал свою практику с мистером Уинном, старался выпытать его мнение в тщетной надежде, что со временем мистер Уинн мог бы предложить свежую мысль. Молодой человек был осторожен и медлителен. Он никогда не причинил бы вреда своей поспешностью, но в то же самое время всегда немного отставал бы от жизни. Но все же мистер Гибсон помнил, что он имел дело с еще худшим «молодым джентльменом». И был доволен, если не благодарен за то, что у него есть такой старший ученик, как мистер Уинн. Мистер Кокс был юношей лет девятнадцати с ярко рыжими волосами и довольно красным лицом, которых он очень стыдился. Он был сыном индийского офицера, старого знакомого мистера Гибсона. Майор Кокс в настоящее время находился на какой-то базе с непроизносимым названием в Пенджабе. Но год назад он побывал в Англии и беспрестанно выражал свою великую радость, что определил сына в ученики к своему старому другу, а на самом деле почти поручил мистеру Гибсону опеку и наставление мальчика, надавав много указаний, которые считал необходимыми в данном случае. На что мистер Гибсон с оттенком беспокойства заверил майора, что в любом случае всегда заботится о каждом ученике. Но когда бедный майор осмелился попросить, чтобы его мальчик считался членом семьи и мог бы проводить вечера в гостиной, а не в приемной, мистер Гибсон прямо отказал ему.

– Он должен жить, как другие. Я не могу допустить, чтобы пестик и ступку приносили в гостиную, которая бы пропахла алоэ.

– Мой мальчик должен сам готовить лекарство? — уныло спросил майор.

– Несомненно. Самый младший ученик всегда готовит лекарство. Это нетрудно. Он будет утешать себя мыслью, что не ему придется его глотать. Он будет бесплатно есть пастилки, варенье из шиповника, а по воскресеньям он будет пробовать финики в награду за свои недельные труды в приготовлении лекарства.

Майор Кокс не был уверен, не смеется ли над ним исподтишка мистер Гибсон. Но обо всем было уже давно договорено и истинные преимущества были так велики, что он подумал, что лучше не обращать внимания и даже покориться унижению и изготовлять лекарства. Зато его успокоило поведение мистера Гибсона, когда, наконец, наступил момент расставания. Доктор мало говорил, но в его манерах было неподдельное сочувствие, что отзывалось в сердце отца словами «вы доверили мне своего

мальчика, я полностью принимаю ответственность за него».

Мистер Гибсон знал свое дело и человеческую натуру слишком хорошо, чтобы сделать юного Кокса любимчиком. Но время от времени он не мог не показать парню, что относится к нему с особым интересом как к сыну своего друга. Кроме того, такое отношение требовалось самому молодому человеку, что доставляло удовольствие мистеру Гибсону. Мистер Кокс был безрассудным и импульсивным, был склонен говорить, порой попадая в точку с произвольным умением, а в другой раз — делая грубые и поразительные промахи. Мистер Гибсон обычно говорил ему, что его девизом всегда будет «убить или вылечить», и на это однажды мистер Кокс ответил, что, по его мнению это самый лучший девиз, что есть у доктора. Поскольку если он не сможет вылечить пациента, то для последнего это будет самый лучший способ уйти из этой нищенской жизни тихо и сразу. Мистер Уинн посмотрел на него с удивлением и заметил, что такое избавление от нищеты люди могут счесть убийством. Мистер Гибсон сухо ответил, что со своей стороны он бы не считал это обвинением в убийстве, но он бы не стал избавляться от выгодных пациентов так скоро. Он считает, что так как они желают и могут платить две с половиной кроны за визит доктора, его долг оставить их в живых. Конечно, когда они становятся бедняками, дело другое. Мистер Уинн размышлял над его словами, мистер Кокс только смеялся. Наконец, мистер Уинн сказал:

— Но вы, сэр, каждое утро уходите до завтрака, чтобы навестить старую Нэнси Грант, вы заказали ей лекарство, сэр, самое дорогое в списке Корбина.

— Разве вы не выяснили, как людям трудно жить согласно их правилам? Вам еще многому надо учиться, мистер Уинн! — сказал Гибсон и вышел из кабинета.

— Я никогда не мог понять учителя, — сказал мистер Уинн с отчаянием в голосе. — Над чем вы смеетесь, Кокси?

— О, я думаю о том, как вы счастливы, имея родителей, которые внушили вашей юной душе моральные принципы. Вы бы пошли и отравили всех бедняков, если бы ваша матушка не сказала вам, что убийство это преступление. Вы бы думали, что поступаете так, как вам велено, и цитировали бы слова старого Гибсона, когда пришли попытаться. «Пожалуйста, мой божественный судья, они не в состоянии оплатить мои визиты, поэтому я последовал правилам профессии, которым учил меня мистер Гибсон, великий хирург Холлингфорда, и отравил бедняков».

— Я не выношу эту его насмешливую манеру.

— А мне она нравится. Если бы не шутки учителя, финики и кое-что

еще, я сбежал бы в Индию. Я ненавижу душные комнаты, больных, запах лекарств и отвратительный запах пилюль на своих руках. Фу!

[1] В начале 19 в. господствовали именно французские ученые. При Наполеоне наука была признана профессией и получила государственное финансирование и поддержку, чего не было в Британии.

[2] *bien entendu* — (с фр.) конечно, разумеется.

[3] Имеется в виду война с Наполеоном.

[4] Гептархия — дословно Семицарствие, семь королевств англов и саксов, которые, предположительно, существовали в 7–8 веках.

[5] Руд — единица площади, равняется $\frac{1}{4}$ акра.

[6] Йомен — крестьянин в Англии 14–18 вв., ведущий, как правило, самостоятельное хозяйство.

[7] Рагби — одна из девяти старейших престижных мужских привилегированных частных средних школ в Рагби, графство Уорикшир; основана в 1567.

[8] В басне Эзопа осел, завидуя собачке, которую ласкал хозяин, неуклюже лягнул его в надежде на подобное внимание, но вместо ласки был побит.

Глава V

Юношеское увлечение

Однажды по какой-то причине мистер Гибсон неожиданно вернулся домой. Войдя через садовую дверь — сад примыкал к конюшне, где доктор оставлял лошадь — он как раз проходил по коридору, когда дверь кухни отворилась, и девушка, самая младшая из домашней прислуги, быстро вышла в коридор с запиской в руке, собираясь отнести ее наверх. Но, заметив хозяина, она вздрогнула и повернула назад, чтобы скрыться на кухне. Если бы она не вернулась, что подтвердило ее вину, мистер Гибсон, от природы не подозрительный, никогда бы не обратил на нее внимания. Но поскольку так случилось, он быстро шагнул вперед, открыл дверь кухни и выкрикнул «Бетия» так резко, что она без промедления вышла к нему.

– Дай мне ту записку, — сказал он.

Служанка немного замешкалась.

– Это для мисс Молли, — запинаясь, произнесла она.

– Дай ее мне! — повторил он уже тише. Девушка была готова заплакать, но по-прежнему крепко держала записку за спиной.

– Он сказал, что я должна передать ей записку в собственные руки, и я честно обещала, что передам.

– Кухарка, сходи и найди мисс Молли. Скажи ей немедленно прийти сюда.

Он не сводил глаз с Бетии. Сбежать было бесполезно, она могла бы бросить записку в огонь, но ей не хватило присутствия духа. Девушка стояла неподвижно, стараясь не встречаться глазами с неподвижным взглядом хозяина.

– Молли, моя дорогая!

– Папа, я не знала, что ты дома, — простодушно ответила удивленная Молли.

– Бетия, сдержи свое слово. Вот мисс Молли. Отдай ей записку.

– Поверьте, мисс, я ничего не могла поделать!

Молли взяла записку, но прежде чем она успела открыть ее, отец сказал:

– Это все, моя дорогая. Тебе не нужно читать. Отдай записку мне. Передай тем, кто послал тебя, Бетия, что все письма для мисс Молли должны проходить через мои руки. Теперь ступай назад, гусенок.

– Папа, я заставлю тебя сказать, кто мне пишет.

– Мы подумаем об этом позднее.

Молли ушла неохотно, с неудовлетворенным любопытством, наверх к мисс Эйр, которая по-прежнему днем была ее компаньонкой, если не гувернанткой. Мистер Гибсон вернулся в пустую столовую, закрыл дверь, сломал печать на записке и начал читать. Это было пылкое любовное послание от мистера Кокса. Он открыто признавался, что больше не в состоянии видеть Молли день за днем и молчать о своем чувстве к ней — «непреходящем чувстве», как он его назвал — читая эти строки, мистер Гибсон немного посмеялся. Не посмотрит ли она на него добродушно? Не подумает ли о том, чьи мысли заняты только ею? и тому подобное с надлежащими пылкими комплиментами ее красоте. Она — прекрасна, не бледна, ее глаза — путеводные звезды, а ямочки на щеках — след от пальчиков Купидона и так далее.

Мистер Гибсон закончил читать письмо и стал размышлять над ним. «Кто бы мог подумать, что парень так поэтичен, без сомнения в библиотеке кабинета есть Шекспир — я уберу его и вместо этого поставлю «Словарь Джонсона». Утешает одно — я убежден в ее абсолютной невинности... неведении, я бы сказал... поскольку легко понять, что это

его первое «признание в любви», как он его называет. Однако, когда поклонники появляются так рано — это может причинить много беспокойства. Ей же только семнадцать... нет, семнадцать будет только в июле, не раньше чем через шесть недель. Шестнадцать и девять месяцев! Ведь она же совсем ребенок. Конечно, бедной Джини было немногим больше, а как я любил ее! (Миссис Гибсон звали Мэри, доктор, должно быть, вспомнил кого-то еще.) Его мысли вернулись к прежним дням, хотя в руке он по-прежнему держал раскрытое письмо. Спустя некоторое время взгляд доктора наткнулся на листок бумаги, а мысли вновь обратились к настоящему. «Я не буду с ним суров. Я намекну ему. Он достаточно сметлив, чтобы понять намек. Бедный паренек! Если я отошлю его, что было бы очень разумно, ему некуда будет ехать».

Еще немного поразмышляв, мистер Гибсон пошел, сел за письменный стол и написал следующий рецепт:

«Господин Кокс!

(«Слово «господин» заденет его за живое», — сказал себе мистер Гибсон, написав обращение.)

Возьмите скромности унцию,

Унцию почтительности к домочадцам,

Три грана уважения.

Перемешайте. Принимайте трижды в день, запивая водой.

Р. Гибсон, врач».

Мистер Гибсон печально улыбнулся, перечитав написанное. «Бедная Джини», — произнес он вслух. Потом выбрал конверт, вложил пылкое любовное письмо и вышеупомянутый рецепт. Он запечатал конверт вырезанной на перстне печаткой со староанглийскими буквами «Р.Г.», а затем задумался над адресом.

«Внешне он совсем не похож на господина Кокса. Не нужно излишне стыдить его». Поэтому конверт был адресован...

«Эдварду Коксу, эсквайру».

Затем мистер Гибсон занялся своими медицинскими делами, что привели его домой так внезапно и своевременно, а позднее прошел через сад в конюшню, и, сев на лошадь, сказал конюху:

— О, кстати, вот письмо для мистера Кокса. Не передавайте его через служанок, сами пройдите к приемной и тотчас отдайте его.

Легкая улыбка сошла с его губ, как только он выехал за ворота и

оказался в одиночестве на дороге. Он замедлил шаг лошади и начал думать. Очень трудно, размышлял он, растить девочку, лишенную матери, которая становится женщиной в том же доме, где живут два молодых человека, даже если она встречается с ними только за столом, и все их общение сводится к фразам: «Можно я предложу вам картофель?» или, как упорно продолжал говорить мистер Уинн, «Могу я помочь вам с картофелем?», этот оборот речи с каждым днем все больше и больше раздражал слух мистера Гибсона. Однако, мистеру Коксу, зачинщику всей этой истории, придется оставаться учеником мистера Гибсона еще более трех лет. Он будет самым последним из их числа. Все же должны пройти еще три года, и если это глупое чувство юношеской влюбленности не пройдет, что тогда делать? Рано или поздно Молли узнает об этом. Обстоятельства этой истории были слишком неприятными, чтобы о них думать, поэтому мистер Гибсон решил выкинуть эти мысли из головы с помощью хорошей скачки. Он пустил лошадь галопом и убедился, что сильная встряска на дорогах — они были вымощены круглыми булыжниками, которые разбросала разрушительная сила столетий — самое лучшее лекарство для поднятия настроения, если не для тела. Этим днем он совершил долгую прогулку и приехал домой, полагая, что худшее закончилось, и что мистер Кокс уже понял намек, выраженный в рецепте. Все, что нужно было сделать, это найти надежное место для несчастной Бетии, которая проявила отчаянную склонность к интригам. Но мистер Гибсон просчитался. У молодых людей входило в привычку присоединяться к семье за чаем в столовой, проглатывать две чашки, чавкая хлебом или тостами, а затем исчезать. Этим вечером мистер Гибсон наблюдал за их поведением украдкой, из-под длинных ресниц, пока пытался против обыкновения вести себя свободно и поддерживать оживленный разговор на общие темы. Он заметил, что мистер Уинн вот-вот готов разразиться смехом, и что рыжеволосый и краснолицый мистер Кокс краснее и агрессивнее, чем обычно, а весь его внешний вид и поведение выдают негодование и злость.

«Он ведь будет объясняться?» — подумал про себя мистер Гибсон, и препоясал чресла для битвы. Он не последовал за Молли и мисс Эйр в гостиную, как обычно. Он остался в столовой, делая вид, что читает газету, пока Бетия с распухшим от слез лицом и с оскорбленным видом убирала со стола чайные приборы. Комната опустела, и не прошло и пяти минут, как раздался ожидаемый стук в дверь. «Можно поговорить с вами, сэр?» — произнес за дверью мистер Кокс.

– Конечно. Входите, мистер Кокс. Мне бы хотелось поговорить с вами

о том списке Корбина. Прошу, садитесь.

– Не о том, сэр, мне хотелось...я бы хотел... Нет, спасибо... я лучше постою, — он стоял с видом оскорбленного достоинства. — О том письме, сэр... том письме с обидным предписанием, сэр.

– Обидным предписанием! Меня удивляет, что такое слово применили к моему рецепту... хотя, конечно, пациенты иногда обижаются, когда им раскрывают природу их болезни. И, смею сказать, они могут обидеться и на лекарство, которое требуется в их случае.

– Я не просил вас назначать мне лекарство.

– О, нет! Но именно вы, господин Кокс, послали записку через Бетию. Позвольте мне сказать вам, эта записка стоила ей места и была, к тому же, очень глупой.

– Вы поступили не по-джентльменски, сэр, перехватив ее, вскрыв и прочитав строки, адресованные не вам, сэр.

– Нет! — ответил мистер Гибсон, сверкнув глазами и искривив губы, но возмущенный мистер Кокс этого не заметил. — Когда-то меня считали довольно красивым, и, смею сказать, я был таким же самодовольным хлыщом, как любой в двадцать лет. Но не думаю, что даже тогда я должен был считать, что все милые комплименты адресованы мне.

– Это был поступок не джентльмена, сэр, — повторил мистер Кокс, запинаясь, он собирался еще что-то сказать, когда его перебил мистер Гибсон.

– И позвольте мне сказать вам, молодой человек, — повторил мистер Гибсон с неожиданной твердостью в голосе, — тому, что вы сделали, есть единственное извинение — ваша молодость и совершенное незнание того, что называется законами семейного уважения. Я принял вас в своем доме, как члена семьи, а вы убедили мою служанку... подкупили ее, я не сомневаюсь...

– На самом деле, сэр, я не дал ей ни пенни.

– Тогда вам следовало это сделать. Вам следует всегда платить тем, кто выполняет вашу грязную работу.

– Только что, сэр, вы назвали это подкупом, — пробормотал мистер Кокс.

Мистер Гибсон не обратил внимания на эти слова и продолжил:

– Убедили мою служанку рискнуть своим местом, не предложив ей самое малое возмещение, упросив ее тайно передать записку моей дочери...совсем ребенку.

– Сэр, мисс Гибсон почти семнадцать! Я слышал, как вы это сказали на днях, — ответил мистер Кокс, которому было двадцать. И снова мистер

Гибсон пропустил замечание мимо ушей.

— Вам не хотелось, чтобы записку видел ее отец, безропотно полагавшийся на вашу честность, принявший вас, как члена семьи. Сын вашего отца — я хорошо знаю майора Кокса — должен был прийти ко мне и открыто признаться: «Мистер Гибсон, я люблю... или думаю, что люблю... вашу дочь. Думаю, что неправильно скрывать это от вас, хотя я не в состоянии заработать и пенни. И, не имея шанса самому заработать себе на жизнь в течение нескольких лет, я не скажу ни слова о своих чувствах... или выдуманных чувствах... самой молодой леди». Вот, что сын вашего отца должен был сказать, если не лучше было бы умолчать обо всем.

— И если бы я сказал все это, сэр... возможно, мне следовало это сказать, — произнес бедный мистер Кокс, торопясь от волнения, — что бы вы ответили? Вы бы одобрили мои чувства, сэр?

— Я бы сказал, вполне вероятно... я не могу точно передать свои предполагаемые слова... что вы молодой глупец, но не бесчестный молодой глупец, и я бы сказал вам, не позволяйте себе думать о юношеской влюбленности, пока она не перерастет в сильное чувство. И осмелюсь сказать, чтобы возместить огорчение, я бы посоветовал вам, я бы прописал вам вступить в Крикетный клуб Холлингфорда и как можно чаще отпускал бы вас в субботу днем. А раз так, я должен написать поверенному вашего отца в Лондон и попросить его забрать вас из моего дома, выплатив вам возмещение, конечно, чтобы вы снова начать учиться у какого-нибудь доктора.

— Это так огорчит моего отца, — пробормотал бедный мистер Кокс смятенно, если не раскаиваясь.

— Я не вижу другого выхода. Это доставит майору Коксу неприятности — я позабочусь, чтобы он не чрезмерно потратился — но думаю, что более всего его огорчит злоупотребление доверием, я доверял вам, Эдвард, как собственному сыну! — тон голоса мистера Гибсона менялся, когда он говорил серьезно, особенно о собственных чувствах — он, который так редко открывал то, что лежит у него на сердце, и этот переход от шуток и сарказма к трогательной серьезности привлекал большинство людей.

Мистер Кокс опустил голову и размышлял.

— Я люблю мисс Гибсон, — сказал он, наконец. — Кто бы смог удержаться?

— Мистер Уинн, полагаю, — ответил мистер Гибсон.

— Его сердце уже занято, — промолвил мистер Кокс. — Мое было

свободно, как ветер, пока я не увидел ее.

– Смогло бы излечить вашу... скажем, страсть... если бы она надевала синие очки за обедом? Замечу, вы подробно остановились на красоте ее глаз.

– Вы смеетесь над моими чувствами, мистер Гибсон. Вы забыли, что когда-то сами были молоды.

«Бедная Джини» предстала перед глазами мистера Гибсона, и он почувствовал укор.

– Пойдите, мистер Кокс, давайте посмотрим, не можем ли мы заключить сделку, — сказал он, помолчав минуту или две. — Вы плохо поступили, и я надеюсь, в глубине души убедились в этом, или убедитесь позднее, когда пройдет раздражение от спора, и вы немного подумаете. Но я не потеряю уважение к сыну вашего отца. Если вы дадите мне слово, что пока вы остаетесь членом моей семьи — учеником, подмастерьем, как захотите — вы не попытаетесь снова открыть свои чувства — видите, я стараюсь принять ваше понимание того, что я назвал бы простой иллюзией — словом, письмом, взглядами или поступками, каким бы то ни было способом, моей дочери или поговорить о ваших чувствах с кем-то еще, вы останетесь здесь. Если вы не можете дать мне слово, я должен поступить так, как сказал, и написать поверенному вашего отца.

Мистер Кокс застыл в нерешительности.

– Мистер Уинн знает, что я чувствую к мисс Гибсон, сэр. У нас нет секретов друг от друга.

– Что ж, полагаю, он должен изображать тростник. Вы знаете притчу о брадобрее царя Мидаса, который обнаружил, что у его царственного хозяина уши осла под гиацинтовыми кудрями. Поэтому брадобрей за неимением мистера Уинна отправился к тростнику, что рос на берегу соседнего озера и прошептал ему: «У царя Мидаса уши осла». Но он повторял это так часто, что тростник запомнил слова и продолжал нашептывать их весь день, пока, наконец, секрет перестал быть секретом. Если вы продолжите рассказывать свою историю мистеру Уинну, вы уверены, что он в свою очередь не повторит ее?

– Если я даю слово джентльмена, сэр, я так же ручаюсь и за мистера Уинна.

– Думаю, я должен рискнуть. Но помните, как легко можно запятнать и замарать имя молодой девушки. У Молли нет матери, поэтому она должна жить среди вас такая же невредаемая, как сама Уна[1].

– Мистер Гибсон, если вы пожелаете, я поклянусь на Библии, — воскликнул взволнованный юноша.

– Вздор! Как будто вашего слова, если оно чего-то стоит, недостаточно! Мы пожмем руки, если хотите.

Мистер Кокс с горячностью шагнул вперед и почти вдавил кольцо мистера Гибсона в палец.

Выходя из комнаты, он спросил тревожно: — Можно я дам Бетии крону?

– Нет, не нужно. Предоставьте Бетию мне. Надеюсь, вы ни словом с ней не обмолвитесь, пока она здесь. Я прослежу, чтобы она получила приличное место, когда уйдет.

Затем мистер Гибсон позвонил, чтобы оседлали его лошадь, и отправился совершить последние визиты на сегодня. Он считал, что объезжает вокруг света в течение года. В графстве было не так много докторов, имевших такую обширную практику, как у него. Он ездил к уединенным домикам на границе огромных общинных земель, к фермерским коттеджам, стоявшим в конце узких деревенских тропинок, которые никуда не вели и которые затеняли вяза и буки. Мистер Гибсон посещал все дворянство в радиусе пятнадцати миль вокруг Холлингфорда. Его назначили доктором к еще более знатным семействам, которые уезжали в Лондон в феврале — была в те времена такая мода — и возвращались в свои поместья в начале июля. Доктор вынужден был проводить большую часть времени вне дома и в этот тихий летний вечер ощущал свое отсутствие, как огромное несчастье. Он был поражен, когда понял, что его малышка быстро превратилась в женщину и уже стала тайным объектом чьих-то сильных чувств, что волнуют жизнь женщины. А он — и мать ее, и отец

– находится так далеко, что не может защитить свою дочь, как ему хотелось. Поразмыслив, мистер Гибсон решил на следующее утро отправиться к Хэмли, как раз тогда он и предложил своей дочери принять последнее приглашение миссис Хэмли — приглашение, которое в свое время вежливо отклонял.

– Вы можете процитировать мне пословицу «Он тот, кто не хочет, когда может, а когда захочет, уже не сможет». И у меня нет причин жаловаться, — сказал он.

Но миссис Хэмли была слишком очарована перспективой заполучить в качестве госты молодую девушку, которую не нужно будет развлекать, которую можно отправить бродить по парку, попросить почитать, когда больная слишком устанет от разговора, и ту, чья молодость и свежесть привнесут очарование, как дуновение ласкового летнего ветерка, в ее уединенную, замкнутую жизнь. Нет ничего приятнее, поэтому вопрос о

визите Молли в Хэмли был легко улажен.

— Мне только хочется, чтобы Осборн и Роджер были дома, — сказала миссис Хэмли тихим, мягким голосом. — Она может заскучать, находясь в компании таких стариков, как я и сквайр, с утра до вечера. Когда она сможет приехать? Дорогая... я уже начинаю любить ее.

В душе мистер Гибсон был очень рад, что молодых людей не было дома. Ему не хотелось, чтобы его маленькая Молли металась между Сциллой и Харибдой. Но потом он посмеялся над собой, думая, будто все молодые люди — волки, что гоняются за его единственным сокровищем.

— Она ничего не знает об удовольствии, уготованном для нее, — ответил он. — И, разумеется, я не знаю, какие женские приготовления она сочтет необходимыми, и сколько времени они займут. Вы вспомните, она немного невежественна, и не имела... не обучалась этикету. Боюсь, наша домашняя жизнь довольно сурова для девушки. Но я знаю, что не мог бы отправить ее в более сердечную атмосферу, чем ваша.

Когда сквайр от своей жены узнал о предложении мистера Гибсона, он, так же как и она, обрадовался юной гостье, поскольку был человеком искренним и гостеприимным, когда его гордость не препятствовала удовольствию, и он был рад, что у его жены появится такая приятная компаньонка в часы одиночества. Спустя некоторое время он сказал: — Хорошо, что мальчики в Кэмбридже, если бы они были дома, у нас мог бы случиться любовный роман.

— А если бы и случился? — спросила более романтическая жена.

— Этого не случилось бы, — решительно возразил сквайр. — Осборн получит превосходное образование — такое же хорошее, как у любого другого в графстве, — он получит это поместье, он — Хэмли из Хэмли. В графстве больше нет таких же старинных семей, как наша, что так же прочно обосновались на своей земле. Осборн может жениться там, где пожелает. Если бы у лорда Холлингфорда была дочь, Осборн составил бы ей прекрасную партию, как требует ее положение. Ему не стоит влюбляться в дочь Гибсона — я никогда этого не позволю. Поэтому хорошо, что его нет дома.

— Что ж! Возможно, Осборну следовало бы искать более знатную девушку.

— «Возможно!» Я говорю, он должен, — сквайр ударил кулаком по столу, отчего сердце его жены забилося чаще. — А что касается Роджера, — продолжил он, не осознавая, в какое волнение привел свою жену, — ему придется самому пробивать себе дорогу и зарабатывать себе на хлеб. Боюсь, он не очень блестяще преуспевает в Кэмбридже. Он не

должен помышлять о романах ближайшие десять лет.

– Если он не женится на удаче, — ответила миссис Хэмли больше ради того, чтобы скрыть свою дрожь, чем просто ради ответа, поскольку была не от мира сего и слишком романтична.

– Ни один из моих сыновей не возьмет в жены женщину, которая богаче его самого, с моего благословения, — снова произнес сквайр с ударением, но без удара. — Я бы не возражал, если бы Роджер, зарабатывая пятьсот фунтов в год к тридцати годам, не выбрал себе в жены женщину с десятью тысячами фунтов, но я был бы против, если бы мой мальчик только с двумястами фунтами в год — все, что Роджер получит от нас, и это ненадолго — женился бы на женщине с пятьюдесятью тысячами приданого, я отрекусь от него, это было бы просто отвратительно.

– А если бы они любили друг друга, и их счастье целиком зависело бы от женитьбы? — спокойно заметила миссис Хэмли.

– Фу! Прочь любовь! Нет, моя дорогая, мы любили друг друга так сильно, что никогда бы не были счастливы с кем-то еще, но это совсем другое. Люди сейчас не такие, какими были в годы нашей молодости. Вся любовь в наши дни — всего лишь глупая фантазия и слезливый роман, насколько я понимаю.

Мистер Гибсон считал, что уладил все относительно приезда Молли в Хэмли, прежде чем поговорил с ней об этой поездке, но сделал это лишь утром того дня, когда миссис Хэмли ожидала ее. Он сказал:

– Между прочим, Молли, сегодня днем ты должна поехать в Хэмли. Миссис Хэмли хочет, чтобы ты приехала к ней на пару недель, и меня вполне устроит, если ты примешь ее приглашение прямо сейчас.

– Поехать в Хэмли?! Сегодня днем?! Папа, ты задумал что-то странное, что-то тайное. Пожалуйста, скажи мне, что это. Поехать в Хэмли на пару недель! За всю мою жизнь я никогда не уезжала из дома без тебя.

– Возможно, и нет. Я не думаю, что ты пошла прежде, чем встала на землю. Все когда-то начинается.

– Это связано с тем письмом, которое было адресовано мне, и которое ты забрал из моих рук до того, как я смогла прочитать адрес, — она не сводила своих серых глаз с лица отца, словно намеревалась вывести его секрет.

Он только улыбнулся и сказал:

– Ты — колдунья, гусенок.

– Значит, связано! Если это была записка от миссис Хэмли, почему мне нельзя было ее прочитать? Я думала, не задумал ли ты что-нибудь после того дня... четверга, верно? Ты уехал с таким задумчивым и

озабоченным видом, как заговорщик. Скажи мне, папа, — приблизившись к отцу, умоляла Молли, — почему я не могла посмотреть ту записку? И почему я должна ехать к Хэмли так неожиданно?

– Тебе не хочется ехать? Ты бы предпочла не ехать?

Если бы она ответила, что не хочет, он был бы скорее доволен, чем расстроен, хотя этот ответ поставил бы его в довольно затруднительное положение, он начал страшиться разлуки с ней даже на короткий срок. Тем не менее, она ответила откровенно:

– Я не знаю... пожалуй, мне бы хотелось поехать, если бы у меня было немного больше времени, чтобы подумать об этом. Сейчас меня очень пугает эта внезапная поездка, я не думала, понравится она мне или нет. Мне бы не хотелось уезжать от тебя, я знаю. Почему я должна ехать, папа?

– Где-то сидят три старые женщины и в эту самую минуту думают о тебе. У одной в руках ручная прялка, она прядет нить. Но на нити образовался узелок, и она озадачена, что с ним делать. У ее сестры в руках ножницы, и она хочет — как делает всегда, когда какая-нибудь помеха нарушает плавность нити — отрезать ее. Но третья, у которой самая умная голова из них троих, размышляет, как развязать узел. И именно она решила, что ты должна поехать в Хэмли. Ее доводы убедят других. Поэтому, раз Судьба определила, что этот визит нужно нанести, тебе и мне ничего не остается, как подчиниться.

– Это все небылица, папа, и ты только разжег мое любопытство, чтобы выяснить эту скрытую причину.

Мистер Гибсон теперь сменил тон и заговорил серьезно.

– Есть причина, Молли, которую мне бы не хотелось открывать. Я скажу тебе только одно, я жду, что ты будешь честной девочкой и постарайся даже не строить догадок, в чем может быть причина — по крайней мере, не пытайся собирать догадки воедино, иначе ты обнаружишь то, что я хочу скрыть.

– Папа, я даже не буду думать о твоей причине. Но тогда мне придется побеспокоить тебя другим вопросом. В этом году у меня еще не было новых платьев, я выросла из всех прошлогодних летних нарядов. Я могу надеть только три из них. Только вчера Бетти говорила, что мне нужны еще платья.

– А разве то, что надето на тебе, не подойдет? У него очень приятный цвет.

– Да, но, папа, — Молли расправила платье, словно собралась танцевать, — оно шерстяное, тяжелое, в нем так жарко. А с каждым днем

становится все теплее.

– Мне бы хотелось, чтобы девочки одевались, как мальчики, — ответил мистер Гибсон с нетерпением. — Откуда мужчине знать, когда его дочери нужна одежда? И как он должен одеть ее, когда выясняет, что ей нужны платья, а их у нее нет?

– Ах, вот в чем вопрос! — сказала Молли с некоторым отчаянием.

– Может, ты сходишь к мисс Роуз? Разве у нее нет готовых платьев для девушек твоего возраста?

– Мисс Роуз?! Я никогда в жизни ничего у нее не покупала, — ответила Молли, удивившись. Мисс Роуз была великолепной портнихой и модисткой в маленьком городке, но до сих пор Бетти сама шила девичьи платья.

– Что ж, кажется, теперь тебя считают молодой девушкой, и полагаю, ты должна делать долги у модистки, как другие девушки. Это не означает, что ты должна получать все и везде, не оплачивая покупку наличными. Вот десять фунтов, сходи к мисс Роуз или к мисс Как-ее-там и сразу купи то, что тебе нужно. Экипаж Хэмли приедет за тобой в два, и все, что не будет еще готово, без труда можно будет отослать с их повозкой в субботу, кто-нибудь из их людей всегда приезжает в этот день на рынок. Нет, не благодари меня! Я не хочу тратить деньги и не хочу, чтобы ты уезжала и покидала меня. Я буду скучать по тебе, я знаю. И только жесткая необходимость заставляет меня отсылать тебя с этим визитом и выбрасывать десять фунтов на твою одежду. Вот, ступай, мое наказание, и я намерен перестать любить тебя как можно скорее.

– Папа! — Молли держала пальцы, словно предупреждала, — ты снова становишься таинственным, и хотя моя порядочность очень стойкая, я не стану обещать, что она не уступит любопытству, если ты продолжишь намекать на нераскрытые тайны.

– Ступай и потрать свои десять фунтов. Зачем я отдал их тебе, как не затем, чтобы ты молчала?

Запасы готового платья мисс Роуз и вкус Молли вполне совпали. Девочка купила сиреневое ситцевое платье, потому что его можно было стирать, и оно было прохладным и приятным для утра, а Бетти могла подогнать его к субботе. А для праздничных случаев, под которыми понимались дневное время и воскресные дни, мисс Роуз убедила ее заказать пеструю тонкую шотландку, которая, как она уверила Молли, была последним пискom моды в Лондоне, и Молли подумала, что это польстит шотландским корням отца. Но когда мистер Гибсон увидел клочок ткани, который она принесла домой как образец, он воскликнул,

что эта шотландка не принадлежит никакому клану, и что Молли должна была интуитивно это знать. Было уже слишком поздно что-то менять, поскольку мисс Роуз обещала раскрыть платье сразу же, как только Молли вышла из магазина.

Мистер Гибсон слонялся по городу все утро вместо того, чтобы отправиться со своими обычными дальними визитами. Пару раз он проходил мимо дочери, но не переходил улицу, когда оказывался на другой стороне, а только бросал в ее сторону взгляд или кивал и продолжал свой путь, ругая себя за слабость при мысли об ее отсутствии в течение двух недель.

«И, несмотря на это, — думал он, — я останусь там же, откуда начал, когда она вернется, по крайней мере, если этот глупый парень не перестанет питать свою воображаемую страсть. Ей придется вернуться через какое-то время, и если он предпочтет вообразить, что его чувства неизменны, это грозит всевозможными неприятностями». Некоторое время спустя он начал напевать мотив из «Оперы нищего»[2]:

Зачем девчонка у меня родилась,
Нам на горе?

[1] Уна символизирует собой истину и Протестантизм в «Королеве фей» Эдмунда Спенсера (1552–1599) и проходит невредимой через все опасности. Ее противоположность, Дуэсса, символизирует лживость и Католицизм.

[2] Опера нищего / Опера нищих (The Beggar's Opera) — балладная опера Джона Гейя и И.К. Пепуша. Это пародия на итальянскую оперу-серия, главным представителем которой в Англии был в ту пору Г.Ф. Гендель. Премьера состоялась в Лондоне 29 января 1728 г. (Пер. П.В. Мелковой).

Глава VI

Визит в Хэмли

Новость о скором отъезде мисс Гибсон разнеслась по дому еще до того, как часы пробили час дня — время обеда. Мрачный вид мистера Кокса и отсутствие аппетита, которыми тот демонстрировал свою сильную печаль, сильно раздражали мистера Гибсона. Он то и дело бросал на юношу укоризненный взгляд. Но Молли не заметила этой печали, она была слишком взволнована, чтобы думать или наблюдать. Только пару раз у нее промелькнула мысль о том, сколько дней должно пройти, прежде чем она

снова будет обедать со своим отцом.

Молли сказала ему об этом после обеда, когда они сидели в гостиной, ожидая, не раздастся ли стук колес экипажа Хэмли, в ответ он рассмеялся и сказал:

– Завтра я заеду повидать миссис Хэмли, и полагаю, буду с ними обедать, поэтому тебе не придется долго ждать, прежде чем ты будешь иметь удовольствие наблюдать за тем, как кормится дикий зверь.

И тут они услышали звук подъехавшего экипажа.

– О, папа, — воскликнула Молли, схватив отца за руку. — Мне так не хочется ехать сейчас, когда пришло время.

– Чепуха, давай не будем сентиментальными. У тебя есть ключи? Это больше относится к делу.

Да, у нее были ключи и сумочка; небольшой дорожный сундук поставили на сиденье рядом с кучером, отец помог дочери сесть в экипаж, дверь закрылась, и Молли поехала в уединенной роскоши, оглядываясь назад и посылая поцелуи отцу, который стоял у ворот, несмотря на всю его нелюбовь к сантиментам, пока экипаж не скрылся из виду. Затем доктор вернулся в кабинет и застал мистера Кокса у окна. Юноша, словно помешанный, смотрел на пустую дорогу, по которой уехала молодая леди. Мистер Гибсон вывел его из задумчивости резким, почти злым замечанием о каком-то незначительном пренебрежении обязанностями пару дней назад. Он настоял, чтобы эту ночь мистер Кокс провел у кровати бедной девочки, чьи родители были измучены бессонными ночами после тяжелых трудовых дней.

Молли немного всплакнула, но тотчас сдержала слезы, вспомнив, как недоволен был бы отец, увидев их. Было очень приятно быстро катиться в роскошном экипаже по прелестным зеленым дорожкам, где шиповник и жимолость так обильны и свежи на изгородях, что пару раз ей хотелось попросить кучера остановиться, чтобы она смогла собрать букетик цветов. Молли стала бояться, что ее небольшое путешествие в семь миль скоро закончится, его единственными недостатками были ненастоящая шотландка шелкового платья и некоторая неуверенность в пунктуальности мисс Роуз. Наконец, они въехали в деревню: беспорядочно выстроенные коттеджи тянулись вдоль дороги, старая церковь утопала в зелени, рядом стояла гостиница, между церковными воротами и небольшим постоялым двором возвышалось огромное дерево, ствол которого был обнесен скамейкой. Ветви дерева простирались до самых ворот. Молли давно проехала дорожный указатель, но она знала, что это, должно быть, деревня

Хэмли, и они проезжают недалеко от усадьбы.

Через несколько минут они въехали в ворота парка и покатались по луговому мятлику, созревшему для сенокоса — здесь не было величественного оленьего парка и усадьбу из красного кирпича отделяло от проезжей дороги не более трехсот ярдов. С экипажем не посылали ливрейного лакея, но представительный слуга стоял у дверей, и до того, как они подъехали, он уже был готов встретить гостью и проводить в гостиную, где хозяйка лежала, ожидая ее.

Миссис Хэмли поднялась с дивана, чтобы приветливо встретить Молли. Произнесла приветствие, она продолжала держать руку девушки в своих руках, вглядывалась в ее лицо, словно изучая, и непроизвольный слабый румянец выступил на ее бледных щеках.

— Я думаю, мы станем большими друзьями, — произнесла она, наконец. — Мне нравится ваше лицо, а я всегда полагаюсь на первое впечатление. Поцелуйте меня, моя дорогая.

Намного легче выражать, нежели пассивно принимать «заверения в вечной дружбе», и Молли охотно поцеловала подставленную ей бледную щеку.

— Я намеревалась поехать и привезти вас сама, но жар мучает меня, и я чувствовала себя обессиленной. Надеюсь, ваша поездка была приятной?

— Очень, — кратко ответила Молли с робостью.

— А теперь я провожу вас в вашу комнату. Я поселю вас рядом с собой, я подумала, так будет лучше, хотя эта комната меньше, чем остальные.

Она с трудом поднялась, укутав шалью свою все еще грациозную фигуру, и повела гостью вверх. Спальня Молли примыкала к личной гостиной миссис Хэмли, с другой стороны была собственная спальня миссис Хэмли. Она показала Молли этот легкий способ общения, а потом, сказав гостье, что будет ждать ее в гостиной, закрыла дверь, и Молли, не спеша, стала знакомиться с обстановкой.

Прежде всего, она подошла к окну, чтобы посмотреть, какой из него открывается вид. Внизу был цветник, за ним простирался луг спелой травы, менявший цвет широкой волной под дуновением мягкого ветерка, с одной стороны возвышались огромные старые деревья, а в четверти мили за ними виднелось, если стоять очень близко у подоконника или высунуть голову из распахнутого окна, серебристое мерцание пруда. Панораму замыкали старые стены и высокие, заостренные крыши громадных ферм. Очарование тишины раннего лета нарушало только пение птиц и жужжание пчел. Прислушиваясь к этим звукам, которые усиливали

ощущение спокойствия, и угадывая предметы, плохо различимые на расстоянии или затененные, Молли забылась и внезапно пришла в себя, услышав звук голосов в соседней комнате — какая-то служанка или кто-то другой разговаривал с миссис Хэмли. Молли поспешила распаковать сундучок и сложить свои немногочисленные платья в красивый, старомодный комод, который к тому же должен был служить ей туалетным столиком. Вся мебель в комнате была старомодной, но хорошо сохранившейся. Ситцевые занавески были сшиты из индийского хлопка прошлого века — цвета почти размылись, но сама ткань была исключительно чистой. Прикроватный коврик заменяла небольшая дорожка, но деревянный пол, щедро выставляемый на показ, был сделан из мелковолокнутого дуба, так крепко скрепленного половица к половице, что ни одна пылинка не могла проникнуть в зазоры. В комнате не было ни одного предмета роскоши нового времени — ни письменного стола, ни дивана, ни трюмо. В углу висела полочка, на которой стоял индийский сосуд, наполненный цветочной смесью, ее аромат и запах выющейся жимолости за раскрытым окном наполняли комнату более тонким благоуханием, чем любая туалетная вода. Молли выложила свое прошлогоднее белое платье на кровать, приготовив его к новому для себя обычаю — переодеваться к обеду — и, поправив прическу, платье и взяв с собой шерстяную ткань, она осторожно открыла дверь и увидела миссис Хэмли, лежавшую на диване.

— Останемся здесь, моя дорогая? Думаю, здесь приятнее, чем внизу. И к тому же мне не придется подниматься вверх переодеваться.

— Мне здесь очень нравится, — ответила Молли.

— А, вы взяли с собой шитье, вот умница, — сказала миссис Хэмли. — Сейчас я мало шью. Я провожу много времени в одиночестве. Видите ли, оба моих мальчика в Кэмбридже, а сквайра весь день не бывает дома... поэтому я почти забыла, как шить. Я много читаю. Вы любите читать?

— Это зависит от книги, — сказала Молли. — Боюсь, мне не нравится «чтение по привычке», как его называет папа.

— Но вы любите поэзию, — сказала миссис Хэмли, почти перебив Молли. — Уверена, что любите, это видно по вашему лицу. Вы читали последнюю поэму миссис Хеманс[1]? Я прочту ее вам вслух?

И она начала читать. Молли была не столько поглощена стихотворением, сколько оглядывала комнату. Мебель здесь была такой же, как и в ее комнате. Старомодная, из прекрасного дерева и безупречно чистая, ее старинный и заграничный стиль придавал уют и живописность всей комнате. На стенах висело несколько карандашных набросков —

портретов. Молли показалось, что на одном из рисунков была изображена прекрасная и юная миссис Хэмли. Затем она заинтересовалась поэмой, перестала шить и прислушалась к словам, что пришлось по душе миссис Хэмли. Когда чтение поэмы закончилось, миссис Хэмли в ответ на восхищение Молли сказала:

– Ах! Думаю, как-нибудь вы должны прочесть несколько стихотворений Осборна, но с условием, что сохраните это в тайне, запомните, но я и в самом деле считаю, что они так же хороши, как поэзия миссис Хеманс.

В те дни иметь стихи «такие же хорошие, как у миссис Хеманс» много значило для молодых девушек, как если бы в наши дни сказали, что чья-то поэзия почти так же хороша, как Теннисона. Молли посмотрела на нее с возросшим интересом.

– Мистера Осборна Хэмли? Ваш сын пишет стихи?

– Да, думаю, его можно назвать поэтом. Он очень талантливый, умный молодой человек и надеется получить стипендию [2] в Тринити. Он говорит, что непременно займет высокое положение среди студентов и полагает, что получит одну из медалей Канцлера. Вот его портрет... тот, что висит на стене за вами.

Молли обернулась и увидела карандашный набросок, на котором были изображены два мальчика в юношеских брючках и курточках с отложными воротничками. Старший сидел, сосредоточенно читая. Младший стоял за ним и, очевидно, старался привлечь внимание читавшего к чему-то снаружи, за окном той самой комнаты, в которой они сейчас сидели, как поняла Молли, когда стала узнавать предметы мебели, едва обозначенные на рисунке.

– Мне нравятся их лица, — заметила Молли. — Полагаю, это было нарисовано так давно, что я могу говорить с вами о том, как они мне нравятся, словно они вам чужие, разве нет?

– Конечно, — ответила миссис Хэмли, как только поняла, что имела в виду Молли. — Скажите мне, что вы о них думаете, моя дорогая. Мне будет забавно сравнить ваши впечатления с их настоящими характерами.

– О! Но я не предполагала угадывать их характеры. Я бы не смогла этого сделать, это было бы неуместно. Я могу только описать их лица, как я их вижу на картине.

– Что ж, скажите мне, что вы думаете о них!

– Старший, тот, кто читает, очень красив. Но я не могу разглядеть его лица, потому что он наклонил голову, и я не вижу его глаз. Это мистер Осборн Хэмли, который пишет стихи?

– Да, он не так красив сейчас, но был красивым мальчиком. Роджер с ним не сравнится.

– Да, он не так красив. И все же, мне нравится его лицо. Я вижу его глаза. Они вдумчивые и такие серьезные. Но его лицо скорее веселое, чем грустное. Он спокойный и серьезный, слишком примерный, когда уговаривает брата оторваться от урока.

– О, это был не урок. Я помню, художник, мистер Грин, однажды застал Осборна за чтением стихов, а Роджер пытался убедить его выйти и покататься на телеге для сена — это и был «мотив» картины, говоря художественным языком. Роджер — не любитель чтения, по крайней мере, он не интересуется поэзией, рыцарскими или любовными романами. Он увлечен естествознанием, поэтому, как и сквайр, проводит много времени вне дома. А когда он дома, он всегда читает научные книги, имеющие отношение к его занятиям. Он добрый, спокойный юноша, хотя и доставляет нам большую радость, похоже, не сделает такую же блестящую карьеру, как Осборн.

Молли попыталась отыскать на картине характерные черты обоих мальчиков, как их только что описала мать. За вопросами и ответами о рисунках, висевших на стенах комнаты, и пролетело время, пока звонок, приглашающий переодеться к обеду, не прозвенел в шесть.

Молли была слегка напугана предложением служанки, которую послала миссис Хэмли, помочь ей.

– Боюсь, они ждут, что я буду очень нарядной, — продолжала она думать про себя, — если так, они будут разочарованы, вот и все. Как бы мне хотелось, чтобы мое шелковое платье из шотландки было готово.

Молли с некоторым беспокойством рассматривала себя в зеркале впервые в жизни. Она увидела стройную, худую фигурку, обещавшую стать высокой, цвет лица был несколько темнее кремового, хотя через пару лет лицо могло бы стать светлее; кудрявые черные волосы были завязаны в пучок на затылке розовой лентой; удлиненные, миндалевидные серые глаза были затенены изогнутыми черными ресницами.

– Не думаю, что я красива, — подумала Молли, отворачиваясь от зеркала, — и все же, я не уверена.

Она была бы уверена, если бы вместо того, чтобы изучать себя с такой серьезностью, просто улыбнулась своей милой, очаровательной улыбкой, показав ниточку зубов и прелестные ямочки на щеках.

Молли спустилась по лестнице в гостиную заранее, она смогла оглядеться и немного освоиться в своем новом доме. Комната была около сорока футов в длину, когда-то давно ее отделали желтым сатином,

обстановку составляли высокие стулья с тонкими ножками и раскладные столы. Ковер был таким же старым, что и занавеси, во многих местах он был протерт, а в других — покрыт драгетом[3]. Подставки с растениями, огромные кувшины с цветами, старый индийский фарфор и шкатулки придавали комнате приятный вид. И вдобавок к этому пять огромных, высоких окон на одной стене комнаты выходили на прелестнейший уголок цветника в парке — яркие, геометрической формы клумбы сходились к солнечным часам в центре. Сквайр вошел неожиданно в своей утренней одежде. Он замер в дверях, словно удивился, увидев незнакомку в белом платье в своем доме. Затем вдруг опомнился, и, когда Молли уже начала чувствовать себя напряженно, он сказал:

– Господи помилуй, я совершенно забыл о вас. Вы — Молли Гибсон, дочь Гибсона, ведь так? Приехали навестить нас? Я очень рад вас видеть, моя дорогая.

К этому моменту они сошлись в центре комнаты, и он пожал руку Молли со всей дружелюбностью, намереваясь этим возместить свою оплошность.

– Я должен пойти переодеться, — сказал сквайр, разглядывая свои запачканные гетры. — Мадам это нравится. Это одна из ее утонченных лондонских привычек, в конце концов, она и меня обломала. Очень хороший замысел, и вполне уместен, чтобы соответствовать дамскому обществу. Ваш отец переодевается к обеду, мисс Гибсон? — мистер Хэмли не стал дожидаться ответа, а поспешил сменить свой костюм.

Они обедали за небольшим столом в огромной, просторной комнате. В ней было так мало мебели, а сама комната была такой просторной, что Молли очень захотелось очутиться в скромной столовой родного дома. Нет, должно быть ужасно, что роскошный обед в Хэмли Холле не успел закончиться, а она уже сожалела, что люди не теснятся за столом, не спешат, быстро и непринужденно поглощая пищу, чтобы как можно быстрее вернуться к оставленной ими работе. Она старалась думать о том, что в шесть часов все дневные дела заканчивались, и люди могли засиживаться за столом, если им хотелось. Глазами она измеряла расстояние от буфета до стола, подсчитывая, сколько раз прислуге приходится носить подносы туда-сюда. Но, тем не менее, этот обед показался ей скучным делом, затянувшимся лишь потому, что это нравилось сквайру, из-за чего миссис Хэмли казалась утомленной. Она съела даже меньше, чем Молли, и послала за веером и нюхательными солями — бутылочкой, которой она заняла себя, пока убирали со стола и накрывали десерт на столике красного дерева, отполированном до

зеркального блеска.

Сквайр прежде бывал слишком занят и говорил за столом лишь о текущих делах, и о некоторых значительнейших изменениях в привычной монотонности его жизни, монотонности, которой он был рад, но которая порой угнетала его жену. Однако, теперь, очищая апельсин, он повернулся к Молли:

– Завтра вы будете это делать для меня, мисс Гибсон.

– Я? Я сделаю это сегодня, если желаете, сэр.

– Нет, сегодня я буду относиться к вам как к госте со всеми надлежащими церемониями. Завтра я буду посылать вас с поручениями и называть вас по имени.

– Мне это понравится, — сказала Молли.

– Мне хотелось называть вас менее строго, чем мисс Гибсон, — сказала миссис Хэмли.

– Мое имя Молли. Это устаревшее имя, и при крещении меня нарекли Мэри. Но папе нравится Молли.

– Это правильно. Придерживайтесь старых добрых традиций, моя дорогая.

– Должна признать, Мэри звучит приятнее Молли, и оно такое же старинное имя, — заметила миссис Хэмли.

– Я думаю так произошло, — сказала Молли, понижая голос и опуская глаза, — потому что маму звали Мэри, а меня называли Молли, когда она была жива.

– Ах, бедняжка, — произнес сквайр, не понимая знаков жены сменить тему разговора. — Я помню, как все сожалели, когда она умерла. Никто не думал, что у нее такое хрупкое здоровье, у нее был цветущий вид, пока она однажды не угасла, как можно сказать.

– Должно быть, это был ужасный удар для твоего отца, — сказала миссис Хэмли, видя, что Молли не знает, что ответить.

– Да, да. Это произошло так неожиданно, вскоре после того, как они поженились.

– Я думала, прошло почти четыре года, — заметила Молли.

– И четыре года — короткий срок для супругов, которые надеялись прожить жизнь вместе. Все думали, что Гибсон снова женится.

– Ш-ш! — произнесла миссис Хэмли, заметив по взгляду Молли и ее побледневшему лицу, что эта была новостью для нее. Но сквайра было не так легко остановить.

– Возможно, мне не следовало этого говорить, но это правда, — так все думали. Похоже, теперь можно сказать, что он не женится. Вашему

отцу ведь за сорок?

– Сорок три. Я не думаю, что он когда-либо помышлял о женитьбе, — сказала Молли, снова возвращаясь к этой мысли, как тот, кто только что узнал, какая опасность незаметно миновала его.

– Нет, я не верю, что он думал об этом. Он кажется мне человеком, который будет верен памяти жены. Вы не должны слушать то, что говорит сквайр.

– Ах, вам лучше уйти, если вы собираетесь учить мисс Гибсон, как пойти против хозяина дома.

Молли вышла в гостиную вместе с миссис Хэмли, но мысли ее остались прежними. Она не могла не задуматься об опасности, которой, как она вообразила, избежала, и поразилась собственной глупости, что не думала о вероятности повторной женитьбы отца. Молли поняла, что невпопад отвечает на замечания миссис Хэмли.

– Вот и папа вместе со сквайром! — внезапно воскликнула девушка.

Мужчины шли через цветник от конюшни, ее отец постукивал хлыстом по сапогам, чтобы придать им приличный вид, подходящий для гостиной миссис Хэмли. Он выглядел так привычно, так по-домашнему, что когда Молли увидела его во плоти, призрачные страхи о второй женитьбе, которые начали тревожить ее душу, развеялись. И приятная уверенность в том, что он, не отдыхая, приехал навестить ее, узнать, как она живет в своем новом доме, закралась в ее сердце, хотя он мало говорил с ней, и то лишь шутливым тоном. После того, как мистер Гибсон уехал, сквайр принялся учить Молли криббиджу[4], и она была рада уделить ему все свое внимание. Пока они играли, мистер Хэмли не переставая болтал, иногда по поводу карт, а в основном рассказывал ей небольшие истории, которые, он думал, могли бы заинтересовать ее.

– Значит, вы не знаете моих мальчиков, даже приблизительно. Я бы подумал, что вы познакомились, поскольку они любят ездить верхом в Холлингфорд, и мне известно, что Роджер довольно часто брал книги у вашего отца. Роджер из разряда ученых. Осборн — умный, как его мать. Я не удивлюсь, если однажды он издаст книгу. Вы неправильно считаете, мисс Гибсон. Я мог бы легко вас надуть.

И так далее, пока с торжественным видом не вошел дворецкий и не положил огромный молитвенник перед хозяином, который в спешке собрал в кучу карты, словно его застали за неуместным занятием. Затем горничные и слуги выстроились на молитву...окна до сих пор были открыты, и голоса одинокого коростеля и совы, ухавшей на дереве, смешивались с произносимыми словами. Затем отправились спать, так и

закончился день.

Молли выглянула из окна своей комнаты и, опираясь на подоконник, вдыхала ночной аромат жимолости. Мягкая, бархатная темнота скрыла все, что находилось вдалеке от нее, хотя она чувствовала его присутствие, как будто видела воочию.

«Я буду здесь счастлива», — подумала она, отвернувшись, в конце концов, от окна и начиная готовиться ко сну. Но вскоре слова сквайра о повторной женитьбе отца всплыли в ее памяти и разрушили приятное умиротворение последних мыслей. «На ком он мог бы жениться?» — спрашивала она себя. — «На мисс Эйр? Мисс Браунинг? Мисс Фиби? Мисс Гудинаф?» И одна за одной эти кандидатуры отвергались по веским причинам. И все же вопрос без ответа терзал ее душу и набрасывался из засады, тревожа сон.

Миссис Хэмли не спустилась к завтраку, и Молли с некоторым испугом обнаружила, что ей придется завтракать со сквайром *tete-a-tete*[5]. В это первое утро он отложил газеты — давно учрежденный журнал Тори, где публиковали все местные новости и новости графства, которые очень интересовали его, и Монинг Кроникл[6], газету, которую он называл своей дозой горькой настойки, и которая вызывала у него много сильных выражений и умеренно язвительных проклятий. Сегодня, тем не менее, сквайр был «сама воспитанность», как позднее он объяснил Молли, и увлекся, стараясь найти тему для разговора. Он мог говорить о своей жене и сыновьях, своем поместье, о способе ведения хозяйства, своих арендаторах и о плохом управлении на последних выборах графства. Молли интересовал ее отец, мисс Эйр, ее сад и пони, в меньшей степени барышни Браунинг, благотворительная школа графов Камнор и новое платье, которое должны были доставить из магазина мисс Роуз. И в середине разговора самый значительный вопрос: «На ком именно, как предполагали, мог бы жениться папа?» готов был сорваться с ее языка, как неугомонный Джек из коробочки.[7] До поры до времени, однако, крышка захлопывалась над незванным гостем, как только он просовывал голову между зубами. За завтраком они оба были вежливы друг с другом, что оказалось вовсе не так утомительно. Когда трапеза закончилась, сквайр удалился в кабинет читать свои безвкусные газеты. По привычке комнату, в которой сквайр Хэмли хранил плащи, сапоги, гетры, разные трости, любимые мотыги, свое ружье и удочки называли кабинетом. В нем стояли письменный стол и треугольное кресло, книг не было видно. Большая их часть хранилась в огромной, пахнущей плесенью комнате в редко посещаемой части дома. Так редко посещаемой, что служанка часто

забывала открывать ставни на окнах, которые выходили на ту часть парка, где буйно разросся кустарник. Такая традиция сложилась среди слуг во времена последнего сквайра, того, который провалился на экзаменах в колледже, окна библиотеки были заколочены, чтобы не платить оконный налог[8]. А когда «молодые джентльмены» были дома, служанка без единого указания обычно следила за этой комнатой: открывала окна и каждый день протапливала камин, протирала красиво переплетенные тома, оказавшиеся прекрасной коллекцией классической литературы середины прошлого века. Все книги со времени приобретения хранились в небольших книжных шкафах, стоявших между двумя окнами гостиной и в личной комнате миссис Хэмли наверху. Тех книг, что стояли в гостиной, было достаточно, чтобы занять Молли, более того, она была так увлечена одним из романов сэра Вальтера Скотта, что подпрыгнула, словно ее подстрелили, когда около часа спустя после завтрака сквайр подошел по гравийной дорожке к одному из окон и спросил, не хотелось бы ей выйти и прогуляться по саду и на фермы вместе с ним.

– Должно быть, тебе немного скучно, девочка, быть все время одной, наедине с книгами. Но, видишь ли, мадам любит тишину по утрам, она говорила об этом твоему отцу, как и я, но мне жаль тебя каждый раз, когда я вижу, как ты сидишь на полу в гостиной в одиночестве.

Молли как раз дочитала до середины «Ламмермурскую невесту» и была бы рада остаться в доме, чтобы закончить книгу, но чувствовала, с какой добротой к ней относится сквайр. Они прошли мимо старомодных теплиц, пошли по подстриженным лужайкам, сквайр отпер огромный, обнесенный стеной огород и начал раздавать указания садовникам. И все время Молли следовала за ним, как маленькая собачонка, но мысли ее были заняты Равенсвудом и Люси Эштон. Вскоре каждый уголок возле дома был осмотрен и проверен, и сквайр смог уделить больше внимания своей гостье, когда они проходили через небольшой лесок, что отделял парк от прилегавших к нему полей. Молли тоже отбросила мысли о семнадцатом столетии, но, так или иначе, тот единственный вопрос, что не давал ей покоя, слетел с ее уст, прежде чем она осознала это... буквально экспромтом:

– На ком, полагали, мог бы жениться папа? Тогда... давно... вскоре после смерти мамы?

Она смягчила и понизила голос, произнося последние слова. Сквайр обернулся и посмотрел ей в лицо, не зная, почему. Молли была очень серьезна, немного бледна, но ее неподвижный взгляд почти требовал какого-нибудь ответа.

– Фюйть! — присвистнул он, чтобы потянуть время. Не то, чтобы ему нечего было ответить, но ни у кого не было причины связывать имя мистера Гибсона с какой-то известной дамой. Это было всего лишь предположение, которое отважились допустить... молодой вдовец с маленькой девочкой.

– Я никогда не слышал ни о ком... его имя никогда не связывали ни с какой дамой... просто всем казалось, что он должен был снова жениться, может еще и женится, я понятия не имею, и не думаю, что это был бы плохой шаг. Я так ему и сказал в предпоследний раз, когда он был здесь.

– И что он сказал? — затаив дыхание, спросила Молли.

– О, он только улыбнулся и ничего не ответил. Тебе не стоит воспринимать слова так серьезно, моя дорогая. Похоже, он никогда и не думал снова жениться, а если бы и женился, то для вас обоих это было бы очень хорошо.

Молли что-то пробормотала, и сквайр мог бы услышать то, что она сказала, если бы захотел. Но он благоразумно повернул разговор в другое русло.

– Посмотри на это! — сказал он, когда они вдруг вышли к озеру или большому пруду. Посреди зеркала водоема лежал маленький остров, на котором росли высокие деревья, темные шотландские пихты в центре и мерцающие серебром ивы у самой глади воды.

– Мы должны как-нибудь переправить тебя туда. Я не люблю пользоваться лодкой в это время года, потому что птенцы еще сидят в гнездах среди тростника и водорослей, но мы поедем. Там лысухи и поганки.

– О, посмотрите, там лебедь.

– Да, здесь есть пара лебедей. В этих деревьях гнездятся грачи и цапли. Цапли должны быть сейчас здесь, они улетают к морю в августе, но я еще ни одну не видел. Пстой! Это не она... та птица на камне, что склонила свою длинную шею и смотрит в воду?

– Да, думаю, она. Я никогда не видела цапли, только на картинке.

– Они всегда воюют с грачами, что не годится для таких близких соседей. Если обе цапли покидают гнездо, которое они строят, прилетают грачи и разносят его в клочья. Однажды Роджер показал мне отставшего самца цапли, за которым летела стая грачей с явно враждебными намерениями, клянусь. Роджер много знает из естественной истории и порой находит необычные вещи. Если бы он был здесь, то уже исчез бы дюжину раз во время этой прогулки. Его взгляд всегда блуждает и видит в двадцать раз больше меня. Я знаю, что он удирал в рощицу, потому что

увидел что-то в пятнадцати ярдах... какое-то растение, может быть, о котором он мне говорил, что оно очень редкое, хотя я бы сказал, что видел его сородичей на каждом повороте в лесу. И если мы подошли к такой теме, — сквайр коснулся тростью тонкой нити паутины на листке и заметил: — он бы сказал, какое насекомое или паук ее сплел, живет ли он в гнилой хвойной древесине или в трещине звонкого строевого леса, глубоко в земле, или высоко в небе, или где-то еще. Жаль, что в Кэмбридже не дают наград по естественной истории. Роджер непременно получил бы ее.

— Мистер Осборн Хэмли очень умный, да? — робко спросила Молли.

— О, да. Осборн немного гений. Его мать возлагает на него большие надежды. Я и сам им горжусь. Он получит стипендию Тринити, если они поступят с ним по чести. Как я вчера говорил на собрании магистратов: «У меня есть сын, который наделает шуму в Кэмбридже, или я сильно ошибаюсь». Вот, разве не странный каприз природы, — продолжил сквайр, поворачиваясь к Молли честным лицом, словно собирался сообщить ей новую мысль, — что я, Хэмли из Хэмли, веду свой род с незапамятных времен... как говорят, Гептархии... Когда была Гептархия?

— Я не знаю, — ответила Молли, испугавшись, что ей задали такой вопрос.

— Ну, это было незадолго до короля Альфреда, потому что он был королем всей Англии, ты знаешь. Но, как я говорил, вот он я, доброго старого происхождения, как любой в Англии, сомневаюсь, если незнакомец посмотрит на меня, примет ли он меня за джентльмена с моим красным лицом, огромными руками и ногами, тучной фигурой, весом в четырнадцать стоунов[9] и не меньше двенадцати, когда я был молод. И вот Осборн, он пошел в мать, которая не может назвать своего прадеда, Господь благослови ее. У Осборна такое нежное девичье лицо, тонкое строение, а руки и ноги такие маленькие, как у женщины. Он пошел в мадам, как я сказал, которая не может сказать, кто был ее прадед. Вот, а Роджер весь в меня, Хэмли из Хэмли, и никто, кто увидит его на улице, не подумает, что краснолицый, ширококостный, неуклюжий парень благородной крови. А все эти Камноры, из-за которых поднимают столько шума в Холлингфорде, просто вчерашние отходы. На днях я говорил с мадам о женитьбе Осборна на дочери лорда Холлингфорда — то есть, если бы у него была дочь — но так случилось, что у него только мальчики, но я не уверен, дал бы я согласие на этот брак. Я, в самом деле, не уверен. Видишь ли, у Осборна будет превосходное образование, его семья берет начало со времен Гептархии, хотя мне хотелось бы узнать, где были родственники Камноров во времена королевы Анны? — он шел,

обдумывая вопрос, смог бы он дать свое согласие на этот невозможный брак, и спустя некоторое время, когда Молли почти забыла, о чем говорил сквайр, он выпалил: — Нет! Я уверен, мне следует смотреть выше. Значит, возможно, и к лучшему, что у милорда Холлингфорда только мальчики.

Некоторое время спустя он поблагодарил Молли за дружеское общение старомодным поклоном и сказал, что полагает, мадам к этому времени встала, оделась и будет рада своей юной гостье. Сквайр указал ей на темно-пурпурный дом, отделанный камнем, что виднелся вдалеке между деревьями и смотрел, как она идет по тропинке вдоль поля.

— Какая замечательная девочка у Гибсона, — сказал сам себе сквайр. — Но как крепко ее зацепило известие о его женитьбе! Нужно быть осторожнее, когда открываешь рот в ее присутствии. Подумать только, она никогда не предполагала иметь мачеху! Несомненно, мачеха для девочки — нечто совсем иное, чем вторая жена для мужчины!

[1] Фелиция Доротея Хеманс (1793–1835) — очень известная поэтесса своего времени, прославившаяся поэмой «Касабьянка», что начиналась со слов «На пылающей палубе мальчик стоял».

[2] Стипендии, что предоставляли питание и проживание в 200–300 фунтов в год, присуждались тем, кто получал отличие на экзамене по математике. Список отличившихся делился на рэнглеров (особо отличившихся), старших оптими — выпускников, показавших очень хорошие знания на экзамене по математике, и младших оптими, выпускников, занявших последнее место на экзамене. Две медали Канцлера присуждались за классические языки (древнегреческий и латынь) и за английскую поэзию.

[3] драгет — грубая шерстяная материя для половиков.

[4] Криббидж (cribbage) — коммерческая карточная игра для двух игроков, карты сбрасываются на особую доску с колышками.

[5] Tete-a-tete — с фр. наедине, один на один.

[6] Morning Chronicle — букв. «Утренняя Хроника», газета, основанная в 1769 г. в Лондоне и выпускавшаяся до 1862 г.

[7] "Джек в коробочке" — популярная детская игрушка; коробка с фигуркой, выскакивающей, когда открывается крышка.

[8] Налогом облагались все окна в доме, начиная с шестого. Существовал с 1696 по 1851 гг.

[9] Стоун — мера веса; равен 14 фунтам, или 6,34 кг.

Глава VII

Предвестие любовных опасностей

Если сквайр Хэмли не мог сказать Молли, кого прочили в жены ее отцу, то судьба все это время готовила довольно определенный ответ, чтобы удовлетворить ее любопытство. Но судьба — хитрая девчонка и строит свои планы так же незаметно, как птицы — гнезда, и почти так же не принимает во внимание пустяки. "Первым пустяком" оказалось недовольство, которое Дженни, кухарка мистера Гибсона, решилась высказать по поводу увольнения Бетии. Бетия была дальней родственницей и протеже Дженни, и кухарка решилась сказать, что именно мистера Кокса, соблазнителя, следовало бы "послать собирать вещи", а не Бетию, соблазненную жертву. В этих словах была достаточная доля правды, чтобы мистер Гибсон понял, как он был несправедлив. Тем не менее, он позаботился предоставить Бетии другое место, не хуже того, которое она занимала в его семье. Дженни, однако, нашла нужным предупредить хозяина, и хотя мистер Гибсон по прошлому опыту очень хорошо знал, что ее предупреждения всего лишь слова, а не поступки, ему не нравилось чувствовать неловкость и неопределенность, постоянно сталкиваясь в своем доме с женщиной, на лице которой были написаны обида и возмущение.

И не успели разрешиться эти мелкие домашние неприятности, как появились другие, с еще более серьезными последствиями. Мисс Эйр уехала со своей пожилой матерью и осиротевшими племянниками и племянницами на морское побережье на время отсутствия Молли, которое поначалу должно было продлиться около двух недель. По прошествии десяти дней, мистер Гибсон получил прекрасно написанное, прекрасно изложенное, восхитительно сложенное и почти аккуратно запечатанное письмо от мисс Эйр. Ее старший племянник заболел скарлатиной, и существовала вероятность того, что и младшие дети могут подхватить ту же болезнь. Бедной мисс Эйр это причиняло сильные страдания — дополнительные расходы, тревога, длительная изоляция в доме, который затронула болезнь. Но она не обмолвилась ни словом о собственных неудобствах, она лишь извинялась с робкой искренностью за невозможность в назначенный срок вернуться к своим обязанностям в семью мистера Гибсона, кротко добавив, что, возможно, это к лучшему, поскольку Молли никогда не болела скарлатиной, и если даже мисс Эйр смогла бы оставить сирот и вернуться к своим обязанностям, это было бы небезопасно и неблагоприятно.

— Конечно, неразумно, — заметил мистер Гибсон, разрывая письмо

пополам и бросая его в камин, где оно вскоре превратилось в пепел. — Хотелось бы мне иметь дом за пять фунтов в год и чтобы в радиусе десяти миль не было ни одной женщины. Тогда у меня было бы немного покоя.

Очевидно, он забыл о способностях мистера Кокса причинять неприятности, и мог бы проследить, что зло вернется к ничему не знающей Молли. Страдалица кухарка вошла в комнату, чтобы убрать со стола после завтрака, сопроводив свое появление тяжелым вздохом, что пробудило мистера Гибсона от мысли к действию.

— Молли должна остаться у Хэмли немного дольше, — решил он. — Они часто просили, чтобы она приехала, и, думаю, теперь они в достаточной мере насладятся ее компанией. Я не могу сейчас забрать ее домой, и самое лучшее, что я могу сделать для нее, оставить ее у них. Миссис Хэмли, кажется, любит ее, и девочка выглядит счастливой и вполне здоровой. Во всяком случае, я заеду сегодня к Хэмли и посмотрю, как обстоят дела.

Когда появился мистер Гибсон, миссис Хэмли лежала на софе, что стояла в тени огромного кедра на лужайке. Молли порхала рядом, подвязывая длинные стебли ярко цветущих гвоздик и срезая увядшие розы.

— О! Вот и папа! — радостно воскликнула она, когда он подъехал к белой изгороди, отделявшей подстриженную лужайку и цветник от неводеланного участка земли перед домом.

— Войдите... идите сюда... через окно гостиной, — сказала миссис Хэмли, приподнимаясь на локте. — Мы покажем вам розовый куст, который Молли сама привила. Мы обе так гордимся этим.

Мистер Гибсон подъехал к конюшне, оставил там лошадь и прошел через дом на открытую летнюю гостиную под кедром, где стояли стулья, стол, на котором лежали книги и спутанная пряжа. Так или иначе, ему совсем не хотелось просить Молли продлить визит, поэтому он решил сначала покончить с неприятным делом, а затем насладиться восхитительным днем, сладостным покоем, шелестящим, наполненным ароматами воздухом. Молли стояла рядом с ним, положив руку ему на плечо. Он сидел напротив миссис Хэмли.

— Я приехал сегодня просить вас об услуге, — начал мистер Гибсон.

— Даю вам согласие прежде, чем вы ее назовете. Разве я не смелая женщина?

Он улыбнулся и поклонился, но заговорил о деле.

— Мисс Эйр, которая была...гувернанткой Молли — полагаю, я должен так ее назвать — в течение многих лет, пишет, что один из ее маленьких племянников, которых она взяла с собой в Ньюпорт, пока

Молли гостит здесь, подхватил скарлатину.

– Я догадываюсь о вашей просьбе. Я озвучу ее прежде, чем это сделаете вы. Я прошу, чтобы дорогая Молли осталась здесь. Конечно, мисс Эйр не может вернуться к вам, и, конечно, Молли должна остаться здесь.

– Благодарю вас. Очень вам благодарен. Это была моя просьба.

Молли просунула руку в ладонь отца и сжала его крепкие пальцы.

– Папа!.. Миссис Хэмли!.. Я знаю, вы оба поймете меня... но разве мне нельзя поехать домой? Я очень, очень счастлива здесь, но... о, папа! Больше всего мне хотелось бы оказаться с тобой дома.

Неприятное подозрение промелькнуло в голове мистера Гибсона. Он развернул Молли и пристально взгляделся в ее невинное лицо. Она покраснела, но ее милые глаза были полны скорее удивлением, чем каким-то другим чувством, которое он боялся в них увидеть. Несколько мгновений мистер Гибсон сомневался, не могла ли любовь юного рыжеволосого мистера Кокса вызвать ответное чувство в сердце его дочери. Но теперь ему все стало ясно.

– Молли, во-первых, ты невежлива. Я не знаю, как, но без сомнения ты должна помириться с миссис Хэмли. А во-вторых, ты думаешь, что ты мудрее меня? Или что я не хочу, чтобы ты вернулась домой, если бы при других условиях это было допустимо? Оставайся здесь и будь благодарна.

Молли знала отца достаточно хорошо, чтобы понять, что продление ее визита в Хэмли дело вполне решенное, да к тому же она почувствовала себя неблагодарной. Она оставила отца и подошла к миссис Хэмли, наклонилась и поцеловала ее, но не произнесла ни слова. Миссис Хэмли взяла ее за руку и потеснилась, освободив место на софе для Молли.

– Я собиралась попросить вас, чтобы Молли осталась немного дольше, когда вы приедете в следующий раз, мистер Гибсон. Мы такие хорошие друзья, правда, Молли? И теперь этот добрый маленький племянник мисс Эйр...

– Мне бы хотелось, чтобы его выпороли, — вставил мистер Гибсон.

– ... предоставил нам превосходный повод, и Молли будет гостить у меня намного дольше. Вы должны приезжать и навещать нас намного чаще. Для вас всегда готова комната, вы знаете, и я не понимаю, почему бы вам не выезжать каждое утро из Хэмли, как вы выезжали из Холлингфорда.

– Благодарю вас. Если бы вы не были так добры к моей маленькой девочке, я бы испытал искушение сказать что-нибудь грубое в ответ на ваши последние слова.

– Прошу, скажите их. Я знаю, что вы не успокоитесь, пока не скажете их.

– Миссис Хэмли теперь знает, в кого я такая невежливая, — ликуя, произнесла Молли. — Это наследственное.

– Я собирался сказать, что ваше предложение, чтобы я ночевал в Хэмли, было истинно женским — добрым, но лишенным здравого смысла. Как, в конце концов, мои пациенты найдут меня, если я буду находиться в семи милях от своего дома? Они, несомненно, пошлют за другим доктором, и я разорюсь в течение месяца.

– Разве они не могут послать за доктором сюда? Посыльный обходится очень дешево.

– Представьте, как старый Гуди Хенбери из последних сил добирается до моей приемной, стелая на каждом шагу, а затем ему говорят, что нужно прошагать еще семь миль! Или возьмем с другой стороны общества: не думаю, что проворный слуга миледи Камнор будет мне благодарен за то, что ему придется ехать в Хэмли всякий раз, когда его хозяйке потребуются доктор.

– Ну, ну, я подчиняюсь. Я женщина. Молли, ты женщина. Пойди и закажи клубнику со сливками для своего отца. Такие скромные обязанности выпадают на женскую долю. Клубника со сливками — всего лишь доброта и никакого здравого смысла, поскольку обеспечат ему ужасный приступ несварения желудка.

– Пожалуйста, говорите за себя, миссис Хэмли, — весело сказала Молли. — Я съела... о, такую огромную корзину клубники вчера, а сквайр сам сходил в маслодельню и принес мне огромную чашу сливок, когда застал меня за моим занятием. А я по-прежнему чувствую себя хорошо и никогда не испытывала несварения.

– Она хорошая девочка, — сказал мистер Гибсон, когда Молли, пританцовывая, ушла и не могла их слышать. Он не спрашивал, он утверждал. В его глазах промелькнула смесь нежности и надежды, когда он ждал ответа, который последовал через мгновение.

– Она — прелесть! Не могу передать вам, как мы со сквайром любим ее, мы оба. Я так рада, когда думаю, что ей долгое время не придется уезжать. Первое, о чем я подумала сегодня утром, когда проснулась, что скоро ей придется вернуться к вам, если мне не удастся убедить вас оставить ее со мной немного дольше. И вот она должна остаться... о, по крайней мере, на два месяца.

Это была истинная правда, сквайр очень полюбил Молли. Очарование видеть молодую девушку, танцующую и поющую невнятные песенки в доме и саду, оказалось для него неописуемо новым. Да и потом Молли была так старательна и так разумна, готова и говорить, и слушать в нужное

время. Миссис Хэмли была совершенно права, говоря о любви своего мужа к Молли. Но либо она выбрала неподходящее время, чтобы сказать ему о продлении визита девушки, либо один из приступов ярости, которым был подвержен сквайр, и которые он обычно пытался сдерживать в присутствии своей жены, нашел на него, но, во всяком случае, он воспринял новости отнюдь не добродушно.

– Остаться дольше?! Гибсон попросил об этом?

– Да, я не понимаю, что еще можно было сделать. Мисс Эйр уехала и не вернется. Для девочки без матери, как Молли, очень неудобно быть главой семьи, где живут еще два юноши.

– Это дело Гибсона, ему следовало бы подумать об этом, прежде чем брать учеников, или подмастерьев, как бы он их не называл.

– Мой дорогой сквайр! Я думала, вы будете рады, как и я... что Молли останется. Я попросила ее остаться на неопределенное время, по крайней мере, месяца на два.

– И оказаться в доме с Осборном! И Роджер тоже приедет домой.

По мрачному взгляду сквайра миссис Хэмли прочитала его мысли.

– О, она вовсе не из тех девушек, которые очаруют молодых людей их возраста. Мы любим ее, потому что понимаем, какая она на самом деле, но юноши двадцати одного и двадцати двух лет желают, чтобы молодая девушка обладала всеми украшениями.

– Желают что? — прорычал сквайр.

– Чтобы у девушки было подходящее платье, манера держать себя. В их возрасте они даже не заметят, что она хорошенькая — их представления о красоте сводятся к яркой внешности.

– Полагаю, что все это очень умно, но я этого не понимаю. Все, что я знаю, это то, что опасно запираť двух юношей двадцати одного и двадцати трех в подобном деревенском доме с девушкой семнадцати лет... чтобы они выбирали, какими могут быть ее платья, ее прическа, ее глаза. И я лично говорил вам, что не желаю, чтобы Осборн или они оба влюблялись в нее. Я очень сильно обеспокоен.

Лицо миссис Хэмли вытянулось, она немного побледнела.

– Мы распорядимся, чтобы они отсутствовали, пока она здесь, остались бы в Кэмбридже или почитали с кем-нибудь, поехали за границу на месяц или два?

– Нет, ты так долго надеялась на их приезд домой, я каждую неделю видел отметки в твоём календаре. Я скорее поговорю с Гибсоном и скажу ему, что он должен забрать свою дочь, потому что это неудобно для нас...

– Мой дорогой Роджер! Я прошу тебя не делать этого. Это будет так

жестоко, это опровергнет все, что я сказала вчера. Пожалуйста, не делай этого. Ради меня не говори с мистером Гибсоном!

– Ну, полно, не стоит волноваться, — сквайр испугался, что у нее начнется истерика. — Я поговорю с Осборном, когда он вернется домой и скажу ему, как мне не понравится что-либо подобное.

– А Роджер всегда так увлечен естествознанием, сравнительной анатомией и подобной путаницей, что не заметит и саму Венеру. У него нет сентиментальности и воображения Осборна.

– Ах, ты не знаешь. Ты не можешь быть уверена в молодом человеке. Но с Роджером это не так уж важно. Он узнает, что не может жениться в течение нескольких лет.

Весь этот день сквайр старался избегать Молли, по отношению к которой он чувствовал себя негостеприимным изменником. Но она совершенно не осознавала его робости и была так весела и мила, как желанная гостья, ни разу в нем не усомнилась, каким бы сердитым он не был, что на следующее утро снова завоевала его расположение, и они снова вернулись к прежним отношениям. Этим самым утром сквайр и его жена передавали друг другу письмо, не говоря ни слова о его содержимом, кроме:

– Удачно!

– Да, очень!

Молли едва ли соотнесла эти восклицания с теми новостями, которые ей сообщила миссис Хэмли днем, а именно, что ее сын Осборн получил приглашение остановиться у друга возле Кэмбриджа, и, возможно, впоследствии совершить вместе с ним поездку на континент, и что он не будет сопровождать своего брата Роджера домой.

Молли была исполнена сочувствия.

– О боже, мне так жаль!

Миссис Хэмли была рада, что ее муж отсутствует, когда Молли так искренно произнесла эти слова.

– Вы так долго думали о его приезде домой. Боюсь, это сильное разочарование.

Миссис Хэмли облегченно улыбнулась.

– Да! Конечно, это разочарование, но мы должны думать об удовольствии Осборна. И с его поэтическим умом он будет писать нам такие восхитительные письма о своем путешествии. Бедняга! Сегодня он должен идти на экзамен. Хотя, мы с его отцом уверены, что он станет первым студентом. Только... мне бы хотелось увидеть его, моего дорогого мальчика. Но все к лучшему.

Молли была немного озадачена этими словами, но вскоре выкинула их из головы. Она также была разочарована, что не увидит этого прекрасного, выдающегося юноши, кумира своей матери. Время от времени ее девичье воображение рисовало, каким он должен быть; как красивый мальчик с рисунка в гостиной миссис Хэмли изменился за десять лет, что пролетели с того времени, как был сделан набросок, будет ли он читать стихи вслух, прочтет ли стихи собственного сочинения. Тем не менее, днем в черед бесконечных дамских занятий она забыла о собственном разочаровании, оно вернулось к ней только на следующее утро, как только Молли проснулась, она вспомнила, о нем, как о чем-то неясном, но не совсем приятном, но потом отогнала сожаление. Ее дни в Хэмли были заполнены небольшими обязанностями, которые она выполняла как единственная девушка в этом доме. Она готовила завтрак для одинокого сквайра, и охотно бы отнесла завтрак мадам, но эта дневная обязанность принадлежала сквайру и ревностно им охранялась. Молли читала ему вслух небольшие выпуски газет, городские новости, включая новости с биржи и рынка зерна. Она прогуливалась с ним по саду, при этом собирала свежие цветы, чтобы украсить гостиную, когда спустится миссис Хэмли. Она была ее компаньонкой, когда та каталась в закрытом экипаже, они вместе читали стихи и легкую литературу в комнате миссис Хэмли наверху. Теперь она уже ловко играла в криббидж и могла бы обыграть сквайра, если бы приложила усилия. Кроме этого, у нее были собственные увлечения. Обычно днем Молли упражнялась в игре на старом пианино в уединенной гостиной, потому что обещала это мисс Эйр. Она нашла путь в библиотеку и вынимала тяжелые стержни из ставней, если прислуга забывала это сделать, взбиралась на лестницу и на час погружалась в какую-нибудь книгу английской классики. Летние дни очень коротки для счастливой девушки семнадцати лет.

Глава VIII

Опасность надвигается

В четверг тихая деревенская усадьба была взбудоражена новостью о приезде Роджера. Миссис Хэмли чувствовала себя не вполне хорошо или находилась не в таком хорошем расположении духа, как два или три дня назад. И сам сквайр, казалось, выходил из себя без всяких видимых причин. Они не стали говорить Молли, что Осборн оказался среди самых

последних учеников на математическом экзамене. Поэтому их гостья знала лишь то, что что-то не заладилось, и она надеялась, что Роджер, вернувшись домой, все уладит, поскольку не могла исправить то, что находилось вне ее незначительной власти.

В четверг служанка извинилась перед Молли за небольшой беспорядок в ее комнате, объяснив, что занималась уборкой в комнатах мистера Роджера. "Не то, чтобы в них не прибирались раньше, но хозяйка любит, чтобы комнаты молодых джентльменов заново приводили в порядок, когда те возвращаются домой. Если бы приехал мистер Осборн, пришлось бы прибирать весь дом, конечно, ведь он старший сын, а мистеру Роджеру и так годится". Молли позабавило это признание права старшинства, но так или иначе она, как и вся семья, стала думать, что для "старшего сына" все, что не превосходно, недостаточно хорошо. В глазах отца Осборн был представителем древнейшего рода Хэмли из Хэмли, будущим владельцем земель, которые принадлежали семье тысячу лет. Мать была привязана к нему, потому что они были одного склада и физически, и духовно, потому что он носил ее девичье имя. Она внушила Молли свою веру, и гостья, несмотря на забавные слова прислуги, была обеспокоена, как и любой другой в семье, тем, как показать свою феодальную преданность наследнику, если бы он и в самом деле приехал. После ланча миссис Хэмли удалилась отдохнуть, чтобы подготовиться к приезду Роджера, а Молли осталась в своей комнате, понимая, что будет лучше, если она пробудет здесь до обеда, чтобы отец и мать могли лично встретить своего мальчика. С собой она взяла рукописный томик стихов, принадлежавших перу Осборна Хэмли, его мать не раз читала некоторые строфы вслух своей юной гостье. Молли попросила разрешения переписать пару самых любимых ею стихотворений. И этим тихим летним днем она занялась переписыванием, сидя у открытого окна, растворяясь в дивном покое парка и леса, трепетавших от полуденного зноя. Было так тихо, словно дом был "отгороженной фермой". Жужжание мух в огромном лестничном окне казалось самым громким звуком. Голоса косарей, доносившиеся с далеких полей, запах скошенной травы, приносимый внезапным дуновением ветра, аромат растущих под окном роз и жимолости — все это усиливало глубину царящей тишины. Молли отложила перо — ее рука устала от непривычно долгого писания — и лениво пыталась выучить одно или два стихотворения наизусть.

"Я ветер спросил, но ответ не услышал,

Лишь стон привычно печальный и одинокий", — продолжала повторять про себя Молли, теряя смысл слов в механическом заучивании.

Вдруг раздался щелчок захлопнувшихся ворот, колеса прошуршали по гравию, копыта лошадей застучали по дорожке, громкий радостный голос, залетевший через открытые окна в дом, непривычно заполнил собой холл, лестницу, коридор. Вестибюль внизу был вымощен ромбами черного и белого мрамора; с низкой, широкой лестницы, что огибала короткими пролетами холл, поднимаясь до самого верхнего этажа дома, были убраны ковры. Сквайр так гордился своим дубовым полом с прекрасно подогнанными половицами, что покрывать эту лестницу считал излишним, не говоря уже об обычной нехватке наличных денег, что тратились на отделку дома. Поэтому из пустого, не покрытого ковром холла и с лестницы каждый звук доносился чисто и отчетливо, и Молли услышала радостный возглас сквайра "Эй, вот и он!" и более мягкий и печальный голос мадам, а затем громкий, низкий и незнакомый голос, который, как она догадалась, принадлежал Роджеру. Потом раздался звук открывающихся и закрывающихся дверей, и голоса стали доноситься издали. Молли снова начала повторять:

"Я ветер спросил, но ответ не услышал ..."

В этот раз она почти закончила учить стихотворение, когда услышала, как миссис Хэмли поспешно зашла в свою комнату, примыкавшую к спальне Молли, и разразилась безудержными, почти истерическими рыданиями. Молли была слишком молода, чтобы раздумывать над мотивами своих поступков, что помешали бы ей попытаться успокоить хозяйку. Через мгновение она опустилась на колени у ног миссис Хэмли, взяла руки бедной женщины в свои, целовала их, шептала нежные слова, ничего незначущие, но полные сочувствия к невысказанному горю, которые пошли на пользу миссис Хэмли. Она подавила рыдания, печально улыбнулась Молли в промежутке между глухими всхлипываниями.

— Это из-за Осборна, — произнесла она, наконец. — Роджер рассказал нам о нем.

— Что случилось? — пылко спросила Молли.

— Я узнала в понедельник, мы получили письмо... он написал, что не сдал экзамен так хорошо, как мы надеялись... как он сам надеялся, бедный мальчик! Он написал, что только что сдал экзамен... и оказался только среди младших оптими, а не там, где надеялся, и вынудил надеяться нас. Но сквайр никогда не бывал в колледже и не понимает этого языка, он обо всем расспросил Роджера, и Роджер рассказал ему, поэтому он так разозлился. Но сквайр ненавидит жаргон колледжа... он никогда там не был, вы знаете. И он думал, что у Осборна все получается очень легко, и он обо всем расспросил Роджера, и Роджер...

Последовал новый приступ судорожных рыданий. Молли не сдержалась:

– Я считаю, мистеру Роджеру не стоило этого рассказывать. Ему не нужно было сразу рассказывать о неудаче брата. Ведь он не пробыл дома и часа!

– Тише, тише, дорогая! — произнесла миссис Хэмли. — Роджер так добр. Вы не понимаете. Сквайр начал бы задавать вопросы прежде, чем Роджер приступил бы к еде... как только мы вошли бы в столовую. И все, что он сказал... мне, во всяком случае... что Осборн нервничал, и что если бы он смог сдать экзамен на медаль Канцлера, он бы преуспел. Но Роджер сказал, что после такой неудачи он, похоже, не получит стипендию, на которую так надеялся сквайр. Сам Осборн, казалось, был так уверен в этом, что сквайр не мог ничего понять и всерьез рассердился, и все больше сердился, чем больше говорил об этом. Он будет сердиться два или три дня... Но всегда лучше, когда он сразу на что-нибудь рассердится и не держит злость в душе. Бедный, бедный Осборн! Как бы мне хотелось, чтобы он сразу же приехал домой вместо того, чтобы ехать куда-то со своими друзьями. Я думала, что могла бы успокоить его. Но теперь я рада, поскольку будет лучше, когда злость отца остынет.

Высказав все, что накопилось у нее на сердце, миссис Хэмли успокоилась. И, наконец, отпустила Молли переодеться к обеду, поцеловав ее, она сказала:

– Вы настоящее благословение для матерей, дитя мое. Вы проявляете такое участие и в радости, и в горести, и в гордости — я была так горда последнюю неделю, так уверена — и в разочаровании. А сегодня вы будете четвертой за обедом, и это удержит нас от разговоров на такую мучительную тему. Бывают времена, когда чужой за столом оказывает неоценимую помощь.

Молли размышляла над всем тем, что услышала, пока переодевалась в ужасное, чересчур модное платье из шотландки в честь новоприбывшего. Ее неосознанную преданность Осборну ничуть не поколебала его неудача в Кэмбридже. Только ее возмутил — справедливо или нет — поступок Роджера, который, казалось, принес плохие новости как подношение первых плодов по возвращении домой.

Она спустилась в гостиную отнюдь не с радушием в сердце. Роджер стоял рядом с матерью, сквайра еще не было. Молли подумала, что они оба стояли рука об руку, когда она открыла дверь, но не была в этом уверена. Миссис Хэмли вышла немного вперед, чтобы встретить гостью, и представила ее в такой дружеской манере своему сыну, что Молли,

несведущая и простодушная, не знавшая иных манер кроме формальностей, принятых в Холлингфорде, почти протянула руку, чтобы пожать ладонь того, о котором она так много слышала — сына таких добрых друзей. Она могла только надеяться, что Роджер не заметил этого движения, поскольку не сделал попытки ответить, а только поклонился.

Он был высоким, крепко сложенным юношей, создавалось впечатление, что силы в нем больше, чем элегантности. Его лицо было широким и красноватым, как и сказал отец, волосы — каштановыми, а глаза — карими, довольно глубоко посаженными под густыми бровями. У него была привычка прищуриваться, когда он хотел что-то подробно рассмотреть, отчего его глаза в такие моменты казались еще меньше. А когда его что-то забавляло, он, сдерживая приступ смеха, смешно подергивал и морщил губы пока, в конце концов, веселость не одерживала верх, черты лица не расслаблялись, и тогда он улыбался широкой сияющей улыбкой. Его прекрасные зубы — единственная прекрасная черта в нем — выделялись своей белизной на загорелом, смуглом лице. Роджер привык прищуривать веки для того, чтобы сосредоточить силу взгляда, придававшего ему мрачный и задумчивый вид. Из-за необычного подергивания губ, предварявшего улыбку, он казался крайне веселым, отчего его лицо принимало более разнообразные выражения "от серьезного до веселого, от радостного до сурового", чем у большинства мужчин. Молли, которая не слишком разобралась в незнакомце в этот первый вечер, он показался просто "тяжеловатым и неуклюжим" и "человеком, с которым она никогда не подружится". Казалось, ему безразлично, какое впечатление он производит на гостью своей матери. Роджер был в том возрасте, когда молодые люди больше восхищаются сформировавшейся красотой, чем лицом, на котором написаны задатки будущей красоты, и когда они болезненно осознают, насколько трудно найти темы для разговора с неуклюжим подростком. Кроме того, его мысли были заняты другим, и он был не намерен их озвучивать, и все же ему хотелось предотвратить ту тяжелую тишину, которая, как он боялся, может повиснуть между разгневанным и недовольным отцом и робкой и расстроенной матерью. Для него Молли была всего лишь плохо одетой и довольно неловкой девушкой с черными волосами и умным лицом, но она могла бы помочь ему справиться с задачей, которую он сам поставил перед собой — сохранить непринужденный общий разговор за столом. Однако она ничем ему не помогла. Молли посчитала Роджера бесчувственным из-за его разговорчивости, непрерывный поток слов на разные темы был для нее необычным и вызывал отвращение. Как он мог так беззаботно болтать,

когда его мать едва притронулась к еде и безуспешно делает все возможное, чтобы сдержать слезы, выступившие у нее на глазах. Когда густые брови отца сурово насуплены, и ему едва ли интересна вся та болтовня, которую изливает его сын? Разве в мистере Роджере Хэмли совсем нет сочувствия? Во всяком случае, она покажет ему, что у нее есть сочувствие. Поэтому Молли решила уклониться от той роли, которую, как Роджер надеялся, она сыграет — отвечать, а, возможно, и задавать вопросы, и выполнение его задачи стало все больше и больше напоминать прогулку человека по болотной трясине. Вдруг сквайр встряхнулся и заговорил с дворецким. Ему захотелось разбавить раздражение лучшим вином, чем обычно.

– Принеси бутылку бургундского с желтой печатью.

Он говорил тихо, поскольку был не в настроении говорить своим обычным голосом. Дворецкий ответил тем же тоном. Молли сидела возле них и замерла, услышав, о чем они говорят.

– Если позволите, сэр, с той желтой печатью осталось не более шести бутылок. И это любимое вино мистера Осборна.

Сквайр повернулся и прорычал:

– Принеси бутылку бургундского с желтой печатью, как я сказал.

Дворецкий ушел, недоумеая. Пристрастия и нелюбовь мистера Осборна до сих пор были непреложным законом в доме. Если ему нравились какие-нибудь особенные еда или напитки, кресло или место, тепло или прохлада, его желания должны были исполняться. Он был наследником, самым чувствительным и самым умным в семье. Все, кто работал вне дома, сказали бы то же самое — если мистеру Осборну хотелось, чтобы дерево срубили или оставили нетронутым, если у него был тот или иной каприз в игре, или если ему хотелось какую-то необычную лошадь — все они должны были исполнять его желания, словно закон. Но сегодня слуги должны были принести бургундское с желтой печатью, и его принесли. Молли проявила молчаливую непокорность. Она никогда не пробовала вина, поэтому ей не нужно было бояться, что слуга наполнит ее бокал. Но, открыто демонстрируя преданность отсутствующему Осборну, как бы мало не был понят ее поступок, она накрыла своей маленькой загорелой ладошкой бокал и держала ее, пока вино не было разлито, а Роджер и его отец получили полное наслаждение от этого поступка.

После обеда джентльмены долго засиделись с десертом, и Молли слышала, как они смеются, а затем увидела, как они бродят в сумерках снаружи. Роджер был без шляпы, засунув руки в карманы, он лениво шагал рядом с отцом, который уже мог говорить привычно громко и радостно,

забыв об Осборне. *Vae victis!*

И так в безмолвное неприятие со стороны Молли и вежливое безразличие, едва граничащее с добротой, со стороны Роджера, заставляли их избегать друг друга. У него было много занятий, в которых ему не нужен был компаньонка, даже если бы она могла составить ему компанию. Самым худшим было то, что она обнаружила у него привычку занимать библиотеку, ее любимое пристанище, по утрам до того, как спускалась миссис Хэмли. Пару дней спустя после его возвращения домой Молли открыла прикрытую дверь и увидела, что он занят книгами и бумагами, которыми был устлан стол. И она тихо ушла, прежде чем он повернул голову и заметил, что это вовсе не одна из служанок. Он ездил верхом каждый день, иногда вместе с отцом на удаленные поля, иногда скакал на дальние расстояния хорошим галопом. Молли получила бы удовольствие, если бы время от времени составляла ему компанию, поскольку любила ездить верхом. Когда она только приехала в Хэмли, зашел разговор о том, чтобы послать за ее костюмом для верховой езды и серым пони. Только сквайр, немного поразмыслив, сказал, что так как он обычно медленно прохаживается от одного поля к другому, где трудятся его люди, он боится, что Молли найдет прогулку, во время которой ей придется ехать десять минут верхом по тяжелой почве и двадцать минут сидеть на спине лошади и слушать указания, которые он должен дать своим людям, довольно скучной. Теперь же, если бы у нее был пони, она могла бы выезжать с Роджером, не причиняя ему беспокойства — она бы позаботилась об этом — но никто, кажется, и не думал о том, чтобы снова предложить ей это. Жизнь была намного приятнее до того, как он вернулся домой.

Мистер Гибсон заезжал довольно часто, правда, иногда необъяснимо долго отсутствовал, и тогда его дочь начинала беспокоиться и гадать, что с ним случилось. Но когда доктор появлялся, у него всегда находились уважительные причины. А его привычная домашняя нежность, которую она чувствовала, и способность полного понимания истинной ценности его слов и молчания, которой она обладала, наполняли эти мимолетные встречи невыразимым обаянием. В последнее время она все чаще спрашивала: "Когда я могу поехать домой, папа?" Не то, чтобы она была несчастна, или чувствовала себя неловко, она искренне любила миссис Хэмли, она была любимицей сквайра и не могла до конца понять, почему некоторые люди так боялись его. А что до Роджера, если он не добавил ей удовольствия, то едва ли отнял его. Но Молли хотелось снова оказаться дома. Она не могла назвать причину, но понимала это очень хорошо. Мистер Гибсон убеждал ее до тех пор, пока она совершенно не устала и не

согласилась, что для нее правильно и необходимо остаться здесь. А затем с усилием сдержала срывающуюся с языка мольбу, потому что заметила, что повторение просьбы раздражает отца.

За время отсутствия дочери мистер Гибсон решил сменить свою холостяцкую жизнь на супружескую. Он отчасти осознал, на что решается, и отчасти поддался мягкому, изменчивому наваждению. В этом деле он действовал скорее пассивно, нежели по собственной инициативе, хотя если бы мистер Гибсон не вполне одобрял тот шаг, который он собирался сделать, если бы он не верил, что повторный брак является самым лучшим способом разрубить Гордиев узел семейных трудностей, он мог бы попытаться без особых осложнений для себя, безболезненно выпутаться из этих обстоятельств. Это произошло так...

Леди Камнор, выдав замуж обеих старших дочерей, обнаружила, что ее труд в качестве дуэньи младшей дочери, леди Харриет, значительно облегчают родственники, и, наконец, у нее появилось время побыть больной. Тем не менее, она была слишком энергична, чтобы постоянно потворствовать себе в этом. Леди Камнор лишь время от времени разрешала себе ослабеть после длинной череды обедов, долгого бодрствования и лондонской атмосферы. И затем, оставив леди Харриет либо с леди Куксхавен, либо с леди Агнес Мэннерс, она удалялась в относительную тишину Тауэрс, где занималась благотворительностью, которой, к сожалению, пренебрегала в лондонской суматохе. Этим летом она ослабела раньше, чем обычно, и жаждала деревенского покоя. Она полагала, что ее здоровье подорвано серьезнее, чем прежде, но не обмолвилась об этом ни мужу, ни дочерям, доверив свою тайну только мистеру Гибсону. Ей не хотелось отрывать леди Харриет от городских развлечений, от которых та была в полном восторге, всевозможными жалобами, что могли бы оказаться необоснованными. И все же ей не хотелось оставаться без компаньонки в течение трех недель или даже месяца, прежде чем ее семья присоединится к ней в Тауэрсе, особенно когда приближается ежегодный праздник для школьных попечительниц. И школа, и визиты дам уже потеряли пикантность новизны.

— В четверг, 19-го, Харриет, — задумчиво произнесла леди Камнор. — Ты не против, приехать в Тауэрс 18-го и помочь мне в этот долгий день? Ты можешь остаться в деревне до понедельника, несколько дней отдохнуть и подышать свежим воздухом. Ты вернешься к своим развлечениям посвежевшей. Твой отец привезет тебя, вот и он идет, как и следовало ожидать.

— О, мама! — ответила леди Харриет, младшая дочь семейства, самая

красивая и самая избалованная, — я не могу поехать, в Мейденхеде 20-го состоится прием на воде, я бы очень огорчилась, пропустив его. И бал миссис Дункан, и концерт Гризи. Пожалуйста, не требуй. Кроме того, я не принесу пользы. Я не умею вести провинциальные разговоры, я не разбираюсь в местной политике Холлингфорда. Я знаю, что сделаю что-нибудь не так.

— Очень хорошо, моя дорогая, — вздохнув, сказала леди Камнор. — Я забыла о приеме в Мейденхеде, иначе я не стала бы тебя просить.

— Какая жалость, что сейчас в Итоне нет каникул, тогда ты могла бы взять мальчиков Холлингфорда, чтобы они помогли тебе принимать гостей, мама. Они такие любезные маленькие франты. Было очень забавно наблюдать, как в прошлом году у сэра Эдварда они встречали в доме своего дедушки целую толпу скромных поклонников, каковых ты собираешь в Тауэрсе. Я никогда не забуду, как Эдгар серьезно сопровождал пожилую даму в необычной черной шляпке и рассказывал ей о чем-то совершенно правильно грамматически.

— Мне нравятся эти мальчики, — сказала леди Куксхавен. — Они станут истинными джентльменами. Но, мама, почему бы тебе не взять с собой Клэр? Она тебе нравится, и она именно тот человек, который способен избавить тебя от забот гостеприимства с жителями Холлингфорда, и нам всем будет спокойнее, если мы будем знать, что она с тобой.

— Да, Клэр замечательно с этим справилась бы, — ответила леди Камнор. — Но разве она сейчас не занята в школе?

Мы не должны мешать ее занятиям, чтобы не навредить ей, поскольку я боюсь, что ей сейчас приходится несладко, и она так несчастна с тех пор, как покинула нас: ее первый муж умер, затем она потеряла место у леди Дэвис, а потом у миссис Мод, и вот мистер Престон рассказал вашему отцу, что это все, что она может делать, чтобы жить по средствам в Эшкоме, хотя лорд Камнор позволяет ей снимать дом без ренты.

— Не могу себе представить, как это случилось, — сказала леди Харриет. — Конечно, она не очень мудра, но она так полезна и мила, и у нее такие приятные манеры. Я бы подумала, что любой, кто не слишком привередлив к образованию, был бы очень рад заполучить ее в гувернантки.

— Что ты имеешь в виду под "не слишком привередлив к образованию"? Большинству людей, которые нанимают гувернантку для своих детей, полагается быть привередливыми, — сказала леди Куксхавен.

— Без сомнения, они таковыми себя считают. Я называю тебя

привередливой, Мэри, но не думаю, что такой была мама, но она таковой себя считала, я уверена.

– Я не могу понять, о чем ты говоришь, Харриет, — сказала леди Камнор, всерьез обеспокоенная словами своей умной, безрассудной младшей дочери.

– Боже мой, мама, ты сделала все, что могла, думая о нас. Но, видишь ли, у тебя было столько много других захватывающих интересов, а Мэри едва ли позволяет своей любви к мужу примешиваться к всепоглощающей заботе о детях. Ты предоставила нам лучших учителей из каждой области, и Клэр приходилось следить за нами и заставлять нас готовить домашние задания для этих учителей, и она всегда это делала. Но потом, ты знаешь, или, скорее, не знаешь, некоторые из учителей стали восхищаться нашей очень милой гувернанткой, и случался пристойный, тайный флирт, который ни к чему не приводил, конечно. Ты так часто была занята своими делами как светская дама, благотворительница, и тому подобное — так, что тебе приходилось отзывать от нас Клэр в самые решающие минуты наших уроков, чтобы написать письма или подвести счета, и как следствие этого, я теперь самая необразованная девушка в Лондоне. Только Мэри основательно учила добрая, неуклюжая мисс Бенсон, так что у нее нет недостатка в знаниях, и ее успех бросает на меня тень.

– Ты думаешь, то, что говорит Харриет, правда, Мэри? — довольно беспокойно спросила леди Камнор.

– Я так мало времени проводила с Клэр в комнате для занятий. Обычно я читала с ней по-французски. Я помню, у нее был прекрасный акцент. Обе, и Агнес, и Харриет, очень любили ее. Я обычно ревновала из-за мисс Бенсон, и, возможно... — леди Куксхавен на мгновение замолчала, — из-за этого вообразила, что она льстит и потакает им... это не совсем добросовестно, обычно думала я. Но девочки — суровые судьи, и, конечно, с тех пор у нее началась довольно беспокойная жизнь. Я всегда так рада, когда она находится у нас, и мы можем доставить ей немного удовольствия. Единственное, что меня беспокоит теперь, это причина, по которой ей приходится отсылать свою дочь от себя так часто. Мы никак не можем ее убедить привезти с собой Синтию, когда она навещает нас.

– Вот то, что я называю недоброжелательностью, — заметила леди Харриет, — бедная любящая женщина пытается заработать себе на жизнь как гувернантка, и что она может сделать со своей дочерью, как не отослать ее в школу? А после того, как Клэр пригласили приехать, она слишком скромничает, чтобы привезти с собой дочь... исключая все расходы на путешествие и одежду... Мэри придирается к ее скромности и

экономии.

– Ну, в конце концов, мы обсуждаем не Клэр и ее дела, а пытаемся придумать, как помочь маме. Я думаю, лучшее, что она сможет сделать, это попросить миссис Киркпатрик приехать в Тауэрс... как только начнутся каникулы, я имею в виду.

– Вот ее последнее письмо, — сказала леди Камнор, которая искала его в своем секретере, пока дочери разговаривали. Держа очки перед глазами, она начала читать: — "Мои привычные несчастья, кажется, преследуют меня в Эшкоте"... м-м-м... это не то... "Мистер Престон оказался невероятно добр, прислав мне фрукты и цветы из особняка, согласно любезному распоряжению доброго лорда Камнора." О, вот оно! "Каникулы начинаются 11-го, согласно сложившейся школьной традиции в Эшкоте, и я должна постараться сменить климат и обстановку, чтобы подготовиться и вернуться к своим обязанностям 10 августа". Видите, девочки, она будет свободна, если не сделает иных приготовлений, чтобы провести свои каникулы. Сегодня 15-е.

– Я тотчас напишу ей, мама, — сказала леди Харриет. — Мы с Клэр всегда были хорошими друзьями. Мне она доверилась, рассказав о своей любви к бедному мистеру Киркпатрику, и с тех пор мы поддерживаем близкие отношения. Я знаю, что помимо этого она получила еще три предложения.

– Я искренне надеюсь, что мисс Боуз не рассказывает о своих любовных делах Грейс или Лили. Хотя, Харриет, ты была не намного старше Грейс, когда Клэр вышла замуж! — заметила леди Куксхавен с материнской тревогой.

– Нет, но я была хорошо осведомлена о нежных чувствах, благодаря романам. Осмелюсь предположить, ты не допускаешь, чтобы в комнате для занятий находились романы, Мэри. Поэтому твои дочери не смогут помочь благоразумным сочувствием своей гувернантке, окажись она героиней любовного романа.

– Моя дорогая Харриет, я не могу слышать, как ты говоришь о любви таким тоном. Это не хорошо. Любовь — серьезная вещь.

– Моя дорогая мама, твои наставления опоздали на восемнадцать лет. Я уже подумала обо всей свежести любви, вот почему я устала от этой темы.

Эти последние слова относились к недавнему отказу леди Харриет, который расстроил леди Камнор, и сильно беспокоил милорда. Они, как родители, не могли понять ее возражений против джентльмена, о котором шла речь. Леди Куксхавен не хотелось вновь поднимать эту тему, поэтому

она поспешно сказала:

– Попроси бедную маленькую дочь приехать с матерью в Тауэрс. Ей, должно быть, уже семнадцать или больше. Она станет тебе, мама, настоящей компаньонкой, если ее мать не сможет приехать.

– Мне не было и десяти, когда Клэр вышла замуж, а теперь мне почти двадцать девять, — добавила леди Харриет.

– Не говори об этом, Харриет. Во всяком случае, тебе сейчас двадцать восемь, и ты выглядишь намного моложе. Нет нужды напоминать о своем возрасте при всяком удобном случае.

– Однако, сейчас нужно было упомянуть. Я хотела подсчитать, сколько лет Синтии Киркпатрик. Я думаю, ей не может быть больше восемнадцати.

– Насколько я знаю, она находится в школе в Булони, поэтому не думаю, что она может быть старше. Клэр говорит что-то о ней в этом письме: "При этих обстоятельствах" — неудача в школе — "я не в праве позволить себе удовольствие принять дорогую Синтию дома на каникулах. Кроме того, каникулы во французских школах не совпадают с каникулами в Англии, и это может послужить причиной некоторой путаницы в моих планах, если дорогой Синтии придется приехать в Эшком и всецело занять мое время и мысли до того, как я приступлю к своим учительским обязанностям, так как ее каникулы начинаются 8 августа, а через два дня заканчиваются мои каникулы". Видите, Клэр будет совершенно свободна, чтобы приехать ко мне, и смею сказать, для нее это будет замечательная перемена обстановки.

– А Холлингфорд занят, присматривает за своей лабораторией в Тауэрсе, и постоянно ездит туда-сюда. И Агнес хочет приехать туда, сменить климат, как только достаточно окрепнет после родов. И даже мое собственное дражайшее ненасытное "я" будет достаточно веселиться в эти две-три недели, если погода не испортится.

– Я думаю, я тоже могла бы приехать на несколько дней, если ты позволишь мне, мама. И я привезу Грейс, она выглядит слишком бледной и худой. Боюсь, она растет слишком быстро. Поэтому, я надеюсь, тебе не будет скучно.

– Моя дорогая, — ответила леди Камнор, выпрямляясь, — мне было бы стыдно испытывать скуку с моими возможностями и моими обязанностями по отношению к другим и к себе.

Поэтому план в его нынешней форме был представлен лорду Камнору, который высоко его оценил, как всегда одобрял любой проект своей жены. Характер леди Камнор был, возможно, немного тяжелым для него, но он

всегда восхищался всеми ее словами и поступками и, обычно, гордился ее мудростью, ее щедростью, ее силой и достоинством в ее отсутствие, словно именно таким образом он мог подкрепить свою более слабую натуру.

– Очень хорошо, очень хорошо, в самом деле. Клэр присоединится к вам в Тауэрсе! Превосходно! Я бы не смог спланировать лучше! Я поеду с вами в среду на время праздника в четверг. Мне всегда нравится этот день. Они такие замечательные, дружелюбные люди, эти добрые холлингфордские дамы. Затем я проведу день с Шипшэнксом и, возможно, проеду до Эшкома и повидаю Престона. Браун Джесс может это сделать через день, восемнадцать миль... конечно! Но вернемся снова в Тауэрс! Сколько будет дважды восемнадцать — тридцать?

– Тридцать шесть, — резко ответила леди Камнор.

– Так и есть. Вы всегда правы, моя дорогая. Престон умный и сообразительный человек.

– Он мне не нравится, — заметила миледи.

– Он надсмотрщик, но он сообразительный человек. И у него такая приятная внешность, к тому же, не пойму, почему вы его не любите.

– Я никогда не задумываюсь, привлекательны ли управляющие, или нет. Они не принадлежат тому классу людей, на чью внешность я обращаю внимание.

– Конечно, нет. Но он привлекательный человек, и что заставило бы вас его полюбить, так это интерес, который он питает к Клэр и ее будущему. Он постоянно предлагает что-нибудь, что можно сделать для ее дома, и мне известно, что он посылает ей фрукты, цветы и дичь так же регулярно, как это делали бы мы, если бы жили в Эшкоме.

– Сколько ему лет? — спросила леди Камнор, в ее душе зародились смутные подозрения относительно его мотивов.

– Около двадцати семи, я думаю. А! Я понимаю, о чем думает голова вашей светлости. Нет, нет! Он слишком молод для этого. Вы должны подыскать кого-нибудь средних лет, если хотите выдать бедную Клэр замуж. Престон не подойдет.

– Я не сводница, как вам должно быть известно. Я никогда не делала подобного для моих собственных дочерей. И не похоже, что я буду это делать для Клэр, — сказала она, вяло откидываясь назад.

– Что ж! Вы могли бы сделать хуже. Я начинаю думать, что она никогда не преуспеет как школьная учительница. Она необычайно красивая женщина для своего возраста, а ее проживание в нашей семье и ее частое пребывание вместе с вами должно пойти на пользу. Послушайте,

миледи, что вы думаете о Гибсоне? Он как раз подходящего возраста... вдовец и живет недалеко от Тауэрса.

– Я только что сказала вам, что я не сводница, милорд. Я полагаю, нам лучше ехать старой дорогой, люди в этих гостиницах знают нас.

И так они продолжили говорить на другие темы, не касаясь миссис Киркпатрик и ее будущего, школьного или матримониального.

Глава IX

Вдова и вдовец

Миссис Киркпатрик была только рада принять приглашение леди Камнор. Именно на него она надеялась, но едва ли осмеливалась ожидать, поскольку была уверена, что семья на некоторое время обосновалась в Лондоне. Тауэрс был прекрасным и роскошным особняком, в котором она должна была провести свои каникулы. И хотя миссис Киркпатрик была не из тех, кто строит серьезные планы или заглядывает далеко вперед, она вполне осознавала, какой авторитет приобретет ее школа в глазах довольно многих людей, стоит ей упомянуть, что она гостила у "дорогой леди Камнор" в Тауэрсе. Поэтому миссис Киркпатрик охотно готовилась присоединиться к ее светлости 17-го. Ей не требовалось переделывать гардероб, а если бы и потребовалось, то у бедной директрисы не нашлось бы достаточно денег, чтобы соответствовать своему новому положению. Она была очень мила и грациозна, что придавало больший эффект пообносившимся платьям. И скорее следуя своему вкусу, чем испытывая сильные чувства, она упорно продолжала носить все изящные оттенки фиолетового и серого, которые с небольшим добавлением черного составляли нестрогий траур. Платья подобного покроя ей полагалось носить в память о мистере Киркпатрике, а на самом деле она носила их потому, что этот покрой был элегантным и экономичным. Ее прекрасные волосы были того насыщенного золотисто-каштанового цвета, который едва ли когда-нибудь поседеет. И отчасти осознавая красоту своих волос, отчасти потому что стирка обходилась дорого, миссис Киркпатрик не носила чепцов. Цвет ее лица был такой яркий, какой часто бывает у людей с рыжими волосами. От прожитых лет она получила единственный недостаток — цвет ее кожи стал скорее ярче, нежели бледнее, и от каждого пережитого волнения менялся все меньше. Миссис Киркпатрик больше не могла краснеть, а в восемнадцать она очень гордилась своим румянцем. Ее

глаза были мягкими, огромными и синими, но в них было мало выразительности или чувства, возможно, из-за светло-желтого цвета ресниц. Ее фигура стала немного полнее, чем прежде, но движения по-прежнему были мягкими и плавными. В целом, она выглядела намного моложе своего возраста, который приближался к сорока. У нее был очень приятный голос, она хорошо и отчетливо читала вслух, как нравилось леди Камнор. По какой-то необъяснимой причине миссис Киркпатрик была любимицей леди Камнор в большей степени, чем остальных членов семьи, хотя все они по-своему любили ее и находили, что приятно и полезно иметь в доме ту, которая так хорошо знает их уклад и привычки, которая готова говорить, когда требуется поддержать разговор, и которая охотно слушает и слушает с подобающей рассудочностью, если обсуждаемые темы не затрагивают серьезную литературу, науку, политику или социальную экономику. В разговоры о романах и поэзии, путешествиях и слухах, личных подробностях или забавных историях любого рода она всегда вставляла точные замечания, которые ждали от внимательного слушателя. В ней было достаточно здравого смысла, чтобы ограничиться короткими выражениями удивления, восхищения, изумления, которые могли означать все, что угодно, когда хозяева говорили о сложных для ее понимания вещах.

Для бедной, неудачливой школьной учительницы оказалось приятной переменной то, что она покинула свой дом, обставленный потертой, убогой мебелью — миссис Киркпатрик унаследовала репутацию и мебель своей предшественницы два-три года назад — на вид дом был таким же мрачным, а двор таким же грязным, как это часто бывает на маленьких улочках провинциального городка, и прокатилась по парку Тауэrsa в роскошном экипаже, посланном, чтобы встретить ее. Выйдя из экипажа, она чувствовала себя спокойно, потому что безупречно вышколенный слуга позаботится о ее вещах и зонтике, тенте и плаще, и ей не придется больше обременять себя всеми этими вещами, как это было утром, пока ее багаж не погрузили на тележку, чтобы отправить на почтовую станцию в Эшкоте. Пройдя по длинному ворсу ковров, устлавших широкую лестницу, ведущую в комнату миледи, прохладную и восхитительно свежую даже в такой знойный день, миссис Киркпатрик вдохнула аромат, исходящий от огромных ваз, наполненных свежесрезанными розами всевозможных оттенков. На столике лежали несколько новых, неразрезанных романов, ежедневные газеты и журналы. Везде стояли удобные кресла, обитые французским чинцем с рисунком из цветов, что росли в саду. Ей была знакома спальня, в которую ее вскоре проводила

служанка леди Камнор. Она показалась ей в большей степени домом, чем то грязное место, которое она покинула сегодня утром. Для нее было так естественно любить изящные занавеси и гармоничные расцветки, прекрасное белье и мягкую одежду. Она села в кресло возле кровати и некоторое время размышляла о своей судьбе на такой манер:

- "Можно подумать, что нет ничего сложного в том, чтобы украсить зеркало муслином и розовыми лентами, и потом сохранить их чистыми и свежими! Люди не узнают, как это тяжело, пока не попытаются это сделать так, как я. Мое зеркало было таким красивым, когда я впервые приехала в Эшком! Но муслин загорязняется, розовые ленты выцветают, а так трудно заработать деньги, чтобы их обновить. А когда получаешь деньги, не решаешься сразу их потратить. Думаешь и гадаешь, как можно получить из них максимум пользы. А новое платье, маленькое развлечение, фрукты из оранжереи, какая-нибудь изящная безделушка, которую заметил у кого-то гостиней, недалняя поездка и — прощай, мило украшенное зеркало! Здесь же деньги это воздух, которым они дышат. Никто никогда не спросит и не знает, сколько стоит стирка или сколько — ярд розовой ленты. Ах! Все было бы иначе, если бы им пришлось зарабатывать деньги, как мне! Им бы пришлось рассчитывать, как получить самое большое удовольствие с тем, что есть в кошельке. Хотелось бы знать, не придется ли мне всю свою жизнь тяжелым трудом зарабатывать деньги? Это противоестественно. Брак — вот что естественно. Тогда мужу придется выполнять всю эту грязную работу, а его жена станет сидеть в гостиней, как леди. Я так и делала, когда бедный мистер Киркпатрик был жив. Ох-хо-хо! Как же грустно быть вдовой".

Обеды также разительно отличались от тех, которые ей приходилось делить с ее учениками в Эшкоме — ломтики говядины, бараньи ноги, огромные блюда картофеля и огромные пудинги, крошечные закуски из изысканно приготовленных деликатесов вносили на старинном фарфоре из Челси, который сервировали для графа с графиней и для нее самой каждый день в Тауэрсе. Она страшилась конца каникул как самый домашний из ее учеников. Но когда до неизбежного конца осталось несколько недель, Клэр закрыла глаза на свое будущее и постаралась насладиться настоящим в полной мере. Беспокойство перед приятной, спокойной чередой летних дней привело к недомоганию леди Камнор. Ее муж вернулся в Лондон, а ей и миссис Киркпатрик оставалось вести очень спокойную жизнь, которая соответствовала нынешнему желанию миледи. Несмотря на свою слабость и усталость, она провела день, когда школьные попечительницы приехали в Тауэрс, с полным достоинством, распоряжаясь, что должно быть сделано,

какие прогулки предпринять, какие оранжереи посмотреть, и когда гости должны вернуться к легким закускам. Сама она осталась в доме с одной или двумя гостями, которые позволили себе думать, что усталость или жара могут оказаться им не по силам и которые таким образом отказались сопровождать дам, переданных на попечение миссис Киркпатрик, или других, которым оказывал внимание лорд Камнор, рассказывая о новых постройках во дворе фермы. "С величайшей снисходительностью", как позднее выразились слушательницы, леди Камнор рассказала им о домах своих замужних дочерей, детских комнатах и планах по воспитанию детей, и о том, как они проводят день. Разговоры утомили миледи, но когда все ушли, и у нее появилась возможность пойти прилечь и отдохнуть, ее муж по доброте души сделал неудачное замечание. Он подошел к жене и положил руки ей на плечи.

- Боюсь, вы ужасно устали, миледи? — сказал он.

Она напряглась и, выпрямившись, холодно произнесла:

- Когда я устану, лорд Камнор, я вам скажу об этом.

Ее усталость проявлялась на протяжении всего оставшегося вечера в том, что она сидела исключительно прямо, отклоняла все предложения мягких кресел и скамеечек для ног и с обидой отказывалась от идеи пойти спать раньше. Она продолжала вести себя подобным образом, пока лорд Камнор оставался в Тауэрсе. Миссис Киркпатрик была сбита с толку таким поведением и продолжала уверять лорда Камнора, что никогда не видела, чтобы дорогая леди Камнор выглядела настолько хорошо, и была бы такой сильной и здоровой. Но, несмотря на его неловкость, у него было любящее сердце. И хотя он не мог назвать причины, он был почти уверен, что его жена нехорошо себя чувствует. И все же он слишком боялся ее, чтобы послать за мистером Гибсоном без ее разрешения. Его последними словами к Клэр были:

- Я спокоен, оставляя миледи с вами. Только не обманывайтесь ее поведением. Она не покажет, что больна, пока может это скрывать. Посоветуйтесь с Брэдли — (личной служанкой леди Камнор — ей не нравилось новомодное слово "камеристка"), — на вашем месте я бы послал за Гибсоном, вы бы могли найти предлог, — а затем, вспомнив, что в Лондоне его посетила мысль о возможности брака между этими двумя, он не смог не добавить: — Пригласите его для себя, он очень приятный человек. Лорд Холлингфорд говорит, что такого, как он, в этих краях больше нет. Он мог бы осмотреть миледи, пока говорит с вами, и убедиться, в действительности ли она больна. Дайте мне знать, что он скажет о ее здоровье.

Но Клэр была большой трусихой и, как и лорд Камнор, побоялась сделать то, что леди Камнор совсем не приказывала. Она знала, что если пошлет за мистером Гибсоном без прямого на то разрешения, то может впасть в немилость и ее больше не пригласят погостить в Тауэрсе. А жизнь здесь, монотонная в своей однообразной роскоши, какой могла бы показаться другим, была совершенно ей по вкусу. Она в свою очередь постаралась возложить на Брэдли обязанность, которую ей поручил лорд Камнор.

- Миссис Брэдли, — однажды сказала она, — вы вполне удовлетворены здоровьем миледи? Лорд Камнор думает, что она выглядит измученной и больной.

- На самом деле, миссис Киркпатрик, я не думаю, что миледи хорошо себя чувствует. Я не могу убедить себя в том, что все в порядке, хотя если бы вы спросили меня до этого вечера, я не смогла бы ответить, почему.

- Может, вы придумаете какой-нибудь предлог для поездки в Холлингфорд, чтобы повидать мистера Гибсона и попросить его заехать сюда на днях и навестить леди Камнор?

- Это будет стоить мне места, миссис Киркпатрик. До конца своих дней миледи, если Провидение сохранит ей здравый ум, будет поступать по-своему, или никак. Лишь только леди Харриет может с ней справиться и то не всегда.

- Что ж, тогда... мы должны надеяться, что с ней ничего серьезного не случилось. И смею сказать, что так оно и есть. Она говорит, что ничего не случилось, а она должна знать себя лучше всех.

Но спустя пару дней после этого разговора леди Камнор напугала миссис Киркпатрик, неожиданно сказав:

- Клэр, мне бы хотелось, чтобы вы написали мистеру Гибсону и сообщили ему, что я хочу встретиться с ним сегодня днем. До сего дня я думала, что он приедет сам. Он должен был приехать, чтобы засвидетельствовать свое почтение.

Мистер Гибсон был слишком занят своими медицинскими обязанностями, чтобы выкроить время для простых церемониальных визитов, хотя он прекрасно знал, что пренебрегает тем, чего от него ждут. Но в местности, которую он охватил своими медицинскими заботами, было полно больных со слабой лихорадкой, которым он отдал все свое время и мысли, и был очень благодарен, что Молли находится далеко под тихой сенью Хэмли.

Его домашние "ссадины" ничуть не зажили, хотя какое-то время ему пришлось оставить их без внимания. Последней каплей стал

непредвиденный визит лорда Холлингфорда, с которым мистер Гибсон встретился в городе утром. Им обоим было что сказать друг другу о некотором научном открытии, с деталями которого был хорошо знаком лорд Холлингфорд, и о которых не знал мистер Гибсон и был всерьез ими заинтересован. Наконец, лорд Холлингфорд произнес:

- Гибсон, было бы чудесно, если бы вы пригласили меня на ланч. Я не ел с семи утра и порядком проголодался.

Мистер Гибсон был только рад оказать гостеприимство такому человеку, как лорд Холлингфорд, который ему нравился и которого он очень уважал, и доктор охотно привел его домой на ранний семейный обед. Но это случилось как раз в то время, когда кухарка дулась из-за увольнения Бетии — она решила быть непунктуальной и небрежной. До сих пор преемница Бетии, которая должна была прислуживать за столом, еще не появилась. Поэтому, хотя мистер Гибсон прекрасно знал, что хлеб с сыром, холодная говядина и другие простые кушанья обрадовали бы проголодавшегося лорда, он не смог своевременно предложить их ни на ланч ни даже на семейный обед, несмотря на трезвон колокольчика и ту злость, которую ему не хотелось показать из-за боязни, что лорд Холлингфорд почувствует неловкость. Наконец, обед был готов, но бедный хозяин заметил, что стол накрыт недостаточно аккуратно и чисто — грязные тарелки, потускневшие стаканы, скатерть, которая была если не абсолютно грязная, то отнюдь не свежая, а в пятнах и мятая, и мысленно сравнивал этот стол с той изысканной деликатностью, с которой даже каравай хлеба подавали к столу в доме его гостя. Мистер Гибсон извинился не сразу, но после обеда, когда они расставались, он сказал:

- Видите ли, такой человек, как я... вдовец... с дочерью, который не может все время находиться дома,... не имеет налаженного хозяйства, что дало бы мне возможность распоряжаться теми редкими минутами, что я провожу здесь.

Он ни словом не обмолвился о неудачном обеде, хотя именно это занимало его мысли. Как уклонился от напоминания и лорд Холлингфорд, когда ответил:

- Верно, верно. Все же человек, подобный вам, должен быть избавлен от всяких мыслей о домашних заботах. Кто-то должен думать за вас. Сколько лет мисс Гибсон?

- Семнадцать. Это очень неудобный возраст для девочки без матери.

- Да, очень. У меня только мальчики, но, должно быть, очень неудобно иметь девочку. Простите меня, Гибсон, но мы разговариваем, как друзья. Вы никогда не думали снова жениться? Это не будет похоже на первый

брак, конечно, но если вы найдете разумную, приятную женщину лет тридцати, я действительно думаю, что вы не сможете поступить мудрее, если возьмете ее управлять своим домом и избавите себя от неудобств и беспокойства. А, кроме того, она сможет заботливо присмотреть за вашей дочерью, как, я полагаю, и требуется всем девочкам этого возраста. Это деликатная тема, но вы извините меня, что я говорю так откровенно.

Мистер Гибсон вспомнил об этом совете несколько раз с тех пор, как получил его. Но получалось так, что он жарил зайца, еще не поймав его. Где найти "разумную и приятную женщину лет тридцати"? Ни мисс Браунинг, ни мисс Фиби, ни мисс Гудинаф не подходили. Среди его деревенских пациентов выделялись два отчетливо обозначенных класса: фермеры, чьи дети были грубыми и необразованными, и сквайры, чьи дочери подумают, что мир полетит в тартарары, если им придется выйти замуж за деревенского доктора.

Но в первый же день, как только мистер Гибсон навестил леди Камнор, он стал думать, что возможно миссис Киркпатрик и есть этот "заяц". Он ехал, ослабив повод, и больше раздумывал о том, что ему известно о ней, чем о рецептах, которые должен был написать, или о дороге, по которой ехал. Он помнил ее, как очень милую мисс Клэр, гувернантку, у которой была скарлатина, и это случилось, когда была еще жива его жена, очень давно. Он едва ли мог предположить, как выглядела миссис Киркпатрик в дни своей молодости, вспомнив, как давно это было. Затем он узнал, что она вышла замуж за викария, а на следующий день (или так казалось, он не мог вспомнить точную продолжительность времени) — о его смерти. Доктор знал, что с тех пор она жила в качестве гувернантки в разных семьях, но что она всегда оставалась любимицей семейства из Тауэрс, к которому, независимо от их положения, он питал глубокое уважение. Год или два назад мистер Гибсон услышал, что она добровольно приняла школу в Эшкоте, маленьком городке, рядом с другой собственностью лорда Камнора, в том же графстве. Эшкот был большим поместьем чем то, что располагалось рядом с Холлингфордом, но старый особняк там был не в таком хорошем состоянии, как Тауэрс. Поэтому его предоставили мистеру Престону, управляющему, в то время, как мистер Шипшэнкс состоял управляющим в Холлингфорде. В особняке оставили несколько комнат для редких визитов семьи, весь остальной дом был предоставлен в полное распоряжение мистера Престона, красивого молодого холостяка. Мистер Гибсон знал, что у миссис Киркпатрик был один ребенок, дочь, которая была, должно быть, одного возраста с Молли. Конечно, у нее было очень маленькое состояние, если таковое имелось. Но

сам он жил экономно и даже удачно вложил несколько тысяч. Кроме того, его доходы врача были неплохими, и скорее увеличивались, нежели уменьшались с каждым годом. К тому времени, как он пришел к такому заключению в своих размышлениях об этом деле, он подъехал к дому своего очередного пациента и на время откинул все мысли о браке и миссис Киркпатрик. Но снова с некоторым удовольствием в этот же день он вспомнил, что Молли рассказала ему некоторые незначительные подробности, связанные с ее несчастной задержкой в Тауэрсе пять или шесть лет назад, и в этот раз он почувствовал, как миссис Киркпатрик очень любезно отнеслась к его маленькой девочке. Поэтому, что касалось его, вопрос был отложен на время.

Леди Камнор была нездорова. Но не так больна, как она себе воображала все те дни, когда окружающие не осмелились послать за доктором. Она с большим облегчением позволила мистеру Гибсону решать за нее, что ей следует делать — что есть, что пить, чего остерегаться. Такие решения извне иногда являются замечательным облегчением для тех, кто привык заботиться не только о себе, но и обо всех. И порой облегчение напряжения, которое приносит с собой безупречное благоразумие, идет на пользу здоровью. Миссис Киркпатрик в глубине души была убеждена, что никогда не сможет так легко поладить с леди Камнор. И они с Брэдли никогда так не восхваляли мистера Гибсона, "который всегда прекрасно управлялся с миледи".

Милорду ежедневно отправлялись доклады, но ему и дочерям было строжайше запрещено приезжать. Леди Камнор хотелось быть слабой, вялой и капризной телом и духом, когда этого не видела семья. Ее нынешнее состояние так отличалось от того, в котором она пребывала ранее, что она неосознанно боялась потерять свой престиж, если бы ее увидели. Иногда она сама писала дневные бюллетени, другой раз просила сделать это Клэр, но всегда просматривала письма. Все ответы, которые леди Камнор получала от своих дочерей, она обычно читала сама, изредка сообщая кое-какие отрывки "доброй Клэр". Но любой мог прочитать письма милорда. Не стоило всерьез опасаться, что семейные секреты просочатся из его длиннейших эмоциональных строк. Но однажды миссис Киркпатрик, читая вслух письмо лорда Камнора миледи, наткнулась на предложение, которое уловила взглядом прежде, чем дошла до него, и если бы она могла пропустить его и позднее наедине внимательно прочесть, она была бы рада это сделать. Хотя миледи внимательно следила за ней. По ее мнению "Клэр была добрым созданием, но не умным", но правда была в том, что миссис Киркпатрик была не всегда находчива, и в связи с этим

довольно неразборчива в средствах.

- Читайте дальше. Почему вы остановились? Там ведь нет плохих новостей об Агнес?.. Дайте мне письмо.

Леди Камнор читала почти громко:

- "Как ладят Клэр и Гибсон? Вы презрели мой совет помочь в этом деле, но я, в самом деле, думаю, что небольшое сводничество было бы очень приятным развлечением сейчас, когда вы заточены в доме. Я не представляю более подходящего брака".

- О! — воскликнула леди Камнор, смеясь, — так неудобно, что вы наткнулись на это, Клэр. Я не удивляюсь, почему вы замолчали. Хотя вы заставили меня испугаться.

- Лорд Камнор так любит шутить, — ответила миссис Киркпатрик, немного взволнованно, и все же вполне понимая истинный смысл его последних слов, "Я не представляю более подходящего брака". Она удивилась, что леди Камнор подумала об этом. Лорд Камнор писал так, словно такая возможность существовала. Эта мысль не была неприятной, она вызвала слабую улыбку на лице Клэр, когда та сидела рядом с леди Камнор, пока последняя дремала.

Глава X

Внезапные перемены

Миссис Киркпатрик читала вслух, пока леди Камнор не уснула, книга покоилась у Клэр на коленях, она придерживала ее рукой, чтобы та не упала. Она смотрела в окно, не видя ни деревьев в парке, ни отблесков холмов вдалеке, а думала о том, как приятно было бы снова иметь мужа... он будет работать, а она с элегантною беззаботностью восседать в мило обставленной гостиной. Она живо наделяла этого воображаемого кормильца чертами деревенского доктора, когда раздался легкий стук в дверь и прежде, чем миссис Киркпатрик успела подняться, предмет ее мыслей вошел в комнату. Она почувствовала, что покраснела, но не огорчилась, осознав это. Клэр вышла встретить его, указав рукой на спящую графиню.

- Очень хорошо, — произнес он тихо, окинув профессиональным взглядом дремавшую женщину. — Могу я поговорить с вами пару минут в библиотеке?

«Он собирается делать предложение?» — подумала Клэр с внезапным

трепетом и убеждением, что желает принять предложение человека, на которого еще час назад смотрела как на одного из категории неженатых мужчин, брак с которым был возможен.

Он собирался задать всего лишь пару медицинских вопросов. Она поняла это очень быстро и посчитала, что разговор достаточно скучен для нее, хотя для него он мог оказаться полезным. Она не знала, что он окончательно решился сделать предложение за то время, пока она отвечала на вопросы, возможно, с излишними подробностями, но он привык отделять зерна от плевел. Ее голос был таким мягким, а акцент таким милым, они так разительно отличались от резкого деревенского говора, который он постоянно слышал. Кроме того гармоничные цвета ее платья, ее медленные и грациозные движения произвели на него тот же успокаивающий эффект, какой производит на некоторых людей мурлыканье кота. Мистер Гибсон начал думать, что будет счастлив, если сможет завоевать ее. Вчера он смотрел на нее как на возможную мачеху для Молли, сегодня же он думал о ней больше как о жене для себя. Воспоминание о письме лорда Камнора подарило Клэр надлежащее настроение — она хотела привлекать и надеялась, что преуспевает. Тем не менее, некоторое время они разговаривали только о состоянии графини, затем пошел благословенный ливень. Мистер Гибсон не испугался дождя, но теперь у него появилась причина задержаться.

- Очень сильная буря, — заметил он.

- Да, очень. Моя дочь пишет мне, что на прошлой неделе два дня пакетбот не мог отплыть из Булони.

- Мисс Киркпатрик в Булони?

- Да, бедная девочка. Она учится в школе, пытается совершенствовать свой французский. Но, мистер Гибсон, вы не должны звать ее мисс Киркпатрик. Синтия вспоминает вас с такой... симпатией, могу сказать. Она была вашей маленькой пациенткой, когда у нее была корь четыре года назад, вы помните. Прошу, зовите ее Синтией. Она была бы глубоко задета, если бы услышала, как вы называете ее мисс Киркпатрик.

- Имя Синтия кажется мне таким необычным, оно подходит для поэзии, а не для каждодневного пользования.

- Это моя вина, — ответила миссис Киркпатрик жалобным тоном упрека. — Меня нарекли Гиацинтой, и бедный отец назвал ее в мою честь. Сожалею, что оно вам не нравится.

Мистер Гибсон не знал, что ответить. Он был не готов вмешиваться в личную жизнь. Пока он медлил, она продолжила:

- Гиацинта Клэр! Когда-то я гордилась своим прелестным именем, и

другие тоже считали его милым.

- Я не сомневаюсь... — начал, было, мистер Гибсон, но затем замолчал.

- Возможно, я поступила неправильно, уступив его желанию назвать девочку таким романтическим именем. У некоторых людей оно может вызвать предубеждение против нее. Бедное дитя! Ей придется много с этим бороться. Юная дочь огромная забота, мистер Гибсон, особенно, когда только один из родителей присматривает за ней.

- Вы совершенно правы, — согласился он, вспомнив о Молли. — Хотя я склонен думать, что девочка, у которой есть мать, не может так остро ощущать потерю родителя, как та, которая матери лишена.

- Вы думаете о своей дочери. С моей стороны было беспечно говорить такое. Дорогое дитя! Как хорошо я помню ее прелестное личико, когда она спала на моей кровати. Полагаю, сейчас она уже почти выросла. Должно быть, она одного возраста с моей Синтией. Как бы мне хотелось увидеть ее!

- Надеюсь, что увидите. Мне бы хотелось, чтобы вы увидели ее. Я бы хотел, чтобы вы полюбили мою бедную маленькую Молли... полюбили ее, как свою собственную... — он проглотил слова, застрявшие в горле и душившие его.

«Он собирается сделать предложение? Неужели!» — удивилась она и начала дрожать в ожидании, когда он снова заговорит.

- Смогли бы вы полюбить ее как свою дочь? Вы постараетесь? Вы дадите мне право представить вас как ее будущую мать? Как мою жену?

Вот! Он это сделал... мудро или глупо... он это сделал. Но он осознал, что вопрос о мудрости поступка пришел ему на ум в то самое мгновение, когда сказанные слова уже нельзя было взять обратно.

Она спрятала лицо в ладонях.

- О! Мистер Гибсон! — произнесла миссис Киркпатрик, а затем, немного удивив его и в немалой степени удивив себя, она разразилась истерическими рыданиями. Какое необыкновенное облегчение осознавать, что больше не нужно бороться за кусок хлеба.

- Моя дорогая... моя драгоценная, — сказал он, пытаясь успокоить ее словами и ласками. Но как раз в эту минуту мистер Гибсон не знал, каким именем он должен ее назвать. Как только ее рыдания немного утихли, она ответила сама, словно угадав его затруднение:

- Зовите меня Гиацинтой... вашей Гиацинтой. Я не выношу «Клэр», это имя напоминает мне о том времени, когда я была гувернанткой, а оно уже в прошлом.

- Да, но без сомнения никого больше так не ценили и так не любили в этой семье, как вас.

- О, да! Они были очень добры. Но, тем не менее, всегда должно помнить о своем месте.

- Нам следует рассказать леди Камнор, — сказал он, размышляя, возможно, больше о различных обязательствах, что налагались на него в связи с совершенным шагом, чем о том, что говорит его будущая невеста.

- Вы расскажите ей, правда? — спросила она, умоляюще заглядывая ему в лицо. — Я предпочитаю, чтобы другие сообщали ей новости, тогда я могу видеть, как она их воспринимает.

- Конечно! Я сделаю все, что вы пожелаете. Не пойти ли нам посмотреть, проснулась ли она уже?

- Нет, думаю, что не стоит. Мне лучше подготовить ее. Вы придете завтра, хорошо? И тогда вы ей расскажете.

- Да, так будет лучше всего. Мне следует сначала рассказать Молли. Она имеет право знать. Я очень надеюсь, что вы с ней искренне полюбите друг друга.

- О, да! Я уверена, что так и будет. Тогда вы придете завтра и расскажете леди Камнор? А я подготовлю ее.

- Я не понимаю, какая нужна подготовка, но вам лучше знать, моя дорогая. Когда мы сможем устроить вашу с Молли встречу?

Как раз в этот момент вошел слуга, и двое отпрянули друг от друга.

- Ее светлость проснулась и желает видеть мистера Гибсона.

Они оба последовали за слугой вверх. Миссис Киркпатрик старательно пыталась делать вид, что ничего не произошло, поскольку ей очень хотелось «подготовить» леди Камнор, иначе говоря, сообщить свою версию чрезвычайной настойчивости мистера Гибсона и ее собственного показного нежелания.

Но леди Камнор обладала наблюдательностью как в болезни, так и во здравии. Она уснула, размышляя над отрывком из письма мужа и, возможно, это дало новое направление ее мыслям, когда она проснулась.

- Я рада, что вы не ушли, мистер Гибсон. Я хотела поговорить с вами... Что произошло с вами обоими? Что вы сказали Клэр? Я уверена, что-то произошло.

Мистеру Гибсону ничего другого не оставалось, как только чистосердечно признаться и все рассказать ее светлости. Он обернулся, взял миссис Киркпатрик за руку и открыто признался:

- Я попросил миссис Киркпатрик стать моей женой и матерью моей дочери. И она согласилась. Я едва ли могу подобрать слова, чтобы

поблагодарить ее.

- Хм! Я не вижу возражений. Смею сказать, вы будете очень счастливы. Я очень этому рада. Вот! Оба пожмите мне руки, — затем, засмеявшись, она добавила: — Кажется, с моей стороны не потребовалось никаких усилий. Мистера Гибсона эти слова озадачили. Миссис Киркпатрик покраснела.

- Разве она не сказала вам? О, тогда я должна это сделать. Жаль, что такая хорошая шутка пропадет, особенно если все хорошо закончилось. Когда этим утром пришло письмо от лорда Камнора... этим самым утром... я отдала письмо Клэр, чтобы она прочитала его вслух. Я услышала, как она вдруг неожиданно замолчала там, где не могло быть точек, и я подумала, что-то случилось с Агнес, поэтому взяла письмо и сама его прочитала... Пойдите, я сама прочитаю вам эти строки. Где письмо, Клэр? О, не беспокойтесь, вот оно. «Как ладят Клэр и мистер Гибсон? Вы презрели мой совет помочь в этом деле, но я, в самом деле, думаю, небольшое сводничество было бы приятным развлечением сейчас, когда вы заперты в доме. Я не вижу более подходящего брака». Видите, вы получили полное одобрение моего мужа. Но я должна написать и рассказать ему, что вы сами уладили свои дела без всякого вмешательства с моей стороны. Теперь мы немного поговорим о медицине, мистер Гибсон, а потом вы с Клэр закончите свой приватный разговор.

Никто из них не желал продолжать разговор, который они вели до того, как был прочитан отрывок из письма лорда Камнора. Мистер Гибсон старался не думать об этом, поскольку понимал, что если станет размышлять, то вообразит себе все, что угодно. Но леди Камнор была настойчива, как всегда.

- Полноте, без глупостей. Я всегда заставляла своих девочек разговаривать наедине с мужчинами, которые предназначались им в мужья, неважно, стали бы они ими или нет. Перед свадьбой нужно поговорить о многом, а вы оба уже немолоды, чтобы кокетничать. Отправляйтесь!

Поэтому им ничего другого не оставалось, как вернуться в библиотеку. Миссис Киркпатрик немного надулась, а мистер Гибсон становился самим собой, более хладнокровным и саркастичным, чем когда был в этой комнате последний раз.

Она начала, почти плача:

- Не знаю, что сказал бы бедный Киркпатрик, если бы узнал, как я поступила. Ему, бедняге, так не нравились упоминания о повторных браках.

- Давайте надеяться, что он не знает. Или если он все-таки знает, он мудрее... я имею в виду, что он понимает, каким желанным и выгодным может быть повторный брак в некоторых случаях.

В общем, этот второй разговор наедине, состоявшийся по требованию, оказался не таким приятным, как первый. И мистер Гибсон весьма взбодрился, когда появилась необходимость продолжить объезд пациентов.

- Мы скоро придем к единодушию, я не сомневаюсь, — рассуждал он сам с собой, пока ехал. — Трудно ожидать, что наши мысли сразу же потекут в одном русле. И мне бы это не понравилось, — добавил он. — Было бы очень скучно и неинтересно слышать, как жена, словно эхо, повторяет твои собственные мысли. Ох-хо-хо! Я должен рассказать Молли об этом: милая маленькая женщина, интересно, как она это воспримет? В большей степени это сделано ради ее же пользы, — он погрузился в перечисление добродетелей миссис Киркпатрик и преимуществ, которые получит его дочь, от совершенного им шага.

Ехать сегодня в Хэмли было уже слишком поздно. Тауэрс и его окрестности располагались как раз в противоположном от Хэмли направлении. Поэтому только на следующее утро мистер Гибсон прибыл в усадьбу, рассчитав время своего визита так, чтобы он смог полчаса поговорить с Молли наедине, прежде чем миссис Хэмли спустится в гостиную. Он полагал, что его дочери понадобится сочувствие, когда она узнает то, что он должен был сообщить. И он знал, что никто кроме миссис Хэмли не сможет ее утешить.

Стояло погожее и жаркое летнее утро. Рабочие в одних рубашках собирали в полях ранний урожай овса. Пока мистер Гибсон медленно ехал вдоль полей, он смог рассмотреть их через высокие изгороди и даже услышать успокаивающий, равномерный звук падающих длинных полос скошенной травы. Казалось, что труженики слишком разгорячены, чтобы говорить. Собака, охранявшая их пиджаки и фляжки, лежала, тяжело дыша, с другой стороны вяза, под которым мистер Гибсон остановился на мгновение, чтобы понаблюдать и немного отсрочить разговор, который, он надеялся, пройдет хорошо. Через минуту доктор отругал себя за слабость и прищипорил лошадь. Он подъехал к усадьбе резвой рысью. Поскольку для обычного визита было еще рано, его никто не ждал — все конюхи были в полях, но для мистера Гибсона это не имело большого значения. Он выгуливал лошадь около пяти минут, прежде чем поставить ее в конюшню, ослабил подпругу, осмотрев ее, возможно, с ненужной тщательностью. Он прошел в дом через частную дверь и направился в гостиную, отчасти надеясь, что Молли будет в саду. Она была там, но из-за жары и слепящего

солнца она не смогла остаться на открытом воздухе, поэтому вошла в дом через открытое окно гостиной. Измученная жарой Молли уснула в мягком кресле, шляпка и открытая книга лежали у нее на коленях, одна рука вяло свесилась вниз. Она выглядела очень нежной, молодой и невинной. Сердце отца затопила волна любви, когда он увидел ее.

- Молли, — нежно сказал он, приподняв свесившуюся маленькую загорелую руку и задержав ее в своей руке.

Молли открыла глаза, какое-то мгновение не узнавая отца. Затем во взгляде появилось осознание, и, вскочив, она бросилась ему на шею, восклицая:

- О, папа, мой дорогой, любимый папа! Почему ты пришел, пока я спала? Мне так нравится высматривать тебя.

Мистер Гибсон чуть побледнел. Он все еще держал Молли за руку и увлек ее за собой на диван, не говоря ни слова. Этого и не требовалось, она щебетала без умолку.

- Я встала так рано! Так приятно выйти из дома на свежий утренний воздух. Думаю, поэтому я такая сонная. Но разве это не великолепный жаркий день? Интересно, может ли итальянское небо, о котором говорят, быть голубее этого... того, что немного виднеется между дубами... вот!

Она выдернула руку и обеими руками повернула голову отца, чтобы он смог увидеть то самое небо, о котором она говорила. Ее поразила его необычная молчаливость.

- Ты получил весточку от мисс Эйр, папа? Как они все? Все еще болеют скарлатиной? Ты знаешь, папа, я думаю, что ты выглядишь не очень хорошо. Тебе нужно забрать меня домой, чтобы я позаботилась о тебе. Когда я могу поехать домой?

- Выгляжу не очень хорошо? Должно быть, это все твои фантазии, гусенок. Я чувствую себя необычайно хорошо, и я должен выглядеть хорошо, потому что... у меня есть для тебя новость, маленькая женщина, — он чувствовал, что разговор получается нескладным, но решил продолжать. — Догадайся, какая?

- Как я догадаюсь? — ответила Молли, но ее тон изменился, она была явно встревожена, словно инстинктивно что-то предчувствовала.

- Видишь ли, любовь моя, — сказал он, снова беря ее за руку, — ты находишься в таком затруднительном положении... девушка, взрослеющая в такой семье, как наша... молодые люди... с моей стороны это оказалось неисправимой глупостью. А я обязан так часто уезжать.

- Но есть мисс Эйр, — промолвила Молли, бледнея от усиливающегося неопределенного предчувствия того, что должно

случиться. — Дорогая мисс Эйр, мне не нужен никто, кроме нее и тебя.

- Все же бывают такие времена, как сейчас, когда мисс Эйр не может быть с тобой. Она живет не с нами, у нее есть другие обязанности. Некоторое время я находился в большом затруднении, но, наконец, я предпринял шаг, который, надеюсь, сделает нас обоих счастливее.

- Ты снова собираешься жениться, — помогая ему, произнесла она тихим, бесстрастным голосом, мягко вынимая свою руку.

- Да. На миссис Киркпатрик... ты помнишь ее? В Тауэрсе ее зовут Клэр. Вспомни, как добра она была к тебе в тот день, когда тебя там забыли.

Молли не ответила. Она не могла подобрать слов для ответа. Она боялась вымолвить слово, чтобы чувство гнева, неприязни, возмущения — то, что накопилось в ее душе — не нашло выход в слезах, криках, или что еще хуже в неистовых словах, которые никогда не забудутся. Словно кусок твердого грунта, на котором она стояла, откололся от края, и она падала в бескрайнюю пучину одна.

Мистер Гибсон заметил, что молчание было неестественным, и почти угадал его причину. Но он знал, что ей нужно дать время примириться с этой мыслью, и все еще верил, что этот шаг послужит ее возможному счастью. Кроме того, он чувствовал облегчение, что тайна раскрыта, и признание, которого он так опасался последние двадцать четыре часа, сделано. Он продолжал повторять все свои резоны для заключения этого брака — он уже знал их наизусть. — Она подходит мне по возрасту. Я не знаю точно, сколько ей лет, должно быть, около сорока. Мне бы не хотелось жениться на ком-нибудь помоложе. Ее глубоко уважают лорд и леди Камнор и их семья, что само по себе достоинство. У нее очень приятные и изысканные манеры... конечно, от общества, в котором она вращалась... а ты и я, гусенок, привыкли быть немного бесцеремонными, поэтому сейчас мы должны совершенствовать наши манеры.

Она ни слова не ответила на этот шутливый тон. Он продолжил:

- Она умеет вести дом... и экономна к тому же... поскольку в последние годы у нее была школа в Эшколе и ей приходилось устраивать дела большого семейства. И последнее, но не менее важное, у нее есть дочь... примерно твоего возраста, Молли... которая, конечно, придет жить с нами и станет прекрасной компаньонкой... сестрой... тебе. Молли по-прежнему молчала. Наконец, она произнесла:

- Поэтому меня отослали из дома, чтобы все можно было тихо устроить в мое отсутствие?

Она говорила с горечью в сердце, но эффект, произведенный этими

словами, вывел ее из притворной безучастности. Мистер Гибсон вскочил и быстро вышел из комнаты, что-то бормоча про себя... она не слышала, что именно, хотя бежала за ним через темные каменные коридоры, к ярко освещенному двору, к конюшне.

- О, папа, папа...я не в себе... я не знаю, что сказать об этом отвратительном... противном...

Он вывел лошадь во двор. Она не знала, слышал ли он ее слова. Сев на лошадь, мистер Гибсон обернулся и мрачно посмотрел на нее:

- Думаю, что для нас обоих будет лучше, если я сейчас уеду. Мы можем наговорить друг другу слов, которые будет трудно забыть. Мы оба сейчас взволнованы. Завтра мы успокоимся. Подумав об этом, ты увидишь, что главный... самый важный мотив, я имею в виду... это твое благо. Ты можешь рассказать миссис Хэмли... я имею в виду, рассказала бы ей сама. Я снова приеду завтра. Прощай, Молли.

Уже прошло много времени, как мистер Гибсон уехал, уже давно затих стук копыт его лошади по округлым камням вымощенной дороги за соседними лугами, а Молли все еще стояла там и затуманившимся взором вглядывалась в даль, где скрылся ее отец. Казалось, что ее дыхание остановилось, только два или три раза за долгое время она издала жалобный вздох, который перерос в рыдания. Наконец, Молли повернулась, но не могла пойти домой, не могла рассказать миссис Хэмли, не могла забыть, как ее отец смотрел на нее, говорил с ней... и покинул ее.

Молли вышла через боковую дверь — этим путем пользовались садовники, когда носили навоз в сад — и тропа, к которой вела эта дверь, была скрыта от глаз кустарниками и зелеными, раскидистыми деревьями. Никто не узнает, что с ней случилось, и никто не будет тревожиться, с неблагодарностью несчастного думала девушка. У миссис Хэмли был муж, дети, свои личные, домашние интересы, она была очень милой и доброй, но в сердце Молли поселилась глубокая печаль, в которую не мог вмешиваться чужой. Она быстро пошла к месту, которое выбрала для себя — к скамье, окруженной пониклыми ветвями плакучего ясеня, что стояла на длинной, широкой прогулочной террасе с другой стороны дерева, возвышавшегося над живописным склоном. Тропинка, по всей видимости, была проложена для того, чтобы открыть обзор на этот солнечный, приятный пейзаж с деревьями и шпилем церкви, несколькими старыми коттеджами с красными черепичными крышами и багровым куском вспаханной земли на дальнем холме. В былые времена, когда огромная семья Хэмли проживала в особняке, дамы в кринолинах и джентльмены в париках, со шпагами на боку прогуливались по широкой террасе. Сквайр и

его сыновья, возможно, пересекали ее, проходя к маленькой калитке, что вела к дальним лугам, но здесь никто не бродил. Молли даже подумала, что никто кроме нее не знает о скрытой под ясенем скамье, поскольку садовников нанимали не больше, чем требовалось для того, чтобы содержать в надлежащем порядке огороды и ту часть сада, которая виднелась из окна.

Когда Молли добралась до скамейки, она больше не могла сдерживать горе. Ее отец снова собирается жениться, он рассердился на нее, а она поступила очень плохо — он уехал разгневанный, она потеряла его любовь, он собирается жениться... вдали от нее... вдали от своего ребенка — своей маленькой дочери... забыв ее дорогую, любимую маму. Так она плакала и терзалась, пока не выбилась из сил, затем затихла на некоторое время, набираясь сил, чтобы разразиться новым потоком рыданий. Молли бросилась на траву — этот природный трон для неистового горя — и прислонилась к старой, поросшей мхом скамье, временами пряча лицо в ладонях, временами сжимая их вместе, словно крепкое, болезненное сжатие пальцев могло заглушить душевные страдания.

Она не видела, что Роджер Хэмли возвращается с лугов, не слышала, как щелкнула маленькая белая калитка. Он копался в прудах и канавах, через его плечо свешивалась мокрая сеть, наполненная сокровищами, выуженными из грязи. Роджер возвращался домой к обеду, нагуляв прекрасный полуденный аппетит, хотя в теории пытался презирать еду. Но он знал, что матери нравится его компания, и она редко спускается, чтобы повидаться с семьей до этого времени. Поэтому он переступил через свою теорию ради матери и, проводя с ней время за едой, получил награду в виде искреннего наслаждения.

Сначала Роджер не заметил Молли. Он уже прошел около двадцати ярдов по маленькой тропинке в правом углу террасы, когда, разглядывая траву и дикие растения под деревьями, заметил мельком редкий цветок, который так давно хотел найти, и остановился, чтобы рассмотреть свою цель проникательным, острым взглядом. Роджер опустил сеть на землю, ловко завязал ее, чтобы не растерять содержимое, пока она лежит среди травы, и пошел к обнаруженному сокровищу. Он настолько сильно любил природу, что, не задумываясь, просто по привычке, всегда старался ступать так, чтобы без необходимости не наступить на растение. Кто знает, в какой драгоценный плод или насекомое может превратиться то, что теперь казалось не приметным?

Шаги вели его в направлении скамьи под ясенем, менее скрытой от глаз с этой стороны террасы. Он остановился, увидел светлое платье на

земле — кто-то полулежал на скамье так безмолвно, что Роджер задался вопросом, заболел или ослабел тот человек, кем бы он ни был. Он задержался посмотреть. Через минуту или две снова раздались рыдания... и слова. Это миссис Гибсон звала срывающимся голосом:

- О, папа, папа! Если бы ты вернулся!

Минуту или две он раздумывал, будет ли лучше оставить Молли в неведении, что ее заметили. Он даже сделал назад шаг или два на цыпочках, но затем снова услышал рыдания. Его мать не могла так далеко идти, иначе, каким бы ни было горе, она была бы естественной утешительницей этой девочки, ее гостыи. Тем не менее, правильно ли это было или нет, вежливо или бесцеремонно, но когда Роджер снова услышал, как Молли заговорила так печально и отчаянно, он вернулся и прошел под зеленый навес ясеня. Молли вздрогнула, когда он подошел к ней так близко. Она попыталась сдержать рыдания и инстинктивно пригладила свои влажные спутанные волосы.

Он смотрел на нее с серьезным, добрым сочувствием, но совсем не знал, что сказать.

- Уже время обеда? — спросила она, убеждая себя, что он не заметил следов слез и растрепанных волос, что он не видел, как она лежала и безутешно рыдала.

- Я не знаю. Я шел домой на обед. Но... вы должны позволить мне сказать... я не мог уйти, когда увидел ваши страдания. Что-то случилось?... что-то, в чем я могу вам помочь, я имею в виду? Конечно, я не имею права спрашивать, если это ваше личное горе, здесь я беспомощен.

Молли настолько изнурила себя рыданиями, что почувствовала, что не может ни встать, ни уйти. Она села на скамью, вздохнула и так сильно побледнела, что ему показалось, сейчас она упадет в обморок.

- Подождите немного, — просьба Роджера оказалась излишней, поскольку Молли не могла пошевелиться. Он стремительно сбегал к какому-то источнику, известному ему в лесу, и через пару минут вернулся, ступая осторожно и неся немного воды в широком зеленом листе, свернутом в виде чаши. Но даже эти капли воды пошли ей на пользу.

- Спасибо, — сказала Молли. — Теперь я смогу вернуться, через некоторое время. Не задерживайтесь.

- Вы должны разрешить мне остаться, — ответил он, — моей матери не понравилось бы, если бы я позволил вам вернуться домой одной, когда вы так слабы.

Несколько минут они провели в молчании. Роджер сорвал с ясеня

несколько необычных листов и рассматривал их отчасти по привычке, отчасти чтобы дать ей время прийти в себя.

- Папа снова собирается жениться, — произнесла Молли, наконец.

Она не могла понять, почему рассказала ему об этом. Мгновение назад она не собиралась этого делать. Роджер уронил лист, который держал в руке, повернулся и посмотрел на нее. Ее глаза наполнились слезами, когда встретились с его глазами, безмолвно прося о сочувствии. Ее взгляд был более красноречивым, чем слова. Прежде чем ответить он помолчал, скорее потому что понимал, что должен что-то сказать, чем потому что сомневался в ответе на свой вопрос.

- Вы сожалеете об этом?

Она не отводила от него взгляда, пока дрожавшими губами пыталась выговорить «Да», хотя не издала ни звука. Он снова замолчал, разглядывал землю, мягко постукивая ногой по шатающемуся камню. Его мысли нелегко облекались в форму слов, и он не был склонен утешать пока не найдет истинный источник, из которого должно исходить утешение. Наконец, он заговорил, словно размышлял над проблемой сам с собой.

- Кажется, если бы можно было... рассматривать вопрос любви с одной стороны... то поиск того, кто мог бы стать заменой матери, должен был стать почти обязанностью.... Я полагаю, — сказал он особенным тоном, и снова взглянув на Молли, добавил: — что этот шаг может весьма осчастливить вашего отца... он может избавить его от многих забот и может наделить его милой спутницей.

- У него есть я. Вы не знаете, кем мы были друг для друга... по крайней мере, кем он был для меня, — кротко добавила она.

- Должно быть, он хотел как лучше, иначе бы так не поступил. Он думал больше о вашем благе, чем о своем.

- В этом он старался меня убедить.

Роджер снова начал постукивать по камню. Он неправильно понял ход ее мыслей. Внезапно он посмотрел на Молли.

- Я хочу рассказать вам о моей знакомой девушке. Ее мать умерла, когда ей было шестнадцать... она была старшей в большой семье. С этого времени — до конца расцвета ее юности — она посвятила себя сначала утешению отца, потом стала его собеседницей, другом, секретарем — всем, кем угодно. Он был очень занятым человеком и часто приходил домой, чтобы снова подготовить дела к следующему дню. Харриет всегда была рядом, готовая помочь, поговорить или помолчать. Так продолжалось восемь или десять лет, а потом ее отец снова женился... на женщине ненамного старше самой Харриет. И теперь они самая счастливая семья,

которую я знаю. Вы ведь не думали об этом? Молли слушала, но отвечать ей не хотелось. И все же ее заинтересовал этот небольшой рассказ о Харриет — девушке, которая так много значила для своего отца, намного больше, чем Молли в свои юные годы значила для мистера Гибсона.

- Как это произошло? — наконец, выдохнула она.

- Харриет думала прежде всего о счастье своего отца, а потом уже о своем собственном, — ответил Роджер с какой-то суровой краткостью.

Молли снова заплакала.

- Если бы для счастья папы...

- Должно быть, он в это верит. Что бы вы ни вообразили, дайте ему шанс. Я думаю, что он не будет спокоен, если будет видеть ваше беспокойство и изнеможение. Вы сказали, что так много значите для него. И сама леди, тоже... если бы мачеха Харриет была эгоистичной женщиной и всегда стремилась удовлетворить свои желания, но она не такая. Ей тоже хотелось, чтобы Харриет была счастлива, как и Харриет хотелось видеть счастливым своего отца... Будущая жена вашего отца может оказаться другим человеком, хотя такие люди редко встречаются.

- Я думаю, она не такая, — пробормотала Молли, призрак воспоминаний воскресил в ее памяти подробности того дня в Тауэрсе много лет назад.

Роджеру не хотелось слышать доводы Молли, подтверждающие эти сомнения. Он чувствовал, что не имеет права знать о семейной жизни мистера Гибсона, прошлой, настоящей или будущей, больше, чем это было нужно для того, чтобы он смог утешить плачущую девушку, с которой он так неожиданно столкнулся. Кроме того, ему хотелось домой, обедать вместе с матерью. Но он не мог оставить Молли одну.

- Правильнее надеяться на лучшее, а не ожидать худшего. Это звучит банально, но до сих пор эти слова меня утешали и когда-нибудь они послужат и вам. Каждый человек всегда должен стараться думать о других больше, чем о себе, и лучше всего не судить о людях заранее с плохой стороны. Мои проповеди не слишком длинны? Разве от них у вас не разыгрался аппетит? Из-за проповедей я всегда становлюсь голодным.

Казалось, Роджер ждет, что она встанет и пойдет вместе с ним. Ему хотелось, чтобы она поняла, что он не оставит ее одну. Поэтому Молли вяло поднялась, потому что у нее не было сил сказать, что она предпочла бы остаться одна, если бы он только мог уйти без нее. Она была очень слаба и запнулась о выступающий корень дерева, пересекавший тропинку. Роджер был наблюдателен, хоть и молчалив, и, увидев, как она споткнулась, протянул руку и удержал ее от падения. Он все еще

поддерживал ее за руку, когда препятствие было уже позади. Эта физическая слабость убедила его, как юна и беспомощна была Молли, и он посочувствовал ей, вспомнив, как она горевала, когда он обнаружил ее, и, желая быть немного нежнее, чтобы утешить ее прежде чем они расстанутся, прежде чем их разговор наедине поглотят условности домашней жизни. И все же он не знал, что сказать.

- Вы считаете меня жестоким, — наконец, произнес он, когда они подходили к окнам гостиной и двери в сад. — Мне никогда не удастся выразить то, что я чувствую, так или иначе я начинаю философствовать, но я очень вам сочувствую. Да, не в моих силах помочь вам изменить события, но я могу посочувствовать вам, лучше не говорить каким образом, поскольку это ни к чему не приведет. Помните, как я вам сочувствую! Я всегда буду помнить о вас, хотя, смею сказать, об этом лучше не говорить.

Молли ответила шепотом: — Я знаю, что вы сочувствуете, — а затем вырвалась, вбежала в дом и поднялась наверх в уединение своей комнаты. Роджер сразу отправился к матери, она сидела перед нетронутым обедом, всерьез обеспокоенная таинственной непунктуальностью своей гостьи, не в силах что-либо понять. Она слышала, что приезжал мистер Гибсон, потом уехал, и она не могла узнать, не оставял ли он для нее записки. А беспокойство миссис Хэмли за свое здоровье, которое люди считали ипохондрией, всегда заставляло ее особенно прислушиваться к мудрым словам доктора.

- Где ты был, Роджер? Где Молли?... мисс Гибсон, я имею в виду, — она заботилась о том, чтобы сохранить барьер в отношениях между молодым человеком и молодой девушкой, которые оказались в одном доме.

- Я копался в водоеме. Между прочим, я оставил свою сеть на тропинке террасы. Я нашел там мисс Гибсон, она сидела и плакала, словно ее сердце вот-вот разорвется. Ее отец снова собирается жениться.

- Снова жениться?! Не может быть!

- Так и есть. И она, бедняжка, восприняла это очень тяжело. Мама, я думаю, не могла бы ты послать к ней кого-нибудь с бокалом вина, чашкой чая или чем-нибудь еще — она очень ослабла...

- Я сама пойду к ней, бедняжке, — сказала миссис Хэмли, поднимаясь.

- Ты не должна, — ответил он, накрывая ладонью ее руку. — Мы уже заставили тебя ждать слишком долго. Ты выглядишь очень бледной. Хэммонд может это сделать, — продолжил Роджер, звоня в колокольчик. Миссис Хэмли снова села.

- На ком он собирается жениться?
- Я не знаю. Я не спрашивал, а она не сказала мне.
- Это так по-мужски. Самое важное в этом деле спросить, на ком именно он собирается жениться.
- Признаюсь, я должен был спросить. Но, так или иначе, я неловок в таких ситуациях. Мне было так ее жаль, и все же я не знал, что сказать.
- Что ты сказал ей?
- Я дал ей самый лучший совет, который мог дать.
- Совет?! Ты должен был утешить ее. Бедная маленькая Молли!
- Я думаю, что если совет хорош, это самое лучшее утешение.
- Это зависит от того, что ты имеешь в виду под советом. Тише! Вот и она!

К их удивлению Молли вошла, стараясь выглядеть, как обычно. Она умыла лицо и пригладила волосы, изо всех сил старалась не плакать и говорить ровным голосом. Ей не хотелось расстраивать миссис Хэмли видом боли и страданий. Она не знала, что следует наставлениям Роджера, думать больше о других, чем о себе — но так и было. Миссис Хэмли была неуверена, разумно ли ей будет начать разговор с новости, о которой она только что узнала от своего сына. Но она была слишком озабочена этим, чтобы говорить о чем-то еще.

- Я слышала, моя дорогая, ваш отец собирается жениться? Могу я спросить, на ком?

- На миссис Киркпатрик. Когда-то давно она была гувернанткой у графини Камнор. Она долго живет с ними, и они зовут ее Клэр, и, думаю, они очень любят ее, — Молли старалась говорить о своей будущей мачехе самым любезным тоном.

- Мне кажется, я слышала о ней. Она не очень молода? Должно быть так. К тому же вдова. У нее есть семья?

- Одна девочка. Но я так мало знаю о ней.

Молли снова была готова расплакаться.

- Не беспокойтесь, дорогая! Все узнаете в свое время. Роджер, ты почти ничего не съел. Куда ты идешь?

- Забрать свою сеть. В ней полно живых организмов, которых мне не хотелось бы терять. Кроме того, я никогда не ем много.

Он сказал только половину правды, но не всю. Он подумал, что ему лучше оставить обеих женщин наедине. Его мать обладала такой силой сочувствия, которая может смягчить боль в сердце девушки. Как только Роджер ушел, Молли подняла несчастные, заплаканные глаза и, посмотрев на миссис Хэмли, произнесла:

- Он был так добр ко мне. Я хочу постараться запомнить все, что он сказал.

- Я рада это слышать, дорогая, очень рада. Из того, что он рассказал мне, я боюсь, он прочитал вам небольшое наставление. У него доброе сердце, но его манеры не такие деликатные, как у Осборна. Роджер временами бывает грубоват.

- Тогда мне нравится грубость. Она пошла мне на пользу. Я почувствовала, как плохо... о, миссис Хэмли, я так плохо поступила с папой сегодня утром.

Молли поднялась, бросилась в объятия миссис Хэмли и зарыдала у нее на груди. Теперь она страдала не из-за того, что ее отец снова собирается жениться, а из-за собственного недостойного поведения.

Если Роджер не был деликатен в словах, он был деликатен в поступках. Если горе Молли показалось ему неумеренным и, возможно, непомерным, то ей оно причиняло настоящие страдания. Он приложил все усилия, чтобы облегчить его по-своему, совершенно характерным для него способом. Тем же вечером он отрегулировал микроскоп и разложил сокровища, собранные им во время утренней прогулки, на маленьком столике. Потом он попросил мать подойти и полюбоваться. Конечно, Молли тоже подошла, именно на это он и рассчитывал. Он попытался заинтересовать ее своим занятием, подпитывая ее любопытство маленькими порциями и, взрачивая настоящее желание узнать больше. Затем он принес книги по этой теме и перевел немного высокопарный и технический язык на повседневную речь. Молли спустилась к ужину, размышляя, как долго будет тянуться время до сна, время, когда она не должна говорить на ту единственную тему, которая занимала ее мысли, вытеснив все остальные. Она боялась, что уже утомила миссис Хэмли за время их дневного разговора наедине. Но молитвы и время сна подошли быстрее, чем она ожидала. Ее приободрило новое течение мыслей, и она была очень благодарна Роджеру. И вот должно было наступить завтра, когда ей нужно будет просить прощения у отца.

Но мистер Гибсон не желал ни речей, ни слов. Ему не нравились проявления чувств и, возможно, он понимал, что лучше меньше касаться темы, относительно которой он и его дочь явно не пришли к согласию. Он прочел раскаяние в ее глазах, он увидел, как она страдала, и острая боль пронзила его сердце. Но он прервал ее сожаление по поводу вчерашнего поведения словами:

- Ну, полно, полно, хватит! Я знаю все, что ты хочешь сказать. Я знаю свою маленькую Молли, моего маленького глупого гусенка лучше, чем она

сама. Я привез тебе приглашение. Леди Камнор хочет, чтобы ты провела следующий четверг в Тауэрссе!

- Ты хочешь, чтобы я поехала? — спросила она, приходя в отчаяние.

- Я хочу, чтобы ты и Гиацинта лучше познакомились... научились любить друг друга.

- Гиацинта?! — переспросила Молли в полном замешательстве.

- Да, Гиацинта. Это самое глупое имя, которое я слышал, но так ее зовут, и я должен звать ее этим именем. Я не выношу имя Клэр, которым миледи и вся семья в Тауэрссе зовут ее. А «миссис Киркпатрик» официальное и бессмысленное имя, поскольку она скоро сменит свою фамилию.

- Когда, папа? — спросила Молли, ощущая себя так, словно она живет в чужом, незнакомом мире.

- Не раньше Михайлова дня, — ответил он и затем, продолжая собственную мысль, добавил: — Хуже всего, что она решила увековечить свое имя, назвав дочь в свою честь. Синтия! Думаешь о луне и человеке на луне с вязанкой хвороста. Слава Богу, у тебя, дитя, простое имя Молли.

- Сколько ей лет... Синтии, я имею в виду?

- Да, привыкай к имени. Думаю, Синтии Киркпатрик столько же лет, как и тебе. Она учится в школе во Франции, набирается жеманства. Она должна приехать на свадьбу, тогда ты с ней сможешь познакомиться. Хотя, я думаю, она снова вернется обратно на следующие полгода.

Глава XI

Укрепление дружбы

Мистер Гибсон полагал, что Синтия Киркпатрик вернется в Англию, чтобы присутствовать на свадьбе матери, но у миссис Киркпатрик не было такого желания. Она была не из тех женщин, которых, обыкновенно, называют решительными. Она просто избегала того, что ей не нравилось, а то, что ей нравилось, она старалась делать или иметь. Поэтому она спокойно выслушала предложение мистера Гибсона, чтобы Молли и Синтия стали подружками невесты, и почувствовала, как неприятно будет ей, если ее юная дочь засверкает красотой рядом со своей увядающей матерью. И как только она и мистер Гибсон определились с дальнейшими приготовлениями к свадьбе, у нее появились дополнительные причины желать, чтобы Синтия оставалась в своей школе в Булони.

Миссис Киркпатрик в первый вечер своей помолвки с мистером Гибсоном ушла спать, мечтая о скорой свадьбе. Она видела в ней избавление от школьного рабства, от неприбыльной школы, где доходов едва хватало на то, чтобы оплатить ренту дома и налоги, еду, стирку и нужных учителей. У нее больше не было причины возвращаться в Эшком, лишь только для того, чтобы завершить дела и упаковать одежду. Она надеялась, что любовный пыл мистера Гибсона окажется столь сильным, что он станет торопить со свадьбой и настоит на том, чтобы она больше не возвращалась к тяжелой работе в школе и оставила ее раз и навсегда. Клэр даже составила в уме очень милую и пылкую речь достаточно убедительную, чтобы отбросить все сомнения, которые, понимала, должны появиться, когда она будет сообщать родителям учениц, что не намерена возобновлять школьные занятия, и что они должны найти другую школу для своих дочерей в предпоследнюю неделю летних каникул.

Но на миссис Киркпатрик словно вылили ушат холодной воды, когда на следующее утро за завтраком леди Камнор стала строить планы за двух немолодых влюбленных.

- Разумеется, вы не можете тотчас же бросить школу, Клэр. Свадьба не может состояться до Рождества, но это и к лучшему. Мы все приедем в Тауэрс, а для детей поездка в Эшком и присутствие на вашей свадьбе станут прекрасным развлечением.

- Я думаю... я боюсь... я полагаю, мистер Гибсон не захочет так долго ждать. Мужчины ужасно нетерпеливы в таких случаях.

- О, чепуха! Лорд Камнор рекомендовал вас своим арендаторам, и я уверена, ему бы не хотелось причинять им неудобство. Мистер Гибсон тотчас же это поймет. Он разумный человек, иначе он бы не был нашим семейным доктором. Что вы собираетесь делать с вашей маленькой девочкой? Вы уже все уладили?

- Нет. Вчера у меня было слишком мало времени, а в волнении так трудно думать обо всем. Синтии почти восемнадцать, она уже достаточно взрослая, чтобы пойти в гувернантки, если он пожелает, но я не думаю, что такое произойдет. Он такой щедрый и добрый.

- Что ж! Сегодня я должна дать вам время устроить свои дела. Не тратьте его на сентиментальности, вы слишком стары для этого. Придите к взаимопониманию, в конце концов, это ради вашего же счастья.

Поэтому они пришли к взаимопониманию в двух вопросах. К своему ужасу миссис Киркпатрик поняла, что мистер Гибсон не больше леди Камнор помышлял о том, чтобы нарушить обещание, данное ею родителям учениц. Хотя он находился в ужасном затруднении, не зная, что станет с

Молли, пока она не окажется под защитой его новой жены в своем доме, и хотя домашние неурядицы с каждым днем беспокоили его все больше и больше, он был слишком благороден, чтобы думать о том, как убедить миссис Киркпатрик оставить школу на неделю раньше срока. Он даже не представлял, как легко ему было бы убедить ее в этом. Всеми своими обворожительными уловками она заставила его с нетерпением ожидать свадьбы на Михайлов день.

- Я едва могу передать, какое утешение и облегчение я почувствую, Гиацинта, когда вы станете моей женой, хозяйкой моего дома, матерью и защитницей бедной, маленькой Молли. Но мне бы не хотелось мешать вашим прежним обязательствам перед обществом. Это было бы несправедливо.

- Благодарю вас, мой дорогой. Как вы добры! Многие мужчины думают только о своих желаниях и интересах! Я уверена, родители моих дорогих учениц будут восхищаться вами, будут очень удивлены тем, как вы уважаете их интересы.

- Тогда не рассказывайте им об этом. Я терпеть не могу, когда мною восхищаются. Почему бы вам не сказать, что это именно вы не желаете оставлять школу, пока они ищут другую учительницу?

- Потому что это не так, — осмелилась признаться Клэр. — Я очень хочу сделать вас счастливым. Я хочу сделать ваш дом местом отдыха и уюта для вас. И я так хочу заботиться о вашей милой Молли, я надеюсь, так и будет, когда я стану ее матерью. Я не хочу приписывать себе достоинства, которых у меня нет. Если бы я говорила за себя, я бы сказала: — "Прощайте, найдите школу для своих дочерей к Михайлову дню, поскольку с этого дня я должна уехать и составить счастье других людей". Мне невыносимо думать о ваших долгих поездках в ноябре — вы ночью приезжаете домой промокший, а позаботиться о вас некому. О, если бы вы предоставили это мне, я бы посоветовала родителям не доверять своих дочерей той, чье сердце будет занято. Хотя я не смогла согласиться на любое время до Михайлова дня — это было бы несправедливо и неправильно, и я уверена, вы бы не стали убеждать меня — вы так добры.

- Что ж, если вы думаете, они поймут, что мы поступили с ними честно, я от всего сердца соглашусь на Михайлов день. Что говорит леди Камнор?

- О, я сказала ей, что боюсь, вам не понравится ждать из-за ваших трудностей с прислугой и из-за Молли — было бы желательно породниться с ней как можно скорее.

- Да, несомненно. Бедное дитя! Боюсь, известие о моей помолвке

сильно напугало ее.

- Синтия тоже глубоко это воспримет, — заметила миссис Киркпатрик, не желая, чтобы ее дочь уступала дочери мистера Гибсона в чуткости и привязанности.

- Она приедет на нашу свадьбу! Они с Молли станут подружками невесты, — с неосмотрительной горячностью произнес мистер Гибсон.

Этот план не вполне устраивал миссис Киркпатрик, но она подумала, что ей лучше всего не возражать пока она не предоставит для этого основательную причину, и также возможно, что некая причина возникнет из будущих обстоятельств. Поэтому на этот раз она только улыбнулась и с нежностью пожала его руку.

Неизвестно кто из них больше, миссис Киркпатрик или Молли, хотели, чтобы день, который они обе должны были провести в Тауэрсе, закончился. Миссис Киркпатрик весьма утомляли девочки. Так или иначе, все переживания в ее жизни были связаны с девочками. Клэр была очень молода, когда впервые стала гувернанткой, и на первом же месте, которое она получила, она потерпела поражение от своих учениц. Ее элегантная внешность и манеры, ее достоинства, больше чем характер и умения, без особого труда помогали ей получить хорошие "места", и в некоторых домах ее абсолютно избаловали. Но, тем не менее, она постоянно сталкивалась с капризными и упрямыми, чрезмерно добросовестными или строгими судьями, любопытными и наблюдательными девочками. Не раз до рождения Синтии она страстно желала иметь мальчика, мечтая, что если бы три или четыре стоявших на его пути родственников умерли, он мог бы стать баронетом, а вместо сына, поди ж ты, родилась дочь! Однако, несмотря на всю свою нелюбовь к девочкам, которых Клэр называла "чумой своей жизни" — ее антипатия не уменьшилась от того, что она держала школу для "юных леди" в Эшкоте — она действительно намеревалась относиться со всей добротой к своей новой приемной дочери, о которой вспоминала преимущественно как о черноволосой и сонной девочке, в чьих глазах она читала восхищение собой. Миссис Киркпатрик приняла предложение мистера Гибсона главным образом потому, что устала бороться за средства к существованию. Но он и сам ей нравился... нет, она даже любила его в своей безучастной манере и намеревалась быть доброй к его дочери, хотя чувствовала, что ей легче было бы проявлять доброту к его сыну.

Молли тоже по-своему собиралась с духом. "Я буду как Харриет. Я буду думать о других. Я не стану думать о себе", — продолжала она повторять по пути в Тауэрс. Но в желании, чтобы день подошел к концу, не

было эгоизма, она желала этого очень искренне. Миссис Хэмли отправила ее туда в экипаже, который должен был дожидаться ее и привезти обратно вечером. Миссис Хэмли хотелось, чтобы Молли произвела приятное впечатление, поэтому послала за ней перед отъездом.

- Не надевай свое шелковое платье, твое белое муслиновое платье будет смотреться очаровательно, моя дорогая.

- Не надевать шелковое? Оно совершенно новое. Я сшила его для поездки сюда.

- Все же я думаю, твое белое муслиновое платье лучше подойдет.

"Все, что угодно, кроме этой ужасной шотландки" — подумала про себя миссис Хэмли. И, благодаря ей, Молли отправилась в Тауэрс, выглядя немного странно — вполне женственно, хоть и старомодно. Отец должен был встретить ее на месте, но его задержали, и Молли пришлось самой встретиться с миссис Киркпатрик. Воспоминания о последнем несчастном дне в Тауэрсе всплыли в ее памяти так живо, словно это произошло вчера. Миссис Киркпатрик была очень заботливой. Она держала руку Молли в своей, когда, покончив с первыми приветствиями, они вдвоем сидели в библиотеке. Время от времени она гладила ее руку и издавала невразумительные звуки нежной радости, пристально вглядываясь в залитое румянцем лицо.

- Какие глаза! Такие же, как у твоего дорогого отца! Как мы будем любить друг друга, правда, дорогая? Ради него!

- Я постараюсь... — храбро начала Молли и не смогла закончить предложение.

- И у тебя такие же прекрасные черные вьющиеся волосы! — сказала миссис Киркпатрик, нежно убирая локон с белого виска Молли.

- Волосы папы седеют, — заметила Молли.

- Разве? Я не замечала. Я никогда этого не замечу. Он всегда будет для меня прекраснейшим из мужчин.

Мистер Гибсон, в самом деле, был очень красивым мужчиной, и Молли осталась довольна комплиментом, но не смогла не сказать:

- Все же, он будет стареть, а его волосы станут седыми. Я думаю, он будет так же красив, но немолод.

- Вот именно, дорогая. Он всегда будет красивым, некоторые люди всегда такими остаются. И он так любит тебя, дорогая.

Молли залилась румянцем. Ей не хотелось слышать заверения в любви отца от этой чужой женщины. Она не могла не разозлиться, и все, что она сделала, это промолчала.

- Ты не знаешь, как он говорит о тебе, о "его маленьком сокровище",

как он называет тебя. Иногда я почти ревную.

Молли убрала руку, и ее сердце ожесточилось. Эти слова показались ей такими противоречивыми. Но она крепко сжала зубы и "постаралась быть хорошей".

- Мы должны сделать его счастливым. Боюсь, дома ему многое досаждают, но теперь мы покончим с этим. Ты должна рассказать мне, — сказала она, увидев, как омрачился взгляд Молли, — что ему нравится и что не нравится, должно быть, тебе это известно.

Лицо Молли немного просветлело — конечно, она знала. Она бы не присматривала за ним и не любила его так долго, не веря в то, что понимает его лучше, чем кто-либо еще. Хотя то, как миссис Киркпатрик могла настолько понравиться отцу, что он захотел жениться на ней, оставалось для Молли неразрешимой загадкой, и она на время перестала о ней думать, не в силах найти объяснение. Миссис Киркпатрик продолжила:

- У всех мужчин есть свои склонности и антипатии, даже у самых мудрых. Я знаю нескольких джентльменов, которых сверх меры раздражали обыкновенные пустяки — оставленная открытой дверь, разлитый на блюде чай или криво повязанная шаль. К тому же, — продолжила она, понизив голос, — я знаю дом, в который никогда больше не пригласят лорда Холлингфорда, потому что он не вытер ноги на обоих ковриках в холле! Теперь ты должна сказать мне, что твоему дорогому отцу больше всего не нравится, и я постараюсь избежать этого. Ты должна стать моим маленьким другом и помогать мне радовать его. Я с таким удовольствием буду уделять внимание его малейшим капризам. О моем платье тоже... какие цвета он любит больше всего? Я хочу сделать все, что в моих силах, чтобы получить его одобрение.

Молли была довольна этими словами и начала думать, что, возможно, ее отец поступил хорошо, и что если она сможет помочь его новому счастью, она должна это сделать. Поэтому она совершенно добросовестно пыталась вспомнить его желания и привычки, обдумывала, что больше всего досаждают ему в доме.

- Думаю, — сказала она, — папа не слишком привередлив, но мне кажется, что больше всего его беспокоит, если обед подают не вовремя или если обед не готов, когда он приходит домой. Видите ли, он часто совершает длительные поездки, и бывает, ему снова приходится далеко ехать, а у него есть только полчаса, иногда четверть часа, чтобы пообедать дома.

- Спасибо, моя дорогая, за точность, Да, домашнее хозяйство это великое дело. Именно этому я наставляла своих молодых девушек в

Эшкоме. Неудивительно, что бедный мистер Гибсон недоволен, когда его обед не готов, ведь он так тяжело работает!

- Папе все равно, что есть, только бы обед был готов. Он бы съел и хлеб с сыром, если бы кухарка подала его вместо обеда.

- Хлеб с сыром?! Мистер Гибсон ест сыр?

- Да, он очень любит его, — наивно ответила Молли. — Я знаю, что он ел поджаренный сыр, когда слишком устал, чтобы ждать чего-то еще.

- О! Но моя дорогая, мы должны все это изменить. Мне бы не хотелось думать, что твой отец ест сыр. У него такой сильный и неприятный запах. Мы должны найти кухарку, которая может приготовить ему омлет или что-то изысканное. Сыр подходит только для кухни.

- Папа очень любит его, — упорно настаивала Молли.

- Но мы вылечим его от этого. Я терпеть не могу запах сыра и уверена, твоему отцу не захочется досаждать мне.

Молли молчала. Она поняла, что не стоило слишком подробно рассказывать о папиных пристрастиях и антипатиях. Лучше бы она позволила миссис Киркпатрик выяснить все самой. Повисла неловкая пауза. Обе пытались подобрать какие-то приятные слова. Наконец, Молли сказала:

- Будьте добры, мне так хотелось бы узнать что-нибудь о Синтии, вашей дочери.

- Да, зови ее Синтией. Это прелестное имя, не правда ли? Синтия Киркпатрик. Хотя, не так мило звучит, как мое прежнее имя Гиацинта Клэр. Говорили, что имя мне замечательно идет. Я должна показать тебе акростих, джентльмен, который написал его, был лейтенантом в 53-ем... О, я предвижу, нам будет что сказать друг другу.

- Но что же Синтия?

- О, да, о дорогой Синтии. Что ты хочешь узнать, моя дорогая?

- Папа сказал, что она должна жить с нами. Когда она приедет?

- О, разве не мило со стороны твоего доброго отца? Я думала только о том, что Синтия пойдет в гувернантки, когда закончит свое образование. Она воспитывалась для этого. Но дорогой мистер Гибсон и слышать не хочет. Вчера он сказал, что она должна приехать и жить с нами, когда окончит школу.

- Когда она окончит школу?

- Она уехала на два года. Я не думаю, что должна позволить ей вернуться раньше следующего лета. Она преподает английский, а заодно учит французский. Следующим летом она приедет домой, и разве тогда мы не проживем счастливо вчетвером?

- Я надеюсь на это, — ответила Молли. — Но ведь она должна приехать на свадьбу? — робко продолжила она, зная теперь, как миссис Киркпатрик понравится упоминание о свадьбе.

- Твой отец просил ее приехать, но нам стоит подумать об этом немного больше, прежде чем все уладить. Путешествие требует огромных расходов.

- Она похожа на вас? Мне так хочется увидеть ее.

- Говорят, она очень красивая. Очень привлекательная,... возможно, такой я была когда-то. Но больше всего мне нравятся темноволосые люди с иноземным типом красоты — таким, как этот, — сказала она, трогая волосы Молли и глядя на нее с выражением сентиментального воспоминания.

- Синтия... она очень умная и воспитанная? — спросила Молли, немного испугавшись, как бы ответ не отдалил от нее мисс Киркпатрик на еще большее расстояние.

- Ей следует такой быть. Я заплатила столько денег, чтобы она училась у лучших учителей. Но ты вскоре увидишь ее, а сейчас, я боюсь, мы должны идти к леди Камнор. Так приятно было бы оставить тебя при себе, но я знаю, что леди Камнор будет нас ждать, и ей очень любопытно посмотреть на тебя, мою будущую дочь, как она называет тебя.

Молли последовала за миссис Киркпатрик в утреннюю гостиную, где сидела леди Камнор, немного недовольная, потому что закончила свой туалет раньше обычного. Клэр не почувствовала этого инстинктивно, поэтому не привела Молли на осмотр на четверть часа раньше. Каждый незначительный случай является событием дня для выздоравливающего больного, и приди Молли немного раньше, ее бы встретили с покровительственным пониманием, теперь же ей пришлось столкнуться с критикой. Об особенностях характера леди Камнор она не знала ничего, ей было только известно, что она увидит и что ее увидит живая графиня, нет, более того, графиня Холлингфорда.

Миссис Киркпатрик подвела Молли к леди Камнор за руку и, представляя ее, сказала:

- Моя дорогая маленькая дочь, леди Камнор.

- Клэр, не путайте меня. Она еще не ваша дочь и может никогда ею не стать. Думаю, что одна треть помолвок, о которых я слышала, так и не закончились браком. Мисс Гибсон, я очень рада вас видеть ради вашего отца. Когда я узнаю вас лучше, я надеюсь, это будет ради вас самой.

Молли искренне надеялась, что эта суровая леди, которая, выпрямившись, сидела в кресле, предназначенном для ленивой позы, и

которое таким образом придавало большой эффект ее горделивой осанке, никогда не узнает ее лучше. Леди Камнор к счастью приняла молчание Молли за согласие и покорность и продолжила говорить после краткого осмотра.

- Да, да, мне нравится ее внешность, Клэр. Вы можете что-нибудь сделать из нее. Вам, моя дорогая, пойдет на пользу, что с вами рядом будет леди, которая воспитала несколько знатных молодых людей как раз в то время, когда вы подрастали. Вот что я скажу вам, Клэр, — внезапная мысль посетила ее, — вы с ней должны лучше познакомиться — сейчас вы ничего не знаете друг о друге. Вы не поженитесь до Рождества, и будет лучше, если она вернется вместе с вами в Эшком! Она будет с вами постоянно и сможет общаться с вашими юными ученицами, что будет очень полезно для единственного ребенка. Это превосходная задумка. Я очень рада, что подумала об этом!

Трудно сказать, какую из двух слушательниц леди Камнор больше потрясла идея, завладевшая графиней. Миссис Киркпатрик не понравилось, что ее обременяют приемной дочерью раньше срока. Если Молли придется жить в ее доме, то прощайте небольшие скромные сбережения, и надолго прощайте незначительные слабости, сами по себе безобидные, но которые прежняя жизнь миссис Киркпатрик заставила считать тайными грехами: грязный, зачитанный, восхитительный роман с абонементом библиотеки в Эшкоме, страницы которого она переворачивала ножницами; кресло для гостиной, такое же прямое, как и то, в котором она сидела сейчас в присутствии леди Камнор; изысканные закуски, маленькие и аппетитные, которыми она наслаждалась в одиночестве за ужином — от всех этих и многих других подобных им приятных вещей придется отказаться, если Молли станет ее ученицей, пансионеркой, или гостьей, как планировала леди Камнор. Две вещи Клэр безотчетно решила — выйти замуж на Михайлов день и не брать Молли в Эшком. Но она улыбнулась так мило, словно предложенный план был самым приятным проектом на свете, а тем временем она ломала свою бедную голову в поисках причин и отговорок, которые могли бы понадобиться в самом ближайшем будущем. Молли, тем не менее, спасла ее от этого несчастья. Неизвестно, кто из этой троицы был больше удивлен словами, что сорвались с ее уст. Молли не собиралась говорить, но сердце ее переполнилось, и прежде чем она поняла, что делает, она услышала свои слова:

- Я не думаю, что это будет прекрасно. Я имею в виду, миледи, что мне это совсем не понравится. Я буду далеко от папы в эти последние несколько месяцев. Я люблю вас, — продолжила она со слезами на

глазах и, повернувшись к миссис Киркпатрик, вложила руку в ладонь своей будущей мачехи самым прелестным и самым доверчивым жестом. — Я буду очень стараться полюбить вас и сделаю все, что в моих силах, чтобы вы были счастливы. Но вы не должны увозить меня от папы в это оставшееся время, когда он будет только моим.

Миссис Киркпатрик погладила руку, вложенную в ее ладонь, в признательность за то, что девочка открыто выразила сопротивление плану леди Камнор. Тем не менее, Клэр совершенно не хотелось поддерживать Молли каким бы то ни было словом, пока леди Камнор не выскажется или не намекнет. Но в короткой речи Молли или в ее прямолинейности было что-то, что привлекло внимание леди Камнор вместо того, чтобы рассердить ее. Возможно, она устала от глупости той, с которой провела в доме столько дней.

Леди Камнор надела очки и посмотрела на них обеих, прежде чем заговорить. Затем она сказала:

- Честное слово, молодая леди! Вот, Клэр, перед вами ваша работа. Но в том, что она говорит, есть большая доля правды. Должно быть, очень неприятно девушке ее возраста иметь мачеху, которая становится между нею и ее отцом, какую бы пользу она не получила в конце концов.

Молли чувствовала, что смогла заслужить дружбу суровой старой графини из-за того, что недвусмысленно высказалась по поводу ее плана. Но она боялась, что ранит чувства миссис Киркпатрик. Ей не нужно было бояться, поскольку внешние проявления не исчезли — на прелестных розовых губах той леди все еще играла улыбка, а нежное поглаживание руки так и не прекратилось. Молли все больше интересовала графиню, чем дольше та смотрела на нее, и ее взгляд из-под очков в золотой оправе становился все более пристальным. Леди Камнор начала подобие допроса — задала ряд прямых вопросов, которые любая другая дама рангом ниже графини не решилась бы задать, но в которых не было ни капли недоброжелательности:

- Тебе ведь шестнадцать?
- Нет, мне семнадцать. Мой день рождения был три недели назад.
- Думаю, это то же самое. Ты когда-нибудь была в школе?
- Нет, никогда! Мисс Эйр научила меня всему, что я знаю.
- Хм! Мисс Эйр была твоей гувернанткой, я полагаю? Я не думала, что твой отец может позволить себе держать гувернантку. Но, конечно, ему лучше знать, как обстоят его дела.

- Конечно, миледи, — ответила Молли, немного задетая критикой в адрес отцовской мудрости.

- Ты говоришь "конечно", словно само собой разумеется, что каждый должен знать, как обстоят его дела. Вы очень молоды мисс Гибсон, очень. Вы больше узнаете, когда доживете до моих лет. Полагаю, вас научили музыке, обращаться с глобусом, французскому и всем обычным талантам с тех пор как у вас появилась гувернантка? Я никогда не слышала такой нелепости! — продолжила она, приходя в возбуждение. — Единственная дочь! Если бы у него было полдюжины девочек, тогда в этом был бы какой-то смысл.

Молли не ответила, но сдерживалась из последних сил. Миссис Киркпатрик поглаживала ее ладонь более настойчиво, чем прежде, надеясь, что подобное выражение сочувствия помешает девушке сказать что-нибудь неразумное. Но ласки стали досаждать Молли и только раздражали ее. Она выдернула руку из руки миссис Киркпатрик с некоторой долей нетерпения.

Возможно, для всеобщего спокойствия оказалось удачным стечением обстоятельств то, что именно в этот момент объявили о приходе мистера Гибсона. Излишне говорить, как появление персоны противоположного пола в мужском или женском обществе умиряет небольшие разногласия и всеобщее беспокойство. Это был тот самый случай. При появлении мистера Гибсона миледи сняла очки и расправила складки на лбу. Миссис Киркпатрик умудрилась покрыться подходящим румянцем, а что касается Молли, ее лицо осветилось радостью, и подобно тому, как солнечный свет освещает пейзаж, улыбка обнажила ее белые зубы, а на щеках появились милые ямочки.

Конечно, после первого приветствия миледи пришлось поговорить с доктором наедине, а Молли и ее будущая мачеха прогуливались по саду, обхватив друг друга за талию, или рука об руку, как малые дети. Миссис Киркпатрик активно проявляла нежность, Молли оставалась безразличной и чувствовала ту странную робость, которая заставляет чувствовать себя неловко, принимая ласки от человека, который вам не по сердцу.

Подошло время раннего ужина. Леди Камнор ужинала в тишине своей комнаты, в которой до сих пор оставалась пленницей. Несколько раз за время трапезы Молли посещала мысль, что ее отцу не нравится его положение немолодого влюбленного, так явно ожидающего брака, как это следовало из нежных речей и косвенных намеков миссис Киркпатрик. Мистер Гибсон пытался устранить из разговора любые оттенки радужной сентиментальности и ограничиться сущностью дела. И когда миссис Киркпатрик упорно продолжала задерживаться на их будущих отношениях, он настаивал на том, чтобы рассматривать их в самом прозаичном свете. И это продолжалось даже после того, как мужчины

вышли из комнаты. Старый стишок, который Молли слышала от Бетти, всплыл в ее памяти и не давал покоя.

Там, где двое,

Третий — лишний.

Но куда она могла поехать в тот чужой дом? Что она должна делать? Слова отца вывели ее из рассеянности и задумчивости:

- Что вы думаете о плане леди Камнор? Она говорит, что посоветовала вам взять Молли погостить в Эшколе, пока мы не поженимся.

Миссис Киркпатрик упала духом. Если бы только Молли была так добра и снова заявила свой протест, как она это сделала при леди Камнор. Но если предложение сделает отец, то дочь воспримет его по другим углом, нежели когда оно прозвучало из уст чужой женщины, будь она даже такой знатной. Молли ничего не ответила. Она выглядела бледной, задумчивой и взволнованной. Миссис Киркпатрик пришлось говорить за себя.

- Это был бы замечательный план, только... Что ж, мы знаем, почему нам лучше этого не делать, разве не так, дорогая? И мы не расскажем папе из боязни, что он станет самодовольным. Нет! Думаю, я должна оставить ее с вами, дорогой мистер Гибсон, чтобы вы провели эти последние несколько недель наедине. Было бы жестоко увозить ее отсюда.

- Но вам известно, моя дорогая, я называл вам причины, по которым Молли не может сейчас находиться дома, — пылко произнес мистер Гибсон. Чем больше он узнавал свою будущую жену, тем больше понимал, необходимо помнить, что со всеми своими слабостями она сможет встать между Молли и такими происшествиями, которое недавно случилось с мистером Коксом. Поэтому одну из главных причин совершенного им шага он всегда помнил, несмотря на то, что она ускользала с зеркальной поверхности памяти миссис Киркпатрик, не оставляя ни единого следа. Теперь она вспомнила о ней, посмотрев на встревоженного мистера Гибсона.

Но что почувствовала Молли, услышав последние слова отца? Ее отослали из дома по какой-то причине, которую держат в тайне от нее, но о которой рассказали этой чужой женщине. Существовало ли между этими двумя полное доверие, не распространяющееся на нее? Будет ли она и то, что ее касается... хотя как, она не знала... обсуждаться между ними впредь, а она будет оставаться в неведении? Острая боль ревности пронзила ее сердце. Теперь она могла поехать в Эшкол или куда-либо еще. Думать больше о счастье других, чем о своем собственном, было прекрасно, но разве это не означало забыть о собственной

индивидуальности, подавить всю нежную любовь и острые желания, что являлись частью ее самой? Или только убив в себе эти желания, она могла обрести покой? Блуждая в этой путанице вопросов, она едва ли слышала, о чем идет разговор. Третий и в самом деле был лишним, когда между двумя царило полное доверие. Молли была абсолютно несчастна, ее отец, казалось, не замечал этого. Он был занят обсуждением планов со своей будущей женой. Но он заметил это и остро переживал за свою маленькую девочку, только он полагал, что для будущей семейной идиллии будет лучше, если он не позволит Молли облечь ее нынешние чувства в слова. Это был его основной замысел — подавить эмоции, не показывая своего сочувствия. И все же, когда он должен был уезжать, он взял Молли за руку и задержал ее в своих ладонях, но совсем иначе, чем это делала миссис Киркпатрик. Его голос смягчился, когда он прощался со своей дочерью, и добавил слова "Благослови тебя Бог, дитя" — столь непривычные для него.

Молли мужественно держалась весь день. Она больше не показывала злости, антипатии, досады или сожаления. Но, оставшись наедине с собой в экипаже Хэмли, она разразилась потоком слез и плакала до тех пор, пока не приехала в деревню Хэмли. Она тщетно пыталась улыбнуться, чтобы стереть все следы горя со своего лица. Она только надеялась, что сможет незаметно подняться в свою комнату и умыть глаза холодной водой, прежде чем ее заметят. Но в холле она столкнулась со сквайром и Роджером, вернувшимися с послеобеденной прогулки в саду, которые радушно помогли ей выйти из экипажа. Роджер тут же заметил ее состояние и сказал:

- Мама ожидала вашего приезда в этот час.

Он вел Молли в гостиную, но миссис Хэмли там не было. Сквайр остался поговорить с кучером об одной из лошадей, поэтому молодые люди оказались в комнате наедине.

Роджер заметил:

- Боюсь, вы провели очень утомительный день. Я думал о вас несколько раз, потому что знаю, как неловко себя чувствуешь с этими новыми родственниками.

- Благодарю вас, — ответила она дрожащими губами, готовая снова расплакаться. — Я старалась помнить, что вы говорили, и думать больше о других, но порой это так трудно. Вы ведь знаете это?

- Да, — серьезно ответил Роджер.

Он был доволен ее простым признанием, что она приняла во внимание его совет и постаралась следовать ему. Но он был очень молод и искренне польщен. Возможно, именно это заставило его предложить еще совет, но

на этот раз он был явно смешан с сочувствием. Роджер не хотел вытягивать из нее признание, которое, он понимал, с легкостью могла дать такая простодушная девушка, но ему хотелось помочь, дав ей несколько правил, на которые он научился полагаться.

- Это трудно, — продолжил он, — но со временем вы будете намного счастливее.

- Нет, не буду, — ответила Молли, покачав головой. — Будет очень глупо, если я стану убивать себя и жить, стараясь быть такой, как нравится другим. Я не вижу этому конца. Так я никогда не смогу жить. А что касается счастья, о котором вы говорите, я никогда больше не буду счастлива.

В том, что она сказала, была неосознанная глубина, и в эту минуту Роджер не знал, что ответить. Было легче обратить внимание на утверждение девушки семнадцати лет, что она никогда не будет счастлива.

- Чепуха, возможно, лет через десять вы посчитаете это испытание очень легким... кто знает?

- Мне это кажется глупостью. Возможно, все наши испытания покажутся нам глупыми через какое-то время, возможно, сейчас они кажутся такими ангелам. Но мы это мы, вы понимаете, и это происходит с нами сейчас, а не когда-то давным-давно. И мы не ангелы, чтобы утешаться видением конца, к которому все придет.

Никогда прежде Молли не говорила с Роджером так откровенно. И когда она произнесла эти слова, хоть и не отводила с Роджера взгляда, пока они стояли и смотрели друг на друга, она немного покраснела, не зная, почему. Как и он не мог объяснить себе, почему неожиданное удовольствие зародилось в его душе, когда он смотрел на ее простое, выразительное лицо, и на мгновение потерял смысл того, о чем она говорила, от чувства острой жалости к ней, к ее печальной серьезности. Через мгновение он снова пришел в себя. Но мудрейшему и самому разумному юноше двадцати двух лет только приятно, что девушка семнадцати лет смотрит на него, как на Ментора.[1]

- Я знаю, я понимаю. Да, именно сейчас нам придется с этим справиться. Давайте не будем углубляться в метафизику.[2]

Услышав его слова, Молли широко распахнула глаза. Она говорила о метафизике, не зная этого?

- Каждого ждет множество испытаний, с которыми придется столкнуться поочередно, постепенно. О, вот и мама. Она объяснит вам лучше, чем я.

И разговор наедине перерос в беседу на троих. Миссис Хэмли

прилегла, она чувствовала себя неважно весь день — как она сказала, она очень скучала по Молли — а теперь ей хотелось услышать обо всех происшествиях, что приключились с девушкой в Тауэрсе. Молли села на скамеечку рядом с изголовьем софы, а Роджер, хотя вначале взял книгу и пытался читать, что мог делать без конца, вдруг обнаружил, что лишь притворяется, что читает — так было интересно слушать рассказ Молли, и, кроме того, если он смог оказать ей помощь, когда она в ней нуждалась, разве не его долг познакомиться со всеми обстоятельствами случившегося?

Так и продолжалось все то время, пока Молли гостила в Хэмли. Миссис Хэмли сочувствовала, ей нравилось слушать подробности, как говорят французы, она проявляла сочувствие *en detail*[3], сквайр же проявлял сочувствие *en gros*. [4] Он очень сожалел о том, что Молли так горюет и почти чувствовал себя виноватым, словно подтолкнул события, упомянув о возможности повторной женитьбы мистера Гибсона в первый же день приезда к ним Молли. Он не раз говорил своей жене:

- Клянусь Богом, мне не следовало говорить этих несчастных слов в тот первый день за ужином. Вы помните, как она их восприняла? Это прозвучало как пророчество, разве нет? С того дня она выглядела бледной, и я не думаю, что с тех пор у нее был хороший аппетит. В будущем я должен больше следить за тем, что говорю. Но все же то, что делает Гибсон, самое лучшее, что он мог сделать для себя и для нее. Я сказал ему только вчера. Хотя мне очень жаль девочку. Хотел бы я никогда не упоминать об этом! Но разве эти слова не были пророческими?

Роджер усердно пытался найти разумный и правильный способ утешения, поскольку он тоже, по-своему, жалел девушку, которая мужественно старалась не унывать ради его матери, несмотря на личное горе. Ему казалось, что высокие принципы и благородные заповеди должны немедленно подействовать. Но этого не происходит, поскольку всегда найдется личный опыт и чувства, которые окажут молчаливое сопротивление всем добрым пожеланиям и высоким предписаниям. Но связь между Ментором и его Телемахом усиливалась с каждым днем. Роджер пытался увести Молли от мрачных мыслей о личном и заинтересовать другим. И, вполне естественно, что объекты его собственного интереса оказывались под рукой. Она понимала, что он делает ей добро, но не знала, почему. Но после разговора с ним она всегда представляла, что у нее есть ключ к добродетели и спокойствию, чтобы ни случилось.

[1] Ментор — персонаж древнегреческой мифологии с острова Итака — старый друг Одиссея, который отправляясь в Трою, поручил Ментору

заботы о доме и хозяйстве. Поэтому Ментор старался препятствовать назойливым женихам Пенелопы; он же был воспитателем Телемаха, сына Одиссея.

[2] Метафизика — философское учение о недоступных опыту принципах бытия; противоположный диалектике философский метод, рассматривающий явления в их неизменности.

[3] en detail — с фр. подробно, обстоятельно.

[4] en gros — с фр. вообще, в целом.

Глава XII

Приготовления к свадьбе

Тем временем роман немолодых влюбленных развивался именно так, как им больше всего нравилось, хотя, возможно, более молодым их отношения показались бы скучными и прозаичными. Лорд Камнор пришел в неописуемый восторг, получив новости из Тауэrsa от жены. Он считал, что принял активное участие в устройстве этого брака. Первым, что услышала от него леди Камнор, было:

- Я говорил вам. Разве не я сказал, каким приятным и уместным оказался бы этот роман между Гибсоном и Клэр. Я не помню, когда бы я так радовался. Вы можете презирать сводничество, миледи, но я очень горжусь им. С этих пор я буду подыскивать подходящие пары среди своих немолодых знакомых. Я не буду связываться с молодыми людьми, они склонны капризничать. Но я так преуспел в этом деле, что, думаю, это хороший стимул, чтобы продолжить.

- Продолжить что? — сухо спросила леди Камнор.

- О, планировать... Вы не можете отрицать, что я спланировал это брак.

- Не думаю, что вы делаете много добра или причиняете вред планированием, — ответила она с холодной рассудительностью.

- Это наталкивает людей на нужную мысль, моя дорогая.

- Да, если вы говорите им о своих планах, тогда конечно. Но в этом случае вы не говорили ни с мистером Гибсоном, ни с Клэр, ведь так?

Неожиданно воспоминание о том, как Клэр наткнулась на тот отрывок в письме лорда Камнора, пришло в голову миледи, но она не обмолвилась о нем, предоставив мужу выпутываться самому.

- Нет, конечно, я не говорил с ними.

- Тогда вы, должно быть, сильны в гипнозе. И ваше желание

воздействовало на них, если вы приписываете себе роль в этом романе, — продолжила его безжалостная жена.

- По правде говоря, я не могу сказать. Бесполезно вспоминать, что я сказал или сделал. Я очень доволен, и этого достаточно, я намерен показать им, насколько я доволен. Я подарю Клэр что-нибудь к ее платью, и у них будет завтрак в особняке Эшкома. Я напишу об этом Престону. Когда вы говорили, они должны пожениться?

- Я думаю, им лучше подождать до Рождества, я так им и сказала. Поездка на свадьбу в Эшком развлечет детей, я всегда боюсь, что из-за плохой погоды на каникулах им наскучит Тауэрс. Если же будет хороший мороз, они смогут покататься на коньках и салазках в парке. Но за последние два года для них, бедняжек, было слишком сыро!

- А другие бедняжки будут довольствоваться ожиданием, чтобы ваши внуки развлекались на каникулах? «Страдать увеселенья ради». Кажется, у Поупа[1] была такая строчка. «Страдать увеселенья ради»[2], - повторил он, довольный тем, что к месту употребил цитату.

- Это Байрон, и эти слова не имеют никакого отношения к теме, которую мы обсуждаем. Я удивлена, что ваша светлость цитирует Байрона, он был очень распутным поэтом.

- Я видел, как он приносил клятву в Палате Лордов[3], - оправдываясь, заметил лорд Камнор.

- Что ж, чем меньше говорить о нем, тем лучше, — ответила леди Камнор. — Я сказала Клэр, что ей лучше не думать о том, чтобы выйти замуж до Рождества, и ей не нужно будет в спешке оставлять школу.

Но Клэр не намеревалась ждать до Рождества. И на этот раз она добилась своего вопреки воле графини без слов и открытого сопротивления. Затем перед ней встала задача посложнее — заставить мистера Гибсона забыть о его плане, согласно которому Синтия должна была присутствовать на свадьбе, даже если ей придется вернуться обратно в школу в Булони сразу же после церемонии. Сначала миссис Киркпатрик сказала, что это была бы восхитительная, очаровательная задумка, только она боится, что ей придется отказаться от собственного желания увидеть дочь рядом с собой в такой момент из-за двойных расходов на путешествие.

Но мистер Гибсон, обычно бережливый в своих тратах, имел поистине щедрое сердце. Он уже проявил свою щедрость, полностью отказавшись от пожизненных процентов, которые получала его будущая жена от очень маленькой собственности покойного мистера Киркпатрика, в пользу

Синтии, настаивая, чтобы она приехала в его дом как дочь, как только покинет школу. Пожизненный процент составлял тридцать фунтов в год. Мистер Гибсон дал миссис Киркпатрик 35 фунтов, сказав, что надеется, они покончат с возражениями относительно приезда Синтии на свадьбу. В тот момент миссис Киркпатрик почувствовала, что так и будет, ей передалась сила его желания, и она вообразила, что она сама этого желает. Если бы Клэр написала письмо и отправила деньги в тот же день, пока не угасло переданное ей чувство привязанности, Синтия стала бы подружкой невесты. Но написанию письма препятствовали сотни помех. И на следующий день материнская любовь испарилась, а ценность добавленных денег повысилась. Деньги были так нужны — они доставались миссис Киркпатрик с трудом, а вынужденная разлука матери и дочери уменьшала то количество любви, которое должна была даровать первая. Поэтому миссис Киркпатрик снова убедила себя, что будет неблагоприятно отрывать Синтию от занятий, мешать выполнению ее обязанностей как раз в начале семестра. Она написала письмо мадам Лефевр, настолько густо пропитав его подобным убеждением, что в ответ получила эхо собственных слов, и, передавая их смысл мистеру Гибсону, который был не слишком силен во французском, разрешила мучительный вопрос к его сдержанному, но искреннему сожалению. Но деньги так и не были возвращены. На самом деле, не только эта сумма, но и большая часть из сотни фунтов, которые лорд Камнор преподнес ей в приданое, потребовались для уплаты долгов в Эшкоте — с тех пор, как миссис Киркпатрик стала владелицей школы, она не процветала. И то, что она предпочла рассчитаться с долгами, чем купить себе свадебный наряд, сделало ей честь. Одной из немногих черт характера миссис Киркпатрик, которые можно было уважать, была ее пунктуальность в расчетах с магазинами, где она совершала покупки — в этом проявлялось ее небольшое чувство долга. Какие бы ошибки она ни допускала в силу своей поверхностной и слабой натуры, она всегда чувствовала себя беспокойно, пока не расплачивалась с долгами. И, тем не менее, миссис Киркпатрик без колебаний присвоила себе деньги будущего мужа, когда оказалось, что их не нужно тратить на поездку Синтии. Какие бы предметы одежды она ни покупала для себя, их все можно было выставить на показ и произвести впечатление на дам Холлингфорда. Она убедила себя, что постельное и нижнее белье никто никогда не увидит, тогда как каждое платье вызовет бурные обсуждения и будет оценено в маленьком городке.

Поэтому запас нижнего белья у миссис Киркпатрик был очень мал, в нем едва ли были новые вещи. Но они были сшиты из тонкого материала, и

она тщательно штопала их умелыми руками в те долгие вечера, когда ученицы уже спали. И каждый вечер она неизменно решала, что в будущем кто-нибудь будет выполнять эту примитивную работу за нее. В эти часы спокойствия она вспоминала о своей прежней зависимости от воли других людей, о страданиях, которые больше никогда не повторятся. Люди склонны ожидать другой жизни, отличной от той, к которой они привыкли, как избавления от забот и испытаний! Клэр вспомнила, как однажды этим летом в Тауэрсе после обручения с мистером Гибсоном, ей понадобилось больше часа, чтобы уложить волосы в новую прическу, которую она внимательно изучила в модном журнале миссис Брэдли... и вот когда она спустилась, думая, что выглядит превосходно и готова встретиться со своим возлюбленным, леди Камнор отослала ее, словно ребенка, обратно в комнату уложить волосы по-прежнему и не делать из себя посмешище! Другой раз ее отправили сменить платье на то, которое, на ее взгляд, шло ей меньше, но которое больше устраивало леди Камнор. Все это были мелочи, но они служили примерами того, с чем в разных формах ей приходилось мириться многие годы. И привязанность миссис Киркпатрик к мистеру Гибсону росла пропорционально осознанию тех несчастий, от которых он собирался ее избавить. И все же, то время штопки и надежд не было неприятным. Она была спокойна за свое свадебное платье. Ее бывшие ученицы из Тауэрса собирались подарить его, они должны были одеть ее с головы до пят. Лорд Камнор, как уже было сказано, подарил ей сотню фунтов в приданое и предоставил мистеру Престону полную свободу действий в организации свадебного завтрака в старинном зале особняка Эшкома. Леди Камнор, немного расстроенная тем, что свадьбу не отложили до рождественских каникул ее внуков, тем не менее, подарила миссис Киркпатрик превосходные английские часы на цепочке, не столь искусной работы, но зато более точные, чем те заграничные и изящные часики, что так давно висели у нее на поясе и так часто вводили ее в заблуждение.

Приготовления миссис Киркпатрик шли с разумной степенью рвения, в отличие от мистера Гибсона, который ничего не делал, лишь приводил в порядок и украшал дом для своей нареченной невесты. Он знал, что должен что-то сделать. Но что? С чего начать, когда столько всего нужно было сделать, а у него так мало времени, чтобы следить за всем? Наконец, он нашел мудрое решение — попросить одну из барышень Браунинг ради старой дружбы взять на себя заботу о необходимых приготовлениях в его доме. Он решился оставить все декоративные украшения, которые

собирался произвести, на вкус своей будущей жены. Но прежде чем обратиться с просьбой к барышням Браунинг, мистеру Гибсону пришлось бы рассказать им о своей помолвке, которая до сих пор держалась в секрете от горожан, объяснявших причину его частых наездов в Тауэрс нездоровьем графини. Он представил, как бы он украдкой посмеялся над вдовцом зрелого возраста, который пришел бы к нему с признанием, подобном тому, что сейчас предстояло сделать перед барышнями Браунинг, и мысль о неминуемом визите ему не понравилась. Но визит должен быть сделан, поэтому однажды вечером мистер Гибсон заглянул к ним «случайно», как они выразились, и рассказал им обо всем. В конце первой главы, иначе говоря, в конце истории о влюбленности мистера Кокса, мисс Браунинг прижала руки к груди в удивлении.

- Подумать только, у Молли, которую я считала маленькой, появляется возлюбленный! Что же, конечно! Сестра Фиби, — та как раз входила в комнату, — послушай новость! У Молли Гибсон есть возлюбленный! Можно даже сказать, ей сделали предложение! Мистер Гибсон, разве не так? А ведь ей только шестнадцать!

- Семнадцать, сестра, — поправила мисс Фиби, которая кичилась тем, что знала все о домашних делах дорогого мистера Гибсона. — Семнадцать ей исполнилось 22-го июня.

- Что ж, будь по-твоему. Пусть семнадцать, если тебе так хочется! — раздраженно ответила мисс Браунинг. — Это ничего не меняет... у нее есть возлюбленный. А мне кажется, она была маленькой только вчера.

- Я надеюсь, ее путь истинной любви будет гладким,[4] — заметила мисс Фиби.

Настала очередь мистера Гибсона вмешаться — его история была рассказана наполовину, и ему не хотелось, чтобы слушательницы забежали далеко вперед в своих предположениях о любовном романе Молли.

- Молли ничего не знает. Я даже никому не рассказывал об этом, кроме вас двоих и еще одного друга. Я хорошо наказал Кокса и сделал все, что мог, чтобы удержать его привязанность, как он ее называет, в рамках. Но я был ужасно озадачен — что делать с Молли. Мисс Эйр уехала, а я не мог оставить их вместе в доме без старшей женщины.

- О, мистер Гибсон, почему вы не отослали ее к нам? — перебила мисс Браунинг. — Для вас мы бы сделали все, что в наших силах. Как ради вас, так и ради ее бедной матери.

- Благодарю. Я знаю, что сделали бы, но эта история не закончилась бы, оставь я Молли в Холлингфорде как раз на время увлечения мистера Кокса. Сейчас ему лучше. Его аппетит вернулся с удвоенной силой после

поста, который он сам себе назначил, чтобы произвести на меня впечатление. Вчера он съел три порции запеканки с черной смородиной.

- Я полагаю, вы самый либеральный человек, мистер Гибсон. Три порции! И, осмелюсь спросить, соразмерно с мясом?

- О! Я только упомянул об этом потому, что у таких юношей обычно очень нестабильный аппетит, когда они влюблены, и я подумал, что третья порция это очень хороший знак. Но все же, вы понимаете, что произошло один раз, может повториться снова.

- Я не знаю. Фиби однажды делали предложение, — сказала мисс Браунинг.

- Тише, сестрица! Рассказав об этом, можно ранить его чувства.

- Чепуха, дитя! Это было двадцать пять лет назад. Его старшая дочь уже сама замужем.

- Признаю, он не был постоянным, — оправдывалась мисс Фиби нежным, писклявым голоском. — Все мужчины не такие... как вы, мистер Гибсон... преданные памяти своей первой любви.

Мистер Гибсон вздрогнул. Джини была его первой любовью, но ее имя никогда не упоминалось в Холлингфорде. Его жена была доброй, милой, разумной и любимой, но не была ни второй, ни третьей любовью. А теперь ему придется признаться, что он намерен жениться второй раз.

- Вот, вот, — сказал он, — во всяком случае, я подумал, что должен что-то сделать, чтобы защитить Молли от подобных происшествий, пока она так молода, и прежде чем я дам свое согласие. Маленький племянник мисс Эйр заболел скарлатиной...

- Ах! Как неосмотрительно с моей стороны было не спросить. Как себя чувствует бедный малыш?

- Более-менее. Это не имеет отношения к тому, что я сейчас скажу. Дело в том, что мисс Эйр не смогла вернуться в мой дом, а я не могу оставить Молли в Хэмли.

- Ах! Теперь я понимаю, почему этот визит в Хэмли был таким внезапным. Право слово, это очень романтично.

- Мне так нравится слушать о романах, — пробормотала мисс Фиби.

- Тогда, если вы позволите мне продолжить мой рассказ, вы услышите о моем романе, — произнес мистер Гибсон, потеряв терпение из-за этих постоянных прерываний.

- Вашем! — вяло выговорила мисс Фиби.

- Господи благослови! — произнесла мисс Браунинг с меньшим чувством в голосе. — И что дальше?

- Моя свадьба, я надеюсь, — произнес мистер Гибсон, буквально

трактуя ее выражение неподдельного удивления. — Это то, о чем я пришел поговорить с вами.

Крошечная надежда зародилась в груди мисс Фиби. Она часто говорила своей сестре по секрету во время завивки (дамы в те дни носили локоны), «что единственный мужчина, который мог бы заставить ее подумать о замужестве, это мистер Гибсон; но если бы он сделал ей предложение, она была бы обязана согласиться ради дорогой бедной Мэри», никогда не объясняя, в чем именно заключался ее долг по отношению к покойной подруге, и почему для того, чтобы исполнить его, она должна была выйти замуж за ее мужа. Фиби нервно поигрывала с завязками черного шелкового фартука. Как у Калифа[5] из восточной сказки, будущая жизнь пронеслась у нее в голове в одно мгновение, оставив один неразрешимый вопрос: сможет ли она покинуть свою сестру? Следи, Фиби, за настоящим и послушай, что говорят, прежде чем изводить себя разрешением затруднений, которые никогда не появятся.

- Конечно, мне не просто было решить, кого я должен просить стать хозяйкой в моей семье, матерью моей девочки. Но думаю, что, в конце концов, принял правильное решение. Леди, которую я выбрал...

- Ну, скажите же нам, кто она, эта добрая женщина, — напрямик спросила мисс Браунинг.

- Миссис Киркпатрик, — ответил нареченный жених.

- Что?! Гувернантка из Тауэрса, которой так благоволит графиня?

- Да. Они весьма ценят ее — и заслуженно. Сейчас она держит школу в Эшкоте, ей привычно вести хозяйство. Она воспитала молодых леди из Тауэрса, у нее есть собственная дочь, и, возможно, она будет относиться с материнской добротой к Молли.

- Она выглядит очень элегантно, — заметила мисс Фиби, чувствуя, что обязана сказать что-нибудь хвалебное, дабы скрыть мысли, что только что посетили ее. — Я видела ее в экипаже, когда она возвращалась с графиней. Очень милая женщина, должна сказать.

- Чепуха, сестрица, — возразила мисс Браунинг. — Какое отношение ее элегантность или прелести имеют к любви? Разве ты знаешь вдовца, который бы снова женился ради подобных пустяков? Они всегда женятся из чувства долга того или иного рода, разве не так, мистер Гибсон? Им нужна экономка, или мать для их детей, или им кажется, что покойной жене это понравилось бы.

Возможно, из-за мысли, что Фиби могли бы выбрать, в тоне старшей сестры появилась острая язвительность, хороша знакомая мистеру Гибсону, но которую в настоящий момент он предпочел не заметить.

- Считайте, как хотите, мисс Браунинг. Предоставьте мне определять мотивы моих поступков. Я не говорю, что абсолютно в них уверен. Но я уверен, что искренне желаю сохранить старых друзей, и ради себя полюбить мою будущую жену. Кроме Молли и миссис Киркпатрик я в целом свете не знаю других женщин, которых я бы уважал так, как вас. Кроме того, я хочу попросить вас, не позволите ли вы Молли приехать и пожить у вас после моей свадьбы?

- Вы могли бы попросить нас, а не мадам Хэмли, — сказала мисс Браунинг, смягчившись только наполовину. — Мы ваши старые друзья, к тому же мы подруги ее матери, хотя мы не такие благородные.

- Это несправедливо, — ответил мистер Гибсон. — И вы это знаете.

- Я не знаю. Вы всегда проводите время с лордом Холлингфордом, когда доберетесь до него, намного чаще, чем с мистером Гудинафом или мистером Смитом. И вы всегда ездите в Хэмли.

Мисс Браунинг была не из тех, кто сразу сдается.

- Я ищу общества лорда Холлингфорда, как искал бы общества такого человека независимо от того, каков его класс или положение: будь то привратник в школе, плотник или сапожник — лишь бы у него был такой же склад ума. Мистер Гудинаф очень ловкий поверенный, но его мысли ограничены местными интересами.

- Полно, полно, не будем спорить, от этого у меня всегда болит голова, Фиби знает. Я не имела в виду то, что сказала, этого достаточно, ведь так? Я скорее заберу слова назад, чем стану их обсуждать. На чем мы остановились до того, как начали спорить?

- На том, что дорогая Молли приедет навестить нас, — подсказала мисс Фиби.

- Я хотел попросить вас об этом с самого начала, но только Кокс был так необуздан в своей любви. Я не знал, что он сделает и какое беспокойство причинит вам и Молли. Но теперь он охладел. Отсутствие Молли произвело отрезвляющий эффект, и я думаю, теперь Молли может находиться с ним в одном городе без всяких последствий кроме нескольких вздохов всякий раз, как только он вспомнит о ней при встрече. И у меня есть к вам другая просьба, поэтому, видите, мне не стоит спорить с вами, мисс Браунинг, когда я должен быть смиренным просителем. В доме нужно кое-что переделать, чтобы подготовить его для будущей миссис Гибсон. Нужно покрасить, поклеить обои, я подумывал о новой мебели, но не знаю, что нужно. Не будете ли вы так добры, осмотреть дом и решить, как потратить сотню фунтов? Стены столовой нужно покрасить. Миссис Киркпатрик подберет обои для гостиной на свой вкус — у меня

есть немного лишних денег, она сама их потратит. Но все остальные переделки в доме я оставляю вам, если только вы будете так добры помочь старому другу.

Это поручение совершенно удовлетворило любовь мисс Браунинг к власти. Когда был жив ее отец, у нее было право распоряжаться деньгами, что привлекало постоянных торговцев, но с его смертью у нее было мало шансов его показать. Это доказательство доверия ее вкусу и экономии вернуло ей хорошее настроение, а тем временем воображение мисс Фиби рисовало приятные картины визита Молли.

[1] Александр Поуп (27 мая 1688 — 30 мая 1744) — великий английский поэт XVIII века, реформатор английской стихотворной просодии (так называемого героического куплета), переводчик Илиады Гомера современным (на то время) стихом, сатирик, философ (автор стихотворного «Опыта о человеке»). Автор эпитафии на надгробии сэра Исаака Ньютона.

[2] «make a Roman Holiday» — букв. с англ. развлечение за счет страданий других. Цитата лорда Камнора комична и абсурдно неуместна — в «Паломничестве Чайльд-Гарольда» Байрон упоминает дакийского пленника, который, став гладиатором, был убит на римских празднованиях в честь завоевания Дакии (Римская провинция, занимавшая часть территории современной Румынии).

[3] Байрон приносил клятву в Палате Лордов в 1809 г. Хотя он был очень знаменитым поэтом, его репутация была подорвана слухами о романе с единокровной сестрой Августой.

[4] Неточная цитата из пьесы У. Шекспира «Сон в летнюю ночь» — «...Чтоб гладким был путь истинной любви... » (перевод Т. Щепкиной-Куперник).

[5] Калиф, по совету волшебника опустил голову в ведро с водой. Сделав так, он приобрел целый жизненный опыт, но, подняв голову, обнаружил, что прошло всего лишь мгновение.

Глава XIII

Новые друзья Молли Гибсон

Время летело — уже стояла середина августа, и если в доме требовалось что-то переделать, то это надлежало закончить без промедления. На самом деле, переделки мистера Гибсона и мисс Браунинг продвигались не так быстро. Сквайр узнал, что Осборн может вернуться

домой на несколько дней до отъезда за границу, и, хотя, растущая привязанность между Роджером и Молли ничуть его не беспокоила, он, тем не менее, всерьез встревожился, как бы его наследник не увлекся дочкой доктора. Он так беспокоился о том, чтобы она покинула их дом до того, как приедет Осборн, что его жена пребывала в постоянном страхе, как бы он не выказывал свое беспокойство слишком явно перед гостьей.

Каждая юная девушка лет семнадцати, которая к тому же любит задумываться, склонна сотворить божество из первого же человека, который предложит ей новую или более обширную систему обязанностей, чем та, которой она бессознательно руководствовалась до сих пор. Для Молли таким божеством стал Роджер: она прислушивалась к его мнению, к его авторитету почти во всем, хотя он дал ей только пару советов в той лаконичной манере, которая придавала им силу заповедей, — твердых принципов ее поведения, показав несомненное превосходство в мудрости и знаниях высоко образованного молодого человека редкого ума перед несведущей девушкой семнадцати лет, которая одарена пониманием. И хотя их сблизили такие приятные отношения, каждый из них в качестве будущего властителя своего сердца представлял совершенно другого человека — свою возвышенную и истинную любовь. Роджер надеялся встретить знатную женщину, равную себе, свою императрицу — красивую, благоразумную, готовую дать совет — такую, как Эгерия[1]. Переменчивое девичье воображение Молли рисовало незнакомого ей Осборна то в образе трубадура, то в образе рыцаря, о котором он написал в одном из своих стихотворений, кого-то скорее похожего на Осборна, чем самого Осборна, поскольку она старалась не наделять воображаемого героя индивидуальными чертами и именем. Не так уж неразумно поступал сквайр, когда думая о ее душевном спокойствии, желал, чтобы она покинула дом до того, как вернется Осборн. И все же, когда Молли уехала из поместья, он беспрестанно скучал по ней; ему было так приятно, когда ежедневно она исполняла обязанности дочери, оживляла трапезы, на которых часто присутствовали лишь он и Роджер, своими наивными вопросами, проявляла живой интерес к их беседам и весело отвечала на его добродушное подшучивание.

Роджер тоже скучал по ней. Порой он размышлял над ее высказываниями, восхищался и наслаждался их глубокомыслием. Другой раз он чувствовал, что по-настоящему помог ей, когда она нуждалась в его помощи, заинтересовав ее книгами, в которых говорилось о более высоких материях, чем в тех романах и стихах, которые она прежде постоянно читала. Он ощущал себя кем-то вроде любящего наставника, которого

неожиданно лишили самого многообещающего ученика. Он спрашивал себя, как она обходится без него; ставят ли ее в тупик или приводят в уныние книги, которые он дал ей почитать; как она ладит со своей мачехой? Молли занимала его мысли первые несколько дней после того, как покинула поместье. Миссис Хэмли сожалела о ее отъезде намного сильнее, чем мужчины. Она отвела ей место дочери в своем сердце, а теперь скучала по милой женской болтовне, по шутливым ласкам, непрестанному вниманию, нуждалась в сочувствии к своим горестям, которое Молли так открыто выказывала время от времени — все это заставило мягкосердечную миссис Хэмли полюбить ее.

Молли также остро ощущала перемену обстановки и винила себя за то, что до сих пор сильно переживает. Но с присущим ей чувством утонченности она не могла не оценить уклад жизни в Поместье. Старые добрые друзья мисс Браунинг баловали и ласкали Молли так часто, что она начала стыдиться их грубой и громкой манеры говорить, их провинциального произношения, отсутствия в них интереса к важным вещам и их жадного любопытства до подробностей чужой жизни. Они расспрашивали ее о будущей мачехе, а она затруднялась им ответить — преданность отцу не позволяла ей отвечать откровенно и правдиво. Ей больше нравилось, когда они начинали расспрашивать обо всем, что происходило в Поместье. Она была счастлива там; она любила всех обитателей, до самой последней собаки, так сильно, что отвечать было нетрудно — она была не прочь рассказать им обо всем: о фасоне платья миссис Хэмли и о том, какое вино сквайр пьет за ужином. И эти рассказы помогали ей вспоминать самое счастливое время в ее жизни. Но однажды вечером, когда после чая они все сидели в маленькой гостиной наверху, наблюдая за тем, что происходит на Хай-стрит, и Молли рассуждала о разнообразных развлечениях в поместье Хэмли, в тот самый момент, когда она рассказывала о познаниях Роджера в естественных науках, о тех диковинах, которые он показал ей, ее вдруг прервала короткая реплика:

- Кажется, ты много времени проводила в обществе мистера Роджера, Молли! — заметила мисс Браунинг, намереваясь этими словами на что-то намекнуть своей сестре, а вовсе не обращаясь к Молли. Но:

Наш добротворец жив-здоров,
Собака околела.[2]

Молли прекрасно поняла выразительный тон мисс Браунинг, хотя поначалу ее озадачила причина, вызвавшая его; мисс Фиби же, напротив,

была слишком поглощена вывязыванием пятки чулка, чтобы понять намеки сестры.

- Да, он был очень добр ко мне, — медленно ответила Молли, размышляя над поведением мисс Браунинг и не желая говорить больше, пока не поймет, к чему та клонит.

- Осмелюсь спросить, ты скоро снова поедешь в поместье Хэмли? Ты знаешь, он ведь не старший сын. Фиби! От твоих бесконечных «восемнадцать, девятнадцать» у меня болит голова, следи за разговором. Молли рассказывает нам, как много времени она проводила с мистером Роджером, и как он был добр к ней. Я слышала, милая, он очень красивый молодой человек. Расскажи нам о нем побольше. Вот, Фиби, слушай! Как он был добр к тебе, Молли?

- О, он подсказал мне, какие книги читать; а однажды он заставил меня посчитать, сколько пчел я увидела...

- Пчел, дитя?! Что ты имеешь в виду? Должно быть, вы с ним сошли с ума!

- Вовсе нет. В Англии живут двести видов пчел, а он хотел, чтобы я заметила разницу между ними и мухами. Мисс Браунинг, я же вижу, что вы вообразили, — сказала Молли, красная, как рак, — но вы ошибаетесь. Это заблуждение. Я больше не скажу ни слова о мистере Роджере или о Хэмли, если вам в голову приходят такие глупые мысли.

- Скажите, пожалуйста! Эта молодая леди поучает старших! Глупые мысли, как бы не так! Кажется, они у тебя в голове. Позволь мне сказать тебе, Молли, ты слишком молода, чтобы задумываться о поклонниках.

Молли пару раз назвали дерзкой и грубой, и, конечно, небольшая дерзость вырвалась наружу.

- Я не уточнила, что это за «глупые мысли», мисс Браунинг, правда, мисс Фиби? Разве вы не видите, дорогая мисс Фиби, что это ее собственное толкование, и согласно ее фантазии возник этот глупый разговор о поклонниках?

Молли пылала от негодования, но она молила о справедливости не того человека. Мисс Фиби попыталась примирить их подобно слабоумному человеку, который закроет неприятного вида рану вместо того, чтобы лечить ее.

- Я ничего об этом не знаю, моя дорогая. Мне кажется, то, что сказала Салли, было очень верно... очень верно, в самом деле. И я думаю, милая, ты не поняла ее, или, возможно, она не поняла тебя, или я, возможно, не поняла вас обеих. Поэтому нам лучше больше не говорить об этом. Сестра, какую цену, ты говорила, собираешься заплатить за драгет в гостиную

мистера Гибсона?

Мисс Браунинг с Молли так и просидели до вечера — обе были недовольны и сердиты. Они пожелали друг другу доброй ночи и распрощались очень холодно. Молли поднялась в свою маленькую спальню, чистую и аккуратную, где полог на кровати, оконные занавески и стеганое покрывало были сделаны из тонкого и изящного лоскутного шитья. Покрытый черным лаком туалетный столик был заполнен маленькими коробочками, к нему крепилось небольшое зеркало, которое так искажало лицо, что в него глупо было смотреть. Эта комната казалась девочке самым изящным и роскошным местом на свете по сравнению с ее собственной пустой и отделанной белым канифасом спальней. А теперь она спала в ней как гостя и все причудливые украшения, которые она когда-то разглядывала с большого одолжения, поскольку они были аккуратно завернуты в оберточную бумагу, были предоставлены в ее пользование. И все же, как мало она заслуживала этой радушной заботы; какой дерзкой она была; какой рассерженной была с тех пор! Она плакала слезами раскаяния и юношеского страдания, как вдруг раздался легкий стук в дверь. Молли открыла, на пороге стояла мисс Браунинг в поразительном наряде, состоящем из ночного чепца и скудного одеяния в виде цветной хлопчатобумажной кофты, накинутой поверх убогой и короткой белой нижней юбки.

- Я боялась, что ты уже спишь, дорогая, — сказала она, входя и закрывая дверь. — Но я хотела сказать тебе, что сегодня мы недопоняли друг друга. И думаю, возможно, это произошло по моей вине. Фиби не должна об этом знать, она считает меня безупречной. А раз здесь нас только двое, мы поладим лучше, чем если бы одна из нас думала, что другая не допустит промаха. Мне даже кажется, что я была немного сердита. Мы больше не будем об этом говорить, Молли; только пойдем спать друзьями, и всегда ими и останемся, дорогая, правда? Теперь поцелуй меня, не плачь, а то твои глазки опухли... и аккуратно потуши свечу.

- Я была неправа... это моя вина, — сказала Молли, целуя ее.

- Чепуха! Не возражай мне! Я говорю, что это моя вина, и больше я не хочу слышать об этом ни слова.

На следующий день Молли отправилась вместе с мисс Браунинг посмотреть на те изменения, которые производились в доме отца. На нее эти улучшения оказали тягостное впечатление. Бледно-серый цвет стен в столовой, который так хорошо сочетался с темно-красным цветом полушерстяных портьер, казавшихся тонкими, когда они были хорошо

вычищены от пыли, теперь изменился на розово-оранжевый цвет очень яркого оттенка. Новые портьеры были того бледного цвета морской волны, который только входил в моду. Мисс Браунинг назвала комнату «очень яркой и прелестной», а Молли из-за возобновившейся между ними симпатии с трудом удержалась, чтобы не возразить ей. Она могла только надеяться, что коричнево-зеленый коврик смягчит яркость и прелесть. То здесь, то там стояли подмости, и отовсюду доносилось ворчание Бетти.

- Давай поднимемся и посмотрим спальню твоего отца. Он спит наверху в твоей спальне, чтобы в его комнате можно было все переделать заново.

Молли не слишком отчетливо помнила, как ее привели в эту самую комнату попрощаться с умирающей матерью. Она увидела белые простыни и среди белого муслина бледное, изнуренное и тоскливое лицо с огромными горящими глазами, в которых читалось желание еще раз коснуться маленького, нежного и теплого ребенка, но ее мать была слишком слаба, чтобы заключить дочь в объятия, уже коченея от смертного холода. Всякий раз, бывая в этой комнате после того печального дня, Молли живо представляла себе изнуренное страданиями лицо среди подушек, очертания фигуры под одеялом; и девочка не вздрагивала от подобных видений, а скорее лелеяла их, сохраняя воспоминания о материальном облике своей матери. В ее глазах стояли слезы, когда она шла за мисс Браунинг в эту комнату, чтобы увидеть ее в новом виде. Почти все в ней изменилось — местоположение кровати и цвет мебели; теперь там стоял роскошный туалетный столик с зеркалом, заменив старомодный комод и зеркало на стене, скошенной книзу. Все эти вещи прежде служили матери в ее коротком замужестве.

- Видишь ли, мы должны все содержать в порядке для леди, которая провела большую часть жизни в особняке графини, — пояснила мисс Браунинг, которая уже вполне примирилась с браком, благодаря приятной обязанности меблировать комнаты, которой ее наделили впоследствии. — Кромер, драпировщик, хотел убедить меня купить диван и письменный стол. Эти мужчины скажут, что модно все, лишь бы продать мебель. Я сказала: «Нет, нет, Кромер, в спальнях спят, а в гостиных сидят. Приберегите мебель для ее истинного назначения, а не пытайтесь ввести меня в заблуждение». Моя мать устроила бы нам хороший нагоняй, если бы застала нас в наших спальнях днем. Мы держали наши вещи для прогулки в шкафах внизу; там же было сделано очень аккуратное место для мытья рук, которые за день приходится мыть много раз. Захламлять комнату диванами и столами! Никогда не слышала ничего подобного!

Кроме того, сотни фунтов надолго не хватит. Я не смогу ничего сделать в твоей комнате, Молли!

- Я вполне довольна ею, — ответила Молли. — Почти все вещи в ней принадлежали маме, когда она жила с моим двоюродным дедушкой. Мне бы не хотелось ничего там менять. Я так люблю ее.

- Ну, нам это не грозит — деньги заканчиваются. Кстати, Молли, кто должен купить тебе платье на свадьбу?

- Я не знаю, — ответила Молли. — Думаю, я буду подружкой невесты, но никто не говорил мне о платье.

- Тогда я спрошу твоего отца.

- Пожалуйста, не надо. Сейчас ему приходится тратить много денег. Кроме того, я охотнее бы не поехала на свадьбу, если бы меня попросили остаться.

- Чепуха, дорогая. Все в городе будут об этом говорить. Ты должна пойти, ради своего отца ты должна быть хорошо одета.

Но мистер Гибсон подумал о платье Молли, хотя ничего не сказал ей об этом. Он поручил будущей жене купить Молли все, что необходимо; и через некоторое время очень искусная портниха приехала из столицы графства примерить платье, которое одновременно было таким простым и элегантным, что сразу же очаровало Молли. Когда его доставили домой уже готовым, Молли сама переделалась, чтобы показать его барышням Браунинг. Взглянув на свое отражение в зеркале, она вздрогнула, заметив, как преобразилась. «Интересно, красива ли я», — думала она. — «Я почти уверена, что да... в этом платье, разумеется. Как сказала бы Бетти: «Одежда красит человека».

Когда Молли спустилась вниз в своем наряде для свадьбы, краснея от робости, и представила себя на обозрение, ее встретили возгласами восхищения.

- Право слово! Я бы тебя не узнала!

(«Во всем блеске», — подумала Молли, обуздывая свое разыгравшееся тщеславие.)

- Ты настоящая красавица... правда, сестрица? — сказала мисс Фиби. — Милая, если бы ты всегда так одевалась, ты бы выглядела намного прелестнее твоей дорогой матери, которую мы всегда считали такой привлекательной.

- Ты ни капли на нее не похожа. Ты похожа на своего отца, а белый цвет всегда оттеняет смуглую кожу.

- Разве она не красавица? — настойчиво повторяла мисс Фиби.

- Что ж, если и так, то это Бог сделал ее такой, а не она сама. Кроме

того, и портниха приложила к этому руку. Какой прекрасный индийский муслин! Платье будет стоить уйму денег!

За ночь до свадьбы мистер Гибсон и Молли отправились в Эшком в желтом дилижансе, которым владел Холлингфорд. Мистер Престон, или скорее, милорд предложил им погостить в Особняке. Дом соответствовал статусу главного особняка поместья и понравился Молли с первого взгляда. Это был каменный дом со множеством фронтонов и окон со средниками, увитый виргинским плющом и поздно цветущей розой. Молли не была знакома с мистером Престоном, который стоял в дверном проеме, приветствуя ее отца. Как молодая девушка она тут же завоевала его расположение, и впервые в жизни столкнулась с поведением подобного рода — отчасти лестью, отчасти флиртом — так некоторые мужчины считают необходимым вести себя с каждой женщиной до двадцати пяти лет. Мистер Престон был очень красив и знал это. У него были светло-русые волосы и бакенбарды; бегающие, серые и красиво очерченные глаза обрамляли темные ресницы; легкость и гибкость фигуры поддерживали атлетические упражнения, в которых ему не было равных, и которые обеспечили ему допуск в более высшее общество, чем то, в которое он имел право входить. Он превосходно играл в крикет и так метко стрелял, что любая семья, желавшая, чтобы их охотничьи сумки были полны 12-го или 1-го[3], была рада заполучить его в гости. Он учил юных леди играть в бильярд в сырую погоду или всерьез увлекался игрой, когда требовалось. Он знал наизусть половину пьес для частного театра и был незаменим в организации импровизированных шарад и живых картинок. У него были личные причины флиртовать с Молли. Он так приятно проводил время с вдовой, когда она впервые приехала в Эшком, что вообразил, будто на его фоне ее менее элегантный, менее красивый и немолодой муж будет выглядеть не слишком привлекательно. Кроме того, он испытывал сильное чувство к некой даме, которая отсутствовала, и это чувство ему необходимо было скрывать. В общем, он решил, что даже будь «крошка Гибсон», как он ее назвал, менее привлекательна, он был бы обречен провести с ней последующие шестнадцать часов.

Хозяин провел гостей в обшитую деревянными панелями гостиную, где в камине пылали и потрескивали дрова, а темно-красные занавеси не впускали прохладу убывающего дня. Стол был накрыт к ужину — белоснежная скатерть, блестящее серебро, чистые, сверкающие бокалы, вино и осенние фрукты на буфете. И, тем не менее, мистер Престон продолжил извиняться перед Молли за простоту своего холостяцкого

жилища, за небольшую комнату — огромную столовую экономка уже готовила для завтрашнего завтрака. Затем он позвал служанку, чтобы та показала Молли ее комнату. Ее проводили в самую уютную спальню: в камине горел огонь, на туалетном столике были зажжены свечи, темные шерстяные занавеси окружали белоснежную постель, повсюду стояли огромные китайские вазы.

- Это комната миледи Харриет, когда ее светлость приезжает в особняк с милордом графом, — пояснила служанка, высекая тысячи искр из тлеющего полена хорошо направленным ударом. — Я помогу вам раздеться, мисс? Я всегда помогаю ее светлости.

Молли, прекрасно понимая, что кроме белого муслинового платья на свадьбу и того, что было на ней надето, у нее больше ничего нет, отпустила добрую женщину и была рада остаться одна.

Уже звонили к ужину? Было почти восемь часов, и готовиться ко сну казалось более естественным занятием, чем переодеваться в этот поздний час. Единственное, что сделала Молли, это воткнула красную, дамасскую розу в пояс своего серого шерстяного платья — на туалетном столике стоял огромный букет осенних цветов. Она попробовала воткнуть еще одну темно-красную розу в свои черные волосы прямо над ухом, получилось очень мило, но слишком кокетливо, и она поставила розу обратно. Темные дубовые панели, которыми были обиты стены дома, казалось, излучали теплый свет; в комнатах было много каминов, они были в холле, и даже на лестничной площадке. Мистер Престон, должно быть, услышал шаги и, встретив ее в холле, провел в маленькую гостиную, которую с одной стороны закрывали раздвижные двери, как он объяснил, они вели в огромную гостиную. Комната, в которую вошла Молли, немного напомнила ей Хэмли — желтая сатиновая обивка семидесятилетней или столетней давности, все аккуратно сохранено и тщательно вычищено; огромные индийские шкафы, китайские кувшины, испускающие пряные ароматы; огромный, ярко горящий камин, перед которым стоял ее отец в своем утреннем костюме, серьезный и задумчивый, каким и был весь день.

- Это та самая комната, которой пользуется леди Харриет, когда приезжает сюда с отцом на день или два, — заметил мистер Престон.

Молли попыталась спасти отца, заговорив сама.

- Она часто сюда приезжает?

- Нечасто. Но думаю, ей нравится здесь бывать. Возможно, она считает, что приятно сменить обстановку после официальной жизни, которую она ведет в Тауэрсе.

- Я думаю, в этом доме очень приятно останавливаться, — сказал Молли, вспомнив какой сердечный уют пронизывал весь дом.

Но к ее смятению мистер Престон, казалось, воспринял комплимент на свой счет.

- Боюсь, подобная вам молодая девушка может ощутить все недостатки холостяцкого жилища. Я очень обязан вам, мисс Гибсон. Вообще, я провожу довольно много времени в комнате, в которой мы будем ужинать, и у меня есть что-то вроде конторы поверенного, где я храню книги, бумаги и принимаю посетителей.

Затем они приступили к ужину. Молли считала, что все блюда, поданные на стол, были бесподобны и безукоризненно приготовлены, но мистер Престон, казалось, был недоволен едой, он несколько раз извинялся перед гостями за то, что это блюдо приготовлено плохо, что тому блюду не достает особого соуса, и относил это на счет недостатков холостяцкого хозяйства, холостяцкого здесь, холостяцкого там, пока Молли не стало раздражать само это слово. Уныние, в котором ее отец пребывал до сих пор и из-за которого он оставался молчаливым, доставляло ей беспокойство. Ей хотелось скрыть состояние отца от мистера Престона, поэтому она говорила, всячески избегая выражать личное отношение, которое их хозяин приписывал всем ее словам. Она не знала, когда ей оставить мужчин, но отец подал знак, и мистер Престон проводил ее назад в желтую гостиную, многократно извинившись за то, что оставляет ее там одну. Она наслаждалась одиночеством, чувствуя, что вольна бродить и изучать все диковинки, находившиеся в комнате. Среди вещей был шкаф в стиле Людовика XV с прекрасными миниатюрами, покрытыми эмалью и встроенными в изящное деревянное изделие. Она поднесла свечу к шкафу и внимательно вглядывалась в эти лица, когда вошли ее отец и мистер Престон. Мистер Гибсон по-прежнему выглядел измученным и обеспокоенным, он подошел и похлопал дочь по спине, взглянул, что она рассматривает, а затем вернулся к молчанию и огню. Мистер Престон взял свечу из ее рук и с готовностью принялся удовлетворять ее любопытство.

- Говорят, это мадемуазель де Сент-Квентин, первая красавица при французском дворе. А это мадам Дюбарри [4]. Вы видите некое сходство мадемуазель де Сент Квентин с кем-то, кого вы знаете? — задавая ей этот вопрос, он немного понизил голос.

- Нет, — ответила Молли, снова взглянув на портрет. — Я не видела никого, кто был бы вполовину так же прекрасен.

- Но разве вы не видите сходства... особенно в глазах? — снова спросил он нетерпеливо.

Молли усердно старалась найти сходство, но снова безуспешно.

- Этот портрет мне постоянно напоминает... мисс Киркпатрик.

- Разве? — пылко спросила Молли. — О! Я так рада... я никогда ее не видела, поэтому, конечно, не могу судить о сходстве. Вы знакомы с ней, правда? Пожалуйста, расскажите мне о ней.

Мгновение он колебался, прежде чем заговорить. И слегка улыбнулся, прежде чем ответить.

- Она очень красивая, это конечно, понятно, когда я говорю, что эта миниатюра не отражает всей ее красоты.

- А кроме того? Пожалуйста, продолжайте.

- Что вы имеете ввиду, говоря «кроме того»?

- О! Я полагаю, она очень умная и воспитанная?

Молли хотела спросить совсем не это, но ей было трудно выразить неопределенную широту невысказанного интереса.

- Она умна от природы. Она богато одарена. От нее исходит такое обаяние, что кажется, будто она окружена сиянием. Вы спрашиваете меня об этом, мисс Гибсон, и я искренне отвечаю. Я бы не высказал мои восторженные похвалы другой юной леди.

- Я не понимаю, почему, — сказала Молли. — Кроме того, если вы не станете делать это вообще, я думаю, вы должны сделать это в моем случае. Вы, возможно, не знаете, но она придет жить к нам, когда закончит школу, и мы с ней почти ровесницы, значит, мы будем как сестры.

- Она будет жить с вами? — спросил мистер Престон, для которого эти слова стали новостью. — И когда она заканчивает школу? Я думал, она будет на свадьбе, но мне сказали, она не придет. Когда она заканчивает школу?

- Думаю, это будет на Пасху. Вы знаете, она сейчас в Булони, а это длительное путешествие, чтобы совершать его одной, к тому же папа очень хотел, чтобы она была на свадьбе.

- А ее мать помешала этому? Я понимаю.

- Нет, ее мать не причем. Это школьная директриса, она посчитала эту поездку нежелательной.

- Это почти одно и то же. Она вернется и будет жить с вами после Пасхи?

- Думаю, да. Она серьезная или веселая девушка?

- Она никогда не была серьезной, когда я видел ее. Искрящаяся, думаю, это слово подошло бы ей. Вы пишете ей? Если да, напомните ей обо мне и расскажите, как мы с вами говорили о ней... вы и я.

- Я никогда не писала ей, — ответила Молли довольно кратко.

Пришло время чаепития, а после этого они все отправились спать; Молли слышала восклицание отца у камина в его спальне, а затем ответ мистера Престона:

- Я горжусь своим проницательным стремлением обеспечить всем удобства, а также своей способностью обойтись без них, если будет нужно. У милорда дров в изобилии, и я балую себя тем, что зажигаю камин в своей спальне девять месяцев в году. И, тем не менее, я путешествовал в Исландию, не содрогаясь от холода.

[1] Эгерия — нимфа, советчица Нумы, легендарного второго короля Рима.

[2] Голдсмит Оливер «Элегия на смерть бешеной собаки» (пер. А. Парина).

[3] Чтобы их охотничьи сумки были полны 12-го или 1-го — даты, когда открывался сезон охоты на ту или иную птицу.

[4] Мари Жанна, графиня Дюбарри, урождённая Бекю — официальная фаворитка французского короля Людовика XV.

Глава XIV

Молли оказывается под опекой

Свадьба прошла так, как проходят подобные события. Лорд Камнор и леди Харриет прибыли из Тауэrsa, поэтому начало церемонии перенесли на более поздний час. Лорд Камнор исполнял обязанности отца невесты и радовался намного искреннее, чем невеста, жених или кто-либо из присутствующих. Леди Харриет приехала в качестве добровольной подружки невесты, чтобы, как она выразилась, «разделить с Молли ее обязанности». Они выехали из Особняка и направились к церкви в парке на двух экипажах, мистер Престон и мистер Гибсон — в одном, а Молли, к ее ужасу, пристроили к лорду Камнору и леди Харриет в другой. Белое муслиновое платье леди Харриет, повидавшее пару пикников в саду, пребывало не в самом лучшем состоянии, скорее всего, она решила надеть его в последнюю минуту. Харриет была очень весела и очень хотела поговорить с Молли, чтобы выяснить, каким человеком должна стать Клэр для своей будущей дочери. Она начала:

- Мы не должны помять твоё прелестное муслиновое платье. Положи край юбки на колени отцу, он ничуть не возражает.

- Что, моя дорогая, белое платье?.. Нет, конечно, нет. Скорее, мне это понравится. Кроме того, когда едут на свадьбу, разве кто-то возражает?

Все было бы иначе, если бы мы ехали на похороны.

Молли добросовестно пыталась понять смысл этих слов, но не успела она это сделать, как леди Харриет снова заговорила, перейдя к сути дела, чем всегда гордилась.

- Мне кажется, второй брак твоего отца — испытание для тебя. Но ты увидишь, Клэр — самая милая из женщин. Она всегда позволяла мне поступать по-своему, и я не сомневаюсь, она позволит тебе поступать так же.

- Я попытаюсь полюбить ее, — тихим голосом ответила Молли, изо всех сил стараясь сдержать слезы, которые этим утром беспрестанно наворачивались ей на глаза. — Я еще мало ее знаю.

- Это самое лучшее, что с вами могло случиться, моя дорогая, — заметил лорд Камнор. — Вы становитесь молодой леди, и к тому же очень привлекательной молодой леди, если позволите старику так говорить, а кто, как не жена вашего отца, подходит для того, чтобы воспитать вас, вывести вас в свет, вывозить вас на балы и тому подобное? Я всегда говорил, что этот брак, который состоится сегодня, самый подходящий на моей памяти. И он принесет больше пользы вам, чем самим брачующимся.

- Бедняжка! — произнесла леди Харриет, заметив тревогу на лице Молли, — сейчас ей не до мыслей о балах. Но тебе понравится, что Синтия Киркпатрик будет твоей подругой, правда, дорогая?

- Очень, — ответила Молли, немного приободрившись. — Вы знакомы с ней?

- О, я видела ее много раз, когда она была маленькой девочкой, а потом всего пару раз. Она самое прелестное создание, которое я видела, в ее глазах таится озорство, насколько я помню. Но Клэр довольно хорошо сдерживала ее живость, когда гостила у нас, полагаю потому, что боялась причинить беспокойство.

Не успела Молли задать следующий вопрос, как они уже подъехали к церкви. Она и леди Харриет прошли к отведенному для семьи месту у дверей, дожидаться невесту, в свите которой должны были пройти к алтарю. Граф в одиночестве поехал забрать невесту из ее собственного дома, не более чем в четверти мили от церкви. Клэр было приятно, что к брачному алтарю ее поведет произведенный в рыцари граф, а его дочь станет подружкой невесты. Эти маленькие радости тешили миссис Киркпатрик, когда она стояла у брачного алтаря рядом с мужчиной, который ей нравился и который будет обязан содержать ее без всяких усилий с ее стороны, и излучала счастье и красоту. Небольшое облако набежало на ее лицо при виде мистера Престона — сладостную

бесконечность ее улыбки нарушило его появление вслед за мистером Гибсоном. Но выражение его лица не изменилось; он серьезно поклонился ей и затем, казалось, сосредоточился на службе. Десять минут, и все закончилось. Невеста и жених вдвоем отправились в Особняк, мистер Престон поехал туда же кратчайшим путем, а Молли снова оказалась в экипаже с милордом, который потирал руки и посмеивался, а леди Харриет старалась быть доброй и утешать, когда ее молчание стало бы лучшим утешением.

Молли, к своему ужасу, поняла, что должна вернуться с лордом и леди Харриет, когда те отправятся вечером в Тауэрс. У лорда Камнора тем временем нашлись дела с мистером Престоном, и после того, как счастливые молодожены отправились в свое недельное свадебное путешествие, ей пришлось остаться наедине с пугающей леди Харриет. Когда они остались наедине, леди Харриет села у камина в гостиной, прикрыв лицо от огня экраном, и минуту или две пристально смотрела на Молли. Молли чувствовала на себе этот продолжительный взгляд и старалась набраться мужества и посмотреть на нее в ответ, как вдруг леди Харриет сказала:

- Ты мне нравишься... ты маленькое дикое существо, и я хочу приручить тебя. Подойди сюда и сядь на эту скамеечку рядом со мной. Как тебя зовут? Или как тебя называют? — как бы выразились северяне.

- Молли Гибсон. Мое настоящее имя Мэри.

- Молли — красивое, ласковое имя. В прошлом столетии люди не боялись простых имен. Теперь мы все такие разумные и утонченные: больше нет «Леди Бетти». Меня удивляет, что не переименовали всю шерстяную и хлопчатобумажную пряжу, которая носит ее имя. Представь себе, «Хлопок леди Констанции» или «Шерсть леди Анны-Марии».

- Я не знала, что был хлопок леди Бетти, — промолвила Молли.

- Это говорит о том, что ты не занимаешься вышивкой. Увидишь, Клэр возьмется за тебя. Она усаживала меня вышивать один рисунок за другим: то рыцарей, стоявших на коленях перед дамами, то невероятные цветы. Но отдам ей должное, когда я уставала от вышивок, она заканчивала их сама. Мне интересно, как вы с ней поладите?

- И мне тоже, — тихо вздохнула Молли.

- Я, бывало, думала, что помыкаю ею, пока однажды ко мне не закралось неприятное подозрение, что все это время она помыкала мною. Все же легко позволить, чтобы тобой помыкали, во всяком случае, пока не проснешься с осознанием процесса, тогда он может стать забавным, если воспринять его в таком свете.

- Мне бы не хотелось, чтобы мною помыкали, — возмутилась Молли. — Я постараюсь делать то, что она пожелает, ради папы, если только она будет говорить открыто. Мне бы не понравилось, если бы меня вовлекли во что-нибудь обманом.

- Сейчас я, — продолжила леди Харриет, — слишком ленива, чтобы избегать ловушек, мне скорее нравится отмечать мастерство, с которым их расставляют. Но зато, конечно, я знаю, что если я предпочту побороться, то смогу разорвать путы из зеленого льна, которыми они попытаются связать меня. Но ты, возможно, не сможешь.

- Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду, — сказала Молли.

- О, что ж... неважно. Думаю, для тебя будет лучше, если ты не сможешь. Мораль всего того, что я сказала, такова — «Будь хорошей девочкой и страдай от того, что тобою управляют, тогда ты поймешь, что твоя мачеха самое прелестное создание». Я не сомневаюсь, ты отлично с ней поладишь. Как ты поладишь с ее дочерью — другое дело, но думаю, очень хорошо. Теперь мы попросим принести чай, я полагаю, плотный завтрак заменит нам ланч.

В этот момент в комнату вошел мистер Престон, и Молли немного удивило равнодушие, с которым леди Харриет отпустила его, она помнила, как мистер Престон намекал на близкие отношения с ее светлостью прошлым вечером за ужином.

- Я не выношу подобный тип людей, — сказала леди Харриет, когда он уже не мог ее слышать, — они держатся высокомерно по отношению к тем, которых обязаны просто уважать. Я с удовольствием могу поговорить с кем-нибудь из рабочих моего отца, тогда как подобный человек — дурно воспитанный щеголь — меня ужасно раздражает. Как ирландцы называют этот тип людей? Я помню, у них есть какое-то превосходное слово. Какое же?

- Я не знаю... я никогда не слышала об этом, — пробормотала Молли, стыдясь своего невежества.

- О! Это говорит о том, что ты не читала историй мисс Эджворт[1], верно? Если бы ты читала, ты бы вспомнила, что там было такое слово, даже если бы не помнила, какое. Если ты никогда не читала этих историй, то как раз такое чтение развлечет тебя в одиночестве — необычайно совершенное и нравственное, и, тем не менее, достаточно интересное. Я одолжу их, когда тебе будет одиноко.

- Мне не одиноко. Я живу не дома, а в гостях у мисс Браунинг.

- Тогда я привезу их тебе. Я знакома с мисс Браунинг. Они регулярно приезжали на школьный праздник в Тауэрс. Обычно я звала их Пекси и

Флэпси.[2] Мне нравятся мисс Браунинг, во всяком случае, от них получаешь достаточно уважения, мне всегда хотелось посмотреть, как такие люди ведут домашнее хозяйство. Я привезу тебе целую связку историй мисс Эджворт, дорогая.

Молли молча сидела минуту или две, затем набралась смелости высказать то, что было у нее на душе.

- Ваша светлость, — титул стал первыми плодами урока, который выучила Молли, выказывая должное уважение, — ваша светлость продолжает говорить о типе... классе людей, к которому принадлежу и я, словно о каком-то странном животном. Вы так открыто говорите мне, что...

- Продолжай... мне нравится тебя слушать.

Повисло молчание.

- В глубине души ты считаешь меня немного дерзкой, верно? — почти любезно спросила леди Харриет.

Молли хранила молчание две-три минуты, затем подняла свои прекрасные, честные глаза на леди Харриет и сказала:

- Да!.. немного. Но я думаю о вас много другого.

- Оставим сейчас «другое». Разве ты не видишь, малышка, я говорила так, как мне подсказала моя сущность, так же как и ты говоришь, следуя своей сущности. Она у нас обеих на поверхности. Думаю, что некоторые из ваших добропорядочных Холлингфордских дам говорят о бедных таким тоном, который, услышав, посчитают дерзким. Но мне следует быть более тактичной, когда я вспоминаю, как часто моя кровь закипала, когда я видела или слышала, что говорит и как себя ведет одна из моих теток, мамина сестра, леди... Нет! Я не хочу называть имен. Всех, кто зарабатывает себе на жизнь, своим умом или руками, — от людей с профессией и богатых торговцев до рабочих — она называла «особами». Никогда, даже в своем самом глупом разговоре она не даровала им привычного титула «джентльмен», а слуг называла — «моя женщина», «мои люди». Но ведь это всего лишь манера говорить. Мне не следовало бы применять это к тебе, но так или иначе я выделяю тебя из всех остальных жителей Холлингфорда.

- Но почему? — настойчиво спросила Молли. — Я одна из них.

- Да, ты одна из них. Но... теперь не упрекай меня за дерзость... большинство из них так неестественны в своем непомерном уважении и восхищении, когда приезжают в Тауэрс, и так сильно притворяются, что обладают приятными манерами, что только становятся объектом для насмешек. Ты, по крайней мере, простодушна и искренна, вот почему я

выделяю тебя из них и неосознанно говорю с тобой, как будто... что ж! вот еще один пример дерзости... как будто с равной, по положению, я имею в виду. Я не считаю, что лучше своих соседей разбираюсь в серьезных вещах. Вот и чай, прибыл вовремя, чтобы удержать меня от излишней скромности.

Приятно было выпить немного чая в затухающих сентябрьских сумерках. И как раз в конце чаепития снова вошел мистер Престон.

- Леди Харриет, вы не доставите мне удовольствие показать вам несколько переделок, которые я произвел в цветнике, стараясь придерживаться вашего вкуса... пока не стемнело?

- Благодарю вас, мистер Престон. На днях я приеду с отцом, и мы посмотрим, одобрим ли мы их.

Брови мистера Престона взлетели. Но он притворился, что не заметил высокомерия леди Харриет и, повернувшись к Молли, произнес:

- Мисс Гибсон, вы не выйдете посмотреть парк? Я думаю, вы нигде не были, кроме церкви.

Молли не понравилась идея выйти на прогулку наедине с мистером Престоном, но она жаждала вдохнуть глоток свежего воздуха, ей хотелось посмотреть на парк, взглянуть на Особняк с разных сторон, а помимо этого, какое бы отвращение она ни испытывала к мистеру Престону, она сожалела, что он только что получил отказ. Пока она колебалась и медленно склонялась к согласию, леди Харриет, сказала:

- Я не могу обойтись без мисс Гибсон. Если ей захочется осмотреть поместье, я сама ее привезу на днях.

Когда он вышел из комнаты, леди Харриет произнесла:

- Признаюсь, это мое ленивое себялюбие продержало тебя в доме весь день против твоей воли. Но, во всяком случае, ты не пойдешь гулять с этим человеком. У меня подсознательная антипатия к нему, нет, совершенно не подсознательная, для нее есть основание, и я желаю, чтобы ты не позволяла ему вступать с тобой в близкое знакомство. Он очень умный управляющий и исполняет свои обязанности по указанию папá. Я не хочу, чтобы меня упрекали за клевету, но помни, что я сказала!

Затем прибыл экипаж и после бесчисленных прощаний герцога — тот, казалось, отложил все возможные указания до той минуты, когда стоя на ступеньке экипажа, балансировал как неуклюжий Меркурий — они отправились в Тауэрс.

- Ты заедешь и пообедаешь с нами... или сразу поедешь домой? — спросила леди Харриет у Молли. Она и ее отец спали пока не подъехали к лестничному пролету. — Говори правду сейчас и всегда. Правда, как

правило, забавна, как ничто другое.

- Я бы охотнее сразу же вернулась к мисс Браунинг, если можно, — ответила Молли, вспоминая, словно кошмарный сон, свой единственный вечер, который она провела в Тауэрсе.

Лорд Камнор стоял на ступеньках и ждал, чтобы помочь дочери выйти из экипажа. Леди Харриет задержалась поцеловать Молли в лоб и сказала:

- Я вскоре приеду и привезу тебе множество историй мисс Эджворт и ближе познакомлюсь с Пекси и Флэпси.

- Нет, пожалуйста, не нужно, — возразила Молли, схватив ее за руку и удерживая. — Вы не должны приезжать... в самом деле, не должны.

- Почему нет?

- Потому что мне бы не... потому что я думаю, что не должна позволить приехать и навестить меня той, которая смеется над друзьями, у которых я гощу, и обзывает их, — сердце Молли билось очень быстро, но она сказала то, что думала.

- Моя дорогая маленькая женщина! — сказала леди Харриет, наклонясь к ней, она говорила вполне серьезно. — Мне очень жаль, что я придумала им имена... очень, очень жаль, что обидела тебя. Если я пообещаю тебе относиться к ним уважительно на словах и на деле... даже в мыслях, если я смогу... ты позволишь мне тогда навестить тебя?

Молли колебалась.

- Мне лучше сразу поехать домой. Я буду говорить нехорошие вещи... вот и лорд Камнор ждет все это время.

- Оставь его. Он прекрасно развлекается, слушая, как Браун рассказывает ему дневные новости. Тогда я приеду... дав обещание?

Молли поехала в роскоши одиночества; и дверной молоток мисс Браунинг расшатался на своих древних петлях от бесконечного стука лакея лорда Камнора.

Обе барышни были полны радушия, полны любопытства. Весь долгий день они скучали по своей красивой юной гостье, и три-четыре раза каждый час размышляли и решали, что все делают в эту самую минуту. То, что произошло с Молли за этот день, оставило их в большом недоумении; они были всерьез подавлены чувством огромной чести, которую ей оказали, позволив провести столько времени наедине с леди Харриет. На самом деле, их больше взволновал этот единственный факт, чем все подробности свадьбы, большинство которых было им известно заранее и обговорено за день с завидным упорством. Молли начала понимать, что леди Харриет небезосновательно склонна высмеивать поклонение, проявляемое добрыми жителями Холлингфорда своему сеньору, и стала

размышлять, какие знаки уважения они окажут леди Харриет, если она придет навестить их, как обещала. Молли полагала, что лучше будет не говорить пока об этом обещании, поскольку не была уверена, что оно будет выполнено.

До того, как их навестила леди Харриет, Молли нанесли другой визит. Роджер Хэмли приехал верхом на следующий день с запиской от своей матери и с осиным гнездом в качестве подарка от себя. Молли услышала, как его сильный голос доносится с маленькой лестницы, он спрашивал у служанки, дома ли мисс Гибсон; ее отчасти развеселила, отчасти взволновала мысль о том, в каком свете предстанет этот визит в фантазиях мисс Браунинг. «Я скорее никогда не выйду замуж, — думала она, — чем выйду замуж за некрасивого, а славный добрый Роджер и правда некрасив. Не думаю, что его когда-либо называли некрасивым». Тем не менее, барышни Браунинг, которые не смотрели на молодых людей, если на них не были надеты шлем и доспехи, посчитали, что мистер Роджер Хэмли очень привлекательный молодой человек, как только он вошел в комнату — его лицо покраснело от ходьбы, а белые зубы сверкнули в улыбке, когда он грациозно всем поклонился. Он был немного знаком с обеими мисс Браунинг и вел с ними приятную беседу, пока Молли читала небольшую записку от миссис Хэмли, полную сочувствия и добрых пожеланий по поводу свадьбы; затем он повернулся к ней и, хотя мисс Браунинг слушали в четыре уха, они не слышали ничего примечательного ни в его словах, ни в тоне, которым он их произнес.

- Я привез осиное гнездо, как и обещал вам, мисс Гибсон. В этом году в них не было недостатка; только на землях моего отца мы собрали их семьдесят четыре штуки, а с одним из рабочих, бедным парнем, который зарабатывает себе на жизнь пчеловодством, случилось несчастье — осы вытеснили пчел из семи ульев, завладели ими и съели мед.

- Какие жадные маленькие паразиты! — заметила мисс Браунинг.

Молли увидела, как дрогнули веки Роджера, когда он услышал столь неверное употребление слова, но хотя у него было развито чувство юмора, казалось, оно никогда не уменьшало уважения к людям, которые забавляли его.

- Я уверена, они заслуживают адского пламени больше, чем бедные, невинные пчелки, — сказала мисс Фиби. — Кажется, что человечество, наслаждаясь медом, так неблагодарно, — она вздохнула, словно эта мысль была для нее невыносима.

Пока Молли дочитывала записку, Роджер передал ее содержание

барышням Браунинг.

- Мой брат и я собираемся с отцом на сельскохозяйственную встречу в Кэнонбэри в четверг, а моя мать попросила передать, как она будет обязана вам, если в этот день вы отпустите к ней Молли. Ей очень хотелось попросить вас доставить ей удовольствие и присоединиться к ней, но на самом деле она так слаба, что мы убедили ее довольствоваться мисс Гибсон, она без малейших колебаний позволит юной леди развлекаться, что та сделала бы неохотно, будь там вы и ваша сестра.

- Я уверена, она очень добра, очень. Ничто не доставит нам большего удовольствия, — сказала мисс Браунинг, выпрямляясь с удовлетворенным достоинством. — О, да, мы вполне понимаем, мистер Роджер, и мы вполне осознаем доброе намерение миссис Хэмли. Мы удовлетворимся добрыми намерениями, как общепринято говорить. Я верю, что поколение или два назад Браунинги и Хэмли состояли в родстве.

- Смею предположить, так и было, — ответил Роджер. — У моей матери очень слабое здоровье, она должна приспособливаться к нему, отчего ей приходится держаться в стороне от общества.

- Тогда я могу поехать? — спросила Молли, светясь от радости при мысли, что снова увидит свою дорогую миссис Хэмли, и все же боясь, что слишком явно показывает желание покинуть добрых друзей.

- Конечно, моя дорогая. Напиши милую записку и скажи миссис Хэмли, как мы обязаны ей, что она думает о нас.

- Боюсь, я не могу ждать записку, — ответил Роджер, — я передам ответ, поскольку должен встретиться с отцом в час, а время встречи уже подходит.

Когда он ушел, Молли так радовалась, думая о четверге, что едва понимала, что говорят мисс Браунинг. Одна говорила о прелестном муслиновом платье, которое Молли отослала в стирку только сегодня утром, и придумывала, как бы вернуть его обратно вовремя, чтобы Молли его надела. Другая же, мисс Фиби, как ни странно, совершенно невнимательно отнеслась к словам сестры, и, насвистывая какой-то свой собственный мотив, возносила похвалы Роджеру Хэмли.

- Такой привлекательный молодой человек, такой любезный и приветливый. Как молодые люди в дни нашей молодости, правда, сестра? И все же говорят, что мистер Осборн более красив. Что ты думаешь, милая?

- Я никогда не видела мистера Осборна, — ответила Молли, краснея и ненавидя себя за это. Из-за чего? Она никогда не видела его, как и сказала. Он существовал только в ее фантазиях.

Он уехал; все джентльмены уехали до того, как экипаж, который послали за Молли в четверг, прибыл в Хэмли Холл. Но Молли была почти рада, она так боялась разочароваться. Кроме того, ее дорогая миссис Хэмли принадлежала только ей: тихие посиделки в утренней гостиной, разговор о поэзии и романах, полуденная прогулка в саду, сверкавшем красками осенних цветов и блестящем каплями росы на паутинках, протянувшихся от алых лепестков к голубым, а от них к пурпурным и желтым. Когда они сидели за ланчем, в холле послышался незнакомый мужской голос и раздались шаги; дверь открылась, и вошел молодой человек, не кто иной, как Осборн. Он был красив и бледен и выглядел почти так же болезненно, как и его мать, на которую был сильно похож. Эта кажущаяся хрупкость делала его немного старше. Он был одет безукоризненно, но в то же время с легкой небрежностью. Он подошел к матери и встал рядом с ней, держа ее за руку, он рассматривал Молли, не дерзко или нахально, а как бы критически ее оценивая.

- Да! Я снова вернулся. Я понял, что волы мне не по душе. Я только разочаровал отца, потому что не смог оценить их качеств, и, боюсь, я не испытываю желания учиться. А запах был невыносим в столь жаркий день.

- Мой дорогой мальчик, не извиняйся передо мной. Оставь извинения для своего отца. Я только рада, что ты вернулся. Мисс Гибсон, этот высокий молодой человек, мой сын Осборн, как я полагаю, вы догадались. Осборн, это мисс Гибсон. Ну, что бы ты съел?

Садясь, он оглядел стол.

- Ничего, — сказал он, — Есть немного холодного мясного пирога? Я попрошу принести.

Молли пыталась соотнести идеал с реальностью. Идеал был живой и сильный, с греческим профилем и орлиным взором, он был способен выдержать долгий пост и был непритязательным в еде. У настоящего Осборна были женственные движения, но не телосложение; у него был греческий профиль, но в голубых глазах застыло холодное, усталое выражение. Он был разборчив в еде и не обладал здоровым аппетитом. Тем не менее, герой Молли не должен был съесть больше Айвенго, когда тот оказался в гостях у монаха Тука. И, несмотря на небольшое несоответствие, она начала думать, что мистер Осборн Хэмли мог бы оказаться поэтичным героем, если не рыцарем. Он был исключительно внимателен к своей матери, что понравилось Молли, и в ответ миссис Хэмли, казалось, была очарована им до такой степени, что пару раз Молли представила, как бы мать и сын были счастливы в ее отсутствие. Однако, с

другой стороны, она неожиданно сообразила, что Осборн адресует ей часть своих речей хоть и обращается к матери. Молли не могла не понимать, что обороты и украшения речи, которые так элегантно искажали язык, были не приняты в обыденном общении матери и сына. Но ей скорее льстило, что очень красивый молодой человек, который к тому же был поэтом, считает, что стоит пока говорить таким высоким слогом для ее же пользы. И до того, как закончился день, она восстановила его на троне в своем воображении, хотя Молли и Осборн так ни разу и не поговорили напрямую друг с другом; на самом деле она почти чувствовала себя предательницей по отношению к своей дорогой миссис Хэмли, когда в первый же час после знакомства она засомневалась в его праве на материнское поклонение. Его красота проявлялась все больше и больше, как только он оживлялся в разговоре с ней. И его манеры казались крайне привлекательными.

Прежде чем Молли уехала, сквайр и Роджер вернулись из Кэнонбэри.

- Осборн, вот ты где! — воскликнул сквайр, покрасневшийся и запыхавшийся. — Почему, черт возьми, ты не сказал нам, что поедешь домой? Я везде тебя искал, когда мы собрались пойти в таверну. Я хотел представить тебя Грантли и Фоксу и людям лорда Форреста с другого края графства, с которыми тебе следует познакомиться. И Роджер пропустил почти половину обеда, разыскивая тебя, а ты в это время ускользнул и спокойно просидел здесь с женщинами. Мне бы хотелось, чтобы в следующий раз ты дал мне знать, что улизнешь. Я не испытал и половины удовольствия, рассматривая прекрасный скот, думая, что с тобой случился один из твоих прежних приступов слабости.

- Думаю, таковой бы и случился, останься я дольше в той атмосфере. Но мне жаль, если я причинил вам беспокойство.

- Ладно! Ладно! — ответил сквайр, немного смягчившись. — И Роджер тоже... я посылал его то сюда, то туда весь день.

- Я ничего не имел против этого, сэр. Мне было только жаль, что вы так обеспокоены. Я подумал, что Осборн уехал домой, потому что знал, это ему не по душе, — сказал Роджер.

Молли перехватила взгляд, которым обменялись братья, — взгляд искреннего доверия и любви, который вдруг и ее сделал причастной к их отношениям — незамеченный ею прежде.

Роджер подошел к ней и сел рядом.

- И как вы ладили с Юбером[3]? Вы не находите его очень интересным?

- Я боюсь, — покаялась Молли, — что прочла не слишком много. Мисс Браунинг нравится, когда я говорю, а, кроме того, дома столько всего

нужно сделать до приезда папы. А мисс Браунинг не хочет, чтобы я ходила туда без нее. Я знаю, это пустяки, но они отнимают очень много времени.

- Когда приезжает ваш отец?

- Полагаю, в следующий вторник. Он не может долго отсутствовать.

- Я приеду и засвидетельствую свое почтение мистеру Гибсону, — сказал он. — Я приеду, как только смогу. Ваш отец был очень добрым другом мне с тех самых пор, как я был мальчиком. И когда я приеду, я буду надеяться, что моя ученица будет очень прилежной, — заключил он, улыбаясь своей доброй, приятной улыбкой ленивой Молли.

Затем подъехал экипаж, и она в долгом одиночестве возвращалась к барышням Браунинг. Уже стемнело, когда она приехала, но мисс Фиби стояла на ступеньках с зажженной свечой в руке и всматривалась в темноту, пытаясь увидеть, когда приедет Молли.

- О, Молли! Я подумала, ты никогда не приедешь. Столько новостей! Сестра пошла спать, у нее болит голова... от волнения, я думаю. Но она говорит, это новая еда. Поднимись наверх тихо, моя дорогая, и я расскажу, что произошло. Кто, ты думаешь, здесь был... выпил с нами чаю, снизойдя до нас?

- Леди Харриет? — спросила Молли, вдруг осененная словом «снизойдя».

- Да. Но как ты догадалась? Но все же она приехала, в первую очередь, ради тебя. О боже, Молли! Если ты не торопишься лечь спать, позволь мне тихо посидеть и рассказать тебе обо всем. У меня душа все еще уходит в пятки, когда я думаю о том, как меня поймали. Она, то есть ее светлость, оставила экипаж у «Георга» и пешком пошла делать покупки, так же, как это делали мы много раз за свою жизнь. А сестра прилегла после обеда вздремнуть, а я сидела, закатав платье на колени и положив ноги на каминную решетку, и растягивала бабушкины кружева, которые постирала. Самое худшее предстоит рассказать. Я сняла свой чепец, подумав, что начинает смеркаться, и никто уже не придет, на мне была черная, шелковая накладка, когда Нэнси просунула голову в дверь и прошептала: «Там леди внизу... очень знатная, судя по разговору». И тут входит миледи Харриет, такая милая и красивая, прошло некоторое время, прежде чем я вспомнила, что на мне нет чепца. Сестра так и не проснулась, то есть так и не встала. Она говорит, что подумала, будто это Нэнси принесла чай, когда услышала, что кто-то ходит. А ее светлость, как только увидела состояние дела, подошла, опустилась на колени на коврик рядом со мной и так мило попросила у меня прощения за то, что последовала за Нэнси наверх, не дожидаясь разрешения; ее так заинтересовали мои старые кружева, она

хотела узнать, как я их стирала, и где ты, когда вернешься, когда вернутся счастливые супруги, пока сестра просыпалась — она всегда немного выходит из себя, когда просыпается после дневной дремоты — и, не поворачивая головы, чтобы посмотреть, кто пришел, сказала довольно резко: «Бу, бу, бу! Когда вы поймете, что шепот более неприятен, чем громкий разговор? Я не в состоянии уснуть из-за вашей с Нэнси болтовни». Тебе известно, что сестра все придумала, потому что храпела очень естественно. Поэтому я подошла к ней, склонилась и сказала тихо:

- Сестра, это ее светлость разговаривала со мной.

- Ее светлость здесь, ее светлость там! Ты выжила из ума, Фиби, раз говоришь такую чепуху... к тому же ты в своей наколке!

К тому времени она села и, оглядевшись, увидела как леди Харриет в бархате и шелках сидит на коврике и улыбается, она сняла шляпку, и на ее прелестных волосах играли отблески огня. Право слово! Сестра немедленно вскочила на ноги, присела в реверансе и извинилась за то, что спала, со всей быстротой, на которую была способна, пока я отлучилась надеть свой лучший чепец, потому что сестра могла сказать, что я выжила из ума, если продолжаю разговаривать с дочерью герцога в старой черной, шелковой наколке. К тому же из черного шелка! Если бы я только знала, что она придет, я бы надела свою новую, коричневую, что лежит без дела в верхнем ящике. А когда я вернулась, сестра приказывала принести чай для ее светлости... наш чай, я имею в виду. Поэтому настала моя очередь говорить, а сестра выскользнула, чтобы надеть свое воскресное шелковое платье. Но я не думаю, что теперь мы разительнее изменились для ее светлости, чем когда я растягивала кружева, сидя в наколке. Ее поразил наш чай, и она спросила, где мы его достаем, потому что она не пробовала ничего подобного прежде. А я сказала ей, что мы платим за него у «Джонсона» по 3 шиллинга и 4 пенса за фунт (сестра говорит, мне следовало бы назвать ей цену нашей чайной компании — 5 шиллингов за фунт, только это не тот чай, что мы пили, потому что к несчастью, в доме его не оказалось), и она сказала, что пришлет нам немного своего, из России или из Пруссии, или откуда-то издалека, а мы должны сравнить и узнать, какой из них лучше всего. И если ее чай нам понравится больше всего, она продаст нам его по 3 шиллинга за фунт. Она передала тебе наилучшие пожелания и, хотя она уезжает, ты не должна забывать о ней. Сестра подумала, что такое сообщение слишком много на тебя возложит, и сказала мне, что не будет обременять себя его передачей. «Но, — сказала я, — сообщение есть сообщение, и ляжет только на плечи Молли, если она примет его. Позволь нам показать ей пример повиновения, сестра,

несмотря на то, что мы сидели бок о бок в такой компании». Поэтому сестра хмыкнула и сказала, что у нее разболелась голова, и она пошла спать. А теперь ты можешь рассказать мне свои новости, моя дорогая.

Молли рассказала о тех незначительных событиях, которые в обычное время были бы интересны охочей до сплетен и сочувствия мисс Фиби, теперь же они поблекли в ярком свете визита дочери герцога.

[1] Эджворт Мария (1767–1849) — англо-ирландская романистка и детская писательница.

[2] Имена двух малиновок из «Истории малиновок, придуманной для наставления детей» Сары Триммер. Сара Триммер — известная писательница и критикесса британской детской литературы в 18 в.

[3] Юбер Франсуа — швейцарский натуралист (1751–1830)

Глава XV

Новая мама

Во вторник днем Молли вернулась домой, в дом, который уже стал незнакомым и который жители Уорикшира [1] называли бы «чуждым» ей. Новые краски, новые обои, новые цвета; мрачные слуги, одетые в свою лучшую одежду, возражали против любых перемен — от женитьбы хозяина до новой клеенки на полу в холле, «на которой они спотыкались и падали, от которой их ногам было холодно, и от которой пахло просто отвратительно». Молли пришлось выслушать все эти жалобы, что оказалось не слишком радостной подготовкой к встрече, которая, она уже предчувствовала, пройдет ужасно.

Наконец послышался стук колес экипажа, и Молли подошла к входной двери встретить новобрачных. Отец вышел первым, взял ее руку и держал в своей, пока помогал невесте выйти из экипажа. Затем он нежно поцеловал дочь и подвел ее к своей жене, чья вуаль была так прочно и тщательно закреплена, что прошло какое-то время, прежде чем миссис Гибсон смогла приоткрыть лицо, чтобы поцелуем поприветствовать свою новую дочь. Затем оба путешественника занялись багажом, а Молли стояла рядом, дрожа от волнения, не в силах помочь, и только чувствовала, как Бетти бросает довольно сердитые взгляды на тяжелые коробки, что одна за одной загромождали проход.

- Молли, моя дорогая, проводи... свою маму в ее комнату!

Мистер Гибсон смешался, потому что вопрос об имени, которым Молли должна была называть свою новую родственницу, никогда прежде

не возникал перед ним. Краска выступила на лице Молли. Она должна называть ее «мама»? Именем, которое в ее сердце долго принадлежало другой женщине — ее собственной умершей матери. Непокорное сердце снова взбунтовалось, но она промолчала. Она показывала путь наверх, миссис Гибсон время от времени оборачивалась с каким-нибудь свежим указанием относительно того, какой саквояж или дорожный сундук ей нужен больше всего. Она едва ли сказала Молли несколько слов, пока они обе находились в обставленной по-новому спальне, где по распоряжению Молли затопили небольшой камин.

- Теперь, милая, мы можем спокойно обнять друг друга. О боже, как я устала! — воскликнула она, покончив с объятиями. — На мое настроение так легко действует усталость, но твой дорогой отец был сама доброта. Боже! Какая старомодная кровать! А какое... но это ничего не значит. Со временем мы обновим дом, правда, дорогая? А сегодня вечером ты будешь моей маленькой горничной и поможешь мне разложить вещи, это путешествие меня просто утомило.

- Я распорядилась приготовить для вас ужин и чай, — сказала Молли. — Я пойду и скажу, чтобы его подали?

- Не думаю, что сегодня вечером я смогу спуститься вниз. Было бы очень удобно, если бы сюда принесли маленький столик, а я бы посидела в пеньюаре возле этого веселого огонька. Но, разумеется, не стоит забывать о твоём дорогом отце. Я, право слово, не думаю, что он сможет что-нибудь съесть, если меня не будет рядом. Знаешь ли, кто-то должен не думать о себе. Да, я спущусь через четверть часа.

Но мистера Гибсона ждала записка с просьбой немедленно приехать к старому пациенту, который серьезно заболел. И, наскоро перекусив, пока седлали его лошадь, он тотчас же вернулся к своей старой привычке — ставить профессию превыше всего.

Как только миссис Гибсон поняла, что муж, похоже, не скучал в ее отсутствие — он в одиночестве съел очень приличный ланч из хлеба и холодного мяса, и поскольку страхи относительно его аппетита в ее отсутствие не оправдались, она пожелала перекусить в своей комнате наверху. И бедной Молли, которая не осмелилась сказать слугам об этой причуде, пришлось сначала принести столик, который был хоть и маленьким, но слишком тяжелым для нее, а потом — по порции от каждого блюда, которые с таким трудом ей удалось сервировать на столе так, как это делалось в Хэмли: украсив его фруктами и цветами, что доставили сегодня утром из богатых домов, где ценили и уважали мистера Гибсона. Какой милой казалась Молли ее работа только пару часов назад! И какой

ужасной она казалась ей сейчас, когда, наконец, освободившись от разговора с миссис Гибсон, она села в одиночестве съесть ножку цыпленка и выпить холодного чая! Никто не заметил ее приготовлений, никто не восхитился ее умением и вкусом! Она подумала, что отец был бы признателен ей за старания, а теперь он этого не увидит. Ее забота подразумевала доброжелательное отношение к мачехе, которая сейчас звонила в колокольчик, чтобы поднос унесли, вызывая мисс Гибсон в свою спальню.

Молли поспешно доела и снова поднялась наверх.

- Мне так одиноко, дорогая, в этом чужом доме. Подойди и побудь со мной, помоги мне распаковать вещи. Я думаю, твой дорогой отец мог бы отложить свой визит к мистеру Крейвену Смиту хотя бы на этот вечер.

- Мистер Крейвен Смит не может отложить свою смерть, — прямо ответила Молли.

- Чудачка! — сказала миссис Гибсон, слабо засмеявшись. — Но если мистер Смит умирает, как ты говоришь, какого проку в том, что твой отец помчался к нему в такой спешке? Он ожидает какого-нибудь наследства, или что-то в этом роде?

Молли прикусила губу, чтобы не сказать что-нибудь обидное. Она только ответила:

- Я не совсем уверена, что он умирает. Так сказал посыльный. И папа иногда может облегчить последние страдания. Во всяком случае, семье всегда спокойнее, когда доктор рядом.

- Для девушки твоего возраста у тебя слишком ужасные познания о смерти! Право слово, если бы я услышала все эти подробности о профессии твоего отца, я сомневаюсь, что заставила бы себя выйти за него.

- Он не вызывает болезни или смерть, он изо всех сил борется с ними. Я считаю самым прекрасным то, что он делает или пытается сделать. И вы будете думать также, когда поймете, какой он наблюдательный, и как люди рады ему!

- Что ж, давай больше не будем говорить о таких мрачных вещах на ночь. Думаю, я тотчас же усну, если ты посидишь со мной, дорогая. Если ты поговоришь со мной, звук твоего голоса скорее усыпит меня.

Молли взяла книгу и стала читать, чтобы ее мачеха заснула, предпочтя чтение более тяжелой задаче — что-то непрерывно говорить.

Затем она выскользнула из комнаты и спустилась в гостиную, где погас камин, в котором слуги намеренно забыли поддерживать огонь, чтобы показать свое недовольство тем, что новая хозяйка пила чай в своей комнате. Тем не менее, Молли удалось разжечь камин до того, как отец

вернулся домой, собрать и приготовить для него немного еды. Затем она вновь опустилась на колени на каминный коврик и уставилась на огонь в мечтательной задумчивости, в которой было столько грусти, что слезы незаметно покатались из глаз. Но, услышав шаги отца, она вскочила и стряхнула с себя печаль.

- Как мистер Крейвен Смит? — спросила она.

- Умер. Он едва узнал меня. Когда я приехал в Холлингфорд, он был одним из моих первых пациентов.

Мистер Гибсон сел в приготовленное для него кресло и протянул руки к огню, согревая их, забыв, казалось, о еде и разговоре, как только черед воспоминаний увлекла его. Затем, стряхнув печальные воспоминания, он оглядел комнату и довольно коротко спросил:

- А где твоя новая мама?

- Она устала и рано легла. О, папа, разве я должна называть ее «мамой»?

- Мне бы так хотелось, — ответил он, слегка нахмутив брови.

Молли молчала. Она поставила перед ним чашку с чаем, он помешал чай и выпил его, затем вернулся к разговору.

- Почему бы тебе не называть ее мамой? Я уверен, она намерена выполнить свой долг матери перед тобой. Мы все совершаем ошибки, ее привычки, возможно, не совсем такие, как наши, но, во всяком случае, давай установим между нами семейные связи.

«Что, по мнению Роджера, было бы правильным?» — это вопрос не давал Молли покоя. Она всегда называла новую жену отца «миссис Гибсон» и однажды рассердилась на барышень Браунинг, заявив, что никогда не назовет ее «мамой». После их вечернего разговора она чувствовала, что ее не привлекают новые отношения. Она хранила молчание, хотя знала, что отец ждет от нее ответа. Наконец, перестав ждать, он сменил тему разговора. Он рассказал о своем путешествии, расспросил о Хэмли, Браунингах, леди Харриет и том дне, который они провели вместе в Особняке. Но в его голосе была некоторая жесткость и напряженность, а у нее на душе — тяжесть и рассеянность. Неожиданно Молли сказала:

- Папа, я буду звать ее «мама»!

Он взял ее руку и крепко пожал, но несколько минут они не разговаривали. Потом он сказал:

- Ты не пожалеешь об этом, Молли, когда будешь лежать на смертном одре, как бедный Крейвен Смит сегодня вечером.

Уже некоторое время гул голосов и ворчание двух старших служанок

привлекали внимание Молли, потом достигли слуха ее отца, который, к ужасу девушки, заявил им без обвиняков:

- Вам не нравится, когда колокольчик миссис Гибсон звонит слишком часто, верно? Боюсь, вас избаловали, но если вы не подчиняетесь желаниям моей жены, то средство избавления находится в ваших руках, вам это известно.

Какой слуга отказался бы от искушения заявить о своем уходе после подобных слов? Бетти сообщила Молли, что уйдет, со всем тем безразличием, которое смогла разыграть перед девочкой, бывшей предметом ее неусыпных забот последние шестнадцать лет. Молли до сих пор считала свою старую няню неизменным атрибутом этого дома; ее уход казался ей не менее абсурдным, чем если бы мистер Гибсон заявил, что навсегда покидает дом и разрывает отношения с семьей, и вот Бетти хладнокровно рассуждает о том, будет ли для нее лучше подыскать новое место в городе или в деревне. Но суровость Бетти была лишь притворством. Через пару недель она разразилась потоком слез: она поняла, сколь тяжела будет для нее разлука со своей любимицей, и теперь с радостью осталась бы и отвечала на все звонки в доме каждую четверть часа. Даже сердце мистера Гибсона было тронуто страданиями старой служанки, которая всякий раз, когда он сталкивался с ней, разговаривала срывающимся голосом и не скрывала опухших от слез глаз.

Однажды он сказал Молли:

- Мне бы хотелось, чтобы ты спросила свою маму, не может ли Бетти остаться, если она должным образом извинится и тому подобное?

- Я не думаю, что это стоит делать, — уныло ответила Молли. — Я знаю, она пишет или написала насчет какой-то младшей служанки в Тауэрсе.

- Что ж! Все, что мне нужно, это спокойствие и немного веселости, когда я возвращаюсь домой. Мне хватает слез, которые я вижу в домах других людей. В конце концов, Бетти была с нами шестнадцать лет — с такой преданностью служили в прежние времена. Но женщина может быть счастлива везде. Но ты все же можешь спросить свою маму: и если она согласится, я не стану возражать.

Ради этой цели Молли попробовала обратиться с просьбой к миссис Гибсон. Интуиция подсказывала ей, что попытка окажется безуспешной, но, никогда прежде ей не отказывали таким нежным тоном.

- Моя дорогая, я никогда не думала отсылать старую служанку, ту, которая заботилась о тебе с рождения или почти с рождения. Я бы никогда

не осмелилась это сделать. По мне она могла бы остаться навсегда, если бы только выполняла мои желания. Разве я неблагоразумна? Но ты видишь, она жалуется, а когда твой папа говорил с ней, она предупредила его об уходе, в мои принципы не входит извиняться перед служанкой, которая делает предупреждения.

- Она так сожалеет, — умоляла Молли, — она говорит, что будет делать все, что вы пожелаете, и выполнять все ваши приказания, если только сможет остаться.

- Но, милая, ты, кажется, забываешь, что я не могу пойти против своих принципов, как бы сильно я не жалела Бетти. Ей не следует давать волю своему недовольству. Как я уже сказала, хотя она никогда мне не нравилась и я считаю ее самой неумелой служанкой, совершенно избалованной тем, что у нее так долго не было хозяйки, я бы примирилась с ней... по крайней мере, я думаю, что смогла бы... на некоторое время. Я почти уговорила Марию, которая была младшей служанкой в Тауэрсе, поэтому я не хочу больше слышать о страданиях Бетти или кого бы то ни было, а тут еще печальные истории твоего отца, они так удручают меня.

Молли молчала несколько секунд.

- Вы, в самом деле, уговорили Марию? — спросила она.

- Нет, я сказала «почти уговорила». Порой кажется, что ты не слышишь, дорогая Молли! — недовольно повторила миссис Гибсон. — Мария живет там, где ей не платят такого жалованья, которое она заслуживает. Возможно, они не могут себе этого позволить, бедняги! Я всегда сочувствую бедным и никогда не скажу грубого слова о тех, кто небогат. Но я предложила ей на два фунта больше, чем она получает сейчас, поэтому, я думаю, она уедет. Во всяком случае, если они повысят жалованье, свое я повышу соответственно. Думаю, что я все-таки заполучу ее. Такая воспитанная девушка! Всегда принесет письмо на подносе!

- Бедная Бетти! — мягко сказала Молли.

- Бедняжка! Надеюсь, она извлечет пользу из урока, — вздохнула миссис Гибсон. — Жаль, что Мария не работала у нас до того, как семьи графства начали приезжать к нам с визитами.

Миссис Гибсон весьма радовалась многочисленным визитам «семей графства». Ее мужа очень уважали, и многие дамы из разных усадеб, поместий и особняков, которые пользовались его услугами для себя и своих семей, полагали, что будет правильным оказать внимание его новой жене, когда приезжали в Холлингфорд за покупками. Состояние ожидания, в которое эти визиты повергли миссис Гибсон, лишили мистера Гибсона

домашнего покоя. Неудобство доставляли горячие, ароматно пахнущие блюда, которые носили из кухни в гостиную всякий раз, когда знатные дамы, чьи носы привыкли к аристократичным, утонченным запахам, приезжали с визитами. Еще большее неудобство доставил случай, произошедший из-за неуклюжести Бетти, которая, торопясь открыть входную дверь высокомерному лакею с хлыстом, поставила корзину с грязными тарелками прямо на пути своей хозяйки, когда та осторожно ступала по довольно темному коридору; к тому же молодые люди, довольно тихо покинув столовую, разразились долго сдерживаемым смехом и больше не сдерживали своей склонности к розыгрышам, неважно, кто мог оказаться в коридоре, когда они выходили. Поздний обед стал тем решением, которое предложила миссис Гибсон. Ланч для молодых людей, как она заметила своему мужу, можно будет отнести в кабинет. Несколько превосходных холодных бисквитов для нее и Молли не пропитают дом своим запахом, а она позаботится о том, чтобы немного лакомства было приготовлено для него. Он согласился, но неохотно, поскольку это добавляло новшества в привычный уклад его жизни, и он чувствовал, что не сможет устроить свои объезды должным образом с этим новомодным изобретением обедать в шесть часов.

- Не готовьте никаких лакомств для меня, моя дорогая; хлеб и сыр — основа моего питания, как это было при прежней жене.

- Мне ничего неизвестно о вашей прежней жене, — ответила миссис Гибсон, — но я не могу позволить, чтобы сыр выносили за пределы кухни.

- Тогда я съем его там, — сказал он. — Она недалеко от конюшни, и если я приеду в спешке, я смогу быстро перекусить.

- В самом деле, мистер Гибсон, поразительно, как ваша внешность и манеры отличаются от вашего вкуса. На вид вы такой джентльмен, как обычно говорил добрый лорд Камнор.

Потом ушла кухарка, такая же старая служанка, хотя и не такая пожилая, как Бетти. Кухарке не нравилось возиться с поздними обедами, и, принадлежа к методистской церкви, она по религиозным причинам возражала пробовать новые рецепты французских блюд миссис Гибсон. Это не по-библейски, говорила она. В Библии много упоминаний о еде: это свежесвыпотрошенный баран, что означает баранину, вино и хлеб, молоко и фиги с изюмом, жирные телята, хорошо прожаренное филе телятины и тому подобное. Но она всегда идет против своей совести, когда готовит мясо свиньи и печет дрожжевые пироги со свиной, и теперь, если ей придется готовить языческие блюда по моде папистов, она скорее все

бросит. Поэтому кухарка последовала за Бетти, и мистеру Гибсону пришлось удовлетворять свой здоровый английский аппетит плохо приготовленными омлетами, тефтелями, слоеными пирогами, миндальными бисквитами и кушаньями, запеченными в тесте. Он никогда точно не знал, что он ест.

Еще до женитьбы он принял решение уступать в пустяках и быть твердым в важных вещах. Но разногласия во мнениях по поводу пустяков возникали каждый день и, возможно, беспокоили его больше, чем, если бы они относились к вещам более важным. Молли хорошо, как азбуку, знала отцовские взгляды, а его жена — нет; она не обладала проницательностью, кроме тех случаев, когда ее собственные интересы зависели от настроения другого человека, и никогда не понимала, как его беспокоят все эти незначительные ежедневные уступки, которые он совершал согласно ее воле или капризам. Он никогда не позволял себе выразить свое сожаление, даже мысленно; он постоянно напоминал себе о добрых качествах своей жены и утешал себя мыслями о том, что со временем они будут думать одинаково. Но он был очень зол на холостого двоюродного дедушку мистера Кокса, который годами не обращал внимания на своего рыжеволосого племянника, а тут вдруг послал за ним после того, как частично оправился от серьезного приступа болезни и назначил его своим наследником при условии, что его двоюродный племянник проведет с ним остаток его жизни. Это случилось вскоре после того, как мистер и миссис Гибсон вернулись из свадебного путешествия, и пару раз с тех пор мистер Гибсон ловил себя на мысли, что удивляется, почему старый дьявол Бенсон не мог решиться на это раньше, чем избавил бы его дом от нежелательного присутствия юного влюбленного. Надо отдать должное мистеру Коксу, в своем самом последнем разговоре с мистером Гибсоном, еще в качестве его ученика, он сказал с нерешительностью и неловкостью, что, возможно, новая обстановка, в которую он попадет, может некоторым образом изменить мнение мистера Гибсона...

- Ни в коей степени, — быстро ответил мистер Гибсон. — Вы оба слишком молоды, чтобы разбираться в собственных душах. И если моя дочь была так глупа, что влюбилась, ей не стоит рассчитывать на счастье со смертью старика. Смею сказать, в конце концов, он лишит вас наследства. Он может так сделать, и тогда вы окажетесь в худшем положении, чем были. Нет! Уезжайте, позабудьте всю эту чепуху, а когда забудете, то приезжайте навестить нас.

Мистер Кокс уехал с клятвой неизменной преданности в своем сердце, и мистер Гибсон неохотно выполнил свое прежнее обещание, данное

соседу — дворянину фермеру — год или два назад, и взял второго сына мистера Брауна на место юного Кокса. Тот должен был стать последним в череде учеников, и так как он был на год младше Молли, мистер Гибсон надеялся, что повторного романа не случится.

[1] Уорикшир (Warwickshire) — церемониальное графство в Великобритании, расположено в центральной части Англии, родина Уильяма Шекспира.

Глава XVI

Новобрачная в родной стихии

Среди «сливок общества», как величала наносивших ей визиты миссис Гибсон, были оба молодых Хэмли. Сквайр, их отец, выразил свои поздравления, как и намеревался это сделать, самому мистеру Гибсону, когда тот приехал в поместье. Но миссис Хэмли, хоть и не в состоянии была поехать и нанести визит сама, желала оказать внимание новой жене доброго доктора, и, возможно, испытывая живой интерес к тому, как поладили Молли и ее мачеха, заставила сыновей приехать в Холлингфорд с визитными карточками и извинениями. Они прошли в заново обставленную гостиную, раскрасневшиеся и посвежевшие после поездки: первым вошел Осборн — как обычно безукоризненно одетый, и элегантный. Роджер, крепко сложенный, энергичный, и умный деревенский фермер, следовал за своим братом. Миссис Гибсон производила впечатление, которое всегда намеревалась производить, — очень красивой женщины, уже не первой молодости, но с такими приятными манерами и таким обворожительным голосом, что люди переставали задаваться вопросом, сколько же ей на самом деле лет. Молли была одета лучше, чем прежде, — ее мачеха следила за этим. Ей не нравились старые поношенные вещи, и она уже измучила Молли советами по поводу выбора платья и прически, перчаток и туфель. Миссис Гибсон пыталась заставить ее умываться водой с розмарином и сливками, чтобы улучшить смуглый цвет лица. Но об этом Молли либо забывала, либо противилась, а миссис Гибсон не могла подниматься каждый вечер в комнату девушки и следить, чтобы та смазывала лицо и шею кремом, так заботливо предоставленным в ее распоряжение. Тем не менее, цвет лица Молли явно улучшился, даже на критический взгляд Осборна. Роджер старался угадать по ее взглядам и выражению лица, счастлива ли она, его мать особенно наказывала ему подмечать все эти знаки.

Осборн и миссис Гибсон старались угодить друг другу, как было принято в тех случаях, когда молодой человек приезжал с визитом к новобрачной средних лет. Они говорили о «Шекспире и музыкальных стаканах»[1], о лондонских новостях. Молли слышала обрывки их разговора в паузах своей беседы с Роджером. Ее герой приобретал совершенно новый характер, он больше не был литературным или поэтичным, романтическим или критичным, теперь он был знатоком последних театральных премьер и ценителем оперных голосов. У него было преимущество перед миссис Гибсон, которая, надо сказать, знала о таких вещах понаслышке, слушая разговоры в Тауэрсе, тогда как Осборн два или три раза удирал из Кэмбриджа, чтобы послушать или увидеть то или иное чудо сезона. Но ее преимущество перед ним составляла большая смелость и находчивость, позволявшие ей прибавлять факты, и, кроме того, она более искусно подбирала и расставляла слова, отчего казалось, будто мнения, являвшиеся всего лишь чужими словами, составлены ею самой из собственного опыта и личных наблюдений. Так, рассуждая о манерности известной итальянской певицы, она спросила:

- Вы наблюдали, как она постоянно поднимает плечи и сжимает руки, перед тем как взять высокую ноту? — слова были произнесены таким тоном, что создавалось впечатление, будто миссис Гибсон сама наблюдала за этой привычкой певицы.

Молли, которая довольно хорошо знала, как ее мачеха провела последний год, прислушивалась к разговору с большим недоумением, но, в конце концов решила, что должно быть не понимает, о чем они говорят, потому что не может восстановить недостающие кусочки разговора из-за необходимости отвечать на вопросы и замечания Роджера. Осборн стал не тем Осборном, каким он был в поместье рядом с матерью. Роджер заметил, как она смотрит на его брата.

- Вы думаете, мой брат выглядит больным? — спросил он, понизив голос.

- Нет, вовсе нет.

- Он нездоров. Мы с отцом беспокоимся за него. Та поездка на континент не принесла ему ничего, кроме вреда. И, боюсь, на нем сказались неприятности с экзаменами.

- Я не думаю, что он выглядит больным, только он как-то изменился.

- Он говорит, что скоро должен возвращаться в Кэмбридж. Возможно, это пойдет ему на пользу. И я уеду на следующей неделе. Мы приехали попрощаться с вами, а также поздравить миссис Гибсон.

- Ваша мать будет переживать, когда вы оба уедете, правда? Но, конечно же, молодые люди всегда должны жить вне дома.

- Да, — ответил он. — Она по-прежнему сильно переживает, и меня также беспокоит ее здоровье. Вы ведь будете иногда приезжать и навещать ее? Она очень вас любит.

- Если смогу, — ответила Молли, неосознанно взглянув на мачеху. У нее было неприятное предчувствие, что, несмотря на непрерывный поток слов, миссис Гибсон могла слышать и слышала все, что слетало с уст Молли.

- Вам нужны еще книги? — спросил он. — Если да, составьте список и отошлите моей матери до моего отъезда в следующий вторник. После того, как я уеду, некому будет пойти в библиотеку и принести их оттуда.

После того как братья ушли, миссис Гибсон принялась, как обычно, обсуждать ушедших гостей.

- Мне понравился Осборн Хэмли! Какой прекрасный молодой человек! Мне всегда нравятся старшие сыновья. Он ведь наследует поместье? Я попрошу твоего дорогого отца, чтобы он почаще приглашал его к нам. Он станет очень хорошим, очень приятным знакомым для вас с Синтией. Другой брат, на мой взгляд, просто грубый молодой человек; у него нет аристократических манер. Думаю, он пошел в свою мать, в Тауэрсе поговаривали, что она выскочка.

Молли с превеликим удовольствием ответила ей достаточно язвительно:

- Я слышала, что ее отцом был русский купец, продававший сало и пеньку. Мистер Осборн очень похож на нее.

- Неужели?! Такие вещи не просчитать. Как бы там ни было, он истинный джентльмен по внешности и манерам. Поместье майоратное [2], так ведь?

- Мне ничего об этом неизвестно, — ответила Молли.

Последовало короткое молчание. Затем миссис Гибсон сказала:

- Ты знаешь, я думаю, что должна уговорить твоего дорогого отца дать небольшой званый обед и пригласить мистера Осборна Хэмли. Мне бы хотелось, чтобы у нас он чувствовал себя как дома. После скуки и одиночества Хэмли Холла наш дом покажется ему радостным. Я полагаю, старики не часто ездят с визитами?

- На следующей неделе он возвращается в Кэмбридж, — заметила Молли.

- Правда? Что ж, тогда мы отложим наш званый обед до возвращения Синтии домой. Мне бы хотелось, чтобы ее, бедняжку, когда она вернется,

оказало молодое общество.

- Когда она возвращается? — спросила Молли, которая всегда испытывала любопытство к тому, что касалось возвращения Синтии.

- О, я не знаю; возможно, к новому году... возможно, не раньше Пасхи. Сначала мне нужно заново обставить гостиную, затем я собираюсь одинаково отделать ваши комнаты. Они одного размера, только расположены в противоположных концах коридора.

- Вы собираетесь заново обставить эту комнату? — переспросила Молли, удивляясь нескончаемым переменам.

- Да, и твою тоже, дорогая, поэтому не ревнуй.

- О, пожалуйста, мама, не мою, — взмолилась Молли, впервые осознав намерение мачехи.

- Да, дорогая! Твою комнату тоже обставим. Небольшая французская кровать, новые обои, прелестный ковер и туалетный столик с зеркалом превратят ее в совершенно другую комнату.

- Но я не хочу, чтобы она выглядела по-другому. Мне она нравится такой, какая есть. Прошу, не делайте ничего.

- Какая чепуха, дитя! Я не слышала ничего более нелепого! Большинство девушек были бы рады избавиться от мебели, что годится только для чулана.

- Она принадлежала моей матери до того, как она вышла замуж, — сказала Молли очень тихо, приводя этот последний довод неохотно, но с уверенностью, что ему не будут противиться.

Миссис Гибсон немного помолчала, прежде чем ответить:

- Твои чувства делают тебе честь. Но тебе не кажется, что сентиментальность может завести слишком далеко? Не будь у нас новой мебели, нам бы пришлось мириться со старомодными ужасами. Кроме того, моя милая, Холлингфорд покажется Синтии довольно скучным после милой, веселой Франции, а мне хочется, чтобы ее первое впечатление было приятным. Я намерена поселить ее поблизости и хочу, чтобы она приехала в хорошем настроении; между нами говоря, моя дорогая, она чуточку упряма. Тебе не нужно упоминать об этом при своем папе.

- Но разве вы не можете обустроить комнату Синтии, а не мою? Пожалуйста, не трогайте мою комнату.

- Нет, право слово! Я не могу с этим согласиться. Только представь, что будут говорить обо мне — я балую свое дитя и не забочусь о дочери мужа. Я бы не смогла этого вынести.

- Никому не нужно об этом знать.

- В таком рассаднике сплетен, как Холлингфорд?! В самом деле,

Молли, ты либо очень глупа, либо очень упряма, либо тебе безразлично, какие жестокие вещи могут обо мне говорить — и все из-за твоих эгоистичных капризов! Нет! Я обязана показать себя с лучшей стороны в этом деле, и поступить так, как посчитаю нужным. Все узнают, что я не обычная мачеха. Каждый пенни, который я потрачу на Синтию, я потрачу и на тебя, поэтому больше не стоит об этом говорить.

Итак, небольшой, покрытой белым канифасом кровати Молли, старомодному комоду, и другим заветным реликвиям времен девичества ее матери суждено было окончить дни в чулане. И они туда отправились, как только Синтия прибыла домой и привезла с собой огромные французские сундуки.

Все это время Тауэрс пустовал: леди Камнор прописали провести начало зимы в Бате, и ее семья отправилась туда вместе с ней. В тоскливые дождливые дни миссис Гибсон обычно вспоминала об отсутствующих «Камнорах», так она принялась их называть с тех пор, как стала более независимой от них. В кругу семьи в ее словах не было того благоговения, с которым жители городка привыкли говорить «о графе и графине». И леди Камнор, и леди Харриет время от времени писали своей дорогой Клэр. Первая, как правило, раздавала поручения для прислуги в Тауэрсе или жителей городка, и никто не мог их исполнить так хорошо, как Клэр, которая знала вкусы и привычки графини. Эти поручения повлекли за собой разнообразные счета за пролетки и экипажи из гостиницы «Георг». Мистер Гибсон обратил внимание жены на это последствие, но она в ответ уверила его, что леди Камнор не преминет вознаградить их за исполнение своих желаний. Мистеру Гибсону не понравилось это последствие, но на первый раз он промолчал. Письма леди Харриет были короткими и забавными. Она испытывала тот тип уважения к своей бывшей гувернантке, который заставлял ее время от времени писать письма и радоваться, когда отчасти добровольная задача была выполнена. В ее письмах не было откровенности, но было достаточное количество новостей о семье и местных слухов, которые, как она полагала, позволят Клэр чувствовать, что бывшие ученицы не забыли о ней. Такова была ее манера выказывать свое уважение прежней наставнице. Как часто миссис Гибсон цитировала и обращалась к этим письмам в разговорах с дамами Холлингфорда! Она познала их эффект еще в Эшкоте, а он был не меньше Холлингфорда. Но ее поставили в тупик дружелюбные послания для Молли и вопросы о том, понравился ли мисс Браунинг чай, что она им послала. И Молли сначала пришлось объяснить, а затем полностью

рассказать все подробности того дня, что они провели в Особняке Эшкома, и о визите леди Харриет к барышням Браунинг.

- Какая чепуха! — произнесла миссис Гибсон с каким-то раздражением. — Леди Харриет приехала повидать тебя, желая развлечься. Она только посмеялась над мисс Браунинг, а они станут цитировать ее и говорить о ней, как будто она их самая близкая подруга.

- Не думаю, что она посмеялась над ними. Она, в самом деле, говорила с добротой.

- И ты думаешь, что знаешь ее привычки лучше меня, хотя я знакома с ней пятнадцать лет? Я скажу тебе, что она высмеивает каждого, кто не принадлежит ее кругу. Она всегда называет мисс Браунинг «Пекси и Флэпси».

- Она обещала, что не будет их так называть, — защищалась Молли, загнанная в угол.

- Обещала тебе?! Леди Харриет? Что ты хочешь сказать?

- Только то, что... она называла их Пекси и Флэпси... и когда она сказала, что приедет к ним домой навестить меня, я попросила ее не приезжать, если она будет... смеяться над ними.

- Право слово! За все мое долгое знакомство с леди Харриет я никогда не осмеливалась на подобную дерзость!

- Я не считала это дерзостью, — решительно ответила Молли. — И я не думаю, что леди Харриет так восприняла мои слова.

- Ты не можешь знать об этом. Она умеет притворяться.

Затем приехал сквайр Хэмли. Это был его первый визит, и миссис Гибсон оказала ему любезный прием, она уже была готова принять его извинения за задержку и заверить, что понимает, какой груз дел давит на каждого землевладельца, управляющего поместьем. Но сквайр не принес подобных извинений. Он сердечно пожал ей руку, поздравляя с удачным выбором — ей досталась такая награда в лице его друга Гибсона, но ни словом не обмолвился о пренебрежении своим долгом. Молли, которая к этому времени уже хорошо изучила выражения его лица, была уверена, что что-то случилось, и что он сильно встревожен. Он едва ли следил за беглой речью миссис Гибсон, она уже решила произвести благоприятное впечатление на отца красивого молодого человека, который помимо своей личной приятности оказался наследником поместья. Но сквайр повернулся к Молли и, обращаясь к ней, сказал так тихо, словно сообщал ей по секрету то, что не было предназначено для ушей миссис Гибсон:

- Молли, у нас дома все наперекосяк! Осборн лишился своей

стипендии в Тринити, куда он вернулся, чтобы добиться ее. Потом он уехал и потерпел неудачу со своей научной степенью, после всего, что он сказал, и что сказала его мать. А я, как дурак, ходил и хвастался своим умным сыном. Я не могу этого понять. Я никогда не ждал ничего выдающегося от Роджера, но Осборн...! А потом из-за этого у мадам случился сильный приступ. Сегодня утром ваш отец приезжал навестить ее. Бедняжка, я боюсь, она очень больна. Она сказала ему, как бы ей хотелось видеть вас рядом, а он сказал, что мог бы привезти вас. Вы ведь поедете, моя дорогая? Она не так нездорова, как думают многие, но ей просто не достает женской заботы, словно она несчастна... больна, смею сказать.

- Я буду готова через десять минут, — сказала Молли, всерьез тронутая словами и тоном сквайра, не подумав спросить согласие у мачехи, раз она уже услышала, что отец согласен. Как только она поднялась, чтобы покинуть комнату, миссис Гибсон, услышав только половину из того, что сказал сквайр, и, оскорбившись тем, что он доверился исключительно Молли, спросила:

- Моя дорогая, куда ты идешь?

- Миссис Хэмли хочет, чтобы я приехала, и папа говорит, я могу ехать, — ответила Молли, и почти одновременно с ней заговорил сквайр:

- Моя жена больна и очень любит вашу дочь, она попросила мистера Гибсона позволить ей ненадолго приехать в поместье, и он любезно ответил, что она может приехать, и я приехал за ней.

- Подожди, дорогая, — сказала миссис Гибсон Молли, она слегка хмурилась, несмотря на ласковый тон. — Я думаю, твой папа забыл, что сегодня вечером мы с тобой собираемся навестить людей, — продолжила она, обращаясь к сквайру, — с которыми я хорошо знакома... сомневаюсь, что мистер Гибсон вернется домой вовремя, чтобы пойти со мной... поэтому, видите ли, я не могу позволить Молли поехать с вами.

- Я не думал, что это будет столь важно. Я полагаю, новобрачные всегда новобрачные; и их дело — быть робкими, но я не подумал об этом... в данном случае. А моя жена мечтает, как это делают все больные. Что ж, Молли, — произнес он тихо, хотя предыдущие слова были сказаны sotto voce[3] — мы отложим поездку до завтра: это наша неудача, не ваша, — продолжил он, увидев, как она медленно и неохотно возвращается на свое место. — Полагаю, сегодня вечером вы будете веселиться...

- Я не буду, — прервала его Молли. — Мне не хотелось идти, а теперь я буду желать этого еще меньше.

- Успокойся, милая, — произнесла миссис Гибсон, и, обращаясь к

сквайру, сказала: — Здешние визиты не то, что можно желать для такой юной девушки... нет молодых людей, нет танцев, никакого веселья. Но Молли, ты неправа, противясь идти к таким добрым друзьям твоего отца, какими являются эти Кокерелы. У доброго сквайра сложится о тебе плохое впечатление.

- Оставьте ее! Оставьте ее! — промолвил он. — Я понял, что она имела в виду. Она бы охотнее приехала и провела время в комнате моей больной жены, чем отправилась с визитами сегодняшним вечером. Разве нет способа избавить ее от этого?

- Абсолютно никакого, — ответила миссис Гибсон. — Обязательство для меня есть обязательство; и полагаю, что у нее есть обязательство не только перед миссис Кокерел, но и передо мною — она обязана сопровождать меня в отсутствие моего мужа.

Сквайр был расстроен, а когда он был расстроен, у него была привычка класть руки на колени и тихо про себя насвистывать. Молли знала, как он выражает свое неудовольствие, и только надеялась, что он ограничится этим бессловесным выражением. Ей с трудом удавалось сдерживать слезы; она пыталась думать о другом. Она слышала, как миссис Гибсон говорит пресным, монотонным голосом, и хотела прислушаться к тому, что она говорит, но явная досада сквайра поразила ее душу намного сильнее. Наконец, помолчав, он вскочил и сказал:

- Что ж! Бесполезно. Бедная мадам, ей не понравится. Она будет разочарована! Но это всего лишь на один вечер!... на один вечер! Может, Молли сможет приехать завтра? Или визит к Кокерелам будет для нее слишком обременительным?

В его тоне был оттенок злой иронии, который напугал миссис Гибсон, и она стала благодушной.

- Она будет готова в любое время, которое вы назначите. Мне так жаль, тому виной моя глупая робость. Но все же вы должны знать, что обязательство есть обязательство.

- Разве, мадам, я сказал, что обязательство — слон? Как бы то ни было, бесполезно говорить об этом, иначе я позабуду о манерах. Я старый тиран, а она... лежит там в кровати, бедняжка... всегда позволяла мне поступать по-своему. Поэтому, вы извините меня, миссис Гибсон, и позвольте Молли поехать со мной в десять завтра утром?

- Непременно, — улыбаясь, ответила миссис Гибсон.

Но когда он ушел, она сказала Молли:

- Отныне, моя дорогая, ты не должна показывать мне плохие манеры, свойственные таким людям! Я не называю его сквайром. Я зову его

грубияном, фермером, в лучшем случае. Тебе не следует принимать приглашения или отказываться от них, словно ты независимая молодая женщина, Молли. Будь добра, окажи мне уважение и в следующий раз сошлись на мои желания, моя дорогая!

- Папа сказал, что я могу поехать, — ответила Молли, задохнувшись.

- Так как я теперь твоя новая мама, то в будущем ты должна ссылаться на меня. Но раз ты должна поехать, ты можешь хорошо одеться. Я одолжу тебе свою новую шаль для этого визита, если хочешь, и мой набор зеленых лент. Я всегда снисходительна, когда мне платят должным уважением. А в такой дом, как Хэмли Холл, неизвестно кто может прийти и приехать, даже если в семье больная.

- Благодарю вас. Но мне не хочется ни шали, ни лент. Никого, кроме семьи не ждут. Я думаю, никто не придет теперь, когда она так больна, — Молли была готова расплакаться при мысли, что ее подруга лежит больная, одинокая и ждет ее приезда. Более того, она всерьез опасалась, как бы сквайр не уехал с мыслью, что она не хочет приехать, что она предпочла этот глупый, глупый прием у Кокерелов. Миссис Гибсон тоже сожалела, ей неприятно было осознавать, что она вышла из себя перед незнакомцем, и к тому же незнакомцем, чье доброе мнение она намеревалась завоевать. И ее также беспокоили слезы на глазах у Молли.

- Что мне сделать для тебя, чтобы вернуть тебе хорошее настроение? — спросила она. — Во-первых, ты настаивала на том, что знаешь леди Харриет лучше меня... меня, которая знает ее, по крайней мере, восемнадцать-девятнадцать лет. Потом ты охотно принимаешь приглашения, не советуясь со мной, и не думаешь, как мне будет неловко входить в гостиную одной; откликаться на мое новое имя, из-за которого я чувствую себя неуютно, оно так принижает после Киркпатрик! А потом, когда я предлагаю тебе самые красивые вещи, что есть у меня, ты утверждаешь, что не имеет значения, как ты одета. Что мне сделать, чтобы порадовать тебя, Молли? Я, так жажду мира в семье, и теперь я должна смотреть, как ты сидишь здесь с отчаянием на лице?

Молли больше не могла это вынести; она поднялась в свою комнату — ее собственную, аккуратную, новую комнату, которая едва ли казалась ей знакомой, и начала плакать так исступленно и так долго, что перестала, лишь когда сильно ослабела. Она думала о том, как миссис Хэмли тоскует по ней, о старом поместье, чья тишина могла угнетать больного человека; о том, как сквайр был уверен, что она поедет прямо с ним. И все эти мысли тяготили ее больше, чем ворчливое недовольство мачехи.

[1] Обычный, вежливый разговор. Цитата из «Вэйкфилдского

священника» Оливера Голдсмита, гл. 9. Музыкальные стаканы — стаканы, наполненные водой на разную глубину, и которые от удара о них издают разные звуки.

[2] Майорат — система наследования, при которой имущество переходит нераздельно к старшему в роду или к старшему из сыновей умершего.

[3] Sotto voce (с ит.) — в голос.

Глава XVII

Неприятности в Хэмли Холле

Если Молли думала, что в Хэмли Холле постоянно царит мир, она жестоко ошибалась. Что-то не заладилось во всем доме; и по какому-то очень странному обстоятельству общее недовольство, казалось, овладело домочадцами. Все слуги давно служили в поместье и, слушая обрывки разговоров, которые вели в их присутствии, они узнавали от кого-то из членов семьи обо всем, что волновало хозяина, хозяйку, либо молодых джентльменов. Любой из них мог бы рассказать Молли, что общее смятение в доме было вызвано многочисленными долгами, сделанными Осборном в Кэмбридже. Долгов, которые теперь, после того, как все надежды на стипендию улетучились, в одночасье свалились на сквайра. Но Молли, которой миссис Хэмли сама рассказывала все, что ей хотелось рассказать госте, не поощряла доверительности слуг.

Ее поразила перемена во внешности «мадам», как только она увидела ее в затемненной комнате, лежащей на софе в белом платье, столь же бледном и тусклом, как лицо его хозяйки. Сквайр ввел Молли в комнату со словами:

- Вот и она, наконец!

Молли едва могла себе представить, что интонации его голоса могут быть такими разнообразными — начало предложения он произнес громко и радостно, тогда как последние слова были едва слышны. Он увидел смертельную бледность на лице жены — отнюдь не новое зрелище для него, но всякий раз вызывавшее у него потрясение. Стоял прекрасный, безмятежный зимний день, на каждой ветке деревьев и кустарников блестели капли растаявшего под солнцем инея. Малиновка, сидя на кусте остролиста, весело щебетала, но жалюзи были опущены, и из окон миссис Хэмли ничего этого не было видно. Большой экран отгораживал от нее

огонь камина, чтобы приглушить жар веселого пламени. Миссис Хэмли крепко сжала руку Молли, прикрыв глаза ладонью.

- Она не слишком хорошо себя чувствует сегодня утром, — пояснил сквайр, покачав головой. — Но не бойтесь, моя дорогая, здесь дочка доктора, все равно, что сам доктор. Вы приняли свое лекарство? Выпили бульон? — продолжил он, тяжело ступая на цыпочках и заглядывая в пустую чашку и стакан.

Затем он вернулся к софе, смотрел на жену минуту или две, а потом нежно поцеловал ее и сказал Молли, что поручает мадам ее заботам.

Миссис Хэмли, словно боясь замечаний или расспросов Молли, сама начала поспешно ее расспрашивать.

- Теперь, моя дорогая, расскажите мне все. Это не нарушит секретности, поскольку я никому не расскажу об этом, и не задержусь на этом свете надолго. Как вы поживаете — как новая мама, полезные решения? Позвольте мне помочь, если это в моих силах. Думаю, девочке я могла бы быть полезной — мать не знает мальчиков. Но расскажите мне все, что захотите и что пожелаете. Не бойтесь рассказывать в подробностях.

Даже Молли, которая мало общалась с больными, заметила, сколько беспокойного возбуждения было в этих словах. Интуиция или природное чутье помогли ей рассказать длинную историю со множеством подробностей — о дне свадьбы, визите к барышням Браунинг, новой мебели, леди Харриет и так далее — легкое течение разговора успокаивало миссис Хэмли и отвлекало ее от мыслей о собственных страданиях. Но Молли умолчала и о своих невзгодах, и о новых отношениях в доме. Миссис Хэмли это заметила.

- Вы с миссис Гибсон хорошо ладите?

- Не всегда, — ответила Молли. — Вы же знаете, мы не слишком хорошо знали друг друга до того, как стали жить вместе.

- Мне не понравилось то, что вчера вечером рассказал сквайр. Он был очень рассержен.

Эта рана еще не затянулась, но Молли решительно хранила молчание, заставляя себя думать о другой теме для разговора.

- Ах! Я поняла, Молли, — произнесла миссис Хэмли, — вам не хочется рассказывать мне о своих обидах, и, все же, возможно, я могла бы помочь вам.

- Мне не хочется, — тихо ответила Молли. — Я думаю, папе это не понравилось бы. И, кроме того, вы и так мне много помогли — вы и мистер Роджер Хэмли. Я часто, очень часто думаю о том, что он говорил. Его

слова пришлись так кстати и придали мне столько сил.

- Да, Роджер! На него можно положиться. О, Молли! Мне столько нужно вам рассказать, только не сейчас. Я должна принять лекарство и постараться поспать. Добрая девочка! Вы сильнее, чем я, и можете обойтись без утешения.

Молли проводили в другую комнату; служанка рассказала, что миссис Хэмли не желала, чтобы гостью беспокоили ночью, что вполне вероятно случится, если она будет ночевать в своей бывшей спальне. После полудня миссис Хэмли послала за ней и, не сдерживаясь, как свойственно тяжело больным, рассказала Молли о семейном несчастье и разочаровании.

Миссис Хэмли заставила Молли сесть рядом на маленькую скамеечку и, держа ее за руку, вглядывалась ей в глаза, ловя в них сочувствие быстрее, чем слушательница смогла выразить его словами, начала:

- Осборн так разочаровал нас! Я все еще не могу этого понять. И сквайр так ужасно разозлился! Я не могу представить, на что были потрачены все деньги — помимо счетов и ссуд от ростовщиков. Сквайр не показывает мне, насколько он сейчас зол, потому что боится другого приступа, но я знаю, как он разъярен. Понимаете, он потратил очень много денег, осушая ту землю у выгона Аптон, и теперь очень стеснен в средствах. Но это удвоило бы стоимость поместья, поэтому мы не думали ни о чем, кроме экономии, которая, в конце концов, принесла бы Осборну выгоду. А теперь сквайр говорит, что он должен заложить часть земли. И вы не можете представить, как глубоко это ранило его. Он продал много строевого леса, чтобы отправить мальчиков в колледж. Осборн... о! каким любимым, каким любящим сыном он всегда был: он же наследник, вы знаете. И еще он такой умный, все говорили, что он получит награды и стипендию, и я не знаю, что еще. И он все-таки получил стипендию, а потом все пошло не так. Я не знаю, почему. Это самое худшее. Возможно, сквайр написал ему слишком гневное письмо, и между ними больше не стало доверия. Но он мог бы рассказать мне. Он бы сделал это, я знаю, Молли, если бы он был здесь, наедине со мной. Но сквайр разозлился и приказал ему не показываться дома, пока он не расплатится с долгами из своего денежного содержания. Получая двести пятьдесят фунтов в год, он, во что бы то ни стало, должен выплатить больше девятисот фунтов. А до тех пор он не должен возвращаться домой! Возможно, Роджер тоже будет делать долги. У него всего лишь двести фунтов, но он не старший сын. Сквайр отдал распоряжение, чтобы людей уволили с осушения земель. А я лежу без сна и думаю, как их бедные семьи переживут эту холодную зиму. Но что нам делать? Я никогда не была сильной и, возможно, расточительна

в своих привычках; а еще были расходы на семейные праздники и улучшение этой земли. О, Молли! Осборн был таким милым ребенком, таким любящим мальчиком, и таким умным! Вы знаете, я читала вам некоторые его стихи, а разве мог человек, который так пишет, поступить плохо? И все же, я боюсь, что он так сделал.

- Разве вы не знаете, как он потратил деньги? — спросила Молли.

- Нет, не знаю. И мне так больно об этом думать! Есть счета от портных, счета за переплет книг, за вино и картины — доходит до четырехсот — пятисот фунтов. И хотя его расходы чрезмерны... непостижимы для таких простых людей, как мы..., может быть, это всего лишь роскошь наших дней. Но деньги, за которые он не станет отчитываться... о них мы узнали от лондонских поверенных сквайра, которые выяснили, что некоторые люди с сомнительной репутацией интересовались порядком наследования поместья. О, Молли, хуже всего... я не знаю, как заставить себя рассказать вам... что касается возраста и здоровья сквайра, сквайр.... дорогой отец дорогого Осборна... (она начала рыдать почти истерически, и, тем не менее, продолжала говорить, несмотря на попытки Молли остановить ее)...который держал его на руках и благословил его раньше, чем я поцеловала его, и всегда считал его своим наследником и любимым первенцем. Как он любил его! Как я любила его! Иногда в последнее время я думаю, что мы поступили несправедливо с дорогим Роджером.

- Нет, я уверена, что нет. Только посмотрите, как он любит вас. Он всегда прежде всего думает о вас: он может не говорить об этом, но каждый это заметит. И, дорогая, дорогая миссис Хэмли, — сказала Молли, решив сказать все, что накопилось у нее на душе, раз уж ей предоставили слово, — вам не кажется, что было бы лучше не осуждать мистера Осборна Хэмли? Мы не знаем, что он делал с деньгами: он так добр, ведь так? Может, ему захотелось помочь каким-нибудь бедным людям — какому-нибудь торговцу, например, на которого давили кредиторы... какому-нибудь...

- Вы забываете, дорогая, — прервала ее миссис Хэмли, слабо улыбнувшись, услышав пылкое предположение девушки, и вздохнув в следующую минуту, — что все счета прислали торговцы, которые жаловались, что их деньги задерживают.

Молли на мгновение замешкалась, потом сказала:

- Думаю, их ему навязали. Я уверена, я слышала истории о молодых людях, которые становятся жертвами торговцев в больших городах.

- Вы просто прелесть, дитя мое, — сказала миссис Хэмли, успокоенная

стойкой преданностью Молли, хоть та была неразумна и несведуща.

- А кроме того, — продолжила Молли, — кто-то, должно быть, плохо влияет на Осборна... я имею в виду мистера Осборна Хэмли... иногда я называю его Осборном, но я всегда думаю о нем, как о мистере Осборне...

- Неважно Молли, как вы его называете. Только продолжайте говорить. Кажется, мне идет на пользу ваше оптимистичное отношение. Сквайр был так обижен и недоволен: незнакомые мужчины приезжали к соседям, расспрашивали арендаторов и жаловались, что цены на строевой лес упали, словно они рассчитывали на смерть сквайра.

- Это то, о чем я говорила. Разве это не указывает, что они плохие люди? Станут ли плохие люди колебаться, чтобы навязаться ему, оболгать его имя и разорить его?

- Разве вы не видите, что только вы заметили что он скорее слаб, чем грешен?

- Да, возможно, и так. Но я не думаю, что он слабый. Вы сами знаете, дорогая миссис Хэмли, как он на самом деле умен. Кроме того, я бы охотнее предпочла, чтобы он был слабым, чем грешным. Слабые люди могут сразу оказаться сильными на небесах, когда вполне отчетливо видят вещи. Но я не думаю, что грешные тотчас обернутся добродетельными.

- Думаю, я была очень слабой, Молли, — сказала миссис Хэмли, нежно поглаживая кудряшки Молли. — Я сотворила такого кумира из моего прекрасного Осборна, а он оказался колоссом на глиняных ногах, недостаточно сильным, чтобы прочно стоять на земле.

Бедный сквайр тоже пребывал в унылом настроении — он был озлоблен против сына, беспокоился за жену, не знал, где немедленно собрать требуемую сумму денег, и был недоволен, что незнакомцы, не таясь, расспрашивают о стоимости его собственности. Он был зол и раздражался на каждого, кто подходил к нему, а затем огорчался на свой вспыльчивый характер и несправедливые слова. Старые слуги, которые, возможно, ловчили с ним в мелочах, терпеливо сносили его ругательства. Они с пониманием относились к его вспышкам гнева и знали о причинах его переменчивого настроения так же хорошо, как и он сам. Дворецкий, привыкший спорить со своим хозяином по поводу любого распоряжения, теперь за обедом заставлял Молли съесть какое-нибудь блюдо, от которого она отказывалась, и объяснял свое поведение так:

- Видите ли, мисс, мы с кухаркой затевали обед для того, чтобы соблазнить хозяина поесть, но когда вы говорите: «Нет, спасибо», когда я разношу блюда, хозяин так и не взглянет на него. Но если вы выбираете блюдо и едите его с удовольствием, он сначала ждет, затем смотрит, а со

временем принохивается и после этого выясняется, что он голоден, и он принимается есть, совсем об этом не задумываясь, так легко, как котенок мяукает. Вот в чем причина, мисс, когда я подталкиваю вас и подмигиваю, никто лучше меня не знает, что это плохие манеры.

Имя Осборна никогда не произносилось во время этих уединенных трапез. Сквайр задавал Молли вопросы о жителях Холлингфорда, но, казалось, не слишком слушал ее ответы. Обычно он каждый день спрашивал ее, что она думает о состоянии его жены, но если бы Молли сказала правду, что с каждым днем та становится все слабее и слабее, он бы почти разгневался на девушку. Он не мог этого вынести, и не вынес бы. Более того, однажды он чуть не прогнал мистера Гибсона, потому что тот настаивал на консультации с доктором Николсом, известным врачом в графстве.

- Бессмысленно думать, что она так больна... вы знаете, это только болезненность, которая была у нее долгие годы, и если вы не можете принести ей облегчение в таком простом случае... более нет... только слабость и нервозность... это ведь простой случай? Не смотрите так, озадаченно, черт подери! Вам лучше совсем бросить ее лечить, я отвезу ее в Бат или Брайтон, или куда-нибудь еще сменить климат, на мой взгляд, это только хандра и нервозность.

Но на грубоватом, румянном лице сквайра было написано беспокойство и изнурение от попыток не слышать шагов судьбы.

Мистер Гибсон ответил очень тихо:

- Я буду заезжать и навещать ее, и я знаю, вы не запретите мои визиты. Но следующий раз, когда я приеду, я привезу с собой доктора Николса. Я могу ошибаться в своем лечении, и я молю Бога, чтобы он сказал мне, что я ошибаюсь в своих опасениях.

- Не говорите мне о них! Я не могу их слышать! — вскричал сквайр. — Конечно, мы все должны умереть, и она тоже должна. Но ни один самый умный доктор в Англии не сможет определить, сколько ей осталось. Думаю, я умру первым. Надеюсь, что умру. Но я ударю любого, кто скажет мне, что во мне сидит смерть. И, кроме того, я считаю, что все доктора несведущие шарлатаны, которые притворяются, что все знают. Да, вы можете смеяться надо мной. Мне все равно. Но пока вы не скажете мне, что я умру первым, ни вы, ни доктор Николс не будете пророчествовать и накликать беду в этом доме.

Мистер Гибсон уехал с тяжелым сердцем и думал о приближающейся смерти миссис Хэмли, едва ли вспоминая слова сквайра. Он почти забыл о них, но около девяти часов вечера из Хэмли Холла во всю прыть

примчался слуга с запиской от сквайра.

«Дорогой Гибсон! Ради Бога, простите меня, если я был сегодня груб. Ей намного хуже. Приезжайте и проведите ночь здесь. Напишите Николсу и всем докторам, кому захотите. Напишите до того, как приедете сюда. Они могут принести ей облегчение. В дни моей юности в Уитворе были люди, которые много говорили о том, чтобы людей лечили постоянные доктора. Я отдаюсь в ваши руки. Иногда я думаю, что это кризис, и она оправится после этого приступа. Я полагаюсь на вас.

Искренне ваш, Р. Хэмли.

Р.С. Молли — сокровище. Да поможет мне Бог.»

Конечно, мистер Гибсон поехал. Впервые со дня свадьбы он резко прервал капризные стенания миссис Гибсон, недовольной тем, что доктора вызывают в любое время дня и ночи.

Он помог миссис Хэмли пережить этот приступ. И на день или два тревога и благодарность сквайра сделали его способным прислушаться к доводам мистера Гибсона. Но затем сквайр вернулся к мысли, что этот кризис его жена пережила, и что теперь она на пути к выздоровлению. На завтра, после консультации с доктором Николсом, мистер Гибсон сказал Молли:

- Молли! Я написал Осборну и Роджеру. Ты знаешь адрес Осборна?

- Нет, папа. Он в немилости. Я даже не знаю, знает ли его сквайр, а она была слишком больна, чтобы писать.

- Не тревожься. Я вложу письмо в конверт Роджера. Какими бы эти юноши ни были в глазах других, я видел, как сильна между ними братская любовь. Роджер будет знать. И, Молли, они без сомнения приедут домой, как только узнают от меня о состоянии своей матери. Мне бы хотелось, чтобы ты сказала сквайру, что я сделал. Это не слишком приятная обязанность, а я сам, по-своему, скажу мадам. Я бы сам ему сказал, если бы он был дома, но ты говоришь, что ему пришлось уехать в Эшком по делам.

- Да, пришлось. Он очень сожалел, что не застанет тебя. Но, папа, он так разозлится! Ты не представляешь, как он рассержен на Осборна.

Молли опасалась гнева сквайра, когда передавала ему сообщение отца. Она достаточно насмотрелась на домашние отношения в семействе Хэмли, чтобы понимать, что под старомодной учтивостью и приятным гостеприимством, которое он оказывал ей, как гостье, скрывалась сильная

воля и неистовая, страстная натура вместе с той степенью упрямства в предубеждениях (или «мнениях», как бы он их назвал), столь привычных для тех, кто не имел их ни в юности, ни во взрослой жизни. День за днем она прислушивалась к горестному шепоту миссис Хэмли о том, в какой глубокой немилости держит Осборна его отец — запрещает приезжать домой, и она едва ли знала, как начать и рассказать ему, что письмо, вызывающее Осборна, уже отправлено.

Их обеды проходили наедине. Сквайр пытался сделать их приятными для Молли, испытывая к ней глубокую благодарность за то, что она стала облегчением и утешением его жене. Он произносил веселые речи, которые тонули в молчании, и над которыми каждый из них забывал улыбаться. Он заказывал редкие вина, которые ей не нравились, но которые она пробовала из почтительности. Он заметил, что как-то на днях она съела несколько коричневых груш бере, и решил, что они ей понравились. И так как в этом году с этих деревьев собрали не слишком большой урожай, он дал указание искать везде по соседству груши этого сорта. Молли понимала, как доброжелательно он к ней относится, но все равно боялась затронуть болезненный для всей семьи вопрос. Как бы то ни было, поручение должно быть выполнено и безотлагательно.

Большое полено положили в камин после обеда, топку прочистили, с тяжелых свечей сняли нагар, затем закрыли дверь, и для Молли со сквайром принесли десерт. Она сидела за столом на своем привычном месте. Место во главе стола пустовало, но тарелка, бокал и салфетка всегда стояли там, словно миссис Хэмли должна прийти, как обычно. И в самом деле, иногда, когда дверь, в которую она прежде входила, случайно открывалась, Молли ловила себя на том, что оглядывается, будто ожидает увидеть высокую фигуру в элегантном платье из дорогого шелка и мягких кружев.

Этим вечером новая болезненная мысль поразила ее: что если миссис Хэмли больше никогда не войдет в эту комнату! Она намеревалась передать сообщение отца в этот самый час, но комок в горле душил ее, она едва ли знала, как справиться с голосом. Сквайр встал и подошел к широкому камину, ударил в середину огромного полена, расколов его на горящие, сверкающие головешки. Он стоял к ней спиной. Молли начала:

- Когда папа приезжал сюда сегодня, он попросил меня передать вам, что он написал мистеру Роджеру Хэмли... написал, думая, что будет лучше, если он приедет домой. Он вложил письмо для мистера Осборна Хэмли и написал ему о том же.

Сквайр отложил кочергу, но по-прежнему стоял спиной к Молли.

- Он послал за Осборном и Роджером? — спросил он, наконец.

Молли ответила: — Да.

Повисла мертвая тишина, которая, думала Молли, никогда не закончится. Сквайр оперся обеими руками о высокую каминную полку и стоял, склонившись над огнем.

- Роджер приехал бы из Кэмбриджа 18-го, — сказал он. — И он послал за Осборном тоже. Он знал, — продолжил сквайр, поворачиваясь к Молли, с какой-то свирепостью, которую она ожидала увидеть в его взгляде и услышать в голосе. В следующее мгновение он понизил голос. — Это правильно, вполне правильно. Я понимаю. Наконец, это случилось. Полноте, полноте! Даже Осборна вызвали, — добавил он с новым приступом гнева в голосе. — Она могла бы (какое-то слово Молли не слышала... ей показалось, что он сказал «протянуть»), но за это я не могу простить его. Не могу.

Затем он неожиданно вышел из комнаты. А Молли осталась сидеть неподвижно и печально, испытывая сочувствие ко всем, потом он снова просунул голову в комнату.

- Пойдите к ней, моя дорогая. Я не могу... еще не сейчас. Но я скоро приду. Просто немного посидите, а после этого я не упущу ни минуты. Вы добрая девушка. Да благословит вас Бог.

Никто и не предполагал, что Молли останется на все это время в поместье без перерыва. Пару раз ее отец привозил ей требования вернуться домой. Молли считала, что он привозил их неохотно. На самом деле, именно миссис Гибсон посылала за ней, защищая свое право руководить ее поступками.

- Ты вернешься домой завтра или послезавтра, — сказал ей отец. — Но мама, кажется, полагает, что люди плохо истолкуют твоё поведение, когда ты живешь так далеко от дома вскоре после нашей свадьбы.

- О, папа, я боюсь, миссис Хэмли будет скучать по мне. Мне так нравится быть с ней.

- Не думаю, что она будет скучать по тебе так же сильно, как скучала месяц или два назад. Сейчас она много спит, и едва ли осознает течение времени. Я постараюсь, чтобы ты смогла вернуться сюда снова через пару дней.

Из тишины и мягкой меланхолии Хэмли Холла Молли вернулась в заполненный болтовней и слухами Холлингфорд. Миссис Гибсон приняла ее достаточно любезно. Она уже приготовила новую, модную зимнюю шляпку ей в подарок, но ей не хотелось слышать никаких подробностей о друзьях, которых Молли только что покинула. И несколько ее замечаний

относительно состояния дел в поместье Хэмли ужасно потрясли чувствительную Молли.

- Сколько времени она тянет! Твой папа не ожидал, что она проживет так долго после этого приступа. Должно быть, для них всех это очень утомительно. Помилуй, ты стала совсем другой с тех пор, как уехала туда. Можно только пожелать, чтобы это не длилось долго, ради них всех.

- Вы не знаете, как сквайр ценит каждую минуту, — сказала Молли.

- Вот ты говоришь, что она очень много спит и мало говорит, когда просыпается, что для нее нет и слабой надежды. И все же, в такие времена дежурство и ожидание держат людей в состоянии беспокойства. Я знаю это по своему дорогому Киркпатрику. Проходили дни, когда я думала, что это никогда не кончится. Но мы больше не будем говорить о таких мрачных вещах, ты их и так достаточно повидала, а я всегда впадаю в уныние, когда слышу о болезни и смерти. И все же иногда кажется, что твой папа больше ни о чем не может говорить. Я собираюсь вывести тебя сегодня вечером, ты немного сменишь обстановку. Я попросила мисс Роуз ушить для тебя одно из моих старых платьев. Оно тесновато мне. Поговаривают о танцах... у миссис Эдвардс.

- О, мама, я не могу идти! — вскричала Молли. — Я так долго была с ней, она, быть может, так страдает или даже умирает... и я должна танцевать!

- Чепуха! Вы не родственники, тебе не стоит так переживать. Я бы не заставляла тебя, если бы она знала об этом и это ее ранило. Но все улажено, ты должна пойти. Давай не будем говорить об этой чепухе. Нам бы пришлось сидеть, сложа руки, и повторять гимны всю свою жизнь, если бы мы должны были ничего не делать, когда люди умирают.

- Я не могу идти, — повторила Молли. И, действуя импульсивно, к собственному удивлению, она обратилась к отцу, который вошел в комнату в эту самую минуту. Он нахмурил брови и беспокойно посмотрел на жену и дочь. Потеряв терпение, он сел. Когда пришла его очередь вынести решение, он сказал:

- Полагаю, я могу съесть ланч? Я уехал сегодня утром в шесть, в столовой ничего не было. Мне снова придется немедленно уехать.

Молли направилась к двери, миссис Гибсон поспешила к колокольчику.

- Куда ты идешь, Молли? — резко спросила она.

- Всего лишь приготовить папе ланч.

- Слуги это сделают. Мне не нравится, что ты ходишь на кухню.

- Подойди, Молли, сядь и помолчи, — сказал ей отец. — Приходя

домой, хочется мира, спокойствия... и еды. Если взывают к моей помощи, которую я не смогу оказать в другое время, то я решил, что Молли останется дома сегодня вечером. Я вернусь поздно и усталый. Позаботься, чтобы я смог что-нибудь перекусить, гусенок, затем я переоденусь, приеду и заберу тебя домой, моя дорогая. Мне бы хотелось, чтобы все эти свадебные увеселения закончились. Уже готово? Тогда я пойду в столовую и наемся. Доктор должен быть способен есть, как верблюд, или как майор Дугалд Дальгетти.[1]

К счастью Молли, гости прибыли как раз в это время, и миссис Гибсон всерьез обеспокоилась. Они рассказали ей некоторые местные новости, которые, заняли ее мысли, и Молли убедилась, что стоит ей только выразить достаточно удивления, услышав о помолвке от уезжавших гостей, и о предыдущем обсуждении, сопровождать ей мачеху или нет, можно совершенно забыть. Хотя и не совсем, на следующее утро ей пришлось выслушать очень яркий и подробный отчет о танцах и веселье, которые она пропустила, и также узнать о том, что миссис Гибсон передумала отдавать ей свое платье и подумала о том, чтобы сохранить его для Синтии, если только оно достаточно длинное. Но Синтия такая высокая — она сильно вытянулась за последнее время. И все же шансы, что Молли получит это платье, невелики.

[1] Майор Дугалд Дальгетти — в «Легенде о Монтрозе» (1819) В. Скотта, Дальгетти — солдат удачи, утверждал, что солдату полагается съедать столько еды, сколько возможно, когда бы не появилась возможность, поскольку он не знает, какие трудности его ожидают впереди.

Глава XVIII

Секрет мистера Осборна

Осборн и Роджер приехали в Хэмли Холл. Когда Молли вернулась туда после поездки домой, она застала Роджера уже в поместье. Она сделала вывод, что Осборн едет домой, но так или иначе, о нем мало говорили. Сквайр почти не покидал комнату жены; он сидел у ее кровати, смотрел на нее и время от времени тихо стонал. Миссис Хэмли находилась под действием снотворного, поэтому просыпалась нечасто. Но, пробуждаясь, она почти неизменно просила позвать Молли. В редкие минуты наедине с ней она спрашивала об Осборне — где он, говорили ли о

нем, приехал ли он? В ослабленном и сбивчивом состоянии рассудка ее память, казалось, сохранила два сильных воспоминания: первое — о сочувствии к Осборну, которым Молли завоевала ее доверие, второе — о злости, которую ее муж питал к нему. При сквайре миссис Хэмли никогда не упоминала имени Осборна, как и не говорила о нем с Роджером, только оставаясь наедине с Молли, она больше ни о ком, кроме как о нем, не говорила. Должно быть, у нее была какая-то навязчивая идея, что Роджер осуждал своего брата, когда она вспоминала, как пылко Молли защищала его, и ее защита казалась ей временами безрассудной и невероятной. Во всяком случае, она сделала Молли своей наперсницей, и все время посылала ее спросить у Роджера, как скоро приедет Осборн.

- Расскажите мне все, что говорит Роджер. Вам он расскажет.

Но прошло несколько дней, прежде чем Молли смогла расспросить Роджера. А тем временем состояние миссис Хэмли значительно ухудшилось. Наконец, Молли подошла к Роджеру, который сидел в библиотеке, положив голову на руки. Он не слышал ее шагов, пока она не подошла к нему близко. Он поднял голову, его лицо было красным и заплаканным, а волосы — взъерошены и в беспорядке.

- Я ждала, когда вы останетесь один, — начала она. — Ваша мама так ждет новостей от вашего брата Осборна. Последнюю неделю она просила меня расспросить вас о нем, но мне не хотелось говорить в присутствии вашего отца.

- Со мной она почти не говорила о нем.

- Я не знаю, почему; со мной она говорит о нем постоянно. Я так мало видела ее на этой неделе, думаю, она многое сейчас забывает. Все же, если вы не возражаете, мне бы хотелось рассказать ей что-нибудь, если она снова спросит меня.

Он опять обхватил голову руками и какое-то время не отвечал.

- Что она хочет знать? — спросил он, наконец. — Она знает, что Осборн скоро приезжает... со дня на день?

- Да. Но она хочет знать, где он.

- Я не могу вам сказать. Я точно не знаю. Полагаю, он за границей, но я не уверен.

- Но вы послали ему папино письмо?

- Я отослал письмо его другу, которому лучше, чем мне, известно, где он находится. Вы, должно быть, знаете, что он не свободен от кредиторов, Молли. Вы не можете жить в этой семье, быть почти членом этой семьи, и ничего не знать об этом. По этой и некоторым другим причинам, я не знаю точно, где он.

- Я так и скажу ей. Вы уверены, что он приедет?

- Вполне. Но, Молли, я думаю, что моя мать еще может прожить какое-то время, разве нет? Доктор Николс сказал так вчера, когда приезжал сюда с вашим отцом. Он сказал, что она пришла в себя быстрее, чем он ожидал. Вы же не боитесь ухудшения, которое заставляет вас так беспокоиться о приезде Осборна?

- Нет, я только спрашивала по ее просьбе. Кажется, она так ждет новостей о нем. Я думаю, он ей снится, а когда она просыпается, ей доставляет большое облегчение говорить о нем со мной. Казалось, она всегда связывает меня с ним. Раньше мы много говорили о нем, когда оставались вдвоем.

- Я не знаю, что бы мы все делали без вас. Вы стали дочерью моей матери.

- Я так ее люблю, — с нежностью ответила Молли.

- Да, я вижу. Вы замечали, что иногда она называет вас «Фанни»? Так звали нашу маленькую сестру, которая умерла. Я думаю, она часто принимает вас за нее. Отчасти по этой причине, отчасти потому, что в такое время никто не придерживается формальностей, я называю вас Молли. Я надеюсь, вы не возражаете?

- Нет, мне нравится. Но вы расскажете мне что-нибудь еще о своем брате? Ей так не хватает новостей о нем.

- Ей лучше самой спросить меня. И все же нет! Я обещал молчать, Молли, поэтому я не смогу удовлетворить ее любопытство, если она начнет меня расспрашивать. Полагаю, он сейчас в Бельгии, он поехал туда две недели назад, отчасти чтобы скрыться от кредиторов. Вы знаете, мой отец отказался оплатить его долги.

- Да, мне это известно.

- Я не думаю, что мой отец смог бы собрать все деньги сразу, не попросив помощи, к чему в этой ситуации он испытывает сильное отвращение. Однако временами это ставит Осборна в очень неловкое положение.

- Я думаю, сильнее всего вашего отца беспокоит, куда были потрачены деньги.

- Если моя мать вдруг заговорит об этой стороне дела, — поспешно сказал Роджер, — заверьте ее от моего имени, что в этом нет ничего безнравственного или противоправного. Я не могу сказать больше: я связан клятвой. Но успокойте ее на этот счет.

- Я не уверена, помнит ли она все, что так мучительно ее беспокоило, — сказала Молли. — Обычно она много говорила со мной о

нем до вашего приезда, когда ваш отец был так рассержен. А теперь, когда бы она не увидела меня, ей хочется говорить на прежние темы, но она неотчетливо помнит об этом. Если бы она увидела его, я не думаю, что она вспомнила бы, почему так беспокоилась о нем в его отсутствие.

- Он должен скоро приехать. Я ожидаю его каждый день, — беспокойно промолвил Роджер.

- Вы думаете, ваш отец будет сердиться на него? — спросила Молли так застенчиво, словно недовольство сквайра было направлено против нее.

- Я не знаю, — ответил Роджер. — Болезнь матери может изменить его. Но прежде он не так легко прощал нас. Помню однажды... но это не относится к делу. Я не могу не думать, что он сдерживался ради моей матери, и не станет слишком показывать свои чувства. Но из этого не следует, что он забудет. Мой отец — человек эмоций, а они у него очень сильные. Все, что касается его, он чувствует глубоко и надолго. Эта несчастная оценка собственности! Она навела моего отца на мысль о наследственных выплатах...

- Что это такое? — спросила Молли.

- Займ, что должен был выплачен после смерти отца, и который, конечно, включает в себя расчеты в течение его жизни.

- Как ужасно! — воскликнула она.

- Даю голову на отсечение, что Осборн не сделал ничего подобного. Но мой отец высказал свои подозрения такими словами, которые рассердили Осборна. А он не говорит и не станет оправдываться, даже если бы мог. И так как он сильно любит меня, я немного могу влиять на него, иначе он все рассказал бы отцу. Что ж, мы должны на время оставить эту тему, — добавил он, вздохнув. — Моя мать убедила бы нас поступить правильно, если бы была такой, как раньше.

Он ушел, оставив Молли опечаленной. Она знала, что каждый член семьи, которую она так сильно любила, находится в беде, и из нее она не видела выхода. И ее скромные возможности помочь им таяли с каждым днем, поскольку миссис Хэмли все больше и больше попадала под влияние снотворного и болезни. Только сегодня отец сказал о том, что ей желательно вернуться домой насовсем. Миссис Гибсон хотелось, чтобы она вернулась... без особой причины, но по разным незначительным поводам. Миссис Хэмли перестала вызывать ее к себе и только случайно вспоминала о ее существовании. Положение Молли (как считал ее отец — такая мысль не приходила ей в голову) в семье, где единственная женщина была больной, прикованной к кровати, становилось неловким. Но Молли усердно упрашивала остаться еще на два-три дня... только... только до

пятницы. Если миссис Хэмли позовет ее (она спорила со слезами на глазах) и услышит, что Молли уехала из поместья, она посчитает ее злой и неблагодарной!

- Мое дорогое дитя, она уже никого не позовет! Острота земных чувств притупилась.

- Папа, это хуже всего. Я не могу этого вынести. Я не буду в это верить. Она может больше не позвать меня, и может совсем обо мне забыть, но я уверена, что до самого конца, если лекарства не притупят ее разум, она будет думать о сквайре и своих детях. А о бедном Осборне больше всего, потому что он страдает.

Мистер Гибсон покачал головой, но ничего не сказал в ответ. Через несколько минут он спросил:

- Мне бы не хотелось увозить тебя, пока ты полагаешь, что можешь быть полезна и утетишь ту, которая была так добра к тебе. Но, если она не вызовет тебя к себе до пятницы, ты согласишься поехать домой?

- Если я поеду, я смогу снова ее увидеть, даже если она не позовет меня? — спросила Молли.

- Да, конечно. Ты не должна ни шуметь, ни топать, но ты можешь войти и взглянуть на нее. Я должен сказать тебе, я почти уверен, что она не позовет тебя.

- Но она может, папа. Я поеду домой в пятницу, если она не позовет меня. Я думаю, что она позовет.

Молли слонялась по дому, стараясь делать все, что могла, за пределами комнаты больной, чтобы поддержать тех, кто находился в ней. Они выходили оттуда только поесть или по неотложным делам, у них было мало времени для разговоров с ней, поэтому все дни она проводила в одиночестве, ожидая вызова, который так и не последовал. Вечером того дня, когда у нее состоялся разговор с Роджером, приехал Осборн. Он прошел прямо в гостиную, где Молли сидела на коврике, читая при свете камина, поскольку ей не хотелось просить слуг принести для себя свечей. Осборн вошел торопливо, отчего показалось, будто он споткнулся и упал. Молли поднялась. Он не заметил ее сначала, теперь же он шагнул вперед и, взяв ее за руки, подвел к яркому мерцающему свету и, прищурив глаза, стал вглядываться в ее лицо.

- Как она? Расскажите мне... вы должны знать правду! Я ехал весь день и всю ночь, как только получил письмо вашего отца.

Пока она собиралась с ответом, он сел в ближайшее кресло и закрыл глаза руками.

- Она очень больна, — ответила Молли. — Это вы знаете. Но я не

думаю, что она сильно страдает от боли. Она очень вас ждала.

Он громко застонал:

- Мой отец запрещал мне приезжать.

- Я знаю! — сказала Молли, желая предупредить его самобичевание. — Ваш брат тоже уезжал. Я думаю, никто не знал, насколько она больна... она так долго болела.

- Вы знаете... Да! Она многое вам рассказывала... она очень любила вас. И Бог знает, как я любил ее. Если бы мне не запрещали приехать, я бы все ей рассказал. Мой отец знает о моем приезде?

- Да, — ответила Молли. — Я сказала ему, что отец послал за вами.

Как раз в эту минуту вошел сквайр. Он не знал о приезде Осборна и искал Молли, чтобы попросить ее написать для него письмо.

Осборн не встал, когда вошел отец. Он был слишком утомлен, слишком подавлен, а также чрезмерно раздражен злыми, подозрительными письмами отца. Если бы он вышел вперед, проявив свои чувства в эту самую минуту, все могло бы сложиться иначе. Но он ждал, пока отец заметит его, прежде чем промолвить слово. Сквайр, когда его взгляд упал на сына, промолвил лишь:

- Вы здесь, сэр!

И, прервав указания, которые давал Молли, он внезапно вышел из комнаты. Все это время его сердце тосковало по первенцу, но обоюдная гордость держала их на расстоянии. И, тем не менее, он прошел к дворецкому и спросил его, когда приехал мистер Осборн, как он приехал и съел ли он что-нибудь... обедал или ужинал... по приезде?

- Поскольку сейчас я все забываю! — сказал бедный сквайр, положив руку на голову. — Хоть убей, я не помню, обедали мы или нет — эти долгие ночи, все эти страдания и дежурства совершенно сбили меня с толку.

- Возможно, сэр, вы немного перекусите с мистером Осборном. Миссис Морган тотчас же принесет ему поесть. Вы едва ли присели за обедом, сэр, вы думали, что хозяйке что-нибудь понадобится.

- Да! Теперь я вспомнил. Нет! Я больше не хочу. Подайте мистеру Осборну вино, которое он выберет. Возможно, он в состоянии есть и пить, — сквайр поднялся вверх с горечью и сожалением в сердце.

Когда принесли свечи, Молли поразили перемены, произошедшие с Осборном. Он выглядел изможденным и истощенным, возможно, из-за путешествия и беспокойства. Он уже не казался таким утонченным джентльменом, каким посчитала его Молли во время визита к мачехе два месяца назад. Но сейчас он нравился ей даже больше. Он был проще и

меньше стыдился проявления своих чувств. Он спросил о Роджере тепло и искренне. Роджера не было дома — он уехал в Эшком заключить несколько сделок для сквайра. Осборн явно ожидал его возвращения и беспокойно бродил по комнате после обеда.

- Вы думаете, я могу не увидеть ее сегодня вечером? — спросил он у Молли в третий или четвертый раз.

— Нет, не увидите. Я поднимусь наверх, если вы хотите. Но миссис Джоунз, сиделка, которую прислал доктор Николс, очень решительная женщина. Я поднималась, пока вы обедали, миссис Хэмли только что приняла лекарство, и никто ни в коем случае не должен ее беспокоить своим посещением, а тем более волновать.

Осборн продолжал ходить взад-вперед по длинной гостиной, разговаривая то сам с собой, то с Молли.

- Мне бы хотелось, чтобы Роджер приехал. Кажется, он единственный, кто рад мне. Мисс Гибсон, мой отец все время проводит наверху в комнате моей матери?

- Он переехал туда после ее последнего приступа. Я полагаю, он корит себя за то, что не встревожился раньше.

- Вы слышали все, что он сказал мне — в его словах совсем не было радушия, так ведь? А моя дорогая матушка, которая всегда... обвиняли меня или нет... Полагаю, Роджер непременно приедет домой сегодня вечером?

- Непременно.

- Вы ведь живете здесь? Вы часто видите мою матушку, или эта всемогущая сиделка тоже не пускает вас к ней?

- Миссис Хэмли не звала меня к себе уже три дня, а я не хожу в ее комнату, пока меня не позовут. Думаю, я уеду в пятницу.

- Моя мать очень любит вас, вы знаете.

Чуть погодя он добавил, в его голосе слышалась неподдельная боль:

- Полагаю... вам известно, в сознании ли она... в себе ли?

- Не всегда в сознании, — с нежностью ответила Молли. — Она принимает так много снотворного. Но она не бредит, только забывается и спит.

- О, матушка, матушка! — произнес он, внезапно остановившись, и склонился над огнем, опираясь руками о каминную полку.

Когда Роджер приехал домой, Молли посчитала, что ей пора удалиться. Бедняжка. Приближалось время, когда ей придется покинуть это место страданий, где она больше не могла быть полезной. Этой ночью,

во вторник, она рыдала, перед тем как уснуть. Еще два дня, и наступит пятница. Ей придется вырвать корни, которые она пустила в этой земле. Следующее утро выдалось ясным, а утро и солнечная погода бодрят молодые сердца. Молли сидела в столовой и готовила чай для джентльменов, ожидая, когда они спустятся. Ей оставалось только надеяться, что сквайр и Осборн найдут общий язык, прежде чем она уедет. В конце концов, в разговоре между отцом и сыном сквозила более мучительная боль, чем в болезни, посланной Богом. Но, встречаясь за завтраком, они намеренно избегали обращаться друг к другу. Возможно, естественной темой для разговора между ними в такое время стало бы долгое путешествие Осборна прошлой ночью, но он не говорил, откуда он приехал, с севера ли с юга, с востока или с запада, а сквайр не решился спросить, где скрывался его сын. И оба не могли не думать о том, что болезнь миссис Хэмли сильно отягчило, если даже не послужило причиной, известие о долгах Осборна. Поэтому разговоры на эту тему были запрещены. В действительности, все их попытки завести непринужденную беседу ограничивались местными темами, и, главным образом, относились к Молли и Роджеру. Такое общение не доставляло ни удовольствия, ни утешения, хотя внешне все выглядело вежливо и мирно. Задолго до того, как закончился день, Молли пожалела, что не приняла предложение отца и не поехала домой вместе с ним. Казалось, она никому не нужна. Миссис Джонс, сиделка, уверяла ее, что миссис Хэмли не называла ее имени. Осборн и Роджер целиком посвятили себя друг другу, и Молли теперь поняла, сколь помогали ей те короткие беседы, которые она вела с Роджером, они давали ей пищу к размышлению в оставшиеся дни ее одиночества. Осборн был чрезвычайно вежлив и выражал ей свою признательность за внимание к матери. Но он, казалось, не желал показывать перед ней более глубоких чувств своей души и почти стыдился проявления собственных эмоций прошлой ночью. Он разговаривал с ней так, как любезный молодой человек разговаривает со славной молодой девушкой, но Молли это почти обижало. Только сквайр обращал на нее внимание. Он попросил ее написать письма, подвести небольшие счета, и она в благодарность поцеловала ему руку.

Наступил последний вечер ее пребывания в поместье. Роджер уехал по делам сквайра. Молли направилась в сад, вспоминая прошлое лето, когда софу миссис Хэмли ставили на лужайке под старым кедром, и когда теплый воздух благоухал розами и шиповником. Сейчас деревья стояли без листьев, — в резком морозном воздухе не было сладостного аромата, и при взгляде на дом, можно было увидеть, как в комнате больной белые полотна

занавесей скрывают от нее бледное зимнее небо. Затем она вспомнила день, когда отец привез ей новости о своей второй женитьбе: молодая поросль перепуталась с мертвыми кустами, покрытыми инеем и изморозью, а ветви, лишенные листьев переплелись на фоне неба. Разве можно быть снова такой несчастной? Доброта ли, оцепенение ли заставили ее почувствовать, что жизнь слишком коротка, чтобы чересчур обо всем беспокоиться. Смерть казалась единственной реальностью. У нее не было ни сил, ни решимости прогуливаться далеко, и она повернула назад к дому. Полуденное солнце ярко светило в окна; взволнованные и непривычно деловитые по какой-то неизвестной причине служанки распахнули ставни на окнах библиотеки, которой обычно не пользовались. Молли повернула вдоль выложенной плитами тропинки, что вела мимо окон библиотеки к воротам в белой изгороди перед домом, и прошла в открытые двери. Она осталась выбрать книги, которые ей хотелось прочитать и забрать их домой. Поднявшись по лестнице, чтобы дотянуться до нужной полки в темном углу комнаты, она нашла томик, который заинтересовал ее, и села на ступеньку, чтобы прочесть отрывок из него. Там она и сидела в шляпке и плаще, когда неожиданно вошел Осборн. Сначала он не заметил ее; возможно, он не заметил бы ее совсем, если бы она не заговорила.

- Я не вовремя? Я только зашла на минутку найти несколько книг, — говоря, она спускалась по ступенькам, держа книгу в руке.

- Вовсе нет. Это я помешал вам. Я просто должен написать письмо, чтобы отправить его с почтой, а потом уйду. Вам не холодно из-за открытой двери?

- Ничуть. Здесь свежо и приятно.

Она снова начала читать, сидя на нижней ступеньке лестницы. Он сел писать за огромный, старомодный письменный стол, стоявший у окна. Минуту или две стояла глубокая тишина, которую нарушал лишь торопливый скрип пера Осборна по бумаге. Затем послышался щелчок закрывшихся ворот, и на пороге комнаты возник Роджер. Он стоял лицом к Осборну, сидящему в свете, повернувшись спиной к Молли, которая склонилась над книгой в своем углу. Роджер протянул брату письмо и, запыхавшись, хрипло произнес:

- Вот письмо от твоей жены, Осборн. Я проходил мимо почты и подумал...

Осборн поднялся, рассерженный и испуганный.

- Роджер! Что ты сделал?! Разве ты не видел ее?

Роджер оглянулся, Молли стояла в своем углу, пылающая, дрожащая, несчастная, словно она была виновата. Роджер вошел в комнату. Все трое

казались равным образом напуганы. Молли первая заговорила, она вышла вперед и сказала:

- Мне так жаль! Вы не хотели, чтобы я это слышала, но ничего не поделаешь. Вы ведь доверяете мне? — и, повернувшись к Роджеру, она обратилась к нему со слезами на глазах: — Пожалуйста, скажите, вы же знаете, что я не расскажу.

- Мы ничего не можем поделать, — сказал мрачно Осборн. — Только, Роджер, нужно оглядываться, прежде чем говорить.

- Мне так и следовало сделать, — сказал Роджер. — Я раздосадован больше, чем ты можешь себе представить. Хотя я так же уверен в вас, как в себе, — продолжил он, поворачиваясь к Молли.

- Да, но, — сказал Осборн, — вы понимаете, насколько возможно, что даже человек с самыми лучшими намерениями может проболтаться о том, что для меня было важно сохранить в секрете.

- Я знаю, ты так думаешь, — сказал Роджер.

- Что ж, давай не будем снова начинать старый спор... во всяком случае, не при свидетелях.

Все это время Молли с трудом удавалось сдерживать слезы. Теперь же, когда о ней упомянули как о третьей лишней, перед которой разговор нужно сдерживать, она сказала:

- Я уйду. Возможно, мне не нужно было быть здесь. Мне очень жаль... очень. Но я постараюсь забыть то, что я услышала.

- Вы не можете это сделать, — ответил Осборн, по-прежнему нелюбезно. — Но вы пообещаете мне не говорить об этом никому... ни мне, ни Роджеру? Постараетесь поступать и говорить, словно вы ничего не слышали? Из того, что Роджер рассказывал мне о вас, я уверен, что если вы пообещаете мне, я могу на вас положиться.

- Да, я обещаю, — ответила Молли, протягивая руку в знак клятвы. Осборн взял ее за руку, но так, словно жест был излишним. Она добавила: — Думаю, я так бы и поступила даже без обещания. Но, возможно, лучше связать себя обетом. Я сейчас уйду. Лучше бы я никогда не входила в эту комнату.

Она мягко положила книгу на стол и повернулась, чтобы выйти из библиотеки. Но Роджер стоял у двери перед ней и, распахнув ее, он читал... она чувствовала, что он читает... по ее лицу. Он протянул ей руку, и его твердое пожатие выражало и сочувствие и сожаление о том, что произошло.

Она с трудом сдержала рыдания, пока не добралась до своей спальни. Ее чувства с некоторого времени были на пределе, не находя обычного

выхода в действии. Покинуть Хэмли Холл прежде казалось очень грустно, теперь же ее беспокоило, как унести секрет, который ей не должно было знать, и знание которого принесло с собой очень неприятное чувство ответственности. И с этим пришло вполне естественное любопытство: кто была она — таинственная жена Осборна? Молли так долго гостила в семье Хэмли и так с ней сблизилась, чтобы не знать о том, какой представляли будущую леди Хэмли. Сквайр, например, для того, чтобы показать, что Осборн, его наследник, был вне досягаемости Молли Гибсон, дочери доктора, в прежние дни, когда он еще не так хорошо знал Молли, часто упоминал о благородной и богатой невесте, с которой Хэмли из Хэмли, в лице его умного, замечательного и красивого сына Осборна, заключит в будущем брак. К тому же миссис Хэмли со своей стороны часто проговаривалась о том, как она планирует готовиться к встрече будущей незнакомой невестки.

«Гостиная должна быть заново обставлена, когда Осборн женится» или «Жене Осборна захочется иметь комнаты в западном крыле для себя; возможно, ей будет трудно жить вместе со стариками; но мы должны организовать все так, чтобы она как можно меньше чувствовала наше присутствие»; «Конечно, когда приедет миссис Осборн, мы должны постараться предоставить ей новый экипаж, старый вполне подойдет для нас» — эти и похожие высказывания создали у Молли представление о будущей миссис Осборн как о некой прекрасной, величественной молодой женщине, присутствие которой превратит старое поместье в роскошный особняк вместо милого, простенького дома, каким оно было сейчас. Осборн, который так вяло критиковал перед миссис Гибсон различных деревенских красавиц, и даже в собственном доме был склонен держаться высокомерно — только дома его важничанье было поэтично привередливым, а с миссис Гибсон оно было социально привередливым — какую невыразимо утонченную красавицу он выбрал себе в жены? Кто удовлетворил его вкус, и, тем не менее, удовлетворив его, вынужден был скрывать свое замужество от его родителей? Наконец, Молли прекратила теряться в догадках. Это было бесполезно; она не могла найти ответы; ей не стоило даже пытаться. Сплошная стена обещаний преграждала ей путь. Возможно, даже задаваться вопросом, было неправильно, и неправильно было пытаться вспомнить незначительные слова, привычные упоминания имени, чтобы сложить кусочки воедино — в нечто связное. Молли боялась снова увидеться с братьями, но они снова встретились за обедом, как будто ничего не случилось. Сквайр был молчалив, из-за меланхолии или недовольства. Он так и не разговаривал с Осборном по его возвращении,

кроме как по самым обычным пустякам, когда общения было не избежать, а состояние жены угнетало его, словно огромная туча заслоняла ему свет. Осборн держался с отцом безразлично, Молли была уверена, что его поведение притворно, но он по-прежнему непримирим. Роджер молчаливый, спокойный и естественный, говорил больше всех остальных. Но он тоже был беспокоен и расстроен по многим причинам. Сегодня он принципиально обращался к Молли; подробно рассказывал о последних открытиях в естествознании, это поддерживало течение разговора, не требуя от остальных ответов. Молли ждала, что Осборн будет выглядеть немного необычно — задумчивым, или пристыженным, обиженным или даже «женатым» — но Осборн был точно таким же, как и утром — красивым, элегантным, вялым в манерах и во взгляде; сердечным со своим братом, вежливым с ней, в тайне обеспокоенным из-за того, что произошло между ним и его отцом. Она бы никогда не догадалась о тайном романе, который скрывался за обыденным поведением. Ей всегда хотелось непосредственно столкнуться с любовной историей — и вот она здесь, и находит, что это очень неудобно: все это умалчивание и неопределенность. И ее честный, откровенный отец, ее спокойная жизнь в Холлингфорде, которая даже во всех противоречиях и противостояниях была открытой, где один знал, что делает другой, казалась надежной и приятной в сравнении с этой жизнью. Конечно, ей было очень больно покидать поместье и молча прощаться со своей спящей подругой. Но боль была иной, чем две недели назад. Тогда ее могли позвать в любую минуту, и Молли чувствовала, что должна служить утешением. Теперь казалось, что бедная женщина, чье тело жило дольше ее души, забыла о ее существовании.

Ее отправили домой в экипаже, засыпав искренними благодарностями от каждого из членов семьи. Осборн обыскал теплицы, чтобы собрать букет; Роджер выбрал для нее книги. Сквайр пожал ей руку, а потом не в состоянии выразить свою признательность, просто обнял и поцеловал, как поступил бы со своей собственной дочерью.

Глава XIX

Приезд Синтии

Отца Молли не было дома, когда она вернулась, и некому было радушно ее встретить. Миссис Гибсон отправилась с визитами, как слуги рассказали Молли. Она поднялась наверх в свою комнату, собираясь

распаковать и расставить привезенные книги. К своему большому удивлению она увидела, что в смежной комнате, вытирают пыль, туда несут воду и полотенца.

- Кто-то приезжает? — спросила она у экономки.

- Дочь хозяйки из Франции. Мисс Киркпатрик приезжает завтра.

Неужели Синтия наконец приезжает? О, как бы рада она была иметь подругу, сестру, ровесницу! Подавленное состояние Молли разом улетучилось. Она ждала возвращения миссис Гибсон, чтобы обо всем ее расспросить: должно быть, приезд был внезапным, поскольку вчера в поместье мистер Гибсон ничего не сказал об этом. Теперь было не до спокойного чтения — с привычной аккуратностью Молли отложила книги. Она спустилась в гостиную и не смогла взяться ни за какое дело. Наконец, миссис Гибсон вернулась домой, устав от прогулки и тяжелого бархатного плаща. Пока она не сняла его и не отдохнула несколько минут, она была просто не в состоянии отвечать на вопросы Молли.

- О, да! Синтия приезжает завтра домой на «Арбитре», который прибывает в десять часов. Какой душный день для этого времени года! Я едва не падаю в обморок. Синтии подвернулась оказия, и, я полагаю, она была только рада покинуть школу на две недели раньше, чем мы планировали. Она даже не дала мне шанса написать ей, нравится мне или нет, что она приедет раньше времени; а мне придется заплатить за эти две недели, как будто она осталась там. Я собиралась попросить ее привезти мне французскую шляпку; тогда бы ты смогла носить ее после меня. Но я очень рада, что она, бедняжка, приезжает.

- С ней что-то случилось? — спросила Молли.

- О, нет! Что с ней могло случиться?

- Вы называли ее «бедняжкой», и поэтому я испугалась, как бы она не заболела.

- О, нет! Я стала так называть ее после смерти мистера Киркпатрика. Девочка без отца... ты знаешь, таких всегда называют «бедняжки». О, нет! Синтия никогда не болеет. Она сильна, как бык. Сегодня она бы никогда не чувствовала себя так, как я. Ты не могла бы принести мне бокал вина и бисквит, моя дорогая? Мне, право слово, нехорошо.

Мистер Гибсон был более взволнован приездом Синтии, чем ее собственная мать. Он предвидел, что ее приезд доставит Молли большое удовольствие, несмотря на недавнюю женитьбу и новую жену, он по-прежнему ставил интересы дочери на первое место. Ему даже удалось найти время и забежать наверх, посмотреть комнаты обеих девушек; за мебель для них ему пришлось заплатить довольно кругленькую сумму.

- Что ж, полагаю, юным леди нравятся комнаты, украшенные подобным образом! Это, конечно, очень мило, но...

- Мне больше нравится моя прежняя комната, папа; но, возможно, Синтия привыкла к таким украшениям.

- Возможно; во всяком случае, она поймет, что мы постарались сделать ее комнату красивой. Ваши комнаты отделаны одинаково. Это правильно. Ее могло бы задеть, если бы ее комната была наряднее твоей. Теперь сладко спи в своей красивой, хрупкой кровати.

Молли поднялась заблаговременно — почти до рассвета — чтобы украсить прекрасными цветами из поместья Хэмли комнату Синтии. Сегодняшним утром ей с трудом удалось проглотить завтрак. Она поднялась наверх и оделась, думая, что миссис Гибсон непременно поедет в гостиницу «Георг», возле которой у причала останавливался «Арбитр», чтобы встретить дочь после двухлетнего отсутствия. Но, к ее удивлению, миссис Гибсон устроилась за огромными вышивальными пяльцами, как обычно, и, в свою очередь, удивилась, увидев на Молли плащ и шляпку.

- Куда ты собралась так рано, дитя? Туман еще не рассеялся.

- Я подумала, что вы поедете встречать Синтию, и мне захотелось поехать с вами.

- Она будет здесь через полчаса; твой дорогой отец распорядился, чтобы садовник взял тачку для ее багажа. Я не уверена, поедет ли он сам.

- Значит, вы не поедете? — спросила Молли, испытывая сильное разочарование.

- Нет, конечно, нет. Она очень скоро будет здесь. И, кроме того, мне не нравится выставлять на показ свои чувства перед каждым прохожим на Хай-стрит. Ты забываешь, что мы не виделись два года, а я не выношу сцены на рыночной площади.

Она снова уселась за работу, и Молли, немного поразмышляв, уступила собственной тревоге и занялась тем, что стала смотреть в окно на первом этаже, откуда можно было увидеть прибывавших из города.

- Вот она... вот она! — воскликнула она, наконец. Ее отец шел рядом с высокой молодой девушкой. Садовник Уильям вез тачку, нагруженную багажом. Молли подлетела к входной двери и широко ее распахнула, еще до того, как гостя подошла.

- Ну, вот и она. Молли, это Синтия. Синтия, это Молли. Вы теперь сестры, вы знаете.

Молли увидела красивую, высокую фигуру в проеме открытой двери, но не могла рассмотреть другие черты, в тот момент скрытые в тени. На

мгновение ее охватил внезапный приступ робости, и Молли сдержала объятие, которое подарила бы минуту назад. Но Синтия обняла ее сама и расцеловала в обе щеки.

- Вот и мама, — сказала она, глядя за спиной Молли на лестницу, на которой стояла миссис Гибсон, завернувшись в шаль, и дрожа от холода. Синтия прошла мимо Молли и мистера Гибсона, которые предпочли отвести взгляд от этого первого приветствия между матерью и дочерью.

Миссис Гибсон сказала:

- Как ты выросла, дорогая! Ты совсем взрослая женщина.

- Так и есть, — ответила Синтия. — Я такой и была до отъезда. С тех пор я едва ли выросла... разве что, надеюсь, стала мудрее.

- Да! Будем надеяться, — многозначительно ответила миссис Гибсон. В их речи, кажущейся вполне обыденной, были явно скрытые намеки. Когда все вошли в залитую светом и покоем гостиную, Молли не смогла оторвать взгляд от Синтии. Возможно, черты ее лица не были правильными, но живость выражений ее лица не давала времени подумать об этом. Ее улыбка была совершенной, ее пухлые губки — очаровательными. Ее глаза были прекрасно очерчены, но казалось, что их выражение едва меняется. Цвет лица Синтии не так уж отличался от материнского, только ее кожа имела больше рыжих оттенков; и ее удлиненной формы, серьезные серые глаза были обрамлены темными ресницами, тогда как у матери они были блеклыми и соломенного цвета. Молли полюбила ее, как говорится, в ту же секунду. Синтия сидела, согревая ноги и руки, так непринужденно, словно провела в этой комнате всю свою жизнь; не обращаясь исключительно к матери, которая все это время рассматривала дочь и ее платье, а, оценивая Молли и мистера Гибсона серьезными внимательными взглядами, словно гадая, насколько она им понравилась.

- В столовой тебя ждет горячий завтрак, когда будешь готова, — произнес мистер Гибсон. — Думаю, тебе захочется перекусить после ночного путешествия, — он оглянулся на жену, мать Синтии, но та, казалось, не собиралась покидать теплую комнату.

- Молли проводит тебя в твою комнату, дорогая, — сказала миссис Гибсон. — Это рядом с ее комнатой, а ей нужно снять одежду. Я спущусь и посижу в столовой, пока ты будешь завтракать, но сейчас я очень боюсь холода.

Синтия поднялась и последовала наверх за Молли.

- Мне жаль, что для тебя там не разожгли камин, — сказала Молли, — но... думаю, об этом не распорядились, и, конечно, я не дала никаких

распоряжений. Хотя, вот немного горячей воды.

- Подожди минутку, — сказала Синтия, удерживая Молли обеими руками и пристально вглядываясь ей в лицо, но так, чтобы ту не оттолкнуло такое рассматривание.

- Думаю, ты мне понравишься. Я так рада! Я боялась, что не понравишься. Мы обе чувствуем себя неловко, правда? Хотя, мне нравится твой отец.

Молли не могла не улыбнуться на тон, которым та произнесла эти слова. Синтия улыбнулась в ответ.

- Ты можешь засмеяться. Но я не знала, что со мной так легко поладить; мы с мамой не ладили, когда проводили время вместе. Но, возможно, каждая из нас теперь стала мудрее. А сейчас, пожалуйста, оставь меня на четверть часа. Мне больше ничего не нужно.

Молли прошла в свою комнату и стала ждать, когда можно будет проводить Синтию в столовую. Не только потому, что в небольшом по размеру доме было трудно найти дорогу. Даже незнакомцу не составило бы труда догадаться и найти нужную комнату. Но Синтия так очаровала Молли, что той захотелось услужить новой родственнице. С тех самых пор, как она узнала о том, что у нее будет не только новая мама, но и сестра, Молли позволила своему воображению зацепиться за мысль о приезде Синтии; и вскоре после их встречи она на себе испытала неосознанную силу обаяния девушки. Некоторые люди обладают подобной силой. Конечно, ее действие проявляется только на впечатлительных людях. В каждой школе найдется ученица, которая привлекает и влияет на всех других не только своими достоинствами, не только своей красотой, не только своей любезностью и умом, но и тем, что никто не может ни описать, ни объяснить. Об этом говорится в старинных строчках:

Люби меня, люби не за
Мое лицо, мои глаза,
И не за внешние черты,
И не за то, что в сердце ты!
Ведь это все во власти лет:
Сегодня — есть, а завтра — нет.
Дай волю чувствам и глазам,
Люби — за что, не знаю сам!
Но ты люби, каким я есть,
Люби всегда, теперь и здесь [1].

Женщины обладают этой властью не только над мужчинами, но и над собственным полом; этот шарм нельзя определить, скорее это такая изысканная смесь многих дарований и качеств, что невозможно решить, в каких пропорциях они смешаны. Возможно, он несовместим с самыми высокими принципами, поскольку его сущность, кажется, заключается в даровании приспособливаться к различным людям и еще более разнообразным настроениям; «стараться угодить всем и каждому»[2]. Во всяком случае, вскоре Молли могла бы понять, что Синтия отличается не столь твердой нравственностью; но очарование, овладевшее ею, помешало бы Молли попытаться разглядеть и оценить натуру ее подруги, даже если подобные действия были в согласии с ее собственным желанием.

Синтия была очень красивой, и настолько хорошо об этом знала, что это ничуть ее не волновало — ни один красивый человек не придавал так мало значения собственной красоте. Молли могла бы бесконечно смотреть, как ее сестра двигается по комнате свободной, величественной походкой какого-то дикого животного из леса, двигается словно под непрерывную музыку. Ее платье, хотя нам оно могло бы показаться некрасивым и безобразным, шло ей к лицу и фигуре, а его фасон был свидетельством ее изящного вкуса. Оно не было чересчур дорогим и пережило несколько переделок. Миссис Гибсон притворилась, что шокирована тем, что у Синтии всего четыре платья, когда она могла бы обеспечить себе запас и привезти много полезных французских выкроек, если бы только терпеливо подождала ответа матери на свое письмо. Молли была обижена за Синтию, слушая все эти речи. Ей казалось, в них скрыт намек, что удовольствие, которое испытывала ее мать, увидев дочь на две недели раньше после двухлетнего отсутствия было меньшим, нежели то, которое она бы получила от связки выкроек из папиросной бумаги. Но Синтия, казалось, не обращала внимания на эти жалобы. На самом деле многое из того, что говорила ее мать, она воспринимала с совершенным безразличием, отчего миссис Гибсон испытывала перед ней благоговейный страх и была более откровенна с Молли, нежели с собственной дочерью. Тем не менее, что касается платьев, Синтия вскоре доказала, что она дочь своей матери, показав, какие у нее ловкие и проворные пальцы. Она была превосходной рукодельницей, не чета Молли, которая отлично шила незамысловатые вещи, но не имела желания шить платья или дамские шляпки. Синтия могла повторить фасоны, которые видела один раз, прогуливаясь по улицам Булони, быстрыми движениями рук, оборачивая и закручивая ленты и газ, которыми ее мать украшала себя. Она обновила гардероб матери, но сделала это с пренебрежением, источник которого Молли так

для себя и не выявила.

Изо дня в день эти легкомысленные занятия нарушались новостями, которые привозил мистер Гибсон о приближающейся смерти миссис Хэмли. Очень часто Молли, сидя рядом с Синтией в окружении лент, проволоки и сетки, слушала эти сводки как звон похоронного колокола на свадебном пиру. Ее отец страдал вместе с ней. Для него это тоже была потеря близкого друга, но он был настолько привычен к смерти, что она казалась ему естественным концом всех человеческих существ. Для Молли смерть той, которую она так хорошо знала и так сильно любила, стала источником печали и уныния. Она ненавидела всю эту мелкую суету, которая ее окружала, и охотнее бродила бы в морозном саду или прохаживалась по тропинке, защищенной и скрытой вечнозелеными растениями.

В конце концов — прошло не так много времени, не больше двух недель с тех пор, как Молли уехала из поместья — все было кончено. Миссис Хэмли ушла из жизни так же постепенно, как она утрачивала сознание и свое место в этом мире. Тихие волны сомкнулись над ней, и в этом мире для нее больше не стало места.

- Все они шлют тебе добрые пожелания, Молли, — сказал ей отец. — Роджер Хэмли сказал, ему известно, что ты чувствуешь.

Мистер Гибсон приехал очень поздно и в одиночестве ужинал в столовой. Молли сидела рядом с ним, чтобы составить ему компанию. Синтия с матерью были наверху. Последняя примеряла головной убор, который Синтия сделала для нее.

Молли осталась внизу и после того, как отец снова уехал на вечерний выезд своих городских пациентов. Огонь в камине едва горел, свечи почти потухли. Синтия тихо вошла в комнату и, взяв безжизненно повисшую руку Молли, села у ее ног на коврик, растирая похолодевшие пальцы сестры, не произнося ни слова. Нежные поглаживания растопили слезы, тягостно давившие на сердце Молли, и они покатались по ее щекам.

- Ты, верно, ее очень любила, Молли?

- Да, — всхлипнула Молли, и снова наступила тишина.

- Ты давно знала ее?

- Не очень, не больше года. Но я много виделась с ней. Я стала ей почти как дочь, так она говорила. И все же я так и не попрощалась с ней. Ее сознание было слабым и запутанным.

- Я полагаю, у нее были только сыновья?

- Да, только мистер Осборн и мистер Роджер Хэмли. Когда-то у нее

была дочь... Фанни. Иногда во время болезни она называла меня «Фанни».

Обе девушки помолчали какое-то время, смотря на огонь. Синтия заговорила первой:

- Если бы я могла так же любить людей, как ты, Молли!

- А разве нет? — спросила та удивленно.

- Нет. Я думаю, большинство людей любит меня, или, по крайней мере, они думают, что любят. Но кажется, меня никто из них не заботит. Я знаю, что люблю тебя, малышка Молли, больше, чем кого бы то ни было, хотя знаю тебя всего десять дней.

- Больше, чем свою маму? — спросила Молли в полном изумлении.

- Да, больше чем свою маму! — ответила Синтия, слегка улыбнувшись. — Кажется, это звучит ужасно, но это так. Не осуждай меня. Я не думаю, что любовь к матери дается от природы; и вспомни, сколько времени я провела вдали от своей матери. Я любила своего отца, если хочешь знать, — она помолчала — но он умер, когда я была маленькой девочкой, и никто не верит, что я его помню. Я слышала, как мама говорила госте спустя две недели после его похорон: «О, нет, Синтия слишком мала; она почти забыла его»... а я кусала губы, чтобы не расплакаться. «Папа! Папа! Разве я забыла тебя?» Но это было бесполезно. Потом мама ушла в гувернантки; она ничего не могла поделать, бедняжка! Но она не слишком волновалась, расставаясь со мной. Смею сказать, я доставляла беспокойство. Поэтому в четыре года меня отослали в школу. Сначала одна школа, потом другая, а на каникулах мама уезжала гостить в богатые дома, а я обычно оставалась со школьными учительницами. Однажды я поехала в Тауэрс, и мама меня постоянно отчитывала, я была очень непослушной. Я больше никогда туда не ездила и была очень этому рада, это было ужасное место.

- Так и было, — сказала Молли, вспоминая собственный несчастный день, проведенный там.

- А однажды я поехала в Лондон, погостить у моего дяди Киркпатрика. Он — юрист и теперь процветает, но тогда он был достаточно беден, и у него было шесть или семь детей. Стояла зима, и мы были все заперты в маленьком домике на Доти-стрит. Но, тем не менее, это было не такое плохое время.

- Но потом ты жила со своей матерью, когда она начала преподавать в школе в Эшколе. Мистер Престон рассказывал мне об этом, когда я гостила в тот день в особняке.

- Что он рассказал тебе? — спросила Синтия почти настойчиво.

- Ничего, только это. Ах, да! Он восхвалял твою красоту и хотел,

чтобы я передала тебе, что он сказал.

- Я бы возненавидела тебя, если бы ты это сделала, — сказала Синтия.

- Разумеется, я и не думала делать ничего подобного, — ответила Молли. — Он мне не понравился, а леди Харриет на следующий день говорила с ним, словно он человек, который не должен нравиться.

Синтия молчала. Наконец, она сказала:

- Если бы я была хорошей!

- Как и я, — просто сказала Молли. Она снова подумала о миссис Хэмли...

...Но справедливые дела

Благоухают так,

Что им, бессмертным, видимо,

Не страшен смертный мрак.[3]

... и «доброта» тогда казалась ей единственной постоянной вещью в мире.

- Чепуха, Молли! Ты хорошая. По крайней мере, если ты не хорошая, то какая тогда я? Но бесполезно об этом говорить. Я не хорошая, и никогда не буду такой. Возможно, я могла бы все еще стать героиней, но я никогда не буду хорошей женщиной, я знаю.

- Ты думаешь, легче быть героиней?

- Да, насколько мне известны героини из истории. Я способна на порыв, но неизменная, ежедневная доброта не для меня. Я, должно быть, нравственное кенгуру!

Молли не могла следовать за ходом мыслей Синтии, ей не удавалось отвлечься от раздумий о семье Хэмли.

- Как бы мне хотелось увидеть их всех! И все же никто ничего не может поделать в таком случае! Папа говорит, что похороны состоятся во вторник, и что после этого Роджер Хэмли должен вернуться в Кэмбридж. Как будто ничего не случилось! Интересно, как сквайр и мистер Осборн Хэмли поладят?

- Он ведь старший сын? Почему он и его отец не должны поладить?

- О, я не знаю. То есть, я знаю, но думаю, что не должна говорить.

- Не будь столь педантично правдивой, Молли. Кроме того, по тебе видно, когда ты говоришь правду, а когда врешь. Я точно знаю, что означает твое «я не знаю». Я никогда не считала себя склонной говорить правду, поэтому, прошу, мы можем быть на равных правах.

Синтия могла бы справедливо заметить, что не обязана быть

искренней; она говорила буквально то, что приходило ей в голову, не слишком заботясь, правильно это или нет. Но в ее словах не было злости, и вообще, она не пыталась обеспечить себе преимущество за все свои недостатки. Часто в ее словах была такая скрытая ирония, что Молли не могла не забавляться ими на деле, хотя теоретически их осуждала. Обаяние Синтии сглаживало ее недостатки, а временами она была такой нежной и сочувствующей, что Молли не могла сопротивляться ей, даже когда она произносила самые поразительные вещи. Невнимание, с которым она относилась к своей красоте, удовлетворяло мистера Гибсона, и ее милое уважение к нему завоевало его сердце. Переделав платья матери, она не успокоилась и принялась за платья Молли.

- Теперь твой черед, дорогая, — сказала она, — До сих пор я работала как знаток. Теперь я начинаю, как любитель.

Она принесла прелестные искусственные цветы, вынутые из собственной лучшей шляпки, чтобы украсить ими шляпку Молли, сказав, что они будут ей к лицу, и что ей самой вполне достаточно банта из лент. Все время пока работала, она пела, у нее был приятный голос, таким же приятным голосом она говорила, и, бывало, без труда брала верхние и нижние ноты в своих веселых французских песенках. И, тем не менее, казалось, музыка ее не интересуется. Она редко садилась за пианино, на котором Молли добросовестно практиковалась каждый день. Синтия всегда охотно отвечала на вопросы о своей прошлой жизни, хотя редко напоминала себе о ней, но она была самой сочувствующей слушательницей всех невинных откровений Молли; ее изумляло, как ее сестра смогла вытерпеть повторную женитьбу мистера Гибсона, и почему она не предприняла никаких активных шагов, восстав против этого брака.

Несмотря на все это приятное и пикантное дружеское общение дома, Молли тосковала по Хэмли. Если бы она принадлежала той семье, она бы, возможно, получила много записок и узнала бы бесчисленные подробности, которых теперь была лишена, собирая по крохам сведения о визитах отца в поместье, которые с тех пор как умерла его дорогая пациентка, совершались по случаю.

- Да, сквайр сильно изменился, но ему лучше, чем прежде. Между ним и Осборном невыраженная отчужденность; любой это заметит по молчанию и напряженности их поведения, но внешне они дружелюбны... во всяком случае, любезны. Сквайр всегда будет уважать Осборна как своего наследника и будущего представителя их семьи. Осборн не выглядит хорошо, он говорит, что ему хочется перемен. Я думаю, он устал от домашнего уединения и домашних раздоров. Он остро переживает

смерть матери. Удивительно, что его и отца не сблизил их общая потеря. Роджер тоже уезжает в Кэмбридж — сдавать экзамен на получение диплома по математике. В общем, и люди и место изменились, но это естественно!

Возможно, подобные обрывки новостей из Хэмли составляли многие сводки. Они всегда заканчивались каким-нибудь добрым пожеланием Молли.

Миссис Гибсон обычно добавляла свой комментарий к мнению мужа о меланхолии Осборна.

- Мой дорогой! Почему бы вам не пригласить его к нам на обед? Тихий, скромный обед. Кухарка вполне с ним справится. А мы бы все надели черное и лиловое, он бы не посчитал это за веселье.

Мистер Гибсон отвечал на эти предложения лишь кивком головы. К этому времени он привык к жене и считал молчание со своей стороны великой защитой против длительных нелогичных аргументов. Но всякий раз, когда миссис Гибсон поражалась красоте Синтии, она считала все более и более целесообразным тихий, скромный обед, который взбодрит мистера Осборна Хэмли. Никто, кроме дам Холлингфорда и мистера Эштона, викария — этого безнадёжного и несговорчивого старого холостяка — не видел Синтию, а какая польза от хорошенькой дочери, если никто, кроме пожилых женщин ею не восхищается?

Сама Синтия казалась совершенно безразличной к этой теме и мало обращала внимания на постоянные разговоры матери о веселье, которое возможно, и веселье, которое невозможно в Холлингфорде. Она проявила себя, очаровав обеих барышень Браунинг, как бы сделала, чтобы доставить удовольствие Осборну Хэмли или другому молодому наследнику. То есть, она обычно не прикладывала усилий, а просто следовала собственной природе, которая должна была привлекать любого из людей ее окружения. Усилие воли, казалось, должно было сдерживать ее от подобных поступков и защищать от собственной глупости и беззаботности, как это часто происходило в тех случаях, когда Синтия небрежными словами и выразительными взглядами шла наперекор прихотям матери. Молли почти жалела миссис Гибсон, которая, казалось, была неспособна оказать влияние на собственную дочь. Однажды Синтия прочитала мысли Молли.

- Я не хорошая, я тебе говорила. Иногда я не могу ей простить, что она пренебрегала мной, когда я была ребенком, и нуждалась в ней. Кроме того, я почти не получала от нее писем, когда была в школе. И я знаю, она запретила мне приехать на свадьбу. Я видела письмо, которое она написала мадам Лефевр. Ребенок должен расти рядом с родителями, если, когда

вырастет, он должен думать, что они непогрешимы.

- Но, может, стоит знать, что все могут совершать ошибки, — ответила Молли, — их следует исправить и постараться забыть об их существовании.

- Следует. Но разве ты не видишь, что я выросла за рамками долга и «обязанностей». Люби меня такой, какая я есть, дорогая, я не стану лучше.

[1] Джон Уилбай (John Wilbye, 1574–1638) «Люби меня не за», пер. с англ. Савина Валерия.

[2] Библ. «К Коринфянам», IX, 22

[3] Заключительный куплет песни из «Спора Аякса и Улисса» Джеймса Ширли (1596–1666), пер. Я. Фельдмана.

Часть II

Глава XXI

Почти сестры

Казалось, будто бы пророчества миссис Гибсон подтвердились, — Осборн Хэмли зачастил в ее гостиную. Без сомнения, временами пророки помогают исполнить собственные пророчества, и миссис Гибсон не осталась в стороне.

Его манеры и поведение ставили Молли в тупик. Он рассказывал о случайных отлучках из Хэмли Холла, но точно не говорил, куда он ездил. Она совсем не так представляла себе поведение женатого человека, который, как она полагала, должен иметь дом, слуг, платить за аренду, налоги и жить со своей женой. Вопрос о том, кто эта таинственная жена, отступал в тень перед вопросом, где она живет. Лондон, Кэмбридж, Дувр, нет, даже Франция упоминались им как места, в которых он побывал за время этих разнообразных и коротких поездок. Эти подробности возникали в разговоре случайно, словно сам Осборн не осознавал, что он их выдает. Иногда невзначай он бросал подобную фразу: «А, это было в тот день, когда я переправлялся. Очень штормило, право слово! Вместо двух часов мы плыли почти пять». Или «На прошлой неделе я встретил лорда Холлингфорда в Дувре, и он сказал...» и т. д. «Нынешний холод ничто по сравнению с тем, что был в Лондоне в четверг — температура упала до 15

градусов». Возможно, в быстром течении разговора эти незначительные откровения не заметил никто, кроме Молли, чьи интерес и любопытство всегда были возбуждены секретом, которым она владела, хоть она и сурово упрекала себя за неотступные мысли о том, что должно было быть сохранено в тайне.

Ей было очевидно, что Осборн не слишком счастлив дома. Он утратил легкий налет цинизма, который так бросался в глаза, когда ожидалось, что он сотворит чудеса в колледже, и это было единственным полезным результатом его неудачи. Если он не утруждал себя анализом людей и их поведения, то, во всяком случае, его речь была не так обильно присыпана перцем критики. Он был более рассеянным, не таким любезным, как считала миссис Гибсон, но вслух этого не говорила. Он выглядел болезненным, но это могло быть следствием непритворного уныния, которое, как замечала Молли, изредка проглядывало сквозь все его любезные слова. Порой, когда он обращался непосредственно к ней, он упоминал об «ушедших счастливых днях» или о «временах, когда его мать была жива», затем его голос ослабевал, и на лице появлялось печальное выражение, а Молли хотелось выразить ему свое собственное глубокое сочувствие. Он редко упоминал о своем отце; и Молли полагала, что ей удалось угадать по его поведению, что та болезненная сдержанность, которую она заметила в последний день пребывания в поместье, до сих пор существует между ними. Почти все, что она знала об их семейной жизни, она слышала от миссис Хэмли, но ей было неизвестно, давно ли ее отец был знаком с ними, поэтому ей не хотелось расспрашивать его слишком подробно — он был не из тех людей, которых можно расспрашивать о семейных делах их пациентов. Иногда она спрашивала себя, не приснились ли ей те короткие полчаса в библиотеке Хэмли Холла, когда она узнала о событии, которое казалось крайне важным Осборну, и которое так мало изменило его образ жизни — на словах и в поступках. За двенадцать-четырнадцать часов, что она потом провела в поместье, ни со стороны Осборна, ни со стороны Роджера она не слышала никаких намеков на тайную женитьбу. И, впрямь, это было словно во сне. Возможно, Молли чувствовала бы себя намного неуютнее, владея этой тайной, если бы Осборн поразил ее своей чрезмерной привязанностью к Синтии. Она явно забавляла и привлекала его, но в этих чувствах не было ни глубины, ни пылкости. Он восхищался ее красотой, и казалось, попал под ее обаяние, но он покидал ее, подходил и садился рядом с Молли, если что-то напоминало ему о матери, о которой он мог поговорить с ней, и только с ней одной. И все же он так часто приходил к Гибсонам, что миссис Гибсон

можно было извинить за фантазию, которую она вбила себе в голову, что он приходит ради Синтии. Ему нравилось праздное времяпрепровождение, гостеприимство, компания двух разумных девушек, чья красота и манеры были выше среднего. К одной из девушек он испытывал особое отношение, поскольку ее особенно любила его мать, а память о ней он так нежно лелеял. Зная, что он сам не принадлежит к категории холостяков, он был, возможно, слишком безразличен к неведению других людей и его возможным последствиям.

Так или иначе, Молли не хотелось первой упоминать имя Роджера в разговоре, поэтому она упустила много возможностей услышать о нем новости. Осборн часто был таким вялым и рассеянным, что только следовал течению беседы; а Роджер — грубый парень, и к тому же второй сын не заслуживал особого внимания со стороны миссис Гибсон, и поэтому не занимал ее мысли. Синтия никогда его не видела и не столь часто испытывала капризное желание поговорить о нем. Он не был дома с тех самых пор, как занял высокое место на математическом экзамене — это Молли знала, и еще ей было известно, что он усердно трудится, она полагала, что за стипендию — и это все, что она знала. Когда Осборн говорил о брате, каждое слово, каждая интонация дышали любовью и уважением — нет, скорее, восхищением! И это исходило от брата, который «ничему не удивлялся», и который до настоящего времени редко проявлял свои чувства.

- Ах, Роджер! — сказал он как-то. Молли тотчас же уловила его имя, хотя не слышала, что говорилось до этого. — Он — один на тысячу... право слово, на тысячу! Я не думаю, что где-нибудь найдется равный ему человек, в котором бы сочетались доброта и настоящая сила.

- Молли, — сказала Синтия, когда мистер Осборн Хэмли ушел, — что за человек этот Роджер Хэмли? Насколько можно верить похвалам его брата? Потому что это единственная тема, которая увлекает Осборна Хэмли. Я уже замечала это пару раз.

Пока Молли колебалась, с какой точки большого круга начать свое описание, встряла миссис Гибсон:

- То, что он восхваляет своего брата, просто показывает, какой приятный характер у мистера Осборна Хэмли. Я думаю, звание старшего рэнглера может принести ему много пользы! Я не отрицаю этого; но судя по разговору, он грубый. Огромный, неуклюжий парень, который, к тому же выглядит так, словно не знает, что дважды два — четыре, хотя он и гений в математике. Когда ты увидишь его, то едва ли согласишься, что он брат Осборна Хэмли. Мне бы и в голову не пришло, что он чем-то

примечателен.

- А что ты думаешь о нем, Молли? — спросила настойчивая Синтия.

- Мне он нравится, — ответила Молли. — Он был очень добр ко мне. Я знаю, что он не так красив, как Осборн.

Ей было достаточно трудно произнести эти слова спокойно, но Молли справилась, прекрасно осознавая, что Синтия не успокоится, пока не составит о нем хотя бы поверхностного представления.

- Думаю, он приедет домой на Пасху, — сказала Синтия, — и тогда я сама его увижу.

- Очень жаль, что траур помешает им прийти на Пасхальный благотворительный бал, — жалобно произнесла миссис Гибсон. — Мне бы не понравилось, если бы у вас обоих не было партнеров. Это поставит меня в очень неудобное положение. Как бы мне хотелось, чтобы нас пригласили на вечер в Тауэрс. Там у вас непременно были бы партнеры, поскольку они всегда приглашают достаточно танцующих мужчин, которые могли бы танцевать с вами, исполнив свой долг перед дамами из особняка. Но все так изменилось с тех пор, как дорогая леди Камнор заболела, и, возможно, они вообще не приедут.

Этот Пасхальный бал был любимой темой разговора у миссис Гибсон. Порой она говорила, что это будет ее первый выход в свет в качестве новобрачной, хотя всю зиму она ездила с визитами два раза в неделю. Затем она поменяла свою точку зрения, сказав, что так интересуется этим балом потому, что у нее будет возможность представить собственную дочь и дочь мистера Гибсона вниманию общества, хотя почти все, кто собирался на бал, уже раньше видели обеих девушек, пусть и не в бальных платьях. Подражая манерам аристократии, насколько она была знакома с ними, миссис Гибсон намеревалась «вывести в свет» Молли и Синтию, что считала равносильным представлению ко двору. «Они еще не выезжают» — было ее любимым извинением, когда их обеих приглашали в дом, куда ей не хотелось, чтобы они шли, или их приглашали без нее. Она даже придумала трудности по поводу их «невыезда в свет», когда мисс Браунинг — старинные друзья семьи Гибсон — пришли однажды утром пригласить обеих девушек на дружеское чаепитие и игру в карты. Это спокойное увеселение придумали ради того, чтобы оказать внимание трем внукам миссис Гудинаф — двум юным барышням и их брату школьного возраста, приехавшим погостить к своей бабушке.

- Вы очень добры, мисс Браунинг, но, видите ли, мне едва ли хочется разрешить им пойти — они не выезжают в свет, знаете ли, пока не пройдет Пасхальный бал.

- До тех пор мы невидимы, — сказала Синтия, всегда готовая своей насмешкой преувеличить любое притязание матери. — Мы занимаем такое высокое положение, что наша повелительница должна дать нам свое позволение, прежде чем мы сможем сыграть в карты в вашем доме.

Синтии нравилось думать, что теперь она повзрослела и у нее величавая походка, ведь она так отличалась от той послушной и едва оперившейся девочки в детской. Но мисс Браунинг ее слова отчасти озадачили, отчасти обидели.

- Я совсем этого не понимаю. В мои дни девушки ходили всюду, куда бы их не приглашали, без этого фарса. Я не имею ввиду те случаи, когда местное дворянство отвозит своих дочерей в Йорк, в Мэтлок или в Бат, чтобы преподать им манеры блестящего общества, когда они вырастают; а знать вывозит своих молодых дочерей в Лондон, где, возможно, их представляют королеве Шарлотте и везут на бал в честь ее дня рождения[1]. Но мы, скромные жители Холлингфорда, — мы знаем каждого ребенка с пеленок; и я видела многих девушек двенадцати-четырнадцати лет, которые приходили на карточный вечер, тихо сидели за своим рукоделием и знали, как себя вести, как и любая другая леди. Прежде для любой девушки, рангом не ниже дочери сквайра, не существовало разговоров о «выходе в свет»

- После Пасхи мы с Молли узнаем, как вести себя на карточном вечере, но не раньше, — скромно ответила Синтия.

- Ты всегда любила колкости и замысловатые высказывания, моя дорогая, — заметила мисс Браунинг, — я бы не стала ручаться за твоё поведение. Иногда ты позволяешь себе увлечься. Но я уверена, Молли останется той же маленькой леди, какой является, и какой всегда была, а я знаю ее с младенчества.

Миссис Гибсон взялась за оружие в интересах собственной дочери, или, скорее, она взялась за оружие против восхваления Молли.

- Не думаю, что на днях вы назвали бы Молли леди, мисс Браунинг, если бы застали ее, как я — сидящей на вишневом дереве, по крайней мере, в шести футах от земли, уверяю вас.

- О! Но это вовсе не мило, — заметила мисс Браунинг, качая головой на Молли. — Я думала, ты бросила свои мальчишеские замашки.

- Ей не хватает утонченности, которую дает приличное общество, — заметила миссис Гибсон, возвращаясь к нападкам на бедную Молли. — Она склонна прыгать через две ступеньки.

- Только через две, Молли? — спросила Синтия. — Сегодня я выяснила, что смогу перешагнуть через четыре широкие неглубокие

ступеньки.

- Мое дорогое дитя, что ты говоришь?

- Только признаюсь в том, что мне, как и Молли, не хватает утонченности, которую дает приличное общество, поэтому, позволь нам пойти этим вечером к мисс Браунинг. Я поклянусь за Молли, что она не будет сидеть на вишневом дереве; а Молли проследит, чтобы я поднималась по лестнице, как приличествует леди. Я буду подниматься так скромно, словно я выходящая в свет молодая девушка и приехала на пасхальный бал.

В итоге, сошлись на том, что они пойдут. Если бы мистера Осборна Хэмли назвали одним из возможных гостей, то этот вопрос решился бы без затруднений.

Но хотя его не было у Браунингов, к ним приехал Роджер. Молли увидела его в ту же минуту, как вошла в маленькую гостиную, но Синтия не заметила его.

- И видите, мои дорогие, — сказала мисс Фиби Браунинг, поворачивая их в ту сторону, где стоял Роджер и ожидал своей очереди поговорить с Молли, — в конце концов, для вас у нас нашелся джентльмен! Разве не удачно? А сестра сказала, что вы посчитаете наш вечер скучным — она имела ввиду тебя, Синтия, потому что ты приехала из Франции. Словно небеса послали мистера Роджера к нам с визитом. И я не скажу, что мы насильно затащили его, потому что он слишком хорош для этого; но на самом деле мы были готовы это сделать, если бы он не остался по собственной воле.

Сердечно приветствуя Молли, Роджер попросил ее представить его Синтии.

- Мне хочется познакомиться с ней... с вашей новой сестрой, — добавил он с доброй улыбкой, которую Молли помнила с самого первого дня, как увидела ее, когда сидела и плакала под плакучим ясенем. Синтия стояла немного позади Молли, когда Роджер попросил представить его. Она была одета с небрежным изяществом. Молли, бывшая воплощением утонченной аккуратности, порой удивлялась, как смятые платья Синтии, брошенные в сундук как попало, имели свойство выглядеть хорошо и ниспадали такими изящными складками. Например, муслиновое платье бледно-сиреневого цвета, которое было надето на ней этим вечером, до этого было порвано несколько раз, и казалось, не годилось для носки, пока Синтия не надела его. Потертость материи стала мягкостью, а складки приобрели красивые очертания. Молли в новом розовом муслиновом платье не выглядела и в половину так элегантно, как Синтия. Серьезные

глаза, которые та подняла, когда ее представляли Роджеру, излучали детскую невинность и удивление, что так не вязалось с характером Синтии. В этот вечер она надела доспехи очарования — невольно, как всегда это делала. Но, с другой стороны, она не могла не испытать свою силу на незнакомце. Молли всегда чувствовала, что имеет право на долгий разговор с Роджером, когда в следующий раз увидит его, и что она разузнает от него все новости о сквайре, которые ей так хотелось услышать, о поместье, об Осборне, о нем самом. С ней он был таким же сердечным и дружелюбным, как и всегда. Если бы Синтии здесь не было, все пошло бы так, как она и ожидала; но из всех жертв обаяния Синтии он оказался самым восприимчивым и кротким. Молли заметила это, сидя рядом с мисс Фиби за чайным столиком, и помогая ей передавать пирожные, сливки, сахар с таким деловитым прилежанием, что все, кроме нее самой думали, что ее мысли, как и руки, были всецело заняты. Она пыталась беседовать с двумя робкими девушками, посчитав, что обязана это сделать. В результате чего она поднялась вверх с обеими барышнями, которые повисли на ее руках, и желали поклясться ей в вечной дружбе. Они были счастливы, что она сидела между ними, играя в двадцать одно, и им так хотелось получить от нее совет в важном вопросе установления цены на фишки, что Молли так и не смогла присоединиться к оживленной беседе Роджера и Синтии. Или, вернее было бы сказать, что Роджер очень оживленно беседовал с Синтией, а та смотрела ему в лицо, и в ее прекрасных глазах выражался большой интерес ко всему, что он говорил.

- У моего дяди мы всегда давали серебряный трехпенсовик за три дюжины. Вы ведь знаете, что это такое, серебряный трехпенсовик, дорогая мисс Гибсон?

- Три степени отличия огласили в Сенате [2] в девять часов утра в пятницу, и вы не представляете...

- Я думаю, что игру, меньше чем за шесть пенсов, посчитают довольно жалкой. Тот джентльмен (шепотом) из Кэмбриджа, а вы знаете, они всегда играют там по высоким ставкам, и иногда разоряются, не так ли, дорогая мисс Гибсон?

- О, в этом случае, Магистр искусств[3], который идет впереди кандидатов на награду, когда они входят в Сенат, зовется Отцом колледжа, которому он принадлежит. Думаю, я уже упоминал об этом?

Поэтому Синтия все слышала о Кэмбридже, и о том самом экзамене, к которому Молли испытывала такой острый интерес, не имея возможности услышать ответы на свои вопросы от компетентного человека. И Роджер, которого она всегда считала самым замечательным

рассказчиком, рассказывал все, что ей хотелось знать, а она не могла слушать. Ей пришлось запастись терпением, чтобы собрать фишки в маленькие стопки, и решить, как арбитру игры, какие фишки, круглые или продолговатые, будет лучше считать за шесть. И когда все было готово, и все расселись на свои места вокруг стола, Роджера и Синтию пришлось позвать дважды, прежде чем они подошли. Правда, они встали, услышав свои имена в первый раз, но не сдвинулись с места — Роджер продолжал говорить, а Синтия слушала, пока их не позвали во второй раз. Тогда они поторопились к столу и постарались сделать вид, что заинтересованы теми же вопросами, что и игроки, — а именно, ценой трех дюжин фишек, и, будет ли лучше считать полудюжиной круглые фишки или продолговатые. Мисс Браунинг, похлопывая колодой карт по столу, разрешила дело, сказав:

- Круглые считаются за шесть, а три дюжины фишек стоят шесть пенсов. Платите, пожалуйста, и давайте немедленно начнем.

Синтия села между Роджером и Уильямом Орфордом, юным школьником, который сильно негодовал из-за привычки сестер называть его «Уилли», поскольку думал, что эта мальчишеская кличка мешает Синтии обращать на него столько же внимания, как и на мистера Роджера Хэмли. Он также попал под обаяние чаровницы, которая нашла время подарить ему одну или две улыбки. Вернувшись домой к бабушке, он выдал пару очень категоричных и довольно оригинальных мнений, противореча — что было естественно — своим сестрам. Одним было:

- Тем не менее, старший рэнглер не бог весть что. Любой мог бы им стать, если бы захотел, но есть много парней, которые просто не захотят тратить столько времени на такую ерунду.

Молли думала, что игра никогда не закончится. У нее не было особой склонности к азартным играм, и какая бы карта ни была у нее на руках, она безучастно ставила две фишки, независимо от того, выиграла она или проиграла. Синтия, напротив, делала высокие ставки, и однажды стала очень богатой, но закончила тем, что задолжала Молли что-то около шести шиллингов. Она забыла свой кошелек, как она сказала, и ей пришлось одолжить деньги у более предусмотрительной Молли, которая знала, что карточная игра, о которой говорила ей мисс Браунинг, явно потребует денег. Игра оказалась прекрасным развлечением для всех, принимавших в ней участие, и в итоге вышла очень шумной. Молли думала, что она продлится до полуночи, но как только часы пробили девять, появилась маленькая служанка, шатаясь под тяжестью подноса, уставленного сэндвичами, пирожными и желе. Все пришли в движение, и Роджер,

который, казалось, ожидал чего-то подобного, подошел и поставил стул рядом с Молли.

- Я так рад видеть вас снова... с Рождества прошло много времени, — сказал он, понизив голос, и больше не упоминая тот день, когда она покинула Хэмли Холл.

- Это было давно, — повторила она, — сейчас уже почти Пасха. Мне так хотелось рассказать вам, как я была рада услышать о ваших достижениях в Кэмбридже. Я, было, подумала отправить вам письмо через вашего брата, но затем посчитала, что это доставит много хлопот, поскольку я ничего не понимаю в математике и в том, насколько важно получить звание старшего рэнглера. Без сомнения, вы получили множество поздравлений от людей, которые понимают в этом.

- Тем не менее, я очень скучал по вам, Молли, — доброжелательно сказал он. — Но я был уверен, что вы рады за меня.

- Рада, и к тому же горжусь, — ответила она. — Мне бы так хотелось побольше услышать об этом. Я слышала, вы рассказывали Синтии...

- Да. Какая она замечательная! Думаю, вы должны быть счастливее, чем мы когда-то предполагали.

- Но расскажите мне что-нибудь о старших рэнглерах, пожалуйста, — попросила Молли.

- Это длинная история, а я должен помочь мисс Браунинг раздавать сэндвичи... кроме того, она не покажется вам очень интересной, в ней очень много технических подробностей.

- Синтию она очень заинтересовала, — сказала Молли.

- Что ж! Тогда я отошлю ее к вам, поскольку я должен идти. Мне стыдно продолжать сидеть здесь, предоставив все заботы этим добрым женщинам. Но я скоро приеду и навещу миссис Гибсон. Вы идете пешком домой сегодня вечером?

- Да, полагаю, — ответила Молли, предвидя, что за этим последует.

- Тогда я пойду домой вместе с вами. Я оставил свою лошадь у «Ангела», а это на полпути. Полагаю, старая Бетти позволит мне сопровождать вас и вашу сестру? Вы описывали мне ее как тирана.

- Бетти ушла от нас, — печально сказала Молли. — Она уехала жить в Эшком.

На его лице отразилось смятение, и он ушел исполнять свои обязанности. Короткий разговор был очень приятным, а Роджер относился к ней с той же братской добротой, как в прежние времена, но он совсем иначе относился к Синтии, и Молли подумала, что предпочла бы, такое обращение. Юноши окружили Синтию, и когда она отвергла предложение

Уилли Орфорда подкрепиться, Роджер принялся искушать ее и с игривой мольбой настаивал, чтобы она приняла что-нибудь от него. Их разговор был слышен всем в комнате, и, тем не менее, каждое слово Роджер произносил так, словно не мог произнести его этим особенным тоном кому-то еще. Наконец, и скорее потому, что она устала, что ее упрашивают, чем потому что это было его желание, Синтия взяла миндальное печенье, а Роджер выглядел таким счастливым, словно она увенчала его цветами. В целом, вечер прошел в праздных разговорах. Едва ли стоило обращать на это внимание, и все же Молли почувствовала беспокойство, она не могла сказать, почему. Вышло так, что к ночи пошел дождь, и миссис Гибсон послала за девушками экипаж. И Синтия и Молли подумали о том, чтобы отвезти обеих барышень Орфорд к их бабушке, и тем самым оградить их от прогулки под дождем. Но Синтия первая заговорила об этом, поэтому благодарности и похвалы за предусмотрительность предназначались ей.

Когда они приехали домой, мистер и миссис Гибсон сидели в гостиной, готовые развлечься, услышав подробный рассказ о вечере.

Синтия начала:

- О, вечер был не очень забавным. Никто и не ждал иного, — и она устало зевнула.

- Кто там был? — спросил мистер Гибсон. — Довольно молодая компания?

- Они пригласили только Лиззи и Фанни Орфорд, и их брата. Но мистер Роджер Хэмли заехал навестить мисс Браунинг, и они оставили его на чай. Больше никого не было.

- Роджер Хэмли здесь! — воскликнул мистер Гибсон. — Значит, он приехал домой. Я должен выбрать время, заехать и повидать его.

- Вам лучше пригласить его сюда, — сказала миссис Гибсон. — Полагаю, вы пригласите его и его брата пообедать здесь в пятницу, мой дорогой. Думаю, мы окажем им достойное внимание.

- Моя дорогая! Эти юноши из Кэмбриджа хорошо разбираются в вине и не обходятся без него. Мой подвал не выдержит их многочисленных атак.

- Я не думала, что вы такой негостеприимный, мистер Гибсон.

- Разумеется, я гостеприимный. Если вы напишите «горькое пиво» в уголке ваших приглашений, как умные люди ставят слово «кадриль» в знак предлагаемых развлечений, вы получите Осборна и Роджера на обед в любой день, какой захотите. И что ты думаешь о моем любимце, Синтия?

Ты ведь не видела его прежде?

- О! Он не такой красивый, как его брат, не такой элегантный, не так свободно говорит. Он развлекал меня больше часа долгим рассказом о каком-то экзамене, но в нем что-то есть.

- Молли, а как ты? — спросила миссис Гибсон, которая заставляла себя быть участливой мачехой и всегда старалась заставить Молли говорить так же много, как говорит Синтия, — как тебе понравился вечер?

- Очень приятный, благодарю, — сердце изобличило ее, когда она произнесла эти слова. Ей была неинтересна карточная игра, ей был бы интересен разговор с Роджером. У нее было то, к чему она испытывала безразличие, и не было того, что ей бы понравилось.

- У нас тоже был неожиданный гость, — сказал мистер Гибсон. — Как раз после обеда пришел никто иной, как мистер Престон. Полагаю, что в Холлингфорде под его управлением оказалось больше собственности, чем раньше. Шипшэнкс стареет. И если так, то я подозреваю, что мы будем довольно часто видеть Престона. Он «не из робких», как о таких говорят в Шотландии, и сегодня вечером чувствовал себя, как дома. Казалось ему все равно: попрошу ли я его остаться или буду зевать весь вечер. Но я против того, чтобы человек оставался, если на меня нападает зевота.

- Тебе понравился мистер Престон, папа? — спросила Молли.

- Настолько, насколько мне нравится половина из тех людей, которых я встречаю. Он хорошо говорит, много повидал. Я очень мало знаю о нем, кроме того, что он управляющий милорда, что уже является поручительством.

- Леди Харриет довольно сурово говорила с ним в тот день, когда я осталась с ней в особняке Эшкома.

- Леди Харриет всегда полна капризов, сегодня ей нравится человек, завтра он ей уже разонравился, — заметила миссис Гибсон, которую всегда задевало, что Молли цитирует леди Харриет или намекает на близость с ней.

- Вы должны хорошо знать мистера Престона, моя дорогая. Полагаю, вы часто встречали его в ЭшкOME?

Миссис Гибсон покраснела и прежде чем ответить, взглянула на Синтию. На лице Синтии была написана решимость не разговаривать, как бы к ней не обращались.

- Да. Мы часто виделись с ним... в одно время, я имею в виду. Думаю, он непостоянен. Но он всегда присылал нам дичь, а иногда фрукты. О нем ходили разговоры, но я никогда им не верила.

- Какие разговоры? — быстро спросил мистер Гибсон.

- О, какие-то смутные истории, знаете ли: я бы сказала, скандальные. Никто в них не верил. Если хотел, он мог быть таким любезным; и милорд, который всегда был таким привередливым, никогда бы не взял его к себе в управляющие, если бы все, что о нем говорили, оказалось правдой. Не то чтобы я всегда знала, что из себя представляют эти разговоры, но я считаю все скандальные истории отвратительными слухами.

- Я очень рад, что не скрыл перед ним свою зевоту, — сказал мистер Гибсон. — Надеюсь, он понял намек.

- Если ты зевнул во весь рот, папа, я бы сказала, что это больше, чем намек, — сказала Молли. — И если ты хочешь следующий раз позевать хором, я присоединюсь к тебе, а ты, Синтия?

- Я не знаю, — коротко ответила последняя, зажигая свечу для спальни. Обе девушки обычно вели ночные разговоры в спальне то у одной, то у другой, но сегодня Синтия сказала, что она устала, и поспешно закрыла за собой дверь.

На следующий день Роджер приехал с визитом, как и обещал. Молли находилась в саду с Уильямсом, планируя, где разбить новые клумбы, и увлеклась, расставляя колышки на лужайке, когда, выпрямившись, чтобы оценить результат, краем глаза уловила фигуру джентльмена, который сидел спиной к свету, наклонился вперед, что-то говоря или увлеченно слушая. Молли хорошо знала эту посадку головы и поспешно начала снимать свой небеленый садовый фартук.

- Думаю, теперь вы сможете закончить, — сказала она. — Вы знаете, где посадить яркие цветы напротив изгороди из бирючины и где разбить новую клумбу для роз?

- Я не могу точно сказать, что знаю, — ответил Уильямс. — Может вам снова все это повторить, мисс Молли? Я уже не так молод, как был, и моя голова теперь не такая ясная, и мне бы не хотелось допустить ошибки, когда вы так придерживаетесь своих планов.

Молли уступила своему порыву. Она увидела, что старый садовник не на шутку озадачен, и что он беспокоится, как бы все сделать наилучшим образом. Поэтому она снова прошла по саду, втыкая колышки и объясняя, пока сморщенный лоб садовника не разгладился, и он не сказал: — Я понял, мисс. Все хорошо, мисс Молли. Теперь в моей голове сложились все кусочки мозаики.

Теперь она могла оставить его и уйти. Но как только она приблизилась к садовой калитке, вышел Роджер. В кои-то веки добродетель в награду предоставила ей случай побыть с ним наедине, какой бы короткой ни

оказалась эта встреча, это лучше, чем сдерживаться в присутствии миссис Гибсон и Синтии.

- Я только что выяснил, где вы есть, Молли. Миссис Гибсон сказала, что вы вышли, но она не знала, куда. И это огромная удача, что я повернулся и увидел вас.

- Я увидела вас несколько минут назад, но не могла оставить Уильямса. Думаю, сегодня он непривычно медлителен, и, кажется, будто не понимает мой план относительно новых розовых клумб.

- Это тот план, что вы держите в руке? Позвольте взглянуть? А, я понял. Вы подсмотрели несколько идей в нашем саду в поместье, так? Эта клумба алой герани огорожена по краю молодыми дубками. Это была причуда моей дорогой матери.

Они оба помолчали минуту или две. Затем Молли сказала:

- Как поживает сквайр? Я не видела его с тех пор.

- Да, он сказал мне, как сильно ему бы хотелось вас увидеть, но он не может заставить себя приехать и пригласить вас. Полагаю, что теперь вы не сможете приехать и погостить в Хэмли Холле? Это доставило бы отцу столько удовольствия. Он видит в вас дочь, и уверяю вас, что мы с Осборном будем всегда считать вас нашей сестрой, потому что моя мать любила вас, а вы нежно заботились о ней до последних минут. Но я полагаю, этого не будет.

- Да, не будет, — поспешно ответила Молли.

- Думаю, если бы вы смогли приехать, это привело бы нас немного в порядок. Знаете, думаю, я когда-то говорил вам, что Осборн поступает иначе, чем я бы поступил, хотя и не совсем неверно... только я называю это ошибкой суждения. Но мой отец, я уверен, взял себе в голову... не важно. Только в результате этого он держит Осборна в молчаливой немилости, и сам все время от этого страдает. Осборн тоже несчастен, страдает и отдаляется от отца. Именно это очень скоро исправила бы моя мать, и возможно, вы бы могли это сделать... неосознанно, я имею в виду... потому что в корне всего лежит эта несчастная тайна, что хранит Осборн. Но об этом бесполезно говорить. Я не знаю, почему я начал этот разговор.

Пока Молли все еще думала над тем, что он рассказал ей, он резко сменил тему и прервал ее размышления:

- Я не могу выразить вам, как мне нравится мисс Киркпатрик, Молли. Для вас, должно быть, большое удовольствие иметь такую компаньонку.

- Да, — ответила Молли, едва улыбаясь. — Я очень ее люблю, и думаю, с каждым днем люблю все больше. Но как быстро вы узнали ее

добродетели!

- Разве я сказал «добродетели»? — спросил он, краснея, но добросовестно задавая вопрос. — Не думаю, что в этом лице можно обмануться. И миссис Гибсон кажется очень дружелюбной... она пригласила меня и Осборна отобедать здесь в пятницу.

«Горькое пиво» пришло на ум Молли, но она лишь спросила:

- И вы придете?

- Конечно, если не понадобится моему отцу. И я дал миссис Гибсон условное согласие от Осборна. Значит, скоро я вас всех снова увижу. Но теперь я должен идти. Через полчаса у меня назначена встреча в семи милях отсюда. Удачи вашему цветнику, Молли.

[1] Королева Шарлотта (1744–1818), жена Георга III, основавшая ежегодный благотворительный бал в свой день рождения, чтобы собрать деньги для госпиталя королевы Шарлотты. Бал был важным событием лондонского «сезона».

[2] Сенат — руководящий орган в некоторых университетах, в частности, в Кембриджском и Лондонском.

[3] Магистр искусств — обладатель второй учёной степени в Оксфордском и Кембриджском университетах.

Часть III

Глава XXI

Почти сестры

Казалось, будто бы пророчества миссис Гибсон подтвердились, — Осборн Хэмли зачастил в ее гостиную. Без сомнения, временами пророки помогают исполнить собственные пророчества, и миссис Гибсон не осталась в стороне.

Его манеры и поведение ставили Молли в тупик. Он рассказывал о случайных отлучках из Хэмли Холла, но точно не говорил, куда он ездил. Она совсем не так представляла себе поведение женатого человека, который, как она полагала, должен иметь дом, слуг, платить за аренду, налоги и жить со своей женой. Вопрос о том, кто эта таинственная жена,

отступал в тень перед вопросом, где она живет. Лондон, Кэмбридж, Дувр, нет, даже Франция упоминались им как места, в которых он побывал за время этих разнообразных и коротких поездок. Эти подробности возникали в разговоре случайно, словно сам Осборн не осознавал, что он их выдает. Иногда невзначай он бросал подобную фразу: «А, это было в тот день, когда я переправлялся. Очень штормило, право слово! Вместо двух часов мы плыли почти пять». Или «На прошлой неделе я встретил лорда Холлингфорда в Дувре, и он сказал...» и т. д. «Нынешний холод ничто по сравнению с тем, что был в Лондоне в четверг — температура упала до 15 градусов». Возможно, в быстром течении разговора эти незначительные откровения не заметил никто, кроме Молли, чьи интерес и любопытство всегда были возбуждены секретом, которым она владела, хоть она и сурово упрекала себя за неотступные мысли о том, что должно было быть сохранено в тайне.

Ей было очевидно, что Осборн не слишком счастлив дома. Он утратил легкий налет цинизма, который так бросался в глаза, когда ожидалось, что он сотворит чудеса в колледже, и это было единственным полезным результатом его неудачи. Если он не утруждал себя анализом людей и их поведения, то, во всяком случае, его речь была не так обильно присыпана перцем критики. Он был более рассеянным, не таким любезным, как считала миссис Гибсон, но вслух этого не говорила. Он выглядел болезненным, но это могло быть следствием непритворного уныния, которое, как замечала Молли, изредка проглядывало сквозь все его любезные слова. Порой, когда он обращался непосредственно к ней, он упоминал об «ушедших счастливых днях» или о «временах, когда его мать была жива», затем его голос ослабевал, и на лице появлялось печальное выражение, а Молли хотелось выразить ему свое собственное глубокое сочувствие. Он редко упоминал о своем отце; и Молли полагала, что ей удалось угадать по его поведению, что та болезненная сдержанность, которую она заметила в последний день пребывания в поместье, до сих пор существует между ними. Почти все, что она знала об их семейной жизни, она слышала от миссис Хэмли, но ей было неизвестно, давно ли ее отец был знаком с ними, поэтому ей не хотелось расспрашивать его слишком подробно — он был не из тех людей, которых можно расспрашивать о семейных делах их пациентов. Иногда она спрашивала себя, не приснились ли ей те короткие полчаса в библиотеке Хэмли Холла, когда она узнала о событии, которое казалось крайне важным Осборну, и которое так мало изменило его образ жизни — на словах и в поступках. За двенадцать-четырнадцать часов, что она потом провела в поместье, ни со стороны

Осборна, ни со стороны Роджера она не услышала никаких намеков на тайную женитьбу. И, впрямь, это было словно во сне. Возможно, Молли чувствовала бы себя намного неуютнее, владея этой тайной, если бы Осборн поразил ее своей чрезмерной привязанностью к Синтии. Она явно забавляла и привлекала его, но в этих чувствах не было ни глубины, ни пылкости. Он восхищался ее красотой, и казалось, попал под ее обаяние, но он покидал ее, подходил и садился рядом с Молли, если что-то напоминало ему о матери, о которой он мог поговорить с ней, и только с ней одной. И все же он так часто приходил к Гибсонам, что миссис Гибсон можно было извинить за фантазию, которую она вбила себе в голову, что он приходит ради Синтии. Ему нравилось праздное времяпрепровождение, гостеприимство, компания двух разумных девушек, чья красота и манеры были выше среднего. К одной из девушек он испытывал особое отношение, поскольку ее особенно любила его мать, а память о ней он так нежно лелеял. Зная, что он сам не принадлежит к категории холостяков, он был, возможно, слишком безразличен к неведению других людей и его возможным последствиям.

Так или иначе, Молли не хотелось первой упоминать имя Роджера в разговоре, поэтому она упустила много возможностей услышать о нем новости. Осборн часто был таким вялым и рассеянным, что только следовал течению беседы; а Роджер — грубый парень, и к тому же второй сын не заслуживал особого внимания со стороны миссис Гибсон, и поэтому не занимал ее мысли. Синтия никогда его не видела и не столь часто испытывала капризное желание поговорить о нем. Он не был дома с тех самых пор, как занял высокое место на математическом экзамене — это Молли знала, и еще ей было известно, что он усердно трудится, она полагала, что за стипендию — и это все, что она знала. Когда Осборн говорил о брате, каждое слово, каждая интонация дышали любовью и уважением — нет, скорее, восхищением! И это исходило от брата, который «ничему не удивлялся», и который до настоящего времени редко проявлял свои чувства.

- Ах, Роджер! — сказал он как-то. Молли тотчас же уловила его имя, хотя не слышала, что говорилось до этого. — Он — один на тысячу... право слово, на тысячу! Я не думаю, что где-нибудь найдется равный ему человек, в котором бы сочетались доброта и настоящая сила.

- Молли, — сказала Синтия, когда мистер Осборн Хэмли ушел, — что за человек этот Роджер Хэмли? Насколько можно верить похвалам его брата? Потому что это единственная тема, которая увлекает Осборна Хэмли. Я уже замечала это пару раз.

Пока Молли колебалась, с какой точки большого круга начать свое описание, встряла миссис Гибсон:

- То, что он восхваляет своего брата, просто показывает, какой приятный характер у мистера Осборна Хэмли. Я думаю, звание старшего рэнглера может принести ему много пользы! Я не отрицаю этого; но судя по разговору, он грубый. Огромный, неуклюжий парень, который, к тому же выглядит так, словно не знает, что дважды два — четыре, хотя он и гений в математике. Когда ты увидишь его, то едва ли согласишься, что он брат Осборна Хэмли. Мне бы и в голову не пришло, что он чем-то примечателен.

- А что ты думаешь о нем, Молли? — спросила настойчивая Синтия.

- Мне он нравится, — ответила Молли. — Он был очень добр ко мне. Я знаю, что он не так красив, как Осборн.

Ей было достаточно трудно произнести эти слова спокойно, но Молли справилась, прекрасно осознавая, что Синтия не успокоится, пока не составит о нем хотя бы поверхностного представления.

- Думаю, он приедет домой на Пасху, — сказала Синтия, — и тогда я сама его увижу.

- Очень жаль, что траур помешает им прийти на Пасхальный благотворительный бал, — жалобно произнесла миссис Гибсон. — Мне бы не понравилось, если бы у вас обоих не было партнеров. Это поставит меня в очень неудобное положение. Как бы мне хотелось, чтобы нас пригласили на вечер в Тауэрс. Там у вас непременно были бы партнеры, поскольку они всегда приглашают достаточно танцующих мужчин, которые могли бы танцевать с вами, исполнив свой долг перед дамами из особняка. Но все так изменилось с тех пор, как дорогая леди Камнор заболела, и, возможно, они вообще не приедут.

Этот Пасхальный бал был любимой темой разговора у миссис Гибсон. Порой она говорила, что это будет ее первый выход в свет в качестве новобрачной, хотя всю зиму она ездила с визитами два раза в неделю. Затем она поменяла свою точку зрения, сказав, что так интересуется этим балом потому, что у нее будет возможность представить собственную дочь и дочь мистера Гибсона вниманию общества, хотя почти все, кто собирался на бал, уже раньше видели обеих девушек, пусть и не в бальных платьях. Подражая манерам аристократии, насколько она была знакома с ними, миссис Гибсон намеревалась «вывести в свет» Молли и Синтию, что считала равносильным представлению ко двору. «Они еще не выезжают» — было ее любимым извинением, когда их обеих приглашали в дом, куда ей не хотелось, чтобы они шли, или их приглашали без нее. Она даже

придумала трудности по поводу их «невыезда в свет», когда мисс Браунинг — старинные друзья семьи Гибсон — пришли однажды утром пригласить обеих девушек на дружеское чаепитие и игру в карты. Это спокойное увеселение придумали ради того, чтобы оказать внимание трем внукам миссис Гудинаф — двум юным барышням и их брату школьного возраста, приехавшим погостить к своей бабушке.

- Вы очень добры, мисс Браунинг, но, видите ли, мне едва ли хочется разрешить им пойти — они не выезжают в свет, знаете ли, пока не пройдет Пасхальный бал.

- До тех пор мы невидимы, — сказала Синтия, всегда готовая своей насмешкой преувеличить любое притязание матери. — Мы занимаем такое высокое положение, что наша повелительница должна дать нам свое позволение, прежде чем мы сможем сыграть в карты в вашем доме.

Синтии нравилось думать, что теперь она повзрослела и у нее величавая походка, ведь она так отличалась от той послушной и едва оперившейся девочки в детской. Но мисс Браунинг ее слова отчасти озадачили, отчасти обидели.

- Я совсем этого не понимаю. В мои дни девушки ходили всюду, куда бы их не приглашали, без этого фарса. Я не имею ввиду те случаи, когда местное дворянство отвозит своих дочерей в Йорк, в Мэтлок или в Бат, чтобы преподать им манеры блестящего общества, когда они вырастают; а знать вывозит своих молодых дочерей в Лондон, где, возможно, их представляют королеве Шарлотте и везут на бал в честь ее дня рождения[1]. Но мы, скромные жители Холлингфорда, — мы знаем каждого ребенка с пеленок; и я видела многих девушек двенадцати-четырнадцати лет, которые приходили на карточный вечер, тихо сидели за своим рукоделием и знали, как себя вести, как и любая другая леди. Прежде для любой девушки, рангом не ниже дочери сквайра, не существовало разговоров о «выходе в свет»

- После Пасхи мы с Молли узнаем, как вести себя на карточном вечере, но не раньше, — скромно ответила Синтия.

- Ты всегда любила колкости и замысловатые высказывания, моя дорогая, — заметила мисс Браунинг, — я бы не стала ручаться за твое поведение. Иногда ты позволяешь себе увлечься. Но я уверена, Молли останется той же маленькой леди, какой является, и какой всегда была, а я знаю ее с младенчества.

Миссис Гибсон взялась за оружие в интересах собственной дочери, или, скорее, она взялась за оружие против восхваления Молли.

- Не думаю, что на днях вы назвали бы Молли леди, мисс Браунинг,

если бы застали ее, как я — сидящей на вишневом дереве, по крайней мере, в шести футах от земли, уверяю вас.

- О! Но это вовсе не мило, — заметила мисс Браунинг, качая головой на Молли. — Я думала, ты бросила свои мальчишеские замашки.

- Ей не хватает утонченности, которую дает приличное общество, — заметила миссис Гибсон, возвращаясь к нападкам на бедную Молли. — Она склонна прыгать через две ступеньки.

- Только через две, Молли? — спросила Синтия. — Сегодня я выяснила, что смогу перешагнуть через четыре широкие неглубокие ступеньки.

- Мое дорогое дитя, что ты говоришь?

- Только признаюсь в том, что мне, как и Молли, не хватает утонченности, которую дает приличное общество, поэтому, позволь нам пойти этим вечером к мисс Браунинг. Я поклянусь за Молли, что она не будет сидеть на вишневом дереве; а Молли проследит, чтобы я поднималась по лестнице, как приличествует леди. Я буду подниматься так скромно, словно я выходящая в свет молодая девушка и приехала на пасхальный бал.

В итоге, сошлись на том, что они пойдут. Если бы мистера Осборна Хэмли назвали одним из возможных гостей, то этот вопрос решился бы без затруднений.

Но хотя его не было у Браунингов, к ним приехал Роджер. Молли увидела его в ту же минуту, как вошла в маленькую гостиную, но Синтия не заметила его.

- И видите, мои дорогие, — сказала мисс Фиби Браунинг, поворачивая их в ту сторону, где стоял Роджер и ожидал своей очереди поговорить с Молли, — в конце концов, для вас у нас нашелся джентльмен! Разве не удачно? А сестра сказала, что вы посчитаете наш вечер скучным — она имела ввиду тебя, Синтия, потому что ты приехала из Франции. словно небеса послали мистера Роджера к нам с визитом. И я не скажу, что мы насильно затащили его, потому что он слишком хорош для этого; но на самом деле мы были готовы это сделать, если бы он не остался по собственной воле.

Сердечно приветствуя Молли, Роджер попросил ее представить его Синтии.

- Мне хочется познакомиться с ней... с вашей новой сестрой, — добавил он с доброй улыбкой, которую Молли помнила с самого первого дня, как увидела ее, когда сидела и плакала под плакучим ясенем. Синтия стояла немного позади Молли, когда Роджер попросил представить его.

Она была одета с небрежным изяществом. Молли, бывшая воплощением утонченной аккуратности, порой удивлялась, как смятые платья Синтии, брошенные в сундук как попало, имели свойство выглядеть хорошо и ниспадали такими изящными складками. Например, муслиновое платье бледно-сиреневого цвета, которое было надето на ней этим вечером, до этого было порвано несколько раз, и казалось, не годилось для носки, пока Синтия не надела его. Потертость материи стала мягкостью, а складки приобрели красивые очертания. Молли в новом розовом муслиновом платье не выглядела и в половину так элегантно, как Синтия. Серьезные глаза, которые та подняла, когда ее представляли Роджеру, излучали детскую невинность и удивление, что так не вязалось с характером Синтии. В этот вечер она надела доспехи очарования — невольно, как всегда это делала. Но, с другой стороны, она не могла не испытать свою силу на незнакомце. Молли всегда чувствовала, что имеет право на долгий разговор с Роджером, когда в следующий раз увидит его, и что она разузнает от него все новости о сквайре, которые ей так хотелось услышать, о поместье, об Осборне, о нем самом. С ней он был таким же сердечным и дружелюбным, как и всегда. Если бы Синтии здесь не было, все пошло бы так, как она и ожидала; но из всех жертв обаяния Синтии он оказался самым восприимчивым и кротким. Молли заметила это, сидя рядом с мисс Фиби за чайным столиком, и помогая ей передавать пирожные, сливки, сахар с таким деловитым прилежанием, что все, кроме нее самой думали, что ее мысли, как и руки, были всецело заняты. Она пыталась беседовать с двумя робкими девушками, посчитав, что обязана это сделать. В результате чего она поднялась наверх с обеими барышнями, которые повисли на ее руках, и желали поклясться ей в вечной дружбе. Они были счастливы, что она сидела между ними, играя в двадцать одно, и им так хотелось получить от нее совет в важном вопросе установления цены на фишки, что Молли так и не смогла присоединиться к оживленной беседе Роджера и Синтии. Или, вернее было бы сказать, что Роджер очень оживленно беседовал с Синтией, а та смотрела ему в лицо, и в ее прекрасных глазах выражался большой интерес ко всему, что он говорил.

- У моего дяди мы всегда давали серебряный трехпенсовик за три дюжины. Вы ведь знаете, что это такое, серебряный трехпенсовик, дорогая мисс Гибсон?

- Три степени отличия огласили в Сенате [2] в девять часов утра в пятницу, и вы не представляете...

- Я думаю, что игру, меньше чем за шесть пенсов, посчитают довольно жалкой. Тот джентльмен (шепотом) из Кэмбриджа, а вы знаете, они всегда

играют там по высоким ставкам, и иногда разоряются, не так ли, дорогая мисс Гибсон?

- О, в этом случае, Магистр искусств[3], который идет впереди кандидатов на награду, когда они входят в Сенат, зовется Отцом колледжа, которому он принадлежит. Думаю, я уже упоминал об этом?

Поэтому Синтия все слышала о Кэмбридже, и о том самом экзамене, к которому Молли испытывала такой острый интерес, не имея возможности слышать ответы на свои вопросы от компетентного человека. И Роджер, которого она всегда считала самым замечательным рассказчиком, рассказывал все, что ей хотелось знать, а она не могла слушать. Ей пришлось запастись терпением, чтобы собрать фишки в маленькие стопки, и решить, как арбитру игры, какие фишки, круглые или продолговатые, будет лучше считать за шесть. И когда все было готово, и все расселись на свои места вокруг стола, Роджера и Синтию пришлось позвать дважды, прежде чем они подошли. Правда, они встали, услышав свои имена в первый раз, но не сдвинулись с места — Роджер продолжал говорить, а Синтия слушала, пока их не позвали во второй раз. Тогда они поторопились к столу и постарались сделать вид, что заинтересованы теми же вопросами, что и игроки, — а именно, ценой трех дюжин фишек, и, будет ли лучше считать полдюжиной круглые фишки или продолговатые. Мисс Браунинг, похлопывая колодой карт по столу, разрешила дело, сказав:

- Круглые считаются за шесть, а три дюжины фишек стоят шесть пенсов. Платите, пожалуйста, и давайте немедленно начнем.

Синтия села между Роджером и Уильямом Орфордом, юным школьником, который сильно негодовал из-за привычки сестер называть его «Уилли», поскольку думал, что эта мальчишеская кличка мешает Синтии обращать на него столько же внимания, как и на мистера Роджера Хэмли. Он также попал под обаяние чаровницы, которая нашла время подарить ему одну или две улыбки. Вернувшись домой к бабушке, он выдал пару очень категоричных и довольно оригинальных мнений, противореча — что было естественно — своим сестрам. Одним было:

- Тем не менее, старший рэнглер не бог весть что. Любой мог бы им стать, если бы захотел, но есть много парней, которые просто не захотят тратить столько времени на такую ерунду.

Молли думала, что игра никогда не закончится. У нее не было особой склонности к азартным играм, и какая бы карта ни была у нее на руках, она безучастно ставила две фишки, независимо от того, выиграла она или проиграла. Синтия, напротив, делала высокие ставки, и однажды стала

очень богатой, но закончила тем, что задолжала Молли что-то около шести шиллингов. Она забыла свой кошелек, как она сказала, и ей пришлось одолжить деньги у более предусмотрительной Молли, которая знала, что карточная игра, о которой говорила ей мисс Браунинг, явно потребует денег. Игра оказалась прекрасным развлечением для всех, принимавших в ней участие, и в итоге вышла очень шумной. Молли думала, что она продлится до полуночи, но как только часы пробили девять, появилась маленькая служанка, шатаясь под тяжестью подноса, уставленного сэндвичами, пирожными и желе. Все пришли в движение, и Роджер, который, казалось, ожидал чего-то подобного, подошел и поставил стул рядом с Молли.

- Я так рад видеть вас снова... с Рождества прошло много времени, — сказал он, понизив голос, и больше не упоминая тот день, когда она покинула Хэмли Холл.

- Это было давно, — повторила она, — сейчас уже почти Пасха. Мне так хотелось рассказать вам, как я была рада услышать о ваших достижениях в Кэмбридже. Я, было, подумала отправить вам письмо через вашего брата, но затем посчитала, что это доставит много хлопот, поскольку я ничего не понимаю в математике и в том, насколько важно получить звание старшего рэнглера. Без сомнения, вы получили множество поздравлений от людей, которые понимают в этом.

- Тем не менее, я очень скучал по вам, Молли, — доброжелательно сказал он. — Но я был уверен, что вы рады за меня.

- Рада, и к тому же горжусь, — ответила она. — Мне бы так хотелось побольше услышать об этом. Я слышала, вы рассказывали Синтии...

- Да. Какая она замечательная! Думаю, вы должны быть счастливее, чем мы когда-то предполагали.

- Но расскажите мне что-нибудь о старших рэнглерах, пожалуйста, — попросила Молли.

- Это длинная история, а я должен помочь мисс Браунинг раздавать сэндвичи... кроме того, она не покажется вам очень интересной, в ней очень много технических подробностей.

- Синтию она очень заинтересовала, — сказала Молли.

- Что ж! Тогда я отошлю ее к вам, поскольку я должен идти. Мне стыдно продолжать сидеть здесь, предоставив все заботы этим добрым женщинам. Но я скоро приеду и навещу миссис Гибсон. Вы идете пешком домой сегодня вечером?

- Да, полагаю, — ответила Молли, предвидя, что за этим последует.

- Тогда я пойду домой вместе с вами. Я оставил свою лошадь у

«Ангела», а это на полпути. Полагаю, старая Бетти позволит мне сопровождать вас и вашу сестру? Вы описывали мне ее как тирана.

- Бетти ушла от нас, — печально сказала Молли. — Она уехала жить в Эшком.

На его лице отразилось смятение, и он ушел исполнять свои обязанности. Короткий разговор был очень приятным, а Роджер относился к ней с той же братской добротой, как в прежние времена, но он совсем иначе относился к Синтии, и Молли подумала, что предпочла бы, такое обращение. Юноши окружили Синтию, и когда она отвергла предложение Уилли Орфорда подкрепиться, Роджер принялся искушать ее и с игривой мольбой настаивал, чтобы она приняла что-нибудь от него. Их разговор был слышен всем в комнате, и, тем не менее, каждое слово Роджер произносил так, словно не мог произнести его этим особенным тоном кому-то еще. Наконец, и скорее потому, что она устала, что ее упрашивают, чем потому что это было его желание, Синтия взяла миндальное печенье, а Роджер выглядел таким счастливым, словно она увенчала его цветами. В целом, вечер прошел в праздных разговорах. Едва ли стоило обращать на это внимание, и все же Молли почувствовала беспокойство, она не могла сказать, почему. Вышло так, что к ночи пошел дождь, и миссис Гибсон послала за девушками экипаж. И Синтия и Молли подумали о том, чтобы отвезти обеих барышень Орфорд к их бабушке, и тем самым оградить их от прогулки под дождем. Но Синтия первая заговорила об этом, поэтому благодарности и похвалы за предусмотрительность предназначались ей.

Когда они приехали домой, мистер и миссис Гибсон сидели в гостиной, готовые развлечься, услышав подробный рассказ о вечере.

Синтия начала:

- О, вечер был не очень забавным. Никто и не ждал иного, — и она устало зевнула.

- Кто там был? — спросил мистер Гибсон. — Довольно молодая компания?

- Они пригласили только Лиззи и Фанни Орфорд, и их брата. Но мистер Роджер Хэмли заехал навестить мисс Браунинг, и они оставили его на чай. Больше никого не было.

- Роджер Хэмли здесь! — воскликнул мистер Гибсон. — Значит, он приехал домой. Я должен выбрать время, заехать и повидать его.

- Вам лучше пригласить его сюда, — сказала миссис Гибсон. — Полагаю, вы пригласите его и его брата пообедать здесь в пятницу, мой

дорогой. Думаю, мы окажем им достойное внимание.

- Моя дорогая! Эти юноши из Кэмбриджа хорошо разбираются в вине и не обходятся без него. Мой подвал не выдержит их многочисленных атак.

- Я не думала, что вы такой негостеприимный, мистер Гибсон.

- Разумеется, я гостеприимный. Если вы напишите «горькое пиво» в уголке ваших приглашений, как умные люди ставят слово «кадриль» в знак предлагаемых развлечений, вы получите Осборна и Роджера на обед в любой день, какой захотите. И что ты думаешь о моем любимце, Синтия? Ты ведь не видела его прежде?

- О! Он не такой красивый, как его брат, не такой элегантный, не так свободно говорит. Он развлекал меня больше часа долгим рассказом о каком-то экзамене, но в нем что-то есть.

- Молли, а как ты? — спросила миссис Гибсон, которая заставляла себя быть участливой мачехой и всегда старалась заставить Молли говорить так же много, как говорит Синтия, — как тебе понравился вечер?

- Очень приятный, благодарю, — сердце изобличило ее, когда она произнесла эти слова. Ей была неинтересна карточная игра, ей был бы интересен разговор с Роджером. У нее было то, к чему она испытывала безразличие, и не было того, что ей бы понравилось.

- У нас тоже был неожиданный гость, — сказал мистер Гибсон. — Как раз после обеда пришел никто иной, как мистер Престон. Полагаю, что в Холлингфорде под его управлением оказалось больше собственности, чем раньше. Шипшэнкс стареет. И если так, то я подозреваю, что мы будем довольно часто видеть Престона. Он «не из робких», как о таких говорят в Шотландии, и сегодня вечером чувствовал себя, как дома. Казалось ему все равно: попрошу ли я его остаться или буду зевать весь вечер. Но я против того, чтобы человек оставался, если на меня нападает зевота.

- Тебе понравился мистер Престон, папа? — спросила Молли.

- Настолько, насколько мне нравится половина из тех людей, которых я встречаю. Он хорошо говорит, много повидал. Я очень мало знаю о нем, кроме того, что он управляющий милорда, что уже является поручительством.

- Леди Харриет довольно сурово говорила с ним в тот день, когда я осталась с ней в особняке Эшкома.

- Леди Харриет всегда полна капризов, сегодня ей нравится человек, завтра он ей уже разонравился, — заметила миссис Гибсон, которую всегда задевало, что Молли цитирует леди Харриет или намекает на близость с ней.

- Вы должны хорошо знать мистера Престона, моя дорогая. Полагаю, вы часто встречали его в Эшкоте?

Миссис Гибсон покраснела и прежде чем ответить, взглянула на Синтию. На лице Синтии была написана решимость не разговаривать, как бы к ней не обращались.

- Да. Мы часто виделись с ним... в одно время, я имею в виду. Думаю, он непостоянен. Но он всегда присылал нам дичь, а иногда фрукты. О нем ходили разговоры, но я никогда им не верила.

- Какие разговоры? — быстро спросил мистер Гибсон.

- О, какие-то смутные истории, знаете ли: я бы сказала, скандальные. Никто в них не верил. Если хотел, он мог быть таким любезным; и милорд, который всегда был таким привередливым, никогда бы не взял его к себе в управляющие, если бы все, что о нем говорили, оказалось правдой. Не то чтобы я всегда знала, что из себя представляют эти разговоры, но я считала все скандальные истории отвратительными слухами.

- Я очень рад, что не скрыл перед ним свою зевоту, — сказал мистер Гибсон. — Надеюсь, он понял намек.

- Если ты зевнул во весь рот, папа, я бы сказала, что это больше, чем намек, — сказала Молли. — И если ты хочешь следующий раз позевать хором, я присоединюсь к тебе, а ты, Синтия?

- Я не знаю, — коротко ответила последняя, зажигая свечу для спальни. Обе девушки обычно вели ночные разговоры в спальне то у одной, то у другой, но сегодня Синтия сказала, что она устала, и поспешно закрыла за собой дверь.

На следующий день Роджер приехал с визитом, как и обещал. Молли находилась в саду с Уильямсом, планируя, где разбить новые клумбы, и увлеклась, расставляя колышки на лужайке, когда, выпрямившись, чтобы оценить результат, краем глаза уловила фигуру джентльмена, который сидел спиной к свету, наклонился вперед, что-то говоря или увлеченно слушая. Молли хорошо знала эту посадку головы и поспешно начала снимать свой небеленый садовый фартук.

- Думаю, теперь вы сможете закончить, — сказала она. — Вы знаете, где посадить яркие цветы напротив изгороди из бирючины и где разбить новую клумбу для роз?

- Я не могу точно сказать, что знаю, — ответил Уильямс. — Может вам снова все это повторить, мисс Молли? Я уже не так молод, как был, и моя голова теперь не такая ясная, и мне бы не хотелось допустить ошибки, когда вы так придерживаетесь своих планов.

Молли уступила своему порыву. Она увидела, что старый садовник не на шутку озадачен, и что он беспокоится, как бы все сделать наилучшим образом. Поэтому она снова прошла по саду, втыкая колышки и объясняя, пока сморщенный лоб садовника не разгладился, и он не сказал: — Я понял, мисс. Все хорошо, мисс Молли. Теперь в моей голове сложились все кусочки мозаики.

Теперь она могла оставить его и уйти. Но как только она приблизилась к садовой калитке, вышел Роджер. В кои-то веки добродетель в награду предоставила ей случай побыть с ним наедине, какой бы короткой ни оказалась эта встреча, это лучше, чем сдерживаться в присутствии миссис Гибсон и Синтии.

- Я только что выяснил, где вы есть, Молли. Миссис Гибсон сказала, что вы вышли, но она не знала, куда. И это огромная удача, что я повернулся и увидел вас.

- Я увидела вас несколько минут назад, но не могла оставить Уильямса. Думаю, сегодня он непривычно медлителен, и, кажется, будто не понимает мой план относительно новых розовых клумб.

- Это тот план, что вы держите в руке? Позвольте взглянуть? А, я понял. Вы подсмотрели несколько идей в нашем саду в поместье, так? Эта клумба алой герани огорожена по краю молодыми дубками. Это была причуда моей дорогой матери.

Они оба помолчали минуту или две. Затем Молли сказала:

- Как поживает сквайр? Я не видела его с тех пор.

- Да, он сказал мне, как сильно ему бы хотелось вас увидеть, но он не может заставить себя приехать и пригласить вас. Полагаю, что теперь вы не сможете приехать и погостить в Хэмли Холле? Это доставило бы отцу столько удовольствия. Он видит в вас дочь, и уверяю вас, что мы с Осборном будем всегда считать вас нашей сестрой, потому что моя мать любила вас, а вы нежно заботились о ней до последних минут. Но я полагаю, этого не будет.

- Да, не будет, — поспешно ответила Молли.

- Думаю, если бы вы смогли приехать, это привело бы нас немного в порядок. Знаете, думаю, я когда-то говорил вам, что Осборн поступает иначе, чем я бы поступил, хотя и не совсем неверно... только я называю это ошибкой суждения. Но мой отец, я уверен, взял себе в голову... не важно. Только в результате этого он держит Осборна в молчаливой немилости, и сам все время от этого страдает. Осборн тоже несчастен, страдает и отдаляется от отца. Именно это очень скоро исправила бы моя мать, и возможно, вы бы могли это сделать... неосознанно, я имею в

виду... потому что в корне всего лежит эта несчастная тайна, что хранит Осборн. Но об этом бесполезно говорить. Я не знаю, почему я начал этот разговор.

Пока Молли все еще думала над тем, что он рассказал ей, он резко сменил тему и прервал ее размышления:

- Я не могу выразить вам, как мне нравится мисс Киркпатрик, Молли. Для вас, должно быть, большое удовольствие иметь такую компаньонку.

- Да, — ответила Молли, едва улыбаясь. — Я очень ее люблю, и думаю, с каждым днем люблю все больше. Но как быстро вы узнали ее добродетели!

- Разве я сказал «добродетели»? — спросил он, краснея, но добросовестно задавая вопрос. — Не думаю, что в этом лице можно обмануться. И миссис Гибсон кажется очень дружелюбной... она пригласила меня и Осборна отобедать здесь в пятницу.

«Горькое пиво» пришло на ум Молли, но она лишь спросила:

- И вы придете?

- Конечно, если не понадобится моему отцу. И я дал миссис Гибсон условное согласие от Осборна. Значит, скоро я вас всех снова увижу. Но теперь я должен идти. Через полчаса у меня назначена встреча в семи милях отсюда. Удачи вашему цветнику, Молли.

[1] Королева Шарлотта (1744–1818), жена Георга III, основавшая ежегодный благотворительный бал в свой день рождения, чтобы собрать деньги для госпиталя королевы Шарлотты. Бал был важным событием лондонского «сезона».

[2] Сенат — руководящий орган в некоторых университетах, в частности, в Кембриджском и Лондонском.

[3] Магистр искусств — обладатель второй учёной степени в Оксфордском и Кембриджском университетах.

Глава XXII

Неприятности старого сквайра

Дела в поместье Хэмли шли гораздо хуже, чем это можно было заключить из слов Роджера. Более того, очень много затруднений возникало из «обычных обстоятельств», как их называют, которые всегда неопределенны и необъяснимы. Спокойная и бездеятельная миссис Хэмли всю свою жизнь была правящим духом этого дома. Распоряжения слугам, подробные до самой последней минуты, раздавались из ее гостиной или с

софы, на которой она лежала. Ее дети всегда знали, где найти ее, а найдя ее, находили любовь и сочувствие. Ее муж, который часто бывал обеспокоен и раздражен по той или иной причине, всегда приходил к ней успокоиться и прийти в себя. Он понимал, какое благотворное влияние она оказывает на него, и в ее присутствии примирялся сам с собой, как ребенок, который успокаивается, когда рядом с ним находится тот, в ком сочетаются и твердость, и нежность. Но краеугольный камень семейного здания разрушился, и камни, из которых оно было сложено, стали распадаться.

Всегда печально, когда подобное горе губительно сказывается на характерах оставшихся в живых и скорбящих. И все же возможно, что это губительное влияние окажется лишь временным или неглубоким; людей, которые переносят утрату тех, кого они сильно любили, зачастую осуждают жестоко и несправедливо. Невнимательным наблюдателям, например, могло бы показаться, что сквайр после смерти жены стал более капризным и требовательным, более вспыльчивым и большим самодуром. Правда в том, что это происходило в то время, когда многие вещи стали его раздражать, а некоторые — горько разочаровали; а ее, к которой он приходил со своим страдающим сердцем, чтобы она исцелила его нежным бальзамом добрых слов, больше не было рядом. Поэтому истерзанное сердце болело и страдало постоянно; и часто, когда он замечал, как его вспыльчивость приносит вред другим, он мысленно обращался к ним: «Проявите ко мне милосердие, ибо я несчастен!» Как часто такие безмолвные мольбы выходят из сердец тех, кто хватается за свое горе не с того конца, как за молитву против греха! И когда сквайр заметил, что слуги научились бояться его, а первенец — избегать его, он не винил их. Он знал, что становится домашним тираном; ему казалось, что все обстоятельства складываются против него, а он слишком слаб, чтобы бороться с ними. Кроме того, почему все в доме и за его стенами пошло наперекосяк именно сейчас, когда он, признав с горем пополам, что его жена умерла, делал все, чтобы дела процветали? Но как раз тогда, когда ему понадобились деньги, чтобы усмирить кредиторов Осборна, урожай оказался необычайно обильным, и цена на зерно упала до уровня, какого не случалось уже на протяжении многих лет. Сквайр застраховал свою жизнь за время женитьбы на очень большую сумму. Эти деньги обеспечили бы его жену, если бы она пережила его, и их маленьких детей. Роджер теперь был единственным адресатом этих капиталовложений, но сквайр не хотел терять страховку, прекратив платить ежегодные взносы. Он бы ни за что не

продал даже малой части своего поместья, которое унаследовал от отца; и, кроме того, оно наследовалось целиком. Иногда он думал, как мудро бы он поступил, если бы продал часть земли, и с деньгами, вырученными от сделки, осушил бы и использовал оставшиеся земли.

Как-то, узнав от соседей, что правительство авансирует дренаж за очень низкий процент на условиях, что работа будет сделана и деньги выплачены в указанное время, его жена настояла, чтобы он воспользовался предложенным займом. Но теперь, когда ее больше не было рядом, и некому было поощрять его и интересоваться, как продвигаются работы, он стал ко всему безразличен и больше не выезжал на своем породном чалом жеребце, выпрямившись в седле, не наблюдал за работниками на заболоченных землях, заросших тростником, не разговаривал с ними время от времени на их собственном грубом и выразительном диалекте. Но процент правительству все равно должен быть выплачен, работают ли люди хорошо или болеют. Потом крыша поместья стала пропускать талый снег, и при осмотре оказалось, что требуется заново перекрыть ее. Люди, приходившие по поводу займов, которые Осборн сделал у лондонских ростовщиков, пренебрежительно отзывались о строевом лесе в поместье: «Очень хорошая древесина... прочная, возможно, пятьдесят лет назад, но теперь она гниет; эти деревья нужно срубить. Разве здесь нет лесника? То ли дело ценности, что предоставил им молодой мистер Хэмли». Их замечания звучали в ушах сквайра. Он любил деревья, под которыми играл мальчиком, словно они были живыми существами; это составляло романтическую сторону его натуры. Глядя на них как на олицетворение стольких фунтов стерлингов, он высоко их ценил, и до сих пор никакое другое мнение не могло изменить его собственное суждение. Поэтому слова оценщиков больно его задевали, хотя он притворялся, что не верит им, и старался убедить себя в этом. Тем не менее, эти заботы и разочарования не имели отношения к источнику его глубокого негодования против Осборна. Нет ничего лучше раненых чувств, чтобы разъесть свою злость. И сквайр верил, что Осборн и его советчики произвели расчеты, основываясь на его собственной смерти. Он так ненавидел эту мысль — она делала его несчастным — что предпочел лелеять несчастную фантазию, что бесполезен в этом мире — рожден под несчастливой звездой — что все идет плохо под его руководством. Но это не сделало его покорным. Он отнес свои неудачи на счет судьбы, а не на свой собственный; и вообразил, что Осборн, его первенец, видя неудачи отца, испытывает к нему неприязнь всю свою жизнь.

Все эти фантазии были бы развеяны, если бы он мог поговорить о них со своей женой; или если бы он привык вращаться в обществе тех, кого считал равными себе; но так сложилось, что он был образован хуже своих товарищей; и возможно, ревность и дурной стыд, что эту неполноценность обнаружили давно, переросли в некоторой степени в чувство, которое он питал к своим сыновьям — менее к Роджеру, чем к Осборну, хотя первый оказался гораздо известнее. Но Роджер был практичным: он интересовался делами поместья, любил слушать подробности домашней жизни, в которых его отец сообщал ему о каждодневных происшествиях, замеченных им в лесу и на полях. Осборн, напротив, был из тех, которых обычно называют «утонченными», изящным до женственности в одежде и манерах; щепетильным в соблюдении ритуалов. Всеми этими качествами его отец гордился в те дни, когда с нетерпением ожидал, что его сын сделает в Кэмбридже блестящую карьеру. В то время он расценивал щепетильность и утонченность Осборна как следующую ступеньку на пути к благородному и выгодному браку, который должен был восстановить прежнее состояние семьи Хэмли. Но теперь Осборн едва ли приобретет себе ученую степень; и все хвастовство его отца отказалось тщетным; щепетильность привела к непредвиденным расходам, а привычки и манеры молодого человека стали предметом беспокойства его отца. Бывая дома, Осборн занимался книгами и сочинительством; а при подобном времяпрепровождении у него находилось всего лишь несколько тем для общения с отцом, когда они встречались за трапезами или по вечерам. Возможно, если бы Осборн проводил больше времени вне стен дома, было бы лучше, но он был недалек от истины и мало интересовался наблюдениями своего брата; в графстве он был знаком всего лишь с несколькими молодыми людьми своего круга; даже охота, которую он страстно любил, в этом сезоне была сокращена, так как его отец избавился от пары охотников, которым прежде разрешал охотиться в своих владениях. Количество лошадей на конюшне уменьшилось, возможно, из-за экономии, которую сквайр с энтузиазмом проводил в жизнь, словно хотел наказать себя и своего непутевого сына. В старом экипаже — тяжелой семейной коляске, купленной в дни относительного процветания — после смерти хозяйки больше не нуждались, и он разваливался на части в затянута паутиной отделении каретного сарая. Лучшую из двух лошадей взяли для кабриолета, на котором теперь разъезжал сквайр, много раз объясняя всем, кто имел желание его слушать, что впервые за многие поколения Хэмли из Хэмли не нужно держать свой собственный экипаж. Другую лошадь отправили пастись, поскольку она была слишком стара для работы.

Завоеватель подходил поржать к парковой изгороди всякий раз, когда замечал сквайра, у которого всегда находился кусочек хлеба, немного сахара или яблоко для своего любимца, а также много жалоб. Он рассказывал немому животному, как изменились времена с тех пор, как они оба были в самом расцвете. В привычку сквайра никогда не входило поощрять своих мальчиков приглашать друзей в поместье. Возможно, причиной тому было смущение, с которым он размышлял о недостатках своих владений и сравнивал их с той роскошью, к какой, как он представлял, эти молодые люди привыкли дома. Пару раз он объяснял это Осборну и Роджеру, когда они учились в Рагби.

- Видите ли, вы, школьники, дружите между собой, а посторонние наблюдают за вами так же, как я наблюдаю за кроликами, и все это не игра. Да, вы можете смеяться, но это так. И ваши друзья косо посмотрят на меня, и никогда не подумают, что моя родословная вдребезги побьет их родословные, клянусь. Нет, в Хэмли Холле не будет никого, кто будет смотреть свысока на Хэмли из Хэмли, даже если он только и знает, как поставить крест вместо имени.

В то время, конечно, они не должны были посещать дома, чьим сыновьям сквайр не мог отплатить или не отплатил гостеприимством. Во всех этих вопросах миссис Хэмли напрасно использовала все свое влияние — предубеждения сквайра были незыблемы. Он непомерно гордился тем, что является главой самого старинного рода в трех графствах, но ему было не по себе в обществе ему равных, у него были несовершенные манеры и недостаточное образование — он слишком болезненно это переживал и слишком смущался, чтобы смириться.

Возьмем, например, одну из множества подобных сцен в отношениях между сквайром и его старшим сыном, которая, если ее нельзя было назвать настоящими разногласиями, показывала, по крайней мере, настоящую отчужденность.

Это случилось мартовским вечером вскоре после смерти миссис Хэмли. Роджер находился в Кэмбридже. Осборна тоже не было дома, и он не сообщил, куда уехал. Сквайр полагал, что он находится в Кэмбридже со своим братом или в Лондоне. Ему хотелось знать, где пропадает его сын, что он делает и с кем встречается, только ради новостей и чтобы немного отвлечься от домашних тревог и забот, которые тяжело на него давили. Но он был слишком горд, чтобы задавать вопросы, а Осборн не сообщил ему никаких подробностей своего путешествия. Это молчание усугубило внутреннее недовольство сквайра, и он пришел домой обедать усталый, с

тяжелым сердцем пару дней спустя после возвращения Осборна. Часы как раз пробили шесть, и он поспешно прошел в свой маленький кабинет на первом этаже, помыв руки, сквайр направился в гостиную, чувствуя, что опаздывает, но комната оказалась пустой. Пытаясь согреть руки у камина, он взглянул на часы на каминной полке. За огнем не следили, и в течение дня он часто потухал. В камине были свалены полусырые поленья, они шипели и дымили вместо того, чтобы гореть ярким пламенем и согревать комнату, по которой во всех направлениях гуляли сквозняки. Часы остановились, никто не вспомнил завести их, но по часам сквайра уже было послеобеденное время. Старый дворецкий просунул голову в комнату, но, увидев, что сквайр один, собрался уйти и подождать прихода мистера Осборна прежде чем объявить, что обед подан. Он надеялся сделать это незаметно, но сквайр заметил его.

- Почему обед не готов? — резко выкрикнул он. — Уже десять минут седьмого. И почему вы используете эти дрова? У такого огня невозможно согреться.

- Думаю, сэр, что Томас...

- Не говори мне о Томасе. Немедленно подавай обед.

Прошло около пяти минут, которые голодный сквайр провел в нетерпении: набросился на Томаса, который пришел присмотреть за камином; постучал по поленьям, высекая из них искры, но тепла от этого не прибавилось; убрал нагар со свечей, ему показалось, что они дают недостаточно света для огромной холодной комнаты. Пока он этим занимался, вошел Осборн, одетый в вечерний сюртук. Он всегда двигался медленно, и это, в первую очередь рассердило сквайра. Затем сквайр заметил безупречный костюм Осборна, и это смутило его, так как сам он был одет в грубый, черный сюртук, серо-коричневые брюки, клетчатый хлопчатобумажный галстук и сапоги, забрызганные грязью. Он посчитал, что Осборн напоказ разodelся в пух и прах, и уже был готов высказать несколько замечаний, когда дворецкий, который еще внизу ожидал появления Осборна перед тем как сделать объявление, пришел сказать, что обед готов.

- Определенно, еще нет шести, — заметил Осборн, вынув свои изящные небольшие часы. Он едва ли осознавал, что гроза уже надвигается.

- Шесть часов?! Уже перевалило за четверть седьмого, — прорычал в ответ отец.

- Полагаю, ваши часы спешат, сэр. Я поставил свои по часам Хорсгардза[1] только два дня назад.

И вот, сомнение в точности этих старинных карманных часов сквайра оказалось одним из тех оскорблений, на которое было неразумно обижаться, но которое нельзя было простить. Эти часы подарил сквайру его отец. Часы были полновластными хозяевами в домах, конюшнях и на кухнях — даже на церкви Хэмли в былые дни. И разве эти ничтожные французские часики, которые уместались в кармане мужского жилета, должны смотреть свысока на часы почтенного возраста, которые вытаскивают с должным эффектом из кармана в пояс брюк? Нет! Нет, даже если бы это ничтожество отставало со всей Королевской конной гвардией, и в придачу с Лейб-гвардейским конным полком. Бедному Осборну следовало бы лучше это знать, прежде чем бросать тень на отцовскую плоть и кровь, ведь отец так дорожил своими часами!

- Мои часы словно я сам, — произнес сквайр, «брюзжа», как бы сказали шотландцы, — просты, но идут точно. Во всяком случае, они правят в моем доме. Король может жить по часам Хорсгардза, если ему нравится.

- Прошу прощения, сэр, — сказал Осборн, пытаясь сохранить спокойствие. — Я живу по своим часам, которые поставлены точно по лондонскому времени. Я не представлял, что вы меня ждете, иначе бы оделся намного быстрее.

- Я так и думал, — ответил сквайр, насмешливо оглядывая одежду сына. — Когда я был молод, я стыдился проводить столько времени перед зеркалом, словно девушка. Я мог сделать из себя умника, как любой другой, когда ходил танцевать или на вечер, где я, похоже, мог встретить прелестных девушек. Но я бы презирал себя, если бы вертелся перед зеркалом, глупо улыбаясь собственной красоте и все ради собственного удовольствия.

Осборн покраснел и был уже готов отпустить какое-нибудь ироничное замечание по поводу одежды отца, но сдержался и сказал, понизив голос:

- Моя мать всегда ждала, что мы переоденемся к обеду. Я ввел это в привычку, чтобы доставить ей удовольствие, ее я и придерживаюсь сейчас, — он, в самом деле, хранил верность ее памяти, соблюдая все мельчайшие домашние традиции и обычаи. Но сравнение, на которое намекнул Осборн своим замечанием, вывело его из себя.

- И я тоже стараюсь, чтобы ее желания соблюдались. Я делаю и более важные вещи. Я делал их, когда она была жива, как делаю и сейчас.

- Я не говорил, что вы не делаете, — возразил Осборн, пораженный пылкими словами и тоном отца.

- Нет, вы сказали, сэр. Вы это имели в виду. Я понял это по вашему

взгляду. Я видел, как вы смотрите на мой утренний сюртук. Во всяком случае, я никогда не противился ее желаниям, когда она была жива. Если бы ей захотелось, чтобы я снова пошел в школу и выучил азбуку, я бы это сделал. ... я бы сделал, и я бы не вел себя легкомысленно и не проводил праздное время из страха обеспокоить и разочаровать ее. Все же родители старше школьников... — сквайр задохнулся здесь, но хотя слова не шли у него с языка, его гнев не уменьшился. — Я не позволю вам напоминать мне о желаниях вашей матери, сэр. Именно вы приехали разбить ей сердце.

Осборн испытал неодолимое желание встать и выйти из комнаты. Возможно, было бы лучше, если бы он так поступил, это могло бы привести к объяснению и примирению между отцом и сыном. Но он посчитал, что ему лучше сидеть спокойно и не обращать внимания. Подобное безразличие, казалось, больше всего раздражало сквайра, и он продолжал ворчать и говорить сам с собой, пока Осборн, не в состоянии больше это выносить, не сказал очень тихо, но с большой горечью:

- Я только вызываю ваше недовольство, дом перестал быть для меня домом, это лишь место, где меня контролируют по пустякам и распекают по пустякам, словно я маленький ребенок. Предоставьте мне самому зарабатывать на жизнь — только об этом ваш старший сын имеет право просить — тогда я покину этот дом, и вам больше не будет досаждать моя одежда или отсутствие пунктуальности.

- Вы просите меня почти так же, как давно просил другой сын: «Дай мне причитающуюся мне часть имения»[2]. Но я не думаю, что одобряю то, что он сделал с деньгами..., - и тут мысль, как мало он может дать сыну от «причитающегося» ему, или части от этого, остановила сквайра.

Осборн заговорил:

- Как любой другой я готов зарабатывать на жизнь. Только обучение профессии будет стоить денег, а денег у меня нет.

- Как и у меня, — коротко ответил сквайр.

- И что тогда делать? — спросил Осборн, только отчасти поверив словам отца.

- Тогда вам стоит научиться оставаться дома и не предпринимать дорогих путешествий; и вы должны выплатить счета портным. Я не прошу вас, чтобы вы помогали мне управлять имением — вы слишком утонченный джентльмен для этого. Но если вы не можете заработать денег, по крайней мере, вам не стоит их тратить.

- Я говорил вам, мне очень хочется зарабатывать деньги, — пылко вскричал Осборн. — Но как мне это сделать? Вы, право слово, очень неразумны, сэр.

- Я? — холодно переспросил сквайр, тогда как Осборн распалялся. — Но меня не готовили быть разумным: маловероятно, что люди, которые вынуждены платить деньги за своих расточительных сыновей, разумны. Есть две вещи, которые вы пошли и сделали, и которые выводят меня из себя, когда я думаю о них: вы недалеко ушли от тупиц в колледже, когда ваша бедная мать так много думала о вас, и когда бы вы могли доставить ей удовольствие и обрадовать ее, если бы захотели... и, что ж! Мне не хочется говорить, какая вторая вещь.

- Скажите мне, сэр, — произнес Осборн, почти не дыша от мысли, что отец узнал о его тайной женитьбе; но отец думал о ростовщиках, которые высчитывали, как скоро Осборн сможет вступить во владение имением.

- Нет! — ответил сквайр. — Я знаю то, что знаю. И я не собираюсь рассказывать вам, как я это узнал. Я только скажу вот что — ваши друзья смыслят в хорошей древесине не больше вашего, и я знаю, как вы могли бы заработать пять фунтов, если бы они спасли вас от голода. Вот Роджер — никто из нас не поднимал вокруг него много шума, а теперь у него есть стипендия, теперь я ручаюсь, он стал бы епископом, ректором или кем-нибудь еще, прежде чем мы бы узнали, какой он умный — мы столько времени думали о вас. Я не знаю, почему у меня выходит говорить «мы» — «мы» в этом случае, — произнес он внезапно дрогнувшим голосом — его голос стал совсем унылым. — Мне следовало бы сказать «я», с этих пор на этом свете буду только «я».

Он встал и поспешно вышел из комнаты, опрокинув стул, и даже не остановился, чтобы поднять его. Осборн, который сидел, прикрыв глаза рукой, как делал это уже некоторое время, взглянул на источник шума, затем быстро поднялся и поспешил за отцом, но, дойдя до кабинета только услышал, как дверь заперли изнутри.

Осборн вернулся в столовую разочарованный и печальный. Но он всегда был чувствителен к любому несоблюдению привычных ритуалов, что могло бы вызвать замечания. И даже с тяжелым сердцем он позаботился поднять упавший стул и поставить его на место у стола, а после этого привел в беспорядок блюда, чтобы сделать вид, что к ним прикасались, прежде чем позвонить Робинсону. Когда последний вошел, за ним последовал Томас, Осборн подумал, что необходимо сказать ему, что отец неважно себя чувствует, и ему пришлось уйти в кабинет, и что ему самому не хочется десерта, но он бы выпил кофе в гостиной. Старый дворецкий отослал Томаса из комнаты и по секрету обратился к Осборну.

- Я подумал, что хозяин совсем не в себе перед обедом, мистер

Осборн. Поэтому я извинился перед ним. Он выговаривал Томасу по поводу камина, сэр, с чем я никоим образом не смирился бы, если бы не болезнь, которую я всегда готов принимать во внимание.

- Почему отцу не следовало говорить с Томасом? — спросил Осборн. — Но, возможно, он говорил гневно, поскольку неважно себя чувствует.

- Нет, мистер Осборн, не из-за этого. Меня самого довели до злости; и я одарен хорошим здоровьем, как любой в моем возрасте. Кроме того, Томасу не помешает гнев. Ему нужна встряска. Но она должна поступать с правильной стороны... и это с моей, мистер Осборн. Я знаю свое место, я знаю свои права и обязанности так же, как и любой другой дворецкий. И это в мои обязанности входит распекать Томаса, а не в хозяйские. Хозяин должен был сказать: «Робинсон! Ты должен поговорить с Томасом, чтобы камин не затухал», и я бы довел его до ума... как я сделаю сейчас. Но как я сказал ранее, я извинился перед хозяином, за то что страдаю душевно и болен телесно. Поэтому я убедил себя не делать предупреждений, как я бы сделал, например, при счастливых обстоятельствах.

- Я думаю, Робинсон, все это чепуха, — ответил Осборн, устав от длинной истории, которую рассказал ему дворецкий, и которую он невнимательно слушал. — Разве так уж важно, говорит мой отец с Томасом или нет? Принеси мне кофе в гостиную, и больше не забивай себе голову руганью с Томасом.

Робинсон ушел, обидевшись, что его жалобу назвали чепухой. Он продолжал бормотать про себя, временами ругая Томаса и говоря: — С тех пор, как бедная хозяйка умерла, все изменилось. Я не удивляюсь, что чувствует хозяин, потому что я это чувствую. Она была леди и всегда с уважением относилась к должности дворецкого, и могла понять, как он может быть ранен в душе. Она бы никогда не назвала деликатность его чувств чепухой, не она, и не мистер Роджер. Он простой молодой человек, хотя чрезмерно любит приносить в дом грязных и скользких тварей. Но он всегда найдет доброе слово для человека, у которого рана в душе. Он бы подбодрил сквайра, с ним бы он не был таким сердитым и несговорчивым. Как бы мне хотелось, чтобы мистер Роджер был здесь.

Бедный сквайр заперся со своим горем и раздражительностью в грязном, мрачном кабинете, в котором он изо дня в день проводил все больше времени, чем вне дома, перебирая свои заботы и неприятности, пока его не затягивал сам процесс, как белку, должно быть, очаровывает бег по кругу в клетке. Он достал журналы и грессбухи, подсчитывал арендную плату и каждый раз итоговые суммы оказывались разными. Он

мог бы закричать, как ребенок над примером, но он был измотан и устал, зол и разочарован. Наконец, он захлопнул книги.

- Я старею, — заметил он, — моя голова не такая ясная, как раньше. Думаю, скорбь по ней потрясла меня. Я никогда не кичился этим, но она много думала обо мне — благослови ее бог. Она никогда не позволяла мне называть себя глупым, но, несмотря на это, я глуп. Осборну следовало помочь мне. Он достаточно тратил денег на учебу, но вместо этого стал одеваться, как щеголь, и никогда не утруждал себя подумать, как мне придется оплачивать его долги. Мне надо было сказать ему, чтобы он зарабатывал себе на жизнь как учитель танцев, — сказал сквайр, печально улыбнувшись своей шутке. — Он одевается точь-в-точь, как тот. И никто не знает, как он тратит деньги! Возможно, и Роджер в один из дней вернется, ведя за собой по пятам кучу кредиторов. Нет, только не Роджер, он может быть медлительным, но он надежен, старина Роджер. Если бы он был здесь. Он не старший сын, но он проявляет интерес к поместью, и он сделает для меня эти утомительные подсчеты. Если бы Роджер был здесь!

[1] Хорсгардз — здание в Лондоне; по традиции, там несут караульную службу гвардейцы Королевского конногвардейского полка.

[2] Евангелие от Луки. Гл. 15:12

Глава XXIII

Осборн Хэмли обдумывает свое положение

Осборн в одиночестве пил кофе в гостиной и думал о состоянии своих дел. В своем роде он тоже был очень несчастлив. Осборн не совсем понимал, насколько сильно его отец стеснен в наличных средствах, сквайр никогда не говорил с ним на эту тему без того, чтобы не рассердиться. Многие из его обвинений сын объяснял преувеличением чувств. Но молодой человек возраста Осборна достаточно неловко себя чувствовал, поскольку ему постоянно мешала нехватка денег. Основные припасы для щедрого, почти роскошного стола в Хэмли Холле поступали из поместья; а так как хозяйство велось исправно, то следов бедности не было видно; и до тех пор, пока Осборн жил на домашнем довольствии, у него было все, что он пожелает. Но где-то у него была жена — ему постоянно хотелось ее видеть — поэтому он был вынужден часто уезжать. Ее, бедняжку, нужно было поддерживать. Но где взять денег для поездок и для скромных потребностей Эмэ? Сейчас этот вопрос ставил Осборна в тупик. Пока он учился в колледже, его денежное пособие как наследника Хэмли

составляло триста фунтов, в то время как Роджер довольствовался суммой на сотню меньше. Выплаты этих ежегодных сумм доставляли сквайру много забот, но он считал это временным неудобством — возможно, считать так было неразумно. Осборн должен был совершить великие дела: добиться большого почета, получить стипендию, жениться на наследнице с длинной родословной, жить в пустующих комнатах особняка и помогать сквайру управлять поместьем, которое со временем станет его собственностью. Роджер должен был стать священником; надежный, медлительный Роджер подходил для этой профессии, и когда он отказался от роли пастыря, предпочтя жизнь более активную и полную приключений, он стал для отца всем. Он был практичным, и легко справлялся со всеми занятиями, которые были предназначены Осборну, и от которых Осборн отгораживался во имя своей чувствительности и мнимого таланта. Хорошо, что Осборн родился старшим сыном, поскольку он никогда бы не смог бы зарабатывать на жизнь трудом: это была бы бессмысленная и бесполезная трата сил. Но теперь ему перестали выплачивать денежное содержание. Благодаря усилиям матери он аккуратно получал свои деньги последние два года, но ныне ни отец, ни сын не заговаривали о возобновлении выплат. Денежный вопрос был слишком болезненным для них обоих, чтобы его обсуждать. Время от времени сквайр подбрасывал сыну десятифунтовую банкноту, но подавляемое недовольство, с которым вручались эти деньги, и полная неопределенность, когда он их сможет получить в следующий раз, делали виды Осборна на будущее смутными и неопределенными.

«Что, в конце концов, мне сделать, чтобы обеспечить себе доход?» — думал Осборн, стоя на каминном коврике, спиной к пылающему огню; кофейная чашка, что ему принесли, была из редкого китайского фарфора, принадлежавшего семье многие поколения; в его одежде не было изъянов, поскольку одежда Осборна просто не могла быть неопрятной. Едва ли можно было подумать, что этот элегантный молодой человек, стоящий среди комфорта, граничащего с роскошью, раздумывает, где достать хоть какие-то средства на жизнь, но все так и было. «Что мне сделать, чтобы быть уверенным в своем доходе? Так больше не может продолжаться. Мне нужна поддержка в течение двух-трех лет, даже если я поступлю в Темпл [1] или Линкольнз Инн [2]. Невозможно будет прожить на мое жалованье в армии, кроме того, я бы возненавидел эту профессию. Во всех профессиях присутствует зло — я не могу обречь себя на какое бы то ни было из занятий, о которых я слышал. Возможно, я больше подхожу для того, чтобы стать священником, чем для чего-либо еще, но это значит писать

еженедельные проповеди, несмотря на то, есть ли у тебя что сказать или нет, и, возможно, общаться с людьми, совершенно необразованными! И, тем не менее, у бедной Эме должны быть деньги. Мне невыносимо думать, что здешние столы ломятся от мяса, дичи и сладостей, поскольку Морган будет продолжать присылать их, а у Эме на обед две бараньи отбивные. Что сказал бы мой отец, если бы узнал, что я женат на француженке? В своем нынешнем настроении он лишил бы меня наследства, если бы это было возможно; и стал бы говорить о ней таким тоном, который мне было бы нестерпимо слушать. К тому же она католичка! Но я не раскаиваюсь. Я бы снова это сделал. Только если бы моя мать была в добром здравии, если бы она услышала мою историю и узнала Эме! А раз так, я должен сохранить тайну, но где взять денег? Где взять денег?»

Затем он подумал о своих стихах — можно ли их продать, чтобы получить за них деньги? Несмотря на пример Милтона, он решил, что можно, и ушел, чтобы принести рукописи из своей комнаты. Он сел у камина, стараясь изучить их критическим взглядом, чтобы, насколько возможно, представить себе, каково будет мнение общества. Он изменил свой стиль со времен миссис Хеманс[3]. Его поэтический дар был чрезвычайно подражателен; а последнее время он следовал образцам популярного автора сонетов. Он перелистывал стихи, они были равносильны автобиографии. Расставленные в нужном порядке, они являли собой краткий очерк его душевной жизни за последнее время:

«Эме, гуляющей с ребенком».

«Эме, поющей за работой».

«Эме, отвернувшейся от меня, когда я говорил о своей любви».

«Признание Эме».

«Эме в отчаянии».

«Незнакомая страна, где живет моя Эме».

«Обручальное кольцо».

«Жена».

Дойдя до своего последнего сонета, он отложил пачку бумаги и задумался. «Жена». Да, французская жена и католичка — и жена, о которой можно сказать, что она была в услужении! И его отец ненавидел французов, всех вместе и по отдельности — всех вместе, как шумных, жестоких головорезов, которые убили своего короля, и совершали разные кровавые злодеяния; по отдельности — как представителей Бони и различных пародий на Джонни Лягушатника[4], что были распространены

около двадцати пяти лет назад, когда сквайр был еще молод и впечатлителен. А что касается религии, в которой воспитывали миссис Осборн Хэмли, достаточно сказать, что некоторые политики начали говорить о католической свободе,[5] и что большинство англичан, услышав об этом, роптали. Осборн хорошо знал, что одно упоминание об этом перед сквайром было равносильно сотрясанию красной тряпкой перед быком.

И затем он подумал, что если бы Эме выпало невыразимое, несравнимое благо родиться у английских родителей в самом сердце Англии — где-нибудь в Уорвикшире, например, — и она бы никогда не слышала о священниках, мессах и исповедях, или о Папе Римском, или о Гае Фоксе, но родилась бы и была воспитана в английской церкви, даже не видя фасадов сектантских молитвенных домов или католических часовен — даже со всеми этими преимуществами она осталась бы только няней, которой платили жалованье раз в четыре месяца, которую были обязаны уволить, предупредив за месяц, которой выдавали чай и сахар, что стало бы таким потрясением для старинной, фамильной отцовской гордости, что он едва ли пришел бы в себя.

«Если бы я увидел ее!» — думал Осборн. — «Если бы я только мог увидеть ее!» Но если бы сквайру пришлось увидеть Эме, он бы так же услышал ее прелестный ломаный английский — бесценный для ее мужа, поскольку именно на нем, отрывисто произнося английские слова, она призналась, что глубоко любит его всем своим французским сердцем — а сквайр Хэмли гордился тем, что он ярый ненавистник французского. «Она бы стала такой любящей, милой дочерью моему отцу — она бы, как никто другой, смогла бы заполнить пустоту в этом доме, если бы он мог привезти ее, но он не может. Он никогда не сможет. И у него не будет возможности разыскать ее. И все же, если бы в этих сонетах я назвал ее «Люси»[6], и если бы они произвели большой эффект — были расхвалены у Блэквуда и в «Квотерли» [7] — и весь свет сгорал бы от нетерпения узнать, кто автор, и я бы рассказал ему свою тайну — я смог бы, если бы я добился успеха... я думаю, тогда бы он спросил, кто такая Люси, и я смог бы все ему рассказать. Если бы... как я ненавижу «если». Если бы не «если». Моя жизнь основана на «когда»; и сначала оно превращается в «если», а затем исчезает. Сначала было «когда Осборн добьется награды», затем «если Осборн», а потом все закончилось неудачей. Я сказал Эме, «когда моя мама увидит тебя», а теперь оно превратилось в «если мой отец увидит ее» с очень призрачной надеждой, что когда-нибудь это произойдет». Поэтому в вечерние часы Осборн предался подобной задумчивости; и, наконец, внезапно решил испытать судьбу своих стихов, отдав их издателю, явно

ожидая получить за них деньги, и втайне желая, что если попытка окажется успешной, это поможет сотворить чудо с его отцом.

Когда Роджер приехал домой, не прошло и дня, как Осборн рассказал ему о своих планах. Он никогда ничего долго не скрывал от Роджера, его женственная натура всегда заставляла искать наперсника и утешения. Но мнение Роджера не влияло на поступки Осборна, и Роджер знал это довольно хорошо. Поэтому, когда Осборн начал говорить: — «Мне нужен совет по поводу плана, который зародился у меня в голове». Роджер ответил: — «Я слышал, что принципом герцога Веллингтона было не давать советов, если он не заставит привести его в исполнение. Но я не могу это сделать. И тебе известно, старина, что когда ты получаешь от меня совет, ты ему не следуешь».

- Я знаю, не всегда. Когда он идет вразрез с моим мнением. Ты думаешь о том, что я скрываю свою женитьбу, но ты не знаешь всех обстоятельств. Ты знаешь, что я, в самом деле, намеревался сообщить о ней, если бы не всплыла целая череда моих долгов, затем болезнь моей матери и смерть. А сейчас ты не имеешь понятия, как изменился отец — каким раздражительным он стал! Подожди, пока пробудешь дома неделю! Робинсон, Морган — с ними он все тот же, но хуже всего со мной!

- Бедняга! — произнес Роджер. — Я думал, он ужасно изменился внешне, съезжился и уже не такой румяный.

- Что неудивительно, он едва ли занимается половиной тех дел, которые привык выполнять. Он прогнал всех людей с новых работ, которыми обычно так интересовался. Потом чалый жеребец однажды под ним споткнулся и почти сбросил его. Он не станет больше на нем ездить. И, тем не менее, он не продаст его и не купит другого, что было бы разумным решением. Зато есть две старые лошади, которые едят больше, чем работают, тогда как он постоянно говорит о деньгах и расходах. И это убеждает меня в том, что я собираюсь сказать. Я отчаянно нуждаюсь в деньгах, поэтому собрал свои стихи — тщательно их проверил, ты знаешь — просмотрел их критически, и хочу знать, как ты думаешь, опубликует ли их Дейтон? У тебя есть репутация в Кэмбридже, я полагаю, что он посмотрит их, если ты их ему предложишь.

- Я могу лишь попытаться, — ответил Роджер, — но боюсь, за них ты много не получишь.

- Я и не жду многого. Я — новичок и должен сделать себе имя. Я бы согласился на сотню. Если бы я получил сотню фунтов, я смог бы начать чем-то заниматься. Мне нужно содержать себя и Эме своими сочинениями,

пока я учусь на адвоката. Или если случится худшее, сотня фунтов поможет нам уехать в Австралию.

- Австралию?! Осборн, что ты будешь там делать? Оставишь отца! Я надеюсь, ты никогда не получишь сто фунтов, если это то, на что ты собираешься их потратить! Ты разобьешь сердце сквайра.

- Однажды это может произойти, — мрачно ответил Осборн, — почему бы не сейчас. Он смотрит на меня косо и избегает разговаривать со мной. Предоставь мне самому замечать и чувствовать подобные вещи. Именно эта восприимчивость к окружающему миру наделяет меня моим даром. И мне кажется, будто бы наше с женой благополучие зависят от него. Ты скоро увидишь, какие у нас с отцом отношения.

И Роджер вскоре увидел. У его отца обнаружилась привычка молчать за столом во время трапез — привычка, которую обеспокоенный и встревоженный своими проблемами Осборн, не пытался нарушить. Отец и сын сидели вместе и вели неизбежные разговоры, но для них было большим облегчением, когда их общение заканчивалось и они расходились — отец предаваться своему горю и разочарованию, которое было неподдельным и достаточно глубоким, однако не совсем справедливым. Если ростовщики, заключая свои сделки, просчитывали, сколь долго еще проживет его отец, то сам Осборн думал только о том, как быстро и как легко обманом можно добыть деньги, необходимые для того, чтобы освободить его от всех долгов в Кэмбридже и для того, чтобы он смог проводить Эме домой в Эльзас и для последующей женитьбы. До сих пор Роджер не видел жену брата, ему были доверены все тайны только после того, как все было решено. А теперь в вынужденной разлуке все думы Осборна, и поэтические и практические, касались молодой жены, которая в одиночестве жила в сдаваемом в наем фермерском доме, гадая, когда ее новобрачный муж приедет в следующий раз. Неудивительно, поэтому, что он неосознанно игнорировал отца.

- Я могу войти и выкурить с вами трубку, сэр? — спросил Роджер в первый вечер, мягко приоткрывая дверь кабинета, которую его отец открыл всего лишь наполовину.

- Тебе не понравится, — ответил сквайр, все еще придерживая дверь, но тон его слов смягчился. — Табак, который я курю, не нравится молодым. Лучше пойди и выкури сигару с Осборном.

- Нет. Я хочу посидеть с вами, я смогу выдержать крепкий табак.

Роджер толкнул дверь, сопротивление медленно отступало.

- Вся твоя одежда пропахнет табаком. Тебе придется одолжить у

Осборна духи, чтобы освежить ее, — безжалостно произнес сквайр, в то же время протягивая сыну короткую, изящную, с янтарным мундштуком трубку.

- Нет. У меня будет длинная курительная трубка. Отец, неужели вы думаете, что я младенец, чтобы возиться с подобной игрушкой? — спросил Роджер, разглядывая на ней резьбу.

В душе сквайр был доволен, хотя предпочел этого не показывать. Он только сказал:

- Осборн привез ее мне, когда вернулся из Германии. Это было три года назад.

Затем некоторое время они курили в молчании. Но общество сына очень успокаивало сквайра, хотя он ни словом об этом не обмолвился. Немного погодя он произнес:

- Многое появляется и исчезает в жизни человека за три года — я это выяснил, — и он снова затянулся трубкой.

Пока Роджер раздумывал над тем, какой ответ дать на эту известную истину, сквайр отложил трубку и сказал:

- Я помню, где-то читал, какой переполох произвел принц Уэльский, собираясь стать регентом — по-моему, об этом писали в газете — что короли и их прямые наследники всегда были в плохих отношениях. Осборн тогда был совсем маленьким: он обычно выезжал со мной на Белой Суррей. Ты помнишь пони, которую мы звали Белая Суррей?

- Я помню ее. Но в те дни она мне казалась высокой лошастью.

- А! Это потому что ты был таким маленьким мальчиком. Тогда у меня в конюшне было семь лошадей, не считая лошадей на ферме. Я не помню, чтобы тогда у меня были заботы, кроме... у нее всегда было хрупкое здоровье, ты знаешь. Но каким прекрасным мальчиком был Осборн! Его всегда одевали в черный бархат, это было щегольство, но я тут ни при чем, и это было правильно, я уверен. Он красивый парень, но солнце сошло с его лица.

- Он очень тревожится из-за этих денег, и из-за беспокойства, что доставил тебе, — сказал Роджер.

- Только не он, — ответил сквайр, вынимая трубку изо рта и вытряхивая ее о решетку камина с такой силой, что она раскололась на куски. — Ну вот! Но не тревожься! Я сказал, только не он, Роджер! Он не из тех, кто беспокоится о деньгах. Легко достать деньги у евреев, если ты старший сын и наследник. Они просто спрашивают: «Как стар твой отец, у него был удар или приступ?» и дело улаживают немедленно, затем они

отправляются бродить туда, куда их не звали, порочат строевой лес и землю... Давай не будем говорить о нем, это не хорошо, Роджер. Мы с ним не в ладах, и мне кажется, что только Господь Всемогущий мог бы направить нас на путь истинный. От того, что я думаю о том, как он печалится по ней, в конце концов, мне делается еще горше. И все же в нем столько хорошего! Он такой быстрый и умный, если бы только всерьез взялся за дело. Ты всегда был медлительным, Роджер... все твои учителя обычно так говорили.

Роджер рассмеялся:

- Да, в школе мне нередко доставалось за свою медлительность, у меня было много прозвищ.

- Не переживай! — сказал сквайр. — Уверяю тебя, я не переживаю. Если бы ты был таким же умным, как Осборн, ты бы интересовался только книгами и сочинительством, и, возможно, ты бы тоже, как он, посчитал скучной компанию такого неотесанного мужлана, как я. И все же я полагаю, о тебе много думают в Кэмбридже, — продолжил он, помолчав, — с тех пор, как ты получил эту прекрасную степень по математике. Я почти забыл, что... новости пришли в такое несчастливое время.

- Ну да. Они всегда гордятся старшим рэнглером года в Кэмбридже. В следующем году я должен отказаться от этого звания.

Сквайр сел и уставился на угли, все еще держа в руках бесполезный черенок. Наконец он произнес тихим голосом, словно боялся, что его подслушивают:

- Я обычно писал ей, когда она уезжала в Лондон, и рассказывал ей домашние новости. Но теперь письма не дойдут до нее. Ничто не дойдет до нее.

Роджер вскочил.

- Где коробка с табаком, отец? Позвольте мне наполнить другую трубку! — наполнив трубку, он наклонился над отцом и погладил его по щеке. Сквайр покачал головой.

- Ты только что приехал домой, парень. Ты не знаешь меня, каким я стал теперь! Спроси Робинсона... мне не хочется, чтобы ты расспрашивал Осборна, ему следует оставить это при себе... но кто-нибудь из слуг расскажет тебе, что я не похож на прежнего из-за того, что прихожу в ярость. Меня обычно считали хорошим хозяином, но теперь это прошло. Когда-то Осборн был маленьким мальчиком, и она была жива... когда-то я был хорошим хозяином... хорошим хозяином... да! Теперь все это прошло.

Он взял свою трубку и начал снова пускать дым, и Роджер, помолчав

несколько минут, начал длинную историю о каком-то студенте из Кэмбриджа, с которым случилось несчастье на охоте, и рассказывал это с таким юмором, что заставил сквайра от души посмеяться. Когда они поднялись, чтобы отправиться спать, отец сказал Роджеру:

- Что ж, мы провели приятный вечер... по крайней мере, я. Но ты, возможно — нет, я знаю, что я плохая компания.

- Я не помню, когда я проводил более приятный вечер, отец, — ответил Роджер. И он говорил искренне, хотя не задумывался о причинах своего счастья.

[1] Темпл — школа подготовки барристеров.

[2] Линкольнз Инн — одна из четырёх английских школ подготовки барристеров.

[3] Фелиция Доротея Хеманс — английская поэтесса (1793–1835).

[4] Бони... Джонни Лягушатника — Бони — шутливое прозвище Наполеона Бонапарта; Джонни Лягушатник — прозвище, данное французам английскими матросами.

[5] Католическая свобода — движение по освобождению католиков от их общественной и религиозной беспомощности. Когда в 1829 г. издали «Билль о католической свободе», это вызвало много враждебности и жестокости.

[6] Люси — возможно намек на поэму Водсворта «Люси»

[7] Эдинбургский журнал Блэквуда (Blackwood's Edinburgh Magazine) — основан в 1817 г. и «Квотерли Ревью» (Quarterly Review) — основан в 1809 г. — влиятельные ежемесячные журналы.

Глава XXIV

Скромный обед миссис Гибсон

Все это произошло перед первой встречей Роджера с Молли и Синтией у мисс Браунинг и до того, как в пятницу состоялся долгожданный скромный обед у мистера Гибсона.

Миссис Гибсон рассчитывала, что этот обед окажется для младших Хэмли приятным событием, так и произошло. Мистеру Гибсону нравились эти молодые люди не только из-за их родителей, но и сами по себе, поскольку он знал их с пеленок. А к тем, кто ему нравился, мистер Гибсон относился со всей любезностью. Миссис Гибсон оказала им радушный

прием, а сердечность хозяйки — очень подходящий покров для сокрытия других недостатков. Синтия и Молли выглядели превосходно, это все, что потребовала от них миссис Гибсон, поскольку желала принять деятельное участие в разговоре. Конечно, Осборну выпало разделить с ней ее участь, и некоторое время они щебетали, соблюдая все принятые манеры и произнося банальности, без которых не обходится «искусство светской беседы». Роджер, которому следовало бы угождать то одной, то другой молодой девушке, был всецело поглощен тем, что рассказывал ему мистер Гибсон о статье по сравнительной остеологии [1] из какого-то иностранного научного журнала, который лорд Холлингфорд по привычке посылал своему другу, деревенскому доктору. И, тем не менее, время от времени, он отвлекался, рассматривая лицо Синтии, сидевшей между его братом и мистером Гибсоном. Она не особенно следила за всем, что происходило за столом, ее веки были опущены, а прекрасные длинные ресницы отбрасывали тень на округлые щеки, когда она крошила на скатерти хлеб. Она думала о чем-то своем, Молли изо всех сил пыталась понять, о чем. Внезапно Синтия подняла глаза и поймала пристальный взгляд Роджера, полный восхищения, слишком явного, чтобы не понять, что оно предназначалось ей. Она слегка покраснела, но как только первое смущение от его явного восхищения прошло, она бросилась в наступление.

- Совершенно верно, — сказала она ему, — я была невнимательна. Я не знаю даже азов науки. Но, пожалуйста, не смотрите на меня так сурово, даже если я неуч.

- Я не знаю... я не хотел смотреть так сурово, уверяю вас, — ответил он, не зная точно, что сказать.

- Синтия вовсе не неуч, — заметила миссис Гибсон, опасаясь, как бы мнение дочери о самой себе не восприняли всерьез. — Но я всегда замечала, что у одних есть талант к одному, а у других — к другому. Таланты Синтии не в науке и в серьезных предметах. Ты помнишь, дорогая, сколько хлопот мне доставило научить тебя пользоваться глобусом?

- Да, я до сих пор не различаю долготу и широту. Меня всегда озадачивало, какая из них перпендикулярная, а какая горизонтальная.

- Тем не менее, уверяю вас, — продолжила ее мать, скорее обращаясь к Осборну, — что она изумительно запоминает стихи. Я слышала, как она читает «Шильонского узника» [2] с начала до конца.

- Думаю, нам будет довольно скучно слушать, как она читает, — заметил мистер Гибсон, улыбаясь Синтии, которая посмотрела на него взглядом обоюдного понимания.

- Ах, мистер Гибсон, я уже поняла, что у вас не лежит душа к поэзии, а Молли — ваше собственное дитя. Она читает такие серьезные книги — все о явлениях и вычислениях, со временем она превратится в синий чулок.

- Мама, — сказала Молли, краснея, — вам кажется, что это серьезная книга, потому что в ней описываются разнообразные ячейки в сотах пчел. Но она вовсе не такая серьезная. Она очень интересная.

- Не волнуйтесь, Молли, — сказал Осборн. — Я поддерживаю синих чулков.

- А я возражаю против разграничения, о котором вы говорите, — сказал Роджер. — Книга не серьезная, ergo[3], очень интересная. И все же, книга может быть серьезной и интересной.

- Если вы собираетесь спорить и использовать латынь, я думаю, что нам пора покинуть комнату, — ответила миссис Гибсон.

- Давайте не будем убегать, мама, словно нас покусали, — сказала Синтия. — Хотя это может быть логично, я, например, могу понять, что только что сейчас сказал мистер Роджер Хэмли. И я прочитала какую-то книгу Молли, и неважно, серьезная она или нет, мне она показалась интересной — намного интересней, чем для меня оказался «Шильонский узник». Я переставила «Узника», чтобы освободить место для «Джонни Джилпина»[4], моей любимой поэмы.

- Как ты можешь говорить такую чепуху, Синтия? — спросила миссис Гибсон, когда девушки следовали за ней вверх. — Тебе известно, что ты не неуч. Очень хорошо не быть синим чулком, потому что благородным людям не нравятся подобные женщины, но принижать себя и противоречить всему тому, что я рассказала о твоей любви к Байрону, поэтам и поэзии... и к тому же перед самым Осборном Хэмли.

Миссис Гибсон говорила довольно сердито.

- Но мама, — ответила Синтия, — я либо неуч, либо нет. Если да, то я поступила правильно, признав это. А если нет, то он болван, если не понял, что я шучу.

- Что ж, — произнесла миссис Гибсон, немного озадаченная этими словами, и, желая, чтобы их пояснили.

- Только если он болван, то его мнение обо мне ничего не стоит. Поэтому, в любом случае, это ничего не значит.

- Ты очень озадачила меня своей чепухой, дитя. Молли стоит двадцати таких, как ты.

- Я вполне согласна с тобой, мама, — призналась Синтия, поворачиваясь и беря Молли за руку.

- Да, но ей не следует такой быть, — сказала миссис Гибсон, все еще

раздраженно. — Подумай, какие у тебя есть преимущества.

- Боюсь, я бы скорее предпочла быть неучем, чем синим чулком, — сказала Молли, это определение немного обеспокоило ее и все еще терзало.

- Тише! Они идут, я слышу, как хлопнула дверь столовой. Я никогда не считала тебя синим чулком, дорогая, поэтому не сердись. Синтия, милая, где ты достала эти прекрасные цветы... кажется, анемоны? Они тебе так к лицу.

- Давай, Молли, не будь такой серьезной и задумчивой, — воскликнула Синтия. — Разве ты не понимаешь, что маме хочется, чтобы мы улыбались и выглядели привлекательными.

Мистеру Гибсону пришлось уехать к пациентам, а молодые люди были только рады подняться в уютную гостиную. Там ярко горел камин, стояли небольшие удобные кресла, которые при небольшом количестве гостей можно было расставить вокруг очага. Добродушная хозяйка, милые, приятные девушки. Роджер неторопливо прошел в угол, где стояла Синтия, играя с экраном.

- В Холлингфорде скоро будет благотворительный бал? — спросил он.

- Да, в пасхальный вторник, — ответила она.

- Вы идете? Я имею в виду именно вас.

- Да, мама собирается взять меня и Молли.

- Вам очень понравится... что вы пойдете вместе?

Впервые за время этого короткого разговора она взглянула на него — настоящее, неподдельное удовольствие светилось из ее глаз.

- Да, то, что мы пойдем вместе, сделает вечер приятным. Без нее было бы скучно.

- Вы с ней большие друзья? — спросил он.

- Я никогда не думала, что могу кого-то полюбить так сильно... я имею в виду девушку.

Она вложила в последнюю оговорку все простодушие сердца, и со всем простодушием он понял это. Он подошел чуть ближе и немного понизил голос.

- Мне так хотелось знать. Я так рад. Я часто задавал себе вопрос, как вы поладите.

- Неужели? — спросила она, снова взглянув на него. — В Кэмбридже? Должно быть, вы очень любите Молли.

- Да. Она долго жила с нами, и в такое время. Я считаю ее почти сестрой.

- А она очень любит всех вас. Кажется, я узнала вас всех, слушая, как

она много говорит о вас. О всех вас! — повторила она, делая ударение на слове «всех», чтобы показать, что это относится, как к мертвым, так и живым. Роджер молчал минуту или две.

- Я не был знаком с вами даже понаслышке. Поэтому вы не должны удивляться, что я немного боялся. Но как только я увидел вас, я узнал, как это должно быть, и это стало таким облегчением.

- Синтия, — позвала миссис Гибсон, которая посчитала, что младший сын уже вполне получил свою долю тихого, доверительного разговора, — подойди сюда и спой ту короткую французскую балладу мистеру Осборну Хэмли.

- Про какую балладу ты говоришь, мама? «Tu t'en repentiras, Colin»?[5]

- Да, такая милая, шутливая предосторожность для молодых людей, — пояснила миссис Гибсон, улыбаясь Осборну. — Припев звучит так...

Tu t'en repentiras, Colin,
Tu t'en repentiras,
Car si tu prends une femme, Colin,
Tu t'en repentiras...

Советом может пользоваться тот, у кого есть французская жена, но не англичанин, который подумывает об английской жене.

Выбор этой песни был весьма неуместен, знай об этом миссис Гибсон. Осборн и Роджер, зная, что жена первого — француженка, и зная, что им обоим это известно, чувствовали себя вдвойне неловко, тогда как Молли была настолько смущена, словно это она сама тайно вышла замуж. Тем не менее, Синтия пела шаловливую песенку, а ее мать улыбалась в полном неведении, какое значение эти слова могли иметь для ее гостей. Осборн неосознанно подошел и встал позади Синтии, как только она села за пианино, чтобы быть готовым переворачивать ей ноты, если потребуется. Он держал руки в карманах, сосредоточив взгляд на ее пальцах. Его лицо омрачалось при всех веселых островах, которые она так игриво пела. Роджер выглядел более мрачным, чем его брат, поскольку был смущен неловкостью ситуации. Он поймал встревоженный взгляд Молли, заметил, как она изменилась в лице, и понял, что она переживает это затруднение сильнее, чем нужно. Он подошел, сел рядом с ней и прошептал: «Слишком поздно предупредить, не так ли?»

Молли посмотрела на него, он наклонился к ней, и она ответила тем же тоном:

- О, мне так жаль!

- Не стоит. Он не станет долго об этом тревожиться. Мужчина должен отвечать за последствия, когда ставит себя в ложное положение.

Молли не смогла найти ответ на эти слова, поэтому она опустила голову и продолжала молчать. И тем не менее, она заметила, что Роджер не изменил своей позы и не убрал руку со спинки стула, и любопытство заставило ее выяснить причину его неподвижности, она, наконец, посмотрела на него, и увидела, что его взгляд сосредоточен на паре возле пианино. Осборн что-то увлеченно говорил Синтии, ее серьезные глаза смотрели на него снизу вверх с выражением мягкого внимания, а прекрасные губы были полуоткрыты, словно она желала, чтобы он прекратил говорить, а она могла ответить.

- Они говорят о Франции, — сказал Роджер в ответ на молчаливый вопрос Молли. — Осборн хорошо знает эту страну, а мисс Киркпатрик училась там в школе, вы знаете. Это очень интересно, может, мы подойдем поближе и послушаем, о чем они говорят?

Вопрос был задан вежливо, но Молли подумала, что было бы лучше подождать, пока она ответит. Вместо того чтобы ждать, Роджер подошел к пианино и прислонился к нему, намереваясь присоединиться к легкой, веселой беседе и услаждая свой взор, поскольку осмелился смотреть на Синтию. Молли вдруг почувствовала, что вот-вот расплачется — мгновение назад он был рядом с ней, говорил так мило, обращаясь лично к ней, а теперь казалось, что он почти забыл о ее существовании. Она думала, что все это неправильно, и преувеличивала для себя эту неправильность; «ничтожная», «завидующая Синтии», «злобная» и «эгоистичная» — этими словами она продолжала укорять себя, но это не принесло пользы, она осталась такой же испорченной, какою и была.

Миссис Гибсон вмешалась в ситуацию, которая, как полагала Молли, будет продолжаться вечно. Сначала миссис Гибсон запуталась в своем рукоделии, и ей требовалось много считать. Поэтому у нее не было времени исполнять свои обязанности, одной из которых она всегда пользовалась, чтобы показать себя свету как справедливую мачеху. Синтия играла и пела, а теперь она должна уступить очередь Молли, чтобы та могла проявить себя. Пение и игра Синтии были легкими и грациозными, но не всегда правильными, но она сама была так обаятельна, что только фанатики, которых заботили фальшивые аккорды и пропущенные ноты, не могли наслаждаться такой музыкой. Молли, напротив, обладала превосходным слухом, и из-за пристрастия к музыке и добросовестного упорства характера она проходила трудный пассаж по двадцать раз. Но она очень робела играть при людях, и когда ее заставляли это делать, ей тяжело

давалось исполнение, и она ненавидела свои выступления больше, чем кто-либо.

- Теперь ты, Молли, должна немного поиграть, — сказала миссис Гибсон, — сыграй нам ту прекрасную пьесу Калкбреннера, моя дорогая.

Молли умоляюще посмотрела на мачеху, но это только привело к еще одной просьбе, больше похожей на требование.

- Иди же, моя дорогая. Можешь не играть ее совершенно правильно, я знаю, ты очень волнуешься, но ты среди друзей.

Среди маленькой группы у пианино возникло движение, и Молли приступила к своему мученичеству.

- Пожалуйста, уйдите, — обратилась она к Осборну, который стоял позади нее, готовый переворачивать ей ноты. — Я могу сама справиться. И, пожалуйста, не переставайте говорить!

Осборн остался на месте, несмотря на ее просьбу, и одобрил то, что она исполняла, поскольку миссис Гибсон, измученная подсчетом стежков, заснула в удобном кресле возле огня. И Роджер, который поначалу начал говорить, следуя просьбе Молли, нашел свой приватный разговор с Синтией таким приятным, что Молли несколько раз теряла то место, где играла, пытаясь мельком разглядеть Синтию, сидящую за рукоделием, и Роджера рядом с ней, прислушиваясь к ее тихим ответам на его слова.

- Вот, я закончила! — сказала Молли, быстро вставая, как только закончила играть восемнадцать ужасных страниц, — думаю, что никогда больше не сяду за пианино.

Осборн посмеялся над ее горячностью. Синтия начала принимать некоторое участие в беседе, и разговор, таким образом, стал общим. Миссис Гибсон проснулась изящно, каким было все то, что она делала, и так легко присоединилась к теме беседы, что почти заставила всех поверить, что вовсе не спала.

[1] Остеология — раздел анатомии, изучающий форму, строение и функции костей.

[2] «Шильонский узник» (англ. *The Prisoner of Chillon*, 1816) — романтическая поэма Джорджа Байрона.

[3] ergo — с лат. итак, следовательно.

[4] «Джонни Джилпин» — комическая сказка в стихах Уильяма Купера (1731–1800) в отличие от драматической поэмы Байрона о политических и религиозных пытках в Женеве 16 в.

[5] «*Tu t'en repentiras, Colin*» — с фр. «Ты пожалеешь об этом, Колин»

Глава XXV

Переполох в Холлингфорде

Все жители Холлингфорда полагали, что в этом году перед Пасхой им многое нужно сделать. Как известно, в эти дни заведено надевать какой-нибудь новый предмет одежды, иначе маленькие птички обидятся, а это повлечет за собой определенные последствия. И большинство дам считало, что разумнее будет, предоставить птичкам более веские доказательства своего уважения, нежели носовой платок, нижняя юбка или какой-нибудь предмет нижнего белья. Истинное благочестие требовало новой шляпки или нового платья и вряд ли обошлось бы пасхальной парой перчаток. Поэтому, как правило, перед Пасхой в Холлингфорде мисс Роуз была ужасно занята.

Был и еще один, особенный, повод для беспокойства. Эшком, Холлингфорд и Корхэм — три соседних городка — расположились в трех равноудаленных друг от друга углах треугольника. Подражая крупным городам, они согласились по очереди проводить ежегодный бал в пользу госпиталя графства. Холлингфорду выпал жребий проводить бал в этом году. Не было более удобного случая, чтобы оказать гостеприимство: дома любого достатка наполнились гостями, а пролетки нанимались заблаговременно за несколько месяцев.

Если бы миссис Гибсон могла попросить Осборна или за неимением оного, Роджера Хэмли, пойти с ними на бал и ночевать в их доме, или если бы она могла подобрать бесприютного наследника «местного дворянства», которого бы устроило подобное предложение, она бы с удовольствием предоставила свою собственную гардеробную в качестве комнаты для гостей. Но она считала, что затраченное время и усилия не стоят того, чтобы причинять себе неудобства ради каких-нибудь скучных и плохо одетых женщин — ее бывших знакомых по Эшкому. Ради мистера Престона, может быть, и стоило отказаться от своей комнаты, так как он был красивым и преуспевающим молодым человеком, да к тому же хорошим танцором. Однако была у этой медали и обратная сторона. Мистер Гибсон, которому хотелось отплатить за гостеприимство, оказанное ему мистером Престоном в дни его женитьбы, тем не менее, испытывал бессознательное отвращение к этому человеку, отвращение, которое не могли преодолеть ни желание освободиться от чувства признательности, ни тем более хлебосольство. Миссис Гибсон затаила на мистера Престона старые обиды, но она была не злопамятна и не очень

активна в своем возмездии; она боялась мистера Престона и в то же время восхищалась им. Она сказала, что в бальную залу неудобно входить совсем без джентльмена, а на мистера Гибсона нельзя положиться! В целом — отчасти по этой последней приведенной причине, отчасти потому что примирение было лучшей политикой, миссис Гибсон сама склонялась к тому, чтобы пригласить мистера Престона в качестве гостя. Но как только Синтия услышала, какой вопрос обсуждается, или скорее, как только она услышала, что этот вопрос обсуждается в отсутствие мистера Гибсона, она заявила, что если мистер Престон приедет к ним в гости, она вообще не пойдет на бал. Она произнесла это не с горячностью и не со злостью, но с такой тихой решимостью, что Молли с удивлением посмотрела на нее. Она увидела, что Синтия старается не отрывать глаз от шитья, и что она не намерена встречаться взглядом с кем бы то ни было и давать какие бы то ни было объяснения. Миссис Гибсон тоже выглядела озадаченной, и пару раз казалось, готова была задать вопрос, но она не рассердилась на слова дочери, как ожидала Молли. Она украдкой и молча смотрела на Синтию минуту или две, а затем сказала, что, в конце концов, ей будет неудобно отказываться от своей гардеробной. И в целом, им лучше больше не говорить об этом. Поэтому никого из приезжих не пригласили остановиться у мистера Гибсона на время бала, но миссис Гибсон открыто призналась, что сожалеет о невольном негостеприимстве, и надеется, что к следующему холлингфордскому балу через три года они смогут сделать пристройку к дому.

Другой причиной необычного переполоха в Холлингфорде на эту Пасху было ожидаемое возвращение семьи в Тауэрс после их непривычно долгого отсутствия. Можно было увидеть, как мистер Шипшэнкс скачет рысью туда-сюда на своей дородной, старой лошади и разговаривает с каменщиками, штукатурами и стекольщиками о том, чтобы привести все коттеджи, принадлежавшие милорду, в превосходное состояние, по крайней мере, снаружи. Лорду Камнору принадлежала большая часть городка, и те, кто жил на землях других землевладельцев или в собственных домах, были обеспокоены тем контрастом, который представляли их жилища по сравнению с отремонтированными. Поэтому к ужасу дам, спешащих сделать покупки, лестницы белильщиков и красильщиков оказывались на их пути, и им приходилось собирать свои платья в сборки на спине по моде, которая в те дни уже безвозвратно ушла. К тому же видели, как экономка и дворецкий из Тауэрса заходили и делали заказы в различных лавках, задерживаясь в тех, которыми управляли их

любимцы, чтобы воспользоваться настойчиво предлагаемыми закусками.

Леди Харриет приехала навестить свою бывшую гувернантку на следующий день после того, как семья прибыла в Тауэрс. Молли и Синтия были в это время на прогулке, выполняли поручения миссис Гибсон, которая втайне полагала, что леди Харриет как обычно приедет в определенное время, и имела не вполне заурядное желание поговорить с ее светлостью без присутствия кого-либо из членов семьи.

Миссис Гибсон не передала Молли поклон от леди Харриет, но пересказала различные новости, имеющие отношение к Тауэрсу, с большим оживлением и воодушевлением. Герцогиня Ментитская и ее дочь, леди Эллис, приедут в Тауэрс, то ли в день бала, то ли на сам бал, а герцоги Ментитские славились своими бриллиантами. Это была первая новость. Второй новостью стал приезд в поместье большого количества джентльменов — нескольких англичан и нескольких французов. Эта новость стала бы первой в порядке важности, если бы существовала большая вероятность, что эти джентльмены станут возможными партнерами в танцах на предстоящем балу. Но леди Харриет упомянула о них, как о друзьях лорда Холлингфорда, и по всей вероятности, бесполезных ученых мужах. И, наконец, миссис Гибсон должна была поехать на следующий день в Тауэрс на ланч — леди Камнор передала небольшую записку с леди Харриет, упрашивая бывшую гувернантку приехать. Если миссис Гибсон сможет добраться до Тауэрса, один из экипажей доставит ее домой в течение дня.

- Дорогая графиня! — с нежностью произнесла миссис Гибсон. Эти слова не были обращены ни к кому из присутствующих, но звучали приятным аккордом, завершившим изложение новостей.

И весь остаток дня разговоры миссис Гибсон были приправлены ароматом аристократизма. Одна из немногих книг, которые она привезла с собой в дом мистера Гибсона, была в розовом переплете, и по ней она изучала генеалогию герцога Ментитского, Адольфуса Джорджа и т. д. и т. д., пока всецело не разобралась в родственниках графини и их капиталах. Мистер Гибсон забавно присвистнул, когда вернувшись домой поздно вечером, оказался в атмосфере Тауэрса. Молли заметила тень беспокойства, скрывавшуюся за этой шалостью, она начала видеть ее чаще, чем ей этого хотелось, не то чтобы она размышляла над этим или сознательно искала источник этого беспокойства, но она не могла не чувствовать себя неловко, зная, что ее отец немного расстроен.

Конечно, для миссис Гибсон была заказана пролетка. И ранним днем она приехала домой. Если она и была разочарована беседой с графиней, то ничем не выдала своей печали, как и не призналась в том, что ей пришлось прождать целый час в утренней комнате леди Камнор, и никто, кроме старой знакомой миссис Брэдли, не ободрял ее дружеским общением, пока вдруг не вошла леди Харриет и не воскликнула: «Боже, Клер! Голубушка! Вы все еще здесь одна? А мама знает?» И после чуть более нежного разговора, она бросилась искать ее светлость, превосходно знавшую о том, что миссис Гибсон уже давно ждет в терпеливом одиночестве, но слишком занятую демонстрацией перед герцогиней своей мудрости и житейского опыта в вопросе выбора приданого. За ланчем миссис Гибсон втайне была уязвлена предположением милорда, что она привыкла есть в такое время, и проявлением его настойчивого гостеприимства. Тщетно она пропищала своим нежным, высоким голосом: «О, милорд! Я никогда не ем мясо в середине дня. Я едва ли что-то съедаю за ланчем». Ее голос затерялся, и герцогиня могла уехать с мыслью о том, что жена холлингфордского доктора рано обедает, то есть, если бы ее светлость снизошла до того, что подумала об этом. А это предполагало, что она знает о том, что в Холлингфорде есть доктор, а у него есть жена, и что его жена, милая, стареющая, элегантная женщина отослала блюдо с нетронутой едой — едой, которую ей так хотелось съесть, поскольку она отчаянно проголодалась после поездки и ожидания в одиночестве.

А затем, после ланча, состоялась ее беседа наедине с леди Камнор, во время которой та высказала следующие замечания:

- Что ж, Клер! Я очень рада вас видеть. Я уже было подумала, что никогда не вернусь в Тауэрс, но вот я здесь! В Бате был такой умный мужчина — доктор Снейп, он, в конце концов, поставил меня на ноги. Я, право слово, подумываю, что если снова заболею, то пошлю за ним: это такая редкость найти поистине умного медика. О, между прочим, я всегда забываю, что вы замужем за мистером Гибсоном... конечно, он очень умный, и все такое. (Экипаж к дверям через десять минут, Браун, и попросите Брэдли снести мои вещи вниз.) О чем я вас спросила? А! Как вы ладите со своей падчерицей? Она показалась мне молодой девушкой с довольно упрямым характером. Я куда-то положила письмо для отправки с почтой и не могу вспомнить, куда. Помогите мне поискать его, голубушка. Сбегайте в мою комнату и посмотрите, не нашла ли его Браун, оно очень важное.

Миссис Гибсон уходила неохотно, поскольку ей хотелось поговорить

о некоторых вещах, и она не услышала и половины того, что ожидала услышать о семейных тайнах. Но возможность улетучилась. Когда она вернулась после напрасных поисков, леди Камнор и герцогиня оживленно беседовали, в руке у леди Камнор было пропавшее письмо, которым она размахивала как жезлом, дабы усилить свои слова:

- Каждую йоту из Парижа! Каждую й-о-ту!

Леди Камнор была слишком хорошо воспитана, чтобы не извиниться за бесполезное беспокойство, но это были последние слова, сказанные ею миссис Гибсон, ей нужно было уехать с герцогиней. А бродяга, который должен был доставить «Клер» (как она настойчиво звала миссис Гибсон) обратно в Холлингфорд, уже подали к дверям. Леди Харриет вышла из окружения молодых людей и молодых дам, готовившихся совершить прогулку, чтобы попрощаться с миссис Гибсон.

- Увидимся на балу, — сказала она. — Вы там непременно будете с вашими двумя девочками, а мне нужно поговорить с вами. Из-за всех этих гостей в доме сегодня невозможно было с вами увидеться.

Так обстояли дела, но домочадцы миссис Гибсон по ее возвращении увидели их в розовом цвете.

- В Тауэрс прибыло много гостей... о, да! очень много: герцогиня и леди Эллис, мистер и миссис Грей, лорд Альберт Монсон и его сестра, и мой старый друг капитан Джеймс из «Синих» ... на самом деле много больше. Но, конечно, я предпочла пойти в комнату леди Камнор, где спокойно смогла повидаться с ней и леди Харриет, и где нас не беспокоила суматоха внизу. Конечно, нам пришлось спуститься вниз на ланч, там я увидела старых друзей и возобновила приятные знакомства. Но, право слово, мне едва ли удалось поговорить с кем-то из них. Лорд Камнор, казалось, был так рад видеть меня снова, и хотя между нами сидели еще шесть-семь человек, он все время прерывался, чтобы обратиться исключительно ко мне с каким-нибудь вежливым и добрым словом. А после ланча леди Камнор расспрашивала меня о моей новой жизни с таким интересом, словно я ее дочь. Конечно, когда герцогиня пришла, нам пришлось прерваться и поговорить о приданом, которое она готовит для леди Эллис. Леди Харриет посчитала, что нам надо встретиться на балу, она такое доброе и нежное создание!

Эти последние слова были произнесены задумчивым тоном.

В тот день, когда должен был состояться бал, от Хэмли приехал слуга с двумя прекрасными букетиками цветов и с наилучшими пожеланиями «от мистеров Хэмли» для мисс Гибсон и мисс Киркпатрик. Синтия первая

получила их. Пританцовывая и размахивая цветами, она вошла в гостиную и провальсировала к Молли, которая пыталась углубиться в чтение, чтобы занять время, оставшееся до вечера.

- Посмотри, Молли, посмотри! Вот для нас букеты! Да здравствуют их приславшие!

- От кого они? — спросила Молли, беря один и рассматривая его с нежностью, наслаждаясь его красотой.

- От кого? От обоих Хэмли, конечно! Разве это не мило?

- Как они добры! — ответила Молли.

- Уверена, это Осборн подумал о них. Он так часто бывал за границей, где присылать букет молодым девушкам считается обычным комплиментом.

- Я не понимаю, почему ты считаешь, что это идея Осборна! — возразила Молли, слегка краснея. — Мистер Роджер Хэмли обычно собирал букетики для своей матери и иногда для меня.

- Что ж, не так уж важно, чья это идея или кто их собрал. У нас есть цветы, и этого достаточно. Молли, я уверена, эти красные цветы подойдут к твоему коралловому ожерелью и браслетам, — сказала Синтия, вытаскивая несколько камелий, в то время редких цветов.

- О, пожалуйста, не надо! — воскликнула Молли. — Разве ты не видишь, как аккуратно подобраны цвета — это стоило таких усилий. Пожалуйста, не надо!

- Чепуха! — ответила Синтия, продолжая их вытаскивать, — видишь, здесь их достаточно. Я сделаю тебе из них маленькую корону — пришью их на черный бархат, который не будет виден — так как делают во Франции!

- О, мне так жаль! Он совершенно испорчен, — сказала Молли.

- Не волнуйся! Я возьму себе этот испорченный букет. Я могу сделать его снова таким же милым, каким он был, а ты возьмешь этот, который не тронут, — Синтия продолжила переключивать малиновые бутоны и цветы по своему вкусу. Молли ничего не ответила, но продолжила наблюдать, как проворные пальцы Синтии завязывают венок.

- Вот, — сказала Синтия, наконец, — когда это пришьется на черный бархат, чтобы сохранить цветы от увядания, ты увидишь, как прелестно он будет выглядеть. А в этом нетронутом букетике достаточно красных цветов чтобы исполнить задуманное.

- Спасибо, — очень медленно произнесла Молли, — но разве тебе не все равно, что у тебя будут только остатки от другого?

- Ничуть. Красные цветы не идут к моему розовому платью.

- Но... они так тщательно подобраны в каждом букетике.

- Возможно. Но я никогда не позволю сентиментальности вмешаться в мой выбор цветов. Розовый ограничивает его. А ты в белом муслиновом платье, лишь увенчанная малиновым, как маргаритка, можешь носить все.

Синтия приложила невероятные усилия, одевая Молли, предоставив проворную горничную исключительно к услугам матери. Миссис Гибсон больше беспокоилась о своем внешнем виде, чем о нарядах обеих девушек. Это дало ей возможность глубоко задуматься и несколько раз вздохнуть. Ее размышления закончились, когда она надела свое жемчужно-серое атласное свадебное платье, щедро расшитое кружевом, белым и цветным сиреневым. Синтия, единственная, относилась к предстоящему событию совершенно легко. Молли считала церемонию одевания к первому балу довольно серьезным и, конечно, волнующим действием. Синтия волновалась почти так же, как и сама Молли, только последней хотелось, чтобы ее внешний вид был уместным и неприметным, а Синтии хотелось подчеркнуть свойственное Молли очарование — ее кожу кремового цвета, густые, вьющиеся черные волосы, ее прекрасные, удлиненной формы глаза с их робким, любящим выражением. Синтия уделила столько времени наряду Молли, что ей самой пришлось одеваться в спешке. Молли уже одетая сидела на низеньком стульчике в комнате Синтии и наблюдала за проворными движениями прелестного создания, стоявшего в нижней юбке перед зеркалом и соорудившего прическу с завидной быстротой и уверенностью. Наконец, Молли тяжело вздохнула и сказала:

- Хотелось бы мне быть красивой!

- Боже мой, Молли, — воскликнула Синтия, оборачиваясь, восклицание уже было готово сорваться с ее языка, но, поймав невинный, задумчивый взгляд Молли, она сдержала слова, что собиралась сказать, и, улыбаясь собственному отражению в зеркале, сказала: — Француженки сказали бы тебе, верь, что ты красивая, такой и будешь.

Молли помолчала, прежде чем ответить:

- Полагаю, они имеют в виду то, что если знаешь, что ты красивая, ты никогда не станешь волноваться о своей внешности; ты была бы уверена, что нравишься, и что это внимательный...

- Послушай! Уже пробило восемь часов. Не старайся истолковать то, что имели в виду француженки, а помоги мне с платьем, дорогая.

Обе девушки были одеты и стояли у камина в комнате Синтии, ожидая экипаж, когда Мария (преемница Бетии) поспешно вошла в комнату. Мария выполняла обязанности горничной миссис Гибсон, но у нее появилось свободное время, и она поспешила наверх, якобы предложить

свои услуги, но на самом деле посмотреть на платья девушек; вид таких красивых нарядов привел ее в такое волнение, что она думала лишь о том, как забежать наверх, в двадцатый раз она появилась с букетиком еще более прекрасным, чем два предыдущих.

- Вот, мисс Киркпатрик! Нет, это не для вас, мисс! — Молли, находясь ближе всего к двери, предложила взять его и передать Синтии. — Это для мисс Киркпатрик, а, кроме того, для нее есть записка!

Синтия ничего не сказала, но взяла записку и цветы. Она держала записку так, что Молли смогла прочитать ее вместе с ней.

«Я посылаю вам цветы, и вы должны позволить мне пригласить вас на первый танец после девяти часов, боюсь, я не смогу прибыть раньше. — Р. П.»

- Кто это? — спросила Молли.

Синтия выглядела очень рассерженной, возмущенной и озадаченной — отчего ее щеки побледнели, а в глазах запылал огонь.

- Это мистер Престон, — ответила она на вопрос Молли. — Я не буду танцевать с ним, и вот что я сделаю с его цветами...

Она бросила букет в самый жар углей, которые тут же смешала с прекрасными, увядающими лепестками, как будто хотела уничтожить их как можно скорее. Она не повышала голос, он был таким же приятным, как и всегда, хотя движения ее были достаточно проворными, они были скорыми и резкими.

- О! — произнесла Молли, — какие прекрасные цветы! Их нужно было поставить в воду.

- Нет, — ответила Синтия, — лучше уничтожить их. Нам они не нужны. Я не выношу, когда мне напоминают об этом человеке.

- Это была дерзкая и бесцеремонная записка, — заметила Молли. — Какое право он имел так выражаться... ни начала, ни конца, только инициалы. Вы хорошо были с ним знакомы, когда жили в Эшкоме, Синтия?

- О, давай больше не будем о нем вспоминать, — ответила Синтия. — Достаточно подумать, что он будет там, как все удовольствие от бала испорчено. Но я надеюсь, что меня пригласят до того, как он придет, поэтому я не смогу танцевать с ним... как и ты.

- Вот! Нас зовут, — воскликнула Молли и быстрым шагом, но, все-таки, заботясь о своих платьях, они спустились вниз, где их ждали мистер и миссис Гибсон. Да, мистер Гибсон собирался пойти на бал, даже если бы ему пришлось потом оставить своих дам, чтобы отправиться на вызов. И Молли вдруг восхитилась своим отцом, как красивым мужчиной, когда

увидела его в полном вечернем наряде. Миссис Гибсон тоже... как прелестна она была! Короче говоря, не было никого, кто бы выглядел лучше всех, чем эти четверо, входившие в бальную залу Холлингфорда этим вечером.

Глава XXVI

Благотворительный бал

Теперь на публичных балах бывает мало людей, за исключением танцующих и их сопровождающих или родственников, которые в некоторой степени в них заинтересованы. Но в те дни, когда Молли и Синтия были юными — до того, как проложили железные дороги, и появились поезда, которые любого могут доставить в Лондон, чтобы он там вдоволь насмотрелся на беззаботную толпу и красивые наряды — ежегодные благотворительные балы были излюбленным развлечением для всех милых старых дев, заполнявших провинциальные городки Англии, хотя они перестали грезить о танцах много лет назад, и им уже не нужно было выполнять обязанности дуэний. Там они выставляли напоказ свои старинные кружева и лучшие платья; они видели местных аристократов; они сплетничали со своими ровесницами и строили предположения о романах молодых с любопытством, но все же дружелюбно. Барышни Браунинг посчитали бы, что их обманом лишили самого веселого события года, если бы что-то помешало им прийти на благотворительный бал; мисс Браунинг негодовала бы, а мисс Фиби была бы оскорблена, если бы их не пригласили в Эшком и Корхэм друзья, которые, как и они, пережили танцевальный период своей жизни какие-то двадцать пять лет назад, но которым все еще хотелось побывать в обстановке былых развлечений и увидеть, как танцует молодое поколение, «беззаботно относясь к своей судьбе». Они прибыли в одном из двух портшезов, которыми до сих пор пользовались в Холлингфорде. Подобный вечер приносил обильный урожай прибыли двум старикам-лакеям, которые в так называемых «городских ливреях» сновали туда-сюда со своими ношами — дамами и их пышными нарядами. В городке было несколько дилижансов и пролеток, но по зрелом размышлении мисс Браунинг решила воспользоваться более удобным и привычным портшезом, «который», как она объяснила мисс Пайпер, одной из своих гостей, «вносят в фойе, где тебя обволакивает теплый воздух, затем в тепле и уюте тебя несут в другую теплую комнату,

где ты можешь выйти, не выставляя на обозрение свои ноги, когда поднимаешься или спускаешься по ступенькам». Конечно, в нем может ехать только один, но под ловким управлением мисс Браунинг все было прекрасно устроено, как заметила мисс Хорнблауэр, их другая гостя. Она отправилась первой и оставалась в теплой гардеробной, пока не прибыла мисс Браунинг, а затем обе дамы вошли рука об руку в бальную залу, выискивая удобные места, откуда они смогли бы наблюдать за прибывающими и разговаривать с проходящими мимо друзьями, пока не появились мисс Фиби и мисс Пайпер. Эти две младшие леди также вошли рука об руку, но с неким робким волнением во взгляде и движениях, весьма отличающимся от невозмутимого достоинства старших подруг, которые были старше их всего лишь на два-три года. Когда все четверо снова собрались вместе, они перевели дух и начали разговор.

- Право слово, я думаю, что эта комната лучше, чем наше здание суда в Эшкоте.

- И как красиво украшена! — пискнула мисс Пайпер. — Как прекрасно сделаны розы! У вас, холлингфордцев, такой вкус![1]

- Вот миссис Демпстер, — вскрикнула мисс Хорнблауэр, — она говорила, что ее саму и двух ее дочерей пригласили погостить у Шипшэнксов. Мистер Престон тоже должен быть здесь, но полагаю, что они не могут прибыть все сразу. Посмотрите! Это молодой Роско, наш новый доктор. Боже мой, кажется, что здесь собрался весь Эшкот! Мистер Роско! Мистер Роско! Подойдите сюда и позвольте мне представить вас мисс Браунинг, друзьям, у которых мы остановились. Могу вас уверить, мисс Браунинг, мы очень уважаем нашего молодого доктора.

Мистер Роско поклонился и глупо улыбнулся, услышав похвалы в свой адрес. Но мисс Браунинг не имела желания восхвалять какого бы то ни было доктора, пусть он даже приехал обосноваться по соседству с мистером Гибсоном, поэтому она заявила мисс Хорнблауэр:

- Должно быть, вы рады, что у вас появился тот, кого можно незамедлительно вызвать ради какого-нибудь пустяка, из-за которого не стоит беспокоить мистера Гибсона. И я думаю, что мистер Роско извлечет огромную пользу, поскольку сможет наблюдать за мастерством мистера Гибсона!

Возможно, мистер Роско почувствовал бы себя более оскорбленным этими словами, если бы в ту минуту его внимание не отвлекло прибытие самого мистера Гибсона, о котором шла речь. И не успела мисс Браунинг закончить свое суровое и унижительное замечание, как он спросил свою знакомую мисс Хорнблауэр:

- Кто эта прекрасная девушка в розовом, что только что вошла?

- Это же Синтия Киркпатрик! — ответила мисс Хорнблауэр, надевая массивный, золотой монокль, чтобы удостовериться в этом. — Как она выросла! Прошло два или три года с тех пор, как она уехала из Эшкома... она очень мила... говорили, что мистер Престон очень ею восхищался, но она так молода!

- Вы можете меня представить? — спросил нетерпеливый молодой доктор. — Мне бы хотелось пригласить ее танцевать.

Когда мисс Хорнблауэр вернулась, поприветствовав свою бывшую знакомую миссис Гибсон и представив мистера Роско, она по секрету призналась мисс Браунинг.

- Как же мы стали снисходительны! Я помню то время, когда миссис Киркпатрик носила старые черные шелковые платья и была признательна и вежлива, заняв место школьной учительницы, чтобы зарабатывать себе на хлеб. А теперь она оделась в атлас и разговаривает со мной так, как будто только что с трудом вспомнила, кто я. Не так много времени прошло с того дня, как миссис Демпстер приехала посоветоваться со мной, не обидится ли миссис Киркпатрик, если она пошлет ей новый отрез для сиреневого шелкового платья взамен того, которое испортила служанка миссис Демпстер, пролив на него кофе прошлым вечером. И она взяла его и была благодарна, а сейчас она носит жемчужно-серый атлас! И в те дни она была бы рада выйти замуж за мистера Престона!

- Я думала, вы сказали, что он восхищался ее дочерью, — перебила мисс Браунинг свою разгневанную подругу.

- Что ж! Возможно, я так и сказала, и, возможно, так и было. Я не могу утверждать. Он часто бывал в их доме. Мисс Диксон сейчас держит школу в том же доме, и могу вас уверить, она делает это намного лучше.

- Граф и графиня очень любят миссис Гибсон, — заметила мисс Браунинг. — Нам рассказала об этом леди Харриет, когда прошлой осенью приезжала пить с нами чай, и они просили, чтобы мистер Престон был очень внимателен к ней, когда она жила в Эшкоме.

- Ради Бога не повторяйте то, что я сказала о мистере Престоне и миссис Киркпатрик ее светлости. Любой может ошибиться, и заметьте, я только сказала, «люди говорили».

Мисс Хорнблауэр была очень встревожена, как бы ее сплетни не передали леди Харриет, которая оказалась на такой короткой ноге с ее холлингфордскими подругами. Но и мисс Браунинг не спешила рассеять заблуждение. Леди Харриет пила с ними чай и может сделать это снова, во всяком случае, небольшой испуг, который она заронила в сердце своей

подруги, был неплохой местью за панегирик мистеру Роско.

Тем временем мисс Пайпер и мисс Фиби, которым было несвойственно поддерживать вольнодумство, разговаривали о платьях присутствующих дам, начав с комплиментов друг другу.

- Какой у вас замечательный тюрбан, мисс Пайпер, если мне будет позволено так выразиться — так вам к лицу!

- Вы так думаете? — спросила мисс Пайпер с плохо скрываемым удовольствием — иметь лицо в сорок пять лет было довольно приятно. — Я купила его у Брауна в Сомертоне для этого бала. Я подумала, что у меня должно быть что-то, чтобы оттенить платье, которое уже не такое новое, каким было когда-то. А у меня нет таких красивых драгоценностей, как у вас, — добавила она, окидывая восхищенным взглядом огромную миниатюру, отделанную жемчугом, которая служила своего рода щитом на груди мисс Фиби.

- Красивая, — согласилась та. — Это портрет моей матери. Салли носит изображение отца. Обе миниатюры были сделаны в одно время, как раз когда умер наш дядя и оставил нам обеим по пятьдесят фунтов, которые мы согласились потратить на отделку наших миниатюр. И поскольку они такие драгоценные, Салли всегда хранит их запертыми вместе с лучшим серебром и куда-то прячет коробку. Она никогда не говорит мне, куда, потому что, говорит она, у меня такие слабые нервы, и что если вор приставит к моему виску заряженный пистолет и спросит меня, где мы храним наше столовое серебро и драгоценности, я без утайки все ему расскажу. А что касается ее, она говорит, что не выдаст секрет ни при каких обстоятельствах. (Я надеюсь, она не будет пытаться это сделать.) Вот почему я не ношу брошь часто и надела ее только второй раз. И я не могу даже достать и посмотреть ее, как бы мне ни хотелось. Я бы не надела ее сегодня вечером, если бы Салли не дала ее мне, сказав, что это будет достойным комплиментом герцогине Ментитской, которая будет здесь со всеми своими бриллиантами.

- Боже мой! Неужели? Вы знаете, я никогда прежде не видела герцогиню, — и мисс Пайпер выпрямилась и вытянула шею, словно решила «вести себя должным образом» в присутствии «ее милости», как ее учили в пансионе тридцать лет назад. Немного погодя, внезапно вскочив с места, она сказала мисс Фиби: — Смотрите, смотрите! Это наш мистер Холмли, магистрат (он был важным человеком в Корхэме), а вот и миссис Холмли в красном атласе, помилуйте, и мистер Джордж, и мистер Гарри из Оксфорда. И мисс Холмли, и прелестная мисс Софи. Мне бы хотелось подойти и поговорить с ними, но без джентльмена пересекать комнату так

вызывающе. А вот и Кокс, мясник, со своей женой! Боже, кажется здесь весь Корхэм! И как миссис Кокс может позволить себе такое платье, я не могу понять, мне известно, что Кокс с трудом расплатился за последнего барана, которого он купил у моего брата.

Как раз в эту минуту оркестр, состоящий из двух скрипок, арфы и приглашенного по случаю кларнетиста, закончил настраивать инструменты и почти слаженно грянул задорный деревенский танец, танцоры быстро заняли свои места. Миссис Гибсон втайне немного беспокоило то, что Синтия оказалась среди них — поскольку в зале пока были в основном простолюдины, которые зная, что бал назначен на восемь, не желали прибыть позже, и таким образом лишиться удовольствия, за которое они заплатили деньги. Она поделилась своими чувствами с Молли, которая сидела рядом с ней и ждала, когда ее пригласят танцевать, отбивая ритм прелестной маленькой ножкой.

- Твой дорогой отец всегда так пунктуален! Но очень жаль, что сегодня вечером мы приехали сюда раньше, чем пришли те, кого мы знаем.

- Я вижу здесь так много знакомых мне людей. Вот мистер и миссис Смитон, и их красивая и веселая дочь.

- О, позволь напомнить, что это продавцы книг и мясники.

- Папа встретил много друзей, с которыми можно поговорить.

- Пациентов, моя дорогая... едва ли их можно назвать друзьями. Здесь есть несколько красивых людей, — она окинула взглядом Холмли. — Но смею сказать, они приехали из окрестностей Эшкома или Корхэма, и едва ли можно было подсчитать, как скоро они доберутся сюда. Интересно, когда будет званый вечер в Тауэрсе. А, вот и мистер Эштон, и мистер Престон. Право же, комната начинает заполняться.

Говорили, что на этот раз бал должен быть очень достойным, из Тауэрса должно было прибыть много гостей и в их числе герцогиня со своими бриллиантами. Ожидалось, что каждый особняк в округе будет заполнен гостями, прибывшими по этому случаю, но в этот ранний час горожане почти всецело заняли танцевальный зал. Местные аристократы приезжали заглянуть на бал позднее, а самым важным среди них был лорд-наместник из Тауэрса. Но сегодня они непривычно запаздывали, из-за отсутствия в атмосфере аристократического озона среди танцующих, считавших, что они по рангу выше простых торговцев, царила скука. Они, тем не менее, резво скакали и бегали, пока их глаза не засверкали, а щеки не разрумянились от движения и волнения. Некоторые благоразумные родители, не забывающие об обязанностях, что ожидали их на следующее утро, начали было подумывать, в котором часу им пойти домой. Но все

испытывали выраженное и невыраженное желание увидеть герцогиню и ее бриллианты, поскольку бриллианты герцогов Ментитских были известны в более высоких кругах, чем тот, который собрался сегодня. И слава о них распространялась посредством горничных и экономок. Мистеру Гибсону, как он и предвидел, пришлось на время покинуть бал, но он должен был вернуться к жене, как только выполнит свои обязанности. В его отсутствие миссис Гибсон держалась немного отчужденно с барышнями Браунинг и теми ее знакомыми, которые бы охотно вступили с ней в разговор с намерением присоединиться к женской компании из Тауэрса, когда те появятся. Если бы Синтия не так рьяно принимала приглашения от каждого партнера, который приглашал ее танцевать, то без сомнения нашлись бы молодые люди, гостившие в Тауэрсе, которые высматривали прелестных девушек: а одному богу известно, к чему может привести танец? Молли, которая из-за своей робости танцевала не так хорошо, как Синтия, тем не менее довольно часто приглашали. И надо признаться, ей хотелось танцевать каждый танец, не важно с каким партнером.

Немного повернувшись в сторону, миссис Гибсон заметила мистера Престона, стоявшего начеку у стульев, которые только что покинули Молли и Синтия. Он выглядел таким мрачным, что если бы их взгляды не встретились, миссис Гибсон предпочла бы не заговаривать с ним, но раз так случилось, она посчитала их разговор неизбежным.

- Комнаты сегодня вечером не слишком хорошо освещены, не так ли, мистер Престон?

- Да, — ответил он, — но едва ли можно осветить стены, окрашенные тусклой старой краской, и на которых так много зеленых украшений, что всегда затемняют комнату.

- А какое общество! Я считаю, что свежие и яркие наряды, как ничто другое, способны сделать комнату светлее. Посмотрите, что за люди здесь собрались: большинство женщин одеты в темные шелка, которые годятся только для утра. Комната бы преобразилась, окажись здесь местное дворянство в более полном составе.

Мистер Престон не ответил. Он надел монокль, видимо для того, чтобы понаблюдать за танцующими. Если бы можно было определить точное направление его взгляда, то стало бы понятно, что он гневно и пристально смотрит на порхающую фигуру в розовом муслине; многие в зале пристально смотрели на Синтию, но никто, кроме него, не бросал на нее таких сердитых взглядов. Миссис Гибсон не была достаточно прозорлива, чтобы прочитать его взгляд, но рядом с ней был воспитанный и красивый молодой человек, с которым она могла бы пошебетать, вместо

того, чтобы присоединиться к неприятным людям или сидеть в одиночестве, пока не прибудет компания из Тауэrsa. Поэтому она продолжила вставлять свои замечания.

- Вы не танцуете, мистер Престон!

- Нет! Партнерша, которую я пригласил, ошиблась кавалером. Я жду от нее объяснений.

Миссис Гибсон молчала. Волна неприятных воспоминаний нахлынула на нее, она, как и мистер Престон, наблюдала за Синтией. Танец закончился, и та с непринужденной беззаботностью шла по комнате, не зная, что ее ожидает. Ее нынешний партнер, мистер Гарри Холмли, подвел Синтию обратно к стулу. Она села на свободный стул рядом с мистером Престоном, предоставив мать заботам Молли. Последняя вернулась на свое место на минуту позже. Синтия, казалось, совершенно не заметила соседство мистера Престона. Миссис Гибсон наклонилась вперед и сказала дочери:

- Твоим последним партнером оказался джентльмен, моя дорогая. Ты совершенствуешь свой выбор. Прошлый раз мне было стыдно за тебя, когда я узнала, что твоим кавалером был поверенный. Молли, ты знаешь, с кем ты танцевала? Я узнала, что он продавец книг в Корэхеме.

- Это объясняет, почему он так подробно рассказал мне обо всех книгах, о которых я хотела услышать, — пылко ответила Молли, стараясь скрыть досаду. — Он, право слово, очень приятный человек, мама, — добавила она, — и выглядит как джентльмен, и танцует прекрасно.

- Очень хорошо, Но помни, если ты будешь продолжать в том же духе, завтрашним утром тебе придется через прилавок пожимать руку некоторым из твоих сегодняшних партнеров, — холодно произнесла миссис Гибсон.

- Но я не знаю, как отказать, когда люди представляются и приглашают меня, а мне хочется танцевать. Вы же знаете, сегодня благотворительный бал, и папа сказал, что каждый танцует с кем хочет, — ответила Молли просительным тоном, поскольку не могла всецело наслаждаться происходящим, если с кем-то была в разногласии. Что могла бы ответить миссис Гибсон на эти слова теперь нельзя узнать, поскольку не успела она ответить, как мистер Престон выступил немного вперед и произнес голосом, который вместо того, чтобы быть холодным и безразличным, дрожал от гнева:

- Если мисс Гибсон испытывает трудности с отказом партнерам, ей стоит только обратиться за наставлением к мисс Киркпатрик.

Синтия подняла свои прекрасные глаза и, сосредоточив взгляд на лице

мистера Престона, произнесла очень тихо, словно только излагала факты.

- Мне кажется, вы забыли, мистер Престон — мисс Гибсон имела в виду, что ей хочется танцевать с человеком, который пригласил ее — в этом вся разница. Я не могу научить ее, как поступить в такой трудной ситуации.

К остальному же разговору Синтия, казалось, не прислушивалась, ее почти сразу пригласили на следующий танец. Мистер Престон сел на освободившееся слева место к вящему беспокойству Молли. Поначалу она испугалась, как бы он не пригласил ее танцевать, но вместо этого он протянул руку к букетику Синтии, который она, вставая, поручила Молли. Цветы увяли от жары, царившей в комнате, и больше не выглядели яркими и свежими, в отличие от букетика Молли, который она лелеяла с большей заботой. Тем не менее, то, что осталось от букета Синтии, отчетливо показывало, что это не те цветы, который прислал мистер Престон. И, возможно, чтобы окончательно убедиться в этом, он попросил разрешения рассмотреть цветы поближе. Но Молли, оставаясь преданной желаниям Синтии, не позволила ему прикоснуться к букету, она только поближе поднесла его.

- Как я вижу, мисс Киркпатрик не оказала мне чести и не взяла с собой букет, который я послал ей. Полагаю, она получила его и мою записку?

- Да, — ответила Молли, весьма испугавшись тона его слов. — Но мы уже получили эти два букета.

Миссис Гибсон оказалась именно тем человеком, который пришел на помощь своими сладкоречивыми словами в подобной ситуации. Она явно побаивалась мистера Престона, и ей хотелось сохранить с ним перемирие.

- О, да, нам так жаль! Разумеется, я не хочу сказать, что мы извиняемся за чью-то доброту, но из Хэмли Холла прислали два таких прекрасных букета — вы можете судить, какие они красивые по тому букету, что Молли держит в руках. И их прислали перед вашим, мистер Престон.

- Я был бы польщен, если бы вы приняли мои цветы, раз молодых леди уже обеспечили букетами. Мне стоило больших усилий выбрать цветы у Грина. Смело могу сказать, что мой букет был более *recherché*[2], чем тот, что взяла мисс Киркпатрик, и который мисс Гибсон держит так нежно и крепко.

- О, это потому что Синтия вынула самые красивые цветы и вставила их в мою прическу, — горячо воскликнула Молли.

- Правда? — спросил мистер Престон с некоторым оттенком удовольствия в голосе, словно обрадовался, что она придала так мало

значения присланному букету. Он прошел и встал позади Синтии в кадрили, которую собирались танцевать, и Молли заметила, как та отвечает ему — против своей воли, Молли была уверена. Но, так или иначе, по выражению его лица и манерам можно было сказать, что он имеет над ней власть. Она выглядела серьезной, глухой, безразличной, негодующей и непокорной, но после того, как он что-то прошептал Синтии, когда танец заканчивался, она с явным раздражением бросила ему в ответ согласие, поскольку он удалился с неприятной улыбкой удовлетворения на красивом лице.

Все это время в зале перешептывались о том, что гости из Тауэрса запаздывают, и один за одним присутствующие подходили к миссис Гибсон и спрашивали, не поверяли ли ей граф и графиня своих планов. В известной степени это ей льстило, но затем гости, удостоверившись, что она пребывает в полном неведении, как и все остальные, и миссис Гибсон утратила свой особый статус. Миссис Гудинаф чувствовала себя весьма обиженной, последние полтора часа она носила очки для того, чтобы быть готовой и в самую первую минуту увидеть, как кто-то из Тауэрса появится в дверях.

- У меня разболелась голова, — пожаловалась она, — и я бы охотнее послала деньги и не высовывала носа за дверь сегодня вечером. Я уже видела многих из тех, кто приехал сегодня на бал, милорда и миледи тоже, когда на них стоило смотреть, не то, что сейчас, но все говорили о герцогине, о герцогине и ее бриллиантах, и я подумала, что мне не хотелось бы отстать, я никогда не видела ни герцогини, ни ее бриллиантов. Поэтому я здесь, а дома впустую тратятся уголь и свечи, потому что я сказала Салли дожидаться меня, а помимо всего прочего я не выношу расточительства. Я унаследовала эту черту от своей матери, которая была такой противницей расточительства, каких уж нет сейчас. Она была членом правления начальной школы, и воспитала девять детей, клянусь. Вот! Она бы не позволила нам быть расточительными, даже из-за простуды. Всякий раз, когда кто-то из нас сильно простужался, она пользовалась возможностью и подстригала нам волосы. Она говорила, что раз уж мы все равно разболелись, то можно рискнуть и подстричь нас. Тем не менее, я хочу, чтобы герцогиня пришла.

- Ах, а представьте, каково мне, — вздохнула миссис Гибсон, — я так давно не встречала уважаемое семейство... и на днях видела их только мельком, когда была в Тауэрсе (герцогине хотелось узнать мое мнение о приданом леди Эллис, она продолжала задавать мне столько вопросов, что

это заняло все время)... и, прощаясь, леди Харриет выразила надежду, что мы увидимся на балу. Уже почти двенадцать часов.

Каждый из тех, кто претендовал на родовитость, был неприятно поражен отсутствием семьи из Тауэрс. Даже сами скрипачи, казалось, не желали играть танец, который мог бы прервать появление знатного семейства. Мисс Фиби Браунинг извинялась за них... мисс Браунинг осуждала их со спокойным достоинством. И только лишь мясники, булочники и производители свечей были счастливы и веселы.

Наконец послышался гул, шуршание, шепот, и музыка остановилась, а за ней остановились и танцующие — в залу в парадной одежде вошел лорд Камнор под руку с полной женщиной средних лет. Она была одета почти как девушка — в муслиновое платье с узором в виде веточек и с живыми цветами в волосах, но без малейшего следа драгоценностей и бриллиантов. И все же, она могла оказаться герцогиней — но разве бывает герцогиня без бриллиантов? К тому же на ней платье, которое могла бы надеть дочь фермера Хадсона. Разве это герцогиня? Могла ли она быть герцогиней? Небольшая толпа вопрошающих окружила миссис Гибсон, чтобы услышать от нее подтверждение их неутешительному предположению. За герцогиней вошла леди Камнор, совсем как леди Макбет в черном бархате... нахмуренные брови сделали более заметными морщины на ее красивом лице. Затем вошла леди Харриет и другие дамы, среди которых одна была одета почти как герцогиня, — возможно, это была ее дочь, хотя если судить по платью, герцогиня годилась ей скорее в сестры. Появился лорд Холлингфорд с некрасивым лицом, неуклюжий, но с манерами джентльмена. И полдюжины молодых людей: лорд Альберт Монсон, капитан Джеймс и другие, такие же молодые и знатные, войдя, они оглядели все критическим взглядом. Эта долгожданная компания протолкалась к местам, которые оставили для них у дальней стены комнаты. Танцоры расступились и опять заняли свои места, но когда снова грянул «Манимаск»[3], оказалось, что из прежней группы танцующих не больше половины заканчивают танец.

Леди Харриет, которую в отличие от мисс Пайпер мало волновало, что она пересекает комнату в одиночестве, словно зрителями были кочаны капусты, быстро заметила, где сидят Гибсоны, и подошла к ним.

- Вот и мы, наконец. Как вы поживаете, дорогие? Боже мой, малышка (обращаясь к Молли), как ты прелестно выглядишь! Разве мы не постыдно опоздали?

- О, сейчас только половина первого, — ответила миссис Гибсон, — смею заметить, вы ужинаете очень поздно.

- Не поэтому. Это из-за той плохо воспитанной женщины, которая поднялась в свою комнату, когда мы вышли из-за стола, она и леди Эллис оставались там, а мы тем временем думали, что они одеваются в свои роскошные наряды — как должны были сделать — и в половину одиннадцатого, когда мама послала слуг сказать им, что экипажи у дверей, герцогиня приказала принести ей мясного бульона и, в конце концов, появилась à l'enfant[4]. Мама так рассержена на нее, и некоторые недовольны, что мы не приехали раньше, а эти двое важничают. Папа — единственный, кого не заботило опоздание, — затем, повернувшись к Молли, леди Харриет спросила: — Вы много танцевали мисс Гибсон?

- Да, не каждый танец, но почти все.

Это был всего лишь простой вопрос, но обращение леди Харриет к Молли раздражало миссис Гибсон, как красная тряпка раздражает быка. Но она бы ни за что на свете не показала свое раздражение перед леди Харриет, она только задумала помешать этим двоим продолжить разговор, сев между леди Харриет и Молли, которую первая попросила сесть на место отсутствующей Синтии.

- Я не вернусь к этим людям, они сводят меня с ума, и, кроме того, мы едва ли увидимся на днях, поэтому мне нужно поболтать с вами, — она села рядом с миссис Гибсон, и, как выразилась впоследствии миссис Гудинаф, «выглядела как все». Миссис Гудинаф сказала это, чтобы извиниться за небольшое недоразумение, которое с ней произошло. Надев очки, она тщательно рассмотрела вельмож в дальнем конце комнаты и, не понижая голоса, поинтересовалась, кто из них кто, у мистера Шипшэнкса, поверенного милорда и ее доброго соседа, который тщетно старался сдерживать ее громкое рвение, отвечая ей шепотом. Но она была настолько же глуха, как и слепа, поэтому его тихий голос только возобновил новые расспросы. Теперь же, по мере возможности удовлетворив любопытство, она собралась уехать, дабы погасить камин и свечи, и, остановившись напротив миссис Гибсон, она обратилась к ней, возобновляя их прежний разговор:

- Такую жалкую герцогиню я еще не видела, на ней нет бриллиантов. Ни на кого из них не стоит смотреть, разве что на графиню, она всегда выглядит представительно, пусть и не такая крепкая, как была. Не стоило их ждать до ночи.

Повисло молчание. Затем леди Харриет протянула руку и сказала:

- Вы не помните меня, но я знаю вас, вы приезжали в Тауэрс. Леди Камнор сильно похудела, но мы надеемся, что ее здоровье от этого улучшилось.

- Это леди Харриет, — сказала миссис Гибсон миссис Гудинаф с укоризной и испугом.

- Боже мой, ваша светлость! Надеюсь, я никого не обидела. Но, видите ли... то есть, как вы понимаете, ваша светлость, для таких людей, как я, уже поздно, я не осталась дома лишь для того, чтобы посмотреть на герцогиню, я думала, что она прибудет в бриллиантах и диадеме. Подобное разочарование расстроит любого в моем возрасте, поскольку для меня это была единственная возможность увидеть такое прекрасное зрелище.

- Я тоже расстроена, — заметила леди Харриет. — Я хотела приехать рано, а мы опоздали. Я так рассержена и раздражена, что была бы рада спрятаться под одеялом, так же скоро, как и вы.

Она произнесла эти слова с такой любезностью, что миссис Гудинаф расплылась в улыбке, а ее ворчливость переросла в комплименты.

- Не поверю, что с таким красивым лицом ваша светлость может быть рассерженной и раздраженной. Я — пожилая женщина, поэтому позвольте мне так говорить.

Леди Харриет поднялась и сделала реверанс. Затем, взяв ее за руку она сказала:

- Я не стану вас дольше задерживать, но в ответ на ваши милые слова пообещаю одно: если я когда-либо стану герцогиней, то приеду показаться вам в своих платьях и безделушках. Доброй ночи, сударыня!

- Вот! Я знала, что так и будет! — сказала она, не покидая своего места. — К тому же в канун выборов в графстве!

- О, вы не должны так воспринимать слова миссис Гудинаф, дорогая леди Харриет. Она всегда ворчит. Я уверена, больше никто не станет жаловаться на то, что вы поздно приехали, — сказала миссис Гибсон.

- Что ты скажешь, Молли? — спросила леди Харриет, внезапно поворачиваясь к Молли. — Ты ведь не думаешь, что из-за позднего приезда мы утратили свою популярность..., что в этот раз у нас будет меньше голосов избирателей. Ну же, ответь мне. Ты славилась тем, что говорила правду.

- Я ничего не знаю о популярности и голосах, — ответила Молли довольно неохотно. — Но я думаю, многие сожалели, что вы не приехали раньше, разве это не доказательство популярности? — добавила она.

- Это очень разумный и дипломатичный ответ, — сказала леди Харриет, улыбаясь и касаясь щеки Молли веером.

- Молли ничего об этом не знает, — вставила миссис Гибсон немного неожиданно. — Было бы очень дерзко, если бы она или кто-либо другой усомнились в абсолютном праве леди Камнор приезжать тогда, когда она

хочет.

- Мне ясно только одно, что я должна вернуться к маме, но со временем я снова совершу набег в эту часть зала, вы должны сохранить для меня место. А! Вот и... мисс Браунинг. Как видите, я не забыла свой урок, мисс Гибсон.

- Молли, мне бы не хотелось, чтобы ты разговаривала так с леди Харриет, — сказала миссис Гибсон, как только осталась наедине со своей приемной дочерью. — Ты бы совсем не познакомилась с ней, если бы не я, и не вступай в наш разговор.

- Но я должна отвечать, если она спрашивает меня, — оправдывалась Молли.

- Что ж! Если должна, то отвечай, я признаю. Во всяком случае, я непредвзято к этому отношусь. Но тебе в твоём возрасте не стоит высказывать свое мнение.

- Я не знаю, как этого избежать.

- Она такая непредсказуемая. Посмотри, не разговаривает ли она с мисс Фиби. А мисс Фиби так легковерна, что без сомнения вообразит, будто бы она на короткой ноге с леди Харриет. Есть только одна вещь, которую я не выношу больше других, это когда пытаются делать вид, что они в близких отношениях со знатью.

Молли была довольно простодушна, поэтому она не стала оправдываться и ничего не ответила. На самом деле ее больше занимало наблюдение за Синтией. Она не могла понять перемены, которая, казалось, произошла с ее сестрой. Та танцевала с той же легкостью и грациозностью, как и прежде, но плавность движений, как у перышка, которое ветер гонит вперед, исчезла. Она разговаривала со своим партнером, но словно нехотя. И когда Синтия вернулась на свое место, Молли заметила, что та изменилась в лице, а в ее взгляде появилась задумчивая рассеянность.

- Что случилось, Синтия? — спросила она тихо.

- Ничего, — резко ответила Синтия. — Почему что-то должно было случиться?

- Я не знаю, но ты выглядишь иначе, чем прежде... ты устала?

- Ничего не случилось, или, если и случилось, давай не будем говорить об этом. Это все твоя фантазия.

Слова были довольно противоречивыми, и чтобы понять их требовалась скорее интуиция, нежели логика. Молли догадалась, что Синтии хочется покоя и молчания. Но к ее удивлению, когда к ним тут же подошел мистер Престон и, без слов предложил Синтии руку, она пошла с ним танцевать. Казалось, это не меньше поразило миссис Гибсон,

поскольку, забыв о своей последней словесной стычке с Молли, она беспокойно спросила, словно не поверила собственным глазам:

- Синтия собирается танцевать с мистером Престоном?

Молли едва успела ей ответить до того, как ее саму пригласили на танец. Она с трудом следила за своим партнером и за фигурами кадрили, наблюдая за Синтией средидвигающихся танцоров.

Как-то раз она мельком увидела, как та неподвижно стоит, потупив взор, и слушает, как мистер Престон ей что-то пылко говорит. Когда они с Молли вновь оказались вместе, Синтия выглядела мрачной и подавленной. Но в то же самое время, если бы физиономист изучал выражение ее лица, он бы прочитал на нем неповиновение, гнев, а так же, возможно, растерянность. Пока играли кадрили, леди Харриет разговаривала со своим братом.

- Холлингфорд! — сказала она, обхватив его рукой за локоть и уводя в сторону от знатных господ, в компании которых он стоял молчаливый и отрешенный. — Ты не представляешь, насколько все эти добрые люди были обижены и разочарованы нашим поздним появлением, а так же нелепой простотой платья герцогини.

- Почему это должно было их тревожить? — спросил он, воспользовавшись тем, что она запыхалась от возмущения.

- О, не будь таким мудрым и глупым. Разве ты не понимаешь, что на нас все смотрят, все равно, что смотрят пантомиму, где Арлекин и Коломбина играют в простых одеждах.

- Я не понимаю, как... — начал он.

- Тогда просто поверь. Они, в самом деле, немного разочарованы, какими бы логичными или нелогичными ни были их чувства, и мы должны постараться возместить им это, потому что я не выношу, когда наши вассалы выглядят недовольными и неверными, а в июне состоятся выборы.

- Я и так окажусь скорее вне членов Палаты, нежели среди них.

- Чепуха. Это ужасно огорчит папá... но сейчас нет времени говорить об этом. Ты должен пойти и потанцевать с какой-нибудь горожанкой, а я попрошу Шипшэнкса представить меня какому-нибудь уважаемому молодому фермеру. Разве ты не можешь заставить капитана Джеймса быть полезным? Вот он ходит с леди Элис! Если я не представлю его самой уродливой дочери портного сейчас, я найду ее на следующий танец! — говоря, она взяла брата за руку и повела его к партнерше. Он сопротивлялся, тем не менее, сопротивлялся неохотно.

- Прощу, не делай этого, Харриет! Ты же знаешь, я не умею танцевать. Я ненавижу танцы. Я всегда терпеть их не мог. Я не знаю, как танцевать

кадриль.

- Это деревенский танец, — решительно ответила она.

- Все равно. И о чем я буду говорить со своей партнершей? Я не представляю — у меня совсем нет общих тем для разговора. Если уж говорить о разочаровании, то они в десять раз больше разочаруются, когда поймут, что я не умею ни танцевать, ни говорить!

- Я буду милосердной. Не будь таким трусом. В их глазах лорд может танцевать, как медведь — как тот, что сейчас рядом со мной — если ему хочется, они почтут это за честь. А ты начнешь с Молли Гибсон, дочери твоего друга доктора. Она милая, простая, разумная девушка, я полагаю, это скажет тебе намного больше, чем, если я просто скажу, что она очень мила. Клер! Позвольте мне представить моего брата мисс Гибсон? Он надеется пригласить ее на этот танец. Лорд Холлингфорд, мисс Гибсон!

Бедный лорд Холлингфорд! Ему ничего не оставалось как следовать явным указаниям своей сестры, и они с Молли заняли свои места, сердечно надеясь, что их совместный танец благополучно завершится. Леди Харриет убежала к мистеру Шипшэнксу, чтобы завладеть уважаемым юным фермером, а миссис Гибсон осталась одна, желая, чтобы леди Камнор послала одного из сопровождавших ее светлость джентльменов за ней. Было бы намного приятнее сидеть на задворках дворянства, чем здесь, на виду у всех. Она надеялась, что все увидят, как Молли танцует с лордом, и все же была недовольна, что среди юных девушек такая возможность выпала на долю Молли, а не Синтии. Она гадала, является ли теперь простое платье высшей модой, и раздумывала над возможностью умело склонить леди Харриет представить лорда Альберта Монсона ее собственной красавице дочери, Синтии.

Молли обнаружила, что умный и образованный лорд Холлингфорд, странным образом несведущ в том, что касалось тайны «скрестить руки и отступить назад, сойтись в центре и разойтись». Он все время протягивал не ту руку, а также постоянно стоял, когда должен был вернуться на свое место, совсем не понимая, что светские обязанности и законы танца требуют, чтобы он продолжал скакать, пока не достигнет края залы. Он понимал, что исполнил свою роль прескверно и извинился перед Молли, когда они достигли бухты относительного покоя, он выразил свое сожаление так просто и так искренне, что она почувствовала себя при нем непринужденно, особенно когда он поведал ей о своем нежелании танцевать, и что он поступил так под принуждением сестры. Для Молли он был почтенным вдовцом, почти одного возраста с ее отцом, и со временем между ними завязался очень приятный разговор. Она узнала от него, что

Роджер Хэмли только что опубликовал статью в каком-то научном журнале, которая привлекла значительное внимание, поскольку опровергала некую теорию известного французского физиолога, в своей статье Роджер доказал, что обладает самыми поразительными знаниями на эту тему. Эта новость целиком заняла внимание Молли, и в своих вопросах она обнаружила столько ума и способности воспринимать информацию, что лорду Холлингфорду показалось, будто бы вопрос его популярности — дело решенное, если он сможет спокойно поговорить с Молли весь остаток вечера. Когда он отвел ее на место, он застал там мистера Гибсона и завязал с ним разговор, пока не пришла леди Харриет и не вернула его к своим обязанностям. Тем не менее, вскоре он вернулся к мистеру Гибсону и начал говорить с ним о статье Роджера Хэмли, о которой мистер Гибсон еще не слышал. Посреди разговора, поскольку они стояли рядом с миссис Гибсон, лорд Холлингфорд заметил вдалеке Молли и прервался, сказав: «Какая у вас замечательная юная дочь! С большинством девушек ее возраста так трудно разговаривать; но она так умна и питает столько интереса к всевозможным здоровым вещам; к тому же хорошо начитана... она знакома с «*Le Règne Animal*»[5]... и очень мила!»

Мистер Гибсон поклонился, вполне довольный комплиментом, услышанным от такого человека, будь он лордом или кем-то еще. Вполне вероятно, что окажись Молли глупой слушательницей, лорд Холлингфорд не обнаружил бы ее красоту и, напротив, если бы она не была юной и милой, он бы не стал утруждать себя и разговаривать на научные темы доступным для нее языком. Но каким бы образом Молли не заслужила его одобрение и восхищение, без сомнения она как-то это сделала. И когда она вернулась на свое место, миссис Гибсон приветствовала ее нежными словами и любезной улыбкой. Это была не радость от того, что некто обнаружил в ее падчерице скрытые до того достоинства, и вознес ее в своем мнении столь же высоко, как турки возносят трех-бунчужного пашу. Это было лишь признанием того, что девушка, удостоенная столь высокого внимания, и могущая в перспективе сделать столь блестящую партию, должна жить в полной гармонии со своей матерью. Однако миссис Гибсон не заглядывала так далеко в будущее. Ей только хотелось, чтобы счастливый случай выпал на долю Синтии, а не Молли. Но Молли была покорным, милым созданием, удивительно умным, как заметил его светлость. Жаль, что Синтия предпочитала заниматься дамскими шляпками вместо чтения, но, возможно, это можно было исправить. А тут и лорд Камнор подошел поговорить с ней, и леди Камнор кивнула ей, указав на место рядом с собой.

В целом, миссис Гибсон осталась довольна балом, хотя она заплатила обычную цену за то, что провела слишком много времени в бесконечном блеске и движении. На следующее утро она проснулась раздраженной и утомленной. И почти то же самое чувство навалилось на Синтию и на Молли. Первая сидела, развалясь, на подоконнике и держала в руках газету трехдневной давности, делая вид, что читает, когда вздрогнула от слов матери:

- Синтия! Не могла бы ты взять книгу и поупражняться. Я уверена, что к твоему разговору не стоит прислушиваться, пока ты не начнешь читать что-то еще помимо газет. Почему бы тебе не усовершенствовать свой французский? У Молли есть несколько французских книг, которые она читает... «Le Règne Animal», например.

- Нет, я никогда ее не читала, — ответила Молли, краснея. — Мистер Роджер Хэмли когда-то читал мне отрывки из нее, когда я первый раз гостила в Хэмли Холле, и рассказывал мне, о чем она.

- О! Ну что ж! Тогда, полагаю, я ошиблась. Но это не меняет дела. Синтия, тебе, в самом деле, стоит научиться каждое утро читать что-нибудь полезное.

К большому удивлению Молли, Синтия не ответила ни слова, но покорно ходила и выбирала «Le Siècle de Louis XIV»[6] из тех книг, что она привезла из Булони. Но спустя некоторое время Молли заметила, что это «полезное чтение» является для Синтии тем же простым предлогом, что и газета, за которой она пряталась, чтобы подумать.

[1] Из "Оды на далекое будущее Итонского колледжа" Томаса Грея (1716–1771)

[2] Recherche — с фр. изысканный.

[3] Манимаск (Money — musk) — это танец известен с конца XVIII века. (Money Musk — название местечка в Шотландии).

[4] a' lenfant — с фр. с невинным видом.

[5] Le Regne Animal — "Царство животных" (1817) Жоржа Леопольда Кювье (1769–1832), знаменитого французского естествоиспытателя, натуралиста.

[6] Le Siècle de Louis XIV — "Эпоха Людовика XIV" Вольтера (1751).

Глава XXVII

Отцы и дети[1]

[1] Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» перевели на английский

язык в 1862 г. Он мог оказать влияние на творчество Э. Гаскелл

Дела в Хэмли Холле шли не лучшим образом. Ничто не изменило то состояние неудовлетворенности, в котором пребывали сквайр и его старший сын, и это само по себе усугубляло их взаимную раздражительность. Роджер делал все, что мог, чтобы примирить отца и брата, но порой задумывался, а не лучше было бы оставить их в покое. Поскольку у них вошло в привычку поверять ему свои сокровенные мысли, и таким образом высказывать чувства и мнения, которые менее бы проявлялись, если бы о них умалчивали. Заботы о повседневной жизни поместья не приносили должного облегчения и не могли помочь им всем стряхнуть уныние, что сказывалось на здоровье как сквайра, так и Осборна. Сквайр похудел, его одежда болталась, кожа обвисла складками, на ней появились красные прожилки, и щеки стали выглядеть как эрдистонские [1] яблоки, вместо того, чтобы походить на «грушу Кэтрин с той стороны, что скрыта от солнца»[2]. Роджер считал, что сидение взаперти и курение в кабинете не приносит отцу пользы, но чтобы вывести сквайра на прогулку далеко от дома, нужно было приложить немало усилий. Он слишком боялся обнаружить, что дренажные работы прерваны или снова рассердиться при виде своего обесцененного строевого леса. Осборн был охвачен идеей подготовить стихи для печати, и таким образом добиться финансовой независимости. Каждый день он писал письма жене — сам забирал почту с дальней почтовой конторы и там же отправлял письма ей — подправлял свои сонеты и стихи с привередливым вниманием; время от времени доставлял себе удовольствие и навещал Гибсонов, наслаждаясь обществом двух милых девушек и находил мало времени для отца. На самом деле Осборн слишком потакал своим желаниям и был, как он выразился, слишком «ранимым», чтобы терпеливо сносить мрачное настроение сквайра или его обычную сварливость. Тайна, которую хранил Осборн, заставляла его чувствовать себя неловко в присутствии отца. И для обеих сторон пошло на пользу то, что Роджер оказался не таким «ранимым», окажись он таким, временами ему было бы трудно сносить вспышки домашней тирании, которыми отец старался утвердить свою власть над обоими сыновьями. Одна из таких вспышек и случилась вскоре после Холлингфордского благотворительного бала.

Роджер убедил отца выйти и прогуляться вместе с ним; и сквайр по совету сына взял с собой свою длинную, давно неиспользуемую мотыгу. Они забрели далеко от дома; возможно, старшего Хэмли слишком утомила

непривычно долгая прогулка, поскольку, подходя к дому на обратном пути, он стал, как бы сказала няня ребенка, «капризничать» и легко раздражался от каждого слова своего спутника. Интуитивно Роджер понял, в чем дело, и как водится, сносил все с присущим ему терпением. Они вошли в дом через центральную дверь. На старой, потрескавшейся плите желтого мрамора лежала карточка лорда Холлингфорда, которую Робинсон, завидев, что они возвращаются, поторопился вынести из буфетной и передать Роджеру.

- Его светлость очень сожалел, что не застал вас, мистер Роджер, и его светлость оставил для вас записку. Я думаю, мистер Осборн взял ее, когда проходил, я спросил его светлость, не желает ли он повидать мистера Осборна, который, как я полагал, был дома. Но его светлость сказал, что у него мало времени и попросил меня передать свои извинения.

- Он не спросил обо мне? — прорычал сквайр.

- Нет, сэр. Я не могу передать точно, что сказал его светлость. Он бы даже не вспомнил о мистере Осборне, сэр, если бы я не упомянул о нем. Он очень хотел повидать мистера Роджера.

- Очень странно, — заметил сквайр.

Роджер ничего не сказал, хотя испытывал естественное любопытство. Он прошел в гостиную, не зная, что отец идет за ним. Осборн сидел за столиком у камина и с пером в руке проглядывал одно из своих стихотворений, расставляя точки над «i» и время от времени задумываясь, не изменить ли какое-нибудь слово.

- О, Роджер! — воскликнул он, завидев вошедшего брата, — здесь был лорд Холлингфорд, он хотел повидать тебя.

- Я знаю, — ответил Роджер.

- Он оставил для тебя записку. Робинсон пытался убедить его, что это для отца, поэтому он дописал карандашом «младшему» — Роджеру Хэмли младшему, эсквайру.

К этому времени сквайр уже вошел в комнату и то, что он подслушал, еще больше растравило его душу. Роджер взял запечатанную записку и прочел ее.

- Что он пишет? — спросил сквайр.

Роджер протянул ему записку. В ней содержалось приглашение на обед в честь месье Жоффруа С.-Илера[3], чьи взгляды по определенным вопросам Роджер защищал в статье, о которой лорд Холлингфорд рассказывал Молли, танцуя с ней на холлингфордском балу. Месье Жоффруа С.-Илер сейчас находился в Англии, ожидали, что он нанесет визит в Тауэрс в течение следующей недели. Он выразил желание

встретиться с автором статьи, уже привлечшей внимание французских сравнительных анатомов; и лорд Холлингфорд присоединился к нему, поскольку сам хотел познакомиться с соседом, чьи пристрастия так совпадали с его собственными; а затем следовало вежливое письмо от лорда и леди Камнор.

Почерк лорда Холлингфорда был резкий и довольно неразборчивый. Сквайру не сразу удалось прочитать записку, он был сильно расстроен и отказался от помощи. Наконец, он справился.

- Значит, милорд наместник наконец заметил Хэмли. Грядут выборы, не так ли? Но я могу сказать ему, нас не так-то легко завоевать. Полагаю, эта ловушка устроена для тебя, Осборн? Что это такое ты написал, что этот французишка так заинтересовался?

- Это не я, сэр! — ответил Осборн. — И записку, и приглашение прислали Роджеру.

- Я не понимаю, — сказал сквайр. — Эти виги не выполнили свой долг передо мной, впрочем, и я не нуждаюсь в них. Герцог Дебенхэм обычно оказывал Хэмли достойное внимание — как старейшим землевладельцам в графстве — но с тех пор, как он умер, и этот жалкий лорд из вигов сменил его, я ни разу не обедал с лордом наместником... нет, ни разу.

- Но мне кажется, сэр, вы как-то упоминали, что лорд Камнор приглашал вас... только вы отказались пойти, — сказал Роджер.

- Да. Что ты хочешь этим сказать? Ты полагаешь, что я собирался поступиться принципами своей семьи и подлизаться к вигам? Нет уж! Пусть они этим занимаются. Они достаточно быстро пригласили наследника Хэмли, когда на носу выборы графства.

- Я уже объяснил вам, сэр, — произнес Осборн раздражительным тоном, каким иногда говорил, когда слова отца были необдуманно, — что это не мне лорд Холлингфорд прислал приглашение, а Роджеру. Роджер сам добился известности, став первым студентом, — продолжил Осборн, укол самобичевания смешался с благородной гордостью за брата, — он сам делает себе имя: он написал об этих новых французских теориях и открытиях, и вполне естественно, что этот французский ученый хочет познакомиться с ним, поэтому лорд Холлингфорд пригласил его на обед. Это ясно, как божий день, — он понизил голос и обратился к Роджеру, — здесь не замешена политика, как отец не может этого понять.

Конечно, сквайр услышал эти слова, брошенные «в сторону», с злополучной неясностью, что означало приближающуюся глухоту. И эффект, произведенный ими, вызвал язвительный ответ:

- Вам, молодым, кажется, что вы все знаете. Я скажу вам, что это

явный трюк вигов. И что за дело Роджеру... если это тому человеку нужен Роджер... Зачем подлизываться к французу? В мое время мы довольствовались тем, что ненавидели их и колотили. Но это как раз в духе твоего тщеславия, Осборн, посчитать, что они приглашают твоего младшего брата, а не тебя. Я скажу тебе, что тебя. Они полагают, что старшего сына непременно называют в честь отца, Роджером, Роджером Хэмли, младшим. Это ясно, как день. Они знают, что не могут обвести меня вокруг пальца, но они пользуются этой французской уловкой. Что заставило тебя написать о французе, Роджер? Я, было, подумал, что ты слишком разумен, чтобы обращать внимание на их фантазии и теории; но если это именно тебя пригласили, я не советую тебе идти и встречаться с этими иностранцами в доме вигов. Им следовало пригласить Осборна. Он представляет Хэмли, если не я. И они не зазовут меня к себе, пусть даже не пробуют. Кроме того, в Осборне есть немного замашек от месье, он нахватался их из-за того, что любил ездить на континент, вместо того, чтобы возвращаться в свой добрый старый английский дом.

Он продолжал говорить, повторяя многое из того, что уже сказал, пока не вышел из комнаты. Осборн отвечал на его неразумное ворчание, что только еще больше распаляло гнев отца; и как только сквайр ушел, Осборн повернулся к Роджеру и произнес:

- Разумеется, ты пойдешь, Роджер? Десять против одного, что завтра он передумает.

- Нет, — ответил Роджер, достаточно резко, он был всерьез огорчен. — Я не рискну рассердить его. Я откажусь.

- Не будь глупцом! — воскликнул Осборн. — Отец, в самом деле, неразумен. Ты слышал, как он продолжал противоречить себе; а держать такого человека, как ты, в подчинении, словно ребенка...

- Давай больше не будем об этом говорить, Осборн, — прервал его Роджер, быстро написав несколько слов. Когда записка была написана и отослана, он подошел и бережно положил руку на плечо брата, затем сел, притворяясь, что читает, но на самом деле беспокоясь за обоих дорогих ему людей, хотя и по совершенно разным причинам.

- Как продвигается дело со стихами, старина? Я надеюсь, они почти готовы к тому, чтобы их показать.

- Нет, еще нет. И если бы не деньги, меня бы не волновало, что их никогда не опубликуют. Какой прок в славе, если с нее не пожнешь плодов?

- Постой, мы больше этого не потерпим. Давай поговорим о деньгах. На следующей неделе я уеду держать экзамен на стипендию, и тогда у нас

будут общие деньги, они не откажутся выплатить мне стипендию, раз уж я старший рэнглер. Сейчас я и сам стеснен в деньгах, и мне бы не хотелось беспокоить отца, но как только я стану членом научного общества, ты возьмешь меня в Винчестер и представишь своей женошке.

- В следующий понедельник исполнится месяц, как я уехал от нее, — сказал Осборн, откладывая бумаги и всматриваясь в огонь, словно таким образом мог увидеть ее образ в пламени. — В своем утреннем письме она просит меня передать тебе такое милое послание. Не стоит переводить его на английский, ты должен прочитать его сам, — продолжил он, указывая на пару строчек в письме, которое он достал из кармана.

Роджер предполагал, что несколько слов были написаны неправильно, но смысл, вложенный в них, был таким нежным и ласковым и нес на себе оттенок такой простой, почтительной признательности, что он не мог не испытывать почтения к своей незнакомой невестке, чье знакомство с Осборном произошло, когда он помогал ей искать какую-то пропавшую игрушку детей, которых она вывела на обычную дневную прогулку в Гайд-парк. Миссис Осборн Хэмли была никем иным, как французской бонной, очень милой, очень элегантной, и ее слишком тиранили непослушные мальчики и девочки, находившиеся под ее попечением. Она была маленькой сиротой, которая очаровала главу путешествующей английской семьи, когда в гостинице принесла мадам какие-то предметы женского белья. Ее поспешно наняли гувернанткой к детям, отчасти в качестве любимого домашнего животного и игрушки, отчасти потому, что детям было полезно изучать французский с уроженкой Эльзаса. Со временем в суматохе Лондона и столичных развлечений хозяйка перестала обращать внимание на Эме. Но хотя с каждым днем француженка все больше и больше стала ощущать себя одинокой в чужой стране, она старалась усердно выполнять свои обязанности. Одного проявления доброты оказалось достаточно, чтобы чувства хлынули потоком; они с Осборном переживали идеальную влюбленность, которую грубо прервали, когда возмущенная мать семейства обнаружила, что между гувернанткой ее детей и молодым человеком совершенно иного класса существует привязанность. Эме честно призналась во всем своей хозяйке, но ни житейская мудрость, ни урок, извлеченный из чужого опыта, не смогли ни в малейшей степени поколебать ее истинной преданности своему возлюбленному. Возможно, миссис Таунсхенд ничего не оставалось делать, как выполнить своей долг и немедленно отослать Эме назад в Мец, где она впервые ее встретила, и где предположительно могли бы проживать родственники, оставшиеся у девушки. Но Осборн, настояв на

том, чтобы повидаться с хозяйкой и узнать, что случилось с его любимой, а затем с нетерпением и негодованием выслушав наставление от миссис Таунсхенд, бросился немедленно в Мец и, не теряя времени даром, женился на Эме. Все это случилось прошлой осенью, и Роджер узнал о поступке брата лишь тогда, когда уже ничего нельзя было отменить. Затем последовала смерть матери, которая помимо собственно ошеломляющего горя принесла потерю доброй, нежной примирительницы, что всегда могла смягчить сердце отца. Хотя сомнительно, что ей удалось бы преуспеть в данном случае, поскольку сквайр искал благородную, очень благородную жену для своего наследника; он ненавидел всех иностранцев и, более того, испытывал страх и отвращение ко всем римским католикам сродни той ненависти, которую наши предки питали к колдовству. Горе усилило все его предубеждения. Никакие доводы не могли пробить защиту его абсолютной неразумности; но нежный порыв в подходящий момент мог бы смягчить его сердце. Но счастливые мгновения ушли, а нежные порывы растоптаны горечью его частых угрызений совести не в меньшей степени, чем растущей раздражительностью. Поэтому Эме одиноко проживала недалеко от Винчестера в маленьком коттедже, в котором Осборн поселил ее, когда впервые привез в Англию в качестве жены, и который так изысканно обставил, для чего ему пришлось влезть в большие долги. В своих покупках Осборн скорее руководствовался собственным привередливым вкусом, нежели ее по-детски простыми желаниями и нуждами, и смотрел на маленькую француженку скорее как на будущую хозяйку Хэмли Холла, нежели на жену человека, который в настоящее время всецело зависит от других. Он выбрал южное графство, как наиболее удаленное от тех центральных графств, где имя Хэмли из Хэмли было широко известно, поскольку ему не хотелось, чтобы жена, пусть только на время, присваивала себе имя, которое по праву не принадлежало ей. Во всех этих приготовлениях он с готовностью старался выполнить свой долг перед ней; а она платила ему нежной преданностью и восхищением, граничащим с преклонением. Если его тщеславие встречало отпор, или его достойные желания добиться награды в колледже не оправдывались, он знал, куда идти за утешением — к той, которая изливала ему похвалы, пока слова не застревали у нее в горле от того, что не поспевали за мыслями, и к той, которая негодовала на всякого, кто не признавал достоинств ее мужа. Если ей и хотелось когда-нибудь поехать в *château*[4], который был его домом, и быть представленной его семье, то Эме никогда ни словом не намекала ему на это. Она только тосковала, она молила, чтобы муж почаще бывал с ней; и все разумные доводы, которые убеждали ее, что ему

необходимо так часто бывать вдали от нее, когда он предоставлял их, утрачивали всю свою эффективность, когда она старалась повторять их для себя в его отсутствие.

В тот день, на который был назначен обед лорда Холлингфорда, Роджер поднимался по лестнице, прыгая через три ступеньки за раз, и, поворачивая на лестничной площадке, столкнулся с отцом. Они впервые встретились после того разговора о приглашении на обед в Тауэрс. Сквайр остановил сына прямо посреди прохода.

- Ты собираешься встретиться с месье, мой мальчик? — спросил он отчасти утвердительно, отчасти вопросительно.

- Нет, сэр. Я почти немедленно отослал Джеймса с запиской, в которой отказался от приглашения. Меня это не интересует... то есть, не столь важно.

- Почему ты воспринял мои слова так резко, Роджер? — обиделся сквайр. — Я думаю, что человеку трудно, когда ему не позволяет немного прекословить, пусть у него тяжело на сердце, как у меня.

- Но, отец, мне бы не хотелось идти в дом, где вами пренебрегают.

- Нет, нет, сынок, — ответил сквайр, немного приободрившись, — думаю, это я пренебрегаю ими. Они приглашали меня на обед время от времени, после того, как милорд стал наместником, но я бы никогда не пошел к ним. Я заявляю, что это я пренебрегаю ими.

Больше об этом не говорили, но на следующий день сквайр снова остановил Роджера.

- Я заставил Джема примерить ливрею, которую он не носил уже три-четыре года. Он слишком располнел для нее.

- Ну, тогда ему не стоит ее надевать. А парнишка Моргана будет вполне ей рад... он отчаянно нуждается в одежде.

- Да, да, но кто пойдет с тобой, когда ты отправишься в Тауэрс? Все-таки будет вежливо ответить визитом после того, как лорд Как-его-там потрудился прийти сюда. А мне бы не хотелось, чтобы ты поехал без груга.

- Мой дорогой отец! Я не знаю, что делать с человеком, который едет позади меня на лошади. Я сам могу найти дорогу в конюшню, или там будет слуга, чтобы взять мою лошадь. Не тревожься об этом.

- Что ж, разумеется, ты не Осборн. Возможно, это не покажется им странным. Но ты должен приглядываться, держаться и помнить, что ты один из Хэмли, которые жили на этой земле сотни лет, тогда как другие были только мелкими вигами, приехавшими в графство во времена

королевы Анны.

[1] Эрдистон — деревня в графстве Вустершир.

[2] Из "Баллады на свадьбу" сэра Джона Саклинга(1609–1642).

[3] Этьен Жоффруа С. — Илер — (1772–1844), зоолог и сравнительный анатом, упоминаемый Дарвином в предисловии к "Происхождению видов". Гаскелл встречалась с его сыном в 1855 г.

[4] Chateau — с фр. замок, дворец.

Глава XXVIII

Соперничество

Спустя несколько дней после бала Синтия была очень молчаливой. Молли, которая пообещала себе вволю наговориться с ней о прошедшем развлечении, была разочарована. Правда, миссис Гибсон была готова говорить об этом столько раз, сколько будет угодно, но ее слова всегда напоминали готовую одежду, в которой отсутствует всякая индивидуальность. Каждый мог бы воспользоваться ими и описать любой бал, лишь изменив имена собственные. Она неоднократно использовала одни и те же выражения, пока Молли не стали раздражать сами предложения и их очередность.

- Ах, мистер Осборн, вы должны были быть там! Я много раз говорила себе, что вам следовало быть там... вам, и вашему брату, конечно.

- Я часто думал о вас в тот вечер!

- Правда? Как вы добры! Синтия, дорогая! Ты слышала, что сказал мистер Осборн Хэмли? — Синтия как раз вошла в комнату. — Он думал о нас весь вечер бала.

- Он не просто вспомнил о нас в тот вечер, — ответила Синтия, мягко улыбнувшись. — Мы обязаны поблагодарить его за те прекрасные цветы, мама.

- О! — воскликнул Осборн, — вы не должны благодарить только меня. Конечно, это была моя идея, но Роджер взял на себя все хлопоты.

- Я считаю, что идея — это главное, — заметила миссис Гибсон. — Мысль — духовна, тогда как действие всего лишь материально.

Это прекрасное изречение удивило саму говорящую, но в подобном разговоре нет нужды точно определять значение всего того, что произносится.

- Я боюсь, что цветы слишком запоздали, чтобы ими смогли

воспользоваться, — продолжил Осборн. — На следующее утро я встретил Престона, и, конечно, мы поговорили о бале. Я сожалею, что он опередил нас.

- Он послал всего лишь один букет, и тот предназначался Синтии, — сказала Молли, отвлекаясь от рукоделия. — И его принесли уже после того, как мы получили цветы из Хэмли.

Девушка бросила взгляд на лицо Синтии, прежде чем снова склониться над шитьем. Лицо той пылало, а в глазах вспыхивали огоньки гнева. И она, и ее мать поспешили заговорить, как только Молли замолчала, но Синтия задохнулась от эмоций, поэтому миссис Гибсон взяла слово.

- Букет мистера Престона оказался одним из тех формальных букетов, который можно купить в питомнике, и в самом подарке не было ни капли искреннего чувства. Я бы охотнее приняла две или три лилии из долины, собранные для меня человеком, который мне нравится, чем самый дорогой букет, который можно купить.

- Мистер Престон не имел права говорить, что он опередил вас, — заметила Синтия. — Его букет принесли как раз в ту минуту, когда мы уже были готовы ехать, и я немедленно бросила его в огонь.

- Синтия, дорогая моя! — воскликнула миссис Гибсон, которая до этого ничего не знала об участии, постигшей цветы. — Что о тебе подумает мистер Осборн Хэмли. Но, разумеется, я вполне понимаю твой поступок. Ты унаследовала мои предубеждения... которые я питаю по отношению к покупным цветам.

Синтия молчала минуту, затем сказала:

- Я использовала несколько ваших цветов, мистер Хэмли, чтобы украсить прическу Молли. Это было великое искушение, потому что они так подходили по цвету к ее коралловому ожерелью. Но полагаю, она посчитала, что нарушать целостность букета вероломно, поэтому я должна взять всю вину на себя.

- Мой брат составлял букеты, как я уже сказал вам. Но я уверен, он бы скорее предпочел увидеть цветы в прическе мисс Гибсон, чем в огне камина. Мистер Престон потерпел поражение.

Осборн скорее позабавило произошедшее, и ему бы хотелось разузнать мотивы поведения Синтии немного подробнее. Он не слышал, как Молли тихо произнесла, словно говорила сама с собой: «Я взяла свой букет, как только его прислали», поскольку миссис Гибсон полностью поменяла тему.

- Говоря о лилиях из долины, правда, что это полевые цветы, растущие

в Херствуде? Хотя сейчас для них еще не время цвести, но когда оно придет, я думаю, мы должны прогуляться туда... взять с собой корзину с ланчем... и устроить маленький пикник. Вы ведь к нам присоединитесь? — она повернулась к Осборну. — Я думаю, это замечательная идея. Вы могли бы приехать в Холлингфорд и оставить здесь свою лошадь, а мы бы провели целый день в лесу и вернулись к ужину... и в центре стола у нас бы стояла корзина лилий.

- Мне бы очень это понравилось, — ответил Осборн, — но меня может не оказаться дома. Скорее Роджер будет дома в то время... через месяц, — он подумывал съездить в Лондон, чтобы продать свои стихи, а затем поехать в Винчестер, чего он так ждал — для подобного удовольствия подходил конец мая, Осборн не просто думал об этом, но и писал в своих письмах к жене.

- О, но вы должны быть с нами! Мы должны дождаться мистера Осборна Хэмли, правда, Синтия?

- Я боюсь, лилии не станут ждать, — ответила Синтия.

- Что ж, тогда мы должны отложить прогулку, пока не расцветет шиповник и жимолость. Тогда ведь вы будете дома? Или лондонский сезон предоставляет слишком много приманок?

- Я точно не знаю, когда цветет шиповник.

- Вы, поэт, и не знаете? Разве вы не помните строки...

«Встречали розы нас с тобою
Улыбкой в парках и садах»?[1]

- Да, но эти строки не определяют время года, когда цветут розы; я считаю, что в своей жизни я больше руководствуюсь лунным календарем, нежели цветочным. Вам лучше взять в спутники моего брата, он лучше разбирается в цветах, я же только знаком с ними теоретически.

- Подразумевает ли это прекрасное слово «теоретически», что вы не разбираетесь в цветах? — спросила Синтия.

- Разумеется, мы будем рады видеть вашего брата, но почему бы вам не присоединиться к нам тоже? Признаюсь, я немного робею в присутствии такого серьезного и образованного человека, как ваш брат. Подарите мне немного очаровательного незнания, если мы должны назвать его тем грубым словом.

Осборн поклонился. Ему было очень приятно, что его балуют и льстят ему, даже если он все время знал, что это всего лишь лесть. Ему нравилось приходить в этот дом, где обстановка так приятно отличалась от гнетущей атмосферы его собственного жилища, и где общество двух милых девушек и успокаивающая сладость речей их матери всегда ожидали его. Не говоря

уже о гостинной, что поразила его поэтические чувства, — в ней было полно цветов, все кресла были удобными, а столы заставлены милыми безделушками в отличие от роскошных комнат его дома, где портьеры были изношенными, стулья неудобными, и женская рука не придавала изящества строгой обстановке. К тому же блюда, легкие и хорошо приготовленные, пришлось ему по вкусу и утоляли его изысканный аппетит намного лучше, чем обильные и тяжелые яства, приготовленные слугами из поместья. Осборн стал немного побаиваться, что слишком частые визиты к Гибсонам войдут у него в привычку (не потому, что он боялся последствий, к которым могло привести общение с двумя молодыми девушками, поскольку он никогда не думал о них иначе, как о друзьях, — он никогда не забывал, что он женат, а Эме так прочно царила в его сердце — что даже не представлял, что другие могут смотреть на него как на возможного мужа); но порой задумывался, не слишком ли часто он злоупотребляет оказываемым ему гостеприимством, не имея возможности отплатить тем же.

Но миссис Гибсон по своему неведению истинного положения вещей втайне ликовала, что есть приманка, которая заставляет его так часто приходить и празднично проводить время в их доме и в саду. Она не сомневалась, что именно Синтия влечет его в этот дом, и если бы последняя немного прислушивалась к разумным доводам, ее мать делала бы намеки немного чаще. Но Клер сдерживало подсознательное убеждение, что если бы ее дочь осознавала то, что надвигается, и хорошо понимала предупреждения миссис Гибсон и ее скромные попытки ускорить происходящее, то упрямая дочь противилась бы ей изо всех сил. Миссис Гибсон верила, что привязанности Синтии увлекут ее прежде, чем она сама это поймет, и что в этом случае она не попытается помешать искусным планам своей матери, пусть даже и разгадает их. Но Синтия столько раз флиртowała, восхищала и даже страстно влюблялась, что не могла хоть на мгновение усомниться в спокойной и дружеской природе ухаживания Осборна. Она всегда привечала его, как сестра — брата. Совсем иначе она встретила Роджера, когда он вернулся после избрания его в члены Тринити Колледжа. Трепетная скромность, едва сдерживаемая пылкость его манер заставили Синтию вскоре понять, с какой любовью ей пришлось столкнуться. Она не облекала ее в многочисленные слова — нет, даже в глубине своего сердца — но она поняла разницу между отношением к ней Роджера и Осборна задолго до того, как об этом догадалась миссис Гибсон. Молли, тем не менее, первая заметила источник привязанности

Роджера. Впервые, когда они увиделись после бала, это не укрылось от ее наблюдательного взгляда. Синтия с того вечера выглядела не слишком хорошо, она медленно слонялась по дому, бледная, с синяками под глазами, и ее, так любившую движение и свежий воздух, трудно было убедить выйти на прогулку.

Молли наблюдала за этим увяданием с чутким беспокойством, но на все ее вопросы, не переутомилась ли Синтия от танцев, или не случилось ли чего, что беспокоит ее, та отвечала вялым «нет». Как-то Молли упомянула имя мистера Престона и поняла, что эта тема причиняет боль Синтии: она еле сдерживала волнение, но произнесла только несколько резких слов, выражающих далеко не доброе отношение к джентльмену, и попросила Молли больше никогда не упоминать при ней его имени. Все же, последняя не могла представить себе, что он больше неприятен ее подруге, чем ей самой, и что он мог быть причиной нынешнего нездорового состояния Синтии. Но это нездоровье длилось уже столько дней без изменений и улучшений, так что даже миссис Гибсон это заметила, и Молли не на шутку встревожилась. Ее мачеха считала молчание и вялость Синтии естественным последствием «танцев с каждым, кто приглашал ее» на балу. Партнеры, чьи имена числились в «Красной книге»[2] не довели бы девушку до такого изнеможения. Но позднее, когда в состоянии Синтии не было заметно улучшений, миссис Гибсон вышла из себя и обвинила дочь в капризности и лени; в конце концов, и отчасти по просьбе Молли, она обратилась к мистеру Гибсону, чтобы тот как доктор обследовал предполагаемую больную, а это Синтия ненавидела больше всего на свете, особенно, когда вынесли вердикт, что у нее нет ничего серьезного, а всего лишь обычное вялое настроение и упадок сил, который вскоре восстановится после применения укрепляющего средства, а тем временем ей не стоит слишком переутомляться.

- Есть одна вещь, которая мне не нравится, — сказала Синтия мистеру Гибсону после того, как он назначил ей укрепляющее средство — когда доктора дают по чайной ложке отвратительную микстуру как верное лекарство от печалей и забот, — она рассмеялась; у нее всегда находились для него приятные слова и улыбки, даже если она была не в духе.

- Полно! Этими словами ты признаешь, что у тебя есть «печали». Давай заключим сделку — если ты мне расскажешь о своих печалях и заботах, я постараюсь найти от них другое средство и не давать тебе то, что ты соизволила назвать «отвратительной микстурой».

- Нет! — ответила Синтия, краснея, — у меня никогда не было печалей. Я говорила в общем. О чем я должна сожалеть, если вы и Молли

так добры ко мне, — ее глаза наполнились слезами.

- Ну, ну, не будем говорить больше об этом, тебе нужно будет выпить что-нибудь сладкое, чтобы ослабить горечь лекарства, к которому я вынужден прибегнуть.

- Пожалуйста, не нужно. Если бы вы только знали, как я не люблю приторные микстуры. Мне нужно горькое лекарство... и если иногда... если мне придется... если я не честна с собой, я люблю правду в других... по крайней мере, иногда, — она закончила предложение с другой улыбкой, скорее слабой и бледной.

Первый посторонний человек, который заметил перемены во внешности и поведении Синтии, был Роджер Хэмли — хотя он и не видел ее до того, как она стала принимать «отвратительную микстуру», и понемногу приходить в себя. Первые пять минут, после того, как он вошел в комнату, он не сводил глаз с Синтии, пытаясь отвечать на вежливые банальности миссис Гибсон. В первый же удобный момент он подошел и встал перед Молли, словно прикрывая ее собой от присутствующих в комнате, — после его прихода появились еще несколько гостей.

- Молли, какой нездоровой выглядит ваша сестра! Что с ней случилось? Ей нужен совет? Вы должны простить меня, но те, кто живет вместе в одном доме, не замечают первых признаков болезни.

Молли полюбила Синтию крепкой и стойкой любовью, и если что-то и могло подвергнуть ее испытанию, так это привычка Роджера называть Синтию сестрой Молли всякий раз, как он говорил с последней. Услышь она это от кого-нибудь другого, ей было бы безразлично, она едва ли обратила бы внимание на такие слова. Но такое выражение из уст Роджера резало ей слух и терзало душу; ее ответ прозвучал кратко.

- О! Она всего лишь переутомилась на балу. Папа осмотрел ее и говорит, что она скоро придет в себя.

- Может, ей нужно сменить обстановку? — задумчиво спросил Роджер. — Я бы хотел... мне бы хотелось пригласить ее в Хэмли Холл; конечно, вашу матушку и вас тоже. Но я не знаю, возможно ли это... и все же, как это было бы замечательно!

Молли почувствовала, что визит в поместье в подобных обстоятельствах будет так отличаться от ее прошлых визитов, что она едва ли смогла бы ответить, понравится он ей или нет.

Роджер продолжил:

- Вы вовремя получили наши цветы? Ах, вы не знаете, как часто я думал о вас в тот вечер! Вам он понравился? У вас было много приятных

партнеров, а все это делает первый бал восхитительным? Я слышал, что ваша сестра танцевала каждый танец.

- Бал был приятным, — тихо ответила Молли. — Но несмотря на это, я не уверена, хочу ли я пойти туда еще раз. Кажется, что балы доставляют так много хлопот.

- А, вы думаете о своей сестре и ее недомогании?

- Нет, вовсе нет, — довольно резко ответила Молли. — Я думала о платье, наряде и усталости на следующий день.

Если ему хочется, пусть думает, что она бесчувственная. Она поняла, что только что выказала слишком много чувства, и у нее странно сжалось сердце. Но он был слишком добр по своей природе, чтобы услышать излишнюю резкость в ее словах. И перед тем как уйти он, якобы, держа ее за руку и прощаясь с ней, произнес очень тихо, чтобы не услышали другие:

- Я могу что-нибудь сделать для вашей сестры? У нас много книг, как вы знаете, если она любит читать, — не получив от Молли подтверждения своим словам ни взглядом, ни словом, он продолжил: — А цветы? Она любит цветы. О, наша клубника как раз поспела... Я принесу ее завтра.

- Без сомнения, она понравится ей, — ответила Молли.

По той или иной причине, неизвестной Гибсонам, Осборн непривычно долго не навещал их, тогда как Роджер приходил почти каждый день и всегда с каким-нибудь новым подношением, которым он пытался облегчить недомогание Синтии, насколько это было в его силах. Ее отношение к нему было таким мягким и любезным, что миссис Гибсон встревожилась, как бы, несмотря на «отсутствие утонченности», как она соизволила это назвать, его не предпочли бы Осборну, который, непонятно почему, пренебрегал своей выгодой. Втайне она придумывала, как разными способами проявить неуважение к Роджеру, но дрючки отскакивали от его благородной натуры, которая не могла постичь ее мотивов, и обрушивались на Молли. В детстве ее часто называли непослушной и вспыльчивой, и теперь ей казалось, что она начала понимать, какой, в самом деле, у нее вспыльчивый характер. То, что, казалось, не причиняло вреда Роджеру и не раздражало Синтию, приводило Молли в ярость. А теперь, когда она обнаружила, что миссис Гибсон задумала сделать визиты Роджера более короткими и менее частыми, она всегда следила за проявлениями этого желания. Она понимала, что имеет в виду мачеха, намекая на то, как одиноко сейчас сквайру, когда Осборна нет в поместье, и когда Роджер так часто уезжает к друзьям в течение дня.

- Мистер Гибсон и я были бы так рады, если бы вы смогли остаться на ужин, но, разумеется, мы не можем быть так эгоистичны и попросить вас остаться, когда понимаем, как должно быть одиноко вашему отцу. Вчера мы говорили о том, как он сносит свое одиночество, бедный старик!

Или как только Роджер приезжал с букетом ранних роз, Синтии было желательно подняться в свою комнату и отдохнуть, тогда как Молли приходилось составлять компанию миссис Гибсон по какому-то выдуманному поручению или просьбе. И все же Роджер, с самого детства всегда пользовавшийся несомненным уважением мистера Гибсона, не торопился понять, что он нежелателен в этом доме. Если он не виделся с Синтией, это было его неудачей, во всяком случае, он узнавал, как она себя чувствует, и оставлял для нее какие-нибудь безделушки, которые, как он полагал, ей понравятся, и охотно рисковал своим удовольствием, наезжая четыре-пять раз в день, в надежде снова ее увидеть. Наконец, настал день, когда миссис Гибсон вышла за рамки.

Синтии стало намного лучше. Укрепляющее средство справилось с душевным недугом, хотя она отказывалась это признать. К ней вернулся милый румянец и беззаботность, и для беспокойства не осталось причин. Миссис Гибсон сидела за вышиванием в гостиной, а обе девушки — у окна: Синтия смеялась над настойчивыми попытками Молли симитировать французский акцент, с которым та читала страницу из Вольтера. По обязанности или ради фарса так сложилось, что теперь по утрам они занимались «полезным чтением», хотя лорд Холлингфорд, неосознанно предложив саму идею, вернулся в город, не сделав больше попыток снова увидеться с Молли, чего так ожидала миссис Гибсон в ночь, когда состоялся бал. Это видение Альнаскара [3] разбилось вдребезги. Было еще довольно рано: восхитительный, свежий, прекрасный июньский день только начинался, воздух благоухал ароматом распустившихся цветов. Почти все время пока девушки якобы занимались чтением французских книг, они, на самом деле высунувшись из открытого окна, пытались достать куст вьющейся розы. Наконец, им это удалось, букет лежал на коленях у Синтии, но многие лепестки опали, и хотя с подоконника доносился их аромат, вся красота цветов исчезла. Миссис Гибсон несколько раз побранила их за веселый шум, который мешал ей сосредоточиться на подсчете стежков в образце. Она назначила себе вышить определенное количество стежков этим утром, прежде чем выйти, оказавшись из той породы людей, которые придают огромную важность выполнению незначительных решений, занимаясь маловажными пустяками без какой-либо видимой причины.

- Мистер Роджер Хэмли, — объявила горничная.

- Так утомительно! — произнесла миссис Гибсон почти в его присутствии, откладывая пальца с вышивкой. Она протянула ему холодную, неподвижную руку, едва пробормотав слова приветствия, по-прежнему не отрывая взгляда от рукоделия. Он не обратил на это видимого внимания и прошел к окну.

- Какая прелесть! — воскликнул он. — Больше не нужно приносить вам розы из Хэмли, раз ваши уже распустились.

- Я согласна с вами, — сказала миссис Гибсон, отвечая ему, прежде чем Синтия или Молли смогли произнести хоть слово, хотя он обращался именно к ним. — Вы были очень добры, так долго принося нам цветы, но теперь распустились наши собственные, и нам больше не нужно вас беспокоить.

Он взглянул на нее с удивлением, его честное лицо омрачилось, скорее из-за тона, нежели из-за слов. Миссис Гибсон, тем не менее, оказалась достаточно смелой, чтобы нанести первый удар и решила продолжить, раз представилась возможность. Молли, возможно, была бы более уязвлена, если бы не заметила, как покраснела Синтия. Она ждала, что та заговорит, если понадобится, поскольку знала, что защиту Роджера, если в таковой возникнет необходимость, можно будет всецело возложить на готовое остроумие Синтии.

Он протянул руку за облетевшей кистью роз, что лежала на коленях Синтии.

- Во всяком случае, — ответил он, — мое беспокойство — если уж миссис Гибсон считает, что это причиняет мне беспокойство — будет возмещено с избытком, если мне отдадут это.

- Старые лампы на новые, — произнесла Синтия, улыбаясь и протягивая ему цветы. — Мне бы хотелось, чтобы букеты, которые вы приносили нам, можно было купить дешево.

- Вы забываете о бесполезной трате времени, что, я полагаю, мы должны включить в счет, — сказала ее мать. — Право слово, мистер Хэмли, нам придется запирать двери, если вы будете приходить так часто и так рано! Я регулярно после завтрака и до ланча занимаюсь собственными делами, и мне хочется, чтобы Синтия и Молли придерживались занятий полезным чтением и наукой, что так желательно для юных девушек их возраста, если они когда-нибудь надеются стать образованными, общительными женщинами. Но из-за ранних гостей совершенно невозможно придерживаться устоявшихся традиций.

Все это было произнесено тем приторным, притворным тоном,

который последнее время Молли сравнивала с царапанием карандаша по грифельной доске. Роджер изменился в лице. Его красноватый румянец на мгновение побледнел, он стал серьезным и недовольным. В следующее мгновение привычная открытость выражения вернулась. Почему бы ему, спрашивал он себя, не поверить ей? Было слишком рано для визита, он мог прервать обычные занятия. Поэтому он произнес:

- Полагаю, я был очень беспечным... Я больше не приду так рано, но сегодня у меня есть извинения: мой брат рассказал мне, что вы задумывали отправиться посмотреть Херствуд, когда розы распустятся, а в этом году они распустились раньше обычного... Я заезжал посмотреть. Он говорил, что вы хотите провести там весь день, поехать до ланча...

- План был придуман с мистером Осборном Хэмли. Я не думала ехать без него! — холодно произнесла миссис Гибсон.

- Этим утром я получил от него письмо, в котором он упоминал о вашем желании, и он пишет, что боится, что не сможет вернуться домой, пока они цветут. Смею сказать, их не так много можно увидеть, но день такой прекрасный, и я подумал, что это замечательная возможность побывать на свежем воздухе.

- Благодарю вас. Как вы добры! И так любезно, что вы пожертвовали собственным желанием провести как можно больше времени с отцом.

- Я рад сообщить, что моему отцу сейчас стало намного лучше, чем зимой, и что он проводит много времени на воздухе, в полях. Он привык гулять один, а я... мы думаем, что возвращение к его прежним привычкам, раз уж он был вынужден так сделать, пойдет ему на пользу.

- А когда вы возвращаетесь в Кэмбридж?

Роджер немного поколебался, прежде чем ответить:

- Время еще неопределено. Возможно, вам известно, что теперь я член научного общества. Я едва ли знаю, каковы мои планы на будущее. Я подумываю скоро отправиться в Лондон.

- Ах! Лондон — подходящее место для молодого человека, — решительно сказала миссис Гибсон, словно она много размышляла над вопросом. — Если бы мы не были так заняты этим утром, я бы поддалась искушению сделать исключение для нашего обычного правила, еще одно исключение, поскольку ваши ранние визиты уже вынуждали нас делать их много раз. Возможно, мы снова увидим вас, прежде чем вы уедете?

- Конечно, я приеду, — ответил он, поднимаясь, чтобы уйти, но все еще держа осыпавшиеся розы в руке. Затем, обращаясь больше к Синтии, он добавил: — Мое пребывание в Лондоне не продлится дольше двух недель... я могу что-нибудь сделать для вас... или для вас? — он чуть

повернулся к Молли.

- Нет, премного благодарна, — ответила Синтия очень приветливо, а затем, повинуясь какому-то внезапному порыву, она высунулась из окна и сорвала для него полураспустившиеся розы. — Вы заслуживаете этих цветов, выбросьте этот жалкий потрепанный букет.

Его глаза засветились, на щеках вспыхнул румянец. Он взял протянутые бутоны, но прежний букет не выбросил.

- Во всяком случае, я могу прийти после ланча, а послеполуденное время и вечера будут самым прекрасным временем дня в следующем месяце, — он сказал это и для Молли, и для Синтии, но в душе обращался к последней.

Миссис Гибсон притворилась, что не слышала того, что он сказал, но еще раз протянула ему безвольную руку.

- Полагаю, мы увидим вас по вашему возвращении. Прошу, передайте вашему брату, как мы ждем, что он снова нанесет нам визит.

Когда он вышел из комнаты, сердце Молли переполнилось. Она наблюдала за его лицом и читала его чувства: его разочарование от того, что они не согласились провести день в Херствуде, понимание, что его присутствие неприятно жене его старого друга, которое так медленно доходило до него — возможно, все эти вещи затронули Молли намного сильнее, чем его самого. Его выразительный взгляд, когда Синтия протянула ему розовые бутоны, указывал на прилив внезапной радости, заставивший его забыть о прошлых огорчениях.

- Не могу понять, зачем он пришел в такое неподходящее время, — сказала миссис Гибсон, как только услышала, что он вышел из дома. — Он так отличается от Осборна, с ним мы более близки: он приходил и дружил с нами все это время, пока этот его глупый брат попусту тратил свой ум на математику в Кэмбридже. Подумать только, член научного общества! Лучше бы он остался там, а не приходил, вторгаясь без разрешения, и полагая, что раз уж я просила Осборна присоединиться к нам на пикник, то мне все равно, с каким братом идти.

- Короче говоря, мама, один может украсть лошадь, а другой даже не может заглянуть за изгородь, — заметила Синтия, немного надувшись.

- К обоим братьям друзья всегда относились одинаково, между ними была такая крепкая дружба, и неудивительно, что Роджер мог подумать, что его могут приветливо встретить там, куда Осборну позволялось приходить в любое время, — продолжила Молли в глубоком возмущении. — «Роджер впустую тратил ум», помилуйте! Роджер — «глупый»!

- Очень хорошо, мои дорогие! Когда я была молодой, девушки вашего возраста не подумали бы спорить. И они бы предположили, что должно быть есть разумные причины, почему их родители не одобряют визитов некоторых джентльменов, даже когда они рады видеть членов той же самой семьи.

- Но именно это я и сказала, мама, — заметила Синтия, посматривая на мать с выражением невинного смущения на лице. — Одному можно...

- Помолчи, дитя! Все пословицы вульгарны, а эта, я считаю, самая вульгарная из всех. Ты нахваталась грубости от Роджера Хэмли, Синтия!

- Мама! — сказала Синтия, раздражаясь. — Мне все равно, что ты оскорбляешь меня, но мистер Роджер Хэмли был добр ко мне, пока я была нездорова. Мне невыносимо слышать, как его унижают. Если он грубый, я тоже не против быть грубой, поскольку мне кажется, что она должна означать доброту и любезность, а также приносить прекрасные цветы и подарки.

При этих словах слезы Молли хлынули из глаз; она могла бы поцеловать Синтию за ее горячую поддержку, но, боясь выдать свои чувства и «закатить сцену», как миссис Гибсон это называла, она поспешно отложила книгу и бегом поднялась в свою комнату. Заперев дверь, она вздохнула свободнее. На ее лице были заметны следы слез, когда она вернулась в гостиную спустя полчаса, подошла к своему прежнему месту, где все еще сидела Синтия и лениво смотрела в окно, обиженная и недовольная. Миссис Гибсон тем временем, энергично и отчетливо вслух подсчитывала свои стежки.

[1] Из баллады «Это было не зимой» («It was not in the winter», 1827) Томаса Худа (1799–1845). Пер. Марины Маровской.

[2] «Красная книга» — родословная книга дворянских родов.

[3] В сказке из «Тысячи и одной ночи» нищий Альнаскар, мечтает разбогатеть, продавая стеклянную посуду, и жениться на дочери Великого Визиря. Но замечтавшись и изображая походку визиря, он случайно взмахивает ногой и разбивает всю посуду.

Глава XXIX

Тайные уловки

В течение всех этих месяцев, что пролетели после смерти миссис Хэмли, Молли неоднократно размышляла над тайной, которой невольно завладела в тот последний день в библиотеке Хэмли Холла. Ей,

неискушенной в житейских делах, казалось весьма странным и неслыханным делом, что женатый мужчина не живет со своей женой, что сын связал себя священными узами брака без ведома отца и не признается, что он муж такой-то женщины, тем, с кем он ежедневно общается. Порой Молли чудилось, что те десять минут откровения всего лишь ей приснились. И Роджер, и Осборн с тех пор хранили полное молчание. Ни взглядом, ни смущением они не выдали и намека на тайну, и даже казалось, что они выкинули ее из головы. Огромное горе, связанное со смертью матери, заполняло их мысли при последующих случайных встречах с Молли — с тех пор им доводилось редко общаться, — поэтому ей иногда казалось, что оба брата, должно быть, забыли, как она узнала их важную тайну. Часто она совершенно забывала о ней, но возможно, благодаря своему знанию, она смогла понять истинную природу чувств Осборна к Синтии. Во всяком случае, она ни на минуту не усомнилась, что его любезность была чем-то иным, нежели вежливостью друга. Удивительно, но в эти последние дни Молли наблюдала за отношением Осборна к себе точно так же, как однажды раздумывала над отношением Роджера. И решила, что первый по-братски любит ее и Синтию, как молодой человек, с которым они не были знакомы в детстве, и который никоим образом не состоит с ними в родстве. Она считала, что после смерти матери его манеры, и возможно, характер, значительно улучшились. Он больше не был саркастичным и привередливым, тщеславным и самонадеянным. Она не знала, что часто все эти изыски в разговоре или поведении требовались Осборну для того, чтобы скрыть робость и спрятать истинное «я» от незнакомцев.

Вполне возможно, что Осборн мог снова говорить и вести себя по-прежнему, окажись он среди новых людей, но Молли видела его только в своем тесном кругу, а с ними он находился в близких отношениях. Все же она не сомневалась, что он и впрямь изменился в лучшую сторону, хотя возможно не до той степени, которую Молли ставила ему в заслугу. И это преувеличение возникло у нее из-за того, что он, понимая, как горячо Роджер восхищается Синтией, ушел в сторону с пути брата и обычно подходил и разговаривал с Молли, чтобы не становиться между Роджером и Синтией. Из них обеих Осборн предпочитал Молли — ему не нужно было разговаривать с ней, если у него не было настроения, они находились в тех благоприятных отношениях, когда допустимо помолчать, и когда не требуется идти наперекор господствующему состоянию души. Порой, когда Осборн был в настроении критиковать и привередничать, как когда-

то давно, он обычно дразнил Роджера, настаивая на том, что Молли милее Синтии.

- Помяни мои слова, Роджер. Через пять лет румянец и белизна Синтии погрубеют, ее фигура растолстеет, тогда как Молли станет более совершенной и грациозной. Не думаю, что девушка еще подрастет, полагаю, она и так выше, чем была прошлым летом, когда я впервые ее увидел.

- Глаза мисс Киркпатрик всегда будут совершенством. Я не могу представить, что чьи-то глаза могут быть такими же мягкими, серьезными, умоляющими и нежными. А какого они восхитительного цвета — я часто пытаюсь найти в природе что-нибудь, чтобы сравнить с ними. Они не похожи на фиалки — такой оттенок глаз говорит, скорее, о недостатке зрения, они не похожи на небо — в его цвете есть что-то бездушное.

- Полно, не старайся подобрать цвет под ее глаза, словно ты драпировщик, а они — кусок ленты. Скажи сразу — «ее глаза — путеводные звезды» и покончим с этим! Я утверждаю, что серые глаза и закрученные черные ресницы Молли во всех отношениях лучше, чем у других женщин. Но, разумеется, это дело вкуса.

А теперь и Осборн с Роджером покинули соседей. Несмотря на то, что миссис Гибсон считала визиты Роджера неуместными и назойливыми, она начала чувствовать, что они вносили приятное разнообразие, а теперь и вовсе прекратились. Он приносил с собой свежее дуновение атмосферы Холлингфорда. Он и его брат всегда были готовы дарить бесчисленные безделушки, которые только мужчина может дарить женщине; оказывали небольшие услуги, которые мистер Гибсон, будучи всегда слишком занятым, не мог оказать. Его врачебная практика пошла в гору. Он полагал, что этому росту он обязан своему мастерству и опыту, и был бы, наверно, обижен, если бы узнал, сколько его пациентов фанатично посылали за ним исключительно потому, что его услугами пользовались в Тауэрсе. Стоило ожидать, что пациенты будут платить ему столь же мало, как это делала семья Камнор много лет назад. Тех денег, что он получал за поездки в Тауэрс, едва ли бы хватило, чтобы оплатить прокат лошадей, но как выразилась тогда еще молодая леди Камнор:

- Самое важное для человека, только что наладившего практику, иметь возможность сказать, что он посещает этот дом!

Поэтому авторитет молча продавался и оплачивался; но ни покупатель, ни продавец не определяли природу сделки. В общем, было неплохо, что мистер Гибсон проводил очень много времени вне дома.

Иногда он и сам так считал, когда слышал недовольное ворчание своей жены или ее милый лепет по поводу совершенных пустяков, и понимал, какими мелкими по природе были все ее прекрасные чувства. И все же он не позволял себе роптать из-за совершенного им шага. Он охотно закрывал глаза и уши на многие незначительные вещи, потому что знал, что они будут раздражать его, если он будет обращать на них внимание; и в своих одиноких поездках он заставлял себя размышлять над теми несомненными преимуществами, что он приобрел с женитьбой. Он получил превосходную компаньонку, если не нежную мать, для своей маленькой девочки; опытную управляющую своим прежде беспорядочным хозяйством; женщину во главе стола, на которую было приятно смотреть. Более того, Синтия смещала чаши весов в благоприятную сторону. Она была замечательной подругой Молли, и они обе явно любили друг друга. Женская компания матери и дочери была приятна как ему, так и его девочке... когда миссис Гибсон была сдержанно благоразумна и не сентиментальна сверх меры, мысленно добавил он. А затем сдержался, поскольку не позволял себе быть в курсе ее ошибок и недостатков. Во всяком случае, она была безобидна и замечательно подходила Молли как мачеха. Она гордилась этим и часто обращала внимание на тот факт, что она не похожа в этом отношении на других женщин. И тогда вдруг внезапные слезы выступили на глаза мистера Гибсона, когда он вспомнил, как тихо и сдержанно стала относиться к нему его маленькая Молли; и как пару раз, встретившись с ним на лестнице, или где-нибудь еще без свидетелей, она обнимала и целовала его — руку или щеку — с печальной пылкостью. Но через мгновение он начал насвистывать старый шотландский мотив, услышанный им в детстве, и который с тех пор он ни разу не вспомнил. И пять минут спустя он усердно лечил опухоль на колене маленького мальчика и думал о том, как помочь его бедной матери, которая уходила убираться на весь день, а ночью слушала стоны своего ребенка, чтобы не думать о собственных заботах, которые были слишком ничтожны по сравнению с тяжелой реальностью этого безнадёжного горя.

Осборн приехал домой первым. Он вернулся незадолго до того, как уехал Роджер, но был вялым и нездоровым, и хотя он не жаловался, он чувствовал, что любое усилие дается ему с трудом. Прошла неделя или больше, прежде чем Гибсоны узнали, что Осборн в поместье. И узнали они об этом случайно. Мистер Гибсон встретил его на одной из аллей возле Хэмли. Приближаясь к путнику, внимательный доктор обратил внимание на его походку, прежде чем узнал, кто это. Догнав его, он сказал:

- Осборн, неужели это вы? Я, было, подумал, что передо мной плетется старик лет пятидесяти. Я не знал, что вы вернулись.

- Да, — ответил Осборн. — Я уже дома почти десять дней. Думаю, мне нужно было навестить ваших домочадцев, поскольку я пообещал миссис Гибсон известить ее, как только вернусь. Но дело в том, что я ни на что не годен, это воздух давит на меня. Я задыхаюсь в доме, и все же эта короткая прогулка лишила меня сил.

- Вам лучше немедленно вернуться домой. Я заеду и осмотрю вас, как только вернусь от Роуи.

- Нет, вы не должны, ни в коем случае! — поспешно сказал Осборн, — мой отец достаточно обеспокоен моими, как он говорит, частыми отлучками из дома, хотя с последней прошло шесть недель. Он приписывает мою вялость моим отъездам,... вы знаете, он распоряжается расходами, — добавил он, слабо улыбаясь, — а я нахожусь в жалком положении безденежного наследника, и я был так воспитан... По правде говоря, я должен время от времени уезжать из дома, и если отец утвердится во мнении, что мое здоровье ухудшилось из-за моих отлучек, он перестанет платить содержание.

- Могу я спросить, где вы проводите время, уезжая из Хэмли Холла? — спросил мистер Гибсон с какой-то нерешительностью.

- Нет! — неохотно ответил Осборн. — Я вам скажу вот что: я останавливаюсь у друзей в деревне. Я веду жизнь, благоприятную для здоровья, потому что она совсем простая, разумная и счастливая. Вот, я рассказал вам больше, чем знает мой отец. Он никогда не спрашивает меня, куда я езжу, и я не расскажу ему, если он спросит... по крайней мере, думаю, что не расскажу.

Мистер Гибсон молча ехал рядом с Осборном минуту или две.

- Осборн, в какие бы неприятности вы не попали, я бы посоветовал вам поговорить с вашим отцом начистоту. Я знаю его, и я знаю, что сначала он сильно рассердится, но потом успокоится, помяните мое слово. И, так или иначе, он найдет деньги, чтобы оплатить ваши долги и освободить вас от них, если затруднение в этом. А если у вас затруднения в другом, он, тем не менее, останется вашим лучшим другом. Эта отчужденность в отношениях с отцом сказывается на вашем здоровье, ей-богу.

- Нет, — сказал Осборн. — Прошу прощения. Но дело не в этом. Я действительно не в порядке. Думаю, мое нежелание сталкиваться с любым недовольством отца — следствие моего нездоровья, но я ручаюсь, причина не в этом. Мой инстинкт говорит мне, что у меня что-то серьезное.

- Успокойтесь, не противопоставляйте свой инстинкт моей профессии, — весело сказал мистер Гибсон. Он спешился и, перебросив поводья лошади через руку, осмотрел язык Осборна и пощупал его пульс, задав несколько вопросов. Закончив осмотр, он произнес:

- Мы скоро отпустим вас, хотя мне бы хотелось еще немного поговорить с вами с глазу на глаз, без этого вырывающегося животного. Если бы вам удалось приехать к нам на ланч завтра, доктор Николс присоединился бы к нам, он заедет навестить старого Роуи, а вы выгодно воспользуетесь советом не одного, а двух докторов. Сейчас ступайте домой, вы достаточно потрудились в такой жаркий полдень. И не хандрите дома, прислушиваясь к бормотаниям вашего глупого инстинкта.

- Что мне еще остается делать? — спросил Осборн. — Мы не общаемся с отцом, нельзя все время читать и писать, особенно когда на этом много не заработаешь. Я не прочь рассказать вам... но по секрету, запомните... я пытаюсь издать некоторые свои стихи. Но кто, как не издатель лишает вас самомнения. Ни один из издателей не примет их как дар.

- Ах, вот в чем дело, не так ли мастер Осборн? Я полагал, что для такого уныния есть какая-то душевная причина. Будь я на вашем месте, я бы не стал ломать над этим голову, хотя говорить всегда легко. Попробуйте писать прозу, если вам не удастся порадовать издателей поэзией. Но, во всяком случае, не стоит переживать из-за пролитого молока. Но я не должен терять здесь время. Приезжайте к нам завтра, как я сказал, и, я думаю, мы немного вас взбодрим знаниями двух докторов, а также остроумием и глупостями трех женщин.

Сказав это, мистер Гибсон снова сел на лошадь и поехал крупной рысью, так же хорошо известной деревенским жителям, как его собственная походка.

«Мне не нравится, как он выглядит, — думал про себя ночью мистер Гибсон, когда над ежедневником вспоминал события дня. — И еще его пульс. Но как часто мы ошибаемся. Десять против одного, мой собственный скрытый враг находится ближе ко мне, чем его — к нему... даже если смотреть на обстоятельства с худшей точки зрения.»

Осборн появился на следующее утро в важный момент перед завтраком, и никто не возражал против такого раннего визита. Он чувствовал себя лучше. Если у него и был поначалу нездоровый вид, то его щеки быстро порозовели под воздействием того радушия, с которым его встретили. Молли и Синтии нужно было много рассказать ему о

небольших происшествиях, случившихся с тех пор, как он уехал, и поведать о результатах своих планов. Синтия много раз собиралась задать веселые, беспечные вопросы о том, где он был и что делал; но Молли, которая догадывалась об истинной причине его поездки, так часто вмешивалась, чтобы избавить его от уклончивого ответа, и от страданий, которым ее чуткая совесть сочувствовала намного больше, чем он сам себе.

Речь миссис Гибсон была бессвязной и сентиментальной, но хотя Осборн и улыбался про себя многому из того, что она сказала, в целом ее слова успокаивали. Некоторое время спустя вошли доктор Николс и мистер Гибсон, они уже обсудили состояние здоровья Осборна, и время от времени старый, опытный медик бросал острый, внимательный взгляд на юношу.

Пришло время ланча, когда все были веселы и голодны, кроме хозяйки, которая пыталась облагородить свой дневной аппетит во всех отношениях и считала (довольно ошибочно), что доктор Николс является именно тем человеком, на котором можно практиковать видимость нездоровья, и что он окажет ей надлежащее количество вежливого сочувствия, каковое каждый гость должен был даровать хозяйке, которая жалуется на хрупкость своего здоровья. Старый доктор был слишком опытным человеком, чтобы попасться в эту ловушку. Он посоветовал миссис Гибсон отведать за столом грубой пищи, и, наконец, сказал ей, если она не любит холодную говядину, стоит ее попробовать с маринованным луком. Когда он произносил эти слова, его глаз подрагивал, что выдавало бы его шутливое настроение любому наблюдательному человеку, но мистер Гибсон, Синтия и Молли спорили с Осборном по поводу каких-то его литературных предпочтений, и миссис Гибсон оказалась вся во власти доктора Николса. Она не сожалела, когда завтрак подошел к концу, и три джентльмена остались в комнате, впоследствии она называла доктора Николса не иначе, как «тот грубиян».

Вскоре Осборн поднялся наверх и по своей привычке стал обсуждать новые книги и расспрашивать девушек о музыке. Миссис Гибсон должна была уйти и нанести несколько визитов, поэтому она оставила их троих наедине, и спустя какое-то время они спустились в сад: Осборн расслабился в кресле, Молли усердно подвязывала гвоздики, а Синтия собирала цветы по-своему беззаботно и изящно.

- Я надеюсь, вы заметили разницу в наших занятиях, мистер Хэмли. Молли, как видите, посвящает себя полезному, а я — украшениям. Пожалуйста, скажите, к какому занятию вы отнесете то, чем вы заняты? Думаю, вы могли бы помочь одной из нас, вместо того, чтобы наблюдать

за нами, как важная персона.

- Я не знаю, что умею делать, — ответил он довольно жалобно. — Мне хотелось бы быть полезным, но я не знаю, как это сделать. И мой нрав не подходит исключительно для украшений. Боюсь, вы должны оставить меня в покое. Кроме того, я ужасно измотан расспросами и бесцеремонным обращением этих двух добрых докторов.

- Вы же не хотите сказать, что они набросились на вас после ланча?! — воскликнула Молли.

- Да, именно так и было. И они могли бы продолжать до сих пор, если бы своевременно не вошла миссис Гибсон.

- Я думала, мама вышла некоторое время назад, — сказала Синтия, услышав отголоски разговора, поскольку порхала туда-сюда среди цветов.

- Она вошла в гостиную не более пяти минут назад. Она нужна вам, я вижу, как она пересекает холл в эту самую минуту? — и Осборн привстал.

- О, вовсе нет, — ответила Синтия. — Только она, кажется, так торопилась выйти, что я подумала, будто бы она давно ушла. У нее было поручение от леди Камнор, и она полагала, что смогла бы справиться с ним, если бы повидалась с экономкой, которая всегда бывает в городе по четвергам.

- Семья приедет в Тауэрс этой осенью?

- Полагаю, что да. Но я не знаю, меня это мало заботит. Они не слишком любезны со мной, — продолжила Синтия, — и поэтому полагаю, что я не столь великодушна, чтобы быть любезной с ними.

- Я бы подумал, что такой очень редкий недостаток, как неодинаковое отношение к людям, вызвал бы у вас интерес к ним, как к выдающимся личностям, — сказал Осборн с галантностью.

- Разве это не комплимент? — спросила Синтия спустя минуту притворного раздумья. — Если кто-то делает мне комплимент, пожалуйста, пусть он будет коротким и ясным. Я слишком глупая, чтобы находить в них скрытый смысл.

- Тогда то, что вы предпочитаете, это слова «вы очень милы» или «у вас очаровательные манеры». Теперь я горжусь тем, как деликатно заворачиваю свою лесть.

- Тогда не будете ли вы любезны записать ваши слова, а я на досуге разберу их.

- Нет! Это было бы слишком хлопотно. Я пойду вам навстречу и к следующему разу научусь ясности.

- О чем это вы оба говорите? — спросила Молли, опираясь на легкую лопату.

- Мы лишь обсуждаем, как лучше всего отпустить комплименты, — сказала Синтия, снова взяв корзину для цветов, но не удаляясь, чтобы слышать разговор.

- Во всяком случае, я совсем их не люблю, — заметила Молли. — Но, возможно, дело в том, что для меня виноград еще не созрел, — добавила она.

- Чепуха! — ответил Осборн. — Рассказать вам, что я слышал о вас на балу?

- Или мне вызвать мистера Престона, — сказала Синтия, — чтобы опередить вас? Повернешь кран, и в одно мгновение заструится целый поток приятных слов, — ее губы искривило презрение.

- О тебе, возможно, — сказала Молли, — но не обо мне.

- О любой женщине. Это его представление о том, как быть любезным. Если позволишь мне, Молли, я проведу эксперимент, и ты увидишь, какой будет успех.

- Нет, прошу, не надо, — поспешно попросила Молли. — Он мне так не нравится!

- Почему? — спросил Осборн, ее горячность вызвала в нем любопытство.

- О! Я не знаю. Кажется, он никогда не знает, что ты чувствуешь.

- Ему было бы все равно, даже если бы он знал, — заметила Синтия. — Он бы мог узнать, но не желает.

- Если он предпочтет остаться, его не будет заботить, нуждаются в нем или нет.

- Продолжайте, это очень интересно, — сказал Осборн. — Это похоже на строфу и антистрофу в греческом хоре. Прошу, продолжайте.

- Разве вы не знакомы с ним? — спросила Молли.

- Да, я его видел, думаю, как-то раз нас представили друг другу. Но вы знаете, мы в Хэмли намного дальше от Эшкома, чем вы здесь, в Холлингфорде.

- Но он приезжает занять место мистера Шипшэнкса и будет жить здесь, — сказала Молли.

- Молли! Кто тебе это сказал!? — спросила Синтия совершенно иным тоном, нежели говорила до сих пор.

- Папа. Разве ты не слышала? О, нет, это было утром до того, как ты спустилась. Папа вчера встретил мистера Шипшэнкса, и тот рассказал ему, что все улажено: весной до нас доходили слухи об этом.

После этих слов Синтия замолчала. Вскоре она сказала, что собрала все цветы, какие хотела, и что жара слишком сильная, и она пойдет в дом.

А затем ушел и Осборн. Но Молли поставила перед собой задачу — выкопать те корнеплоды, что уже отцвели, и высадить на их места несколько клумбовых растений. Закончив работу, усталая и разгоряченная, она поднялась наверх отдохнуть и сменить платье. По привычке она поискала Синтию; на тихий стук в дверь напротив ее собственной комнаты не последовало ответа, и, думая, что Синтия должно быть уснула и лежит неукрытая на сквозняке открытого окна, она тихо вошла внутрь. Синтия лежала на кровати, словно бросилась на нее, не заботясь о непринужденности и удобстве позы. Девушка была неподвижна, и Молли, взяв шаль, подошла, чтобы накрыть ее, когда та открыла глаза и произнесла:

- Это ты, милая? Не уходи. Мне нравится знать, что ты здесь.

Она снова закрыла глаза и еще несколько минут оставалась неподвижной. Затем, вскочив, она села и, откинув волосы со лба и горящих глаз, внимательно посмотрела на Молли.

- Ты знаешь, о чем я думала, милая? — спросила она. — Я думаю, что пробыла здесь достаточно долго и что мне лучше пойти в гувернантки.

- Синтия, что ты имеешь в виду? — спросила ошеломленная Молли. — Ты спала... тебе приснился сон. Ты переутомилась, — продолжила она, присаживаясь на кровать и взяв вялую руку Синтии, мягко ее погладила — так, как это делала ее мать когда-то, — видя это, мистер Гибсон часто гадал про себя, был ли то наследственный инстинкт или давнишнее воспоминание о нежных ласках умершей матери.

- О, какая ты хорошая, Молли. Интересно, если бы меня воспитали так же, как тебя, была бы я такой же хорошей? Но меня бросили.

- Тогда не уезжай и больше не будешь брошена, — мягко сказала Молли.

- О, милая! Мне лучше уехать. Понимаешь, никто не любит меня так, как ты и твой отец... верно, Молли? Так тяжело уезжать.

- Синтия, я уверена, ты не в себе, или еще не совсем проснулась.

Синтия села, обхватив колени руками, и уставилась в пустоту.

- Что ж! — произнесла она, наконец, тяжело вздохнув, но затем, улыбнулась, заметив беспокойство на лице Молли. — Я считаю, что судьбы не избежать, куда бы я ни поехала, везде я буду еще более одинокой и беззащитной.

- Что ты имеешь в виду под своей судьбой?

- А, это всего лишь поговорка, малышка, — ответила Синтия, к которой, казалось, теперь вернулась ее обычная манера. — Я не имела в виду обреченность. Я думаю, что хотя в душе я большая трусиха, я могу

быть готова к борьбе.

- С кем? — спросила Молли, страстно желая раскрыть тайну, если таковая была на самом деле, добраться до самой сути, в надежде найти какое-то средство от несчастья, в котором пребывала сейчас Синтия.

Синтия снова задумалась, затем услышав отголосок последних слов Молли, она сказала:

- «С кем?»... О! быть готовой к борьбе с кем... со своей судьбой, разумеется. Разве я не благородная молодая леди, чтобы иметь судьбу? Молли, детка, какой у тебя бледный и серьезный вид! — произнесла она, неожиданно поцеловав сестру. — Ты не должна так много обо мне заботиться. Я не достаточно хорошая, чтобы ты беспокоилась обо мне. Давным-давно я воспитала себя бессердечным существом.

- Чепуха! Мне бы не хотелось, чтобы ты так говорила, Синтия!

- А мне бы не хотелось, чтобы ты всегда воспринимала меня «внизу письма»[1], как обычно переводят с французского английские школьницы. О, как жарко! Неужели больше не будет прохладно? Дитя мое, какие у тебя грязные руки да и лицо тоже. Я тебя целовала... значит, я тоже испачкалась. Ну вот, разве это не одна из маминых нотаций? Но тем не менее, ты выглядишь скорее как Адам-пахарь, чем как Ева за прялкой.[2]

Эти слова произвели тот эффект, на который рассчитывала Синтия, элегантная и опрятная Молли осознала, что ухаживая за Синтией, она позабыла переодеться и поспешно удалилась в свою комнату. Когда она ушла, Синтия бесшумно заперла дверь и, высыпав содержимое кошелька на стол, стала считать деньги. Она посчитала один раз... посчитала дважды, словно желала обнаружить ошибку, которая бы подтвердила, что у нее денег больше, чем есть на самом деле, но все закончилось вздохом.

- Какой глупой... какой глупой я была! — произнесла она наконец. — Но если даже я не пойду в гувернантки, я вовремя возьму долг.

Роджер вернулся в Хэмли Холл, когда прошло несколько недель со дня предполагаемого возвращения, о котором он говорил Гибсонам перед отъездом. Утром того дня, когда Осборна пригласили в гости, он рассказал им, что его брат пробудет дома два или три дня.

- И почему бы ему тогда не приехать сюда? — спросила миссис Гибсон. — С его стороны нелюбезно не приехать и не повидать нас как можно скорее. Передайте ему это, прошу вас.

В последний раз, когда Осборн приезжал к ним, у него закралось подозрение относительно отношения миссис Гибсон к Роджеру. Роджер не жаловался и даже не упоминал об этом до этого самого утра; когда Осборн

уже был готов уехать и убеждал Роджера сопровождать его, последний передал ему слова миссис Гибсон. Он говорил так, словно это его скорее забавляло, нежели беспокоило, но Осборн понял, что брат огорчен из-за того, что на его визиты, которые доставляли ему величайшее удовольствие, наложены ограничения. Ни один из братьев не обмолвился о том, что пришло в голову обоим, — обоснованное подозрение возникло из того факта, что визиты Осборна, неважно, были они ранние или поздние, никогда не встречали отказа.

Осборн упрекал себя из-за того, что был несправедлив к миссис Гибсон. Она была явно капризной, но возможно бескорыстной женщиной. Она была немного не в настроении, поэтому говорила с Роджером подобным образом.

- Полагаю, с моей стороны было большой дерзостью приехать в такой неподходящий час, — сказал Роджер.

- Ничуть. Я приезжаю в любой час, и об этом ничего не говорилось. Это произошло потому, что в то утро она была расстроена. Я ручаюсь, она уже сожалеет, и я уверен, в будущем ты можешь поехать туда в любой час, когда захочешь.

Все же Роджер пару недель не отваживался снова поехать туда, и в результате получилось так, что в следующий раз, когда он поехал с визитом, дам не было дома. И еще раз его постигла неудача, а затем он получил небольшое треугольное письмо [3]от миссис Гибсон.

«Мой дорогой сэр! Как случилось, что вы вдруг стали таким официальным, оставляете карточки, вместо того, чтобы дожидаться нашего возвращения? Стыдно! Если бы вы видели, какой поток слов разочарования вылился у меня, когда нашему взору представили ужасные маленькие визитные карточки, вы бы не питали ко мне злобу так долго, поскольку наказывая других, я наказала собственное непослушное «я». Если вы придете завтра — так рано, как пожелаете, — и позавтракаете с нами, я признаю, что была сердита и признаюсь, что раскаиваюсь. Всегда ваша Гиацинта С. К. Гибсон».

Этому приглашению трудно было противиться, даже если бы не было сильного стремления ответить на приятные слова. Роджер приехал, и миссис Гибсон привчала и ласкала его в своей слащавой, льстивой манере. Для него Синтия выглядела прекрасней, чем прежде, из-за незначительного временного ограничения, которое было наложено на их общение. Она могла быть веселой и блистательной с Осборном, с Роджером она была мягкой и серьезной. Интуитивно она разбиралась в мужчинах. Она видела, что Осборну она интересна только из-за ее

принадлежности к семье, с которой он находился в близких отношениях, что в его дружбе нет ни капли чувства, и что его восхищение является всего лишь теплым откликом художника на необычную красоту. Но она чувствовала, что отношение к ней Роджера было иным. Для него она была единственной, неповторимой и бесподобной. Если бы его любовь запретили, то прошло бы немало лет, прежде чем он смог бы снизить до прохладной дружбы. И для него ее лицо, ее красота были единственными, что заставляли его трепетать от страсти. Синтия была не способна ответить на подобное чувство, она так мало встречала в своей жизни истинной любви, и так много восхищения. Но она оценила этот искренней пыл, это преданное поклонение, которого прежде не испытывала. Такая признательность, такое уважение за его правдивую и страстную натуру придали серьезной нежности ее отношению к Роджеру, которая очаровывала его чистым и неповторимым изяществом. Молли сидела рядом и гадала, чем это все закончится, или вернее, как скоро это все закончится, поскольку считала, что ни одна девушка не сможет противиться такому благоговейному чувству. Со стороны Роджера не могло быть сомнений — увы! Не могло быть сомнений. Более старший наблюдатель мог бы заглянуть далеко вперед и подумать о вопросе фунтов, шиллингов и пенсов. Откуда мог взяться необходимый для женитьбы доход? Сейчас у Роджера была стипендия, но этот доход будет утерян, если он женится. У него не было профессии, а пожизненные проценты с двух или трех тысяч фунтов, что он унаследовал от своей матери, принадлежали его отцу. Этого более старшего наблюдателя могла бы немного удивить перемена в отношении миссис Гибсон к младшему сыну, которое этот вышеупомянутый наблюдатель прочел в глубине ее мудрого сердца. Больше она не пыталась быть более любезной с Осборном, однако, когда она переключилась на Роджера, ее попытка потерпела решительную неудачу, поскольку он не знал, что сказать в ответ на изысканную лесть, которая, он чувствовал, была неискренней, но он понял, что впредь он может чувствовать себя свободным в этом доме. Он слишком обрадовался, что может воспользоваться этой привилегией, и не стал задумываться над мотивами ее изменившегося отношения. Он закрыл глаза и предпочел поверить, что теперь она желает загладить свою вспышку гнева во время его последнего визита.

Результатом переговоров Осборна с двумя докторами стали определенные предписания, которые, казалось, должны были пойти ему на пользу, и которые, по всей вероятности, принесли бы ему еще больше пользы, если бы он смог освободиться от воспоминаний о своей

терпеливой женушке, что живет в одиночестве возле Винчестера. Он ездил к ней при любой возможности, и благодаря Роджеру, теперь у него было больше денег, чем прежде. Он по-прежнему избегал, а, возможно, все больше и больше уклонялся от того, чтобы рассказать отцу о своей женитьбе. Какой-то физический инстинкт неосознанно заставлял его страшиться волнения. Если бы он не получил денег от Роджера, он был бы вынужден рассказать обо всем отцу и просить у него необходимую сумму, чтобы обеспечить жену и будущего ребенка. Но достаточное количество средств на руках и тайное, хотя и мучимое угрызениями совести убеждение, что пока у Роджера водятся деньги, он может рассчитывать на их половину, заставляли его еще больше, чем прежде сопротивляться тому, чтобы раскрыть отцу свой секрет, и тем самым рассердить его. «Еще не сейчас, еще не теперь», — продолжал он говорить и Роджеру, и себе. «Со временем, если у нас родится мальчик, я назову его Роджером»... и затем возникшие мечты поэтического и романтического примирения между отцом и сыном через ребенка, отпрыска запретного брака, становились для него все более реальными, и, во всяком случае, они предотвращали неприятное. Он заглаживал свою вину за то, что брал так много из стипендии Роджера, думая, что если Роджер женится, он потеряет источник дохода. И все же Осборн не строил никаких препятствий на пути этого события, скорее даже ускорял его, содействуя всеми возможными способами, чтобы его брат виделся с дамой своего сердца. Благодаря этому, Осборн убедил себя в собственном великодушии.

[1] Пословный перевод с фр. *au pied de la letter*, т. е «буквально».

[2] «Кто был дворянином, когда Адам пахал, а Ева пряла?» — пословица, широко известная во всей Европе, начиная со средних веков.

[3] Конверты, хотя и были известны в 20-е гг. 19 в., не столь широко использовались. Письмо обычно складывали по диагонали, а затем запечатывали.

Глава XXX

Старое и новое

Мистер Престон поселился в своем новом доме в Холлингфорде; мистер Шипшэнкс предался величавой праздности в доме своей замужней дочери, которая проживала в главном городе графства. Его преемник с энергией погрузился во всякого рода улучшения и кроме прочего принялся осушать участок дальней пустоши — кусок необработанной земли лорда

Камнора, что примыкал к владениям сквайра Хэмли. Это был тот самый участок, на который сквайр получил правительственный грант, но который теперь стоял заброшенным, он был осушен только наполовину: штабеля замшелых труб и ряды выкопанных борозд свидетельствовали о прекращенных работах. Сейчас сквайр не так часто ездил в этом направлении, но хижина человека, который служил здесь егерем в более благоприятные времена, когда Хэмли могли позволить себе заготавливать дичь, располагалась рядом с землей, поросшей тростником. Егерь — старый слуга и арендатор — был болен и послал в поместье письмо, прося встречи со сквайром, не для того, чтобы открыть ему какую-то тайну или сказать что-то особенное, но всего лишь из феодальной преданности; казалось, что умирающий получит утешение, если пожмет руку и еще раз взглянет в глаза господина и хозяина, которому служил он сам, и чьим предкам его собственные прародители служили столько поколений. И сквайр, как и старый Сайлас, оказался приверженцем старых традиций. Хотя он ненавидел участок земли, на котором стояла хижина Сайласа, но, получив известие, он немедленно распорядился оседлать ему лошадь.

Подъезжая к участку, он представил, как слышит звук инструментов, гул множества голосов, как, бывало, слышал их пару лет назад. Удивившись, он прислушался. И в самом деле, там раздавался звон железа, тяжелый, последовательный стук опрокидываемых тачек, нагруженных землей, крики и возгласы рабочих. Но не на его земле трудились нанятые рабочие, а на заросшем камышом глинистом выгоне. Он знал, что эта земля находилась в собственности лорда Камнора, и он знал, что лорд Камнор и его семья ("мошенники виги!") выделялись в свете и богатством, и положением, а Хэмли шли ко дну. И тогда вопреки благоразумию в сквайре вскипела злость при виде того, что делал его сосед, и что он сам не в состоянии был сделать, и потому что тот был из вигов. А ведь семья лорда Камнора живет в графстве лишь со времен королевы Анны. Он разозлился слишком сильно, чтобы поинтересоваться, а не воспользовались ли рабочие его трубами, что лежали так удобно близко, под рукой. Все эти мысли, сожаления и раздумья пронесли у него в голове, пока он подъезжал к хижине; спешившись, сквайр предоставил свою лошадь заботам паренька, который до этого строил с младшей сестрой домики из пресловутых труб. Это был внук старого Сайласа, и он мог расколотить грубые красные глиняные трубы на куски — целый штабель — одну за одной, а сквайр не сказал бы ни слова. Лишь бы ни одной из них не досталось рабочим лорда Камнора. Нет! Ни одной!

Сайлас лежал в похожем на чулан закутке, что открывался из

гостиной. Маленькое окно, из которого проникал свет, выходило прямо на так называемый "торфяник"; днем клетчатую занавеску отодвигали в сторону, чтобы он мог наблюдать за продвижением работ. Вокруг старика была чистота, и, несмотря на близость смерти, великого уравнивателя, именно рабочий первым сделал движение и протянул свою мозолистую руку сквайру.

- Я знал, что вы придете, сквайр. Ваш отец приходил повидать моего, когда тот умирал.

- Полно, полно, дружище! — произнес сквайр, как всегда слегка волнуясь. — Не говори о смерти. Мы скоро поставим тебя на ноги, не бойся. Тебе прислали немного супа из поместья, как я приказал?

- Да, да, у меня есть все, что мне захотелось бы съесть и выпить. Молодой сквайр и мастер Роджер были здесь вчера.

- Да, я знаю.

- Но мне уже недолго осталось. Мне бы хотелось, чтобы вы присмотрели за укрытиями в Западной Рощице, сквайр. Там, в утеснике,[1] вы знаете, где была нора у старой лисы... там она принесла большой выводок. Вы вспомните, сквайр, хотя и были тогда юношей. Я смеюсь, когда вспоминаю о ее проделках, — из-за слабой попытки засмеяться, на него напал неистовый приступ кашля, встревоживший сквайра, который подумал, что старик больше никогда не сможет вздохнуть. Услышав, как Сайлас кашляет, его невестка подошла и объяснила сквайру, что эти приступы случаются довольно часто, и она полагает, что вскоре один из них убьет ее свекра. Она легко высказала свое мнение в присутствии старика, который обессиленно лежал на подушке и дышал с трудом. Бедняки признают неотвратимость приближения смерти намного проще, нежели это принято среди более образованных людей. Сквайра потрясло жестокосердие, как он определил его, но сам старик получал много нежности и доброты от своей невестки, и то, что она сказала, не явилось для него большей новостью, чем тот факт, что завтра снова встанет солнце. Он больше беспокоился о том, как продолжить свой рассказ.

- Эти землекопы... я называю их землекопами, потому что некоторые из них чужаки, хотя несколько человек из них были уволены с ваших работ, сквайр, когда прошлой осенью пришло распоряжение прекратить их... они выдергивали утесник и густой кустарник, дабы разжечь костры и разогреть похлебку. Им далеко добираться до дома, поэтому большинство обедает здесь. Если вы не присмотрите за ними, не останется никакой растительности. Мне хотелось вам рассказать об этом, прежде чем я умру. Священник был здесь, но я не сказал ему. Он из людей графа, и он не

станет за ними присматривать.

Полагаю, это граф привел его в свою церковь, потому как он сказал, что приятно видеть, как много работы дано беднякам, и ничего не сказал о том, когда снова возобновятся ваши работы, сквайр.

Эта длинная речь была прервана кашлем и тяжелыми вздохами; рассказав о том, что накопилось у него в душе, он отвернулся к стене и, казалось, заснул. Вдруг, вздрогнув, он приподнялся.

- Я знаю, я отдал его под суд. Ему нужны были фазаньи яйца, и я не знал, что он сирота. Бог да простит меня!

- Он говорит о Дэвиде Мортоне, калеке, что обычно ставил капканы на хищников, — прошептала женщина.

- Ну, он же умер давно... лет двадцать назад, как я припоминаю, — ответил сквайр.

- Да, но когда дедушка так засыпает после очередной речи, кажется, что он грезит о старых временах. Он еще не проснулся, сэр. Вам лучше присесть, если вы хотите остаться, — продолжила она, входя в комнату и вытирая фартуком стул. — Он особенно просил меня разбудить его, если заснет, когда вы или мистер Роджер придете. Мистер Роджер сказал, что снова заглянет этим утром... но он, похоже, проспит час или больше, если его не будить.

- Мне бы хотелось попрощаться, я бы хотел сделать это.

- Он засыпает так внезапно, — сказала женщина. — Но если прощание доставит вам удовольствие, сквайр, я разбужу его.

- Нет, нет! — выкрикнул сквайр, когда женщина собиралась последовать своим словам. — Я снова приду, возможно, завтра. И скажите ему, что мне жаль, в самом деле, жаль. И обязательно посылайте в поместье за всем, что вам понадобится. Мистер Роджер приедет, ведь так? Позднее он привезет мне весточку о его состоянии. Мне бы хотелось попрощаться с ним.

Итак, дав шесть пенсов ребенку, который держал его лошадь, сквайр сел на нее. Он неподвижно сидел минуту, глядя на деловую суету, развернувшуюся перед ним, а затем на свой наполовину осушенный участок. Это была горькая пилюля. Поначалу он не хотел брать деньги у правительства, но жена убедила его сделать этот шаг, и он был горд, так как единственный раз в своей жизни уступил духу прогресса. Он читал и изучал литературу на эту тему очень основательно, не торопясь, а жена тем временем оказывала на него влияние. Он сносно разбирался лишь в сельском хозяйстве и в то же время взял на себя инициативу и среди соседей землевладельцев первым начал гончарный дренаж[2]. В те дни

люди привычно говорили о любимом занятии сквайра Хэмли. И в рыночных трактирах и на званных обедах графства, люди всерьез опасались неосторожным замечанием побудить его к бесконечным повторениям доводов из различных буклетов, которые он читал по этой теме. А теперь хозяева повсюду осушали и осушали земли. Свой процент правительству, тем не менее, он продолжал выплачивать, хотя работы были приостановлены, а гончарные трубы — испорчены. Это соображение не успокаивало, и сквайр был почти готов спорить с собственной тенью. Ему хотелось дать выход плохому настроению, и вдруг вспомнив, как не более часа назад он услышал о том, что растительный покров на его земле разрушают, он поехал к работающим на участке лорда Камнора. Не успев доехать до них, он встретился с мистером Престоном, который верхом присматривал за рабочими. Сквайр не был знаком с ним лично, но по манере говорить и по уважению, с которым к тому относились, мистер Хэмли понял, что перед ним нужный человек. Поэтому он обратился к мистеру Престону:

- Прощу прощения, я полагаю, вы управляете этими работами?

Тот ответил:

- Конечно, помимо этих работ я занимаюсь еще многими другими делами, к вашим услугам. Я сменил мистера Шипшэнкса, управляющего собственностью милорда. Мистер Хэмли из Хэмли, я полагаю?

Сквайр чопорно поклонился. Он не любил, когда у него спрашивали его имя или фамильярничали подобным образом. Равный ему мог бы догадаться, кто перед ним или узнать его, но пока он сам не представился, стоящий ниже его по положению не имел права произнести больше, чем "сэр". Это был этикетный кодекс сквайра.

- Я мистер Хэмли из Хэмли. Я полагаю, вы до сих пор не знаете границ владений лорда Камнора, поэтому я извещу вас, что моя собственность начинается у того пруда, как раз там, где вы видите возвышение земли.

- Я прекрасно знаком с этим фактом, мистер Хэмли, — ответил мистер Престон, немного недовольный тем, что ему приписали подобное незнание. — Но могу я поинтересоваться, почему мое внимание привлечено к этому прямо сейчас?

Сквайр начал выходить из себя, но старался держать себя в руках. Подобное усилие стоило уважения, поскольку давалось с большим трудом. В тоне и манерах красивого и хорошо одетого управляющего было что-то, что невыразимо раздражало сквайра, и оно не уменьшилось при невольном сравнении превосходного верхового жеребца, на котором восседал мистер

Престон, с собственной плохо вычищенной и старой лошастью.

- Я сказал вам, что ваши люди вон там не соблюдают этих границ и имеют привычку собирать утесник с моей земли, чтобы разжигать костер.

- Возможно, что так! — ответил мистер Престон, подняв брови, его поведение было более невозмутимым, нежели слова. — Мне кажется, они не считают это большим вредом. Тем не менее, я выясню.

- Вы сомневаетесь в моих словах, сэр? — спросил сквайр, потрепывая кобылу, пока она не начала пританцовывать. — Говорю вам, я узнал об этом только полчаса назад.

- Я и не думал сомневаться в ваших словах, мистер Хэмли. Это последнее, что я бы решился сделать. Вы должны извинить меня, но я скажу, что ваш довод, который вы дважды привели для доказательства достоверности вашего утверждения, "якобы вы узнали об этом полчаса назад", не столь веский и совершенно не устраняет возможности ошибки.

- Мне бы хотелось, чтобы вы прямо сказали, что сомневаетесь в моих словах, — сказал сквайр, сжимая и чуть приподнимая свой хлыст. — Я не могу понять, что вы имеете ввиду — вы употребляете так много слов.

- Прошу, не выходите из себя, сэр. Я сказал, что узнаю. Вы сами не видели, как рабочие вытаскивают утесник, иначе вы упомянули бы об этом. Я, разумеется, могу сомневаться в точности вашего осведомителя, пока сам не разузнаю. Во всяком случае, именно этого курса я буду придерживаться, и если это причинит вам обиду, я извинюсь, но я все равно это сделаю. Когда я буду уверен, что вашей собственности нанесли ущерб, я приму меры, чтобы не допустить этого впредь, и конечно от имени лорда я выплачу вам компенсацию, возможно, это будет сумма в полкроны, — последние слова он добавил, понизив голос, словно для себя самого, с небрежной, презрительной улыбкой на лице.

- Тише, лошадка, тише, — произнес сквайр, совершенно не осознавая, что он сам является причиной ее нетерпеливых движений, постоянно натягивая поводья, а также, возможно, что это указание он адресовал сам себе.

Никто из них не заметил Роджера Хэмли, который приближался к ним широким, равномерным шагом. Он увидел отца с порога хижины старого Сайласа, а так как бедный старик еще спал, он вышел поговорить с отцом и оказался достаточно близко, чтобы услышать последние слова.

- Я не знаю, кто вы, но я знал управляющих, которые были джентльменами, и я знал тех, кто ими не был. Вы принадлежите к последним, молодой человек, — сказал сквайр, — вот так. И мне хотелось бы испытать на вас свой хлыст за вашу дерзость.

- Прошу, мистер Хэмли, — холодно повторил мистер Престон, — умерьте ваш пыл и подумайте. Мне действительно жаль видеть человека вашего возраста в таком волнении, — сказал он, тем не менее, отодвигаясь немного дальше, не столько из собственного страха, сколько желая избавить разгневанного мужчину от приведения угрозы в исполнение. Как раз в эту минуту рядом оказался Роджер. Он немного запыхался, но взгляд его был мрачным и тяжелым, хотя говорил он достаточно спокойно.

- Мистер Престон, я едва ли понимаю, что вы хотели сказать вашими последними словами. Но помните, мой отец — джентльмен по возрасту и положению и не привык получать советы, как управлять своим гневом, от юношей вроде вас.

- Я хотел прогнать его людей со своей земли, — сказал сквайр сыну, желание выглядеть хорошо в мнении сына немного охладило пыл, но хотя его слова могли казаться спокойными, внешние признаки раздражения не исчезли — бледное лицо, дрожащие пальцы, горящий взгляд. — Он отказался это сделать и усомнился в моих словах. Мистер Престон повернулся к Роджеру, словно просил трезво подумать и пересмотреть скороспелое решение, и заговорил тоном невозмутимого объяснения, хотя слова его не были дерзкими, они чрезмерно раздражали.

- Ваш отец неправильно понял меня... возможно... — он старался намекнуть сыну, что его отец был не в состоянии слушать разумные доводы. — Я никогда не отказывался делать то, что справедливо и правильно. Я только потребовал дополнительных доказательств о причинении вреда в прошлом, а ваш отец обиделся на это, — и затем он пожал плечами и поднял брови в той манере, которой когда-то научился во Франции.

- Во всяком случае, сэр! Я едва ли сочту манеру и слова, относящиеся к моему отцу, которые я услышал от вас, когда подошел ближе, проявлением уважения, которое вы должны были оказать человеку его возраста и положения. Что касается причинения вреда...

- Они вытащили весь утесник, Роджер... для дичи больше не будет укрытия, — вставил сквайр. Роджер поклонился отцу, но продолжил свою речь с тех слов, на которых его прервали.

- Я сам разужнаю в более спокойные минуты, и если я обнаружу, что подобный вред или ущерб был нанесен, конечно, я буду надеяться, что вы присмотрите, чтобы это прекратилось. Пойдем, отец! Я собирался навестить старого Сайласа... возможно, ты не знаешь, что он очень болен, — так он попытался отвлечь сквайра, чтобы предотвратить дальнейшую перепалку. Это ему не совсем удалось.

Мистер Престон был взбешен спокойствием Роджера и сказал в сторону, возможно громче, чем это допускали приличия:

- Его возраст и положение! Что мы должны думать о положении человека, который начинает подобные работы, а потом их прекращает, поскольку не считался с затратами, и который вынужден уволить своих рабочих в начале зимы, оставляя...

Они ушли довольно далеко, чтобы слышать остальное. Сквайр был готов вернуться, но Роджер взял под уздцы кобылу и вел ее по болотистой почве так, словно шел по твердой земле. Хорошо, что лошадь знала его, и была достаточно старой, чтобы предпочесть спокойный шаг и не гарцевать. Мистер Хэмли яростно рванул поводья и, наконец, разразился проклятием:

- Черт поberi, Роджер! Я не дитя, не нужно со мной так обращаться. Оставь меня, я сказал!

Роджер отпустил поводья. Они не чувствовали себя уверенно, и ему не хотелось, чтобы какой-нибудь зритель подумал, что он оказывает давление на своего отца, и это молчаливое послушание нетерпеливой команде больше успокоило сквайра, чем что-то либо еще.

- Я знаю, я уволил их... а что я мог поделать? У меня больше не было денег. Ты понимаешь, для меня это потеря. Он не знает, никто не знает, но я думаю, твоя мать знала, как мне тяжело увольнять их как раз перед наступлением зимы. Я провел много бессонных ночей, думая об этом, я отдал им то, что у меня было... это правда. У меня не было денег для них, но у меня были откормлены три бесплодных коровы, я отдал людям каждый кусок мяса, я позволил им пойти в лес и собирать то, что попадется, я закрыл глаза на то, что они сломали старые скамейки, а теперь мне напоминает об этом этот грубиян... этот слуга. Но я продолжу работы... продолжу, лишь бы только досадить ему. Я покажу ему, кто я. Мое положение! Хэмли из Хэмли занимает более высокое положение, чем его хозяин. Я продолжу работы, увидишь! Я плачу сто-двести процентов в год по правительственному займу. Я соберу больше, если обращусь к евреям. Осборн показал мне способ, и Осборн заплатит за это... он заплатит. Я не потерплю обид. Ты не должен был останавливать меня, Роджер! Ей богу, мне хотелось отхлестать наглеца!

Он продолжал приводить себя в неистовство, сыну было больно на это смотреть, но как раз в этот момент маленький внук Сайласа, державший лошадь сквайра, когда тот приезжал навестить больного, подбежал, запыхавшись:

- Пожалуйста, сэр, пожалуйста, сквайр, мама послала меня. Дедушка внезапно проснулся, и мама говорит, он умирает, вы придете? Она говорит,

он примет это как сердечную любезность, вот увидите.

Они поехали к хижине, сквайр не проронил ни слова, но внезапно почувствовал, словно поднимается из водоворота и опускается в безмолвном и величественном месте.

[1] Утесник — довольно высокий колючий кустарник из семейства бобовых.

[2] Гончарный дренаж представляет собой секции глиняных труб, которые укладывают впритык и засыпают в траншеях, предназначенных для сбора и отвода дренируемой воды.

Часть IV

Глава XXXI

Безразличная кокетка

Трудно было бы ожидать, что стычка, произошедшая между мистером Престоном и Роджером Хэмли, поможет им проникнуться симпатией друг к другу. Они едва ли разговаривали прежде и лишь изредка виделись, поскольку обязанности управляющего до сего времени ограничивались Эшкомом, находившемся в шестнадцати — семнадцати милях от поместья Хэмли. Мистер Престон был старше Роджера на несколько лет, и в то время как Осборн и Роджер учились в школе и колледже, он проживал в графстве. Мистер Престон уже был готов недолго любить Хэмли, потому что и Синтия, и Молли говорили о братьях с уважением, и были дружны с ними; цветы, присланные ими по случаю бала, предпочли его букету; большинство людей хорошо о них отзывались, — а мистер Престон испытывал инстинктивную животную ревность и враждебность ко всем вызывающим восхищение молодым людям. Несмотря на свою бедность, Хэмли занимали более высокое положение, чем мистер Престон, и более того, он был управляющим знаменитого лорда виги, чьи политические интересы были диаметрально противоположными интересам сквайра, старого приверженца тори.

Не то чтобы лорду Камнору стоило больших трудов прийти к своим политическим убеждениям. Его семья получила от виги собственность и титул во времена ганноверской династии[1], и поэтому по традиции он был

вигом и в юности состоял членом клуба вигов, где проигрывал в карты значительные суммы денег. Все это было достаточно приятно и закономерно. И если бы лорд Холлингфорд не вернулся в графство ради интересов вигов — как поступил когда-то его отец, до того, как унаследовал титул — вполне возможно, что лорд Камнор посчитал бы, что британская конституция в опасности, и патриотизм его предков неблагодарно игнорируют. Но за исключением выборов он не имел намерения вынуждать вигов и тори произносить партийные лозунги. Он слишком долго жил в Лондоне и был слишком общительным по натуре, чтобы отказать всякому, кто подходил ему по характеру, в гостеприимстве. Напротив, он всегда был готов его предложить, будь тот приятный знакомый вигом, тори или радикалом. Но в графстве, где он был лордом-наместником[2], давнее политическое различие оставалось по-прежнему предрассудком, в соответствии с которым проверяли, годятся ли кандидаты для избирательной компании. Если случайно кто-либо из вигов оказывался на обеде у тори и наоборот, то еда усваивалась с трудом, а вино и яства критиковали, вместо того чтобы ими наслаждаться. Брак между молодыми людьми из разных политических партий был делом небывалым, их союз был запрещен, как союз Ромео и Джульетты. И конечно, мистер Престон был не из тех, в чьем сердце не находилось места подобным предубеждениям. Напротив, они приводили его в волнение и выявляли весь его талант к интригам в интересах партии, сторонником которой он являлся. Более того, он считал, что доказывает преданность своему нанимателю, «рассеивая его врагов[3]» всеми возможными средствами. Он всегда ненавидел и презирал тори, а после того разговора на болотистом выгоне перед хижинкой Сайласа, он возненавидел Хэмли и Роджера особенно сильно, самой лучшей и особенной ненавистью. «Этот щеголь», — как с тех пор он всегда называл Роджера, — «еще заплатит за это», — сказал он себе в виде утешения после того, как отец и сын ушли.

- Что за деревенщина! — произнес он вслед удаляющейся фигуре. — Старик в два раза храбрее, — сквайр в этот момент натянул поводья. — Старая кляча смогла бы лучше найти дорогу, если бы ее не вели, мой дорогой. Но я вижу все твои уловки. Ты боишься, что твой старик отец повернет назад и снова придет в ярость. Вот уж положение! Нищий сквайр, который уволил своих рабочих накануне зимы, и на то, что они чахли и умирали с голода, ему было наплевать — это очень похоже на жестокого старого тори, — так под предлогом сочувствия к уволенным рабочим, мистер Престон с радостью потакал своей собственной личной обиде.

У мистера Престона было много причин для веселья: он смог забыть

этот неприятный случай, как он предпочел его назвать, вспомнив, как увеличились доходы и возросла популярность на его новом месте жительства. Весь Холлингфорд оказал уважение новому управляющему графа. Мистер Шипшэнкс был ворчливым, неприветливым старым холостяком, он частенько захаживал в фойе гостиницы в базарные дни, не желая устраивать званые обеды для трех-четырех избранных друзей и знакомых, с которыми в свою очередь обедал время от времени, и с которыми поддерживал дружеское соперничество в вопросе вин. Он «не ценил женского общества», как элегантно озвучила мисс Браунинг его нежелание принимать приглашения от Холлингфордских дам. Он был достаточно неучтив и рассказывал об этих приглашениях своим вышеупомянутым близким друзьям, словно жаловался: «Эти старушки надоедают», — но дамы, конечно, об этом так и не узнали. Маленькие, с четвертинку листа, записки без конвертов — подобное приспособление было еще неизвестно в те дни — складывались и запечатывались в уголках вместо заклеивания, и курсировали между мистером Шипшэнксом и барышнями Браунинг, миссис Гудинаф и другими дамами. Вначале записка гласила: «Мисс Браунинг и ее сестра мисс Фиби Браунинг посылают свои наилучшие пожелания мистеру Шипшэнксу и извещают его, что несколько друзей любезно согласились оказать им честь своим присутствием на чаепитии в следующий четверг. Мисс Браунинг и мисс Фиби сочтут большой любезностью, если мистер Шипшэнкс присоединится к их небольшой компании».

А вот от миссис Гудинаф:

«Миссис Гудинаф выражает свое почтение мистеру Шипшэнксу и надеется, что он в добром здравии. Она была бы очень рада, если бы он оказал ей любезность своим присутствием на чаепитии в понедельник. Моя дочь из Комбермера прислала мне пару цесарок, и миссис Гудинаф надеется, что мистер Шипшэнкс останется на ужин».

Не было необходимости ставить число. Добродетельные дамы полагали, что настанет конец света, если приглашения разослать за неделю до упоминавшегося в приглашении вечера. Но даже цесарки на ужин не могли прельстить мистера Шипшэнкса. Он вспоминал самодельные вина, которые пробовал в былые дни на холлингфордских вечерах, и вздрагивал. Хлеб и сыр со стаканом горького пива или немного бренди, разведенного водой, старая одежда (разношенная и сильно пропахшая табаком) ему были милее, чем поджаренная дичь и вино, не говоря уж о жестком, неудобном пальто, тугом галстуке и тесных туфлях. Поэтому бывшего управляющего редко видели на холлингфордских чаепитиях. У него была своя форма

стандартного отказа, неизменно однообразная.

«Мистер Шипшэнкс шлет поклон мисс Браунинг и ее сестре (миссис Гудинаф или кому-то другому, в зависимости от обстоятельств). Важные дела мешают ему воспользоваться их любезным приглашением, за которое он премного им благодарен».

Но теперь, когда мистер Престон стал его преемником и приехал жить в Холлингфорд, все изменилось.

Он отовсюду принимал комплименты, и соответственно вызвал восхищение. В его честь устраивались приемы, «словно он невеста», как выразилась мисс Фиби Браунинг; и на каждый он приходил.

- Что нужно человеку? — спросил сам себя мистер Шипшэнкс, услышав о приветливости, общительности, дружелюбности своего преемника, а также о многообразии других его достоинств от друзей, которых старый управляющий все еще сохранил в Холлингфорде.

- Престон не тот человек, чтобы выставить себя напрасно. Он серьезный. Ему нужно что-то посерьезнее, чем популярность.

Проницательный старый холостяк был прав. Мистер Престон искал нечто большее, чем просто популярность. Он приходил туда, где у него была возможность встретиться с Синтией Киркпатрик.

Возможно из-за того, что в то время Молли была более печальной, чем обычно, или из-за того, что Синтия неожиданно для себя ликовала, получая много внимания и восхищения от Роджера днем и от мистера Престона по вечерам, но обе девушки, казалось, разошлись по разным компаниям. Молли оставалась кроткой, но очень серьезной и молчаливой. Синтия, напротив, была весела, сыпала прелестными насмешками и почти не умолкала. Впервые приехав в Холлингфорд, она привлекала к себе тем, что была такой любезной слушательницей, теперь же ее взволнованность, чем бы она ни была вызвана, сделала ее слишком неугомонной и острой на язык. И все же ее слова были слишком милыми, слишком остроумными, но не обворожительными и не блестящими. Мистер Гибсон был единственным человеком, который заметил эту перемену и задумался над причинами, вызвавшими ее.

- У нее некая душевная лихорадка, — подумал он про себя. — Она очень обворожительна, но я не вполне понимаю ее.

Если бы Молли не была так всецело предана своей подруге, она бы подумала, что такое постоянное великолепие немного утомляет, когда привносится в повседневную жизнь. Оно не было похоже на освещенное солнцем безмятежное озеро, скорее это был блеск осколков разбитого

зеркала, который смущает и сбивает с толку. Синтия больше не секретничала, прежние предметы их размышлений и разговоров, казалось, потеряли для нее свою ценность. Временами подобное настроение у нее сменялось периодами глубокого молчания, которое показалось бы мрачным, если бы не предшествующее ему оживление. Синтия, как и прежде, была готова относиться с добротой и к мистеру Гибсону, и к Молли, и никогда не отказывалась она выполнить все, что пожелает мать, какого бы беспокойства не доставляла ее прихоть. Но в этом последнем случае взгляд Синтии не оживлялся любовью.

Молли грустила, не зная, почему. Синтия немного отдалилась, но дело было не в этом. У мачехи бывали причудливые настроения, и если Синтия сердила ее, она удручала Молли мелочной добротой и псевдолобью. Или же все шло не так, мир переворачивался с ног на голову, а Молли обвиняли в том, что ей не удавалось все исправить. Но у Молли был слишком спокойный характер, чтобы его всерьез могло изменить непостоянство неблагоразумного человека. Она могла быть недовольна или раздражена, но не подавлена. Дело было не в этом. Настоящая причина была безусловно следующей. Роджера тянуло к Синтии, и видеть, как он стремится к ней по своей собственной воле, было жестоко, больно и неловко для сердца Молли. Но это было открытое влечение, то, которое Молли признавала по своей скромности и огромной силе любви самым естественным на свете. Она смотрела на красоту и изящество Синтии и полагала, что никто не может им противиться. И когда она видела все малейшие признаки искренней привязанности, которые Роджер не в силах был скрывать, она думала, вздыхая, что любая девушка вряд ли бы устояла перед такой нежной, сильной заботой, что была заложена в характере Роджера. Она была готова отрубить свою правую руку, если понадобится, чтобы помочь ему покорить сердце Синтии, и такое самопожертвование добавило своеобразной пикантности недостатку счастья. Ее возмущало, что миссис Гибсон неспособна понять эту доброту и достоинство, когда она называла Роджера «деревенщиной», и Молли щипала себя, чтобы хранить молчание. Но, тем не менее, то было спокойное время по сравнению с настоящим, когда она, разглядывая изнанку гобелена, узнала, как обыкновенно узнают все живущие в одном доме с интриганом, что миссис Гибсон совершенно изменила свое отношение к Роджеру по какой-то неизвестной для Молли причине.

Но он всегда оставался все тем же, «надежным, как старые времена», как миссис Гибсон называла его со своей обычной оригинальностью,

«скалой силы, под которой сама тень дает отдых», как однажды сказала о нем миссис Хэмли. Поэтому причина изменившегося отношения миссис Гибсон была не в нем. И все же теперь он стал желанным гостем, ему позволялось приходить в любое время. Его шутливо упрекнули за то, что он воспринял слова миссис Гибсон так буквально, и за то, что никогда не приходил до ланча. Но он ответил, что у нее есть веские причины так говорить, и он должен уважать их. И это было сказано с простотой и без оттенка злобы. Дома, в разговорах в кругу семьи, миссис Гибсон постоянно строила планы, как свести Роджера и Синтию вместе, так очевидно желая довести дело до помолвки, что Молли рассердилась на сеть, расставленную так явно, и на слепоту Роджера, который так охотно шел в ловушку. Она забыла, что этому предшествовало его желание, забыла о давних признаках его отважной любви к прекрасной Синтии. Она видела только заговор, в котором он был жертвой, и Синтию в виде сознательной или пассивной приманки. Она понимала, что не смогла бы так поступить, как Синтия, никогда, даже чтобы завоевать любовь Роджера. Синтия слышала и видела столько домашней подоплеки, и все же она приняла роль, предназначенную ей! Несомненно, эта роль будет сыграна ею неосознанно; она сделает это естественно; но потому, что так было установлено — правда, только намеками — Молли сопротивлялась, уходила, например, когда ожидалось, что она останется дома, или засиживалась в саду, когда планировалась длительная прогулка за город. Наконец, из-за того, что она не могла перестать любить Синтию, она решила верить в то, что Синтия совершенно не знает обо всех обстоятельствах; но лишь с усилием заставила себя в это поверить.

Может быть, очень приятно «играть с Неэрой на приволье, Амарилиде кудри потрепать»[4], но у юношей из этой прозаичной Англии в начале независимой жизни имеется много других забот, которые занимают их время и мысли. Роджер был членом научного общества Тринити, и со стороны, конечно, казалось, что его положение, пока он предпочитает оставаться неженатым, очень стабильное. Тем не менее, не в его натуре было погрязнуть в бесславной праздности, даже если в его распоряжении была стипендия. Он предвкушал деятельную жизнь, но в каком направлении, еще не определился. Он знал свои таланты и склонности и не желал, чтобы первые были зарыты в землю, а последние, которые он считал одаренностью, подходящей для некоего специфического занятия, не принимали во внимание или разрушали. Ему скорее нравилось укреплять свои собственные силы, чтобы проложить путь к цели, когда

однажды он ясно ее увидит. Он отложил достаточно денег для своих личных нужд, очень скромных, и для поддержки любого предприятия, в котором он мог бы принять участие. Остальная часть его доходов принадлежала Осборну; подобная помощь деньгами необычайно упрочила узы, связывавшие обоих братьев. И только мысли о Синтии выводили Роджера из равновесия. Сильный мужчина во всем остальном Роджер рядом с ней оказывался ребенком. Он знал, что не может жениться и сохранить стипендию; он намеревался воздержаться от выбора какого бы то ни было занятия или профессии, пока не найдет то, что придется ему по душе, поэтому в ближайшем будущем... в ближайшие несколько лет, он не смог бы жениться. И все же он продолжает искать приятного общества Синтии, слушать музыку ее голоса, купаться в ее свете и питать свои чувства всеми возможными способами, как неразумное дитя. Он знал, что это глупо, и все же продолжал это делать; возможно, это заставляло его сочувствовать Осборну. Роджер ломал голову над состоянием дел Осборна намного чаще, чем утруждал себя сам Осборн. На самом деле старший брат в последнее время стал таким болезненным и вялым, что даже сквайр не противился больше его желанию часто менять обстановку, хотя прежде он так много ворчал по поводу неизбежных трат, которые оно вызывало.

- В конце концов, его путешествия не так дорого обходятся, — сказал как-то сквайр Роджеру. — Обычно он приходил и просил у меня двадцать, а теперь просит пять. Но он и я, мы не находим общего языка, вот что с нами! Мой словарь (только он назвал его «словар») понимают неправильно из-за этих пресловутых долгов... которые он никогда не объяснит мне и не расскажет о них... он всегда держит меня на почтительном расстоянии, когда я заговариваю об этом... он отталкивает, Роджер... меня, своего старого отца, которого любил больше всех, когда был маленьким.

Сквайр так часто задумывался об этом таинственном молчании, что постоянно размышляя над одной и той же темой, он становился более замкнутым и мрачным, чем при общении с Осборном, негодуя из-за того что сын отвергает его любовь. Столь часто, что Роджер, который не желал быть вместилищем жалоб отца на Осборна, был вынужден прибегать к отвлекающему средству — к обсуждению дренажных работ. Сквайр очень остро воспринял слова мистера Престона об увольнении рабочих; они повторяли упреки его собственной совести, хотя он неоднократно повторял Роджеру:

— Я ничего не мог поделать с этим... что я мог? У меня иссякли все наличные... мне хотелось, чтобы земля высохла так же, как я сам, — слова, которым он печально улыбнулся, вырвались у него прежде, чем он сам их

осознал. — Что я должен был делать, Роджер, я спрашиваю тебя? Я знаю, я был в ярости... я много сделал, чтобы стать таким... и может быть, я не подумал о последствиях, как мне следовало сделать, когда я отдал им распоряжение уходить. Но я не мог бы поступить иначе, даже если бы хладнокровно размышлял в течение года. Последствия! Я ненавижу последствия; они всегда против меня, всегда. Я настолько связан, что не могу удрать, и вот «последствие» того, что имеешь собственность так чертовски хорошо обустроенную. Мне бы хотелось никогда не иметь предков. Да, смейся, сынок! Мне радостно видеть, как ты смеешься, после вытянутого лица Осборна, которое при виде меня всегда вытягивается еще больше!

- Послушайте, отец! — внезапно произнес Роджер. — Как-нибудь я найду деньги для дренажных работ. Доверьтесь мне, дайте мне два месяца, чтобы начать действовать, и у вас будет немного денег, во всяком случае, для начала.

Сквайр посмотрел на него, и его лицо осветилось, как у ребенка, которому пообещал удовольствие тот, кому он мог доверять. Он посерьезнел, но, однако, сказал: — Но как ты справишься? Это достаточно тяжелая работа.

- Не беспокойтесь. Я справлюсь... на первых порах около сотни... я не знаю, как... но помните, отец, я — старший рэнглер и «многообещающий молодой писатель», как назвали меня в той рецензии. О, вы не знаете, какой прекрасный парень достался вам в сыновья. Вам стоит прочитать ту рецензию, чтобы узнать обо всех моих замечательных достоинствах.

- Я знаю, Роджер. Я слышал, как об этом говорил Гибсон, я заставил его рассказать мне. Я бы понял ее лучше, если бы они называли животных по-английски, а не вставляли в нее так много своих французских словечек.

- Но это был ответ на статью французского автора, — защищался Роджер.

- Я бы оставил его в покое! — настоятельно сказал сквайр. — Нам пришлось бить их, и мы сделали это при Ватерлоо. Будь на твоём месте, я бы не унижался, отвечая на их ложь. Но я справился с заметкой, несмотря на все их латинские и французские слова. Я это сделал, и если ты сомневаешься во мне, просто посмотри в конец огромного грессбуха, переверни его и ты найдешь, что я переписал замечательные слова, которые они сказали о тебе: «внимательный наблюдатель», «англичанин с крепкими нервами», «подающий надежды философ» О! Я могу произнести их почти наизусть, всякий раз, когда я расстроен безнадежными долгами или счетами Осборна или запутался в расчетах, я перевооружаю грессбух

и выкуриваю трубку, пока читаю эти выдержки из рецензии, в которых говорится о тебе, сынок!

[1] Ганноверская династия установилась в 1714 г., когда Георг I, поддерживаемый вигами, взошел на престол. Они устранили министров-тори королевы Анны, которые прочили в наследники престола единокровного брата Анны, католика Джеймса. Ганноверские виги противостояли католическому абсолютизму тори. Гаскелл подчеркивает, что несмотря на отсутствие у лорда Камнора интереса к политике, он был предан традициям вигов, благодаря которым его семья получила собственность и титул.

[2] Лорд-наместник — почётный титул номинального главы судебной и исполнительной власти в графстве; как правило, пэр или крупный землевладелец, подбирает мировых судей и представляет их кандидатуры на утверждение лорд-канцлеру.

[3] Из Национального гимна Великобритании: «Господи Боже наш, восстань, рассей ее врагов и приведи к гибели».

[4] Джон Милтон (1608–1674) «Люсидас» (Lycidas), пер. Ю. Корнеева.

Глава XXXII

Грядущие события

Роджер перебрал в уме много планов, с помощью которых он мог бы получить достаточно денег для достижения желаемой цели. Его экономный дед, занимавшийся торговлей в городе, сохранил несколько тысяч и оставил их своей дочери при условии, что если она умрет раньше своего мужа, тот сможет воспользоваться пожизненными процентами с этой суммы, а в случае смерти обоих супругов их второй сын не вступит в право наследования, пока ему не исполнится двадцать пять лет, а если и он умрет, не достигнув этого возраста, деньги, что достались бы ему, перейдут к одному из его кузенов с материнской стороны. Короче говоря, старый торговец предпринял столько мер предосторожности относительно своего наследства, словно у него были десятки тысяч. Конечно, Роджер мог бы проскользнуть сквозь все эти сети, застраховав свою жизнь до достижения указанного возраста, и, возможно, любой юрист предложил бы ему сделать подобный шаг. Но ему не нравилось, что посторонние узнают о том, что его отец испытывает недостаток в деньгах. Он получил копию завещания деда в Коллегии юристов по гражданским делам и подумал, что все

возможные случайности, оговоренные в нем, откроются свету природы и здравого смысла. Он немного ошибался, но, тем не менее решил, что деньги, которые у него будут, послужат для того, чтобы выполнить обещание, данное отцу, и для скрытой цели — привносить в жизнь сквайра некую заинтересованность, чтобы отвлечь его от сожалений и забот, от которых он почти пал духом. "Роджер Хэмли, старший рэнглер и член научного общества Тринити, предлагавший наивысшую цену за ремесло, каким бы простым оно не было", сейчас снизошел до роли обычного покупателя на торгах.

Иных трудностей на этот раз Роджеру добавил Осборн, наследник поместья, у которого должен был родиться ребенок. Собственность Хэмли была закреплена за "наследниками мужского рода, родившимися в законном браке". Был ли брак законным? Осборн, казалось, никогда в этом не сомневался — на самом же деле, он дважды задумывался об этом. И если он, муж, не сомневался, насколько же меньше сомневалась в этом Эми, его доверчивая жена? К тому же, кто скажет, сколько страданий в будущем могли доставить намеки на незаконность? Однажды вечером Роджер, сидя рядом с беззаботным и безвольным дилетантом Осборном, начал расспрашивать его о подробностях женитьбы. Подсознательно Осборн знал, что имеет в виду Роджер. Не то чтобы ему не хотелось соблюсти истинную законность по отношению к жене, просто он был так нездоров в то время, что ненавидел, когда его беспокоили. Это было похоже на припев скандинавской прорицательницы Грея: "Мой покой не нарушайте".[1]

- Постарайся рассказать мне, как ты ухитрился это сделать.

- Как ты утомителен, Роджер! — вставил Осборн.

- Пожалуй, так оно и есть. Продолжай!

- Я рассказывал, Моррисон поженил нас. Ты помнишь старину Моррисона из Тринити?

- Да, как доброго парня с глупой головой.

- Ну, он стал священнослужителем, и экзамен на чин священнослужителя измотал его настолько, что он попросил отца дать ему сотню-другую для поездки на континент. Он собирался посетить Рим, поскольку слышал, что там бывают такие приятные зимы. Поэтому он оказался в Меце в августе.

- Я не понимаю, почему.

- Не больше, чем он сам. Ты же знаешь, он никогда не был силен в географии, и так или иначе подумал, что Мец, произносимый на французский манер, должен быть по дороге в Рим. Кто-то сказал ему об

этом в шутку. Тем не менее, хорошо, что я его встретил там, потому что я решил жениться, и мне не пришлось терять время.

- Но Эми — католичка?

- Верно! Но, видишь ли, я — нет. Ты же не думаешь, что я поступил с ней нечестно, Роджер? — возмутился Осборн, привстав на кушетке, он внезапно покраснел.

- Нет! Разумеется, ты не хотел ничего подобного, но, видишь ли, скоро родится ребенок, а это поместье майоратное. И мне хотелось бы знать, законный у вас брак или нет? Мне кажется, это деликатный вопрос.

- Ох! — ответил Осборн и откинулся назад, — если это все, я полагаю, что ты следующий наследник мужского рода, я могу доверять тебе как самому себе. Тебе известно, что мой брак заключен с добрыми намерениями, и я думаю, что он законен по своей сути. Мы заехали в Страсбург — Эми нашла подругу, порядочную француженку средних лет, которая годилась и в подружки невесты, и в компаньонки, а затем мы уехали до того, как мэр...префект...как они там называются? Я думаю, Моррисон скорее наслаждался происходящим. Я подписал все возможные бумаги в префектуре. Я не прочел их, боясь, что не смогу подписать их добросовестно. Это был надежный план. Эми была дрожь, я, было, подумал, что она упадет в обморок, а затем мы отправились в ближайшую английскую капеллу, Карлсруэ, но капеллана не было на месте, поэтому Моррисон с легкостью получил ссуду капеллы и, мы поженились на следующий день.

- Но, несомненно, требовалась какая-нибудь запись или документ?

- Моррисон сказал, он заполнит все эти формы, он должен знать свои обязанности. Я довольно хорошо отблагодарил его за хлопоты.

- Ты должен будешь снова жениться, — сказал Роджер, помолчав, — и до того, как родится ребенок. У тебя есть свидетельство о браке?

- Полагаю, что оно есть у Моррисона. Но думаю, что я женат законным браком согласно законам и Англии, и Франции. Это в самом деле так, старина. У меня где-то есть бумаги от префекта.

- Не имеет значения. Ты снова женишься в Англии. Эми посещает Римскую католическую церковь в Престаме, верно?

- Да, она так благочестива, я ни за что не стану мешать ее религиозности.

- Тогда вы оба поженитесь там и в церкви прихода, где она живет, — решительно произнес Роджер.

- Это доставит много хлопот, излишних хлопот и излишних трат, я бы сказал, — ответил Осборн. — Почему бы не оставить все, как есть? Не в

нашей с Эми натуре превратиться в негодяев и отрицать законность брака, и если родится мальчик, и мой отец умрет, и я умру, я не сомневаюсь, что ты поступишь с ним по справедливости, старина, так же, как это сделал бы я сам.

- А если я умру в придачу? Принесем в жертву сразу всех живущих Хэмли, раз уж на то пошло. Кто будет наследником?

Осборн на мгновение задумался: — Один из ирландских Хэмли, я полагаю. Думаю, они бедствуют. Возможно, ты прав. Но что за необходимость делать такие мрачные предзнаменования?

- Закон заставляет предвидеть все в таких делах, — ответил Роджер. — Поэтому, я заеду к Эми на следующей неделе, когда буду в городе, и сделаю все необходимые приготовления до твоего приезда. Я думаю, ты будешь счастлив, если все будет сделано.

- Я буду счастливее, если мне, как и тебе, будет дарована возможность повидать мою женушку. Но что влечет тебя в город? Хотелось бы мне иметь деньги, чтобы ездить как ты, вместо того, чтобы быть навечно запертым в этом безрадостном старом доме.

Порой жалуясь, Осборн был склонен сравнивать возможности свои и Роджера, забывая, что их положения были следствием их характеров, а так же, что Роджер отдавал большую часть собственного дохода на содержание жены брата. Но если эта неблагородная мысль ясно появлялась в сознании Осборна, он бил себя в грудь и кричал "Mea culpa"[2] не хуже других. Единственно, он был слишком слаб, чтобы поддерживать совесть без посторонней помощи.

- Я бы и не помыслил о поездке, — сказал Роджер, краснея, словно его обвинили в том, что он тратит чужие деньги вместо своих собственных, — если бы мне не нужно было уехать по делам. Лорд Холлингфорд написал мне. Он знает о моем большом желании быть занятым, и, прослышав о каком-то деле, посчитал его подходящим для меня. Вот его письмо, можешь прочесть. Но в нем не говорится ничего определенного.

Осборн прочел письмо и вернул его Роджеру. Помолчав минуту или две, он сказал:

- Почему тебе нужны деньги? Мы слишком много берем у тебя? Мне очень стыдно, но что я могу поделать? Только предложи мне занятие, и я приступлю к нему завтра же, — он говорил так, словно Роджер упрекал его.

- Мой дорогой брат, не забивай себе голову этими мыслями. Иногда я должен что-то делать для себя, и я подыскал себе дело. Кроме того, мне хочется, чтобы отец продолжил дренажные работы, это пойдет на пользу

его здоровью и состоянию духа. Если я смогу ссудить необходимую часть денег, он и ты будете платить мне проценты, пока не вернете всю сумму.

- Роджер, ты сама бережливость в нашей семье, — воскликнул Осборн, внезапно восхитившись поведением своего брата, и забыв сравнить его со своим собственным.

Роджер уехал в Лондон, Осборн отправился за ним, и две-три недели Гибсоны не видели ни одного из братьев. Но как волна накатывает за волной, так один интерес сменяет другой. "Семья", как называли Камноров, приехала на осеннюю побывку в Тауэрс. И снова дом заполнился посетителями, а слуг, экипажи и ливрейных лакеев видели на двух улицах Холлингфорда так же, как и много раз в прошлые осени.

Так день за днем жизнь совершала свое движение. Миссис Гибсон нашла, что возможность общения с семьей из Тауэрса лично для нее намного увлекательней, чем визиты Роджера или редкие посещения Осборна Хэмли. Синтия испытывала давнюю неприязнь к великому семейству, которое так много сделало для ее матери и так мало для нее самой, и которое она считала в некоторой степени причастным к тому, что так мало видела свою мать в те дни, когда была маленькой девочкой и жаждала любви, но ничего не получала. Более того, Синтия скучала по своему рабу, хотя не испытывала к Роджеру и тысячной доли того, что он испытывал к ней. Тем не менее, она находила, что не так уж неприятно иметь предметом своего внимания мужчину, которого она всецело уважала, и которого вообще уважали люди, радостного исполнителя каждого, едва произносимого желания, человека, в чьих глазах все ее слова были жемчужинами или алмазами, все ее поступки — неземной милостью, и в чьих мыслях она царила безраздельно. У нее не было о себе скромного мнения, и все же она не была тщеславна. Она знала об этом поклонении, и когда из-за сложившихся обстоятельств она лишилась этого, ей его не доставало. Граф и графиня, лорд Холлингфорд и леди Харриет, в общем, лорды и леди, ливреи, платья, сумки, полные дичи, и пересуды дам и кавалеров во время прогулок верхом не входили для нее ни в какое сравнение с отсутствием Роджера. И, тем не менее, она не любила его. Нет, она не любила его. И Молли это знала. Каждый раз, убеждаясь в этом, она сердилась на названную сестру. Мисс Гибсон не понимала собственных чувств. Роджер не испытывал непомерного интереса к тому, какими они могли быть, пока его собственная жизнь зависела от того, что чувствует и о чем думает Синтия. Поэтому Молли с острой проницательностью читала в сердце сестры, и она знала, что Синтия не любит Роджера, Молли могла бы закричать от сожаления при мысли, что Синтия не ценит сокровище,

лежавшее у ее ног, и это было бы просто бескорыстное сожаление и давняя, пылкая нежность. "Не желай луну, дорогая, я не могу достать ее". Любовь Синтии была луной, которую желал Роджер, и Молли видела, что она была далека и недостижима, но она бы протянула струны своего сердца, чтобы подарить ее Роджеру.

- Я его сестра, — говорила она себе. — Эта давняя связь не порвется, хотя он слишком увлечен Синтией, чтобы сейчас говорить об этом. Его мать называла меня "Фанни", все равно, что удочерила. Я должна ждать и наблюдать, и тогда увижу, смогу ли я что-то сделать для своего брата.

Однажды леди Харриет приехала навестить Гибсонов, или скорее миссис Гибсон, поскольку та по-прежнему ревновала всякого в Холлингфорде, кому полагалось быть в близких отношениях с великим семейством, или, по крайней мере, быть знакомым с их планами. Возможно, мистеру Гибсону было известно многое, но в силу своей профессии он был обязан сохранять тайну. За стенами дома миссис Гибсон считала мистера Престона своим соперником, и он, зная об этом, получал удовольствие, поддразнивая ее, притворяясь, что знает семейные планы и подробности дел, о которых она не ведала. В стенах дома она ревновала к привязанности леди Харриет, которую та испытывала к ее приемной дочери, и она ухитрялась чинить тайные препятствия, дабы помешать их частому общению. Эти помехи были чем-то вроде рыцарского щита из древнего предания, к которому с противоположных сторон приближались два путешественника, видя его золотую и серебряную стороны, только леди Харриет видела ровное и сверкающее желтое сияние, тогда как бедная Молли только различала тусклый и тяжелый свинец. Для леди Харриет говорилось: "Молли вышла. Она будет так огорчена, что не застала вас, но ей пришлось уйти, чтобы навестить давних подруг своей матери, которыми ей не следует пренебрегать — как я сказала ей, постоянство — это все. Думаю, это Стерн сказал: "Не покидай друга твоего и друга матери своей" [3]. Но, дорогая леди Харриет, вы ведь останетесь, пока она не вернется домой? Я знаю, как вы ее любите. На самом деле (с небольшой игривостью) я порой говорю, что вы скорее приезжаете повидаться с ней, чем с вашей бедной Клэр".

Для Молли заблаговременно говорилось:

- Сегодня утром приедет леди Харриет. Я не могу допустить, чтобы еще кто-нибудь пришел. Передай Марии, пусть говорит, что меня нет дома. Леди Харриет нужно многое мне рассказать. Дорогая леди Харриет! Я знала все ее секреты с тех пор, как ей исполнилось двенадцать. Вы обе не

должны показываться. Конечно, она спросит о вас из простой вежливости, но вы только помешаете нам, если войдете, как сделали на днях, — теперь обращаясь к Молли: — Мне совсем не нравится так говорить, но я посчитала, что это было очень дерзко.

- Мария сказала мне, что она спрашивала обо мне, — скромно вставила Молли.

- Право слово, очень дерзко! — продолжила миссис Гибсон, не обращая внимания на то, что ее перебили, лишь для того, чтобы усилить слова, которые Молли намеревалась поправить своим скромным замечанием.

- Думаю, на этот раз я должна обезопасить ее светлость от возможностей подобного вторжения, позаботясь о том, чтобы тебя не было дома, Молли. Тебе лучше пройтись до фермы Холли и поговорить по поводу того тернослива, который я заказала, и который никак не пришлют.

- Я пойду, — сказал Синтия, — Это слишком длительная прогулка для Молли. Она простужена, и сейчас не такая сильная, как была две недели назад. Мне нравятся длительные прогулки. Если тебе хочется избавиться от Молли, мама, отошли ее к мисс Браунинг, — они всегда рады ее видеть.

- Я никогда не говорила, что хочу избавиться от Молли, Синтия — ответила миссис Гибсон. — Ты всегда представляешь вещи в слишком преувеличенном... я бы сказала, грубом виде. Я уверена, Молли, милочка, ты могла неправильно меня понять. Это только из-за леди Харриет.

- Мне кажется, я не могу идти так далеко, до фермы Холли; папа отвез бы письмо. Синтии не нужно идти.

- Что ж! Меньше всего мне хочется отнимать у кого бы то ни было силы, я скорее никогда не увижу джема из тернослива. Полагаю, ты пойдешь и повидашь мисс Браунинг, можешь подольше у нее задержаться — ты знаешь, ей это нравится — и спроси от моего имени, как простуда мисс Фиби. Они были подругами твоей матери, дорогая, и мне бы ни за что на свете не хотелось разрушать старую дружбу. "Постоянство превыше всего" — вот мой девиз, как ты знаешь, о памяти умерших всегда должно заботиться.

- Ну, мама, а куда я должна пойти? — спросила Синтия.

- Хотя леди Харриет не столь интересуется мной, как Молли — скорее наоборот, я бы сказала — все же она может спросить обо мне, и мне лучше убраться с дороги.

- Верно! — произнесла миссис Гибсон задумчиво, не замечая иронии в словах Синтии. — Маловероятно, что она спросит о тебе, моя дорогая; я почти уверена, что ты могла бы остаться дома или пойти на ферму Холли.

Мне очень хочется тернослива. Или ты могла бы остаться здесь, в столовой, чтобы быть наготове и красиво накрыть стол, если ей вздумается остаться на ланч. Дорогая леди Харриет очень капризна! Мне бы не хотелось, чтобы она подумала, что из-за того, что она осталась, мы поменяли блюда. "Простая элегантность", — как я говорю ей, — вот та цель, к которой мы всегда стремимся". Но все же ты могла бы поставить наш лучший сервиз, собрать каких-нибудь цветов и спросить кухарку, какие из обеденных блюд она могла бы подать нам на ланч, и устроить так, чтобы все выглядело мило, экспромтом и естественно. Я думаю, тебе лучше остаться дома, Синтия, тогда днем ты смогла бы перехватить Молли по ее возвращении от мисс Браунинг, и вы вдвоем могли бы прогуляться.

- После того, как леди Харриет уйдет! Я понимаю, мама. Пойди прочь, Молли. Поспеш, иначе леди Харриет может прийти и захочет увидеть тебя, как и маму. Я буду осторожна и забуду, куда ты идешь, поэтому никто не узнает от меня, где ты, и буду отвечать, что у мамы плохая память.

- Дитя! Какую чепуху ты говоришь, ты совершенно смутила меня своей глупостью, — сказала миссис Гибсон, волнуясь и сердясь, как всегда, когда на нее набрасывались липипутские дртоики Синтии. Она обратилась за помощью к привычному для нее бесполезному возмездию — даровала немного своей благосклонности Молли, — но это ни чуть не ранило Синтию.

- Молли, дорогая, сегодня очень холодный ветер, хотя погода прекрасная. Тебе лучше надеть мою индийскую шаль, она будет так мило смотреться поверх твоего серого платья — алое на сером — не всякому я позволю ее взять, но ты так аккуратна.

- Благодарю вас, — ответила Молли, оставив миссис Гибсон в неопределенности, примет ли она ее предложение, или нет.

Леди Харриет сожалела, что не застала Молли, поскольку любила девушку. Но она была совершенно согласна с трюизмом миссис Гибсон о "постоянстве" и "старых друзьях"; она не видела больше повода говорить на эту тему, но села на низкий стульчик и поставила ноги на каминную решетку. Эта упомянутая решетка была сделана из блестящей стали, и было строго запрещено всем домочадцам и простолюдинам ставить на нее ноги; и в самом деле, поза, которую при этом принимали, считалась грубой и вульгарной.

- Вот правильно, дорогая леди Харриет! Вы не представляете, какое удовольствие для меня принимать вас у моего собственного камелька, в

моем скромном доме.

- Скромном!? Право, Клэр, это несколько глупо, прошу прощения. Я не назову эту милую небольшую гостиную тем "скромным домом". Здесь полно удобств и милых вещичек, как в любой комнате подобного размера.

- Ах! Какой маленькой она, должно быть, кажется вам! Даже мне поначалу приходилось привыкать к ней.

- Что ж, возможно ваша школьная комната была больше, но я помню, какой пустой она была, всего лишь несколько столов, скамеек и циновок. Ох, в самом деле, Клэр, я вполне согласна с мамой, которая все время говорит, что вы поступили на пользу себе и мистеру Гибсону тоже! Какой любезный, хорошо образованный мужчина!

- Да, верно, — ответила его жена медленно, словно ей не хотелось немедленно отказываться от своей роли жертвы обстоятельств. — Он очень любезный, очень, только мы так мало его видим, и конечно, он приходит домой уставший и голодный, и не расположен говорить со своей семьей, а склонен пойти спать.

- Полно, полно! — сказала леди Харриет, — теперь моя очередь. Мы послушали жалобы жены доктора, теперь послушайте стенания дочери пэра. Наш дом настолько переполнен гостями, что буквально сегодня я пришла к вам, чтобы побыть в одиночестве.

- Одиночестве?! — воскликнула миссис Гибсон. — Вы бы предпочли остаться наедине? — немного обиженно.

- Нет, дорогая глупышка; мое одиночество требует слушателя, которому я могу сказать: "Как приятно одиночество!" Но я устала отвечать за развлечение гостей. Папа настолько великодушен, он приглашает приехать и навестить нас каждого друга, которого встретит. Мама серьезно больна, но она не поступит своей репутацией ради хорошего здоровья, всегда считая нездоровье недостатком самоконтроля. Поэтому она устает, ей докучает толпа людей, все из которых ходят, разинув рты, ожидая каких-нибудь развлечений, совсем как выводок оперившихся птенцов в гнезде. Поэтому мне приходится быть птицей-родителем и совать маленькие кусочки в их желтые кожистые клювики, а потом убеждаться, что они проглотили их прежде, чем я смогла придумать, где найти следующие. Ох, это "занимательно" в самом широком, самом буквальном и самом ужасном смысле слова. Поэтому мне пришлось этим утром несколько раз солгать и уехать сюда за покоем и утешением!

Леди Харриет откинулась на спинку стула и зевнула, миссис Гибсон взяла руку ее светлости с мягким сочувствием и прошептала: — Бедная леди Харриет! — а затем нежно замурлыкала.

Помолчав, леди Харриет вскочила и сказала: — Я обычно воспринимала вас как свою судью в правилах нравственности, когда была маленькой девочкой. Скажите мне, вы считаете, что лгать это плохо?

- О, моя дорогая! Как вы можете задавать такие вопросы? Конечно, это очень плохо... очень безнравственно, я бы сказала. Но я уверена, что вы шутили, когда сказали, что солгали.

- Ничуть не шутила. Я так щедро и разнообразно лгала, говорила то, что всем бы хотелось услышать. Я сказала, что "вынуждена поехать в Холлингфорд по делам", а правда в том, что не было никаких обязательств, только невыносимое желание освободиться от гостей на пару часов, и единственно приехать сюда: зевать, жаловаться и расслабиться на досуге. Я действительно думаю, что рассказала историю, как выражаются дети, не к месту.

- Но моя дорогая леди Харриет! — сказала миссис Гибсон, немного озадаченная точным значением слов, что трепетали у нее на языке, — Я уверена, произнося эти слова, вы именно это и подразумевали.

- Нет, — вставила леди Харриет.

- И кроме того, если вы имели ввиду что-то другое, то в этом виноваты те утомительные люди, которые втянули вас в такое затруднительное положение... да, это их вина, не ваша... и потом вам известны традиции общества... какие это помехи!

Леди Харриет помолчала минуту или две, затем спросила: — Признайтесь мне, Клэр, вы ведь иногда говорите неправду?

- Леди Харриет! Я думала, что вы знаете меня лучше. Но я знаю, дорогая, вы не это имели ввиду.

- Нет, это. Во всяком случае, вы, должно быть, говорите невинную ложь. Как вы себя чувствуете после этого?

- Я была бы несчастна, если бы солгала. Я бы умерла от самобичевания. Утверждение "Правда, абсолютная правда и ничего, кроме правды" всегда казалось мне таким замечательным. Но в моем характере столько непреклонного, а в кругу нашей жизни столь мало искушений. Если мы скромные, мы к тому же просты и освобождены от этикета.

- Тогда вы всерьез меня осуждаете? Если бы кто-то другой меня осудил, я бы не была так расстроена из-за того, что сказала этим утром.

- Я никогда не винила вас, даже в глубине сердца, дорогая леди Харриет! Винить вас! Это было бы нахальством с моей стороны.

- Думаю, я возьму себе духовника! И это будете не вы, Клэр, потому что вы всегда были слишком снисходительны ко мне.

Помолчав, она добавила: — Вы не угостите меня ланчем, Клэр? Я не

намерена возвращаться домой до трех часов. До сего часа я буду занята своими "делами", как должным образом проинформированы все в Тауэрсе.

- Конечно, я буду рада. Но, знаете ли, наши привычки очень скромны.

- О, я бы съела кусочек хлеба с маслом и, возможно, ломтик холодного мяса... вы не должны утруждать себя, Клэр... может, вы в это время обедаете? Позвольте мне сесть за стол как члену вашей семьи.

- Да, пожалуйста. Я не стану ничего менять. Будет так приятно разделить с вами нашу семейную трапезу, дорогая леди Харриет. Но мы поздно обедаем, сейчас у нас только ланч. Как слабо горит огонь. По правде говоря, от удовольствия нашего разговора наедине я забыла обо всем.

Она дважды позвонила в колокольчик: довольно отчетливо и, сделав длинную паузу между звонками. Мария принесла угли.

Но Синтия поняла сигнал также хорошо, как слуги Лукулла [4] выражение — "Зал Аполлона". Пару куропаток, предназначавшихся для позднего обеда, немедленно поставили на огонь; достали прелестнейший фарфоровый сервиз, Синтия украсила стол цветами и фруктами, расставив их со своей привычной ловкостью и вкусом. Поэтому, когда объявили, что ланч готов, и леди Харриет вошла в комнату, она не могла не подумать, что извинения хозяйки излишни, и все больше и больше убеждалась, что Клэр довольно хорошо устроилась. Синтия присоединилась к дамам, милая и элегантная, как всегда; но так или иначе она не полюбила леди Харриет; та замечала ее только потому, что Синтия была дочерью своей матери. Ее присутствие лишило разговор непринужденности, и леди Харриет поделилась новостями, не столь важными для нее, но которые всегда обсуждали в кругу гостей, собиравшихся в Тауэрсе.

- Лорд Холлингфорд должен был приехать с нами, — сказала она, как бы между прочим, — но он вынужден или полагает, что вынужден, что одно и то же, остаться в городе по поводу этого наследства Кричтона.

- Наследства? Лорду Холлингфорду? Я так рада!

- Не торопитесь радоваться! Оно не доставляет ему ничего, кроме беспокойства. Вы не слышали об этом богатом чудаке мистере Кричтоне, который умер не так давно, и, как я полагаю, загоровшись примером лорда Бриджуотера[5], оставил деньги в распоряжении доверенных лиц — одним из которых является мой брат, — чтобы отправить человека с множеством прекрасных качеств в научное путешествие с целью привезти образцы фауны из далеких стран, и тем самым основать музей, который должен быть назван Музеем Кричтона, и таким образом увековечить имя основателя. Какие разнообразные формы приобретает человеческое

тщеславие! Иногда оно поощряет филантропию; иногда любовь к науке!

- Мне кажется, это очень достойный и полезный объект, без сомнения, — сказала миссис Гибсон с уверенностью.

- Полагаю, что так и есть, рассматривая его с точки зрения общественного блага. Но для нас лично, это довольно утомительно, поскольку держит Холлингфорда в городе... или между ним и Кэмбриджем... и все эти места такие скучные и пустые, а нам хочется, чтобы он вернулся в Тауэрс. Дело должно было быть решено давным-давно, есть опасность, что наследство потеряет силу. Двое других распорядителей сбежали на континент, всецело ему доверяя, как они говорят, но на самом деле, уклоняясь от своих обязанностей. Тем не менее, мне кажется, ему это нравится, поэтому я не должна ворчать. Он думает, что ему повезло выбрать своего человека... и он тоже из этого графства... молодой Хэмли из Хэмли, если только его смогут отпустить из колледжа, потому что он член научного общества, старший рэнглер или что-то в этом роде. И они не так глупы, чтобы отправлять своего замечательного человека на съедение львам и тиграм!

- Должно быть это Роджер Хэмли! — воскликнула Синтия, ее глаза заблестели, а щеки порозовели.

- Он не старший сын. Вряд ли его можно назвать Хэмли из Хэмли! — заметила миссис Гибсон.

- Человек Холлингфорда — член научного общества, как я уже сказала.

- Тогда это мистер Роджер Хэмли, — сказала Синтия, — он уехал в Лондон по каким-то делам. Какая будет новость для Молли, когда она вернется домой!

- А какое Молли до этого дело? — спросила леди Харриет. — Она..? — и она взглянула в лицо миссис Гибсон, ища ответа. Миссис Гибсон в ответ посмотрела на Синтию очень выразительным взглядом, который та, тем не менее, не поняла.

- О, нет! Нисколько, — и миссис Гибсон слегка кивнула в сторону дочери, как бы говоря: "Если уж кто, то эта".

Леди Харриет начала посматривать на прелестную мисс Киркпатрик с возобновившимся интересом; ее брат так восхвалял этого молодого мистера Хэмли, что любой, связанный с Фениксом, был достоин наблюдения. Затем, как будто упоминание имени Молли снова всплыло в ее памяти, леди Харриет спросила: — А где сейчас Молли? Я бы хотела повидать свою маленькую воспитательницу. Я слышала, она очень выросла с тех пор.

- О! Когда она уходит посплетничать с мисс Браунинг, никогда не знаешь, когда она придет домой, — ответила миссис Гибсон.

- Мисс Браунинг? Ох, я так рада, что вы упомянули о них! Я очень их люблю. Пекси и Флэпси. Я могу их так называть в отсутствие Молли. Я пойду и навещу их до отъезда домой, а затем, возможно, увижусь с моей маленькой Молли. Вы знаете, Клэр, я почти полюбила эту девочку!

Поэтому миссис Гибсон несмотря на все ее предосторожности пришлось подчиниться тому, что леди Харриет покинула ее на полчаса раньше, чем планировала ранее, чтобы "опроститься" (как выразилась миссис Гибсон), навестив барышень Браунинг.

Но Молли ушла до того, как прибыла леди Харриет.

Испытывая раскаяние, Молли пошла длинной дорогой к ферме Холли, чтобы заказать тернослив. Она злилась из-за того, что мачеха отослала ее из дома под таким очевидным предлогом. С Синтией она не встретилась, поэтому пошла в одиночестве по прелестным тропинкам, с поросшими травой обочинами, и вдоль высоких живых изгородей, подстриженных отнюдь не в стиле современной агрономии. Поначалу ей было неловко спрашивать себя, как долго будет правильным не замечать маленькие домашние недостатки — заговоры и умолчания, которые господствовали в их доме с тех самых пор, как отец женился второй раз. Ей очень часто хотелось протестовать, но она не делала этого из желания избавить отца от разлада в семье. Она видела на его лице понимание, что некоторые поступки его жены не столь благородны, и знала, что это причиняет ему боль. Молли гадала, правильно ли хранить молчание. Из-за недостатка терпимости у девушки, из-за отсутствия у нее опыта, который бы научил ее преодолевать обстоятельства, из-за искушения, она часто была готова высказать мачехе веские истины о покое в доме. Но возможно, пример молчавшего отца, а часто некоторые крохи доброты со стороны миссис Гибсон (в хорошем расположении духа, она была очень добра к Молли) заставляли ее держать язык за зубами.

Тем же вечером за обедом миссис Гибсон пересказала свою беседу с леди Харриет, как всегда сильно ее приукрасив; она передала почти весь разговор, хотя и намекала, что большая часть сказанного была строго доверительной, и что она связана клятвой не повторять этого. Три слушателя внимали ей, не перебивая, на самом же деле они не слишком внимательно слушали, что говорила миссис Гибсон, пока она не дошла до факта присутствия лорда Холлингфорда в Лондоне и причин его пребывания.

- Роджер Хэмли отправляется в научную экспедицию! — воскликнул

мистер Гибсон, внезапно оживая.

- Да. Во всяком случае, это еще не окончательно решено. Но так как лорд Холлингфорд — единственный распорядитель, который проявляет интерес... и является сыном лорда Камнора... это почти определено.

- Думаю, я должен выразить свое мнение по этому поводу, — сказал мистер Гибсон. Он снова впал в молчание, тем не менее, с этого времени прислушиваясь к разговору.

- Как долго его не будет? — спросила Синтия. — Мы будем сильно по нему скучать.

Губы Молли сложились в подтверждающее "да", но не произнесли ни звука. В ее ушах раздавался звон, словно присутствующие продолжали разговор, но произносимые ими слова казались нечеткими и невнятными. Это были просто догадки, они не мешали самой большой новости. Остальным казалось, что Молли ест свой обед как обычно, и, если она молчит, то всего лишь слушает нескончаемый лепет миссис Гибсон и замечания мистера Гибсона и Синтии.

[1] Строка из стихотворения английского поэта Томаса Грея (1711–1771) "Нисхождение Одина". Предыдущая строка гласит: "И уста без сил смолкают".

[2] Mea culpa — с лат. "моя вина".

[3] Миссис Гибсон приписывает собственную "цитату" Лоренсу Стерну (1713–1768), английскому писателю 18 в. В Библии. Притчи, глава 27 есть похожее изречение: "Не покидай друга твоего и друга отца твоего, и дом брата твоего не входи в день несчастья твоего: лучше сосед вблизи, чем брат вдали".

[4] Лукулл, Луций Лициний — римский полководец и консул, прославился своим богатством, обозначил своим слугам шкалу увеселений для своих гостей, выбирая комнату, в которой те должны были обедать.

[5] Лорд Бриджуотер (1756–1829) оставил по завещанию 8 000 фунтов тому автору или авторам, которые могли бы написать и опубликовать 1000 экземпляров трактата "On the Power, Wisdom and Goodness of God, as manifested in the Creation" ("О силе, мудрости и благодати Божией, о чем свидетельствует Творение").

Глава XXXIII

Блестящие перспективы

Пару дней спустя мистер Гибсон поспешил заехать к Хэмли, чтобы

узнать подробности планирующегося путешествия Роджера. Он ломал голову над вопросом, должен ли вмешаться в этот проект или нет. Дела обстояли следующим образом: симптомы Осборна по мнению мистера Гибсона были признаками смертельного заболевания. Мнение доктора Николса отличалось от его собственного, и мистер Гибсон знал, что у старого доктора за плечами был большой опыт, и его считали очень искусным медиком. И все же он был убежден в своей правоте, а если так, то болезнь могла продолжаться в нынешнем ее состоянии многие годы, или могла довести молодого человека до могилы через час или минуту.

Предполагая, что мистер Гибсон прав, не лучше было бы Роджеру не уезжать на два года туда, откуда нельзя будет внезапно его вызвать? И все же, если дело решено, то вмешательство медика могло ускорить ту самую беду, которой боялись. Тем не менее, доктор Николс мог оказаться прав, и симптомы болезни могли происходить из какого-то другого источника. Могли? Да. Вероятно так и было? Нет. Мистер Гибсон не мог заставить себя ответить "да" на этот последний вопрос. Поэтому он ехал, размышляя: опустил поводья и немного склонив голову. Стоял один из тех спокойных и прекрасных осенних дней, когда на красные и желтые листья наброшены покрытые росой блестящие паутинки; когда живые изгороди, густо увитые ползучей ежевикой, ломаются от зрелых ягод; когда воздух наполнен прощальными свистами и ясным и коротким щебетанием, а не долгими, сочными горловыми трелями весенних призывов; когда из жнивья доносится шум крыльев куропатки, будто острое копыто ударяет по мощеной тропинке; когда то здесь, то там на землю плавно опускается лист, хотя нет ни дуновения ветерка. Деревенский доктор чувствовал красоту времен года намного острее, чем большинство людей. Он видел ее днем, ночью, в ненастье и в солнечный день, или же в спокойную, тихую и облачную погоду. Он никогда не говорил, что чувствовал при этом, он не облакал свои чувства в слова даже для себя самого. Но если его настроение когда-либо было близко к сентиментальному, это происходило в один из таких дней. Он заехал на конюшню, передал свою лошадь конюху и вошел в дом с бокового входа. В коридоре он встретил сквайра.

- Это превосходно, Гибсон! Каким попутным ветром вас занесло? Вы пообедаете? Стол уже накрыт, я как раз вышел из комнаты, — и, продолжая трясти руку охотно согласившегося мистера Гибсона, он усадил его за прекрасно накрытый обеденный стол.

- Что это я слышал о Роджере? — спросил мистер Гибсон, сразу переходя к теме разговора.

- Ага! Значит вы слышали? Это уже известно? Мальчиком можно

гордиться. Старина Роджер. Верный Роджер. Мы привыкли думать, что он медлителен, но мне кажется, что медлительность и уверенность выиграют скачки. Но расскажите мне, что вы слышали? Сколь много известно? Нет, вы должны наполнить бокал. Это старый эль, такой сейчас не варят. Он ровесник Осборна. Мы сварили его в ту осень, когда он родился, и назвали его элем юного сквайра. Я думал откупорить бутылку на его свадьбе, но я не знаю, когда это произойдет, поэтому мы вскрыли ее сейчас, в честь Роджера.

Старый сквайр явно насладился "элем юного сквайра" до грани благоразумия. Напиток был таким, как он сказал — "крепким, как бренди", и мистеру Гибсону пришлось потягивать его очень осторожно, пока он ел холодный ростбиф.

- Ну, и что же вы слышали? Ходит много слухов, и все хорошие, хотя я буду скучать по мальчику, я знаю это.

- Я не знал, что дело уже решено. Я слышал только, что оно решается.

- Оно решалось, как вы выразились, до прошлого вторника. Хотя он ничего мне не рассказывал об этом. Он говорит, что полагал, будто я стану беспокойным, обдумывая все "за" и "против". Поэтому я ничего не знал до тех пор, пока не получил письмо от лорда Холлингфорда... где же оно? — он достал огромный черный кожаный ящик для разного рода бумаг. И, надев очки, стал читать вслух их заголовки.

- "Обмер строевого леса, новые изгороди", "лекарство для коров от фермера Хаза", "счета Добсона", ...гм...гм... вот оно. Теперь прочтите это письмо, — он протянул его мистеру Гибсону.

Это было эмоциональное и благоразумное письмо, объясняющее старому отцу очень простым языком, какие услуги требовались по условиям завещания, распорядителями которого были он и еще трое; как щедрое денежное пособие на расходы и еще более щедрое вознаграждение прельстило нескольких довольно известных людей, которые предложили себя кандидатами на эту должность. Затем лорд Холлингфорд продолжил рассказывать, что после того, как он много раз встречался с Роджером со времени опубликования его статьи в ответ французскому остеологу, у него появились причины думать, что в лице Роджера распорядители найдут все необходимые качества в большей степени, чем у любых других кандидатов. Роджер был глубоко заинтересован этой темой; он приобрел много знаний, и в то же время обладал огромными природными способностями к сравнению и классификации фактов; он показал себя наблюдателем замечательным и скрупулезным, у него был подходящий возраст — самый расцвет здоровья и сил, и он не был связан семейными

узами. Здесь мистер Гибсон, размышляя, замолчал. Ему едва ли хотелось выяснять, какими действиями был достигнут результат, он уже знал, что результат есть. Но его размышления снова затормозились, когда взгляд остановился на предложенном вознаграждении, которое, надо признать, было очень щедрым. Затем он внимательно прочитал высокие похвалы, которыми в этом письме осыпали сына перед отцом. Сквайр наблюдал за мистером Гибсоном, ожидая, пока тот дойдет до этой части, и, потерев ладони, он произнес:

- Да! Наконец, вы дошли до этого. Это лучшая часть из всех, правда? Да благословит Бог мальчика! И из вигов, заметьте, что делает успех более значительным. И достигнет еще большего. Говорю вам, Гибсон, думаю, удача, наконец, повернулась ко мне лицом, — протягивая ему для чтения другое письмо. — Это пришло сегодня утром; но я уже подсуетился и сразу послал за старшим рабочим на дренажных работах. И завтра, бог даст, они снова начнут копать.

Мистер Гибсон прочел второе письмо, от Роджера. В некоторой степени это было скромное повторение слов лорда Холлингфорда с пояснением, как он отважился на такой решительный шаг в своей жизни, не посоветовавшись с отцом. Он не хотел оставлять его в неведении, но чувствовал, как никто другой на свете, что, приняв это предложение, он начинал ту жизнь, для которой более всего подходил. А затем он целиком погрузился в деловые вопросы. Он писал, что хорошо знает, через какие страдания прошел его отец, когда ему пришлось бросить дренажные работы из-за нехватки денег; что у него, Роджера, есть возможность занять деньги, которые он должен получить в качестве вознаграждения за свои двухгодичные исследования; и что он также застраховал свою жизнь, чтобы обеспечить выплаты денег, которые он занял, в случае, если не вернется в Англию живым. Он писал, что сумма, которую он одолжил за это поручительство, будет сразу же отправлена его отцу.

Мистер Гибсон положил письмо, не говоря ни слова какое-то время, затем сказал:

- Ему придется заплатить изрядную сумму, чтобы застраховать свою жизнь за морем.

- У него есть стипендия, — ответил сквайр, немного подавленный замечанием мистера Гибсона.

- Да. Верно. И он сильный юноша, насколько я знаю.

- Хотелось бы мне рассказать его матери, — произнес сквайр приглушенным голосом.

- Кажется, все теперь улажено, — сказал мистер Гибсон, скорее в

ответ на свои собственные мысли, чем на слова сквайра.

- Да! — ответил сквайр, — и они не позволят ему мешкать. Он должен уехать сразу же, как только соберет свои научные пожитки. Мне уже почти хочется, чтобы он не уезжал. Кажется, вам не вполне это нравится, доктор?

- Да нет же, — ответил мистер Гибсон более радостным тоном. — "Теперь ничего не поделаешь, разве что причинишь вред", — подумал он про себя. — Право, сквайр, я думаю, это большая честь иметь такого сына. Я, признаться, завидую вам. Вот юноша двадцати трех — двадцати четырех лет отличился во многих отношениях, и такой простой и любящий дома, каким нужно быть парню... и без всякой помощи.

- Да, да. Он намного больше мне сын, чем Осборн, которому всю его жизнь помогали совсем ни за что, как можно сказать.

- Полно, сквайр. Я не должен слышать ни слова против Осборна. Мы можем хвалить одного, но не бить другого. У Осборна не такое крепкое здоровье, как у Роджера, оно не позволило ему так усердно работать. На днях я встретил человека, который знал его преподавателя в Тринити, и конечно, мы начали болтать о Роджере — не каждый день можно причислить старшего рэнглера к своим друзьям, и я горжусь парнем, почти как вы. Этот мистер Мейсон рассказал мне, что его преподаватель сказал, что только половиной успеха Роджер обязан своим умственным способностям; другой половиной он обязан своему превосходному здоровью, которое дало ему возможность работать более усердно и непрерывно, чем могут большинство людей, не причиняя себе страданий. Он сказал, что за весь свой жизненный опыт не знал никого с подобной способностью к умственному труду, и что Роджер мог возвращаться со свежим желанием к занятиям после более короткого перерыва на отдых, чем большинство людей. Теперь я, как доктор, нахожу, что большинством своих преимуществ он обязан физической основе достаточно хорошего телосложения, которого нет у Осборна.

- У Осборна тоже могло бы быть хорошее телосложение, если бы он больше выходил из дома, — уныло произнес сквайр. — Но кроме тех случаев, когда он может побездельничать в Холлингфорде, он не имеет желания выходить вообще. Я надеюсь, — продолжил он, взглянув с внезапным подозрением на мистера Гибсона, — он не засматривается на одну из ваших девочек? Я не хочу обидеть, вы знаете, но он унаследует поместье, и брак не будет свободным, он должен жениться на деньгах. Думаю, что мог бы позволить это Роджеру, но Осборн — старший сын.

Мистер Гибсон покраснел. На мгновение он обиделся. Затем, уловив в словах сквайра частичную правду, он вспомнил их старинную дружбу, и

поэтому заговорил тихо и кратко.

- Я не думаю, что происходит что-то подобное. Я не так много времени провожу дома, вы знаете, но я никогда не слышал и не видел ничего, что заставило бы меня предположить, что таковое имеет место. Когда увижу, я дам вам знать.

- Ну же, Гибсон, не уходите и не обижайтесь. Я рад, что мальчики ходят в приятный дом, и я благодарен вам и миссис Гибсон за то, что сделали его приятным. Только избегайте любви. Она не принесет пользы. Это все. Я не верю, что Осборн когда-нибудь заработает фартинг, чтобы содержать жену, пока я жив, и если мне было бы суждено умереть завтра, она бы принесла немного денег, чтобы вычистить поместье. И если я говорю, как мне не следовало делать прежде... немного резко... так вот, это потому, что меня беспокоит множество забот, о которых никто не знает.

- Я не собираюсь обижаться, — сказал мистер Гибсон, — но давайте лучше пойдем друг друга. Если вы не хотите, чтобы ваши сыновья так часто приходили в мой дом, скажите это им сами. Мне нравятся юноши, и я рад повидаться с ними. Но если они приходят, вы должны принять последствия, какими бы они ни были, и не винить ни меня, ни их за то, что может случиться из-за частого общения двух молодых людей и двух юных девушек. И более того, хотя, как я сказал, я не вижу ничего, что пугает вас в данный момент, и пообещал рассказать вам о первых симптомах, которые замечу, и все же дальше этого я не пойду. Если в будущем возникнет привязанность, я не стану вмешиваться.

- Я бы не столь возражал, если бы Роджер влюбился в вашу Молли. Он может постоять за себя, и она необычная, прелестная девушка. Моя бедная жена так любила ее, — ответил сквайр. — Я думаю об Осборне и поместье!

- Хорошо, тогда скажите ему не приходить к нам. Мне будет жаль, но вы будете спокойны.

- Я подумаю об этом. Но им трудно управлять. Я всегда выхожу из себя, прежде чем смогу высказать ему свое мнение.

Мистер Гибсон выходил из комнаты, но при этих словах повернулся и накрыл ладонью руку сквайра.

- Примите мой совет, сквайр. Как я сказал, еще не сделано никакого вреда, насколько я знаю. Предупреждение лучше лечения. Поговорите, но поговорите мягко с Осборном и сделайте это сразу. Я пойму, если он не покажется в моем доме несколько месяцев. Если вы мягко поговорите с ним, он примет совет от друга. Если он заверит вас, что опасности нет, конечно, он будет приходить как обычно, когда захочет.

Было замечательно дать сквайру этот добрый совет; но так как Осборн уже вступил в брак, против которого так возражал его отец, то совет не возымел того действия, на которое так надеялся мистер Гибсон. Сквайр начал разговор с необычным самообладанием, но он стал раздражаться, когда Осборн отверг право отца вмешиваться в любой брак, который он мог бы задумать. Отверг его с определенной степенью упрямства и усталости, что привело сквайра в ярость. И хотя, поразмыслив, он вспомнил, что теперь у него есть обещание и клятвенное слово сына не думать ни о Синтии, ни о Молли, как о будущей жене, все же отец и сын прошли через одну из тех ссор, которые отдаляют людей на всю жизнь. Они высказали друг другу горькие истины, и если бы братская привязанность между Осборном и Роджером не была такой искренней, они могли бы отвернуться друг от друга вследствие чрезмерного и необдуманного сравнения сквайром их характеров и поступков. Но так как Роджер в отрочестве, пренебрегая своей собственной явной неуклюжестью и медлительностью, любил Осборна слишком сильно, чтобы ревновать к похвалам и обожанию, которые получал старший сын, прекрасный, замечательный юноша, то теперь Осборн изо всех сил боролся против любого чувства зависти и ревности. Но его попытки были осознанными, а Роджера — простым следствием чувства, и, в конце концов, бедный Осборн стал угрюмым и подавленным телом и душой. Но оба, и отец, и сын, скрывали свои чувства в присутствии Роджера. Когда он приехал домой перед отплытием, деятельный и счастливый, сквайр заразился его энергией, а Осборн взбодрился и был весел.

Времени было в обрез. Роджер направлялся в жаркий климат и должен был воспользоваться всеми возможными преимуществами зимних месяцев. Сначала он собирался поехать в Париж, чтобы переговорить там с некоторыми учеными. Кое-что из его снаряжения, инструментов и т. д. следовало за ним в Гавр, в этом порту он садился на корабль, закончив дела в Париже. Сквайр изучил все его приготовления и планы, и даже пытался в послеобеденных разговорах вникнуть в вопросы, касающиеся исследований, которые собирался сделать его сын. Но пребывание Роджера дома не могло продлиться больше двух дней.

В последний день он поехал в Холлингфорд немного раньше, чем отправлялся экипаж в Лондон, он намеревался попрощаться с Гибсонами. Некоторое время Роджер был слишком занят, чтобы на досуге предаваться мыслям о Синтии. Но в свежих размышлениях на эту тему не было нужды. Ее образ, как приз, которого нужно было добиваться, служить ему в течение семи лет и еще семи лет, был надежно спрятан в сердце. Этот

отъезд был очень болезненным, и, прощаясь с ней на два долгих года, он спрашивал себя во время поездки, в какой мере ему следует оправдываться, беседуя с ее матерью, возможно, беседуя с самой девушкой, что возможно сначала она будет ошеломлена и даже разгневана. Но потом она узнает, как глубоко она любима тем, кто отсутствует, как среди всех трудностей и опасностей мысли о ней будут для него полярной звездой, сияющей высоко в небесах, и так далее, и тому подобное. Со всей быстротой воображения влюбленного и банальностью фантазии он называл ее звездой, цветком, нимфой, колдуньей, ангелом, русалкой, соловьем, сиреной, когда та или иная ее черта возникала в его памяти.

Глава XXXIV

Ошибка влюбленного

Это случилось после полудня. Молли вышла прогуляться. Миссис Гибсон отправилась с визитами. Синтия из лениости отказалась сопровождать и ту, и другую. Она не нуждалась в ежедневном движении так, как Молли. В прекрасный день или с приятной целью, или когда ей овладевал очередной каприз, она могла забрести очень далеко. Но это было скорее исключением. Как правило, она была не склонна утруждать себя прогулками на свежем воздухе. На самом деле, знай дамы, что Роджер находится поблизости, ни одна из них не вышла бы из дома. Они думали, что он должен зайти как раз перед отъездом и не сможет надолго задержаться, и им всем хотелось попрощаться с ним перед его долгим отсутствием. Но они предполагали, что он не приедет в поместье до следующей недели, поэтому этим днем с полной свободой занялись собственными делами.

Молли предпочла прогулку, поскольку полюбила ее с тех пор, как была ребенком. Кое-что произошло перед тем, как она вышла из дома, и поэтому она начала размышлять, насколько будет правильным ради сохранения мира в доме молча мириться с теми отклонениями от правил, которые замечаешь в своей семье. Так как подобные поступки обычно совершаются для определенных целей, а не просто случайно, не существует ли у членов семьи обязанностей, касающихся этой стороны жизни, и не снижается ли собственный эталон морали, постоянно сталкиваясь с чужими слабостями. Практическое применение этих мыслей привело Молли в затруднение: ей было неизвестно, знает ли отец, что

мачеха постоянно отступает от истины, и была ли его слепота намеренной или нет. Несмотря на свою уверенность в том, что между ней и ее отцом нет отчужденности, она горевала о том, что их общению постоянно чинились препятствия. Вздохнув, она подумала, что если бы он вмешался своей властью, он мог бы расчистить себе путь к прежним, близким отношениям с дочерью, и что они могли бы как раньше ходить на прогулки, разговаривать, сыпать остротами и фантазировать, снова ощутить проблеск истинного доверия между ними. Ее мачеха не ценила подобные вещи, но тем не менее она, как собака на сене, мешала Молли наслаждаться ими. И все же Молли была еще девочкой, не так давно расставшейся с детством; погрузившись в свои серьезные сожаления и затруднения, она отвлеклась на прекрасные, зрелые ягоды ежевики, высоко висевшие на живой изгороди среди алых ягод шиповника и зеленых и красно-коричневых листьев. Ей не столько самой хотелось этих ягод, но она слышала, что они нравились Синтии. И кроме того, в том, чтобы вскарабкаться и собрать их, было некое очарование. Поэтому она, забыв обо всех своих неприятностях, взобралась на изгородь, хватая почти недостижимую добычу, и соскользнула вниз победительницей, собираясь отнести ягоды в огромном листе, служившем ей корзиной. Она попробовала пару ягодок, но они показались ей безвкусными. Юбка ее хорошенького ситцевого платья оказалась порванной колючками, а "ее прелестные губы испачканы ежевичным соком"[1] когда, собрав намного больше, чем могла нести, она отправилась домой, надеясь скрыться в своей комнате и починить платье, прежде чем его вид потревожит миссис Гибсон, любившую аккуратность. Входная дверь легко открылась снаружи, и Молли, оказавшись в затененном холле, заметила, что кто-то выглядывает из столовой, но после яркого света улицы, не сразу узнала его. Тогда миссис Гибсон вышла, мягко ступая, и поманила ее в комнату. Когда Молли вошла, миссис Гибсон закрыла дверь. Бедная Молли ожидала выговора за порванное платье и неопрятный вид, но вскоре успокоилась, увидев выражение лица миссис Гибсон — таинственное и сияющее.

– Я ждала тебя, дорогая. Не поднимайся в гостиную, милая. Сейчас ты можешь помешать. Там Роджер Хэмли с Синтией. И у меня есть основание думать... по правде говоря, я незаметно открыла дверь, но снова тихо ее закрыла, я не думаю, что они слышали меня. Разве не очаровательно? Юношеская любовь, ах, как она приятна!

– Вы имеете в виду, что Роджер сделал предложение Синтии? — спросила Молли.

– Не только это. Но я не знаю. Конечно, я не знаю ничего. Только я

слышала, как он говорит ей, что намеревался покинуть Англию, не рассказав о своей любви, и что искушение увидеться с ней наедине оказалось для него слишком велико. Это было симптоматично, правда, дорогая? И все, что мне хотелось, это довести дело до кризиса, не вмешиваясь. Поэтому я выглядывала тебя, чтобы помешать тебе войти и побеспокоить их.

– Но разве мне нельзя пойти в свою комнату? — умоляюще спросила Молли.

– Конечно, — ответила миссис Гибсон немного раздражительно. — Только я ждала от тебя сочувствия в такой волнующий момент.

Но Молли не услышала ее последних слов. Она скрылась наверху, закрыла за собой дверь. Подсознательно она все еще несла лист, полный ежевики. Но зачем теперь нужна ежевика Синтии? Молли казалось, будто она ничего не понимает. Но что она могла понять? Несколько минут она оставалась в смятении, ощущая что несется в земном дневном движении вместе со скалами, камнями, деревьями и без собственной воли, словно она мертвая. Затем в комнате стало душно, и Молли инстинктивно бросившись к открытой створке окна, наклонилась, чтобы вздохнуть. Постепенно осознание тихого, мирного пейзажа прокралось в ее мысли и успокоило жужжащее смятение. Там, купаясь в ровных лучах осеннего солнца, раскинулся пейзаж, который она знала и любила с детства. Такой же спокойный, наполненный тихим гудением жизни, каким был в этот час для многих поколений. Осенние цветы пламенели в саду, ленивые коровы паслись на дальних лугах, пережевывая свою жвачку из травы, выросшей на месте скошенной. В далеких коттеджах затопили камины, готовились к приходу мужей, мягкие клубы голубого дыма поднимались в неподвижном воздухе. Дети, выпущенные из школы, весело кричали вдалеке, и она... Как раз в этот момент она услышала приближавшиеся звуки: открывшуюся дверь, шаги на нижнем пролете лестницы. Он не мог уйти, не повидавшись с ней. Он никогда, никогда не поступил бы так жестоко... никогда бы не забыл о бедной маленькой Молли, как бы счастлив он ни был! Нет! Послышались шаги и голоса, открылась дверь гостиной и снова закрылась. Она положила голову на руки, покоившиеся на подоконнике, и заплакала, — она была так недоверчива, что позволила закрасться мысли, будто бы он мог уйти, не попрощавшись с ней, ... с ней, которую так любила его мать и называла именем его младшей, умершей сестры. И как только Молли подумала о нежной любви миссис Хэмли, которую та испытывала к ней, она заплакала еще сильнее из-за того, что такой любви к ней больше нет на земле. Внезапно дверь гостиной отворилась, и стало

слышно, как кто-то поднимается наверх. Она узнала шаги Синтии. Молли поспешно утерла глаза и встала, стараясь выглядеть беспечной. Это все, что она успела сделать, прежде чем Синтия, немного помедлив у закрытой двери, постучала. И, получив ответ, сказала, не открывая дверь:

– Молли! Мистер Роджер Хэмли здесь и хочет попрощаться с тобой до отъезда.

Затем она спустилась вниз, словно в эту самую минуту ей хотелось избежать короткого разговора наедине с Молли. Вздохнув, и приняв решение, как ребенок, который смирился с тем, что ему нужно проглотить противное лекарство, Молли немедленно спустилась вниз.

Роджер убедительно говорил с миссис Гибсон в арке окна, когда вошла Молли. Синтия стояла рядом, слушала, но не принимала участия в разговоре. Ее взгляд был потуплен, она не подняла глаз, когда Молли робко приблизилась.

Роджер говорил:

– Я бы никогда себе не простил, если бы принял от нее обещание. Она останется свободной до моего возвращения. Но надежда, ее слова, ее милая добродетель сделали меня чрезмерно счастливым. О, Молли! — внезапно заметив ее присутствие, он повернулся к ней и взял ее руки в свои. — Я думаю, вы давно догадались о моей тайне, правда? Я подумывал поговорить с вами до отъезда и во всем признаться. Но искушение было слишком велико... Я рассказал Синтии, как сильно я ее люблю, насколько это можно выразить словами. И она говорит..., - он посмотрел на Синтию с пылким восхищением и, казалось, забыл в этом взгляде, что оставил недоговоренным предложение для Молли.

Синтия, казалось, была не намерена повторять свои слова, какими бы они ни были, но за нее заговорила ее мать.

– Без сомнения, моя дорогая девочка ценит вашу любовь, как ее должно ценить. Думаю, — взглянув на Синтию и Роджера с понимающим лукавством, — я могла бы рассказать истории о причинах ее весенних недомоганий.

– Мама, — внезапно произнесла Синтия, — вы же знаете, ничего подобного не было. Прошу, не выдумывайте обо мне историй. Я обручилась с мистером Роджером Хэмли, и этого достаточно.

– Достаточно! Более чем достаточно! — воскликнул Роджер. — Я не приму вашего обещания. Я связан, а вы — свободны. Мне нравится быть связанным словом, это делает меня счастливым и спокойным, но из-за всех случайностей, что влекут за собой следующие два года, вы не должны обременять себя обещаниями.

Синтия заговорила не сразу. Она явно что-то обдумывала. Миссис Гибсон взяла слово.

– Вы очень великодушны, несомненно. Возможно, лучше не упоминать об этом.

– Я бы скорее сохранила это в секрете, — перебила ее Синтия.

– Конечно, милая. Я как раз это собиралась сказать. Я когда-то знала молодую леди, узнавшую о смерти в Америке молодого человека, которого она очень хорошо знала. И она немедленно сказала, что была помолвлена с ним, и даже зашла так далеко, что надела вдовий траур. Но эти сведения оказались ошибочными, поскольку он вернулся здоровым и полным жизни, и объявил всем, что никогда не задумывался о женитьбе на ней. Ей было ужасно неловко. Такие новости лучше держать в секрете, пока не придет время их обнародовать.

И тут же Синтия не могла отказать себе в искушении сказать:

– Мама, я обещаю не надевать вдовий траур, какие бы новости не пришли о мистере Роджере Хэмли.

– Зовите меня Роджер, пожалуйста! — вставил он нежным шепотом.

– А вы все будете свидетелями его признания, что он будет думать обо мне, если впоследствии поддастся искушению отрицать этот факт. Но в то же время мне хочется, чтобы это хранилось в секрете до его возвращения... и я уверена, вы все будете так добры и внимательны к моему желанию. Прошу, Роджер! Прошу, Молли! Мама, я особенно должна просить об этом тебя.

Роджер даровал бы все, что угодно, когда она обратилась к нему по имени и таким тоном. Он взял ее за руку в молчаливом обещании. Молли была уверена, что не сможет болтать об этом событии. Поэтому только миссис Гибсон ответила громко.

– Мое дорогое дитя! Почему "особенно" относится ко мне несчастной? Ты же знаешь, я самый надежный человек на свете!

Маленький маятник на камине пробил полчаса.

– Я должен идти! — сказал Роджер в смятении. — Я не представлял, что уже так поздно. Я напишу из Парижа. Экипаж прибудет к "Георгу" уже через пять минут. Дражайшая Синтия... — он взял ее за руку, а затем, словно искушение было неодолимо, привлек ее к себе и поцеловал. — Только помните, вы — свободны! — сказал он, отпуская ее и переходя к миссис Гибсон.

– Если бы я считала себя свободной, — ответила Синтия, чуть покраснев, но приготовив напоследок свой остроумный ответ, — если бы я представляла себя свободной, думаете, мне бы это позволили?

Затем настала очередь Молли, и прежняя, братская нежность вернулась в его взгляд, голос, его манеры.

– Молли, вы не забудете меня, я знаю. Я никогда не забуду вас, ни вашу доброту к... ней.

Его голос начал дрожать, и лучше было уйти. Миссис Гибсон дала волю слезам, не слыша и не замечая слов прощания. Не осознавая своих действий, Синтия переставляла цветы в вазе на столе: она заметила, что они расставлены неправильно и ее чувство художника не могло смириться с этим. Молли стояла, оцепенев; ни радости, ни сожаления, ничего кроме оторопи. Она почувствовала слабое пожатие теплой руки. Она подняла глаза — до сих пор ее взгляд был потуплен, словно на веках был тяжелый груз — место, где он стоял, было пустым. Его быстрые шаги были слышны на лестнице, передняя дверь отворилась и закрылась. И затем Молли с быстротой молнии побежала в мансарду — в чулан, из его окон можно было видеть улицу, по которой он должен пройти. Защелкой на окне давно не пользовались, и она туго открывалась, Молли дергала ее пока та не открылась, а затем высунула голову наружу, чтобы не упустить этот последний шанс.

– Я должна снова его увидеть. Я должна! Я должна! — причитала она, дергая. Вот и он, бежал, чтобы успеть на лондонский экипаж. Свой багаж он оставил в "Георге" прежде чем пойти к Гибсонам попрощаться. Молли видела, как он, несмотря на спешку, оборачивается, и прикрывает глаза от лучей заходящего солнца, оглядывает дом, надеясь еще раз увидеть Синтию. Но очевидно он никого не увидел, даже Молли в чердачном окне, поскольку она откинулась назад, когда он обернулся, и спряталась в тени. Она не имела права выставить себя, словно высматривает и жаждет прощальных знаков. Никто не появился... и через мгновение он скрылся из виду на годы!

Молли осторожно закрыла окно, все ее тело охватила дрожь. Она вышла из мансарды и направилась к себе в комнату, но не стала снимать уличную одежду, пока не услышала шаги Синтии на лестнице. Затем поспешно подошла к туалетному столику и начала развязывать ленты шляпки, но они запутались в узел, и на то, чтобы их распутать ушло время. Шаги Синтии затихли у двери Молли, она приоткрыла ее немного и спросила:

– Можно мне войти, Молли?

– Конечно, — ответила та, сильно желая ответить "нет". Молли не повернулась к ней, поэтому Синтия встала у нее за спиной и обняла Молли за талию, заглянув через плечо и вытянув губы для поцелуя. Молли не

могла сопротивляться этим действиям — немой просьбе о ласке. Но мгновение назад она поймала в зеркале отражение двух девушек. Ее самой: с бледным лицом и красными глазами, губы испачканы ежевичным соком, локоны спутаны, шляпка криво надета, а платье порвано. И такой непохожей Синтии: с ярким румянцем на лице, в нарядном, элегантном платье. "Ох, неудивительно!" — подумала Молли, поворачиваясь и обнимая Синтию, она на мгновение положила голову ей на плечо — тяжелую, больную голову, что искала преданную подушку в эту минуту безысходности. В следующий миг она поднялась и, взяв руки Синтии в свои, подержала их немного, чтобы лучше читать на ее лице.

— Синтия, ты ведь сильно его любишь?

Синтия слегка вздрогнула от пронизательной неподвижности этих глаз.

— Ты произносишь это, как торжественное заклинание, Молли! — сказала она, рассмеявшись, чтобы скрыть свою нервозность, а затем посмотрела на Молли. — Ты считаешь, я не предоставила тому доказательств? Но ты же знаешь, я часто говорила тебе, что у меня нет таланта любить. Я говорила ему почти то же самое. Я умею уважать, и, думаю, умею восхищаться, и я умею нравиться, но я никогда не чувствовала, что меня целиком захватила любовь к кому-то, даже к тебе, малышка Молли, а я уверена, что люблю тебя больше, чем...

— Нет, не говори, — сказала Молли, закрывая рот Синтии рукой, почти в нетерпении. — Нет, нет, я не стану тебя слушать... Я не должна была спрашивать тебя... это заставляет тебя лгать!

— Почему, Молли?! — воскликнула Синтия, в свою очередь пытаясь прочесть на лице Молли. — Что с тобой? Можно подумать, что ты сама любишь его.

— Я? — спросила Молли, вся кровь внезапно прилила к ее сердцу, затем отхлынула, и она нашла мужество заговорить, и она сказала правду, как считала, хотя не настоящую правду.

— Я люблю его. Я думаю, ты завоевала любовь принца среди мужчин. Я горжусь, вспоминая, что он был мне как брат, и я люблю его как сестра, и я люблю тебя вдвойне, потому что он удостоил тебя своей любовью.

— Полно, это совсем не лестно! — произнесла Синтия, смеясь, довольная тем, что услышала похвалы в адрес возлюбленного, и даже пожелала принизить его, чтобы услышать больше.

— Полагаю, он вполне приятный, и слишком образован и умен для такой глупой девушки, как я. Но даже ты должна признать, что он очень прост и неуклюж. А я люблю милые вещицы и милых людей.

– Синтия, я не стану разговаривать с тобой о нем. Ты не думаешь того, что говоришь, и ты говоришь это только из противоречия, потому что я хвалю его. Он не будет очернен тобой даже в шутку.

– Хорошо, тогда мы совсем не будем говорить о нем. Я была так удивлена, когда он начал говорить... поэтому... — Синтия выглядела прелестно, краснея и вспоминая его слова и взгляды, улыбаясь так, что на щеках появлялись ямочки. Внезапно она вернулась в настоящее, и ее взгляд упал на лист, полный ежевики — широкий, зеленый лист, такой свежий и жесткий, когда Молли сорвала его около часа назад, а теперь мягкий и вялый, уже увядающий. Молли тоже это увидела и почувствовала странное сочувствие и жалость к бедному неживому листу.

– О! Какая ежевика! Ты собрала ее для меня, я знаю! — сказала Синтия, села и принялась есть ягоды, легко касаясь их кончиками тонких пальчиков, и бросая каждую зрелую ягодку в открытый рот. Съев около половины, она внезапно резко остановилась.

– Как бы мне хотелось уехать с ним в Париж! — воскликнула она. — Думаю, это было бы неприлично, но зато как приятно! Помню в Булони (еще ягодка), я обычно завидовала англичанам, которые отправлялись в Париж. Мне тогда казалось, будто бы никто не останавливается в Булони кроме скучных, глупых школьниц!

– Когда он там будет? — спросила Молли.

– В среду, он сказал. Я должна написать ему туда. Во всяком случае, он собирался написать мне.

Молли продолжила приводить платье в порядок, молча, тихо и деловито. Синтия, хотя и сидела неподвижно, казалась очень беспокойной. Как сильно Молли хотелось, чтобы она ушла!

– Возможно, в конце концов, — заметила Синтия, видимо, поразмыслив, — мы никогда не поженимся.

– Почему ты так говоришь? — спросила Молли почти с горечью. — У тебя нет причин так думать, поэтому мне удивительно, как ты можешь такое предполагать, даже на мгновение.

– Ох! — ответила Синтия, — ты не должна воспринимать меня au grand sérieux. Я не думаю того, что говорю, но сейчас все кажется сном. И все же я думаю, шансы равны... шансы за и против нашего брака, я имею ввиду. Два года! Это долгий срок! Он может изменить свое решение, или я могу. Или кто-нибудь еще появится, и я могу обручиться с ним. Что ты думаешь об этом, Молли? Я совершенно не беру во внимание такие мрачные вещи, как смерть. Все же за два года многое может случиться.

– Не говори так, Синтия, пожалуйста, не надо, — жалобно сказала

Молли. — Можно подумать, что ты не любишь его, а он так любит тебя.

— Разве я говорила, что не люблю его? Я только подсчитывала шансы. Я надеюсь, что ничего не случится и не помешает нашему браку. Только ты знаешь, что это может случиться, думаю, я мудро поступаю, ожидая все несчастья, что могут произойти. Без сомнения, все мудрые люди, которых я знала, считали благоразумным учитывать мрачные предсказания. Но вижу, ты не расположена к мудрости или благоразумию. Поэтому я пойду и подготовлюсь к ужину, оставляю тебя с твоим платьем.

Она обхватила лицо Молли руками и до того, как та поняла ее намерение, шутливо ее поцеловала. Затем ушла, предоставив Молли самой себе.

[1] Из баллады неизвестного автора "Babes in the Wood" ("Дети в лесу")

Глава XXXV

Материнские маневры

Мистер Гибсон не пришел домой к ужину — вероятно, его задержал какой-нибудь пациент. Подобные задержки не были для него редкостью; но миссис Гибсон довольно редко спускалась в столовую и сидела с мужем, пока он ел оставленный для него ужин, вернувшись на час или два позже обычного. Обычно она предпочитала большое, удобное кресло или уголок дивана наверху в гостиной, и очень редко бывало, чтобы она позволила Молли воспользоваться привилегией, которой пренебрегала сама. Молли с радостью спускалась бы вниз и составляла компанию отцу каждый вечер, когда ему приходилось ужинать в одиночестве; но ради мира и спокойствия она не уступала этим своим желаниям.

Миссис Гибсон устроилась у камина в столовой и терпеливо ждала благоприятного момента, когда мистер Гибсон, удовлетворив свой здоровый аппетит, отвернется от стола и займет место рядом с ней. Она поднялась и с непривычным вниманием подвинула вино и стаканы, чтобы он мог выпить, не вставая со стула.

- Ну вот! Вы удовлетворены? У меня есть для вас потрясающая новость, — сказала она, когда все было убрано.

- Чего-то подобного я ждал, — сказал он, улыбаясь. — Ну, начнем!

- Роджер Хэмли заезжал днем, чтобы попрощаться.

- Прощаться!? Он уехал? Я не знал, что он уезжает так скоро! — воскликнул мистер Гибсон.

- Да. Не беспокойтесь, дело не в этом.
- Ну расскажите мне. Он уже покинул графство? Я хотел повидаться с ним.
- Да, да. Он передал вам привет, сожаление и все, что говорится в таких случаях. Теперь позвольте мне продолжить мой рассказ: он застал Синтию одну, сделал ей предложение, и она приняла его.
- Синтия? Роджер сделал ей предложение, и она приняла его? — медленно повторил мистер Гибсон.
- Да, разумеется. А почему бы нет? Вы говорите так, словно это вас очень удивляет.
- Неужели? Но я удивлен. Он замечательный молодой человек, и я желаю Синтии счастья. Вы довольны? Это будет очень долгая помолвка.
- Возможно, — многозначительно ответила она.
- Во всяком случае, его не будет два года, — заметил мистер Гибсон.
- За два года многое может случиться, — сказала она.
- Вот именно! Ему придется много раз рисковать, подвергаться опасностям, и вернется он не с теми возможностями, чтобы содержать жену, с которыми уезжал.
- Я не согласна, — ответила она игривым тоном, как тот, кто превосходно осведомлен. — Маленькая птичка начирикала мне, что жизнь Осборна в опасности; и тогда... кем станет Роджер? Наследником поместья.
- Кто рассказал вам об Осборне? — спросил он, поворачиваясь к ней лицом и пугая ее своей внезапной суровостью в голосе и манерах. Казалось, будто из его черных, мрачных глаз вылетает огонь. — Кто вам сказал, я спрашиваю?
- Она сделала слабую попытку вернуться к прежней игривости.
- Вы станете это отрицать? Разве это не так?
- Я еще раз спрашиваю вас, Гиацинта, кто сказал вам, что жизнь Осборна Хэмли находится в большей опасности, чем моя... или ваша?
- О, не пугайте меня. Моя жизнь вне опасности, я уверена, как и ваша, мой дорогой, я надеюсь.
- Он раздраженно махнул рукой и сбросил стакан со стола. Она была признательна за то, что его внимание отвлеклось, и занялась собиранием осколков:
- Осколки стекла так опасны, — произнесла миссис Гибсон. Но вздрогнула от резкого голоса мужа, показавшегося ей незнакомым.
- Забудьте о стекле. Я снова спрашиваю вас, Гиацинта, кто рассказал вам о состоянии здоровья Осборна Хэмли?

- Я не желаю ему вреда, и смею сказать, он в очень добром здравии, как вы говорите, — прошептала она наконец.

- Кто рассказал...? — начал он снова, тверже, чем прежде.

- Что ж, если вы знаете и поднимаете столько шума из-за этого, — сказала она, доведенная до крайности, — это были вы сами... вы или доктор Николс, я забыла, кто именно.

- Я никогда не говорил с вами на эту тему, и полагаю, что и доктор Николс тоже. Вам лучше сказать мне сразу, на что вы намекаете, поскольку я настроен выяснить это прежде, чем мы выйдем из комнаты.

- Лучше бы мне не выходить больше замуж, — произнесла она, плача и оглядывая комнату в тщетных поисках мышинной норки, чтобы там спрятаться. Затем, словно вид двери в кладовую придал ей смелости, она повернулась к нему лицом.

- Вам не следует так громко говорить о ваших врачебных тайнах, если вы не хотите, чтобы их слышали. Мне пришлось пойти в кладовую в тот день, когда у нас был доктор Николс; кухарке понадобился кувшинчик джема, и она остановила меня как раз в ту минуту, когда я собиралась уйти... уверяю вас, я не испытывала удовольствия, потому что я ужасно боюсь липких перчаток... все для того, чтобы у вас был приятный ужин.

Казалось, она снова собиралась заплакать, но он жестом показал ей продолжать, просто сказав:

- Так! Полагаю, вы подслушали наш разговор?

- Немного, — пылко ответила она, почти с облегчением от того, что ей помогли высказать вынужденное признание. — Только пару фраз.

- И каких? — спросил он.

- Ну, вы что-то сказали, а доктор Николс ответил: "Если у него аневризма аорты, его дни сочтены".

- Так, что еще?

- Да, вы сказали: "Дай Бог, чтобы я ошибся. Но на мой взгляд, у него довольно явные симптомы".

- Как вы узнали, что мы говорим об Осборне Хэмли? — спросил он, вероятно, надеясь сбить ее со следа. Но как только она поняла, что он опускается до ее уровня уловок, она набралась мужества и сказала совершенно иным тоном, противоположным ее обычной трусливой манере.

- Ах, да. Я слышала, как вы оба упоминали его имя до того, как я начала слушать.

- Значит вы признаете, что подслушали?

- Да, — ответила она, немного смешавшись.

- Скажите, как вы смогли так точно запомнить название болезни, о

которой мы говорили?

- Потому что я пошла... не сердитесь, я в самом деле не вижу вреда в том, что сделала...

- Не умаляйте гнев. Вы пошли...

- В кабинет и выяснила. Почему я не могла это сделать?

Мистер Гибсон не ответил, не взглянул на нее. Его лицо было бледным, лоб нахмурен, а губы сжаты. Наконец, он поднялся, вздохнул и произнес:

- Что ж! Полагаю, что стряпаешь, то и должен печь.

- Я не понимаю, что вы имеете в виду, — она надула губы.

- Возможно, нет, — ответил он. — Я думаю, то, что вы слышали случайно, заставило вас изменить свое отношение к Роджеру Хэмли? Я заметил, что в последнее время вы стали с ним намного вежливее.

- Если вы имеете в виду, что он начал мне нравиться столь же сильно, как Осборн, то вы очень ошибаетесь. Нет не начал, хотя он сделал предложение Синтии и будет моим зятем.

- Расскажите мне все по порядку. Вы подслушали... я признаюсь, что мы говорили именно об Осборне, хотя у меня будет что сказать об этом чуть позже... а потом, если я правильно вас понимаю, вы изменили свое отношение к Роджеру, и он стал более желанным гостем в этом доме, чем прежде, вы стали относиться к нему как к следующему наследнику поместья Хэмли?

- Я не знаю, что вы имеете в виду под "следующим".

- Пойдите в кабинет и посмотрите в словаре, — произнес он, впервые теряя терпение за время разговора.

- Я знала, — ответила она сквозь слезы и рыдания, — что Роджер влюбился в Синтию — любой мог это заметить. И поскольку Роджер всего лишь младший сын, без профессии, без денег, кроме стипендии, я подумала, что будет правильным не поощрять его, так поступил бы любой, у кого есть крупица здравого смысла. Более нескладного, более простого, неуклюжего, глупого юноши я никогда не видела... чтобы называться "знатным наследником", я имею в виду.

- Берегитесь — вам придется взять свои слова назад, когда вы представите, что в один прекрасный день он станет владельцем Хэмли.

- Нет, не придется, — сказала она, не уловив точный смысл его слов. — Вы сейчас раздражены, потому что он влюблен не в Молли. И я называю это несправедливым и нечестным отношением к моей бедной девочке, выросшей без отца. Я всегда старалась содействовать интересам Молли, как будто она моя собственная дочь.

Мистер Гибсон был слишком безразличен к подобному обвинению, чтобы обращать на него внимание. Он вернулся к тому, что было для него важнее.

- Вопрос, который я хочу прояснить, следующий. Вы изменили или не изменили свое отношение к Роджеру после того, как подслушали мой профессиональный разговор с доктором Николсом? Разве с тех пор вы не одобряли его ухаживание за Синтией, вынеся из того разговора мысль, что у него есть отличная возможность унаследовать Хэмли?

- Думаю, да, — мрачно ответила она. — И если я так поступила, в чем не вижу вреда, почему меня расспрашивают так, словно я на трибуне для дачи свидетельских показаний. Он влюбился в Синтию задолго до того разговора, и она тоже сильно полюбила его. Не мне было переходить дорогу истинной любви. Я не понимаю, как еще мать может показать свою любовь к дочери, если не обратить случайные обстоятельства в ее пользу. Возможно, Синтия могла бы умереть, если бы ей перечили в любви. Ее бедный отец был болезненным человеком.

- Разве вы не знаете, что все медицинские разговоры конфиденциальны? Что для меня будет самым бесчестным поступком, если я стану выдавать секреты, которые узнаю в силу своей профессии?

- Да, конечно.

- А разве мы с вами не одна плоть? Вы не можете совершить бесчестный поступок без того, чтобы на меня не пало обвинение в бесчестии. Если для меня ужасным бесчестием является выдача профессиональной тайны, то что же будет, если я воспользуюсь этим знанием?

Ему с трудом удавалось сохранять спокойствие, так как подобное коварство нестерпимо его возмущало.

- Я не знаю, что вы имеете в виду под словом "воспользоваться". Я бы никогда не воспользовалась влюбленностью дочери. Я думала, что вы скорее обрадуетесь тому, что удачно выдадите Синтию замуж и избавитесь от нее.

Мистер Гибсон встал и прошелся по комнате, держа руки в карманах. Пару раз он начинал говорить, но замолкал от раздражения, не в состоянии продолжить.

- Я не знаю, что вам сказать, — произнес он наконец. — Вы не можете и не поймете, что я имею в виду. Я очень рад, что Синтия живет здесь. Я оказал ей радушный прием и искренне надеюсь, что она будет считать этот дом своим, как и моя собственная дочь. Но в будущем я должен присматривать за дверями и запираť их на двойной замок, если я так глуп,

что... Тем не менее, это в прошлом; мне остается, насколько в моих силах, предотвратить повторение подобного в будущем. Теперь давайте послушаем, как обстоят дела в настоящем.

- Не думаю, что я должна рассказывать вам об этом. Это секрет, такой же, как ваши тайны.

- Очень хорошо. Вы рассказали мне достаточно, чтобы я действовал, что я несомненно и сделаю. Только на днях я обещал сквайру известить его, если что-либо заподозрю... любой роман или затруднительное положение, пусть даже менее всего похожее на помолвку, между его сыновьями и нашими девочками.

- Но это не помолвка. Он не позволит этого. Если вы только слушаете меня, я смогу вам все объяснить. Я только надеюсь, что вы не поедете и не расскажете всем и сквайру. Синтия так просила, чтобы об этом никто не знал. Только моя несчастная откровенность довела меня до этой неприятности. Я никогда не могла утаить секрет от тех, кого люблю.

- Я должен рассказать сквайру. Я не буду упоминать об этом при ком-либо еще. И вы в самом деле думаете, что подслушивание и умалчивание согласовались с вашей обычной откровенностью? Я мог бы тогда рассказать вам, что мнение доктора Николса решительно отличается от моего, и что он полагает, что расстройство, о котором я консультировался с ним от имени Осборна, было просто временным. Доктор Николс рассказал бы вам, что Осборн, как и любой другой мужчина, может жить, жениться и породить детей.

Если говоря эти слова, мистер Гибсон и использовал некую хитрость, то для того, чтобы скрыть свое собственное мнение, миссис Гибсон была недостаточно прозорлива, чтобы это понять. Известие ее потрясло, и мистер Гибсон наслаждался ее смятением; оно вернуло его в прежнее расположение духа.

- Давайте предвидеть эту неудачу, я вижу, вы ее таковой считаете, — сказал он.

- Нет, не совсем неудачей, — ответила она. — Но конечно, если бы я знала мнение доктора Николса... — она заколебалась.

- Вы поняли, насколько полезно всегда советоваться со мной, — продолжил он серьезно. — Но Синтия обручилась...

- Не обручилась, я уже говорила вам. Он не позволит ей считать себя помолвленной.

- Что ж, она втянута в роман с юношей двадцати трех лет, у которого ничего нет, кроме стипендии и шанса унаследовать обремененное поместье, не имеющим профессии и вынужденным провести два года за

границей. Я должен завтра же пойти и рассказать обо всем его отцу.

- О боже! Прошу скажите, что если ему это не понравится, ему достаточно только высказать свое мнение...

- Не думаю, что вы должны действовать без Синтии. И если я не ошибаюсь, Синтия проявит довольно сильную волю в этом деле.

- О, я не думаю, что она сильно его любит. Она не из тех, кто способен на глубокие чувства, и она не принимает все близко к сердцу. Но, конечно, никто не будет действовать неожиданно, два года отсутствия дают уйму времени, чтобы отказаться.

- Но несколько минут назад нам грозили чахотка и ранняя смерть Синтии, если ее чувствам станут мешать.

- О, дорогой мой, как вы помните все мои глупые слова! Вы знаете, это возможно. Бедный мистер Киркпатрик страдал чахоткой, и Синтия могла ее унаследовать, а огромное горе может взрастить скрытые семена. Временами я так боюсь за нее. Но смею сказать, это невозможно, поскольку я не думаю, что она принимает все близко к сердцу.

- Тогда, действуя от имени Синтии, я вполне свободно могу отказаться от этого романа, если сквайр его не одобрит?

Этот вопрос поставил миссис Гибсон в тупик.

- Нет! — сказала она наконец. — Мы не должны отказываться. Я уверена, Синтия не откажется. Особенно, если она думает, что другие действуют от ее имени. И он очень сильно влюблен в нее. Как бы я хотела, чтобы он был на месте Осборна.

- Сказать вам, как бы я поступил? — спросил мистер Гибсон вполне серьезно. — К чему бы это ни привело, двое молодых людей любят друг друга. Он — замечательный молодой человек, лучший из всех; она — прелестная, живая, милая девушка. Отцу молодого человека нужно рассказать, и, скорее всего, он будет шуметь и возражать, поскольку нет сомнений в том, что они совершили опрометчивый поступок. Но позволим им быть непоколебимыми и терпеливыми, и лучшего удела не нужно ждать молодой девушке. Мне бы только хотелось, чтобы Молли посчастливилось встретить такую же любовь.

- Я подыщу кого-нибудь для нее. Я постараюсь, не сомневайтесь, — сказала миссис Гибсон, почувствовав облегчение от того, что он сменил тон.

- Не стоит. Это единственное, что я вам запрещаю. Я не буду никого "подыскивать" для Молли.

- Ну, не сердитесь, мой дорогой! Вы знаете, как я испугалась, когда вы стали сердиться.

- Это было бы бесполезно! — заметил он мрачно, вставая, и обрывая разговор.

Его жена была только рада сбежать.

Семейная беседа не удовлетворила ни одного из супругов. Мистер Гибсон вынужден был посмотреть в лицо фактам и признать, что его жена предпочла руководствоваться правилами, далекими от тех, которых он придерживался всю свою жизнь, и которые надеялся привить своей дочери. Он был возмущен сильнее, чем показывал. Однако он упрекал прежде всего себя, и поэтому не высказывал возмущения открыто, не позволяя чувству недоверия и недовольства своей женой вырасти в душе настолько, что оно распространилось бы на ничего не подозревавшую Синтию, ошарашив ее внезапной суровостью. Но как бы там ни было, войдя следом за женой в гостиную он серьезно поздравил изумленную падчерицу.

- Мама рассказала вам? — спросила она, бросив на мать возмущенный взгляд. — Это не совсем помолвка, все присутствующие поклялись сохранить тайну, мама была среди них.

- Но, моя дорогая Синтия, ты не могла ожидать... тебе ведь не хотелось, чтобы я сохранила эту тайну от мужа? — умоляюще спросила миссис Гибсон.

- Нет, возможно, нет. Во всяком случае, сэр, — ответила Синтия, с сердечной искренностью, — я рада, что вы узнали обо всем. Вы всегда были мне самым добрым другом, и, думаю, я рассказала бы вам сама, но мне не хотелось об этом упоминать. Прошу вас, это должно остаться тайной. На самом деле, это нельзя назвать помолвкой... он... — (она покраснела и сверкнула глазами от иносказательности слова, которое намекало, что в настоящий момент единственно "он" присутствует в ее мыслях), — он бы не позволил мне связывать себя каким-либо обещанием до его возвращения.

Мистер Гибсон строго посмотрел на нее, не отвечая на ее взгляды, так как ее манеры сейчас невольно напоминали ему манеры матери. Потом он взял ее за руку и произнес решительно:

- Я надеюсь, ты достойна его, Синтия, потому что ты завоевала приз. Я никогда не знал сердца вернее и надежнее, чем у Роджера. Я знал его мальчиком и мужчиной.

Молли казалось, что ее названная сестра могла бы вслух поблагодарить отца за признание достоинств того, кто уехал. Но Синтия немного надула губы, прежде чем улыбнуться.

- Ваши слова совсем не лестны, верно, мистер Гибсон? — спросила она.

- Полагаю, он считает меня достойной, и если вы такого высокого мнения о нем, вы должны уважать его суждение обо мне.

Если она надеялась вызвать его на комплимент, то ее ждало разочарование, поскольку мистер Гибсон с отсутствующим видом отпустил ее руку и сел в мягкое кресло у камина, всматриваясь в угли, словно надеялся прочесть в них будущее. Молли увидела, как глаза Синтии наполнились слезами, и последовала за ней в другой конец комнаты, куда та ушла искать какие-то рабочие материалы.

- Милая Синтия, — все, что она сказала, но сжала ей руку, пытаясь помочь в поисках.

- О, Молли, я так люблю твоего отца. Отчего он так говорил со мной сегодня?

- Я не знаю, — ответила Молли, — возможно, он устал.

От дальнейшего разговора их оторвал мистер Гибсон. Он стряхнул с себя задумчивость и теперь обратился к Синтии.

- Я надеюсь, ты не будешь считать это нарушением доверия, Синтия, но я должен рассказать сквайру о... о том, что произошло сегодня между тобой и его сыном. Я связан обещанием. Он боялся — я тоже скажу тебе правду — он боялся — (ударение на последнем слове), — что нечто подобное может возникнуть между его сыновьями и вами обеими. Только на днях я заверил его, что ничего подобного не существует. И я сказал, что сообщу ему сразу, как замечу какие-нибудь признаки.

Синтия выглядела недовольной.

- Единственно, что я требую, — секретности.

- Но почему? — спросил мистер Гибсон. — Я понимаю, что в нынешних обстоятельствах ты не хочешь предавать это огласке. Но как же друзья с обеих сторон! Разумеется, ты не можешь возражать против этого?

- Нет, возражаю, — ответила Синтия. — Если ничего нельзя поделать, я бы не хотела, чтобы кто-либо знал.

- Я почти уверен, что Роджер расскажет своему отцу.

- Нет, не расскажет, — сказала Синтия. — Я взяла с него обещание и считаю, что он из тех, кто уважает обещания, — она взглянула на мать, которая, чувствуя себя в немилости у мужа и у дочери, придерживалась благоразумного молчания.

- Ну, во всяком случае, он несомненно будет красноречивее и убедительней, поэтому я дам ему шанс. Я не поеду в Хэмли Холл до конца недели. До этого времени он может написать и рассказать обо всем своему отцу.

Синтия сдержала первые слова, готовые сорваться с языка. Затем

произнесла со слезами на глазах:

- Обещание мужчины выше желания женщины, так?

- Я не вижу причины, почему не стоит этого делать.

- Вы поверите в мои причины, когда я скажу вам, что если все станет известно, это причинит мне огромные страдания? — она произнесла это таким умоляющим тоном, что если бы мистер Гибсон не был недоволен и раздражен предыдущим разговором с ее матерью, он должно быть, уступил бы ей. Но поскольку этого не произошло, он холодно произнес:

- Рассказать отцу Роджера не значит предать огласке. Мне не нравится это непомерное желание оставить все в тайне, Синтия. Мне кажется, что за этим скрывается что-то...

- Пойдем, Молли, — внезапно сказала Синтия. — Давай споем тот дуэт, которому я тебя научила. Это лучше, чем вести подобные разговоры.

Это был веселый французский дуэт. Молли пела его невнимательно, с тяжестью на сердце; но Синтия пела его с воодушевлением и видимой веселостью. Только под конец она разразилась слезами и взлетела вверх по лестнице в собственную комнату. Молли, больше ни на что не обращая внимание — ни на отца, ни на слова миссис Гибсон — последовала за ней и обнаружила, что дверь ее комнаты закрыта, и в ответ на все свои просьбы позволить войти, она слышала всхлипывания и рыдания Синтии.

Прошло более недели после описанных выше событий, прежде чем мистер Гибсон нашел время заехать к сквайру; он искренне надеялся, что его обгонит письмо Роджера из Парижа, в котором тот обо всем расскажет своему отцу. Но с первого взгляда доктор понял, что сквайр не слышал ничего необычного, что могло бы нарушить его спокойствие. Он выглядел лучше, чем все прошедшие месяцы: в его глазах светилась надежда; лицо было окрашено здоровым румянцем, частично из-за возобновившихся прогулок на свежем воздухе для контроля за дренажными работами, и частично из-за радости, которую ему недавно доставил Роджер, — все это заставляло кровь в его жилах бежать быстрее. Ему не хватало Роджера, это правда, но всякий раз, когда печаль расставания слишком тяжело давила на него, он наполнял трубку табаком и выкуривал ее за долгим, неспешным и размеренным перечитыванием письма лорда Холлингфорда, каждое слово из которого он знал наизусть. И выражения, в которых он, притворяясь для себя, сомневался, давали ему лишний повод просматривать похвалы сыну. Покончив с приветствием, мистер Гибсон сразу перешел к делу.

- Есть новости от Роджера?

- О, да. Вот его письмо, — сказал сквайр, принеся свой черный,

кожаный ящик, в котором письмо Роджера лежало среди других бумаг различного содержания. Мистер Гибсон прочел его, одним беглым взглядом уверившись, что в нем нет упоминания о Синтии.

- Хм! Я вижу он не упомянул об одном очень важном событии, которое произошло перед его отъездом, — произнес мистер Гибсон, ухватившись за первые слова, что пришли ему на ум. — С одной стороны я понимаю, что нарушаю доверие, но я собираюсь сдержать обещание, которое дал в мой последний визит сюда. Я нахожу, что случилось... случилось нечто, чего вы опасались... вы понимаете... между ним и моей приемной дочерью, Синтией Киркпатрик. Он заезжал к нам попрощаться, пока ждал отправления экипажа на Лондон, застал ее одну и поговорил с ней. Они не называют это помолвкой, но, разумеется, оно так и есть.

- Верните мне письмо, — произнес сквайр неестественным голосом. Он снова прочел его, словно ранее не усвоил его содержание, и словно в нем остались несколько предложений, которые он проглядел.

- Нет! — произнес он наконец со вздохом. — Он ничего не пишет об этом. Сыновья могут играть с отцами в доверительность, но они многое скрывают.

Казалось, сквайр больше разочарован тем, что получил известие не из уст Роджера, нежели недоволен самим известием, подумал мистер Гибсон. Но он дал ему время собраться с мыслями.

- Он не старший сын, — продолжил сквайр, как будто разговаривал с самим собой. — Но это не та партия, которую я задумал для него. Как это случилось, сэр, — сказал он, внезапно набрасываясь на мистера Гибсона, — что в последний раз, когда вы были здесь, вы сказали, что между моими сыновьями и вашими девочками ничего нет? Должно быть, это продолжалось все это время!

- Боюсь, так оно и было. Но я ничего не знал, как наивное дитя. Я услышал об этом только вечером того дня, когда уезжал Роджер.

- А это было неделю назад, сэр. Что заставляло вас молчать?

- Я думал, что Роджер сам вам расскажет.

- Это говорит о том, что у вас нет сыновей. Большая половина их жизни неизвестна отцам. Вот Осборн здесь, мы живем вместе... иначе говоря, мы вместе обедаем, спим под одной крышей... и еще... Что ж! Что ж! Жизнь такова, какой ее делает Бог. Вы говорите, это еще не помолвка? Но интересно, что мне делать? Надеяться на то, что мой сын разочаруется в том глупом поступке, на который он решился... как раз тогда, когда он помогает мне. Это глупо, не правда ли? Я спрашиваю вас, Гибсон, вы должны знать эту девочку. Предполагаю, у нее не столь много денег?

- Ей выплачиваются пожизненные проценты ее матери, около тридцати фунтов в год.

- Вот так так! Хорошо, что он не Осборн. Им придется подождать. Из какой она семьи? Полагаю, никто из них не занимался торговлей, от того она так бедна.

- Думаю, ее отец приходился внуком некоего сэра Джералда Киркпатрика. Ее мать рассказывала мне, что у него был титул баронета. Мне ничего неизвестно о подобных вещах.

- Это уже что-то. Мне кое-что известно о подобных вещах, как вы предпочли назвать их. Мне нравится благородная кровь.

Мистеру Гибсону ничего не оставалось, как сказать:

- Но я боюсь, что только одна восьмая крови Синтии благородная. Мне ничего неизвестно о ее родственниках кроме того, что ее отец был викарием.

- Имел профессию. Во всяком случае, эта ступень выше торговли. Сколько ей лет?

- Восемнадцать или девятнадцать.

- Мила?

- Да, думаю так. Большинство так думает, но все это дело вкуса. Поедьте, сквайр, оцените сами. Приезжайте и пообедайте с нами в любой день, когда захотите. Меня может не быть дома, но ее мать будет там, и вы сможете познакомиться с будущей женой вашего сына.

Мистер Гибсон поспешил с этим предложением, слишком полагаясь на спокойствие, с которым сквайр расспрашивал его. Мистер Хэмли замкнулся в себе и, отвечал угрюмым тоном.

- "Будущая жена" Роджера! Он поумнеет к тому времени, когда вернется домой. Два года, проведенные среди чернокожих, добавят ему больше здравого смысла.

- Возможно, но не обязательно, я бы сказал, — ответил мистер Гибсон. — Думаю, чернокожие не столь знамениты своими способностями к рассуждениям, поэтому у них не так много шансов изменить его мнение своими доводами, даже если они поймут язык друг друга. И конечно, если он разделяет мой вкус, особенность их кожи только заставит его еще больше ценить белокожих.

- Но вы сказали, это не была помолвка, — прорычал сквайр. — Если он лучше подумает, вы ведь не станете принуждать его к ней?

- Если он пожелает разорвать помолвку, я, разумеется, посоветую Синтии пожелать того же, вот все, что я могу сказать. И я не вижу причины дальше обсуждать это. Я рассказал вам, как обстоят дела, потому что я

обещал рассказать, если увижу, что нечто подобное происходит. Но в настоящих обстоятельствах мы не можем решать их судьбу, мы можем только ждать, — и он взял свою шляпу, собираясь уйти. Но сквайр был недоволен.

- Не уходите, Гибсон. Не обижайтесь на то, что я сказал, хотя я не знаю, почему я это сделал. Что девочка представляет из себя?

- Я не понимаю, что вы имеете ввиду, — ответил мистер Гибсон. Он прекрасно знал, о чем спрашивал сквайр, только был рассержен и предпочел не понимать.

- Она... хороша, такая же, как ваша Молли?... с мягким характером и благоразумная... ее перчатки всегда заштопаны, а обувь опрятная, она готова сделать все, что ее попросят, словно больше всего на свете ей нравится выполнять просьбы?

Черты лица мистера Гибсона расслабились, он понял все недосказанные предложения сквайра и все его невыраженные значения.

- Начну с того, что она намного красивее Молли, и у нее очень обворожительные манеры. Она всегда хорошо одета и выглядит опрятно, я знаю, что она не тратит много на одежду, и всегда выполняет то, о чем ее попросят, у нее всегда готовы милые, живые ответы. Не думаю, что когда-либо видел, как она выходит из себя, но я и не уверен, что она принимает вещи близко к сердцу, а некая приглушенность чувств идет на пользу человеку мягкого нрава, как я заметил. В целом, я думаю, таких, как Синтия — одна на сотню.

Сквайр немного подумал.

- На мой взгляд ваша Молли — одна на тысячу. Но видите ли, у нее нет знатных родственников... и я не думаю, что у нее будет возможность получить много денег, — он произнес эти слова, как будто рассуждал вслух, безотносительно к мистеру Гибсону, но это уязвило последнего, и он ответил немного нетерпеливо:

- Так как Молли здесь не при чем, я не понимаю, какой смысл упоминать ее имя, а также обсуждать ее семью и ее состояние.

- Нет, конечно, нет, — сказал сквайр, поднимаясь. — В своих мыслях я зашел слишком далеко, признаюсь, я думал только о том, какая жалость, что она не подойдет Осборну. Но, разумеется, это не обсуждается... не обсуждается.

- Да, — согласился мистер Гибсон, — и если вы извините меня, сквайр, я должен сейчас уйти, и тогда вы будете свободно, без помех, предаваться своим мыслям.

Он уже был у двери, когда сквайр окликнул его. Доктор стоял,

нетерпеливо постукивая хлыстом о сапоги, ожидая бесконечных последних слов.

- Послушайте, Гибсон, мы старые друзья, а вы глупец, если воспринимаете все, что я говорю, как обиду. Мы не ладили с мадам, вашей женой, в тот единственный раз, когда я видел ее. Я не скажу, что она глупа, но думаю, что один из нас глупец, и это не я. Тем не менее, мы прошли через это. Полагаю, вы привезете ее и эту девочку Синтию (это самое нелепое из христианских имен, что мне доводилось слышать), и маленькую Молли сюда как-нибудь на ланч — мне удобнее в своем собственном доме — и я уверен, что буду вежлив с ними. Нам не нужно ничего говорить о Роджере — ни девушке, ни мне — и вы, если сможете, придержите язык вашей жены. Это послужит только комплиментом вашему браку... не нужно воспринимать это как нечто большее. Запомните, никаких намеков и упоминаний о Роджере и этой глупости. Я повидаюсь с девочкой и сам смогу судить, поскольку, как вы выразились, это будет лучшим планом. Осборн тоже будет здесь. Он всегда находится в своей стихии, когда разговаривает с женщинами. Иногда я думаю, что он наполовину женщина — он тратит столько же денег и так же неблагоразумен.

Сквайр остался доволен собственной речью и собственной мыслью, и немного улыбнулся, когда заканчивал говорить. Мистер Гибсон был одновременно доволен и позабавлен, он тоже улыбнулся, уходя. Решили, что в следующий четверг мистер Гибсон привезет своих дочерей в Хэмли Холл. Доктор думал, что, в целом, разговор прошел лучше, чем он ожидал, и гордился тем приглашением, которое должен был передать. Поэтому поведение миссис Гибсон, когда она получила его, немного раздосадовало его. С вечера того дня, как уехал Роджер, она считала себя оскорбленной. Зачем кому-то говорить, будто бы шансы, что жизнь Осборна продлится, ничтожно малы, если фактически вопрос нерешен? Ей очень нравился Осборн, намного больше Роджера, и она бы охотно предназначила его для Синтии, если бы не вздрагивала от мысли, что ее дочь станет вдовой. Если миссис Киркпатрик и переживала что-то остро, так это смерть мистера Киркпатрика. Будучи равно любезной и черствой в большинстве случаев, она все же не хотела подвергать дочь тем же самым страданиям, которые перенесла сама. Но если бы она только знала мнение доктора Николса, она бы никогда не потворствовала ухаживаниям Роджера, никогда. И сам мистер Гибсон. Почему он так холоден и сдержан в общении с ней с того самого вечера объяснений? Она не сделала ничего плохого, и все же с ней обращались так, словно она пребывала в немилости. До сих пор жизнь в

доме текла ровно. Она даже заскучала по волнению, которое доставляли визиты Роджера, и наблюдениям за тем как развиваются отношения у юной четы. Синтия тоже предпочитала отмалчиваться. А что касается Молли, она была ужасно уныла и не в духе, а ее душевное состояние так беспокоило миссис Гибсон, что она выразила свое недовольство бедной девушке, не опасаясь, получить от нее протест или остроумный ответ.

Глава XXXVI

Домашняя дипломатия

Вечером того дня, когда мистер Гибсон виделся со сквайром, три женщины одиноко сидели в гостиной, поскольку хозяин дома уехал далеко и до сих пор не вернулся. Им пришлось ждать его к ужину, и некоторое время спустя по его возвращении все были заняты исключительно едой. Мистер Гибсон, возможно, был удовлетворен тем, что ему удалось сделать за день, как никто из них четверых. Этот визит к сквайру лежал камнем у него на сердце с тех самых пор, как он услышал о помолвке Роджера и Синтии. Ему не хотелось принудительно ехать и рассказывать о романе вскоре после того, как он решительно заявил, что такового не существует. Признавать свои ошибки неприятно большинству людей. Если бы сквайр не был таким доверчивым и простодушным по натуре человеком, он мог бы заподозрить, что его собеседник намеренно пытался скрыть факты и усомниться в абсолютной честности мистера Гибсона. Но благодаря его натуре, не стоило опасаться несправедливого недоразумения. Все же мистер Гибсон знал о вспыльчивом, несдержанном характере, с которым ему приходилось иметь дело, и ожидал более жестоких слов, чем услышал в действительности. А последняя договоренность, что Синтия со своей матерью и Молли — которая, как, улыбнувшись, подумал мистер Гибсон, станет примирительницей и подсластит общение — должны были поехать в поместье Хэмли и познакомиться со сквайром, казалась мистеру Гибсону большим успехом, достижение которого он не приписывал своим заслугам. В целом, он был веселее и добродушнее, чем в последние дни, и когда зашел в гостиную на несколько минут после ужина, прежде чем снова отправиться к своим городским пациентам, он тихо насвистывал, стоя спиной к огню, смотрел на Синтию и думал, что не оценил ее должным образом, когда описывал сквайру. Этот тихий, почти беззвучный свист мистера Гибсона был подобен мурлыканью кота. Когда на душе у него

было беспокойно, или когда его раздражала человеческая глупость, или когда был голоден, он не мог свистеть, как не мог летать по воздуху. Молли все это интуитивно знала и бессознательно почувствовала себя счастливой, как только услышала тихий свист, в котором совсем не было музыки. Но миссис Гибсон не понравилась эта выходка мужа, по ее мнению это было не изысканно, и даже "не артистично", если бы она могла назвать его свист таким прекрасным словом, оно бы восполнило ей отсутствие изысканности. Сегодня вечером свист особенно действовал ей на нервы, но со времени ее разговора с мистером Гибсоном о помолвке Синтия она не чувствовала себя в том положении, чтобы жаловаться.

Мистер Гибсон начал:

- Синтия, сегодня я виделся со сквайром и чистосердечно во всем признался.

Синтия быстро взглянула на него, спрашивая взглядом. Молли перестала вязать, чтобы послушать, никто не произнес ни слова.

- Вы все поедете туда в четверг на ланч. Он пригласил всех вас, и я пообещал, что вы приедете.

Ответа по-прежнему не было. Вполне естественно, но очень глупо.

- Ты будешь очень рада этому, Синтия, так ведь? — спросил мистер Гибсон. — Может быть, поездка немного тебя пугает, но я надеюсь, что эта встреча положит начало взаимопониманию между вами.

- Спасибо! — выдавила она с усилием. — Но... но разве это не сделает нашу помолвку публичной? Мне бы так хотелось, чтобы о ней никто не знал и не говорил, пока он не вернется или дело не приблизится к свадьбе.

- Я не понимаю, почему это сделает помолвку публичной, — ответил мистер Гибсон. — Моя жена едет на ланч к моему другу и берет с собой дочерей... в этом нет ничего необычного, верно?

- Не уверена, что поеду, — вставила миссис Гибсон. Она не знала, почему это сказала, поскольку была намерена поехать. Но сказав, она обрекла себя на необходимость некоторое время придерживаться собственных слов. А с таким мужем, как у нее, ей приходилось также находить причины для своих высказываний. И вопрос последовал, быстрый и резкий.

- Почему? — спросил он, оборачиваясь к ней.

- О, потому что... потому что я считаю, что он первым обязан навестить Синтию. Я так чувствительна, мне невыносимо думать, что ее презирают из-за того, что она бедна.

- Чепуха! — воскликнул мистер Гибсон. — Я уверяю вас, никакого презрения не было и в помине. Он не желает говорить об этой помолвке с

кем бы то ни было — даже с Осборном — это ведь и твое желание, Синтия? Так же он не намерен упоминать о ней никому из вас, когда вы приедете туда. Но, вполне естественно, что ему хочется познакомиться с будущей невесткой. Если бы он настолько отошел от своего обычного поведения, что заехал бы сюда...

- Я не хочу, чтобы он заезжал сюда, — прервала его миссис Гибсон. — Он был не очень любезен в тот единственный раз, когда был здесь. Но у меня такой характер, что я не могу мириться с пренебрежительным отношением к людям, которых люблю, просто потому что им не улыбнулась удача, — она вздохнула немного нарочито, заканчивая предложение.

- Что ж, тогда не ездите! — сказал мистер Гибсон, разозлившись, не желая далее продолжать спор, особенно когда он чувствовал, что выходит из себя.

- Тебе этого хочется, Синтия? — спросила миссис Гибсон, желая найти предлог, чтобы сдаться.

Но ее дочь не поняла мотива этого вопроса и ответила тихо: — Не особенно, мама. Я бы охотнее отказалась от приглашения.

- Оно уже принято, — сказал мистер Гибсон, почти готовый поклясться никогда не вмешиваться в женские дела, что эффективно оградило бы его ото всех любовных дел в будущем. Его тронула уступка сквайра, он был доволен, что придумал, как доставить другим удовольствие, и вот как все закончилось!

- О, поедem, Синтия! — взмолилась Молли, умоляя не только словами, но и взглядом. — Поедем. Я уверена, тебе понравится сквайр. Это такое милое место, он будет так разочарован.

- Мне бы не хотелось терять достоинство, — сдержанно ответила Синтия. — Ты слышала, что сказала мама.

С ее стороны это были очень злые слова. Она намеревалась поехать и была абсолютно уверена, что мать уже в уме планирует, какое платье надеть по этому случаю. Мистер Гибсон, тем не менее, каким бы хорошим доктором ни был, не изучал анатомическое строение женского сердца, поэтому воспринял все слова буквально, и ужасно рассердился и на Синтию, и на ее мать. Настолько рассердился, что даже не осмелился заговорить. Он быстро прошел к двери, намереваясь выйти из комнаты, но голос жены задержал его. Она сказала:

- Мой дорогой, вам хочется, чтобы мы поехали? Если так, я оставляю свои чувства в стороне.

- Конечно, хочу! — произнес он коротко и сурово и вышел из

комнаты.

- Тогда я поеду! — произнесла миссис Гибсон голосом жертвы — эти слова предназначались ему, но он едва ли услышал их. — Мы закажем пролетку у "Георга" и возьмем для Томаса ливрею, которую я давно жду, только дорогому мистеру Гибсону это не понравится. Но в подобном случае он не станет возражать. Томас поедет на козлах и...

- Но мама, у меня тоже есть чувства, — заметила Синтия.

- Чепуха, дитя! Когда все так прекрасно устроено.

Итак, они отправились в путь в назначенный день. Мистер Гибсон узнал, что дамы изменили свои планы, и что, в конце концов, они решили поехать. Но он настолько был рассержен тем, как его жена приняла приглашение, которое сквайр высказал с большей добротой, нежели ожидал мистер Гибсон, зная сквайра и его желания касательно женитьбы сына, что не высказал интереса, ни к самому визиту, ни к приему, который им оказали. Безразличие Синтии к тому, принять приглашение или нет, раздосадовало мистера Гибсона. Он не знал о принятых у них с матерью уловках и не понимал, сколько из этого высказанного безразличия было напускным, необходимым для того, чтобы отразить притворство и фальшивые чувства миссис Гибсон. Но несмотря на это раздражение ему, на самом деле, ужасно хотелось узнать, как прошел визит, поэтому он воспользовался первой же возможностью, чтобы остаться с Молли наедине, и расспросил ее о том, как вчера прошел ланч в Хэмли Холле.

- Значит вчера вы ездили в Хэмли?

- Да, я думала, и ты поедешь. Кажется, сквайр ждал тебя.

- Поначалу я думал поехать туда, но изменил свое решение, как и некоторые другие. Не понимаю, почему женщины должны удерживать монополию на непостоянство. Ну! Как все прошло? Весело, я полагаю, поскольку и твоя мама, и Синтия вернулись прошлым вечером в приподнятом настроении.

- Да, старый добрый сквайр принарядился, соблюдал правила приличия и был очень внимателен к Синтии, а она была так красива, гуляла с ним и слушала все его рассказы о саде и ферме. Мама устала и осталась в доме, поэтому они очень хорошо поладили и много времени провели друг с другом.

- А моя малышка бежала следом?

- О, да. Ты знаешь, там я была почти как дома, и кроме того... конечно..., - Молли покраснела и не закончила предложение.

- Ты думаешь, она достойна его? — спросил ее отец, словно она

закончила свои слова.

- Роджера, папа? Она очень мила, и очень, очень очаровательна.

- Очень очаровательна, если хочешь, но почему-то я не совсем понимаю ее. Почему она хочет все сохранить в секрете? Почему ей так не хотелось ехать и оказать уважение отцу Роджера? Она восприняла это приглашение так прохладно, словно я пригласил ее пойти в церковь!

- Не думаю, что она восприняла его прохладно. Я не совсем понимаю ее, но, тем не менее, люблю так же сильно.

- Гм. Мне нравится, когда я полностью понимаю людей, но я знаю, для женщин в этом нет необходимости. Ты в самом деле думаешь, что она достойна его?

- О, папа... — начала Молли, а затем остановилась. Ей хотелось высказаться в пользу Синтии, но она не смогла подобрать слова, которые бы обрадовали отца. Мистера Гибсона же, казалось, не слишком волновало, услышит он ответ или нет, потому что он следовал за своими собственными мыслями и в итоге спросил Молли, получила ли Синтия письмо от Роджера.

- Да, утром в среду.

- Она показывала его тебе? Но, конечно же, нет. Кроме того, я прочел письмо сквайра, в котором все рассказано о нем.

Синтия к большому удивлению Молли сказала, что та может читать письма, если хочет, но Молли отказалась воспользоваться разрешением из-за Роджера. Она подумала, что он, возможно, изливает свое сердце одному единственному человеку, и что будет несправедливо читать его признания.

- Осборн был дома? — спросил мистер Гибсон. — Сквайр не думал, что он вернется, но этот юноша так непостоянен...

- Нет, его еще не было дома, — ответила Молли и вся залилась краской, поскольку ей пришла в голову мысль, что Осборн, возможно, был у своей жены... той таинственной жены, о чьем существовании она была осведомлена, но о которой она знала так мало, и о которой отцу было ничего не известно. Мистера Гибсона встревожил ее румянец. Что он означал? Достаточно мучительно узнавать, что один из драгоценных сыновей сквайра влюбился в девушку запретного сословия. И что нужно говорить и делать, если что-то чистое возникло между Осборном и Молли? Он решил заговорить об этом сразу, чтобы освободиться от нового опасения.

- Молли, для меня стал сюрпризом роман между Синтией и Роджером Хэмми...если еще есть что обсудить, дай мне знать сразу, честно и открыто. Я знаю, тебе неловко отвечать на этот вопрос, но я бы не спросил,

если бы не имел для этого убедительных причин, — он взял ее за руку. Молли посмотрела на него чистыми, честными глазами, которые наполнились слезами, когда она заговорила. Она не знала, почему появились слезы, возможно потому, что она уже не была такой сильной, как прежде.

- Если ты боишься, что Осборн думает обо мне, как Роджер — о Синтии, папа, ты ошибаешься. Мы с Осборном друзья и только, и более никогда не будет. Это все, что я могу сказать тебе.

- Этого вполне достаточно, малышка. Это большое облегчение. Мне не хочется, чтобы сейчас мою Молли похитил какой-нибудь юноша. Я бы очень по ней скучал, — он не мог не сказать этого, когда чувства переполняли его, но его удивил эффект, который произвели эти несколько нежных слов. Молли бросилась ему на шею и начала горько рыдать, положив голову ему на плечо. — Ну! Ну! — произнес он, похлопав ее по спине и отведя к софе. — Будет! За день я достаточно насмотрелся слез, пролитых по настоящим причинам, не хотелось бы видеть их дома, где, я надеюсь, они проливаются без всяких причин. Ничего на самом деле не случилось, верно, моя дорогая? — продолжил он, немного отстраняя ее от себя, чтобы заглянуть ей в лицо. Она улыбнулась ему сквозь слезы, и он не увидел печали во взгляде, которая вновь появилась в ее глазах после того, как он ушел.

- Ничего, дорогой папочка... теперь ничего. Это такое утешение, когда ты весь мой... я так счастлива.

Мистер Гибсон понял все, что подразумевали эти слова, и почувствовал, что его слова не слишком помогли в данной ситуации. Для них обоих было лучше больше не говорить откровенно. Поэтому он поцеловал ее и сказал:

- Это правильно, милая! Теперь я могу оставить тебя утешенной, на самом деле я уже слишком задержался, болтая с тобой. Выйди и прогуляйся... возьми с собой Синтию, если хочешь. Мне нужно идти. До свидания, малышка.

Его ничем не примечательные слова произвели на раздраженные нервы Молли сильный эффект. Он рассчитывал, что так и будет, он был искренне добр к ней, но ушел от нее с острой болью в сердце, которая притупилась, как только он смог всерьез заняться делами и заботой о других.

Глава XXXVII

Удача, и что из этого вышло

Честь и слава иметь собственного возлюбленного вскоре выпали и на долю Молли. Хотя, конечно, слава быстро померкла, а честь оказалась с изъяном, поскольку молодой человек, который приехал с намерением сделать ей предложение, закончил тем, что сделал предложение Синтии. Это был мистер Кокс, который вернулся в Холлингфорд, чтобы следовать цели, о которой он сообщил мистеру Гибсону почти два года назад, убедить Молли стать его женой, как только он унаследует состояние своего дяди. Теперь он был богат, но остался таким же рыжеволосым. Он остановился в гостинице "Георг", привезя своих собственных лошадей и грума. Не то, чтобы он намеревался очень много разъезжать верхом, просто думал, что выставленные напоказ богатства помогут ему в сватовстве. И он был так справедливо скромен в суждениях о собственной персоне, что полагал, будто ему требуется помощь извне. Он кичился своим постоянством и в самом деле считал, что его настолько сдерживает долг, чувства и возможность получения наследства от старого ворчливого дяди, что он не может часто бывать в обществе, а того реже — в обществе юных девиц, и что такая преданность Молли заслуживает похвалы, по крайней мере, в его собственных глазах. Мистера Гибсона очень тронуло его постоянство, и он посчитал делом чести предоставить ему поле деятельности, все время искренне надеясь, что Молли не окажется такой простушкой, и не будет благосклонно выслушивать юнца, который не помнит разницы между апофизом[1] и эпифизом[2]. Он подумал так же, что было бы хорошо не рассказывать жене о прошлом мистера Кокса, разве что упомянуть, что он бывший его ученик, и что он оставил профессию доктора, потому что старый дядя завещал ему достаточно денег, чтобы не работать. Миссис Гибсон, которая чувствовала, что утратила расположение мужа, забрала себе в голову, что может восстановить прежние отношения, если ей удастся подыскать хорошую партию для Молли. Она знала, что мистер Гибсон запретил ей пытаться это делать настолько определенно, насколько можно выразить запрет словами. Но ее собственные слова так редко выражали ее намерение, а если и выражали, то она придерживалась своего мнения настолько небрежно, что думала также и о других. Соответственно она оказала мистеру Коксу очень радушный и любезный прием.

- Для меня такое удовольствие познакомиться с бывшими учениками моего мужа. Он так часто говорил мне о вас, что мне кажется, будто вы

член семьи, я уверена, мистер Гибсон таковым вас и считает.

Мистер Кокс почувствовал себя чрезмерно польщенным и воспринял ее слова как счастливое предзнаменование для своего любовного увлечения.

- Мисс Гибсон дома? — спросил он, сильно покраснев. — Я знал ее раньше... то есть я жил в одном с ней доме более двух лет, и было бы огромным удовольствием... по...по...

- Конечно, я уверена, она будет очень рада повидать вас. Я послала ее и Синтию — думаю, вы не знакомы с моей дочерью Синтией, мистер Кокс? Они с Молли очень большие подруги — немного прогуляться в этот морозный день, но думаю, они вскоре вернуться.

Она продолжила расточать приятные глупости молодому человеку, который воспринимал ее любезности с определенным самодовольством, но все это время был более занят тем, что прислушивался к хорошо знакомому щелчку входной двери — ее закрыли по-хозяйски осторожно, и к звуку знакомых шагов на лестнице. Наконец, они пришли. Синтия вошла первая, радостная и цветущая: со свежем румянцем, ярким цветом губ и свежим блеском в глазах. Она вздрогнула при виде незнакомца и на мгновение остановилась в дверях, как будто была удивлена. За ней тихо вошла Молли, улыбающаяся, счастливая, с ямочками на щеках, но не блестящая такой яркой красотой, как Синтия.

- О, мистер Кокс, это вы? — спросила она, подходя к нему с протянутой рукой и приветствуя его с простой дружелюбностью.

- Да. Прошло так много времени с тех пор, как я видел вас. Вы так сильно выросли... так сильно... полагаю, я не должен говорить как, — ответил он торопливо, все это время удерживая руку Молли, и ставя ее в замешательство. Затем миссис Гибсон представила свою дочь, и обе девушки рассказали, какое удовольствие они получили от прогулки. Мистер Кокс испортил все дело в этом самом первом разговоре, если у него действительно был хоть какой-то шанс, поспешив показать свои чувства, и миссис Гибсон помогла ему все испортить, стараясь помочь. Молли утратила свою открытую дружелюбность и в некотором смысле начала избегать его, отчего он посчитал ее поведение неблагодарным ответом за всю его преданность ей в последние два года. И все же она не была той изумительной красавицей, которую рисовали его фантазия или любовь. Эта мисс Киркпатрик была намного красивее, и к ней было легче подступить. Синтия была во всеоружии своих прелестных манер: выражение неподдельного интереса к тому, что ей говорилось, словно тема разговора единственная в целом свете волновала ее; невысказанное

уважение, — короче говоря, весь непроизвольный шарм, которым она инстинктивно обладала, щекотал тщеславие мужчин. Поэтому пока Молли тихо отталкивала его, Синтия притягивала его к себе своими мягкими чарами, и его постоянство пало перед ее обаянием. Он был доволен, что отношения с Молли не зашли слишком далеко, и признателен мистеру Гибсону за то, что тот запретил объясняться в любви два года назад, поскольку Синтия и только Синтия могла сделать его счастливым. Спустя две недели, за время которых он совершенно изменил курс своей преданности, он посчитал, что желательно поговорить с мистером Гибсоном. Он испытывал некое ликование от своего правильного поведения в этом деле, но в то же время весьма стыдился признаться в собственном непостоянстве. Случилось так, что мистер Гибсон необычно мало бывал дома в течение этих двух недель, которые мистер Кокс якобы безвылазно просидел в "Георге", а в действительности большую часть времени провел в доме мистера Гибсона — поэтому он мало виделся со своим бывшим учеником, а в целом считал, что тот изменился в лучшую сторону, особенно после того, как поведение Молли заверило отца, что у мистера Кокса в этом отношении нет ни единого шанса. Но мистеру Гибсону было совершенно неизвестно о том, какое впечатление произвела Синтия на молодого человека. Если бы он узнал об этом, он бы довольно быстро пресек это в корне, поскольку не понимал, как девушка, пусть даже негласно обрученная с мужчиной, может получать предложения от других. Мистер Кокс напросился на личный разговор, они сидели в старой приемной, которая теперь называлась кабинетом, но настолько напоминала ему прежнюю комнату, что это было последним местом, в котором мистер Кокс мог бы чувствовать себя непринужденно. Он покраснел до корней рыжих волос, продолжая крутить новую блестящую шляпу, не в силах найти подходящее начало своей речи, наконец, он решился:

- Мистер Гибсон, полагаю, вы будете удивлены тому... тем, что я хочу сказать. Но думаю, это дело благородного человека, как вы сами говорили, сэр, год или два назад, по... поговорить сначала с отцом, и так как вы, сэр, стали теперь отцом мисс Киркпатрик, мне бы хотелось выразить свои чувства, мои чаяния, или быть может мне стоит сказать желания, короче говоря...

- Мисс Киркпатрик? — переспросил мистер Гибсон, немало удивившись.

- Да, сэр! — продолжил мистер Кокс, затараторив, поскольку зашел уже далеко. — Я знаю, это может показаться непостоянством и изменчивостью, но я уверяю вас, я приехал сюда с сердцем, настолько

преданным вашей дочери, какое когда-либо билось в груди человека. Я вполне собирался предложить себя и все, что у меня есть, ей прежде чем уеду. Но на самом деле, сэр, если вы заметили ее отношение ко мне, — всякий раз я пытался немного добиться ее благосклонности — это было более чем недостижимо, абсолютно отталкивалось, в этом не может быть ошибки... тогда как мисс Киркпатрик... — он скромно потупил взгляд и, разровняв сукно на своей шляпе, робко улыбнулся.

- Тогда как мисс Киркпатрик..? — повторил мистер Гибсон таким строгим голосом, что мистер Кокс, ныне владеющий землей эсквайр, довольно сильно смутился, словно почувствовал себя подмастерьем, с которым когда-то мистер Гибсон разговаривал подобным образом.

- Я только собирался сказать, сэр, что насколько можно судить по поведению и готовности слушать, и по явному удовольствию от моих визитов — по всему вместе, думаю, я осмелюсь надеяться, что я не совсем безразличен мисс Киркпатрик... и я бы подождал... у вас нет возражений, верно, сэр, против того, чтобы я поговорил с ней? — сказал мистер Кокс, немного обеспокоенный выражением лица мистера Гибсона. — Уверяю вас, у меня нет шансов с мисс Гибсон, — продолжил он, не зная, что сказать, и вообразив, что его непостоянство терзает сердце мистера Гибсона.

- Нет! Полагаю, что нет. Перестаньте воображать, что это меня беспокоит. Вы ошибаетесь на счет мисс Киркпатрик. Не думаю, что у нее было намерение поощрять вас.

Лицо мистера Кокса ощутимо побледнело. Его чувства, даже мимолетные, явно были сильными.

- Я думаю, сэр, если бы вы могли увидеть ее... я не считаю себя тщеславным, а поведение так трудно описать. Во всяком случае, вы не возражаете, чтобы я воспользовался возможностью и поговорил с ней.

- Конечно, если вас иначе не убедить, я не возражаю. Но если вы примите мой совет, вы избавите себя от боли отказа. Возможно, я могу нарушить ее доверие, но считаю, мне следует вам сказать, что она не свободна.

- Не может быть! — воскликнул мистер Кокс. — Мистер Гибсон, это должно быть ошибка. Я зашел настолько далеко, насколько осмелился выразить свои чувства, а ее поведение было самым любезным. Не думаю, что она могла неверно понять мои намерения. Возможно, она передумала? Возможно, поразмыслив, она решила предпочесть другого, верно?

- Полагаю, под "другим" вы подразумеваете себя? Я могу поверить в такое непостоянство (в душе он не мог не посмеяться), но мне будет очень

жаль думать, что мисс Киркпатрик может быть в этом виновна.

- Но она может... это случайность. Вы позволите мне увидеться с ней?

- Конечно, мой бедный друг..., - вместе с некоторым презрением в его словах прозвучало немало уважения простоте, возвышенности, силе чувства, пусть даже чувство было мимолетным... — Я незамедлительно пришлю ее к вам.

- Благодарю вас, сэр. Бог благословит вас за доброту.

Мистер Гибсон поднялся наверх в гостиную, где, как он был уверен, найдет Синтию. Она была там, цветущая и беззаботная, как обычно, колдовала над шляпкой для матери и болтала с Молли.

- Синтия, ты очень обяжешь меня, если тот час спустишься в мой кабинет. Мистер Кокс желает поговорить с тобой.

- Мистер Кокс? — переспросила Синтия. — Что ему нужно от меня?

Очевидно, она ответила на свой вопрос, как только задала его, потому что покраснела и избегала встречаться с суровым, бескомпромиссным взглядом мистера Гибсона. Как только она вышла из комнаты, мистер Гибсон сел и взял новый выпуск "Эдинбурга"[3], лежавший на столе, как предлог не начинать разговор. Было ли что-нибудь в статье, что заставило его спустя пару минут обратиться к Молли, которая сидела молча и размышляла:

- Молли, ты никогда не должна играть любовью честного человека. Ты не знаешь, какую боль можешь ему причинить.

Некоторое время спустя Синтия вернулась в гостиную, она выглядела очень смущенной. Вполне вероятно она бы не вернулась, если бы знала, что мистер Гибсон все еще там. Настолько непривычно было видеть его в этой комнате в середине дня, читающим или делающим вид, что ей бы и в голову не пришло, что он остался. Он взглянул на нее в ту же минуту, как она вошла, поэтому ей ничего не оставалось, как надеть самоуверенное выражение лица и вернуться к рукоделию.

- Мистер Кокс все еще внизу? — спросил мистер Гибсон.

- Нет. Он ушел. Он попросил меня передать вам обоим наилучшие пожелания. Полагаю, он уедет сегодня днем, — Синтия старалась вести себя как можно непринужденнее, но не поднимала глаз, и ее голос немного дрожал.

Мистер Гибсон продолжал несколько минут просматривать свою книгу, но Синтия чувствовала, что грядет нечто большее, и только желала, чтобы все закончилось быстро, поскольку ей было тяжело выносить суровую тишину. Наконец, это произошло.

- Синтия, я надеюсь, это больше не повторится! — произнес он с

мрачным недовольством. — Меня бы не устроило, если бы моя дочь, какой бы свободной она ни была, с самодовольством начала принимать явные ухаживания молодого человека, и тем самым вынудила его сделать предложение, которое никогда не собиралась принимать. Но что я должен думать о девушке в твоём положении, помолвленной... и все же "принимающей очень любезно", именно так выразился мистер Кокс... заигрывания другого мужчины? Ты подумала, какую ненужную боль ты причинила ему своим бездумным поведением? Я называю его бездумным, но это самый мягкий эпитет, который я могу применить. Я прошу, чтобы подобное больше не случилось, иначе мне придется охарактеризовать твоё поведение более сурово.

Молли не могла представить, какой могла быть "более суровая" характеристика, выговор отца казался ей верхом жесткости. Синтия сильно покраснела, затем побледнела и, наконец, подняла свои прекрасные умоляющие глаза, полные слез, на мистера Гибсона. Его тронул этот взгляд, но он незамедлительно решил не поддаваться никаким ее физическим чарам, а сохранить трезвое суждение относительно ее поведения.

- Прошу вас, мистер Гибсон, послушайте мою часть истории, прежде чем так жестоко говорить со мной. Я не думала... флиртовать. Я просто хотела быть любезной... я ничего не могу поделать,... а этот простофиля мистер Кокс, кажется, вообразил, что я поощряю его.

- Ты хочешь сказать, что не знала того, что он влюблен в тебя? — мистер Гибсон уже был готов поддаться очарованию этого милого голоса и умоляющих глаз.

- Полагаю, я должна сказать правду, — Синтия покраснела и улыбнулась — лишь слегка — но это была улыбка, и сердце мистера Гибсона снова ожесточилось. — Пару раз я подумала, что он стал говорить больше комплиментов, чем требовалось, но я ненавижу выливать ушат холодной воды на людей, и никогда не думала, что в его глупую голову взбредет мысль, будто бы он серьезно влюблен, и тем самым устроить неразбериху спустя всего две недели знакомства.

- Кажется, ты была довольно хорошо осведомлена о его глупости (я скорее бы назвал это простотой). Ты не думаешь, что тебе следовало бы помнить, что такое поведение может привести к тому, что он станет преувеличивать все твои поступки и слова и решит, что ты ободряешь его?

- Возможно, что я во всем ошибаюсь, а он — прав, — ответила уязвленная Синтия, надув губы. — Мы во Франции обычно говорим, 'les absents ont toujours tort'[4], но на самом деле кажется, словно здесь... — она

замолчала. Ей не хотелось дерзить человеку, которого она уважала и любила. Она выбрала другую точку своей защиты и сделала все еще хуже. — Кроме того, Роджер не позволил бы мне считать себя окончательно помолвленной с ним. Я бы охотно это сделала, но он не позволил бы мне.

- Чепуха. Давай не будем говорить об этом, Синтия! Я сказал все, что намерен был сказать. Я считаю, что ты вела себя бездумно, как сказал тебе ранее. Не позволяй этому снова произойти, — он тотчас вышел из комнаты, чтобы положить конец разговору, продолжать который было бессмысленно, и, который, возможно, только рассердил бы его.

- Невиновна, но мы рекомендуем заключенному больше этого не делать. Почти то же самое, правда, Молли? — спросила Синтия, позволяя себе плакать, даже когда улыбалась. — Я все еще верю, что твой отец сделает из меня добродетельную женщину, если бы он только постарался не быть таким суровым. Думать об этом глупом юноше, принесшем все эти неприятности! Он притворился, что принял мой отказ близко к сердцу, словно любил меня несколько лет, а не какие-то несколько дней. Я бы сказала часов, если уж говорить правду.

- Я боялась, что он начинает сильно влюбляться в тебя, — сказала Молли, — по крайней мере, несколько раз это поразило меня. Но я знала, что он не останется надолго, и подумала, что ты будешь чувствовать себя неловко, если я скажу об этом. Теперь я жалею, что не сказала!

- Это мало бы что изменило, — ответила Синтия. — Я знала, что нравлюсь ему, и мне хотелось нравиться. Это врожденное — заставить каждого мужчину рядом с собой любить себя. Но им не стоит заходить слишком далеко, поскольку иначе это причиняет много беспокойства. Я буду ненавидеть рыжеволосых всю оставшуюся жизнь. Думать о таком мужчине, который стал причиной недовольства твоего отца!

У Молли на языке вертелся вопрос, который ей хотелось задать. Она знала, что это неблагоприятно, но, наконец, он сорвался у нее помимо ее воли.

- Ты расскажешь об этом Роджеру?

Синтия ответила: — Я не думала об этом... нет! Не думаю, что расскажу... в этом нет нужды. Возможно, если мы когда-нибудь поженимся...

- Когда-нибудь поженимся?! — воскликнула Молли, задохнувшись. Но Синтия не обратила внимания на восклицание, пока не закончила предложение, на котором ее прервали.

- ... и я смогу видеть его лицо, знать его настроение, я смогу

рассказать ему об этом. Но не в письме, когда его нет рядом. Это может рассердить его.

- Боюсь, ему будет неловко, — просто заметила Молли. — И тем не менее, должно быть так приятно иметь возможность поведать ему обо всех... всех своих трудностях и тревогах.

- Да, только я не беспокою его подобными вещами. Лучше писать ему веселые письма, и веселить его среди чернокожих. Совсем недавно ты повторила "когда-нибудь поженимся". Ты знаешь, Молли, я не думаю, что когда-нибудь выйду за него замуж. Я не знаю, почему, но у меня сильное предчувствие, поэтому лучше всего не рассказывать ему все мои секреты, поскольку ему будет от этого неловко, если мы никогда не поженимся.

Молли отбросила рукоделие и сидела молча, заглядывая в будущее. Наконец, она сказала:

- Я думаю, это разобьет ему сердце, Синтия!

- Чепуха. Я уверена, что мистер Кокс приехал сюда с намерением влюбиться в тебя... не нужно краснеть так сильно. Без сомнения, ты поняла это так же ясно, как я, только ты стала неприветливой, а я сжалась над ним и утешила его раненое тщеславие.

- Ты можешь... ты смеешь сравнивать Роджера Хэмли с мистером Коксом? — с негодованием спросила Молли.

- Нет, нет, — ответила Синтия через мгновение. — Они совершенно разные люди. Не принимай все так всерьез, Молли. Ты как будто подавлена горьким упреком, словно я передала тебе тот нагоняй, что получила от твоего отца.

- Потому что мне кажется, что ты не ценишь Роджера так, как следует, Синтия! — мужественно произнесла Молли, ей потребовалась изрядная доля мужества, чтобы заставить себя произнести эти слова, хотя она не могла бы сказать, почему не уклонилась от ответа.

- Нет, ценю! Не в моей натуре впадать в экстаз, и полагаю, что я никогда не буду, что называется "влюблена". Но я рада, что он любит меня, мне нравится делать его счастливым, я считаю его самым лучшим и самым приятным человеком из всех, кого я знаю, исключая твоего отца, когда он не злится на меня. Что мне еще сказать Молли? Тебе бы хотелось, чтобы я сказала, что считаю его красивым?

- Я знаю, многие считают его обыкновенным, но...

- Тогда я придерживаюсь мнения большинства, они не так уж не правы. Но мне нравится его лицо... о, оно в десять тысяч раз лучше, чем красота мистера Престона! — впервые за время разговора Синтия казалась вполне искренней. Почему всплыло имя мистера Престона ни она, ни

Молли не знали. Оно возникло и пропало как внезапный порыв. Но как только Синтия произнесла его имя, в ее взгляде появилась жестокость, а мягкие губы сжались. Молли и прежде замечала у нее этот взгляд, он всегда появлялся при упоминании имени этого человека.

- Синтия, почему ты так не любишь мистера Престона?

- А ты разве любишь? Почему ты спрашиваешь меня? И, тем не менее, Молли, — сказала она, внезапно впад в уныние не просто голосом и взглядом, но опустив руки, — ... Молли, что ты обо мне подумаешь, если, в конце концов, я выйду за него?

- Выйдешь за него?! Он просил тебя?

Но Синтия вместо того, чтобы ответить на вопрос, продолжила говорить, излагая собственные мысли. — И более маловероятные вещи случаются. Разве ты никогда не слышала о сильной воле, подчиняющей себе слабую? Одна из девушек у мадам Лефевр поступила гувернанткой в русскую семью, которая живет недалеко от Москвы. Порой я думаю написать ей и узнать, не найдется ли мне место в России, просто чтобы не видеть этого человека каждый день!

- Но иногда кажется, что ты довольно хорошо знакома с ним, и говоришь с ним...

- Что я могу поделать? — нетерпеливо перебила Синтия. Затем придя в себя, добавила: — Мы хорошо знали его в Эшколе, и он не из тех людей, от которых легко избавиться, могу сказать тебе. Я должна быть вежлива с ним не потому, что он нравится мне, и ему это известно, я сказала ему об этом. Тем не менее, мы не будем говорить о нем. Я не знаю, как мы дошли до этого, но я уверена: тот факт, что он существует, и то, что он находится в полумиле от нас, достаточно плохой. О, как бы мне хотелось, чтобы Роджер был дома, и богат, и мог сразу жениться на мне и увезти меня от этого человека! Если бы я думала об этом, я в самом деле приняла бы предложение бедного, рыжеволосого мистера Кокса.

- Я ничего не понимаю, — сказала Молли. — Мне не нравится мистер Престон, но я бы никогда не подумала предпринимать такие отчаянные шаги, о которых ты говорила, чтобы избавиться от его соседства.

- Нет, потому что ты разумна, милая, — заметила Синтия, вернувшись к своей обычной манере, и, подойдя к Молли, поцеловала ее. — По крайней мере, ты узнаешь, что я умею хорошо ненавидеть.

- Да, но я все еще не понимаю этого.

- О, не бери в голову! Это давние затруднения с нашими делами в Эшколе. В корне всего лежат деньги. Ужасная бедность... давай поговорим о чем-нибудь еще! Лучше всего позволь мне пойти и закончить

письмо Роджеру, иначе я опоздаю к африканской почте.

- Разве она не ушла? О, мне следовало напомнить тебе! Будет слишком поздно. Разве ты не видела на почте записку, что письма должны быть в Лондоне утром 10-го числа, а не вечером. О, мне так жаль!

- Как и мне, но ничего не поделаешь. Остается надеяться, что когда он получит это письмо, оно станет для него огромным удовольствием. У меня на сердце большая тяжесть, потому что твой отец, кажется, недоволен мной. Я любила его, а теперь он делает из меня трусиху. Видишь ли, Молли, — продолжила она немного жалостливо, — я никогда прежде не жила с людьми таких высоких правил, я и совершенно не знаю, как себя вести.

- Ты должна научиться, — нежно ответила Молли. — Ты узнаешь, что Роджер такой же прямой в своих представлениях о правильном и неправильном.

- Ах, но он любит меня! — сказала Синтия, прекрасно осознавая свою власть.

Молли отвернулась и молчала, было бесполезно бороться за правду, и она, бедняжка, постаралась не чувствовать ее — не чувствовать, что у нее на сердце тоже лежит огромная тяжесть, над причиной которой она старалась не задумываться. Всю зиму ей казалось, будто солнце укрыто серым туманом и больше не может ярко сиять для нее. Она просыпалась утром с безрадостным ощущением, что происходит что-то неправильное: мир перевернулся с ног на голову, и если бы она родилась для того, чтобы восстановить порядок, то она бы не знала, как это сделать. Она не могла не понимать, что ее отец недоволен выбранной женой. Долгое время Молли удивлялась его кажущемуся удовлетворению; порой она совершенно бескорыстно радовалась тому, что он доволен, но миссис Гибсон все чаще проявляла свои худшие черты, и Молли почти сердилась на слепоту отца. Что-то, тем не менее, изменило его: что-то, что произошло во время помолвки Синтии. Он стал нервно чувствительным к недостаткам жены, и стал холодно и саркастично относиться не только к ней, но порой и к Синтии — и даже, что случалось очень редко, — к самой Молли. Он был не из тех, кто подвержен вспышкам страстей и эмоций — они бы ослабили его и даже унизили в собственных глазах; но он стал суровым, а порой жестоким в словах и поступках. Молли теперь ждала гроз, после того, как спала пелена, в которой ее отец прожил первый год брака, и все же нарушений домашнего спокойствия не произошло. Можно было придти к выводу, что мистер Гибсон "принял неизбежное", он сказал бы о себе более обыденным языком, "что не стоит плакать над пролитым молоком", и, из

принципа, избегал всех разногласий с женой, предпочитая обрывать спор саркастичным замечанием или выходя из комнаты. Более того, у миссис Гибсон был очень терпимый характер, и ее кошачья натура мурлыкала и наслаждалась миром и приятным спокойствием. Ей было нелегко понять саркастичные замечания мужа, и это беспокоило ее. Но поскольку она не слишком быстро разгадывала значение его слов, ей было неприятно думать об этом, поэтому она забывала о них как можно скорее. И, тем не менее, миссис Гибсон часто видела, что находится в немилости у мужа, и это тревожило ее. В этом она походила на Синтию: ей нравилось нравиться, и ей хотелось снова обрести уважение, которое она, не понимая этого, утратила навсегда. Иногда Молли в тайне становилась на сторону мачехи; она чувствовала, что сама не смогла бы выносить жестокие слова отца так терпеливо, они бы глубоко ранили ее, и она должна была бы либо требовать объяснения и глубоко беречь рану, либо оставаться отчаявшейся и несчастной. Вместо этого миссис Гибсон покидала комнату, и говорила позже скорее со смущением, чем с обидой.

- Думаю, сегодня дорогой отец немного расстроен. Мы должны проследить, чтобы на ужин у него было все, что он любит, когда вернется домой. Я поняла, что все зависит от того, насколько уютно себя чувствует мужчина в собственном доме.

И так она продолжала выискивать способы, как вернуть себе его расположение — и в самом деле старалась, согласно собственным принципам, вынуждая Молли часто жалеть ее против воли, хотя она видела, что мачеха является причиной повышенной строгости отца. Поскольку он впал в тот тип чрезмерной восприимчивости к проступкам жены, которая может проявляться в виде физического раздражения, вызываемого постоянным повторением какого-нибудь особенного шума: те, которые оказывались в пределах его слышимости, склонны быть всегда начеку и ожидать повторения, если однажды они заметили его, то находятся в раздраженном нервном состоянии.

Поэтому бедная Молли провела безрадостную зиму, даже если не принимать во внимание личные горести, что лежали у нее на сердце. Она выглядела не очень хорошо, но скорее она постепенно слабела здоровьем, нежели серьезно заболела. Ее сердце билось слабее и медленнее, оживляющий стимул надежды — даже непризнанной надежды — ушел из ее жизни. Казалось, что не было и никогда не могло быть в этом мире спасения от молчаливого разногласия между отцом и его женой. День за днем, месяц за месяцем, год за годом Молли придется сочувствовать

своему отцу, жалеть мачеху, остро переживая за обоих, и конечно больше сочувствуя себе, чем миссис Гибсон. Молли не могла представить, как одно время она желала, чтобы отец прозрел, и как она могла представлять, что если бы такое произошло, он смог бы изменить характер миссис Гибсон. Все было безнадежно, и она могла чувствовать себя лучше, только пытаясь думать об этом, как можно меньше. Отношение Синтии к Роджеру также доставило Молли немало беспокойства. Она не верила, что Синтия достаточно сильно любит его, во всяком случае, не той любовью, которую она бы сама даровала, если бы была так счастлива... нет, это не то... будь она на месте Синтии. Она пришла бы к нему, раскрыв объятия, наполненные и переполненные нежностью, и она была бы благодарна за каждое слово бесценного доверия, дарованного ей. Тем не менее, Синтия получала его письма с самым беззаботным видом, читала их со странным безразличием, тогда как Молли садилась на корточки и смотрела такими жалостными глазами, как собака, ожидающая крошек и случайной милости.

Она пыталась быть терпеливой в таких случаях, но, в конце концов, она должна спросить:

- Где он, Синтия? Что он пишет?

Синтия уже положила письмо на столик рядом с собой и немного улыбалась время от времени, вспоминая любовные комплименты, написанные Роджером.

- Где? О, я не посмотрела точно... где-то в Абиссинии — в Гуоне. Я не могу прочесть слово, оно мало значит для меня, поскольку не дает мне представления о месте, где сейчас Роджер.

- Он здоров? — жадно спросила Молли.

- Теперь да. Он пишет, у него была легкая форма лихорадки. Но сейчас все прошло, и он надеется, что акклиматизируется.

- Лихорадки?!.. И кто о нем заботился? Он нуждается в уходе... и так далеко от дома. О, Синтия!

- Я не думаю, что за ним, беднягой, ухаживают! В Абиссинии не стоит ждать ухода, госпиталя и докторов, но у него с собой много хинина, и я полагаю, что это самое лучшее лекарство. Во всяком случае, он пишет, что сейчас он здоров!

Молли сидела молча минуту или две.

- Каким числом датировано письмо, Синтия?

- Я не посмотрела. Декабрем... десятым декабря.

- Это почти два месяца назад, — заметила Молли.

- Да, но когда он уехал, я решила, что не стану тревожиться

понапрасну. Если что-нибудь произойдет... пойдет не так, ты понимаешь, — сказала Синтия, используя эвфемизм, говоря о смерти, как делает большинство (это слово неприятно произносить открыто в самом расцвете лет), — все будет кончено до того, как я узнаю о его болезни, и я буду ему бесполезна, не правда ли Молли?

- Да, полагаю все это правда, только мне кажется, что сквайр не воспримет это известие так легко.

- Я всегда пишу ему коротенькую записку, когда получаю письмо от Роджера, но не думаю, что упомяну об этом приступе лихорадки, так ведь, Молли?

- Я не знаю, — ответила Молли. — Говорят, что должно знать, но лучше бы мне не слышать об этом. Прошу скажи, он пишет еще что-нибудь, что я могу слышать?

- О, любовные письма такие глупые, и мне кажется, это письмо глупее, чем обычно, — сказала Синтия, снова проглядывая письмо. — Вот этот кусочек ты можешь прочитать, и потом от этой строчки до этой, — она указала на два отрывка. — Сама я не прочитала его до конца, оно выглядит скучным... все об Аристотеле и Плинии... а мне хочется закончить эту шляпку до того, как мы отправимся с визитами.

Молли взяла письмо, в ее голове мелькнула мысль, что он трогал его, держал в руках в этих далеких пустынных землях, где он мог бы затеряться, и ни один человек не знал бы о его судьбе. Даже теперь, пока она читала, ее изящные загорелые пальчики почти ласкали тонкую бумагу нежными прикосновениями. Она заметила сноски на книги, которые с небольшими трудностями можно будет достать здесь, в Холлингфорде, возможно, подробности и отсылки сделали бы письмо скучным и сухим для некоторых, но не для нее, благодаря прежнему обучению и интересу, который он пробудил у нее к своим занятиям. Но как он написал, извиняясь, о чем ему рассказывать в этой дикой земле, как не о своей любви, исследованиях и путешествиях? В Абиссинской пустыне не было общества, не было развлечений, не было новых книг, не было слухов.

Молли была не крепка здоровьем, и, возможно, это сделало ее немного странной. Но определенно, что ее мысли днем и сны ночью были поглощены Роджером, больным и покинутым в этих диких землях. Ее непрерывная молитва: "О, господин мой! Отдайте ей этого ребенка живого и не умерщвляйте его"[5] исходила из сердца так же искренне, как у настоящей матери на суде царя Соломона. "Оставь его в живых. Оставь его в живых, даже если я никогда не остановлю на нем взгляд. Прояви

сострадание к его отцу! Даруй ему возможность вернуться домой невредимым и жить счастливо с той, которую он любит так нежно... так нежно. О, Господи". А затем она расплакалась, и, рыдая, погрузилась в сон.

[1] апофизом — выступ кости вблизи эпифиза.

[2] эпифиз — суставной конец кости.

[3] "Эдинбурга" — "Эдинбург ревю" (Edinburgh Review) — влиятельный журнал, выходящий три раза в месяц. Впервые был издан в 1802 г., либеральный по своей направленности.

[4] "les absents ont toujours tort" — Отсутствующие всегда правы (фр.)

[5] 3 Книга Царств. Стих 26

Глава XXXVIII

Мистер Киркпатрик, королевский адвокат

Синтия не изменила своего отношения к Молли: она всегда была любезна, добра, готова помочь, изображала огромную любовь, и возможно чувствовала к сводной сестре не меньше, чем к любому другому человеку на свете. Но Молли познала эту кажущуюся глубину чувств и привязанности в первые недели проживания Синтии в доме своего отца; и если бы она была натурой, склонной анализировать характеры тех, кого она сильно любила, она могла бы понять, что, несмотря на всю видимую откровенность Синтии, существуют некие границы, за которые ее доверие не распространяется: там начиналась ее скрытность, и ее истинное «я» было покрыто тайной. Например, ее отношения с мистером Престоном очень часто озадачивали Молли. Она была уверена, что прежде, в Эшкоме, они были более близко знакомы, и что воспоминания об этом знакомстве очень часто возмущали и раздражали Синтию, которая явно желала забыть его, мистеру Престону же хотелось заставить ее помнить. Но почему это близкое знакомство прекратилось, почему он так сильно не нравился Синтии теперь, и многие другие необъяснимые обстоятельства, связанные с этими двумя фактами, являлись тайной Синтии. В те дни, когда их дружба только зарождалась, она ловко расстраивала все невинные попытки Молли выяснить прошлое своей подруги. Всякий раз Молли натывалась на глухую стену, которую не могла пробить — по крайней мере, тем деликатным орудием, которым она предпочитала пользоваться. Возможно, Синтия и рассказала бы все более настойчивому и любопытному человеку, который знал, как обратить каждую оговорку и порыв гнева к собственному удовлетворению. Но Молли интересовали чувства, а не

просто грубое желание узнать все ради небольшого волнения. И как только она поняла, что Синтия не хочет ничего рассказывать ей о том периоде своей жизни, Молли перестала упоминать о нем. Но если Синтия сохранила невозмутимое поведение и неизменную доброту к сводной сестре в течение зимы, то в настоящий момент Молли осталась единственным человеком, к которому отношение красавицы не изменилось. Влияние мистера Гибсона шло ей на пользу до тех пор, пока она видела, что нравится ему; она старалась сохранить о себе как можно более высокое мнение и сдерживала многие саркастические замечания в адрес своей матери, когда он был рядом. Теперь же постоянное беспокойство делало ее более трусливой, чем прежде. И даже ее сторонница, Молли, не могла не знать о явно уклончивых ответах сестры, которыми та иногда пользовалась, когда что-нибудь в словах или поведении мистера Гибсона слишком на нее давило. Ее остроумные ответы матери стали менее частыми, чем прежде, но чаще появлялась необычная раздражительность по отношению к ней. Эти упомянутые перемены в настроении и характере были сами по себе чередой едва заметных изменений в поведении с родственниками, которые продолжались многие месяцы — долгие зимние месяцы длинных вечеров и плохой погоды, которые приносят разлад в характеры, как холодная вода обесцвечивает цвета на старых фресках.

Мистер Престон много времени проводил в Эшколе — лорд Холлингфорд не смог найти управляющего, который бы захотел занять место мистера Престона; и пока должность подчиненного оставалась свободной, мистер Престон исполнял обязанности обоих. Миссис Гудинаф всерьез заболела, и маленькое общество Холлингфорда не желало встречаться, пока здоровье одного из его постоянных членов не окажется вне опасности. Поэтому визитов наносилось очень мало, и хотя мисс Браунинг сказала, что после развлечений прошлой осени, когда каждую неделю устраивались вечера в честь мистера Престона, отсутствие соблазнов очень полезно для развития умов, мисс Фиби призналась по секрету, что у них с сестрой вошло в привычку ложиться спать в девять часов, поскольку играть в криббидж вечер за вечером с пяти до десяти, это уж чересчур. По правде говоря, эта зима пусть и спокойная, прошла в Холлингфорде монотонно, и все знатное общество радовалось взбудоражившему его в марте известию, что мистер Киркпатрик, новоиспеченный королевский адвокат, приезжает с визитом на пару дней к своей невестке миссис Гибсон. Комната миссис Гудинаф оказалась

центром сплетен, сплетни были для нее хлебом насущным всю ее жизнь, и сейчас они доставляли ей огромное удовольствие.

- Боже мой! — произнесла старая леди и, опираясь на руки, приподнялась, чтобы сесть прямее в кресле. — Кто бы мог подумать, что у нее такие знатные родственники! Мистер Эштон как-то сказал мне, что королевский адвокат[1] так же похож на судью, как котенок на кота. И подумать только, она все равно что сестра судьи! Я видела такого однажды, и подумала, что мне бы не хотелось лучшей зимней накидки, чем его старая мантия, если бы только я могла узнать, где достать подержанную. Мне известно, что она перелицовывала, красила и чистила свои шелковые платья, затем снова перелицовывала, пока жила в Эшкоте. Держала школу, и все это время была в таком близком родстве с королевским адвокатом! Разумеется, это была не столько школа — всего десять девочек в лучшие времена; поэтому, возможно, он никогда не слышал о ней.

- Интересно, что они подадут ему на ужин, — сказала мисс Браунинг. — Сейчас не лучшее время для гостей. Дичи нет, баранина запоздала в этом году, да и курицу не найдешь ни за какие деньги.

- Ему придется довольствоваться телячьей головой, — торжественно заметила миссис Гудинаф. — Если бы у меня было прежнее здоровье, я бы переписала рецепт рулета из телячьей головы, доставшийся мне от моей бабушки, и послала бы его миссис Гибсон — доктор был очень добр ко мне все то время, пока мне нездоровилось. Хотелось бы мне, чтобы моя дочь из Комбермера прислала мне несколько осенних куриц, я бы переслала их доктору. Но она перебила их всех и прислала мне, написав в записке, что это последние.

- Интересно, устроят ли они вечер в его честь? — предположила мисс Фиби. — Мне бы хотелось посмотреть на королевского адвоката хоть раз в жизни. Я видела копыеносцев[2], но это величайшая из юридических границ, которую я когда-либо переступала.

- Конечно, они пригласят мистера Эштона, — сказала мисс Браунинг. — Три черных грации — Юриспруденция, Медицина и Богословие, как поется в песне. Всякий раз, когда в меню есть второе блюдо, любая знатная семья приглашает священника из прихода.

- Интересно, женат ли он? — спросила миссис Гудинаф. Мисс Фиби интересовало то же самое, но она из скромности даже не допускала мысли спросить об этом у собственной сестры, которая оказалась в курсе всех новостей, встретив миссис Гибсон по пути к миссис Гудинаф.

- Да, он женат, и должно быть у него несколько детей, поскольку

миссис Гибсон сказала, что Синтия Киркпатрик навещала их в Лондоне и проводила занятия у своих кузенов. И еще она добавила, что его жена — самая утонченная женщина, из хорошей семьи, хотя и не принесла мужу состояния.

- Без сомнения, это очень похвальное родство, мне только любопытно знать, почему мы так мало слышали о нем раньше, — заметила миссис Гудинаф. — На первый взгляд я бы не подумала, что миссис Гибсон из тех, кто скрывает свое знатное родство из скромности. Коли на то пошло, всем нам нравится выворачивать самые лучшие полотнища платьев на лицо. Говоря о полотнищах, я помню, как неоднократно переделывала свои юбки, чтобы пятно или засаленное место оказалось рядом с бедным мистером Гудинафом. У него было такое доброе сердце, когда мы только поженились, и он сказал: «Пэтти, соедини свою правую руку с моей левой рукой, тогда ты будешь ближе к моему сердцу». И это вошло у нас в привычку, и ему, бедняжке, приходилось больше помнить, с какой стороны у него сердце, нежели ухаживать. Поэтому, как я сказала, я всегда выставляла испорченное полотнище с правой стороны, и когда мы прогуливались рука об руку, никто ни о чем не догадывался.

- Я ничуть не удивлюсь, если он еще раз пригласит Синтию навестить его в Лондоне, — сказала мисс Браунинг. — Если он пригласил ее, когда был бедным, то в двадцать раз вероятнее, что он сделает это сейчас, когда является королевским адвокатом.

- Да, действуй по правилу трех, и у нее — хорошие шансы. Я только надеюсь, что поездка в Лондон в ее возрасте не вскружит ей голову. Мне было пятьдесят, когда я поехала!

- Но она жила во Франции. Она довольно много путешествовала, — вставила мисс Фиби.

Миссис Гудинаф трясла головой целую минуту, прежде чем высказать свое мнение.

- Это риск, — сказала она, — большой риск. Мне не хочется так говорить доктору, но будь я на его месте, мне бы не понравилось, если бы моя дочь находилась бок о бок с девушкой, которая воспитывалась в стране, где родились Робеспьер и Бонапарт.

- Но Бонапарт был корсиканцем, — заметила мисс Браунинг, которая обладала более глубокими познаниями и большей широтой взглядов, чем миссис Гудинаф. — А общение с другими странами предоставляет огромную возможность для развития ума. Я всегда восхищаюсь грациозностью манер Синтии, она никогда не робеет говорить, и никогда не выставляет себя наперед. Она просто спасение для вечера, и если она

немного жеманна, это естественно в ее возрасте! Теперь что касается милочки Молли, в ней есть какая-то неуклюжесть — она разбила одну из наших фарфоровых чашек, когда была на вечере в нашем доме в последний раз, разлила кофе на новый ковер, а затем так сконфузилась, что ничего не делала, а только сидела в уголке и держала язык за зубами весь остаток вечера.

- Она так огорчилась из-за того, что сделала, сестра, — произнесла мисс Фиби с мягким упреком — она всегда была предана Молли.

- А разве я сказала, что нет? Но кому нужно, чтобы потом она скучала весь вечер?

- Но ты была довольно резка... чересчур недовольна...

- Я считаю, что это мой долг быть резкой, да, и сердитой тоже, когда я вижу, как небрежна молодежь. И когда я ясно понимаю свой долг, я исполняю его. Я не из тех, кто уклоняется от него, они должны быть признательны мне. Не каждый возьмет на себя заботу порицать их, как известно миссис Гудинаф. Я очень люблю Молли Гибсон, очень, ради нее самой и ради ее матери. Не думаю, что она стоит полудюжины Синтий, но, несмотря на все, та не стала бы разбивать мою лучшую фарфоровую чашку, а затем сидеть, ничего не делая весь остаток вечера.

К этому времени миссис Гудинаф уже подавала явные знаки усталости. Проступки Молли и разбитая чашка мисс Браунинг являлись не такой волнующей темой для разговора, как новоявленная удача миссис Гибсон в лице ее родственника — успешного лондонского адвоката.

Мистер Киркпатрик, как и большинство других мужчин, пробивался на профессиональном поприще и был обременен большой семьей. Он был готов оказать хорошую услугу своим родственникам, если это не стоило ему потери времени, и если (что, возможно, было главным условием) он помнил об их существовании. После того, как он как-то предложил своей добродушной жене пригласить девочку к ним в гости, визит Синтии на Даути-стрит девять или десять лет назад не произвел на него большого впечатления. Скорее всякий раз он удивлялся присутствию хорошенькой девочки среди собственных детей, когда они выходили к десерту, и ему приходилось напоминать себе, кто она такая. Но поскольку в его привычке было покидать стол почти сразу и удаляться в маленькую заднюю комнату, называемую кабинетом, чтобы погрузиться в бумаги на остаток вечера, девочка не произвела на него большого впечатления; и, возможно, следующий раз он вспомнил о ее существовании, когда миссис Киркпатрик написала ему и попросила приютить на ночь Синтию, направлявшуюся в

школу в Булони. Та же самая просьба последовала по ее возвращении; но так случилось, что он не видел девушку ни в первый, ни во второй раз, и только смутно вспоминал какие-то замечания, которые сделала его жена по этому случаю — ей казалось довольно неразумным посылать такую юную девушку в такое далекое путешествие, не позаботившись достаточно о ее безопасности. Он знал, что его жена восполнит все, чего будет недоставать, словно Синтия ее собственная дочь, и больше не думал о ней, пока не получил приглашение посетить бракосочетание миссис Киркпатрик с мистером Гибсоном, высокоуважаемым доктором из Холлингфорда, и т. д. и т. д. — подобное внимание скорее рассердило его, нежели порадовало.

- Неужели эта женщина думает, что мне нечего делать, кроме как бегать по деревне в поисках невест и женихов, когда грядет великое дело Хоутона против Хоутона, и мне не следует терять ни минуты? — спросил он у своей жены.

- Возможно, она никогда не слышала о нем, — предположила миссис Киркпатрик.

- Чепуха! Вот уже несколько дней об этом деле пишут газеты.

- Но она может не знать, что ты занят в нем.

- Может и не знать, — протянул он задумчиво, — такое незнание возможно.

Но теперь великое дело Хоутона против Хоутона было в прошлом, жестокая борьба закончилась, королевское адвокатство — еще одно плато на пути к вершине — было завоевано, и у мистера Киркпатрика появилось свободное время для домашних чувств и воспоминаний. Однажды во время пасхальных каникул он оказался возле Холлингфорда. У него в запасе было воскресенье, и он написал письмо, напросившись в гости к Гибсонам с пятницы до понедельника, изображая, что испытывает сильное желание (которое чувствовал в меньшей степени) познакомиться с мистером Гибсоном. Мистер Гибсон, хотя и был занят своими профессиональными делами, всегда был гостеприимен, и более того, ему всегда доставляло удовольствие сбежать от замкнутой атмосферы, в которой он задыхался, и вдохнуть глоток свежего воздуха: взглянуть на то, что происходит в большом мире за пределами его ежедневных мыслей и действий. Поэтому он готов был оказать сердечный прием своему незнакомому родственнику. Миссис Гибсон пребывала в волнении от сентиментального удовольствия, которое посчитала семейной привязанностью, и которое бы не было столь пьянящим, если бы мистер Киркпатрик оставался в своем прежнем положении пробивавшегося юриста, проживавшего на Даути-стрит с семьей детьми.

Когда два джентльмена встретились, их привлекла друг в друге схожесть характеров, а расхождение во мнениях позволило приобрести друг у друга опыт, на котором были основаны эти мнения, ценные для обоих. Мистер Киркпатрик был внимательно вежлив с миссис Гибсон, хотя в их общении родственным узам не придавалось большого значения, и он был очень рад, что она нашла себе достойную партию, выйдя замуж за разумного и приятного человека, который мог содержать ее в достатке и относится к ее дочери без предрассудков. Молли произвела на него впечатление хрупкой девушки, которая могла быть очень милой, если бы выглядела более здоровой и оживленной. Осмотрев ее критически, он отметил красивые черты ее лица: мягкие серые глаза, черные завитые ресницы, редко появляющиеся ямочки, прекрасные зубы, — но на всем этом была вялость, тихое уныние, которые напрашивалось на невыгодное сравнение с цветущей Синтией — блистательной, энергичной, грациозной и остроумной. Как потом мистер Киркпатрик рассказал своей жене, он совершенно влюбился в ту девушку. И Синтия, готовая очаровывать незнакомцев, как любая девочка трех или четырех лет, оказалась на высоте положения, забыв о своих заботах и унынии, больше не вспоминая, что сожалела, утратив доброе мнение мистера Гибсона, слушала увлеченно и вставляла кроткие реплики, перемешанные с наивными забавными остротами, пока мистер Киркпатрик не оказался всецело ею очарован. Он уезжал из Холлингфорда, удивляясь тому, что исполнил свой долг и получил от этого удовольствие. К миссис Гибсон и Молли он испытывал обычные дружеские чувства, и ему было все равно, увидит ли он их снова. Но к мистеру Гибсону он испытывал теплое уважение, сильную личную симпатию и был бы рад, если бы она переросла в дружбу, для которой бы нашлось время в этом беспокойном мире. И он определенно решил больше видаться с Синтией; его жена должна узнать ее; она должна остановиться у них в Лондоне и показать себя свету. Но, вернувшись домой, мистер Киркпатрик обнаружил, что его ждет очень много работы, и ему придется запереть зародившуюся дружбу и добрые планы в надежном шкафу своей души и отдаться душой и телом неотложным делам. Но в мае у него нашлось время, он взял свою жену на Академическую выставку, где выставленные портреты настолько поразили его своей схожестью с Синтией, что он рассказал своей жене о ней и о своей поездке в Холлингфорд больше, чем сделал это ранее. В результате, на следующий день миссис Гибсон было отправлено письмо, в котором Синтию пригласили навестить кузенов в Лондоне, и напомнили ей много незначительных случаев, которые произошли, когда она бывала у них

ребенком, чтобы протянуть нить дружбы из прошлого в настоящее. По получении это письмо было по разному воспринято четырьмя людьми, сидевшими за утренним столом. Сначала миссис Гибсон сама прочитала его. Затем, умолчав о том, о чем в нем говорится, дабы ее слушатели пребывали в неведении, к чему относятся ее замечания, она сказала:

- Думаю, они вспомнили, что я им более близкая родня, чем она, но никто не думает о семейной привязанности в наши дни. Он мне очень понравился, купил мне новую поваренную книгу, все для того, чтобы сделать приятное и угодить, как он привык, — она произнесла эти слова печальным, обиженным тоном, но так как никто не знал, о чем она говорит, было трудно ее утешить. Ее муж заговорил первым:

- Если вы хотите, чтобы мы посочувствовали вам, расскажите нам, какова природа вашего горя.

- Полагаю, он предполагал оказать дружеское внимание, только я думаю, что сначала следовало спросить меня, а не Синтию, — ответила она, снова прочитывая письмо.

- Кто это он? И что вы подразумеваете под «дружеским вниманием»?

- Мистер Киркпатрик, разумеется. Это письмо от него, и он хочет, чтобы Синтия поехала и навестила их, и ни слова ни обо мне, ни о вас, мой дорогой. Я уверена, мы сделали все возможное, чтобы его пребывание у нас было приятным, и ему следовало сначала пригласить нас.

- Так как у меня нет возможности поехать, мне это неважно.

- Но я могла бы поехать, во всяком случае, ему следовало оказать нам любезность: это всего лишь надлежащий знак уважения. К тому же так неблагодарно с его стороны, когда я намеренно отдала ему свою гардеробную!

- А я переодевался к ужину каждый день, пока он был здесь, если уж перечислять жертвы, на которые каждый из нас пошел ради него. Но, несмотря на это, я не ждал, что он пригласит меня к себе. Я буду только очень рад, если он снова приедет ко мне.

- Я склонна запретить Синтии ехать, — задумчиво произнесла миссис Гибсон.

- Я не могу ехать, мама, — краснея, сказала Синтия. — Все мои платья такие поношенные, а мою старую шляпку нужно переделать на летнюю.

- Но ты можешь купить новую. Я уверена, сейчас самое время купить тебе другое шелковое платье. Ты, должно быть, много отложила, я не помню, когда ты покупала себе новую одежду.

Синтия начала что-то говорить, но резко остановилась. Она продолжила намазывать масло на тост, но держала его в руке, не откусив

ни кусочка. Не глядя ни на кого, спустя пару минут молчания, она снова заговорила:

- Я не могу ехать. Мне бы очень понравилась эта поездка, но я действительно не могу. Пожалуйста, мама, напиши ответ немедленно и откажись.

- Чепуха, дитя! Когда человек в положении мистера Киркпатрика предлагает свое расположение, не стоит отказываться, не предоставив основательных причин. С его стороны это так любезно!

- А что если тебе поехать вместо меня? — предположила Синтия.

- Нет, нет! Так не пойдет, — решительно возразил мистер Гибсон. — Ты не можешь передавать приглашение таким образом. На самом деле, Синтия, эта отговорка из-за одежды кажется очень банальной, если у тебя нет других причин для отказа.

- Это настоящая, истинная причина для меня, — сказала Синтия, взглянув на него. — Вы должны позволить мне судить себя самой. Не стоит ехать туда в потрепанной одежде, даже на Даути-стрит, насколько я помню, моя тетя очень привередлива в одежде. И теперь, когда Маргарет и Хелен уже выросли, и они так много выходят... пожалуйста, не говорите больше ничего об этом, я знаю, этого не стоит делать.

- Мне интересно, что ты сделала со всеми своими деньгами? — спросила миссис Гибсон. — Ты получаешь двадцать фунтов в год, благодаря мистеру Гибсону и мне. Я уверена, ты не потратила больше десяти.

- Мне не хватало многих вещей, когда я вернулась из Франции, — ответила Синтия тихим голосом, явно обеспокоенная всеми этими расспросами. — Прошу, давайте решим сразу. Я не поеду, и точка, — она встала и вышла из комнаты довольно внезапно.

- Я ничего не понимаю, — заметила миссис Гибсон. — А ты, Молли?

- Я тоже, я знаю, что ей не нравится тратить деньги на платья, и она очень экономна, — Молли сказала так много, а затем испугалась, что причинила сестре вред.

- Но тогда у нее где-то должны быть деньги. Я всегда полагала, что если у вас нет экстравагантных привычек и вы не живете выше ваших доходов, то к концу года у вас должна лежать некая сумма. Разве я не часто так говорила, мистер Гибсон?

- Возможно.

- Что ж, тогда применим тот же самый довод в случае Синтии. И я спрашиваю, что стало с деньгами?

- Не могу сказать, — ответила Молли, видя, что к ней обращаются. —

Она могла отдать их кому-нибудь, кто в них нуждается.

Мистер Гибсон отложил свою газету.

- Совершенно ясно, что у нее нет ни платья, ни денег, необходимых для поездки в Лондон, и что она не хочет, чтобы ее расспрашивали на эту тему. Ей нравятся тайны, я же их не выношу. Тем не менее, я считаю, что для нее желательно поддержать знакомство, дружбу, все равно, как это назвать, с семьей отца. И я охотно дам ей десять фунтов, и если этого недостаточно, что ж, либо вы должны помочь ей, либо она должна обойтись без лишних предметов одежды или чего-то другого.

- Вы никогда не были так добры, дорогой, вы щедрый человек, мистер Гибсон! — воскликнула его жена. — А ведь вы всего лишь отчим! А так добры к моей бедной девочке, выросшей без отца! Но, Молли, милая, думаю, ты признаешь, что тебе тоже очень повезло с мачехой. Разве не так, дорогая? А какие приятные беседы мы будем вести наедине, когда Синтия уедет в Лондон! Не уверена, лучше ли мы ладим с тобой, чем с ней, хотя она мое родное дитя. Как правильно говорит дорогой отец, в ней есть любовь к тайнам. И если я ненавижу что-то, то это малейшие утаивания или скрытность. Десять фунтов! Они вполне ее обеспечат, купим ей пару платьев, новую шляпку и я не знаю, что еще! Дорогой мистер Гибсон, как вы щедры!

Что-то похожее на «фу» донеслось из-за газеты.

- Могу я пойти и рассказать ей? — спросила Молли, поднимаясь.

- Да, конечно, милая. Скажи ей, что неблагоприятно отказываться. И скажи ей, что твой отец желает, чтобы она поехала. И скажи ей тоже, что будет неправильно не воспользоваться удобным случаем, который может со временем распространиться и на остальных членов семьи. Несомненно, если они пригласят меня, — что, конечно, им следовало сделать, — я не стану говорить, до того, как приглашать Синтию, потому что я не думаю о себе, и я самый всепрощающий человек на свете, когда приходится прощать пренебрежение. Но когда они пригласят меня, что они непременно сделают, я не буду довольствоваться незначительными намеками там и сям и заставлю их прислать тебе приглашение. Пара месяцев в Лондоне очень пойдет тебе на пользу, Молли.

Молли покинула комнату до того, как эта речь закончилась, а мистер Гибсон был занят своей газетой. Но миссис Гибсон заканчивала ее для себя ради собственного удовлетворения. В конце концов, лучше пусть кто-нибудь один из семьи, пусть даже не она, отправится в гости, чем вовсе отказываться, и никогда не иметь возможности что-нибудь сказать об этом. Так как мистер Гибсон был добр к Синтии, она тоже будет добра к Молли,

и оденет ее надлежащим образом, и пригласит в дом молодых людей. Сделает все то, что Молли и ее отец не хотят делать, и помешает их общению, хотя единственное, чего им хотелось, это разговаривать много, свободно и открыто, без постоянных опасений из-за ее ревности.

[1] Королевский адвокат — высшее адвокатское звание, присваивается королевской грамотой по рекомендации лорд-канцлера. Такой адвокат выступает на процессе раньше адвокатов; термин употребляется при правлении королевы.

[2] Копьеносцы составляют свиту шерифа (главного представителя правительства в графстве) и несут пики или копья, когда сопровождают судей на выездных сессиях суда присяжных.

Глава XXXIX

Секреты распространяются

Молли нашла Синтию в гостиной, та стояла у окна и смотрела в сад. Она вздрогнула, когда Молли подошла к ней.

- О, Молли, — произнесла Синтия, протягивая руки ей навстречу. — Я всегда так радуюсь, когда ты со мной!

Именно подобные вспышки любви всегда укрепляли веру Молли, если она когда-либо неосознанно сомневалась в своей преданности Синтии. Внизу ей хотелось, чтобы Синтия была менее скрытной и не имела столько тайн, но здесь Молли казалось предательством желать, чтобы та была какой-то иной. Никто кроме Синтии не обладал в такой мере властью, о которой Голдсмит написал в строчках:

"Он отпустил друзей, как охотник — собак,
Зная, что на свист те сбегутся опять".

- Думаю, ты будешь рада услышать то, что я скажу, — сказала Молли. — Тебе очень бы хотелось поехать в Лондон, правда?

- Да, но желать бесполезно, — ответила Синтия. — Не начинай снова это разговор, Молли, дело уже решенное. Я не могу сказать тебе, почему, но я не могу ехать.

- Всего лишь из-за денег, дорогая. Папа был так добр. Он хочет, чтобы ты поехала. Он считает, что ты должна поддерживать родственные отношения, и собирается дать тебе десять фунтов.

- Как он добр! — воскликнула Синтия. — Но я не должна их брать. Если бы я узнала тебя много лет назад, я была бы совершенно другой.

- Не тревожься об этом! Мы любим тебя такой, какая ты есть. Мы не

хотим, чтобы ты менялась. Ты очень обидишь папу, если откажешься взять деньги. Почему ты колеблешься? Ты думаешь, это не понравится Роджеру?

- Роджеру?! Нет, я не думала о нем! Ему-то что за дело? Я поеду туда и вернусь до того, как он узнает об этом.

- Значит ты поедешь? — спросила Молли.

Синтия раздумывала минуту или две.

- Да, поеду, — сказала она наконец. — Полагаю, это не разумно, но будет приятно, и я поеду. Где мистер Гибсон? Я хочу поблагодарить его. О, как он добр! Молли, ты счастливица!

- Я? — переспросила Молли, немного удивленная этими словами. Ей казалось, что многое идет не так, что никогда больше не пойдет правильно.

- Вот он! — сказала Синтия. — Я слышу его голос в холле! — спустившись вниз, она обхватила руку мистера Гибсона и поблагодарила его с такой теплотой и пылкостью, и в таких милых и ласковых выражениях, что он почувствовал к ней прежнюю симпатию, и на время забыл, почему был недоволен ее поведением.

- Полно, полно! — сказал он. — Достаточно, моя дорогая! Тебе следует поддерживать отношения с родственниками, и больше не будем говорить об этом.

- Я думаю, твой отец — самый очаровательный из всех известных мне мужчин, — заметила Синтия, вернувшись к Молли, — поэтому я всегда боюсь лишиться его доброго мнения и так волнуюсь, когда думаю, что он недоволен мной. А теперь давай подумаем об этом визите в Лондон. Он будет восхитительным, правда? Я могу потратить десять фунтов; в некотором смысле уехать из Холлингфорда будет так отрадно.

- Отрадно? — переспросила Молли довольно жалобно.

- О, да! Ты же знаешь, я вовсе не хочу сказать, что с радостью покину тебя. Это все, что угодно, но не радость. Но, тем не менее, провинциальный город есть провинциальный город, а Лондон — это Лондон. Не нужно улыбаться моему трюизму. Я всегда испытывала симпатию к месье де Ла Палиссу[1]:

M. de la Palisse est mort
En perdant sa vie;
Un quart d'heure avant sa mort
Il etait en vie,"[2]

Эти строчки она пропела так весело, что, как это часто бывало, озадачила Молли переменой в своем настроении: мрачная решимость, с

которой она отказалась принять приглашение полчаса назад, сменилась весельем. Внезапно Синтия обхватила Молли за талию и начала вальсировать с ней по комнате, неизбежно рискуя наткнуться на заполонившие гостиную маленькие столики, заставленные "objets d'art"[3] (как миссис Гибсон нравилось их называть). Она уклонялась от них со своей обычной ловкостью; наконец, обе девушки остановились, захваченные врасплох миссис Гибсон, которая стояла в дверях и смотрела на их кружение.

- Видит Бог, я только надеюсь, что вы обе не сошли с ума! В чем дело?

- Я так рада, что еду в Лондон, мама, — сдержанно ответила Синтия.

- Не уверена, нужно ли помолвленной молодой девушке настолько выходить из себя от радости. В мое время самым большим удовольствием было думать о возлюбленном в его отсутствие.

- Я было подумала, что это причиняло тебе боль, потому что тебе приходилось вспоминать, что он далеко, и это делало тебя несчастной. Говоря по правде, как раз в ту минуту я совершенно забыла о Роджере. Надеюсь, это не очень неправильно. Осборн выглядит так, словно разделяет мое беспокойство за Роджера. Каким больным он казался вчера!

- Да, — согласилась Молли. — Я не думала, что кроме меня это кто-нибудь заметил. Я была ужасно огорчена.

- Ах, — произнесла миссис Гибсон, — боюсь, этот молодой человек не проживет долго... очень боюсь, — и, она печально покачала головой.

- Что будет, если он умрет?! — воскликнула Молли, внезапно подумав о незнакомой таинственной жене, которая никогда не появлялась, и о чьем существовании никогда не говорилось... и к тому же Роджер в отъезде!

- Что ж, это будет очень грустно, и мы все будем сильно переживать, без сомнения. Я всегда очень любила Осборна. По правде говоря, до того, как появился Роджер, мои родные, мне больше нравился Осборн. Но мы не должны забывать о живущих, дорогая Молли (глаза Молли наполнились слезами от мрачных раздумий). Наш дорогой Роджер, я уверена, сделает все, что в его силах, чтобы занять место Осборна. И его женитьбу не нужно будет надолго откладывать.

- Не говори об этом тем же тоном, что и о жизни Осборна, — поспешно сказала Синтия.

- Почему, моя дорогая, вполне естественно так думать. Ради бедного Роджера, никто не пожелает, чтобы помолвка была очень, очень долгой; и я только отвечаю на вопрос Молли. Нельзя не придерживаться собственных мыслей. Люди должны умирать... как молодыми, так и старыми.

- Если я когда-нибудь заподозрю Роджера в том, что он придерживается собственных мыслей подобным образом, — заметила Синтия, — я больше никогда не заговорю с ним.

- Такого не будет, — в свою очередь с теплотой заметила Молли. — Ты же знаешь, он никогда так не поступит, и тебе не следует подозревать его, Синтия... не следует, даже на мгновение.

- Со своей стороны я не вижу в этом большого вреда, — печально произнесла миссис Гибсон. — Молодой человек поражает нас всех своим больным видом... уверяю, мне очень жаль. Но болезнь очень часто приводит к смерти. Разумеется, в этом вы согласитесь со мной, и какой вред от того, что я так говорю? Затем Молли спрашивает, что будет, если он умрет, и я пытаюсь ответить на ее вопрос. Мне не нравится говорить и думать о смерти больше, чем кому-либо. Но я бы подумала, что мне не хватает силы духа, если я не могу предвидеть последствия смерти. Думаю, где-то в Библии или в молитвеннике нам приказывают поступать так.

- А последствия моей смерти ты тоже предвидишь, мама? — спросила Синтия.

- Ты самая бесчувственная девушка из всех, — ответила миссис Гибсон, всерьез задетая ее словами. — Как бы мне хотелось передать тебе немного своей чувствительности, у меня ее слишком много для счастья. Давайте больше не будем говорить о том, как выглядит Осборн; десять против одного, это была всего лишь какая-нибудь временная усталость, волнение за Роджера, или возможно небольшой приступ несварения желудка. С моей стороны было глупо относиться к этому более серьезно, и ваш дорогой отец был бы недоволен, если бы узнал, что я так сделала. Докторам не нравится, что другие строят предположения относительно здоровья. Они рассматривают это как посягательство в их собственную сферу деятельности, очень специфическую. Теперь давай поговорим о твоих платьях, Синтия. Я не могу понять, как ты потратила свои деньги, и ничего не купила.

- Мама! Это может прозвучать очень зло, но я должна сказать Молли, тебе, и всем, раз и навсегда, что так как я не нуждаюсь в деньгах и не прошу больше положенного мне денежного пособия, я не собираюсь отвечать на вопросы о том, что я делаю с деньгами.

Она произнесла эти слова с должным уважением и со спокойной решимостью, которой на некоторое время подчинилась ее мать. Хотя с тех пор довольно часто случалось, что когда миссис Гибсон и Молли оставались наедине, первая начинала размышлять о том, что могла Синтия сделать со своими деньгами, и выдвигала различные догадки, пока не

уставала.

Захватывающей охоте в "долинах сомнений" посвящался целый день. В настоящий момент, тем не менее, она ограничилась практическими вопросами. Талант к дамским шляпкам и платьям, присущий и матери, и дочери, вскоре разрешил великое множество запутанных вопросов изобретательности и вкуса, а затем все трое уселись "из старья шить заново убор".[4]

Отношения Синтии со сквайром оставались неизменными с тех самых пор, когда прошлой осенью она навестила его в поместье Хэмли. Каждый раз он принимал их радушно и вежливо, и был более очарован Синтией, чем хотел себе признаться.

- Она милая девушка, без сомнения, — думал он, — к тому же у нее любезные манеры, и ей нравится учиться у стариков, что является хорошим знаком. Но мне не нравится ее мать. Но, тем не менее, она ее мать, а девочка — ее дочь. Все же она пару раз говорила с ней так, как мне бы не хотелось, что бы наша маленькая Фанни говорила с нами, если бы Бог смилостивился и оставил ее в живых. Нет, это неправильно, и может быть немного старомодно, а я люблю поступать правильно. И снова она завладела мной, как можно сказать, и малышке Молли, совсем как маленькой собачонке на коротких лапках, пришлось бежать за нами по садовой аллее, которая оказалась слишком узкой для троих. А та была слишком занята, слушая меня, она ни разу не обернулась, чтобы сказать Молли слово. Я не хочу сказать, что они не любят друг друга, и это на пользу возлюбленной Роджера. С моей стороны очень неблагодарно выискивать ошибки у девочки, которая была так вежлива со мной, и которая так мило ловила каждое оброненное мной слово. Что ж! за два года многое может прийти и уйти! А парень ничего не говорит мне об этом. Я буду таким же таинственным, как он, и не буду больше обращать внимания на это дело, пока он сам не приедет и не расскажет мне.

Хотя сквайру и нравилось получать небольшие записочки от Синтии, которые та присылала ему, когда получала письмо от Роджера, и хотя подобное внимание с ее стороны растапливало сердце, он старался быть твердым, сдерживался и писал ей краткие благодарности. Формальные по выражению, его слова имели глубокий смысл. Сама Синтия не слишком задумывалась над ними, довольствуясь тем, что совершает добрые поступки. Но ее мать критиковала и обдумывала их. Она считала, что обнаружила истину, когда решила, что его ответы были очень старомодными, и что он, его дом и его мебель — все нуждается в

некотором усовершенствовании и шлифовке, которые те непременно получают, когда... — ей никогда не нравилось заканчивать предложение определенными словами, хотя она постоянно повторяла про себя, что "в том нет вреда".

Вернемся к сквайру. Будучи теперь занятым, он восстановил здоровье и обрел прежнюю жизнерадостность. Если бы Осборн уступил ему, то возможно, что отец с сыном могли бы возобновить прежние отношения, но Осборн либо, в самом деле, чувствовал себя больным, либо опускался до привычек больного, поэтому не делал попыток к объединению. Если отец заставлял его выходить — пару раз он проглатывал свою гордость и просил Осборна сопровождать его — Осборн подходил к окну и находил, что порыв ветра или облачность являются причиной для того, чтобы остаться дома с книгами. Он прогуливался на солнечной стороне дома шагом, который сквайр считал вялым и немужественным. Но если появлялась возможность уехать из дома, которой Осборн довольно часто пользовался в это время, он хватался за нее с лихорадочной энергией: тучи на небе, восточный ветер, влажность воздуха при этом не имели для него значения. И поскольку сквайр не знал истинную, таинственную причину этого стремления уехать, он забрал себе в голову, что это происходит из нелюбви Осборна к поместью Хэмли и к однообразному отцовскому обществу.

- Это была ошибка, — думал сквайр. — Я понял это сейчас. Я никогда не умел заводить друзей. Я всегда считал, что эти парни из Оксфорда и Кэмбриджа воротят от меня свои носы из-за того, что я деревенский болван, я опередил их, и у меня никого нет. Но когда мальчики уехали в Рагби и Кэмбридж, я позволил им завести собственных друзей, пусть даже они смотрели на меня свысока. Это самое худшее, что они могли сделать мне; а теперь несколько моих друзей отделились от меня, умерли так или иначе, а я наделил молодого человека унылым для него занятием. Но он мог бы постараться не показывать мне свою скуку так явно, я становлюсь черствым, но иногда это задевает меня за живое... задевает. А когда-то он так любил своего отца! Если бы я мог осушить землю, я бы нашел для него оправдание и позволил поехать в Лондон или туда, куда он хочет. Может быть, на этот раз он поступит умнее, или может быть, разорится. Но возможно, это заставит его думать немного лучше о своем старом отце... мне бы хотелось, чтобы он так думал, мне бы хотелось!

Возможно, что Осборна можно было бы убедить рассказать отцу о женитьбе за время их длительного уединенного общения, если бы сквайр в неподходящий момент не поведал ему о помолвке Роджера и Синтии. Это

случилось сырым воскресным днем, когда отец и сын сидели вместе в огромной пустой гостиной. Осборн не ходил в церковь утром, а сквайр посетил службу и теперь усердно пытался читать одну из проповедей Блэра. Они рано пообедали, как всегда делали в воскресенье, и либо из-за проповеди, либо из-за безнадежной сырости день казался сквайру бесконечно долгим. У него существовали определенные неписанные правила, как вести себя в воскресенье. Холодное мясо, чтение проповедей, запрет на курение до вечерних молитв, как можно меньше думать о состоянии земли и условиях урожая, и не менее почтенное времяпровождение дома в лучшей своей одежде, которое согласовалось с прогулкой в церковь дважды в день, а также проговаривание ответствий [5] громче клирика. Сегодня дождь шел так непрерывно, что сквайр отменил дневную прогулку в церковь; но, даже наслаждаясь дремотой — какой долгой она казалась — он увидел, что слуги поместья устало возвращаются домой по луговой тропинке — целый выводок зонтов. Он стоял у окна последние полчаса, засунув руки в карманы, его губы часто складывались в обычный греховный свист, но так же часто их сдерживала внезапная серьезность, которая в девяти случаях из десяти заканчивалась зевотой. Он искоса поглядывал на Осборна, тот сидел у огня, погрузившись в книгу. Бедный сквайр был похож на маленького мальчика из детской сказки, который просит всех птиц и животных прийти и поиграть с ним, и каждый раз получает серьезный ответ, что они слишком заняты, чтобы тратить свободное время на пустяковые развлечения. Отцу хотелось, чтобы сын отложил книгу и поговорил с ним: было так сыро, так скучно, и небольшая беседа позволила бы приятно провести время. Но Осборн, сидя спиной к окну, у которого стоял отец, не видел ничего этого и продолжал читать. Он согласился с замечанием отца, что день был очень сырым, но не поддержал беседу и не воспользовался тем ассортиментом избитых истин, которые допускала тема разговора. Должно быть, нужно начать с чего-то более воодушевляющего, почувствовал сквайр. Воспоминание о романе между Роджером и Синтией пришло ему на ум, и, не дав себе минуты на размышление, он начал:

- Осборн! Ты что-нибудь знаешь об этой... этой симпатии Роджера?

Довольно успешно. Осборн положил книгу на мгновение и повернулся к отцу.

- Симпатии? Роджера? Нет! Я никогда не слышал об этом — мне трудно в это поверить — то есть, я полагаю, к...

И тут он замолчал, поскольку подумал, что не имеет права выдавать собственное предположение, что объектом симпатии была Синтия

Киркпатрик.

- Да. Тем не менее, это так. Можешь предположить, к кому? Не к той, что мне особенно нравится... не партия, на мой взгляд... и все же она очень милая девушка. И я полагаю, в первую очередь винить нужно меня.

- И?

- Не стоит ходить вокруг да около. Я зашел далеко, я могу рассказать тебе все. Это мисс Киркпатрик, приемная дочь Гибсона. Но это не помолвка, запомни...

- Я очень рад... надеюсь, ей тоже нравится Роджер...

- Нравится... для нее это слишком хорошая партия, чтобы не понравиться: если Роджер не изменит своего решения, когда вернется домой, клянусь, она будет только счастлива!

- Интересно, почему Роджер не говорил мне, — произнес Осборн, немного задетый молчанием брата, теперь он начал сам задумываться.

- Он и мне не говорил, — ответил сквайр. — Это Гибсон пришел сюда и чистосердечно во всем признался, как человек чести. Я говорил с ним, я бы не допустил, чтобы вы оба сблизились с его девочками. Признаюсь, именно за тебя я боялся... с Роджером получилось достаточно скверно, и может быть, в конце концов, ничем не закончится; но, будь ты на его месте, я бы скорее порвал с Гибсоном и всеми без исключения, чем позволил этому продолжаться, так я и сказал Гибсону.

- Прошу прощения, что перебиваю вас, но раз и навсегда я требую права самому выбрать себе жену, не подчиняясь ничьему вмешательству, — с жаром произнес Осборн.

- Тогда ты будешь содержать свою жену без чьего-либо вмешательства, вот и все. Ни одного пенни ты не получишь от меня, сынок, пока не женишься, чтобы немного угодить мне, а так же немало угодить себе. Вот все, о чем я тебя прошу. Я не привередлив ни к красоте, ни к уму, ни к игре на пианино и подобным вещам. Если Роджер женится на этой девушке, в нашей семье этого будет достаточно. Я бы не возражал, чтобы она была немного старше тебя, но она должна быть благородна по рождению, и чем больше денег она принесет, тем лучше для старого поместья.

- Я снова повторяю, отец, я сам выберу себе жену, я не принимаю ничьего права распоряжаться.

- Ну ладно, ладно! — сказал сквайр, в свою очередь немного распаляясь. — Если я в этом деле не должен быть отцом, ты не будешь сыном. Иди против меня в том, на что я решился, и тебе не поздоровится, вот и все. Но давай не будем сердиться, прежде всего, сегодня воскресенье,

а это грех, и, кроме того, я не закончил свой рассказ.

Осборн снова взял свою книгу и, притворяясь, что читает, погрузился в себя. Он едва ли отложил бы ее даже по просьбе отца.

- Как я говорил, Гибсон сказал, когда мы впервые заговорили об этом, что между вами четверыми ничего нет, и что если бы таковое было, он бы сообщил мне. Поэтому позднее он приходит и рассказывает мне об этом.

- О чем... я не понимаю, как далеко это зашло?

В голосе Осборна послышались нотки, которые не понравились сквайру, и он начал отвечать довольно сердито.

- Об этом, разумеется — о чем я тебе рассказываю — Роджер пошел и признался в любви этой девушке, в день отъезда, после того, как ушел отсюда, и ждал "Арбитра" в Холлингфорде. Можно подумать, что порой ты бываешь довольно глуп, Осборн.

- Я могу только сказать, что эти подробности мне неизвестны, ты никогда не упоминал о них прежде, уверяю тебя.

- Ладно, неважно, упоминал я об этом или нет. Уверен, я сказал, что Роджер симпатизировал мисс Киркпатрик и привязался к ней, и ты мог бы понять все остальное как нечто собой разумеющееся.

- Возможно, — вежливо сказал Осборн. — Можно я спрошу, ответила ли мисс Киркпатрик, которая всегда казалась мне очень приятной девушкой, на чувства Роджера?

- Очень быстро, клянусь, — мрачно ответил сквайр. — Хэмли из Хэмли предлагают в мужья не каждый день. Теперь я скажу тебе, Осборн, что ты единственный остался в брачном возрасте, и я снова хочу возродить старинную семью. Не иди против меня, если ты это сделаешь, это разобьет мне сердце.

- Отец, не говорите так, — сказал Осборн. — Я сделаю все, что могу, чтобы угодить вам, кроме...

- Кроме единственной вещи, которую мне хочется, чтобы ты сделал.

- Ладно, ладно, давай сейчас оставим это. В настоящий момент у меня нет возможности жениться. Я нездоров и не бываю в обществе, чтобы встретить молодых леди и им подобных, даже если бы у меня была возможность бывать в подобающем обществе.

- Ты должен получить эту возможность достаточно быстро. Бог даст, через пару лет у нас будет больше денег. А что касается твоего здоровья, откуда взяться здоровью, если ты, съездившись, сидишь у огня весь день и содрогаешься от кружки настоящего доброго пива, словно в нем яд.

- Так и есть для меня, — вяло ответил Осборн, играя с книгой, словно хотел закончить разговор и снова приняться за чтение. Сквайр заметил его

движения и понял их.

- Что ж, — сказал он, — я пойду и поговорю с Уиллом о бедной старой Черной Бесс. Достаточно ей работать в воскресенье, справлюсь о болячках бессловесного животного.

Но после того, как его отец вышел из комнаты, Осборн не вернулся к чтению своей книги. Он положил ее на стол перед собой, откинулся на стуле и закрыл глаза рукой. Состояние здоровья сделало его безразличным ко многим вещам, хотя к тем, которые представляли для него большую угрозу, он был безразличен менее всего. Долгое утаивание женитьбы от отца сделало открытие тайны гораздо более трудным, чем это было бы в начале. Без поддержки Роджера как он мог объяснить это все такому вспыльчивому человеку, как сквайр? Как рассказать об искушении, тайной женитьбе, последующем счастье и, увы! последующих страданиях? — Осборн страдал и страдал весьма сильно, оказавшись в неблагоприятных обстоятельствах. Он не видел выхода из этой ситуации, кроме одного решительного действия, к которому он чувствовал себя неспособным. Поэтому с тяжелым сердцем он снова принялся за чтение. Все, казалось, встало на его пути, а он обладал недостаточно сильным характером, чтобы преодолеть затруднения. Осборн предпринял единственный открытый шаг после того, как узнал новости от своего отца, — он поехал в Холлингфорд в первый же погожий день и повидался с Синтией и Гибсонами. Он не был у них уже давно, плохая погода вместе со слабостью мешали ему. Он застал их за приготовлениями и обсуждениями предстоящего визита Синтии в Лондон, а ее саму вовсе не в том сентиментальном настроении, в каком ей надлежало находиться после его деликатного упоминания о том, как он обрадовался счастью брата. Прошло много времени, прежде чем Синтия поняла, что он недавно узнал эту новость, и его чувства еще не успокоились. Склонив голову немного на бок, она обдумывала, какой эффект произведет бант из лент, когда он произнес тихим шепотом, наклонившись к ней:

- Синтия... теперь я могу называть вас Синтией, можно?.. Я так рад этой новости, я только недавно узнал об этом, но я так рад!

- Какую новость вы имеете ввиду? — у нее были подозрения, но она сердилась от того, что ее секрет передается от одного человека к другому, пока не станет известен всем. Все же, Синтия всегда могла скрывать свое раздражение, когда хотела. — Почему вы теперь должны называть меня Синтией? — продолжила она, улыбаясь. — Ужасное слово сорвалось с ваших губ до этого, вы знаете?

Эта легкомысленность в ответ на его нежные поздравления не вполне

удовлетворила Осборна, который пребывал в сентиментальном настроении и около минуты оставался молчаливым. Затем, закончив завязывать бант из лент, она повернулась к нему и продолжила говорить быстрым, тихим голосом, желая воспользоваться той минутой, пока ее мать разговаривает с Молли:

- Думаю, я могу догадаться, почему вы сейчас завели этот милый разговор. Но известно ли вам, что вы не должны об этом рассказывать? Ему бы не хотелось этого. Теперь я не скажу больше ни слова, и вы не должны. Прошу, запомните, вы не должны были знать, это мой личный секрет, и мне особенно хочется, чтобы о нем не говорили. Мне не нравится, что об этом говорится. Вода просачивается через маленькую дырочку.

И она присоединилась к беседе двух других людей, поддержав общий разговор.

Осборн был весьма расстроен своими неудавшимися поздравлениями: он рисовал себе томящуюся от любви девушку, чуткую к восторгу и радости участливого наперсника. Он едва ли знал характер Синтии. Чем больше она подозревала, что от нее требуется показать чувства, тем меньше она их показывала. И чувства всегда находились под контролем ее воли. Он приложил усилие, чтобы приехать и повидаться с ней, а теперь откинулся на стуле, уставший и немного подавленный.

- Бедный молодой человек, — подходя к нему, сказала миссис Гибсон в своей мягкой, успокаивающей манере, — какой у вас усталый вид! Возьмите этот одеколон и протрите виски. Эта весенняя погода тоже меня изнуряет. Primavera[6], так, кажется, ее называют итальянцы. Но она очень утомительна для хрупкого телосложения, сколь из-за ее сообщества, столь из-за изменчивости температур. Я постоянно вздыхаю, но я такая чувствительная. Дорогая леди Камнор обычно говорила, что я подобна термометру. Вы слышали, как она была больна?

- Нет, — ответил Осборн, не слишком этим интересуясь.

- О, да. Ей сейчас лучше. Но беспокойство о ней так утомило меня: меня задержали здесь, конечно, мои обязанности, но я так далека от всех вестей, и не знаю, что может принести следующая почта.

- А где она? — спросил Осборн, становясь более участливым.

- На курорте. Так далеко! Почта идет три дня! Вы не представляете себе, как я переживаю. Я жила с ней многие годы, была так привязана к семье.

- Но леди Харриет в своем последнем письме написала, что они надеются, что она будет крепче здоровьем, чем в прежние годы, — невинно произнесла Молли.

- Да... леди Харриет... конечно... каждый, кто знаком с леди Харриет, знает, что у нее слишком сангвинический темперамент, чтобы абсолютно полагаться на ее утверждения. В целом, незнакомых людей леди Харриет часто вводит в заблуждение... ее бесцеремонность обманывает их: но она и в половину не думает того, что говорит.

- Мы надеемся, что в этом случае она говорит то, что думает, — коротко заметила Синтия. — Они сейчас в Лондоне, и леди Камнор не пострадала от своего путешествия.

- Они так говорят, — сказала миссис Гибсон, покачивая головой, и делая ударение на слове "говорят". — Я, возможно, чересчур беспокоюсь, но мне хочется... хочется увидеть ее и судить самой. Это был бы единственный способ устранить мое беспокойство. Я думаю поехать с тобой, Синтия, на пару дней, чтобы увидеть ее собственными глазами. Я не совсем люблю путешествовать одна. Мы подумаем об этом, и ты напишешь мистеру Киркпатрику и предложишь, если мы решимся на это. Ты можешь написать ему о моем беспокойстве, я разделю с тобой постель всего лишь пару ночей.

[1] Жак де Ла Палисс — французский дворянин и военачальник, о подвигах которого были сложены пародийные шуточные песенки.

[2] "Месье де Ла Палисс умер,
Потеряв свою жизнь.
За четверть часа до смерти
Он был еще жив". (фр.)

[3] Предметами искусства (фр.)

[4] Р. Бернс "Субботний вечер поселянина" пер. Т. Щепкиной-Куперник.

[5] Ответствия — возгласы или просительные припевы во время литании (торжественной церковной службы).

[6] Весна (итал.)

Глава XL

Молли Гибсон дышит свободно

Именно таким образом миссис Гибсон впервые объявила о своем намерении составить Синтии компанию в Лондоне на несколько дней. Она ловко представила свой новый план человеку, который не принадлежал

кругу семьи, чтобы, если домашние не одобряют ее замыслов, сдержать их первое недовольство до тех пор, пока они не свыкнутся с этой мыслью. Молли этот план казался весьма заманчивым. Она никогда не позволяла признаться себе в том, что сдерживается в присутствии мачехи; но неожиданно осознала это, когда ее сердце затрепетало при мысли, что — самое малое целых три дня — она будет совершенно свободно общаться с отцом, и как в прежние времена они будут обедать без постоянной суеты и формальностей.

"Мы будем ужинать хлебом и сыром и будем делить его на коленях; этим мы возместим себе за то время, когда нам приходилось есть жидкие пудинги вилками вместо ложек, и подносить ножи ко рту, опасаясь порезаться. Папа нальет чай себе в блюдце, когда будет торопиться, а если я захочу пить, я смогу отхлебнуть воды прямо из полоскательницы. Да, может быть мне удастся достать, купить, одолжить или украсть какую-нибудь старую лошадь; моя серая юбка уже не новая, но она подойдет... Это будет так восхитительно! В конце концов, я думаю, что снова смогу быть счастлива. Долгие месяцы мне казалось, будто я слишком состарилась, чтобы снова испытать удовольствие, жалкое подобие счастья".

Так думала Молли. И все же она покраснела, словно была виновата, когда Синтия, прочитав ее мысли, сказала ей однажды:

- Молли, ты ведь рада от нас избавиться?

- Не от тебя, Синтия, по крайней мере, я не думаю, что рада. Только, если бы ты знала, как я люблю папу, и как я привыкла видеть его намного больше, чем сейчас...

- Ах! Я часто думаю, должно быть, кажется, будто мы вмешиваемся в чужие дела, а на самом деле...

- Я не считаю тебя такой. Ты, во всяком случае, стала для меня новой радостью... сестрой, и я прежде не знала, каким очаровательным может быть такое родство.

- А мама? — спросила Синтия, отчасти с подозрением, отчасти с горечью.

- Она — папина жена, — тихо ответила Молли. — Я не хочу сказать, что почти не сожалею о том, что я больше не самая главная в его жизни, но именно... — неистовый румянец вспыхнул на ее щеках, а глаза загорелись, и она внезапно почувствовала, что вот-вот расплачется. Плакучий яшень, несчастье, медленно переходящее в утешение, и утешитель так живо возникли перед ней... — именно Роджер! — она продолжала глядеть на Синтию, преодолев легкое замешательство при упоминании его

имени... — Роджер сказал мне, как я должна принять папину женитьбу, когда поначалу я испугалась и огорчилась этому известию. О, Синтия, как должно быть великолепно быть любимой им!

Синтия покраснела, она казалась взволнованной и довольной.

- Да, полагаю, это так. В то же время, Молли, я боюсь, он будет ждать, что я всегда буду такой, какой он сейчас меня представляет, и мне придется ходить на цыпочках всю оставшуюся жизнь.

- Но ты хорошая, Синтия, — вставила Молли.

- Нет. Ты ошибаешься так же, как и он. И когда-нибудь я упаду в твоих глазах, совсем как часы в холле, когда на днях у них сломалась пружина.

- Я думаю, он будет любить тебя так же сильно, — сказала Молли.

- А ты? Ты будешь моим другом, если... если окажется, что я совершила очень нехороший поступок? Будешь ли ты помнить, как порой мне бывает очень трудно поступать правильно? — произнося эти слова, она взяла Молли за руку. — Мы не станем говорить о маме ради тебя, а так же ради нее и меня. Но ты должна понимать, что она не из тех, кто может помочь девушке добрым советом или добрым... О, Молли, ты не знаешь, как мною пренебрегали как раз в то время, когда я больше всего нуждалась в друзьях. Мама не знает этого, не в ее характере знать, какой я могла бы стать, если бы попала к мудрым, добрым людям. Но я это знаю, и более того, — продолжила она, внезапно застыдившись своего непривычного изъяснения чувств. — Я стараюсь не думать об этом, что, смею сказать, удастся мне довольно плохо, но если я однажды всерьез задумаюсь, я заморю себя до смерти.

- Хотелось бы мне помочь тебе или хотя бы понять тебя, — сказала Молли спустя несколько минут печального недоумения.

- Ты можешь помочь мне, — ответила Синтия, резко сменив настроение. — Я умею украшать шляпки и укладывать прически, но, так или иначе, я не умею складывать платья и воротнички, как это делают твои ловкие пальчики. Пожалуйста, помоги мне упаковать вещи? Это настоящая, осязаемая доброта, а не слезливое утешение сентиментальных страданий, которые к тому же могут быть плодом моего воображения.

В большинстве случаев, именно люди, которые остаются на месте, склонны поддаваться унынию при расставании. Путешественники же, как бы горько они не переживали разлуку, находят в смене пейзажей то, что помогает им смягчить сожаление в самый первый час. Но Молли, проводив миссис Гибсон и Синтию в Лондон на экипаж "Арбитра", шла домой с

отцом и едва не пританцовывала.

- Вот, папа, — сказала она, — я собираюсь заполучить тебя в свое распоряжение на целую неделю. Ты должен быть очень послушным.

- Тогда не будь тираном. Ты слишком быстро идешь, я запыхался, в спешке мы пропустим миссис Гудинаф.

Они перешли улицу, чтобы поговорить с миссис Гудинаф.

- Мы только что проводили мою жену и ее дочь в Лондон. Миссис Гибсон уехала на неделю.

- Боже, боже, в Лондон, и только на неделю! Я помню, как туда добирались три дня! Вам, мисс Молли, будет очень одиноко без вашей подруги!

- Да, — ответила Молли, внезапно чувствуя, что ей следует принять это видение ситуации. — Я буду очень скучать по Синтии.

- А вы, мистер Гибсон. Вы словно опять стали вдовцом! Вы должны прийти и выпить со мной чаю как-нибудь вечером. Мы должны постараться взбодрить вас немного. Приедете во вторник?

Несмотря на то, что Молли ощутило ущипнула его за руку, мистер Гибсон принял приглашение к большому удовольствию пожилой дамы.

- Папа, как ты можешь идти и тратить один из наших вечеров! У нас их всего шесть, а теперь осталось всего пять, а я так рассчитывала, что мы будем все делать вместе.

- Что все?

- О, я не знаю, все, что неизысканно и неблагородно, — добавила она лукаво, заглядывая отцу в лицо.

В его глазах мелькнул огонек, но лицо оставалось совершенно серьезным.

- Я не собираюсь становиться испорченным. Усиленным трудом я достиг очень высокой степени совершенства. Я не буду пятиться назад.

- Нет, будешь, папа. С этого самого дня у нас на ланч будет хлеб с сыром. И ты будешь носить тапочки в гостиной, каждый вечер ты будешь спокойно проводить дома. И, папа, как ты думаешь, могла бы я покататься на Норе Крейна? Я подыскала старую серую юбку, и, думаю, могла бы одеться пристойно.

- А где мы возьмем дамское седло?

- Разумеется, старое не подойдет для той огромной ирландской кобылы. Но я не привередлива, папа. Думаю, я как-нибудь справлюсь.

- Спасибо. Но я не собираюсь возвращаться к варварству. Может быть, у меня испорченный вкус, но мне бы хотелось видеть, что моя дочь сидит на лошади должным образом.

- Подумай о том, чтобы вместе проехаться по тропинкам — шиповник, должно быть, весь в цвету, и жимолость, и сено — как бы мне снова хотелось увидеть ферму Мерримана! Папа, позволь мне разочек поехать с тобой. Пожалуйста! Я уверена, мы как-нибудь справимся.

И "как-нибудь" они справились. "Как-нибудь" стали сбываться все желания Молли; лишь одно на этой неделе мешало отдыху и счастливому общению с отцом. Все приглашали их на чай, словно они были женихом и невестой. Дело в том, что поздние обеды, которые миссис Гибсон завела в собственном доме, были ужасно неудобны с точки зрения скромных чаепитий в Холлингфорде. Как приглашать людей на чай в шесть, если они обедают в это время? Как быть, если они отказываются от пирожных и сэндвичей в полдевятого? Как убедить других гостей, которые действительно голодны, трапезничать под невозмутимым и язвительным взглядом новой жены доктора? Поэтому в Холлингфорде Гибсонов больше не приглашали на чаепития. Миссис Гибсон, чьей целью было протиснуться в "местную знать", восприняла тот факт, что ее лишили более скромных празднеств, с большой невозмутимостью. Но Молли скучала по сердечной простоте вечеров, на которые она ходила время от времени, с тех пор, как себя помнила. И хотя, как только приносили треугольную записку, она немного ворчала, что приходится терять еще один очаровательный вечер с отцом, она была искренне рада, как и прежде, оказаться среди старых друзей. Мисс Браунинг и мисс Фиби особенно жалостливо относились к ней. Будь на то их воля, она бы обедала у них каждый день; и ей приходилось навещать их очень часто, чтобы они не чувствовали себя уязвленными из-за того, что она отказывается у них обедать. Миссис Гибсон написала два письма мужу за время своего недельного отсутствия. Эта новость вполне удовлетворила барышень Браунинг, которые в последнее время держались в стороне от дома, где, как они предпочитали считать, их присутствие было нежелательно. Зимними вечерами они часто обсуждали семейство мистера Гибсона, и, кроме того, строя гипотезы, они обнаружили, что эта тема бесконечна, поскольку они могут строить новые предположения каждый день. В этот раз они обсуждали, как мистер и миссис Гибсон ладят друг с другом, в другой — экстравагантна ли миссис Гибсон или нет. А теперь два письма за неделю ее отсутствия указали на то, что в те дни считалось надлежащим количеством супружеских чувств. Не чрезмерно большим — из-за почтовых расходов в одиннадцать с половиной пенсов. Третье письмо было бы расточительством. Сестры переглянулись и одобрительно кивнули, когда Молли упомянула о втором письме, пришедшем в

Холлингфорд за день до того, как должна была вернуться миссис Гибсон. Меж собой они порешили, что два письма показывают надлежащее количество добрых чувств и должное понимание в семье Гибсонов: третье письмо стало бы излишеством; а всего лишь одно — простым исполнением долга. У мисс Браунинг и мисс Фиби возник вопрос — кому должно быть адресовано второе письмо. Было бы очень по-супружески дважды написать мистеру Гибсону, и все же было бы очень мило, если бы Молли тоже выпала такая честь.

- Вы получили еще одно письмо, так ты сказала, милочка? — спросила мисс Браунинг. — Полагаю, на этот раз миссис Гибсон написала тебе?

- Оно на большом листе, на одной половине Синтия написала мне, а другая адресована папе.

- Безусловно, это замечательная идея. И что пишет Синтия? Она довольна?

- О, да. Я так думаю. У них был званый вечер. А однажды вечером, когда мама была у леди Камнор, Синтия пошла играть со своими кузенами.

- Честное слово! И все на одной неделе? Я называю это разгульным образом жизни. Четверг следовало занять путешествием, пятницу — отдыхом, а воскресенье — на всем белом свете воскресенье; и им следовало писать во вторник. Что ж! Я надеюсь, Синтия не найдет Холлингфорд скучным, когда вернется домой.

- Не думаю, что это вероятно, — сказала мисс Фиби с немного притворным и хитрым выражением, которое придало странности ее приятному невинному лицу. — Ты часто видишься с мистером Престоном, Молли?

- Мистером Престоном?! — воскликнула Молли, краснея от неожиданности. — Нет! Не часто. Он всю зиму провел в Эшкоте! Он только что вернулся, чтобы здесь обосноваться. Что заставило вас так думать?

- О, маленькая птичка начирикала нам, — ответила мисс Браунинг. Молли знала эту маленькую птичку с детства, всегда не терпела ее и хотела свернуть ей шею. Почему бы людям просто не сказать, что они не намерены выдавать имя своего информанта? Но это была любимая форма отговорки барышень Браунинг, а для мисс Фиби это была наивысшая точка остроумия.

- Маленькая птичка однажды летала на Хит-лейн и увидела, что мистер Престон и юная леди... мы не скажем, кто... прогуливаются вместе как добрые друзья, то есть он был верхом на лошади. Но тропинка поднималась над дорогой, как раз там, где небольшой деревянный мост над

ручьём...

- Возможно Молли посвящена в тайну, и нам не следует спрашивать ее об этом, — сказала мисс Фиби, видя крайнее смущение и досаду Молли.

- Не может быть, что это большая тайна, — заметила мисс Браунинг, произнеся выражение маленькой птички и напуская на себя манеру величественного упрека за то, что мисс Фиби перебила ее, — мисс Хорнблауэр говорит, что сам мистер Престон помолвлен...

- Во всяком случае, не с Синтией, это я знаю определенно, — ответила Молли с какой-то горячностью. — И, пожалуйста, перестаньте распространять подобные слухи, вы не знаете, какой вред они могут причинить. Я терпеть не могу подобную болтовню! — разумеется, со стороны Молли было не слишком уважительно говорить таким тоном, но она думала только о Роджере; и мысли о страданиях, которые могут причинить подобные слухи, если когда-нибудь дойдут до него (в центре Африки!) заставили ее покраснеть от раздражения.

- Ай-ай-ай! Мисс Молли! Разве вы не помните, что я намного старше вашей матери, и с вашей стороны недостойно так говорить с нами... со мной! "Болтовню". В самом деле, Молли...

- Прошу прощения, — сказала Молли, только отчасти раскаиваясь.

- Полагаю, ты не хотела так говорить с сестрой, — сказала мисс Фиби, стараясь помириться.

Молли не сразу ответила. Ей хотелось объяснить, сколько вреда могут причинить подобные слухи.

- Но разве вы не понимаете, — продолжила она, все еще краснея от раздражения. — Насколько плохо говорить о таких вещах подобным образом? Предположим, один из них не безразличен кому-то еще, и что может случиться, вы знаете. Мистер Престон, например, может быть с кем-то помолвлен?

- Молли! Мне жаль эту женщину! Действительно, жаль. Я очень плохого мнения о мистере Престоне, — заметила мисс Браунинг предостерегающим тоном, ей на ум пришла новая мысль.

- Хорошо, но женщина, или молодая девушка не хотела бы услышать подобные слухи о мистере Престоне.

- Возможно, и нет. Но, тем не менее, помани мое слово, он большой сердцеед, и молодым девушкам лучше не иметь с ним дел.

- Думаю, они случайно встретились на Хит-лейн, — вставила мисс Фиби.

- Мне ничего об этом неизвестно, — ответила Молли, — признаю, я была грубой, только, пожалуйста, не говорите больше об этом. У меня есть

причины просить вас, — она встала, по удару церковных часов поняв, что уже намного позднее, чем она ожидала, и, зная, что к этому времени ее отец возвращается домой. Она наклонилась и поцеловала серьезную и невозмутимую мисс Браунинг.

- Как ты выросла, Молли! — сказала мисс Фиби, беспокоясь о том, как бы сгладить недовольство сестры. — "Высокая и стройная, как тополь", как поется в старой песне.

- Возрастай в благодати, Молли, а так же, будь красивой! — произнесла мисс Браунинг, провожая девушку глазами. И как только Молли ушла, мисс Браунинг поднялась и закрыла дверь довольно плотно, а затем села рядом с сестрой и сказала тихим голосом: — Фиби, это сама Молли была на Хит-лейн с мистером Престоном в тот день, когда их вместе видела миссис Гудинаф!

- Боже милостивый! — воскликнула мисс Фиби, принимая ее слова за бесспорную истину. — Откуда ты знаешь?

- Сложила два и два. Разве ты не заметила, как покраснела Молли, а затем побледнела, и как она сказала, что ей точно известно, что мистер Престон и Синтия Киркпатрик не помолвлены?

- Возможно, и не помолвлены. Но миссис Гудинаф видела, как они прогуливались вместе, вдвоем...

- Миссис Гудинаф только пересекала Хит-лейн у Шайэ Оак, проезжая в своем фаэтоне, — сказала мисс Браунинг нравоучительно. — Нам всем известно, как она трусит ездить в экипаже, поэтому вполне вероятно, что она лишь отчасти поняла, что к чему, она не слишком хорошо видит, даже когда устойчиво стоит на земле. У Молли и Синтии похожие новые шали из шотландки, и они одинаково украшают свои шляпки, а с Рождества Молли вытянулась ростом с Синтию. Я всегда боялась, что она будет невысокой и толстой, но теперь она такая высокая и стройная, как нужно. Я ручаюсь, миссис Гудинаф видела Молли и приняла ее за Синтию.

Когда мисс Браунинг произнесла "ручаюсь", мисс Фиби перестала сомневаться. Она несколько минут сидела в молчании, обдумывая услышанное. Затем она сказала:

- В конце концов, это будет не такая плохая партия, сестра, — она говорила очень кротко, ожидая одобрения.

- Фиби, это будет плохая партия для дочери Мэри Пирсон. Если бы я знала то, что я знаю сейчас, мы бы не стали пить с ним чай в прошлом сентябре.

- Почему, что ты знаешь? — спросила мисс Фиби.

- Мисс Хорнблауэр рассказала мне многое: я думаю, некоторые вещи

тебе не следует знать, Фиби. Он был помолвлен с очень красивой мисс Грегсон в Хенвике, откуда он родом, а ее отец порасспрашивал и узнал о нем столько плохого, что заставил дочь разорвать помолвку, а она умерла.

- Как ужасно! — воскликнула мисс Фиби, очень впечатленная словами сестры.

- Кроме того, он играет на бильярде, ставит на скачках, а некоторые говорили, что он держит скаковых лошадей.

- Но разве не странно, что граф нанял его своим управляющим?

- Нет! Возможно, нет. Мистер Престон очень умело управляется с земельной собственностью и очень сообразителен во всех юридических делах. А милорд не склонен обращать внимание... если на самом деле знает... на манеры мистера Престона, когда он выпьет слишком много вина.

- Выпьет слишком много вина! О, сестра, так он пьяница? И мы приглашали его на чай!

- Я не сказала, что он пьяница, Фиби, — раздраженно ответила мисс Браунинг. — Мужчина изредка может выпить слишком много вина, и не быть при этом пьяницей. Я не хочу слышать, как ты употребляешь такие грубые слова, Фиби!

После этого упрека мисс Фиби некоторое время молчала. Наконец, она сказала:

- Я все-таки надеюсь, что это была не Молли Гибсон.

- Ты можешь надеяться столько, сколько тебе нравится, но я совершенно уверена, это была она. Тем не менее, нам лучше ничего не говорить об этом миссис Гудинаф. Она забрала себе в голову, что это была Синтия, и пусть так и думает.

Глава XLI

Тучи собираются

Миссис Гибсон вернулась из Лондона, полная радужных впечатлений. Леди Камнор была великодушна и нежна, "так тронута, что я приехала повидать ее вскоре после того, как она вернулась в Англию", леди Харриет очаровательна и предана своей бывшей гувернантке, лорд Камнор "все такая же славная, сердечная натура". А что касается Киркпатриков, то их дом не менее величественный, чем дом лорда-канцлера, а шелковая мантия королевского адвоката осеняет благодатью даже служанок и лакеев.

Синтия тоже была немало восхищена, а что же до ее нарядов, то миссис Киркпатрик щедро наделила ее бальными платьями, венками, прелестными шляпками и накидками, словно крестная фея из сказки. С скромный подарок мистера Гибсона в десять фунтов сжался до крошечных размеров по сравнению со всей этой необыкновенной щедростью.

- И они так полюбили ее, что даже я не знаю, когда нам ждать ее обратно, — завершила свой рассказ миссис Гибсон. — А теперь, Молли, как вы с отцом проводили время? Очень весело, как ты выразилась в своем письме. В Лондоне у меня не было времени его читать, поэтому я положила письмо себе в карман и прочитала его в экипаже по пути домой. Но, мое дорогое дитя, ты выглядишь так старомодно в своем платье, оно очень узко, а твои волосы взъерошены и в завитках. Завитки вышли из моды. Мы должны уложить твои волосы иначе, — продолжила она, стараясь выпрямить черные кудри Молли.

- Я отослала Синтии письмо из Африки, — робко произнесла Молли. — Вы знаете, что в нем было?

- О, да, бедняжка! Оно так встревожило ее. Она сказала, что нерасположена в тот вечер идти к мистеру Роусону на бал, для которого миссис Киркпатрик подарила ей бальное платье. Но ей, в самом деле, не о чем было беспокоиться. Роджер только написал, что у него был еще один приступ лихорадки, но когда он писал об этом, ему уже стало лучше. Он говорит, что каждый европеец должен приспособиться к лихорадке в той части Абиссинии, где он находится.

- И она пошла? — спросила Молли.

- Да, разумеется. Это не помолвка, а если и так, то она не подтверждена. Представь, что она говорит: "Мой знакомый молодой человек был болен несколько дней в Африке, два месяца назад, поэтому я не хочу идти на бал сегодня вечером". Это будет выглядеть, как показное проявление чувств, а я больше всего не терплю этого.

- Ей едва ли было весело, — заметила Молли.

- О, да, но она веселилась. Ее платье было из белого газа, отделано сиреневым, и она выглядела — матери позволительно быть немного пристрастной — просто прекрасно. И она танцевала каждый танец, хотя на балу никого не знала. Я уверена, она веселилась, судя по тому, как она говорила об этом на следующее утро.

- Интересно, знает ли сквайр.

- Знает что? О, да, разумеется... ты имеешь в виду Роджера. Полагаю, что не знает, и нет нужды говорить ему, я не сомневаюсь, что сейчас все хорошо, — и она вышла из комнаты, чтобы закончить распаковывать вещи.

Молли уронила шитье и вздохнула:

- Послезавтра будет год с тех пор, как он пришел сюда предложить нам проехать до Херствуда, а маму так рассердило то, что он пришел до ланча. Интересно, помнит ли об этом Синтия так же, как я. А теперь, возможно... Ох! Роджер, Роджер! Мне бы хотелось... я прошу, чтобы ты невредимым оказался дома! Как мы все вынесем, если...

Она закрыла лицо руками и постаралась перестать думать об этом. Внезапно Молли поднялась, словно ужаленная ядовитой фантазией.

- Я не верю, что она любит его, как должно, иначе она не могла бы... не могла бы пойти и танцевать. Что мне делать, если она не любит? Что мне делать? Я могу вынести все, что угодно, кроме этого.

Но она узнала, что достаточно тяжело вынести долгое отсутствие новостей о его здоровье. По меньшей мере месяц они не получали от него вестей, и прежде чем пролетело это время, Синтия вернулась из Лондона. Молли стала страстно желать, чтобы сестра оказалась дома, еще до того, как прошли две недели ее отсутствия. Она не имела представления, что постоянные беседы наедине с миссис Гибсон могут быть такими утомительными. Возможно, хрупкое здоровье Молли вследствие ее быстрого роста за последние несколько месяцев, сделало ее раздражительной, но на самом деле ей часто приходилось вставать и покидать комнату, чтобы успокоиться после очередной порции бессмысленных и невнятных жалоб. Всякий раз, когда все шло не так, всякий раз, когда мистер Гибсон упорно сохранял хладнокровие там, где она возражала; всякий раз, когда кухарка ошибалась с обедом, или горничная разбивала какую-нибудь хрупкую безделушку; всякий раз, когда волосы Молли были уложены не по вкусу миссис Гибсон, или платье не шло ей, или запах обеда наполнял дом, или приходили незваные гости, а званые не приходили — в сущности, всякий раз, когда все шло не так, бедного мистера Киркпатрика жалели и оплакивали, нет, почти винули в том, что он поленился пожить подольше и помочь своей вдове.

- Когда я оглядываюсь на те счастливые дни, мне кажется, что я не ценила их так, как мне следовало. Разумеется... юность, любовь... что нам до бедности! Я помню, дорогой мистер Киркпатрик прошел пять миль пешком до Стратфорда, чтобы купить мне маффины, потому что после рождения Синтии я испытывала к ним слабость. Я не хочу жаловаться на дорогого папу... но я не думаю... но, возможно, мне не следует говорить этого тебе. Если бы мистер Киркпатрик позаботился вылечить тот свой кашель; но он был таким упрямым. Думаю, мужчины всегда такие. С его стороны это было эгоистично. Только, полагаю, он не подумал, что я

окажусь в одиночестве. Мне пришлось намного труднее, чем большинству людей, потому что я всегда была такой нежной и чувственной натурой. Я помню небольшое стихотворение мистера Киркпатрика, в котором он сравнивал мое сердце со струнами арфы, дрожащими от малейшего ветерка.

- Я думала, чтобы струны арфы зазвучали, требуются довольно сильные пальцы, — заметила Молли.

- Мое дорогое дитя, в тебе не больше поэзии, чем в твоём отце. А что же до твоих волос! Они выглядят хуже, чем обычно! Разве ты не можешь смочить их водой, чтобы пригладить эти непослушные завитки и локоны?

- Когда они влажные, они завиваются еще больше, — ответила Молли, внезапные слезы выступили у нее на глазах, как только в памяти возникло воспоминание, словно картина, виденная давно и забытая на годы — молодая мать моет и одевает маленькую девочку, усаживает наполовину одетого ребенка на колени и наматывает влажные колечки темных волос на свои пальцы, а затем в приливе нежности целует маленькую кудрявую головку.

Получать письма от Синтии оказалось довольно приятно. Они приходили не часто, были не длинными, но очень веселыми. В них постоянно мелькало много новых имен, о которых Молли не имела представления, хотя миссис Гибсон старалась просветить ее беглыми комментариями, подобными следующему:

- Миссис Грин! А, это прелестная кузина мистера Джонса, которая живет на Площади Рассела с толстым мужем. У них свой экипаж, и я не уверена, не мистер ли Грин кузен мистера Джонса. Мы можем спросить Синтию, когда она вернется домой. Мистер Хендерсон! Конечно — молодой человек с черной бородой, бывший ученик мистера Киркпатрика — или он был учеником мистера Мюррея? Я знаю, говорят, что он с кем-то изучал право. Ах, да! Это люди, которые навестили нас на следующий день после бала мистера Роусона, и которые так восхищались Синтией, не зная, что я ее мать. Она была очень красиво одета, в черный атлас, а у сына стеклянный глаз, но он — молодой человек с изрядным состоянием. Коулман! Да, это было его имя.

Они не получали новостей о Роджере до тех пор, пока Синтия не вернулась из Лондона. Она приехала посвежевшая и похорошевшая, красиво одетая, благодаря своему собственному хорошему вкусу и щедрости кузена, переполненная забавными подробностями веселой жизни, и все-таки не удрученная тем, что такая жизнь осталась позади. Она

привезла домой всевозможные милые и изящные безделушки для Молли: ленточку на шею, сделанную по самой последней моде, рисунок для палантина, пару легких перчаток, искусно украшенных вышивкой, каких Молли прежде не видала, и много других незначительных знаков на память за время своего отсутствия. Так или иначе, но Молли почувствовала, что Синтия изменила свое отношение к ней. Она знала, что из-за своей искренности и наивности никогда не пользовалась полным доверием у скрытной и немногословной Синтии. Та часто смеялась над этой своей чертой, и Молли на этот раз поняла, что подруга говорила правду. Но она не слишком беспокоилась по этому поводу. К тому же она знала, что многие мысли и чувства, которые проносятся в ее голове, она и не подумает никому рассказывать, разве что, возможно — если они когда-либо надолго останутся вместе — своему отцу. Правда она понимала, что Синтия утаивает от нее не просто мысли и чувства, она утаивает факты. Но потом, поразмышляв, Молли догадалась, что эти факты могли иметь отношение к прошлым трудностям и страданиям, к небрежению ее матери — и быть такими болезненными, что для Синтии было бы лучше забыть свое детство, а не лелеять обиды. Поэтому теперь, когда Молли чувствовала, что сестра отдаляется от нее, она не считала причиной этому отсутствие доверия. Это происходило потому, что Синтия скорее избегала, чем искала ее общества; потому что ее глаза избегали прямого, серьезного, любящего взгляда Молли, потому что она явно не желала разговаривать на определенные темы, не особенно интересные, насколько поняла Молли, но казалось, будто они ведут к вопросам, которых нужно избегать. Молли испытывала какое-то тоскливое удовольствие, замечая, как меняется поведение Синтии, когда она разговаривает о Роджере. Теперь она говорила о нем с нежностью: "бедный Роджер", так она называла его. И Молли думала, что она, должно быть, говорит о болезни, о которой он упоминал в своем последнем письме. Однажды утром на первой неделе после возвращения Синтии домой, уже собираясь выйти из дома, мистер Гибсон вбежал в гостиную в шляпе, в сапогах и шпорах и поспешно положил перед ней открытый журнал, указав на некий отрывок пальцем, но не произнес ни слова и быстро вышел из комнаты. Его глаза сверкали, светясь и весельем, и удовольствием. Молли заметила не только это, но и то, как покраснела Синтия, читая тот отрывок, на который он указал ей. Затем она отложила журнал немного в сторону, тем не менее не закрыв его, и продолжила шить.

- Что это? Можно я посмотрю? — спросила Молли, протягивая руку за журналом, который лежал в пределах ее досягаемости. Но она не взяла его,

пока Синтия не сказала:

- Конечно, я полагаю, в научном журнале нет больших секретов, — и она слегка подтолкнула книгу к Молли.

- О, Синтия! — воскликнула Молли, задержав дыхание, пока читала. — Разве ты не гордишься?

Это был отчет о ежегодном собрании Географического общества, на котором лорд Холлингфорд прочел письмо от Роджера Хэмли, посланное им из Арракуобы, района Африки, куда до сих пор не ступала нога европейского путешественника, и о котором мистер Хэмли прислал много любопытных подробностей. Чтение этого письма было воспринято с огромным интересом, и следующие выступавшие наградили автора очень высокими похвалами.

Но Молли могла бы лучше знать Синтию и не ждать, что та отзовется на чувства, которые вызвали ее вопрос. Будь Синтия горда, рада, или признательна, или даже возмущена, полна раскаяния, огорчения или сожаления, того факта, что кто-то другой желает, чтобы она испытывала любое из этих чувств, было достаточно, чтобы помешать ей выразить их.

- Боюсь, я не настолько поражена удивительным событием, как ты, Молли. Кроме того, это для меня не новость. По крайней мере, не совсем. Я узнала о собрании перед тем, как уехала из Лондона. Об этом много говорили в кругу моего дяди. Разумеется, я не услышала всех замечательных слов о нем, но, ты знаешь, там модно разговаривать на ничего не значащие темы. Кто-нибудь да обязан сделать комплимент, когда лорд берет на себя заботу прочитать одно из его писем вслух.

- Чепуха, — ответила Молли. — Ты не веришь в то, что говоришь, Синтия.

Синтия резко передернула плечами, что для нее было равносильно французскому пожиманию, но не подняла головы от шитья. Молли снова начала перечитывать доклад.

- Синтия! — сказала она, — ты могла бы быть там, на собрании были дамы. Здесь говорится, что "многие дамы присутствовали". О, разве ты не могла ухитриться пойти туда? Если в кругу твоего дяди интересуются такими вещами, разве не мог кто-нибудь взять тебя с собой?

- Возможно, если бы я попросила их. Но полагаю, они были бы всерьез удивлены моим внезапным интересом к науке.

- Ты могла бы сказать своему дяде, как обстоят дела, он не рассказал бы об этом, если тебе этого не хотелось, я уверена, и он мог бы помочь тебе.

- Раз и навсегда, Молли, — ответила Синтия, на этот раз откладывая

работу, и произнося слова резко и властно, — научись понимать, что моим желанием всегда было не упоминать и не говорить, в каких отношениях мы состоим с Роджером. Когда нужное время придет, я сообщу об этом своему дяде и всем, кого это касается, но я не собираюсь причинять вред и добавлять себе хлопот... даже ради того, чтобы услышать комплименты в его адрес... огласив эту новость раньше срока. Если меня подтолкнут к этому, я скорее разорву все отношения разом и покончу с этим. Я не могу оказаться в более затруднительном положении, чем нахожусь сейчас, — ее рассерженный тон сменился отчаянной жалобой, прежде чем она закончила предложение. Молли посмотрела на нее с недоумением.

- Я не понимаю тебя, Синтия, — произнесла она наконец.

- Да, полагаю, что не понимаешь, — глядя на нее со слезами на глазах, ответила Синтия очень нежно, словно в искупление за свою недавнюю горячность. — Боюсь... я надеюсь, ты никогда не поймешь.

Через мгновение Молли обняла сестру: — О, Синтия, — пробормотала она, — я измучила тебя? Я тебя рассердила? Не говори, что боишься... Конечно, ты совершаешь ошибки, каждый их совершает, но думаю, что я больше люблю тебя за них.

- Я не знала, что я такая плохая, — сказала Синтия, слегка улыбаясь сквозь слезы. — Но я нахожусь в затруднении. У меня сейчас неприятности. Порой мне кажется, что я всегда буду попадать в затруднительное положение, и если когда-нибудь правда выйдет наружу, я окажусь хуже, чем есть на самом деле. Я знаю, твой отец избавится от меня, и я... нет, я не стану бояться, что и ты так же поступишь, Молли.

- Уверена, что не поступлю. Они... как ты думаешь... как Роджер это примет? — спросила Молли очень робко.

- Я не знаю. Надеюсь, он никогда об этом не узнает. Я не понимаю, почему ему следует знать, поскольку через некоторое время я снова буду чиста. Я даже не думала, что поступаю плохо. Я намерена рассказать тебе обо всем, Молли.

Молли не хотелось настаивать, хотя она желала узнать и понять, сможет ли предложить помощь. Но пока Синтия сомневалась и, говоря по правде, скорее сожалела, что сделала этот малый шаг вперед, даруя свое доверие, вошла миссис Гибсон с намерением переодеться, и тем самым ввести это в обычай, который она наблюдала во время своего визита в Лондон. Синтия, казалось, позабыла о своих слезах и заботах и все душой отдалась женским шляпкам.

Письма от лондонских кузенов Синтии приходили довольно часто,

согласно нормам доставки корреспонденции в те дни. Время от времени миссис Гибсон жаловалась на обилие писем Хелен Киркпатрик — прежде чем получить корреспонденцию, получатель должен был оплатить почтовые расходы. И если почта за одиннадцать с половиной пенсов приходила три раза в неделю, то согласно методу вычислений миссис Гибсон, когда та была недовольна, выходила сумма "между тремя и четырьмя шиллингами". Но эти жалобы предназначались только для членов семьи. Весь Холлингфорд и барышни Браунинг в частности слышали о "задушевной дружбе дорогой Хелен и Синтии" и об "истинном удовольствии получать постоянные новости из Лондона. Все равно, что жить там!"

- Я бы сказала, намного лучше, — заметила мисс Браунинг с некоторой суровостью. У нее сложились собственные представления о столице от британских эссеистов[1], у которых город так часто представляется центром разгула, испортившим сельских жен и дочерей сквайров, мешающем исполнению обязанностей из-за постоянного круговорота не всегда невинных удовольствий. Лондон являлся таким моральным дегтем, к которому нельзя прикоснуться, не испачкавшись. Мисс Браунинг высматривала у Синтии признаки испорченности характера, с тех пор как та вернулась домой. Но кроме огромного количества красивой и подобающей одежды никаких изменений к худшему замечено не было. Синтия бывала "в свете", "видела сияние, блеск и ослепляющее хвастовство Лондона", и все же вернулась в Холлингфорд, как и прежде готовая подставить стул мисс Браунинг, собрать цветов для букета мисс Фиби или чинить свои платья. Но все это приписывалось заслугам Синтии, а не Лондона.

- Насколько я могу судить о Лондоне, — сказала мисс Браунинг, нравоучительно продолжая свои разглагольствования против столицы, — он не лучше вора-карманника и грабителя, одетых в награбленную одежду честных людей. Мне хотелось бы знать, где воспитывались милорд Холлингфорд и мистер Роджер Хэмли. Ваш добрый супруг, миссис Гибсон, одолжил мне доклад о собрании, где так много говорится о них обоих, и он так гордился похвалами в их адрес, словно он их родственник, а Фиби прочитала доклад мне вслух, поскольку шрифт слишком мелок для моих глаз. Ее всерьез озадачили все эти незнакомые названия мест, но я сказала, что лучше будет их пропустить, поскольку мы не слышали о них прежде, и вряд ли услышим о них снова, но она перечитывала прекрасные слова, сказанные о милорде и мистере Роджере, и я спрашиваю вас, где они выросли и воспитывались? В пределах восьми миль от Холлингфорда; там

могла бы оказаться Молли или я, все это случайность. А потом они рассуждают об удовольствиях интеллектуального общества в Лондоне и выдающихся людях, а я все время вижу, что по-настоящему привлекают только магазины и азартные игры. Мы все пытаемся производить впечатление, и если мы можем предоставить довод, который выглядит разумным, мы произносим его, как мужчины, и никогда ничего не говорим о глупости, которую лелеем в своих сердцах. Но я снова спрашиваю вас, откуда родом это изысканное общество, эти мудрые люди и эти выдающиеся путешественники? Отвечу, из деревенских приходов, подобных нашему! Лондон собирает их всех и украшает себя ими, а затем громко призывает народ, который он похитил, и говорит: "Придите и посмотрите, как я прекрасен!" Прекрасен, как бы не так! Я не выношу Лондон: Синтии гораздо лучше без него. Будь я на вашем месте, миссис Гибсон, я бы прекратила эту лондонскую переписку: она только выбивает ее из колеи.

- Но, вероятно, она сможет жить в Лондоне несколько дней, мисс Браунинг, — глупо улыбнулась миссис Гибсон.

- Хватит думать о Лондоне. Я желаю ей честного деревенского мужа с достаточным жалованием, небольшими сбережениями и впридачу с добрым характером. Запомни это, Молли, — сказала она, обращая свою гневную тираду на испуганную Молли. — Я желаю Синтии мужа с добрым характером, но у нее есть мать, которая за ней присмотрит, а у тебя нет, и когда твоя мама была жива, она была моей любимой подругой: поэтому я не позволю тебе бросаться на каждого, чья жизнь нечиста и скрыта, ты можешь рассчитывать на это!

Эти последние слова разорвались бомбой в тихой маленькой гостиной, с такой горячностью они были произнесены. Мисс Браунинг в глубине сердца предполагала предостеречь Молли против близких отношений, которые, как она полагала, сложились у той с мистером Престоном. Но так уж случилось, что Молли никогда не мечтала ни о каких близких отношениях, девушка не могла представить, почему такие суровые слова должны быть адресованы ей. Миссис Гибсон, которая всегда близко к сердцу принимала каждое слово или действие, затрагивавшие ее саму (и называла это чувствительностью), нарушила тишину, повисшую после слов мисс Браунинг, жалобно сказав:

- Я уверена, мисс Браунинг, вы очень сильно ошибаетесь, если думаете, что любая мать может больше заботиться о Молли, чем я. Я не... Я не считаю, что кому-то нужно вмешиваться, чтобы защитить ее, и я совсем не понимаю, почему вы говорите таким тоном, словно все мы

ошиблись, а вы оказались правы. Это задевает мои чувства. Что касается Молли, могу сказать вам, что у нее нет ничего, чего бы ни было у Синтии, и в одежде, и в моем попечении. А что касается того, что о ней не заботятся, если бы ей нужно было ехать завтра в Лондон, я бы посчитала своим долгом поехать с ней и присмотреть за ней. Я никогда не делала подобного для Синтии, когда она училась в школе во Франции, и ее спальня меблирована, как у Синтии, и я позволяю ей носить свою красную шаль, когда ей захочется — она может надевать ее чаще, если захочет. Я не могу понять, что вы имеете ввиду, мисс Браунинг.

- Я не собиралась обижать вас, но я предполагала просто сделать намеки Молли. Она поняла, что я имею ввиду.

- Уверяю вас, не поняла, — смело сказала Молли. — Не имею представления, что вы имели ввиду, если вы намекаете на нечто большее, чем сказали прямо, ...что вы не желаете, чтобы я выходила замуж за кого-то с недобрым характером, и что, раз вы подруга мамы, вы помешаете мне выйти замуж за человека с плохим характером любыми средствами. Я не думаю выходить замуж. Я вообще ни за кого не хочу выходить замуж. Но если бы хотела, и он был бы нехорошим человеком, я бы поблагодарила вас за предупреждение.

- Я не буду настаивать на своем предупреждении, Молли. Я запрещаю объявлять о предстоящем бракосочетании в церкви, если будет нужно, — сказала мисс Браунинг, отчасти убежденная в честности и искренности тех слов, что сказала Молли — правда, покраснев до корней волос, но, не сводя неподвижного взгляда с лица мисс Браунинг.

- Запрещайте! — ответила Молли.

- Ну что ж, я больше не скажу ни слова. Возможно, я ошиблась. Мы больше не будем об этом говорить. Но запомни, что я сказала, Молли; во всяком случае, в моих словах нет вреда. Мне жаль, если я задела ваши чувства, мисс Гибсон. Я думаю, вы постараетесь исполнить свой долг, как мачеха. Доброго утра. Прощаюсь с вами обеими, и да благословит вас Бог.

Если мисс Браунинг думала, что ее прощальное благословение восстановит мир в комнате, которую она покинула, она очень ошибалась. Миссис Гибсон воскликнула:

- Постараться исполнить мой долг! Я была бы очень обязана тебе, Молли, если бы ты позаботилась не вести себя подобным образом, дабы не навлекать на меня такое неуважение, которое я только что получила от мисс Браунинг.

- Но я не знаю, что заставило ее так говорить, мама, — ответила Молли.

- Я тоже не знаю, и мне это не интересно. Но я знаю, что со мной никогда не говорили, будто я пыталась исполнить свой долг... "исполнить"!

Всякому известно, что я исполнила его, и не нужно говорить об этом мне в лицо в такой грубой манере. Я настолько серьезно отношусь к своему долгу, что считаю, что о нем должно говорить только в церкви, и в подобных ей святых местах; а вовсе не обычной гостье, даже если она в юности была подругой твоей матери. Как будто я присматриваю за тобой не так, как присматриваю за Синтией! Ведь только вчера я поднялась в комнату Синтии и застала ее за чтением письма, которое она спешно отложила, как только я вошла, и я даже не спросила ее, от кого оно, а я уверена, я бы заставила тебя рассказать мне

На самом деле миссис Гибсон избегала любых конфликтов с Синтией, вполне уверенная в том, что в итоге она потерпит поражение. Тогда как Молли, как правило, скорее подчинялась, чем боролась.

Как раз в эту минуту вошла Синтия.

- В чем дело? — спросила она поспешно, видя, что произошло что-то неприятное.

- Молли что-то сделала, отчего эта дерзкая мисс Браунинг отчитала меня по поводу исполнения моего долга! Если бы твой бедный отец был жив, Синтия, со мной бы никто так не говорил. "Мачеха старается исполнить свой долг!" Так выразилась мисс Браунинг.

Любое упоминание об отце вызывало у Синтии желание иронизировать. Она снова спросила Молли, в чем дело.

Сама Молли занервничала, отвечая:

- Мисс Браунинг, похоже, считает, что я собираюсь выйти замуж за человека с ужасным характером...

- Ты, Молли? — спросила Синтия.

- Да...она как-то раньше говорила со мной... я подозреваю, она вбила себе в голову идею о мистере Престоне...

Синтия присела. Молли продолжила: — И она сказала, будто мама недостаточно присматривала за мной... я думаю, она была несколько раздражена...

- Не несколько, а очень... очень дерзка, — вставила миссис Гибсон, немного успокоенная тем, что Молли поняла ее обиду.

- Почему это взбрело ей в голову? — спросила Синтия очень тихо, беря в руки шитье.

- Я не знаю, — ответила ей мать, отвечая на вопрос по-своему. —

Уверяю, я не всегда одобряла мистера Престона, но даже если она думала именно о нем, он намного более приятней, чем она. И я намного охотнее пригласила бы его в гости, чем ей подобную старую деву.

- Я не знала, что она думала именно о мистере Престоне, — сказала Молли. — Это было только предположение. Когда вы обе были в Лондоне она говорила о нем... я подумала, что она что-то слышала о нем и о тебе, Синтия.

Незаметно от матери, Синтия посмотрела на Молли, ее взгляд выражал запрет, а щеки пылали от ярости. Молли внезапно замолчала. После такого взгляда ее удивило то спокойствие, с которым Синтия сказала почти без задержки:

- В конце концов, то, что она намекала на мистера Престона, всего лишь твое предположение, поэтому, возможно, нам лучше не говорить больше о нем. А что касается ее совета, чтобы мама лучше присматривала за тобой, мисс Молли, я поручусь за твое хорошее поведение. И мама, и я знаем, что ты последний человек, способный на плохие поступки. А теперь давайте не будем больше об этом говорить. Я шла рассказать вам, что маленький сынишка Ханны Бранд сильно обжегся, и его сестра внизу просит старые холсты.

Миссис Гибсон была всегда добра к беднякам, она немедленно встала и отправилась в кладовую поискать требуемую ткань.

Синтия быстро повернулась к Молли.

- Молли, прошу, никогда не упоминай об отношениях между мной и мистером Престоном... ни маме, никому. Никогда! У меня есть причина... не говори больше об этом ничего.

Миссис Гибсон вернулась в эту минуту, и Молли пришлось снова резко остановиться, не услышав признания Синтии. На этот раз она была не уверена, должна ли еще что-то рассказывать, и лишь уверена в том, что Синтия всерьез рассержена.

Пришло время, когда она узнает все.

[1] Британские эссеисты — авторы периодических публикаций 18 века, такие как Стил, Аддисон, Джонсон.

Глава XLII

Гроза разражается

Осенние картины сменяли друг друга. Прошла золотая пора уборки хлеба, пешие прогулки по сжатым полям заменили прогулки в ореховые

рощицы за орехами; начался сбор румяных фруктов в яблоневых садах среди радостных криков наблюдательной детворы; и вот наступили короткие дни великолепной, окрашенной в цвет тюльпанов последней поры осени. В округе царила тишина, разве что ее нарушали далекие выстрелы да шум куропаток, поднятых с полей.

Со времени неприятного разговора с мисс Браунинг дела в доме Гибсонов пошли в разлад. Синтия, казалось, держала каждого на расстоянии и особенно избегала любых разговоров наедине с Молли. Миссис Гибсон, по-прежнему лелеяла неприязнь к мисс Браунинг, и ее надзор за бедной девушкой стал почти невыносимым. «Где ты была, дитя?» «Кого ты видела?» «От кого было последнее письмо?» «Почему тебя так долго не было, если ты только пошла к такой-то?» — расспрашивала мачеха, словно Молли и в самом деле уличили в том, что она поддерживает какие-то тайные знакомства. Она отвечала на каждый заданный ей вопрос просто и правдиво, как совершенно невиновный человек; но расспросы невыносимо ее раздражали (хотя она разгадала их причину и знала, что они возникали совсем не из особых подозрений, а только для того, чтобы миссис Гибсон могла сказать, что она хорошо присматривает за своей падчерицей). Очень часто она вовсе не выходила из дома, потому, что вынуждена была рассказывать о своих планах на время прогулки, когда, возможно, у нее совсем не было планов, она только хотела прогуляться на воле и испытать удовольствие, наблюдая за ярким, торжественным увяданием года. Для Молли это было тяжелое время — живость и энергия покинули ее, оставив от стольких прежних радостей всего лишь оболочки. Ей казалось, что ее молодость исчезла, и это в девятнадцать лет! Синтия больше не была прежней, и, возможно, перемена в отношениях с ней не понравилась бы Роджеру. Мачеха казалась Молли почти доброй по сравнению с отдалившейся Синтией. Миссис Гибсон беспокоилась за нее и, разумеется, использовала всевозможные способы, чтобы наблюдать за падчерицей, но во всех других отношениях она оставалась прежней. Синтия казалась измученной заботами, хотя и не рассказывала о причинах своего беспокойства Молли. И тогда бедная девушка по доброте душевной стала винить себя в изменившемся поведении Синтии. Как сказала себе Молли: «Если мне так тяжело от постоянного беспокойства за Роджера и размышлений, где он, и как он, каково должно быть ей?»

Однажды мистер Гибсон пришел сияющий и стремительный.

- Молли, — спросил он, — где Синтия?

- Пошла выполнить какие-то поручения...

- Что ж, жаль... но ничего страшного. Надень свою шляпку и плащ, как можно скорее. Мне пришлось одолжить тележку старого Симпсона... там было бы достаточно места и для тебя, и для Синтии. Но раз так, ты должна будешь вернуться назад пешком. Я отвезу тебя на Барфорд Роуд, а там тебе придется сойти. Я не могу взять тебя к Бродхерсту, поскольку могу задержаться на несколько часов.

Миссис Гибсон не было в комнате, и, возможно, ее не было в доме, но Молли это не волновало, теперь у нее было позволение и требование отца. Надев свою шляпку и плащ, она уже через две минуты сидела рядом с отцом, заднее сиденье было сложено, и легкая повозка катилась быстро и весело, подпрыгивая на вымощенных камнем дорожках.

- О, это очаровательно! — воскликнула Молли, после того, как ее подбросило на сиденье из-за огромной выбоины.

- Для молодых, но не для ворчливых стариков, — ответил мистер Гибсон. — Мои кости страдают от ревматизма, и я охотнее проехал бы по улицам, мощеным щебнем.

- Это измена по отношению к этому восхитительному пейзажу и этому прекрасному, чистому воздуху, папа. Только я не верю тебе.

- Благодарю. Раз уж ты столь расточительна на комплименты, думаю, я высажу тебя у подножья этого холма. Мы проехали второй мильный камень от Холлингфорда.

- О, разреши мне подняться на вершину! Я знаю, оттуда мы сможем увидеть среди лесов голубую гряду холмов Малверна [1] и Дорример Холл. Лошадь немного отдохнет, и тогда я сойду без лишних слов.

Они доехали до вершины холма, и там посидели несколько минут, наслаждаясь пейзажем, почти не разговаривая. Леса стояли в золоте; старые дома из темно-красного кирпича, с покосившимися трубами, возвышались среди листвы, выходя окнами на зеленые лужайки и на безмятежное озеро. Позади раскинулись холмы Малверна.

- Теперь спрыгивай, дорогая, и постарайся добраться домой еще засветло. Просека через Кростон Хит будет короче, чем дорога, по которой мы приехали.

Чтобы добраться до Кростон Хит, Молли пришлось спуститься по узкой тропинке, затемненной деревьями, то там, то здесь на крутой песчаной насыпи были разбросаны живописные старые коттеджи. Затем нужно было пройти небольшую рощицу, там перейти ручей по дощатому мостику, и на противоположной стороне подняться на луг по вырезанным в дерне ступеням. Поднявшись, она оказалась на Кростон Хит, широко

раскинувшемся выгоне, окруженном жилищами работников, мимо которых проходила ближайшая дорога на Холлингфорд.

Поначалу дорога была малолюдна. Но Молли искала уединения. Она шла под нависшими дугой ветвями вязов, с которых то здесь, то там слетали желтые листья и, проплывая, опускались ей на одежду. Прошла мимо последнего коттеджа, где маленький ребенок скатился по покатоному берегу и огласил округу испуганными криками. Молли наклонилась, чтобы поднять его, и взяла на руки так нежно, что тревога в груди малыша уступила место сильному удивлению, она понесла его наверх, по грубо вырезанным в дерне ступенькам, к коттеджу, который, как она полагала, был его домом. Мать выбежала из сада, располагавшегося позади дома, все еще держа в руках последние ягоды тернослива, которые она собирала в фартук. Но, увидев мать, малыш протянул к ней свои ручки, и она, уронив все сливы, начала успокаивать его, перемежая свои «баю-бай» благодарностями Молли. Она назвала ее по имени, и Молли спросила женщину, откуда она ее знает, та ответила, что перед замужеством была служанкой миссис Гудинаф и потому была «обязана знать дочку доктора Гибсона в лицо». Обменявшись еще парой-тройкой слов с женщиной, Молли бегом спустилась на дорогу и продолжила свой путь, останавливаясь местами, чтобы собрать букетик тех листьев, что поразили ее своей яркой окраской. Она вошла в рощицу. Повернув на пустынную тропинку, она услышала пылкую речь, полную боли, и через мгновение узнала голос Синтии. Молли стояла неподвижно и оглядывалась. Густые кусты падуба сверкали темно-зеленой листвой среди янтаря и пурпура листвы. Если кто-то и был в рощице, то он, должно быть, находился за этим густым кустарником. Поэтому Молли сошла с тропинки и пошла напрямик, погружаясь в коричневые, спутанные заросли папоротника и подлеска, а затем повернула к кустам падуба. Там стояли мистер Престон и Синтия. Он держал ее крепко за руку, оба выглядели так, словно только что замолчали после пылкого разговора, заслышав шорох шагов Молли.

Минуту никто не разговаривал. Затем Синтия сказала:

- О, Молли, Молли, подойди и рассуди нас!

Мистер Престон медленно отпустил руку Синтии с улыбкой, которая была больше похожа на презрительную усмешку. И все же он был сильно взволнован, каким бы ни был предмет спора. Молли вышла вперед и взяла Синтию за руку, сосредоточив взгляд на лице мистера Престона. Было прекрасно видеть неустрашимость ее совершенной невинности. Он не смог выдержать ее взгляда и обратился к Синтии:

- Предмет нашего разговора не вполне позволяет присутствие третьего

лица. Так как мисс Молли, кажется, желает составить вам компанию, я должен просить вас назначить другое время и место, где мы могли бы закончить наш спор.

- Я пойду, если Синтия разрешит мне, — сказала Молли.

- Нет, нет. Останься... я хочу, чтобы ты осталась... я хочу, чтобы ты слышала все... Мне стоило рассказать тебе раньше.

- Вы имеете ввиду, что сожалеете о том, что она не знала о нашей помолвке... что вы давно обещали стать моей женой. Прошу запомнить, что именно вы просили меня соблюдать секретность, а не я вас!

- Я не верю ему, Синтия. Не плачь, не плачь, если можешь. Я не верю ему.

- Синтия, — сказал он, внезапно меняя суровый тон на пылкую нежность, — прошу вас, не продолжайте. Вы не представляете, как это мучает меня! — он шагнул вперед, пытаясь взять ее за руку и успокоить, но она отшатнулась от него и зарыдала еще безудержнее. Синтия чувствовала, что присутствие Молли является для нее настолько сильной защитой, что теперь она осмелилась позволить себе ослабеть, дав волю эмоциям.

- Уходите! — сказала Молли. — Разве вы не видите, что делаете ей еще хуже? — Но он не пошевелился, он смотрел на Синтию так пристально, что, казалось, не слышал слов Молли. — Уходите! — настойчиво повторила Молли, — если вам на самом деле мучительно видеть, как она плачет. Разве вы не видите, что именно вы являетесь этому причиной.

- Я уйду, если Синтия попросит меня, — произнес он, наконец.

- О, Молли, я не знаю, что делать, — сказала Синтия, отнимая руки от заплаканного лица, и, обращаясь к Молли, зарыдала еще сильнее, чем прежде. У нее началась истерика, и хотя она пыталась говорить разборчиво, от нее не слышали ни одного вразумительного слова.

- Бегите в тот коттедж за деревьями и принесите ей воды, — сказала Молли. Он немного замешкался.

- Почему вы не идете? — нетерпеливо спросила Молли.

- Мы не закончили наш разговор. Вы не уйдете до того, как я вернусь?

- Нет. Разве вы не видите, что она не может идти в таком состоянии?

Он ушел быстро, хоть и неохотно.

Синтии понадобилось некоторое время, чтобы унять свои рыдания и заговорить. Наконец, она произнесла:

- Молли, я ненавижу его!

- Но что он имел ввиду, говоря, что вы с ним помолвлены? Не плачь,

дорогая, а Расскажи мне. Если я смогу помочь тебе, я помогу, но я не представляю, что происходит на самом деле.

- Это очень долгая история, чтобы рассказывать ее сейчас, у меня недостаточно сил. Посмотри! Он возвращается. Как только я смогу идти, давай вернемся домой.

- Со всей душой! — ответила Молли.

Он принес воды, и после того, как Синтия выпила, к ней вернулось спокойствие.

- Теперь, — сказала Молли, — нам лучше вернуться домой как можно быстрее. Уже быстро темнеет.

Если она надеялась увести Синтию прочь так быстро, она ошибалась. Мистер Престон был решительно настроен. Он сказал:

- Я думаю, с тех пор, как мисс Гибсон ознакомилась с этим, нам лучше позволить ей узнать всю правду — что вы помолвлены и выйдете за меня замуж, как только вам исполнится двадцать. Иначе ваша встреча со мной, и к тому же свидание, может показаться странной... даже подозрительной.

- Насколько я знаю, Синтия помолвлена... с другим человеком, вы едва ли заставите меня поверить в то, что говорите, мистер Престон.

- О, Молли, — пробормотала Синтия, вся дрожа, но стараясь быть спокойной. — Я не помолвлена... ни с тем человеком, которого ты имеешь в виду, ни с мистером Престоном.

Мистер Престон выдавил улыбку: — Думаю, у меня есть письма, которые убедят мисс Гибсон в правоте моих слов, и которые убедят мистера Осборна Хэмли, если нужно... я полагаю, именно на него она намекала.

- Вы оба совершенно меня озадачили, — ответила Молли. — Единственное, что я знаю, что нам не следует находиться здесь так поздно, и что мы с Синтией немедленно пойдем домой. Если вы хотите поговорить с мисс Киркпатрик, мистер Престон, почему бы вам не прийти в дом моего отца и не повидаться с ней открыто, как подобает джентльмену?

- Я не возражаю, — ответил он. — Я только буду рад объяснить мистеру Гибсону, в каких отношениях я нахожусь с ней. Если я не покончил с этим прежде, то только потому, что уступил ее желаниям.

- Пожалуйста, не надо, не надо. Молли... ты не знаешь всего... тебе не все известно об этом. Ты думаешь о хорошем и добром, я знаю, но ты только причиняешь вред. Я вполне могу идти пешком, давай пойдем. Я все тебе расскажу, когда мы будем дома, — она взяла Молли за руку и попыталась побыстрее увести ее? но мистер Престон последовал за ними и говорил, пока шел рядом.

- Я не знаю, что вы скажете дома, но разве вы можете отрицать, что обещали стать моей женой? Разве вы можете отрицать, что единственно вашей настойчивой просьбой было сохранить помолвку в тайне?

Он поступил неразумно — Синтия остановилась и приготовилась защищаться.

- Раз уж вы обнародовали это... раз уж я должна говорить здесь, я признаю, что ваши слова абсолютная правда, что когда мною пренебрегали в шестнадцать лет, вы... которого я считала другом, одолжили мне денег на мои нужды и заставили меня дать вам обещание выйти за вас.

- Заставил вас?! — воскликнул он, делая ударение на первом слове.

Синтия покраснела:

- Заставил, не совсем правильное слово, признаю. Тогда вы мне нравились... вы были почти единственным моим другом... и если бы стоял вопрос о немедленном замужестве, я бы не возражала. Но теперь я лучше вас узнала, и вы столько преследовали меня в последнее время, что я вам скажу раз и навсегда (как я сказала вам прежде, пока не устала от самих слов), ни за что на свете я не выйду за вас. Ни за что! Я понимаю, что нет возможности избежать разоблачения, и я, полагаю, потеряю свою репутацию и всех своих друзей.

- Только не меня, — ответила Молли, тронутая стоном отчаяния в голосе Синтии.

- Это тяжело, — сказал мистер Престон. — Вы можете верить во все плохое, что говорят обо мне, если хотите, Синтия, но не думаю, что вы можете сомневаться в моей настоящей, пылкой, бескорыстной любви к вам.

- Я сомневаюсь в этом, — ответила Синтия, вспыхивая с новой силой. — Ах! Когда я думаю о любви, приносящей себя в жертву, которую я видела... которую узнала... о любви, когда думают о других прежде себя...

Мистер Престон прервал паузу, которую допустила Синтия. Она испугалась, что слишком обличила его.

- Вы не называете любовью добровольное ожидание в течение многих лет... молчание, которого требуют от вас... страдания от ревности и пренебрежения, и все это лишь полагаясь на клятву шестнадцатилетней девушки... клятва оказалась непрочной, когда эта девушка стала старше. Синтия, я любил и люблю вас, и я не оставлю вас. Если вы останетесь верны своему слову и выйдете за меня, я клянусь, заставлю вас полюбить меня в ответ.

- О, мне бы хотелось... хотелось никогда не брать этих несчастных

денег, они были началом всему. О, Молли, я откладывала и экономила, чтобы вернуть их, а теперь он их не берет. Я думала, если смогу расплатиться с ним, это освободит меня.

- Кажется, вы полагаете, что продались за двадцать фунтов, — сказал он. Они были уже почти у выгона, рядом с ограждением коттеджей, в пределах слышимости их обитателей. Если никто из них двоих не подумал об этом, то это сделала Молли, и решила зайти к одному из рабочих, чтобы попросить защиты. Во всяком случае, его присутствие должно положить конец этой несчастной ссоре.

- Я не продала себя, тогда вы мне нравились. Но как же я ненавижу вас сейчас! — вскричала Синтия, не в состоянии сдержаться.

Он поклонился и повернул назад, быстро спустившись по лестнице. Во всяком случае, его уход стал облегчением. И, тем не менее, обе девушки торопились вернуться, словно он все еще преследовал их. Один раз, когда Молли что-то сказала Синтии, последняя ответила:

- Молли, если тебе жалко меня... если ты любишь меня... больше ничего не говори сейчас. Когда мы окажемся дома, нам придется сделать вид, что ничего не случилось. Приходи ко мне в комнату, когда мы поднимемся наверх, чтобы ложиться спать, и я расскажу тебе все. Я знаю, ты будешь очень осуждать меня, но я расскажу тебе все.

Поэтому Молли не произнесла ни слова, пока они не добрались до дома. Затем каждая из девушек поднялась в свою комнату, чтобы отдохнуть и успокоиться перед переодеванием к неизбежному семейному обеду. Молли чувствовала себя так, будто ее сильно встряхнули, она совсем не спускалась бы вниз, если бы ее собственные интересы не были поставлены на карту. Она сидела за туалетным столиком, обхватив голову руками, не зажигая свечей, в затемненной комнате, пытаясь унять свое бьющееся сердце и вспомнить все, что она услышала, и понять, как все это скажется на жизнях тех, кого она любила. Роджер, о, Роджер! — на краю света в таинственном мраке расстояния — любящий (ах, что это была за любовь! Это была любовь, о которой Синтия упомянула как о достойной!), а на предмет его любви предъявлял требования другой — с которым она должна притворяться! Как это могло произойти? Что он подумает и почувствует, если ему доведется узнать? Бесполезно было пытаться представить его боль — это не принесло бы пользы. Молли оставалось только попытаться разгадать Синтию, если она могла помочь ей мыслью, или советом, или действием, а не слабеть, позволяя фантазии рисовать картины возможных страданий.

Когда она вошла в гостиную перед обедом, то застала там Синтию и ее мать. В комнате стояли свечи, но они были не зажжены, поскольку огонь камина горел весело и порывисто, и возвращения мистера Гибсона ожидали с минуты на минуту. Синтия сидела в тени, поэтому только благодаря своему тонкому слуху Молли могла судить о ее состоянии. Миссис Гибсон рассказывала о своих дневных приключениях: кого она застала дома, совершая визиты; кого не было дома; и те небольшие обрывки новостей, которые она слышала. Голос Синтии казался Молли вялым и уставшим, но она отвечала надлежащим образом и выражала должный интерес в нужных местах, правда, Молли приходила ей на помощь и с усилием вступала в разговор. Но миссис Гибсон была не из тех, кто замечает мельчайшие отличия или изменения в поведении. Когда вернулся мистер Гибсон, стороны поменялись местами. Теперь на Синтию напало оживление, отчасти для того, чтобы он не заметил уныния, и отчасти потому, что Синтия была одной из тех прирожденных кокеток, которые от колыбели до могилы инстинктивно выставляют все свои приятнейшие манеры для того, чтобы поладить с любым мужчиной, молодым или старым, который может оказаться рядом. Она выслушала его замечания и рассказы с приторным вниманием, и Молли, молчаливая и удивленная, едва могла поверить, что Синтия, сидящая перед ней, та самая девушка, которая рыдала и кричала, словно ее сердце разрывалось, не более двух часов назад. Правда, она выглядела бледной, и глаза у нее были уставшие, но это был единственный признак ее прошлых тревог. После обеда мистер Гибсон отправился к своим городским пациентам. Миссис Гибсон затихла в своем кресле, держа перед собой газету «Таймс», за которой она по-женски вздремнула. Синтия держала книгу в одной руке, а другой прикрыла глаза от света. Одна Молли не могла ни читать, ни спать, ни работать. Она сидела у полукруглого окна, жалюзи еще не были опущены, поскольку не было опасности, что за ними подглядывают. Она всматривалась в мягкую темноту за окном и поймала себя на том, что пытается разглядеть очертания предметов — коттедж в конце сада, огромную скамью вокруг дерева, проволочную арку, по которой вились вверх летние розы — все казалось едва видимым и тусклым в темном бархате воздуха. Некоторое время спустя принесли чай, и началась обычная вечерняя суматоха. Со стола убрали, миссис Гибсон поднялась и сделала несколько замечаний о дорогом отце, которые она делала в тот же самый час несколько недель назад. Синтия тоже не выглядела иначе, чем обычно. «И все же что за тайна скрывалась за ее спокойствием!» — думала Молли. Наконец пришло время ложиться спать и время привычных бесед

перед сном. И Молли, и Синтия поднялись в свои комнаты, не обменявшись ни словом. Оказавшись в своей комнате, Молли не могла вспомнить, она ли должна идти к Синтии, или это Синтия должна идти к ней. Она сняла платье и, надев пеньюар, стояла и ждала, и даже присела на пару минут; но Синтия не приходила, поэтому Молли пошла и постучала в дверь напротив, которая, к ее удивлению, оказалась запертой. Когда она вошла в комнату, Синтия сидела за туалетным столиком, словно только что поднялась из гостиной. Она склонила голову на руки и, казалось, почти забыла, что назначила Молли встречу, поскольку выглядела испуганной, на ее лице отпечатались беспокойство и душевные страдания; оставшись наедине, она больше не делала усилий над собой, уступив тревожным мыслям.

[1] Холмы Малверна располагаются в графстве Вустершир, считаются территорией выдающейся природной красоты.

Глава XLIII

Признание Синтии

- Ты сказала, я могу прийти, — произнесла Молли, — и что ты все мне расскажешь.

- Думаю, ты и так все знаешь, — уныло ответила Синтия. — Возможно, тебе неизвестны мои причины, но, во всяком случае, ты знаешь, в каком я затруднении.

- Я много думала, — сказала Молли робко и нерешительно. — И полагаю, если бы ты рассказала папе...

Прежде, чем она продолжила, Синтия вскочила со стула.

- Нет! — воскликнула она. — Не буду. Разве только мне придется немедленно уехать отсюда. И ты знаешь, что мне некуда ехать... без предупреждения, я имею ввиду. Полагаю, мой дядя примет меня, он мой родственник, и будет обязан поддерживать меня, как бы я себя не скомпрометировала. Или возможно, я могла бы получить место гувернантки... какой прелестной гувернанткой я бы стала!

- Прошу, пожалуйста, Синтия, не произноси такие безумные речи. Я не верю, что ты поступила так плохо. Ты говоришь, что не поступала, и я верю тебе. Этому ужасному человеку удалось запутать тебя каким-то образом. Но я уверена, папа мог бы все расставить на свои места, если бы ты только подружилась с ним и все ему рассказала...

- Нет, Молли, — сказала Синтия. — Я не могу, и покончим с этим. Ты

можешь рассказать, если хочешь, только позволь мне сначала покинуть дом, дай мне немного времени.

- Ты знаешь, я никогда не расскажу того, что тебе не хотелось бы рассказывать, Синтия, — ответила Молли, глубоко задетая словами сестры.

- Ты не расскажешь, дорогая? — спросила Синтия, беря ее за руку. — Ты мне обещаешь? Клянешься?... Для меня будет таким облегчением рассказать тебе все, теперь ты знаешь так много.

- Да! Я пообещаю не рассказывать. Тебе не стоит сомневаться во мне, — ответила Молли печально.

- Очень хорошо. Я доверяю тебе. Я знаю, что могу доверять.

- Но подумай о том, чтобы рассказать папе и позволить ему помочь тебе, — настаивала Молли.

- Никогда, — ответила Синтия решительно, но тише, чем прежде. — Ты думаешь, я забыла, что он сказал в тот раз по поводу несчастного мистера Кокса? Каким суровым он был, и как долго я была в немилости, если сейчас я не в том же положении? Я из тех людей, как иногда говорит мама... Я не могу жить с людьми, которые плохо думают обо мне. Может быть это слабость, может быть грех... я не знаю, и мне все равно. Но я в самом деле не могу быть счастлива, живя в одном доме с теми, кто знает о моих ошибках, и думает, что они лучше меня. Теперь ты знаешь, что твой отец так бы и сделал, я часто тебе говорила, что у него, и у тебя тоже, Молли, нормы морали выше, чем те, что я раньше встречала. Я бы не вынесла, если бы он узнал, он бы так рассердился на меня... он никогда бы не смирился, а он мне так нравился! Он так мне нравится!

- Тогда не беспокойся, дорогая, он не узнает, — заверила Молли, поскольку Синтия снова начала впадать в истерику... — по крайней мере, мы больше не будем об этом говорить.

- И ты больше никогда не скажешь... никогда... обещай мне, — взмолилась Синтия, с горячностью беря ее за руку.

- Никогда, пока ты мне не позволишь. Теперь давай посмотрим, могу ли я помочь тебе. Приляг на кровать, я сяду рядом с тобой, и поговорим об этом.

Но Синтия снова села на стул рядом с туалетным столиком.

- Когда это все началось? — спросила Молли после долгого молчания.

- Давно... четыре или пять лет назад. Я была ребенком, предоставлена самой себе. Были каникулы, и мама уехала в гости, а Дональдсоны пригласили меня с ними на праздник в Вустер. Ты не представляешь, как приятно все это звучало, особенно для меня. Меня заперли в том огромном ужасном доме в Эшкоте, где у мамы была школа. Она принадлежала лорду

Камнору, и мистеру Престону, как его управляющему, приходилось следить, чтобы ее красили и оклеивали. Но кроме того, мы были очень хорошо знакомы с ним. Я полагаю, мама считала... нет, я не уверена в этом, я достаточно обвиняю ее, чтобы рассказывать тебе то, что может оказаться всего лишь фантазией...

Потом она замолчала и сидела неподвижно пару минут, вспоминая прошлое. Молли была поражена тем, что на сияющем и прекрасном лице сестры временами появляются черты пожилого и измученного заботами человека. Она поняла, сколько Синтия, должно быть, страдала от этой скрываемой тревоги.

- Что ж! Во всяком случае, мы сблизились с ним, и он часто приходил в наш дом и знал, как никто другой, о делах мамы и все подробности ее жизни. Я рассказываю тебе это, чтобы ты могла понять, как естественно для меня было ответить на его вопрос, когда однажды он пришел и нашел меня, не плачущей, нет, ты же знаешь, я не опускаюсь до этого, за исключением сегодняшнего случая, когда я вышла из себя, а раздраженной и рассерженной, потому что хотя мама и написала, что я могу поехать с Дональдсонами, она так и не сказала, где мне достать денег для путешествия, а также на платье, я уже выросла из всех своих прошлогодних платьев, да на перчатки и ботинки... короче говоря, у меня едва ли была приличная одежда, чтобы пойти в церковь...

- Почему ты не написала ей и не рассказала об этом? — спросила Молли, отчасти боясь, что ее вполне естественный вопрос покажется обвинением.

- Хотелось бы мне показать тебе ее письмо. Ты, должно быть, видела некоторые мамины письма, разве ты не знаешь, что она всегда опускает самые важные моменты? В этом случае она раскритиковала свои развлечения, пожелала, чтобы я могла оказаться с ней, и обрадовалась тому, что я тоже собираюсь получить некоторое удовольствие. Но единственное, что в действительности могло бы мне помочь, она опустила, не написав, куда собирается поехать. Она упомянула, что покидает дом, в котором остановилась, на следующий день после написания письма, и что прибудет домой к определенной дате. Но я получила ее письмо в субботу, а праздник начинался в следующий вторник...

- Бедная Синтия! — посочувствовала Молли. — Все же, если бы ты написала, твое письмо могли бы переслать ей. Мне не хочется быть жестокой, только мне очень не нравится, что ты сделала друга из этого человека.

- Ах! — вздохнула Синтия. — как легко судить правильно, когда

видишь, какое зло приходит от неправильного суждения! Я была всего лишь юной девушкой, чуть старше ребенка, а он был нашим другом... единственным другом, кроме мамы, которого я знала. Дональдсоны были всего лишь хорошими и добрыми знакомыми.

- Мне жаль, — ответила Молли. — Я была так счастлива с папой. Мне трудно понять, что с тобой было все иначе.

- Иначе! Надо полагать. Беспокойство из-за денег доставляло мне неприятности всю мою жизнь. Нам нельзя было говорить, что мы бедные, это могло навредить школе. Но я бы ограничивала себя и голодала, если бы мы с мамой ладили так же счастливо... как ты и мистер Гибсон. Это не из-за бедности. А из-за того, что она, казалось, никогда не желала, чтобы я была рядом с ней. Как только наступали каникулы, она отправлялась то в один особняк, то в другой. А я была в том самом переходном возрасте и могла присутствовать в гостиной, когда приходили гости. Девочки в этом возрасте ужасно любопытны и не стесняются задавать неприятные вопросы. У них нет определенного представления о том, что есть правда и ложь в культурном обществе. Во всяком случае, я оказалась у матери на пути и поняла это. Мистер Престон, казалось, тоже что-то почувствовал, и я была очень признательна ему за добрые слова и сочувствующие взгляды — крохи доброты, которые упали бы под твой стол незамеченными. Поэтому в тот день, когда он пришел посмотреть, как справляются рабочие, он нашел меня в опустевшей классной комнате, я смотрела на свою выцветшую летнюю шляпку и какие-то старые ленты, протирая их губкой, и почти изношенные перчатки — тряпье, разложенное на сосновом столе. Он сказал, что был рад услышать, что я собираюсь на праздник с Дональдсонами; полагаю, старая Бетти, наша служанка, рассказала ему новости. Но я была так озадачена отсутствием денег, а мое тщеславие расстроено поношенным платьем, что я была в дурном настроении и сказала, что не пойду. Он сел за стол и постепенно заставил меня рассказать ему обо всех моих тревогах. Порой я думаю, что в те дни он был очень приятным. Так или иначе, в тот раз я не почувствовала, было ли неправильным или глупым принимать от него деньги. У него в кармане было 20 фунтов, он сказал, что не знает, что делать с ними... они не понадобятся ему несколько месяцев. Я смогу вернуть их, или мама сможет, когда ей будет удобно. Она должна была знать, что мне нужны деньги, и я подумала, что мне следует принять их. 20 фунтов не так уж много, я должна взять их, и т. д. Я знала... по крайней мере, я думала, что знала... что мне не следует тратить двадцать фунтов, но я думала, что смогу вернуть их ему, чего мне не хотелось, и поэтому... с этого все началось!

Это не кажется уж очень неправильным, правда, Молли?

- Нет! — ответила Молли нерешительно. Ей не хотелось заставлять себя судить строго, и все же ей так не нравился мистер Престон. Синтия продолжила...

- А тут еще ботинки и перчатки, шляпка и плащ, белое муслиновое платье, которое сшили для меня до того, как я уехала во вторник, и шелковое платье, которое последовало за мной к Дональдсонам, и мои расходы на путешествие, и вот от двадцать фунтов почти ничего не осталось, особенно, когда я обнаружила, что должна купить бальное платье в Вустере, поскольку мы все отправлялись на бал. Миссис Дональдсон дала мне мой билет, но ей явно не понравилась моя идея пойти на бал в белом муслиновом платье, которое я уже надевала два вечера в их доме. О, боже! Как приятно быть богатой! Ты знаешь, — продолжила Синтия, чуть улыбаясь, — я не могла не знать, что я хорошенькая, и что люди мною восхищаются. Впервые я обнаружила это у Дональдсонов. Я начала думать, что выгляжу прелестно в своей новой одежде, и поняла, что другие думают так же. Я определенно была царицей дома, и мне было приятно чувствовать свою власть. В последние дни на той веселой неделе мистер Престон присоединился к нам. Последний раз, когда он видел меня, я была в поношенной одежде, слишком маленькой для меня, плачущая в своем одиночестве, покинутая и без гроша в кармане. У Дональдсонов я была маленькой королевой, и, как я сказала, одежда красит человека, и все люди "носили меня на руках". На балу, который состоялся в первый вечер его приезда, у меня было столько партнеров для танцев, что я не знала, что с ними делать. Полагаю, именно тогда он влюбился в меня. Не думаю, что это произошло раньше. И тогда я начала понимать, как ужасно быть у него в долгу. Я не могла важничать с ним, как я это делала с остальными. О! Это было так ужасно и неудобно! Но он нравился мне, и я все время чувствовала, что он мне друг. В последний день я гуляла в саду вместе с остальными и думала, что расскажу ему, насколько я нравлюсь себе, как я счастлива, и все благодаря его двадцати фунтам (я начала чувствовать себя Золушкой, когда часы пробили двенадцать), что расплачусь с ним, как можно скорее, хотя мне становилось не по себе при мысли, что нужно рассказать маме, я достаточно хорошо знала о состоянии наших дел, чтобы понимать, как будет трудно собрать эти деньги. Наш разговор подошел к концу очень быстро, поскольку, к моему ужасу, он начал страстно признаваться мне в любви и просить меня пообещать выйти за него. Я была так напугана, что убежала к остальным. Но в тот вечер я получила от него письмо с извинениями за то, что он напугал меня, он снова повторил

свое предложение, просьбу выйти за него, назначить любой день, который мне захочется — а по сути самое страстное любовное письмо, а в нем упоминание о моем несчастном долге, который перестанет быть долгом, а останется всего лишь ссудой денег, которые впоследствии станут моими, если только... Ты можешь все представить, Молли, лучше, чем я могу вспомнить и рассказать тебе.

- И что ты ответила? — не дыша, спросила Молли.

- Я не отвечала, пока не пришло другое письмо, он умолял об ответе. К тому времени мама вернулась домой, а с ней прежнее ежедневное бремя нищеты. Мэри Дональдсон часто писала мне, расточая похвалы мистеру Престону так восторженно, словно он ее подкупил. Я поняла, что он очень популярен в их кругу, и он мне очень нравился, я испытывала к нему благодарность. Поэтому я написала и пообещала ему выйти за него, когда мне исполнится двадцать, но до тех пор это останется тайной. Я старалась забыть, что когда-то одолжила у него денег, но так или иначе, как только я оказалась связанной с ним обещанием, я начала ненавидеть его. Я не могла выносить его пылкие приветствия, когда он заставлял меня одну, и, думаю, мама начала подозревать. Я не могу рассказать тебе все подробности. На самом деле в то время я не понимала их и теперь не помню отчетливо, как это все случилось. Но я знаю, что леди Куксхавен отослала маме немного денег, чтобы вложить их в мое образование, как она выразилась. И мама казалась очень расстроенной и не в духе, мы с ней совсем не ладили. Поэтому, конечно, я так и не осмелилась упомянуть о тех ненавистных двадцати фунтах, но продолжила пытаться думать, что если я выйду за мистера Престона, их не нужно будет возвращать — очень низко и зло, я бы сказала. Но, Молли, меня наказали за это, как же я презираю этого человека.

- Но почему? Когда ты невзлюбила его? Кажется, все это время ты относилась к этому с безразличием.

- Я не знаю. Это росло во мне до того, как я пошла в ту школу в Булони. Он заставил меня чувствовать себя так, словно я нахожусь в его власти. И слишком часто напоминая мне о моей помолвке с ним, он заставил меня критично относиться к его словам и поступкам. В его обращении с мамой было столько презрения. Ах! Ты думаешь, что я не слишком уважительная дочь... возможно, нет. Но я не могла выносить скрытые усмешки, и я ненавидела его манеру показывать то, что он называл "любовью" ко мне. После того, как я провела семестр у мадам Лефевр, приехала новая девочка из Англии — его кузина, которая немного знала меня. Теперь, Молли, ты должна забыть, как можно скорее, то, что я

собираюсь рассказать. Она постоянно и много говорила о своем кузене Роберте... он был замечательным семьянином, и каким он был красивым, и что каждая леди в округе влюблена в него... да к тому же знатная дама.

- Леди Харриет, полагаю, — с негодованием заметила Молли.

- Я не знаю, — устало сказала Синтия. — В то время меня это не интересовало и не интересует сейчас. Она продолжила говорить, что есть очень милая вдовушка, которая отчаянно влюблена в него. Он часто смеялся с ними над всеми ее заигрываниями, которые, как она считала, он не замечал. И это был человек, за которого я пообещала выйти замуж, у которого оказалась в долгу, и которому писала любовные письма! Поэтому, Молли, теперь ты все понимаешь.

- Не совсем. Что ты сделала, услышав, как он отзывался о твоей матери?

- Мне оставалось только одно. Я написала и рассказала ему, как я ненавижу его, и никогда, никогда не выйду за него, и выплачу ему деньги с процентами, как только смогу.

- И?

- И мадам Лефевр вернула мне мое письмо... неоткрытым. И сказала мне, что она не позволит, чтобы ученицы ее заведения отправляли письма джентльменам, пока она заранее не увидит их содержания. Я сказала, что он друг семьи, управляющий мамиными делами... Я не могла придерживаться правды. Но мадам не позволила отправить письмо, поэтому мне пришлось его сжечь, и дать обещание, что я не стану больше писать, а она согласится не рассказывать маме. Поэтому мне пришлось успокоиться и ждать возвращения домой.

- Но ты не видела его, по крайней мере, некоторое время?

- Нет, но я могла написать. Я начала стараться экономить свои деньги, чтобы расплатиться с ним.

- И что он ответил на твое письмо?

- О, поначалу он притворился, что не верит в то, что я говорю серьезно. Он считал, что это всего лишь негодование или временная обида, которую он сумеет укротить своими страстными клятвами.

- А потом?

- Он снизошел до угроз, и что хуже всего, тогда я струсил. Я бы не вынесла, если бы об этом все узнали и говорили, и показывали мои глупые письма... о, такие письма! Мне невыносимо было думать о них, начинающихся со слов "Мой дорогой Роберт!" к этому человеку...

- Но, Синтия, как ты могла обручиться с Роджером? — спросила Молли.

- А почему нет? — ответила Синтия, резко оборачиваясь. — Я была свободна... я свободна. Казалось, это был способ заверить себя, что я совершенно свободна; и мне так нравился Роджер... было таким утешением общаться с людьми, на которых можно положиться. А я не камень, чтобы меня не тронула его нежность, бескорыстная любовь, так отличающаяся от любви мистера Престона. Я знаю, ты думаешь, что я не достаточно хороша для него, и, конечно, если все это обнаружится, он тоже не станет считать меня хорошей (переходя на горестный тон, который звучал так трогательно); и иногда я думаю, что брошу его и уеду к новой жизни среди незнакомых людей. И пару раз я подумала, что выйду за мистера Престона из мести, чтобы подчинить его своей власти... только я думаю, что я заполучила бы самое плохое, он жесток до глубины души... тигр в прекрасной полосатой шкуре и с безжалостным сердцем. Я умоляла и умоляла его позволить мне уйти без огласки.

- Не думай об огласке, — сказала Молли. — Скорее она обернется против него, чем навредит тебе.

Синтия немного побледнела:

- Но я в этих письмах говорила о маме. Я достаточно быстро замечала все ее ошибки и едва ли понимала силу ее искушения. А он говорит, что покажет эти письма твоему отцу, если я не соглашусь признать нашу помолвку.

- Он не посмеет! — сказала Молли, приподнимаясь в своем негодовании и становясь перед Синтией почти так же решительно и пылко, словно перед ней стоял сам мистер Престон. — Я не боюсь его. Он не посмеет оскорбить меня, а если и посмеет, мне все равно. Я попрошу у него эти письма, посмотрим, осмелится ли он отказать мне.

- Ты не знаешь его, — ответила Синтия, покачав головой. — Он назначал мне много встреч, словно собирался взять свои деньги... которые я готовила для него эти четыре месяца, или словно собирается вернуть мне мои письма. Бедный, бедный Роджер! Как мало он думает об этом! Когда мне хочется написать ему слова любви, я останавливаю себя, потому что написала эти слова как признание другому мужчине. И если мистер Престон когда-нибудь догадается, что мы с Роджером помолвлены, он умудрится отомстить нам обоим, причинив нам столько боли, сколько будет возможно этими несчастными письмами... написанными, когда мне было шестнадцать, Молли... только семь из них! Они словно мина под моей ногой, которая может разорваться в любой день и накрыть отца, маму и всех, — закончила она с горечью, хотя слова ее были такими легкими.

- Как мне их получить? — спросила, раздумывая, Молли. — Я получу

их. С папой за моей спиной он не посмеет отказать.

- Но есть одно "но". Он знает, я боюсь, что обо всем узнает твой отец, больше чем кто-либо еще.

- И все же он думает, что любит тебя!

- Это его манера любить. Он довольно часто говорит, ему все равно, что он сделает, чтобы заполучить меня себе в жены, и он уверен, что после этого сможет заставить меня полюбить его, — Синтия начала плакать из-за физической усталости и отчаяния духа. Через мгновение Молли обхватила ее руками, и та склонила свою прекрасную голову ей на грудь, Молли коснулась щекой ее головы и успокаивала ее, убаюкивая, словно Синтия была маленьким ребенком.

- О, какое облегчение рассказать тебе все! — пробормотала Синтия. А Молли ответила: — Я уверена, правда на нашей стороне, и это уверяет меня в том, что он должен и отдаст эти письма.

- И возьмет деньги? — добавила Синтия, поднимая голову и пристально вглядываясь в лицо Молли. — Он должен взять деньги. О, Молли, ты не сможешь справиться с этим, чтобы не узнал твой отец! А я бы скорее поехала в Россию гувернанткой. Я почти думаю, что скорее бы... нет, не так, — произнесла она, содрогаясь от того, что собиралась сказать. — Но он не должен знать, прошу Молли, он не должен знать. Я не могу этого вынести. Я не знаю, что мне делать. Ты обещала, что никогда не расскажешь ему... и маме?

- Я не расскажу. Ты же не думаешь, что мне не достанет духу спасти... — она собиралась сказать "спасти тебя и Роджера от боли", но Синтия прервала ее:

- Ни за что. Какой бы ни была причина, ты не должна рассказывать своему отцу. Если у тебя не получится, ты потерпишь неудачу, я буду любить тебя за то, что ты пыталась; но мне не станет хуже, чем прежде. Даже лучше. Поскольку мне станет утешением твое сочувствие. Но обещай мне не рассказывать мистеру Гибсону.

- Однажды я уже пообещала, — ответила Молли, — но я пообещаю снова, поэтому давай сейчас ляжем спать и постараемся отдохнуть. Ты бледна, как полотно. Ты заболеешь, если немного не отдохнешь. Уже больше двух часов, ты дрожишь от холода.

Они пожелали друг другу спокойной ночи. Но когда Молли вошла в свою комнату, сила духа покинула ее; она бросилась на кровать, не раздеваясь, у нее не осталось сил. Она понимала, что если Роджер узнает об этом случайно, это расстроит его любовь к Синтии. Но правильно ли скрывать это от него? Она должна постараться убедить Синтию рассказать

ему все честно, как только он вернется в Англию. Полное признание с ее стороны значительно смягчит боль, которую он испытал бы, впервые услышав об этом. Она забылась в мыслях о Роджере... что бы он почувствовал, что бы он сказал, как пройдет та встреча, где бы он был в это самое время, и т. д., пока внезапно не дернулась и не вспомнила, что она сама предложила и пообещала сделать. Теперь, когда первый порыв прошел, она ясно увидела все трудности, и прежде всего она не знала, как ей суметь назначить встречу мистеру Престону. А как справлялась Синтия? И как они обменивались письмами? Неохотно Молли была вынуждена признать, что, должно быть, немало тайных дел скрывалось за беззаботным поведением Синтии, и еще более неохотно она начала опасаться, что у нее самой это может войти в привычку. Но она постарается ходить по прямой дорожке, и если ей придется сбиться с нее, это будет только для того, чтобы избавить от боли тех, кого она любит.

Глава XLIV

Молли Гибсон приходит на помощь

Как ни странно, но после ночной грозы, за завтраком царили спокойствие и невозмутимость. Синтия была бледна, но она, как обычно, разговаривала о малозначительных вещах, в то время как Молли сидела молча, наблюдая и размышляя, и начиная убеждаться, что у Синтии, должно быть, был довольно длительный опыт сокрытия истинных мыслей и тайных забот. Среди писем, пришедших с утренней почтой, было одно от лондонских Киркпатриков, но не от Хелен, личного корреспондента Синтии. Писала ее сестра: у Хелен был грипп.

- Пусть она приедет сюда, сменить климат, — посоветовал мистер Гибсон. — В деревне в это время года лучше, чем в Лондоне, особенно, если местность окружена деревьями. Сейчас наш дом хорошо дренирован, высоко расположен, земля посыпана гравием, а я бесплатно возьмусь вылечить ее.

- Это было бы очаровательно, — произнесла миссис Гибсон, быстро обдумывая, какие изменения необходимо предпринять в домашней экономии, прежде чем принять у себя молодую девушку, привыкшую к роскоши в доме мистера Киркпатрика; подсчитывая последующие неудобства и сравнивая их с возможными преимуществами даже во время разговора. — Разве тебе это не понравится, Синтия? Да и Молли тоже? Вы,

дорогие мои, познакомьтесь с одной из девушек, и у меня нет сомнения, вас снова пригласят к ним, что было бы замечательно!

- А я не позволил бы ей поехать, — заметил мистер Гибсон, который получил неприятную возможность прочесть мысли своей супруги.

- Дорогая Хелен! — продолжила миссис Гибсон, — Мне бы так хотелось поухаживать за ней! Мы бы превратили ваш кабинет в ее личную гостиную, мой дорогой. (Едва ли нужно говорить, что весы склонились в сторону неудобств). — Поскольку больной так требуется спокойствие. В гостиной, например, ее бы постоянно донимали посетители, а в столовой так... как бы мне это назвать? так обеденно — запах еды, кажется, никогда из нее не выветривается. Все было бы иначе, если бы ваш дорогой отец позволил мне пристроить то окно...

- Почему бы не сделать для нее спальню из гардеробной, а комнату отдыха — из маленькой комнаты, примыкающей к нашей гостиной? — спросил мистер Гибсон.

- Библиотеки, — этим словом миссис Гибсон предпочла обозначить то, что прежде именовалось встроенным книжным шкафом, — туда едва ли вместится софа помимо книг и письменного стола; там везде сквозняки. Нет, мой дорогой, нам лучше вовсе ее не приглашать, во всяком случае, ее собственный дом удобнее.

- Что ж, ладно, — сдался мистер Гибсон, видя, что над ним одержали верх, и не имея желания продолжать спор. — Возможно, вы правы. Выбор между роскошью и свежим воздухом сложен. Некоторые страдают больше от недостатка одного, чем от недостатка другого. Вы знаете, я буду рад видеть ее, если ей захочется приехать и принять нас такими, какие мы есть, но я не могу предоставить ей кабинет. Это необходимость, наш ежедневный хлеб!

- Я напишу и расскажу им, как добр мистер Гибсон, — произнесла его супруга с чувством высшего удовлетворения, как только ее муж вышел из комнаты. — Они будут столь же много обязаны ему, как будто она приехала!

Либо из-за болезни Хелен, либо по какой-то другой причине после завтрака Синтия стала очень вялой и рассеянной, и это продолжалось весь день. Молли понимала, почему ее настроение так менялось в последние несколько месяцев, и была нежной и терпеливой с ней. Ближе к вечеру, когда две девушки остались наедине, Синтия подошла и встала рядом с Молли так, что ее лица нельзя было видеть.

- Молли, — сказала она, — ты это сделаешь? Ты сделаешь то, что сказала прошлой ночью? Я думала об этом весь день, и порой мне кажется,

что он отдаст тебе письма, если ты попросишь его. Он мог вообразить... во всяком случае стоит попытаться, если тебе это не слишком неприятно.

С каждой минутой Молли все больше и больше не нравилась сама идея предполагаемой встречи с мистером Престоном. Но это было ее собственное предложение, и она не смогла бы отказаться от него. Поэтому она дала согласие и постаралась скрыть беспокойство, которое росло все больше и больше по мере того, как Синтия обсуждала детали.

- Ты встретишься с ним на дороге, ведущей от парковой сторожки к Тауэрсу. Он может прийти одной дорогой из Тауэрса, где у него часто бывают дела... у него отовсюду есть ключи... ты можешь войти, как мы часто делали, у сторожки... тебе не нужно идти далеко.

Молли поразило, что у Синтии, должно быть, имеется некоторый опыт в таких приготовлениях. И она осмелилась спросить, как ему сообщить об их планах. Синтия только покраснела и ответила: "О, не беспокойся! Он будет только рад прийти. Ты слышала, как он говорил, что хочет еще раз обсудить дело. Впервые я назначу встречу. Если бы я только могла быть свободной... о, Молли, я буду любить тебя, и буду признательна тебе всю свою жизнь!"

Молли думала о Роджере, и эта мысль подтолкнула ее к следующим словам:

- Это должно быть, ужасно... я думала, я очень смелая... но я не могла бы... не могла бы принять предложение Роджера, будучи наполовину помолвленной, — она покраснела от своих слов.

- Ты забываешь, как я не терплю мистера Престона! — заметила Синтия. — Нечто большее, чем избыток любви к Роджеру, заставило меня быть благодарной, по крайней мере, связать себя крепким обещанием с кем-то еще. Он не хотел называть это помолвкой, но я хотела, потому что это давало мне чувство уверенности в том, что я свободна от мистера Престона. И так и есть! Если бы не эти письма! Ох! Если бы ты смогла заставить его взять эти мерзкие деньги и отдать мне мои письма! Тогда мы бы сожгли их дотла, он смог бы жениться на ком-то еще, а я бы вышла замуж за Роджера, и никто бы ничего не узнал. В конце концов, этот поступок всего лишь то, что называют "юношеской глупостью". И ты можешь сказать мистеру Престону, что как только он обнародует мои письма, покажет их твоему отцу или что-то в этом роде, я уеду из Холлингфорда и никогда не вернусь.

Обремененная множеством подобных посланий, которые, она чувствовала, никогда не передаст; не зная, что скажет; ненавидя само

поручение; недовольная манерой Синтии говорить о ее отношениях с Роджером; подавленная стыдом от соучастия в поступке, который казался ей предательским, и все же желая вынести все и не бояться, если когда-нибудь она сможет наставить Синтию на прямой путь... более сострадающая огромному несчастью и возможному бесчестью своей подруги, чем способная отдать ей ту любовь, которая пробуждается истинным сочувствием, Молли отправилась к назначенному месту. День был облачным, шум завывающего ветра среди почти облетевших ветвей огромных деревьев заполнил ее уши, пока она проходила через ворота парка и входила на аллею. Она шла быстро, неосознанно желая разозлиться и не иметь времени на раздумья. Но через четверть мили от сторожки аллея делала поворот; и после этого поворота дорога шла прямо до особняка, который сейчас пустовал. Молли не хотелось удаляться из пределов видимости сторожки, и она встала лицом к ней, рядом со стволом одного из деревьев. Вскоре она услышала звук приближающихся шагов. Это шел мистер Престон. Он увидел женскую фигуру, наполовину скрытую стволом дерева, и не усомнился в том, что это была Синтия. Но когда он подошел ближе, почти вплотную, девушка обернулась, и вместо ярких глаз Синтии, его встретил решительный взгляд побледневшей Молли. Она не поздоровалась, и хотя по бледности и робкому выражению лица, он понял, что она боится, в ее серых глазах он видел мужество невинности.

- Синтия не смогла прийти? — спросил он, поняв, что она ждала его.

- Я не знала, что вы должны были с ней встретиться, — ответила Молли, немного удивленная. В своем простодушии она полагала, что Синтия упомянула, что именно она, Молли Гибсон, встретится с мистером Престоном в назначенное время и в назначенном месте. Но Синтия была слишком искушена в этих делах и заманила его на встречу неясно написанной запиской, избежав настоящей лжи, она заставила его поверить, что сама встретится с ним.

- Она написала, что будет здесь, — сказал мистер Престон, очень недовольный тем, что его обманули, теперь он понял, что встреча была назначена с мисс Гибсон. Молли немного заколебалась, прежде чем заговорить. Он решил не прерывать ее молчания, раз уж она вмешалась в это дело, пусть теперь почувствует себя очень неловко.

- Во всяком случае, она прислала меня сюда встретиться с вами, — сказала Молли. — Она подробно рассказала мне, как обстоит дело между вами.

- Рассказала? — усмехнулся он. — Она не самый открытый и надежный человек на свете.

Молли покраснела. Она ощутила грубость его тона и едва не вышла из себя, но сдержалась, тем самым собрав все свое мужество.

- Вам не следует так говорить о человеке, которого, как вы признались, хотите сделать своей женой. Но забудем об этом, у вас есть ее письма, которые ей хотелось бы получить назад.

- Полагаю, что так.

- И у вас нет права их хранить.

- Законного или морального права? Какое вы имеете ввиду?

- Я не знаю. Просто у вас нет права, как у джентльмена, хранить письма девушки, если она просит вернуть их, а тем более угрожать ими.

- Вижу, вы все знаете, мисс Гибсон, — сказал он, изменяя тон на более уважительный. — По крайней мере, она рассказала вам историю с ее точки зрения, со своей стороны. Теперь вы должны услышать мою. Она обещала мне так торжественно, как женщина...

- Она была не женщиной, она была всего лишь девочкой, ей едва исполнилось шестнадцать.

- Достаточно взрослой, чтобы понимать, что она делает. Но я буду звать ее девочкой, если хотите. Она торжественно обещала мне стать моей женой, поставив одно условие, соблюдать секретность и подождать некоторое время. Она писала мне письма, повторяя это обещание, достаточно личные письма, подтверждающие, что она считала себя связанной со мной таким предполагаемым отношением. Я не поддаюсь обману... я не веду себя как святой... и в большинстве случаев вполне могу позаботиться о своих собственных интересах. Вам достаточно хорошо известно, что у нее нет ни денег, ни влиятельных родственников, чтобы получить богатое состояние и поддержать меня в обществе, я любил ее такой искренней и такой возвышенной страстью, которую может испытывать человек. Она должна сказать это себе. Я бы мог жениться на двух или трех девушках с большим состоянием, одна из них была достаточно мила и совсем не сопротивлялась.

Молли прервала его — ее рассердило его тщеславие: — Прошу прощения, но я не хочу слышать, на скольких девушках вы могли бы жениться. Я пришла сюда просто ради Синтии, которая вас не любит, и которая не хочет выходить за вас замуж.

- Что ж, тогда, я должен заставить ее "полюбить" меня, как вы выразились. Однажды она "полюбила" меня и дала обещание, чтобы его нарушить, требуется согласие двух людей. Я надеюсь заставить ее полюбить меня так, как когда-то она любила, согласно ее письмам, по крайней мере, когда мы поженимся.

- Она никогда не выйдет за вас, — твердо сказала Молли.

- Тогда если она отдаст предпочтение кому-то еще, ему будет позволено прочесть ее письма, адресованные мне.

Молли едва не рассмеялась, она была уверена и не сомневалась в том, что Роджер никогда не станет читать письма, предложенные ему в таких обстоятельствах. Но затем она подумала, что он испытает от всего случившегося сильную боль, и от общения с мистером Престоном, особенно если сначала не узнает обо всем от Синтии. И если она, Молли, может избавить его от боли, она это сделает. Прежде чем она смогла решить, что сказать, мистер Престон снова заговорил:

- На днях вы сказали, что Синтия обручена. Могу я спросить, с кем?

- Нет, — ответила Молли, — не можете. Вы слышали, она сказала, что это была не помолвка. Вы думаете, после всего того, что я от вас услышала, я могла бы вам сказать, с кем? Но вы можете быть уверены в одном, он никогда не прочтет ни строчки из ваших писем. Он тоже... Нет! Я не стану рассказывать о нем перед вами. Вы никогда не поймете его.

- Мне кажется, что этот таинственный "он" очень счастливый человек, раз у него такой горячий защитник, как мисс Гибсон, с которой он вовсе не помолвлен, — произнес мистер Престон с таким неприятным выражением на лице, что Молли вдруг поняла, что вот-вот расплачется. Но она справилась с собой... во-первых, для Синтии, а во-вторых, для Роджера.

- Ни один благородный человек не прочтет ваши письма, а если кто-то прочтает их, им будет настолько стыдно, что они не осмелятся говорить о них. Какой тогда вам прок от них?

- В них содержатся неоднократные обещания Синтии выйти замуж, — повторил он.

- Она говорит, что скорее уедет из Холлингфорда навсегда и станет зарабатывать себе на жизнь, чем выйдет за вас.

Он немного побледнел. Он выглядел настолько подавленным, что Молли почти пожалела его.

- Она хладнокровно приняла это решение? Знаете ли вы, что вы говорите мне очень жестокие истины, мисс Гибсон? Если это правда, то есть, — продолжил он, немного приходя в себя. — Молодым девушкам очень нравятся слова "ненавидеть" и "питать отвращение". Я знаю многих, которые применяют их к тем мужчинам, за которых они в свое время надеялись выйти замуж.

- Я не могу говорить о других, — ответила Молли. — Я только знаю, что Синтия... — здесь она помедлила секунду, она чувствовала его боль, и поэтому замешкалась, но затем продолжала: — ненавидит вас так же, как

ненавидел бы любой, подобный ей.

- Подобный ей? — переспросил он, повторив слова почти неосознанно, хватаясь за что угодно, чтобы постараться скрыть свое унижение.

- Я имею ввиду, я бы ненавидела еще сильнее, — сказала Молли тихо.

Но он не обратил внимания на ее ответ. Он втыкал кончик своей трости в дерн, и его взгляд был прикован к земле.

- Вы не против вернуть ей письма? Уверяю вас, что вы не заставите ее выйти за вас.

- Вы очень простодушны, мисс Гибсон, — ответил он, внезапно поднимая голову. — Полагаю, вы не знаете, что есть другие чувства, помимо любви, которые могут доставлять удовольствие. Вы никогда не слышали о мести? Синтия обманула меня обещаниями, и вы совсем можете не верить мне... что ж, бесполезно об этом говорить. Я не собираюсь оставить ее безнаказанной. Так можете и передать ей. Я сохраню письма и воспользуюсь ими, как только увижу, что пришел подходящий случай.

Молли была ужасно рассержена на себя за то, что не справилась с поручением. Она надеялась на успех, но сделала только хуже. Какие новые аргументы она могла бы использовать? Тем временем он продолжал подстегивать себя, растравляя свое раненное тщеславие мыслями о том, как, должно быть, две девушки обсуждали его, дабы разозлиться на разочаровавшую его любовь.

- Мистер Осборн Хэмли может узнать об их содержании, хотя, возможно, он слишком благороден, чтобы прочитать их. Даже до вашего отца могут дойти слухи, и если я правильно помню, мисс Синтия Киркпатрик не всегда говорила в самом уважительном тоне о даме, которая сейчас является миссис Гибсон. Есть...

- Остановитесь, — сказала Молли. — Я не буду ничего слушать об этих письмах, написанных, когда она оказалась почти без друзей, вам, которого она считала другом! Но я подумала о том, как поступлю дальше. Я честно вас предупреждаю. Если бы я не сглупила, я бы все рассказала своему отцу, но Синтия взяла с меня обещание, что я не расскажу. Поэтому я расскажу все, от начала до конца, леди Харриет и попрошу ее поговорить со своим отцом. Я уверена, что она это сделает, и я не думаю, что вы посмеете отказать лорду Камнору.

Он понял сразу, что не посмеет; хотя такого умного управляющего, как он, граф высоко ценил, но с подобным поведением в отношении писем и с угрозами обнародовать их не смирится ни джентльмен, ни просто благородный человек и мужественный человек. Он хорошо это знал и

удивлялся, как она, стоящая перед ним девушка, оказалась настолько умна, что поняла это. На мгновение он забылся, восхищаясь ею. Она стояла напуганная, и в то же время смелая, не позволяла себе уйти, настаивая на том, что намеревалась сделать, даже когда казалось, что все обернулось против нее, и кроме того, в ней было что-то, что поразило его больше всего, и что показало, каким человеком он был — он понимал, что Молли не осознавала, что он был молодым человеком, а она молодой девушкой, словно непорочный ангел на небесах. Хотя он понимал, что ему следовало бы уступить и отдать письма, он не собирался этого делать немедленно. И раздумывая над этим, он обостренным слухом уловил быстрый шаг лошади, цокающей по гравийной дорожке. Мгновение спустя Молли тоже услышала этот цокот. Он заметил, как на ее лице появилось выражение испуга, и через секунду она бы убежала, но прежде чем было сделано первое движение, мистер Престон твердо накрыл ее руку своей.

- Спокойно. Вас заметили. Вы, во всяком случае, не сделали ничего постыдного.

Пока он говорил, мистер Шипшэнкс обогнул изгиб дороги и оказался рядом с ними. Мистер Престон увидел, если Молли не заметила, внезапный заинтересованный взгляд, который осветил румяное лицо старого проницательного джентльмена — увидел, но не придал значения. Он вышел вперед и заговорил с мистером Шипшэнксом, который остановился прямо перед ними.

- Мисс Гибсон! К вашим услугам! Довольно ветреный день для прогулок юной леди... и холодный, я бы сказал, чтобы стоять слишком долго, да, Престон? — тыкая последнего хлыстом в привычной манере.

- Да, — ответил мистер Престон. — Боюсь, я задержал мисс Гибсон слишком долго.

Молли не знала, что сказать или сделать, она только молча поклонилась на прощание и повернулась, чтобы идти домой, чувствуя на сердце тяжесть из-за неудавшегося дела. Она не знала, что победила, хотя сам мистер Престон еще не признался в этом даже себе. Не успев отойти далеко, она услышала, как мистер Шипшэнкс сказал:

- Простите, что прервал ваш уединенный разговор, мистер Престон, — но хотя она и услышала эти слова, их скрытый смысл не дошел до нее. Она всего лишь чувствовала, что вышла из дома в приподнятом настроении и уверенная в себе, а теперь возвращается к Синтии проигравшей.

Синтия ожидала ее возвращения и, бросившись вниз по лестнице, втянула Молли в столовую.

- Ну что, Молли? О! Я вижу, у тебя их нет. Все же, я этого не

ожидала, — она села, словно надеясь, что это поможет справиться с разочарованием, а Молли стояла перед ней как виноватая.

- Мне так жаль. Я сделала все, что смогла. В конце концов, нас прервали... подъехал мистер Шипшэнкс.

- Неприятный старик! Ты думаешь, что тебе удалось бы убедить его отдать письма, если бы у тебя было больше времени?

- Я не знаю. Лучше бы мистеру Шипшэнксу не приезжать. Мне не понравилось, что он застал меня за разговором с мистером Престоном.

- О! Полагаю, он ничего не подумает. Что он... мистер Престон... сказал?

- Он, кажется, думал, что ты помолвлена с ним, и что эти письма единственное доказательство, которое у него есть. Думаю, он любит тебя по-своему.

- По-своему! — презрительно заметила Синтия.

- Чем больше я об этом думаю, тем больше я понимаю, что было бы лучше папе поговорить с ним. Я сказала, что расскажу все леди Харриет, и тогда лорд Камнор заставит его отдать письма. Но это было бы очень затруднительно.

- Очень! — согласилась Синтия мрачно. — Он поймет, что это всего лишь угроза.

- Но я сделаю это немедленно, если хочешь. Я имею ввиду то, что сказала. Только мне кажется, что папа справился бы с этим лучше всего и более неофициально.

- Я скажу тебе, Молли, что... ты связана обещанием и не можешь рассказать мистеру Гибсону, не нарушив данного тобой слова... но как раз это: я уеду из Холлингфорда и никогда не вернусь, если твой отец узнает об этом деле, вот! — Синтия встала и начала комкать шаль Молли в нервном возбуждении.

- О, Синтия... Роджер! — все, что сказала Молли.

- Да, я знаю! Тебе не нужно напоминать мне о нем. Но я не собираюсь жить в доме с теми, кто всегда может попрекнуть меня... поступками... ошибками, о которых, возможно, говорят намного хуже, чем есть на самом деле. Я была так счастлива, когда впервые приехала сюда. Вы все любили меня, восхищались мной и хорошо думали обо мне, а теперь... Что ж, Молли, я уже могу видеть, как ты изменилась. Все твои мысли написаны у тебя на лице... я читаю их эти два дня... ты думаешь: "Как, Синтия обманывала меня, поддерживала переписку все это время и отчасти помолвлена с двумя мужчинами!" В тебе больше этого, чем жалости ко мне, к девушке, которая всегда была обязана справляться сама, без друзей,

готовых помочь и защитить ее.

Молли молчала. В том, что Синтия говорила, было много правды, и все же немало лжи. Все эти сорок восемь часов Молли искренне любила Синтию и более тяготилась положением последней, чем сама Синтия. Она так же знала... но это была вторая мысль, следовавшая за первой — что она испытала много боли, стараясь добиться успеха в разговоре с мистером Престоном. Она старалась изо всех сил, крупные слезы навернулись ей на глаза и медленно скатились по щекам.

- О, какая я жестокая! — вскричала Синтия, поцелуями убирая слезы. — Я понимаю... я знаю, это правда, и я заслужила ее, но я не должна упрекать тебя.

- Ты не упрекала меня! — сказала Молли, пытаясь улыбнуться. — Я подумала о том, что ты сказала... но я искренне люблю тебя... искренне, Синтия... я бы поступила так же, как и ты.

- Нет, ты бы так не поступила. Так или иначе, ты из другого теста.

Глава XLV

Доверие

Весь остаток того дня Молли чувствовала себя подавленной и нездоровой. Ей было так непривычно что-то скрывать — почти небывалый случай для нее — что она этим сильно терзалась.

Это был кошмар, от которого она не могла избавиться, ей так хотелось забыть обо всем, однако казалось, что каждое незначительное событие напоминает ей об этом. На следующее утро с почтой пришло несколько писем. Одно письмо было для Синтии от Роджера, и Молли, не получившая писем, с тоской смотрела, как Синтия читает его. Молли казалось, что Синтия не получит удовольствия от этих писем, пока не расскажет Роджеру, в какой ситуации с мистером Престоном она оказалась. И тем не менее, Синтия краснела и улыбалась до ямочек на щеках, которые всегда появлялись у нее от комплиментов и слов восхищения и любви. Но мысли Молли и чтение Синтии были прерваны победоносным возгласом миссис Гибсон, когда она протягивала только что полученное письмо своему мужу:

- Вот! Должна сказать, я этого ожидала! — затем, повернувшись к Синтии, она пояснила: — Это письмо от дяди Киркпатрика, дорогая. Он так добр и желает, чтобы ты приехала и погостила у них, помогла им

приободрить Хелен. Бедняжка Хелен! Боюсь, она нескоро поправится. Но мы не могли бы пригласить ее к нам, не потревожив вашего дорогого отца в его кабинете. И хотя я могла бы уступить свою гардеробную... он... что ж! Поэтому я написала в своем письме, как мы сожалеем... а ты больше всех нас, потому что вы с Хелен очень дружны... и как тебе хочется быть полезной... я уверена, так и есть... и поэтому они хотят, чтобы ты немедленно поехала к ним, поскольку Хелен мечтает об этом.

Глаза Синтии засверкали.

- Мне бы хотелось поехать, — ответила Синтия, — но не покидать тебя, Молли, — добавила она тихим голосом, словно ее мучили угрызения совести.

- Ты успеешь собраться к отправлению вечернего экипажа? — спросил мистер Гибсон. — Как это ни странно, спустя двадцать лет спокойной практики в Холлингфорде, меня впервые вызывают завтра на консультацию в Лондон. Боюсь, леди Камнор стало хуже, дорогая.

- Не говорите, так. Бедная леди! Какой это удар для меня! Я так рада, что позавтракала. Я бы не смогла съесть ни крошки.

- Нет, я только говорю, что ей хуже. С ее заболеванием ухудшение состояния может оказаться всего лишь подготовкой к улучшению. Не принимайте мои слова более чем буквально.

- Благодарю. Как добр ваш дорогой отец и всегда может обнадежить. А что с твоими платьями, Синтия?

- О, они в порядке, мама, благодарю. Я буду вполне готова к четырем часам. Молли, ты не поднимешься со мной и не поможешь мне собраться? Мне бы хотелось поговорить с тобой, дорогая, — сказала она, как только они поднялись наверх. — Такое облегчение уехать отсюда, где меня преследует этот человек. Но боюсь, ты подумала, что я рада уехать от тебя, поверь, я не рада, — в этих словах послышался незначительный оттенок "слишком сильного несогласия", но Молли не заметила этого. Она только ответила:

- Вовсе нет. Я знаю по себе, как тебе, должно быть, не нравилось встречаться с мужчиной на публике и держаться с ним иначе, нежели когда вы оказывались наедине. Я постараюсь не видеться с мистером Престоном долгое, долгое время. Но, Синтия, ты не сказала мне ни слова о письме Роджера. Прощу, скажи, как он? Он вполне оправился от приступа лихорадки?

- Да, вполне. Он пишет в очень хорошем настроении. Очень много о птицах и животных, как обычно, о привычках туземцев и вещах подобного рода. Ты можешь прочитать отсюда (указав на отрывок в письме) до этого

места, если хочешь. А я скажу, что доверюсь тебе, Молли, пока упаковываю вещи. И это показывает, насколько я уважаю тебя... ты могла бы прочесть письмо целиком, только любовные признания наскучат тебе. Составь небольшую записку о том, где он находится, и что он делает, поставь число и тому подобное, и отошли ее его отцу.

Молли без слов взяла письмо и начала переписывать его за письменным столом. Часто перечитывая то, что ей было разрешено читать, часто замирая, подперев щеку рукой, опустив глаза на письмо, и позволяя воображению странствовать вслед за автором по всем пейзажам, в которых она видела его сама, или в которых ее воображение рисовало его. Внезапное появление в гостиной Синтии, светящейся от удовольствия, вывело ее из раздумий.

- Здесь никого? Какое счастье! Ах, мисс Молли, вы более красноречивы, чем полагаете. Посмотри! — она показала большой пухлый конверт, а затем быстро спрятала его в карман, словно опасаясь, что ее могут увидеть. — Что случилось, милая? — подойдя, она приласкала Молли. — Беспокоишься из-за того письма? Разве ты не видишь, что это мои собственные ужасные письма, которые я немедленно сожгу, и которые мистер Престон милостиво прислал мне, благодаря тебе, малышка Молли, *cuishla ma chree*, пульс моего сердца... письма, которые висели над моей головой, как чей-то меч, в течение этих двух лет?

- О, я так рада! — произнесла Молли, немного воодушевляясь. — Я никогда не думала, что он пришлет их. Он лучше, чем я о нем думала. Теперь все кончено. Я так рада! Ты думаешь, это означает, что он отказывается от всех требований на тебя, так Синтия?

- Он может требовать, но теперь у него нет доказательств. Это самое приятное облегчение. И я обязана этим тебе, тебе моей дорогой маленькой леди! Теперь нужно сделать еще одно дело, если бы ты сделала это за меня... (она гладила плечо сестры).

- О, Синтия, не проси меня. Я больше не могу этого делать. Ты не знаешь, как мне становится не по себе, когда я думаю о вчерашней встрече и о взгляде мистера Шипшэнкса.

- Это всего лишь маленькое дело. Я не стану отягощать твою совесть, рассказывая тебе, как я получила свои письма, но разве не посредством человека, которому я могу доверить свои деньги. Я должна заставить его взять эти двадцать три с лишним фунта. Я собрала их по курсу пять процентов, и они запечатаны. О, Молли, я бы уехала с таким легким сердцем, если бы ты только постаралась передать их ему в сохранности. Это последнее дело, нет нужды торопиться. Ты могла бы встретиться с ним

случайно в магазине, на улице или на вечере, если бы только положила их к себе в карман, не было бы ничего проще.

Молли вздохнула.

- Папа передал бы их ему. В этом не будет вреда. Я бы сказала ему, что он не должен задавать вопросы, кому это нужно.

- Очень хорошо, — ответила Синтия, — поступай, как знаешь. Я думаю, что мой вариант самый лучший. Если что-нибудь выйдет из этого дела... Но ты уже много сделала для меня, я не стану винить тебя за то, что ты отказываешься сделать больше!

- Мне так не нравятся эти закулисные отношения с ним, — умоляюще произнесла Молли.

- Закулисные! Просто передай ему письмо от меня! Если я оставлю записку для мисс Браунинг, тебе не захочется передать ее?

- Ты же знаешь, что это другое. Я могу передать ее открыто.

- И все же это могла бы быть записка, и в ней не будет ни строчки о деньгах. Это было бы всего лишь прекращение — благородное, честное завершение дела, которое беспокоило меня несколько лет. Но поступай, как хочешь!

- Дай их мне! — сказала Молли. — Я попытаюсь.

- Вот, дорогая! Ты можешь попытаться. А если у тебя не получится передать их ему наедине, не поставив себя в затруднение, что ж, сохрани их у себя, пока я не вернусь. Он их получит, хочет он этого или нет!

Представляя себе, как пройдут два дня наедине с миссис Гибсон, Молли испытывала совсем иные чувства, нежели те, с которыми она радостно ожидала подобного общения со своим отцом. Прежде всего, путешественников никто не сопровождал до гостиницы, от которой отправлялся экипаж. Расставание на рыночной площади находилось за пределами приличий миссис Гибсон. Кроме того, вечер был мрачным и дождливым, и свечи пришлось принести непривычно рано. За шесть часов они не прервались ни на музыку, ни на чтение. Обе дамы сидели за рукоделием, перебрасываясь словами о том, о сем, даже не сделав обычного перерыва на ужин, — чтобы накормить уезжавших, они поужинали рано. Миссис Гибсон намеревалась сделать Молли счастливой и старалась быть приятной собеседницей, только Молли была нездорова и встревожена, предчувствуя заботы и недоразумения: в такие часы нездоровья опасения, ожидаемые нами на жизненном пути, принимают форму уверенности. Молли многое бы отдала, чтобы избавиться от всех этих чувств, достаточно непривычных для нее, но сам дом, мебель,

расплывчатый из-за дождя пейзаж за окном, казалось, были пропитаны неприятными воспоминаниями, большинство из которых относились к событиям последних нескольких дней.

- Думаю, следующий раз, моя дорогая, мы с тобой должны отправиться в путешествие, — заметила миссис Гибсон, почти угадывая желание Молли, уехать куда-нибудь на пару недель из Холлингфорда в новую жизнь и новую атмосферу. — Мы долго оставались дома, а смена обстановки так желательна для молодых! Но я думаю, путешественникам захочется оказаться дома у этого замечательного яркого камелька. "В гостях хорошо, а дома лучше", — как сказал поэт. "Хоть я могу бродить средь удовольствий и дворцов"[1], - так начинается стихотворение, но обе строчки очень милы и очень верны. Слава Богу, что у нас есть такой милый небольшой дом, правда, Молли?

- Да, — ответила Молли довольно уныло, испытывая в этот момент какое-то "toujours perdrir"[2] чувство. Если бы она могла уехать с отцом, всего на два дня, как это было бы приятно!

- Конечно, милая, для нас с тобой было бы очень приятно совершить небольшое путешествие. Ты и я. И больше никого. Если бы не такая плохая погода, мы бы отправились в небольшую импровизированную поездку. Я ждала чего-то подобного несколько недель. Но здесь мы ведем такой замкнутый образ жизни! Признаюсь, порой мне становится не по себе при одном виде стульев и столов, которые мне так хорошо знакомы. К тому же не хватает домочадцев! Без них все кажется скучным и пустынным!

- Да! Нам очень одиноко сегодня вечером. Но я думаю это отчасти из-за погоды.

- Чепуха, дорогая. Я не могу допустить, чтобы из-за влияния погоды ты поддавалась глупым фантазиям. Бедный мистер Киркпатрик обычно говорил: "радостное сердце создает свое собственное солнце". Он говорил это мне в своей милой манере всякий раз, когда я была подавлена — я настоящий барометр — ты можешь судить о состоянии погоды по моему настроению. Я всегда так чувствительна! Хорошо, что Синтия это не унаследовала. Не думаю, что на нее легко повлиять, верно?

Молли раздумывала минуту или две, а затем ответила: — Да, она, конечно, не так легко поддается... не так глубоко поддается, я бы сказала.

- Многие девушки, например, были бы тронуты восхищением, которое она вызывает... я могу сказать вниманием, которое она получала, когда была у своего дяди прошлым летом.

- У мистера Киркпатрика?

- Да. Там был мистер Хендерсон, тот молодой юрист. То есть, он

изучает закон, но у него большое личное состояние, и, похоже, будет больше. Поэтому, он может только, что я называю, играть в закон. Мистер Хендерсон был по уши в нее влюблен. Это не моя фантазия, хотя я допускаю, что матери предвзяты. И мистер, и миссис Киркпатрик это заметили, и в одном из своих писем миссис Киркпатрик написала, что бедный мистер Хендерсон собрался в Швейцарию на долгосрочные каникулы, очевидно, чтобы постараться забыть Синтию. Но она полагала, что он только обнаружит, что "прикован к дому цепью растяжимой"[3]. Я подумала, что это такая изящная цитата, и вместе с тем слова подобраны так красиво. Когда-нибудь ты познакомишься с тетей Киркпатрик, Молли, милая. Она из тех, кого я называю женщиной истинно элегантного ума.

- Я подумала, жаль, что Синтия не рассказала им о своей помолвке.

- Это не помолвка, моя дорогая! Сколько раз я должна тебе это повторять?

- Но как мне тогда ее называть?

- Я не понимаю, почему тебе нужно ее как-то называть. В самом деле, я не понимаю, что ты имеешь ввиду под "ней". Тебе всегда следует стараться выражаться понятно. Это один из первых принципов английского языка. Философы могли бы спросить, для чего нам всем дан язык, если не для того, чтобы сделать наши намерения понятными?

- Но между Синтией и Роджером что-то есть, они больше значат друг для друга, чем я для Осборна, например. Как мне это назвать?

- Тебе не следует связывать свое имя с именем неженатого молодого человека. Так трудно учить тебя утонченности, дитя. Наверно, можно сказать, что между дорогой Синтией и Роджером особенные отношения, но их очень трудно описать. Я не сомневаюсь, что именно в этом причина того, что она избегает говорить об этом. Между нами, Молли, я порой думаю, что это ни к чему не приведет. Он так далеко, и откровенно говоря, Синтия весьма, весьма непостоянна. Я знаю, однажды она была очень увлечена до того, как... тот небольшой роман закончился. И по-своему она была очень любезна с мистером Хендерсоном. Полагаю, она унаследовала это от меня, поскольку когда я была девочкой, я была окружена поклонниками и не могла заставить себя избавиться от них. Ты не слышала, твой дорогой отец говорил что-нибудь о старом сквайре или о дорогом Осборне? Кажется, уже так давно мы не получали известий от Осборна и не видели его. Должно быть, он вполне здоров, иначе мы бы узнали об этом.

- Полагаю, он вполне здоров. Кто-то сказал, что видел его на днях, он прогуливался верхом... теперь я вспомнила, это была миссис Гудинаф... и

что он выглядел сильнее, чем в прошлые годы.

- В самом деле?! Я искренне рада это слышать. Я всегда любила Осборна, ты знаешь, мне никогда не нравился Роджер. Я уважала его и все такое прочее, конечно. Но сравнивая его с мистером Хендерсоном! Мистер Хендерсон такой красивый и хорошо воспитанный, и покупает свои перчатки у Убигана!

Это была правда — они не виделись с Осборном Хэмли уже очень давно, но как это часто случается, как раз после того, как они поговорили о нем, он появился. На следующий день после отъезда мистера Гибсона миссис Гибсон, что случалось сейчас не столь часто, получила записку от семьи, проживавшей в городе, с просьбой приехать в Тауэрс и найти книгу или рукопись, что-то, чего хотелось леди Камнор со всем нетерпением больной. Это был как раз тот вид занятий, который требовался миссис Гибсон для развлечения в хмурый день, и который немедленно приводил ее в хорошее настроение. В этом поручении была некая доверительность, оно приносило разнообразие и даровало приятную прогулку в пролетке по величественной аллее, а также возможность почувствовать себя временной хозяйкой роскошных комнат, некогда так ей знакомых. Она попросила Молли сопровождать ее из приступа доброты, но совсем не расстроилась, когда Молли извинилась и предпочла остаться дома. В одиннадцать часов миссис Гибсон отбыла в своем лучшем воскресном наряде (выражаясь языком слуг, которым она сама пренебрегала), чтобы произвести впечатление на слуг Тауэрса, поскольку кроме них ее никто не увидит.

- Я не вернусь домой до вечера, дорогая! Но я надеюсь, тебе не будет скучно. Не думаю, что ты заскучаешь, ты похожа на меня, милая — никогда не бываешь менее одинокой, чем когда остаешься одна, как выразился кто-то из великих авторов.

Молли наслаждалась домом, предоставленным в ее полное распоряжение, как миссис Гибсон наслаждалась Тауэрсом. Она осмелилась пообедать, принеся поднос в гостиную, чтобы съесть сэндвичи за чтением книги. Во время этого занятия ей сообщили о приходе мистера Осборна Хэмли. Он вошел, у него был ужасно больной вид, несмотря уверения подслеповатой миссис Гудинаф.

- Этот визит не к вам, Молли, — сказал он, когда с первыми приветствиями было покончено. — Я надеялся застать вашего отца дома. Я думал, что обеденные часы — самое подходящее время, — он сел, словно обрадовавшись возможности рухнуть на стул, ссутулившись, как будто это стало для него таким естественным, что в хороших манерах не было

смысла.

- Надеюсь, вы пришли к нему не как к доктору? — спросила Молли, размышляя, благоразумно ли намекать на его здоровье, и все же неподдельное беспокойство подстегнуло ее задать этот вопрос.

- Нет, именно как к доктору. Полагаю, я могу угоститься пирогом и стаканом вина? Нет, не звоните, чтобы принесли еще. Я бы не смог есть, даже если бы пирог был здесь. Я просто хочу небольшой кусочек. Этого достаточно, благодарю. Когда вернется ваш отец?

- Его вызвали в Лондон. Леди Камнор стало хуже. Я думаю, происходит какая-то операция, но я не знаю. Он вернется завтра вечером.

- Очень хорошо. Тогда я должен подождать. Возможно, к этому времени мне будет лучше. Думаю, это отчасти мое воображение. Но мне бы хотелось, чтобы так сказал ваш отец. Он посмеется надо мной. Но я не думаю, что буду возражать. Он всегда строг с капризными пациентами, верно, Молли?

Молли подумала, что если только отец увидит Осборна, он едва ли посчитает его капризным или будет строг с ним. Но она всего лишь ответила: — Папе во всем нравятся шутки. Для него они являются облегчением после всего того горя, что он видит.

- Очень правильно. На свете слишком много горя. Я не думаю, что это очень счастливое место. Значит, Синтия уехала в Лондон? — добавил он, помолчав. — Думаю, мне бы хотелось снова ее увидеть. Бедный старина Роджер! Он любит ее очень сильно, Молли, — сказал он. Молли едва ли знала, что ему ответить на это, она была поражена переменой в его голосе и поведении.

- Мама поехала в Тауэрс, — начала она, наконец. — Леди Камнор понадобились некоторые вещи, которые только мама может найти. Ей будет жаль, что она не застала вас. Только вчера мы говорили о вас, и она сказала, как долго мы вас не видели.

- Думаю, я стал беспечным. Я часто чувствовал себя таким усталым и больным, что единственное, на что я был способен, это храбриться перед отцом.

- Почему вы не приехали повидаться с папой? — спросила Молли. — И не написали ему?

- Не могу сказать. Порой мне становилось лучше, порой — хуже, а сегодня я собрался с мужеством и приехал услышать, что скажет мне ваш отец: кажется, все бесполезно.

- Мне очень жаль. Но подождите только два дня. Он приедет и осмотрит вас, как только вернется.

- Помните, Молли, он не должен тревожить моего отца, — сказал Осборн, опираясь руками о кресло, чтобы выпрямиться и придать больший вес своим словам. — Я молю Бога, чтобы Роджер оказался дома! — воскликнул он, принимая прежнюю позу.

- Я хорошо понимаю вас, — ответила Молли. — Вы считаете себя очень больным, но разве это не от того, что сейчас вы устали? — она не была уверена, стоит ли ей понимать, что происходит в его душе, но начав говорить, она не могла не быть откровенной.

- Порой мне кажется, я очень болен. А потом я снова думаю, что только из-за хандры я становлюсь капризным и все преувеличиваю, — он помолчал немного. Затем, словно приняв внезапное решение, снова заговорил. — Видите ли, от меня зависят другие... от моего здоровья. Вы не забыли, что услышали в тот день в библиотеке? Нет, я знаю, не забыли. Я видел по вашим глазам, что вы помните. Я не знал вас в то время. Думаю, что знаю сейчас.

- Не говорите так быстро, — попросила Молли. — Отдохните. Никто нас не прервет. Я продолжу шить, когда вы захотите сказать что-нибудь еще, я буду слушать, — ее встревожила странная бледность, появившаяся на его лице.

- Благодарю, — через некоторое время он встряхнулся и начал говорить очень тихо, словно говорил о незначительном.

- Мою жену зовут Эми. Эми Хэмли, конечно. Она живет в Бишопсфилде, деревушке возле Винчестера. Запишите адрес, но храните его при себе. Она француженка, римская католичка и была служанкой. Она всецело добропорядочная женщина. Я не должен говорить, как она дорога мне. Я не смею. Как-то раз я намеревался рассказать Синтии, но она, казалось, не считала меня братом. Возможно, она робка с новым родственником, но вы передадите ей от меня привет. Какое облегчение думать, что кто-то еще знает мой секрет, вы, похоже, одна из нас, Молли. Я могу доверять вам, как доверяю Роджеру. Мне уже лучше, теперь я уверен, что кто-то еще знает о местонахождении моей жены и ребенка.

- Ребенка?! — воскликнула Молли. Но прежде, чем он смог ответить, Мария объявила: — Мисс Фиби Браунинг.

- Сверните эту бумагу, — быстро сказал он, вкладывая ей что-то в руку. — Это только для вас.

[1] Строки из песни "Дом, милый дом" ("Home, Sweet Home") американского драматурга и актера Джона Говарда Пейна.

[2] *toujours perdrix* (фр.) — всегда монотонное, однообразное, буквально означает "всегда куропатка" — для каждой перемены блюд.

[3] Из "Путешественника" О. Голдсмита. (пер. А. Парина).

Глава XLVI

Холлингфордские сплетни

— Моя дорогая Молли, почему ты не пришла пообедать с нами? Я сказала сестре, что пойду и хорошенько тебя побраню. О, мистер Осборн Хэмли, это вы? — на лице мисс Фиби, помешавшей приватному разговору, настолько явно проступило выражение ошибочного понимания, что Молли уловила сочувствующий взгляд Осборна и оба улыбнулись при этой мысли.

- Уверяю, что я... что ж! Каждый должен иногда... я понимаю, наш обед был бы... — затем она пришла в себя и закончила предложение. — Мы только что узнали, что миссис Гибсон наняла пролетку у «Георга», поскольку сестра отправила нашу Нэнси заплатить за пару кроликов, которых поймал в силки Том Остлер, (я надеюсь, нас не сочтут браконьерами, мистер Осборн... полагаю, на силки не требуется лицензия?), и та узнала, что он уехал в Тауэрс на пролетке вместе с твоей дорогой мамой. Поскольку Кокс, который обычно управляет пролеткой, вывихнул лодыжку. Мы только что закончили обедать, но когда Нэнси сообщила, что Том Остлер не вернется до вечера, я сказала: «Бедная девочка осталась совсем одна, а мы так дружили с ее матерью»... когда она была жива, я имею ввиду. Но я рада, что ошиблась.

Осборн сказал:

- Я пришел поговорить с мистером Гибсоном, не зная, что он уехал в Лондон, и мисс Гибсон любезно поделилась со мной ланчем. Теперь я должен идти.

- О, боже! Мне так жаль, — затрепетала мисс Фиби, — я побеспокоила вас. Но у меня были самые добрые намерения. Я с детства всегда приходилась не к стати...

Но Осборн вышел до того, как она закончила извиняться. Уходя, он встретился взглядом с Молли, в его глазах было странное выражение тоскливого прощания, которое так поразило ее на этот раз, что она часто вспоминала его впоследствии.

— Такой прекрасный, подходящий повод, а я пришла и все разрушила, — продолжала меж тем мисс Фиби. — Полагаю, ты очень добра, моя дорогая, считая...

- Считая что, моя дорогая мисс Фиби? Если вы предполагаете роман между мистером Осборном Хэмли и мною, вы никогда еще так не ошибались в своей жизни. Думаю, как-то раз я уже говорила вам об этом. Прошу, поверьте мне.

- О да! Я помню. Я припоминаю, сестра забрала себе в голову, что это был мистер Престон.

- Одно предположение так же ошибочно, как и другое, — ответила Молли, улыбаясь и пытаясь казаться совершенно безразличной, но сильно покраснев при упоминании имени мистера Престона. Для нее было очень трудно поддерживать разговор, ее сердце было заполнено Осборном — его изменившейся внешностью, его грустными словами о пророчестве, и его признанием о жене — француженке, католичке и служанке. Молли попыталась собрать воедино эти странные факты в собственном воображении, и обнаружила, что очень тяжело следить за бесконечной болтовней мисс Фиби. Она дошла до сути дела, и, когда голос собеседницы затих, механически смогла вспомнить отголоски последних слов, которые, как она поняла по взгляду мисс Фиби и по интонации голоса, являлись вопросом. Мисс Фиби спрашивала ее, не пойдет ли она с ней. Она собиралась к Гринстеду, продавцу книг в Холлингфорде, который помимо своего обычного занятия являлся представителем Холлингфордского книжного общества, получал их взносы, вел счета, заказывал книги из Лондона и за небольшое вознаграждение позволял Обществу держать свои томики на полках его лавки. Это был центр новостей и, своего рода, клуб маленького городка. Каждый, кто притязал на знатность, бывал там, независимо от образованности или любви к литературе. Лавочник даже не думал стать членом этого клуба, каким бы высоким интеллектом он ни обладал, и как бы ни любил читать. Зато Общество могло похвастаться, что среди его подписчиков — большинство семей графства, некоторые из них считали свое членство чем-то вроде обязанности, соответствующей их положению, но не часто пользовались привилегией чтения книг. В то время как в городке были жители, такие как миссис Гудинаф, полагавшие про себя чтение большой потерей времени, которое лучше было бы занять шитьем, вязанием или выпечкой, и тем не менее, они состояли в Обществе, что являлось признаком их положения, это были как раз те добропорядочные женщины-матери, которые посчитали бы, что утратят свой статус, если милая молодая служанка не приведет их домой после вечернего чаепития. Во всяком случае, лавка Гринстеда была очень удобным местом для праздного времяпрепровождения. С этим все были согласны.

Молли поднялась наверх, чтобы подготовиться к прогулке с мисс Фиби, и в открытом ящике комода увидела конверт Синтии, в нем лежали деньги, одолженные ею у мистера Престона. Именно его Молли так неохотно пообещала передать, чтобы поставить последнюю точку в этом деле. С отвращением Молли взяла конверт. На время она забыла о нем, а теперь он лежал здесь, у нее на виду, и она должна постараться избавиться от него. Она положила его в карман на всякий случай, и казалось, удача сопутствовала ей, поскольку в лавке Гринстеда, в которой, как обычно собрались несколько человек, делая вид, что изучают книги или делают заказы, оказался мистер Престон. Он не мог не поклониться, когда они вошли, но увидев Молли, стал мрачнее тучи. Для него она была связана с воспоминаниями о неудаче и унижении: помимо всего прочего, он хотел, но не мог забыть о том, что он узнал из простых и искренних слов Молли, а именно о том, что Синтия не любит его. Если бы мисс Фиби заметила хмурое выражение на его прекрасном лице, она бы вывела сестру из заблуждения в ее подозрениях относительно мистера Престона и Молли. Но мисс Фиби, которая считала, что девице не подобает подходить и стоять рядом с мистером Престоном, а также осматривать полки книг в таком близком соседстве с джентльменом, нашла себе дело в другом конце лавки и занялась покупкой писчей бумаги. Молли нащупала свое ценное письмо, лежавшее у нее в кармане; осмелится ли она подойти к мистеру Престону и отдать его ему или нет? Пока она колебалась, не решаясь совершить этот поступок, пока думала, что набралась мужества для того, чтобы сделать это шаг, мисс Фиби закончила покупки, повернулась и, жалостно поглядев в спину мистера Престона, прошептала Молли:

- Думаю, теперь мы отправимся к Джонсону и вернемся за книгами чуть позже.

Направляясь к магазину Джонсона, они пересекли улицу, но как только вошли в магазин торговца тканями, совесть Молли стала укорять ее за малодушие и упущенную хорошую возможность.

- Я скоро вернусь, — сказала она, как только мисс Фиби занялась покупками. Молли побежала к Гринстеду, не оглядываясь ни направо, ни налево. Она наблюдала за дверью и знала, что мистер Престон не выходил. Она вбежала в лавку, он уже стоял у прилавка, разговаривая с самим Гринстедом. Молли, к его удивлению, почти насильно вложила письмо прямо ему в руку и повернулась, чтобы вернуться к мисс Фиби. В дверях лавки стояла миссис Гудинаф, задержавшись на входе, она пристально смотрела круглыми глазами, которые округлились еще больше и из-за

очков стали походить на совиные, как Молли Гибсон передавала письмо мистеру Престону, которое он, осознавая, что за ним наблюдают, и придерживаясь привычной практики тайных дел, быстро положил его в карман неоткрытым. Возможно, если бы у него было время на размышление, он бы без колебаний опозорил Молли, отказавшись от того, что она так настойчиво заставляла его взять.

Наступил еще один долгий вечер наедине с миссис Гибсон, но на этот раз они около часа приятно проводили время — обедали. Это был один из капризов мачехи — который так раздражал Молли — обедать вдвоем, соблюдая церемонии, и с той же роскошью, словно за столом сидят двадцать человек. Поэтому, хотя и Молли, и миссис Гибсон, и даже Мария знали очень хорошо, что никто не притронется к десерту, его ставили на стол, словно Синтия, которой нравились миндаль и изюм, была дома. Или словно дома был мистер Гибсон, который никогда не отказывался от фиников, хотя всегда протестовал против того, чтобы «для людей их положения подавали десерт каждый день».

И миссис Гибсон извинилась сегодня перед Молли теми же словами, что часто говорила мистеру Гибсону:

- Это не сумасбродство, нам не нужно его есть... я никогда не ем. Но он хорошо смотрится и заставляет Марию понять, что семье с положением требуется накрывать его каждый день.

Весь вечер мысли Молли уносились далеко, хотя ей удавалось сохранить видимость внимания к тому, что говорила миссис Гибсон. Молли думала об Осборне и его оборвавшемся, незаконченном признании, его болезненном виде. Она гадала, когда Роджер вернется домой, и ждала его, столь же (сказала она себе) ради Осборна, сколь и для себя самой. А затем сдержалась. Какое ей дело до Роджера? Почему она должна ждать его возвращения? Это должна делать Синтия, только он был таким верным другом для Молли, что она не переставая думала о нем, как об опоре и поддержке в трудные времена, которые казались не за горами этим вечером. Потом она вспомнила мистера Престона и ее небольшое приключение с ним. Каким злым он был! Как могла Синтия настолько полюбить его, что попала в эту ужасную, неприятность, с которой, тем не менее, было покончено! И поэтому она мысленно унеслась в своем воображении и фантазиях, едва ли помышляя о том, что этим самым вечером не более в полумиле от того места, где она шьет, происходит разговор, который подтверждает, что с той «неприятностью» (как она называла ее своим девичьим языком) не было покончено.

Вообще говоря, скандалы дремлют летом. В это время года им ничто не благоприятствует. Теплая погода, поездки за границу, садоводство, цветы — есть о чем поговорить и сварить варенье, успокоить злого бесенка и погрузить его в дремоту на летний сезон в Холлингфордском приходе. Но когда вечера становились короче, и люди собирались у каминов, ставили ноги в круг, а не на каминные решетки, что было непозволительно, тогда наступало время доверительных разговоров! В паузах позволялось передавать чайные подносы среди карточных столиков — после того, как кто-то миролюбиво пытался остановить горячие споры по поводу «решающей взятки», и весьма наводящую скуку женскую привычку «опершись о костыль, живописать мытарств военных быль»[1] — на поверхность выплывали жалкие крохи и обрывки ежедневных новостей, подобных этим: «Мартиндейл поднял цену на мясо на полпенни за фунт» или «Как не стыдно сэру Гарри заказывать другую книгу по кузнечному ремеслу в Книжном Обществе. Мы с Фиби попытались ее прочесть, но в ней нет ничего интересного». Или «Интересно, что будет делать мистер Эштон, раз Нэнси выходит замуж! Ведь она была с ним все эти семнадцать лет! Очень глупо для женщины ее возраста думать о замужестве, я так и сказала ей, когда встретила ее на рынке сегодня утром!»

Так ответила мисс Браунинг в тот вечер на вопрос, ее карты лежали рядом с ней на красно-коричневом сукне стола, пока она пережевывала сдобный пирог некой миссис Дауэс, недавно приехавшей, чтобы поселиться в Холлингфорде.

- Быть замужем не так уж плохо, как вы думаете, мисс Браунинг, — заметила миссис Гудинаф, защищая святое таинство, в которое она вступала дважды. — Если бы я увидела Нэнси, я бы совершенно иначе высказала ей свое мнение. Это прекрасно, когда ты можешь расплатиться за то, что у тебя будет на обед, да так, чтобы никто тебе не помешал.

- Если бы только это! — сказала мисс Браунинг, выпрямляясь. — Я могу это сделать, и, возможно, лучше, чем женщина, которой нужно угождать мужу.

- Никто не скажет, что я не угождала своим мужьям... обоим, хотя вкусы у Джереми были сложнее, чем у бедного Гарри Бивера. Обычно я говорила им: «Предоставьте еду мне. Для вас лучше не знать, из чего она приготовлена. Желудку нравится удивляться». И никто из них не раскаялся в своей доверии. Поверьте моему слову, бобы и бекон будут вкуснее для Нэнси в ее собственном доме, чем сладкий хлеб и цыплята, которых она готовила мистеру Эштону эти семнадцать лет. В свою очередь я могла бы

рассказать вам о чем-то, что заинтересовало бы вас намного больше, чем старая Нэнси, которая собирается выйти за вдовца с девятью детьми — только раз уж молодежь встречается наедине, тайно, то, возможно, не мне стоит рассказывать их секреты.

- Я не хочу слушать о тайных встречах между молодыми людьми и девушками, — заметила мисс Браунинг, опуская голову. — Это достаточно позорит их самих. Я думаю, не затевают ли они роман без должного разрешения родителей. Знаю, общественное мнение изменилось по этому вопросу, но когда бедная Грация собиралась замуж за мистера Бирли, он написал моему отцу, не сделав ей даже комплимента, и даже не сказав о ней самых банальных и общеизвестных слов. Мои отец и мать позвали ее в кабинет отца, и она говорила, что никогда в своей жизни не была так напугана. Они сказали, что это очень хорошее предложение, и мистер Бирли весьма достойный человек, и они надеются, что она будет вести себя с ним должным образом, когда он придет на ужин этим вечером. И после этого ему было позволено приходить дважды в неделю, пока они не поженятся. Мы с матерью сидели за шитьем в эркере гостиной домика пастора, а Грация и мистер Бирли — в другом конце комнаты. Моя мать всегда привлекала мое внимание к каким-нибудь цветам или растениям в саду, когда било девять — в это время он обычно уходил. Не в обиду будет сказано здесь присутствующим, но я скорее намерена смотреть на замужество, как на слабость, к которой склонны некоторые достойные люди. Но если они должны пожениться, пусть у них все сложится наилучшим образом, и они пройдут это испытание с честью и достоинством. Если же имеют место проступки, тайные встречи и подобные вещи, во всяком случае, я не хочу слушать о них! Думаю, вам ходить, миссис Дауэс. Простите мою прямооту в вопросах замужества! Миссис Гудинаф может сказать вам, что я очень откровенный человек.

- Это не откровенность, то, что вы говорите, направлено против меня, мисс Браунинг, — ответила обиженная миссис Гудинаф, однако готовая ходить своей картой, как только понадобится. А что касается миссис Дауэс, то ей слишком хотелось попасть в самое аристократичное из всех холлингфордских обществ, чтобы в чем-то возражать мисс Браунинг (которая по праву дочери покойного пастора, представляла избранный круг небольшого городка), касалось ли это безбрачия, брака, двоеженства или многоженства.

Поэтому остаток вечера прошел без дальнейших упоминаний о секрете, который так не терпелось раскрыть миссис Гудинаф, пока замечание *argoros de rein*[2], сделанное мисс Браунинг в тишине карточной

раздачи, не допустило связи с предыдущим разговором. Она сказала неожиданно резко:

- Я не понимаю, что я сделала, что любой мужчина должен делать меня своей рабыней, — если она намекала на будущую опасность замужества, которую видела в своем воображении, она могла бы успокоиться. Но на это замечание никто не обратил внимания, поскольку все присутствующие были слишком заняты роббером. Только когда мисс Браунинг рано ушла (поскольку мисс Фиби простудилась и осталась дома), миссис Гудинаф воскликнула:

- Что ж! Теперь я могу высказать свое мнение, и скажу, если уж из нас двоих кто-то и был рабом, когда Гудинаф был жив, то это была не я. И я не думаю, что было мило со стороны мисс Браунинг важничать по поводу своей невинности, когда в комнате сидят четыре вдовы, чьими мужьями были шесть честных человек. Без обид, мисс Эйри! — обращаясь к несчастной старой деве, которая оказалась единственной представительницей безбрачия теперь, когда ушла мисс Браунинг. — Я могла бы рассказать ей о девушке, которую она очень любит, которая идет к замужеству, и самым хитрым образом, о котором я когда-либо слышала. Она встречалась в сумерках со своим возлюбленным, словно моя Салли или ваша Дженни. И ее зовут Молли, что, как мне часто казалось, говорит об их плохом вкусе, раз уж они так ее называли... она могла бы оказаться посудомойкой в одночасье. Не то, чтобы она подловила кого-то обычного. Она нашла красивого парня и достаточно умного молодого человека!

Все сидящие за столом сгорали от любопытства и ждали, что за этими словами последует разоблачение, кроме хозяйки, миссис Дауэс, которая улыбалась глазами, и намеренно сжимала губы, пока миссис Гудинаф не закончила свой рассказ. Тогда она произнесла скромно:

- Полагаю, вы имеете ввиду мистера Престона и мисс Гибсон?

- Кто вам сказал? — удивленно спросила миссис Гудинаф, поворачиваясь к ней. — Вы не можете утверждать, как я. В Холлингфорде много Молли... хотя, возможно, такого благородного положения нет ни одной. Уверена, я не называла имен.

- Нет, но я знаю. Я тоже могу рассказать свою историю, — продолжила миссис Дауэс.

- В самом деле, можете? — спросила миссис Гудинаф, проявляя любопытство и немного ревнуя.

- Да. Мой дядя Шипшэнкс подъехал к ним на аллее в Парке, он сказал, что всерьез напугал их. И когда он упрекнул мистера Престона, что тот был со своей возлюбленной, он не стал этого отрицать.

- Что ж! Раз уж многое стало известно, я расскажу то, что знаю. Только, дамы, мне бы не хотелось оказывать девушке плохую услугу, поэтому вы должны сохранить то, что я расскажу вам, в секрете, — конечно, они обещали, это было легко.

- Моя Ханна, выйдя за Тома Оукса, живет на Пирсонс Лейн, она собирала тернослив только неделю назад, и Молли Гибсон быстро прошла по тропинке... очень торопилась, словно на встречу к кому-то. А маленькая Анна-Мария Ханны упала, и Молли (она добрая девочка) подняла ее, поэтому если у Ханны прежде были сомнения, то теперь их нет.

- Но с ней никого не было, ведь так? — беспокойно спросила одна из дам, так как миссис Гудинаф прервалась, чтобы доест свой кусочек пирога, на самом интересном месте.

- Да. Я сказала, что казалось, будто она шла к кому-то на встречу, а некоторое время спустя пришел мистер Престон, выбежав из леса позади дома Ханны и он попросил: «Пожалуйста, кружку воды, добрая женщина, леди упала в обморок, в истерике или что-то в этом роде». Хотя он не знал Ханну, Ханна знала его. «Многие знают дурака Тома, а он — лишь немногих», прошу прощения у мистера Престона. Каким бы он ни был, он не дурак. И я могу рассказать вам больше... то, что я видела собственными глазами. Я видела, как она передавала ему письмо в лавке Гринстеда, всего лишь вчера, а он выглядел мрачнее тучи, он видел меня, а она — нет.

- Это очень подходяще, — заметила мисс Эйри. — почему они делают из этого тайну?

- Некоторым это нравится, — ответила миссис Дауэс, — это придает живости всему, делает их ухаживания тайными.

- Да, это только придает остроты их еде, — вставила миссис Гудинаф. — Но я не думаю, что Молли Гибсон из этого сорта людей.

- Гибсоны всегда держали себя высоко? — воскликнула миссис Дауэс скорее спрашивая, нежели утверждая. — Миссис Гибсон заезжала ко мне.

- Да, вы, похоже, будете пациенткой доктора, — вставила миссис Гудинаф.

- Она показалась мне очень любезной, хотя она настолько близка с графинею и семьей из Тауэрса. И сама по себе леди, обедает поздно, я слышала, все со вкусом.

- Со вкусом! Ее вкус весьма отличается от того, к которому привык Боб Гибсон, ее муж, когда впервые приехал сюда — был рад перекусить бараньим ребрышком у себя в кабинете, я не уверена, что у него везде были каминь. Тогда мы звали его Боб Гибсон, но сейчас никто не

осмелится назвать его Бобом. Я бы скорее назвала его грязнулей!

- Думаю, это очень плохо для мисс Гибсон! — сказала одна дама, скорее беспокоясь о том, чтобы вернуть разговор к более интересному моменту. Но как только миссис Гудинаф услышала это обычное замечание по поводу сделанного ею разоблачения, она накинулась на говорившую.

- Не так уж плохо, и я попрошу вас об одолжении не употреблять таких слов в адрес Молли Гибсон, поскольку мне известна вся ее жизнь. Это странно, если хотите. Девочкой я сама была странной, я даже не притрагивалась к тарелке собранного крыжовника, но я непременно должна была пойти, прятаться за кустом и собирать ягоды для себя. Это склонность некоторых людей, хотя не может быть, чтобы мисс Браунинг принимала ухаживания под носом у своей семьи. Как я уже сказала, я была удивлена подобной склонности у Молли Гибсон, я бы подумала, что это скорее похоже на ту красотку Синтию, как ее называют. Было время, я готова была поклясться, что именно на нее мистер Престон положил глаз. А теперь, дамы, я пожелаю вам доброй ночи. Я не выношу терять время, и я рискую тем, что Салли позволит свече в фонаре догореть до жира, вместо того, чтобы затушить ее, как я сказала ей сделать, если она станет дожидаться меня.

Поэтому, отвесив формальные поклоны, дамы разошлись, не забыв поблагодарить миссис Дауэс за приятно проведенный вечер. Старомодный этикет был в ходу в те дни.

[1] Строка из стихотворения «Покинутая деревня» О. Голдсмита. Пер. А. Парина.

[2] По поводу пустяка (фр.)

Глава XLVII

Скандал и его жертвы

Вернувшись в Холлингфорд, мистер Гибсон обнаружил, что у него накопилось много дел, он был весьма недоволен последствиями двухдневного отдыха, который в результате обернулся чрезмерной занятостью на следующей неделе. У него даже не нашлось времени поговорить с семьей, поскольку нужно было тотчас же отправляться по неотложным случаям. Но Молли ухитрилась задержать его в холле, где стояла, протягивая ему пальто, и пока он одевался, она прошептала:

- Папа! Мистер Осборн Хэмли приходил вчера повидаться с тобой. Он выглядел очень больным, и он явно боялся за себя.

Мистер Гибсон обернулся и мгновение смотрел на нее, но все, что он сказал, было:

- Я поеду и навещу его. Не рассказывай своей маме, куда я поехал. Я надеюсь, ты не говорила ей об этом?

- Нет, — ответила Молли, она рассказала миссис Гибсон только о приходе Осборна, но не о причине его визита.

- Не говори ничего, не нужно. Я подумаю об этом, возможно, я не могу поехать сегодня... но я поеду.

Что-то в поведении отца привело Молли в уныние, поскольку она убедила себя, что явная болезнь Осборна частично происходит от "нервов", подразумевая под этим мнимость. Она вспомнила о выражении удовольствия на его лице при виде растерянной мисс Фиби и подумала о том, что никто, верящий в то, что находится в опасности, не мог бы бросать такие веселые взгляды, как это сделал он. Но увидев, как серьезен отец, она снова вспомнила о потрясении, которое испытала при первом взгляде на изменившегося Осборна. Все это время миссис Гибсон была занята чтением писем от Синтии, которые мистер Гибсон привез из Лондона. Почтовые расходы были слишком высокими, поэтому люди хватались за любую возможность передать письмо с оказией. А Синтия в спешке сборов забыла много вещей и теперь прислала список одежды, которая ей требовалась. Молли удивлялась, что письмо адресовано не ей, но она не понимала ту сдержанность, которая возникла в душе Синтии по отношению к ней. Сама Синтия боролась с этим чувством и старалась победить его, называя себя "неблагодарной", но правда была в том, что она полагала, будто Молли уже невысокого мнения о ней, и не могла не отворачиваться от той, которая знала о вещах, позорящих ее. Но ей хорошо была известна решимость Молли и готовность действовать в неприятной ситуации в ее интересах. Она знала, что Молли никогда не вспомнит о прошлых ошибках и трудностях, но все же осознание, что добрая, честная девушка узнала, что сестра хранит тайны, угрожающие репутации, охладило отношение Синтии к ней. Упрекая себя за неблагодарность, она не могла не радоваться, что находится далеко от Молли. Ей было неловко говорить с ней так, как будто ничего не случилось. Было неудобно писать ей о забытых лентах и кружевах, когда их последний разговор вызвал такие неистовые проявления чувств. Поэтому миссис Гибсон держала список в руке и зачитывала небольшие фрагменты новостей, которые были перемешаны с требованиями Синтии.

- Хелен не может быть очень больна, — заметила наконец Молли, — иначе бы Синтия не нуждалась в розовом муслине и венке из маргариток.

- Я не понимаю, что из этого следует, — ответила миссис Гибсон довольно резко. — Хелен не будет настолько эгоистична, чтобы привязать Синтию к своей юбке, как бы больна она ни была. Я бы не чувствовала, что мой долг позволить Синтии поехать в Лондон, если бы думала, что ей придется постоянно находиться в угнетающей атмосфере комнаты больной. Кроме того, Хелен должно пойти на пользу, что Синтия приезжает с радостными, приятными рассказами о балах, на которых она бывала... даже если Синтии не нравилось веселиться, мне бы хотелось, чтобы она пожертвовала собой и выходила в свет, как можно чаще, ради самой Хелен. Моя идея ухода за больными состоит в том, что не должно всегда думать о собственных чувствах и желаниях, а делать то, что наилучшим образом послужит развлечению больного в часы скуки. Вероятно, только нескольким людям пришлось так глубоко обдумывать эту тему, как это сделала я.

Миссис Гибсон решила, что здесь уместно вздохнуть, прежде чем снова вернуться к чтению письма Синтии. Насколько Молли могла понять из этого довольно неясного послания, прочитанного ей вслух очень бессвязно, Синтия была вполне довольна и рада быть полезной и утешать Хелен, но в то же время охотно соглашалась на бесконечные увеселения, которые во множестве устраивались в лондонском доме ее дяди, даже в мертвый сезон года. Миссис Гибсон наткнулась на имя мистера Хендерсона и затем продолжила непрерывно бормотать "гм-гм-гм" себе под нос, что звучало очень таинственно, но что можно было бы пропустить, поскольку все, что сказала Синтия о нем, это: "Мать мистера Хендерсона посоветовала моей тете проконсультироваться у некоего доктора Дональдсона, который, говорят, очень искусен в таких случаях, как у Хелен, но мой дядя недостаточно уверен в его профессиональной этике и т. д.". Затем последовало очень нежное послание для Молли, которое подразумевало нечто большее, чем выражения благодарности за хлопоты, предпринятые ею ради Синтии. На этом письмо заканчивалось, и Молли ушла немного разочарованной, не зная, почему.

Операция у леди Камнор закончилась успешно, и через несколько дней семья надеялась привезти ее в Тауэрс, чтобы она восстановила силы на свежем деревенском воздухе. Этот случай сильно занимал внимание мистера Гибсона, доктор доказал правоту своего мнения в противоположность мнению одного или двух лондонских светил. В результате, с ним часто советовались и обращались к нему за помощью во время ее выздоровления. И поскольку мистеру Гибсону пришлось уделять

много времени пациентам холлингфордской практики, а так же писать длинные письма своим медицинским собратям в Лондон, ему оказалось трудно выделить три-четыре часа, необходимые для того, чтобы заехать к Хэмли и повидать Осборна. Тем не менее, он написал ему и попросил его немедленно ответить, подробно описав симптомы болезни, но судя по полученному ответу, он не допустил и мысли, что случай был совершенно неотложный. Осборн к тому же протестовал против спешки. Поэтому визит отложили до "более удобных времен", которые, как часто случается, наступают слишком поздно.

Все эти дни слухи о встречах Молли с мистером Престоном, ее тайной переписке, тайных встречах в безлюдных местах набирали силу и обретали явную форму скандала. Простая невинная девушка, которая прогуливалась по тихим улочкам без мысли о том, что является объектом таинственных выводов, стала на время паршивой овцой в городке. Слуги, получив отрывочные сведения из гостиных своих хозяек, в своем кругу преувеличивали сказанное в грубых выражениях, привычных для необразованных людей. Мистеру Престону было известно, что ее имя склоняют вкупе с его именем, хотя он едва ли представлял пределы, до которых любовь к волнению и слухам доносит людскую молву. Он посмеивался над этой ошибкой, но не приложил усилий, чтобы ее исправить. "Поделом ей, — сказал он себе, — не будет вмешиваться не в свои дела", — и почувствовал себя отомщенным за поражение, полученное от ее угрозы прибегнуть к помощи леди Харриет, и за унижение, которое он испытал от ее рассказа о том, как они с Синтией обсуждали его, с личной неприязнью с одной стороны и явным презрением — с другой. Кроме того, если бы опровержение мистера Престона побудило к выявлению настоящей правды, то вероятнее всего стало бы известно о его безуспешных попытках заставить Синтию сохранить помолвку с ним, чего ему совсем не хотелось. Он злился на себя за то, что все еще любил Синтию, любил ее по-своему. Он говорил себе, что многие женщины лучшего положения и состояния были бы рады выйти за него, к тому же некоторые из них были красивыми. И спрашивал себя, почему он, неисправимый дурак, продолжал страстно желать девушку без гроша в кармане, которая была непостоянна, как ветер? Ответ был достаточно нелепым, логичным, но на деле убедительным. Синтия была Синтией, и сама Венера не смогла бы ее заменить. В этом единственном факте мистер Престон был более искренен, чем многие достойные мужчины, которые подыскивая невесту, поворачиваются с беспечной легкостью от

недостижимого к достижимому, и держат свои чувства и фантазии приемлемо свободными, пока не найдут женщину, которая согласится стать их женой. Но ни одна из них не станет для мистера Престона той, кем была и есть для него Синтия. И все же в одном из своих настроений он мог бы заколоть ее. Поэтому Молли, которая встала между ним и объектом его желания, не смогла бы снискать его расположение или получить от него дружескую поддержку.

Пришло время — не так давно состоялся вечер у миссис Дауэс — когда Молли почувствовала, что люди посматривают на нее косо. Миссис Гудинаф открыто оттащила свою внучку, когда юная девушка остановилась поговорить с Молли на улице, и встреча, которую обе назначили, чтобы вместе совершить длительную прогулку, была отменена довольно внезапно по совершенно пустяковой причине. Миссис Гудинаф объяснила свое поведение некоторым друзьям в следующих словах:

- Видите ли, я не думаю самое худшее о девушке, которая повсюду встречается со своим возлюбленным, пока о ней не заговорят. Но раз уж о ней говорят — а имя Молли Гибсон у всех на устах — я думаю, это только честно по отношению к Бесси, которая доверила мне Анабеллу — не позволять ее дочери видеться с девушкой, которая справляется со своими делами так плохо, что позволяет людям говорить о себе. Моя максима в таких делах — и она очень хорошо работает, вы можете положиться на нее — женщинам следует быть внимательными и не позволять о себе говорить, а если о женщине говорят, то чем меньше друзей имеют с ней дело, пока толки не затихнут, тем лучше. Поэтому Анабелла не должна иметь ничего общего с Молли Гибсон, в этот приезд, во всяком случае.

Долгое время мисс Браунинг держали в неведении относительно злых языков, что нашептывали о Молли жестокие слова. Мисс Браунинг была известна своей "вспыльчивостью", и все, кому доводилось общаться с ней, подсознательно избегали раздражать ее вспыльчивый характер, пренебрежительно отзываясь о малейшем из тех созданий, над которыми распростерлась защита ее любви. Она бы упрекнула и упрекала их сама; она, бывало, хвасталась, что никогда не щадила их. И никто, кроме нее, не мог бы коснуться их пренебрежительным намеком мимолетного слова. Но мисс Фиби не внушала такого ужаса. Главная причина, почему до нее не дошли слухи о Молли одновременно со всеми остальными, была в том, что хотя она не была розой, она жила рядом с розой. Кроме того, она была такой нежной натурой, что даже толстокожая миссис Гудинаф не желала

говорить то, что причинило бы боль мисс Фиби. И это сделала новоприбывшая миссис Дауэс, в своем невежестве упомянув о городских пересудах. Мисс Фиби засыпала ее вопросами, несмотря на то, что возражала ей со слезами, совершенно не веря полученным ответам. Со своей стороны она совершила небольшой героический поступок, в течение четырех или пяти дней сохраняя в тайне от своей сестры Дороти все, что узнала. Пока однажды вечером мисс Браунинг не накинулась на нее со словами:

- Фиби! Либо у тебя есть причина испускать такие вздохи, либо нет. Если причина есть, твой долг немедленно рассказать мне о ней. А если у тебя нет причины, ты должна избавиться от этого, иначе это превратится у тебя в плохую привычку.

- О, сестра! Ты, правда, думаешь, что мой долг рассказать тебе? Для меня это было бы таким утешением. Но тогда я думала, что не должна. Это причинит тебе страдания.

- Чепуха. Я так хорошо подготовилась к несчастью частым размышлением о его возможности, что полагаю, могу принять любые плохие новости с явным спокойствием и истинным смирением. Кроме того, когда вчера ты сказала, что намерена потратить день, наводя порядок в ящиках, я была уверена, что надвигается какое-то несчастье, хотя, конечно, я не могла судить о его размерах. Хайчестерский банк лопнул?

- О нет, сестра! — ответила мисс Фиби, подвинув стул ближе к дивану, на котором сидела сестра. — Неужели ты, в самом деле, думала об этом?! Лучше бы мне с самого начала рассказать тебе о том, что я услышала, если ты вообразила подобное!

- Прими за предупреждение, Фиби, и запомни, что не нужно ничего скрывать от меня. Я, в самом деле, подумала, что мы разорены, по тому, как ты вела себя: не ела мясо за ужином и постоянно вздыхала. Ну, что случилось?

- Я не знаю, как тебе сказать, Дороти. В самом деле, не знаю.

Мисс Фиби начала плакать. Мисс Браунинг взяла ее за руку и немного резко ее встряхнула.

- Когда расскажешь мне, плачь, сколько тебе вздумается. Но не плачь сейчас, дитя, когда держишь меня в мучительной неизвестности.

- Молли Гибсон утратила свое честное имя, сестра. Вот!

- Молли Гибсон не сделала этого! — с негодованием воскликнула мисс Браунинг. — Как ты посмела повторять такие истории о дочери бедной Мэри? Никогда больше не рассказывай мне подобного.

- А что я могла поделать? Миссис Дауэс рассказала мне, по ее словам,

об этом говорит весь город. Я сказала ей, что не верю ни единому слову. И я скрyla это от тебя. Думаю, я бы, действительно, заболела, если бы и дальше продолжала это скрывать. О, сестра! Что ты собираешься делать?

Мисс Браунинг поднялась, не проронив ни слова, и вышла из комнаты величаво и решительно.

- Я собираюсь надеть шляпку и перчатки, а затем навестить миссис Дауэс и встретиться лицом к лицу с ее ложью.

- О, не называй это ложью, сестра. Это такое грубое, некрасивое слово. Называй лучше домыслом, не думаю, что она хотела причинить вред. Кроме того... кроме того... если слухи окажутся правдой? Право, сестра, у меня камень на сердце. Столько всего говорят, словно это может быть правдой.

- Что именно? — переспросила мисс Браунинг, по-прежнему стоя прямо, как судья в центре зала заседаний.

- Ну... ходили слухи, что Молли передала ему письмо.

- Кому ему? Как мне понять историю, рассказанную так нелепо? — мисс Браунинг села на ближайший стул и приготовилась, насколько могла, быть терпеливой.

- Ему, это мистеру Престону. И это может быть правдой, потому что я потеряла ее из виду, когда хотела спросить, как она думает, будет ли голубой цвет казаться зеленым при свете свечи, поскольку молодой человек сказал, что будет, а она перебежала улицу, и миссис Гудинаф как раз входила в лавку, когда она передавала ему письмо.

Страдания мисс Браунинг сдержали ее гнев, поэтому она всего лишь сказала: — Фиби, я думаю, ты сведешь меня с ума. Расскажи же мне, что ты узнала от миссис Дауэс, разумно и связно хотя бы раз в жизни.

- Я стараюсь изо всех сил рассказать тебе все так, как оно случилось.

- Что ты узнала от миссис Дауэс?

- Что Молли и мистер Престон встречались, словно служанка с садовником: встречались в неподходящее время и безлюдных местах, она падала в обморок ему на руки, они выходили поздно вечером вместе, писали друг другу, незаметно передавая письма из рук в руки. Вот то, о чем я говорила, сестра, однажды я почти увидела, как это происходило. Я увидела своими собственными глазами, как она бежит через улицу к лавке Гринстеда, где находился он, поскольку мы только что вышли оттуда; с письмом в руке, которого у нее не оказалось, когда она вернулась запыхавшаяся и покрасневшая. Но в то время я ничего такого не думала, но теперь весь город говорит об этом, ужасный стыд, и говорят, что они должны пожениться, — мисс Фиби снова разрыдалась, но внезапно

вздрагнула от хорошей оплеухи. Мисс Браунинг стояла над ней, почти дрожа от гнева.

- Фиби, если я когда-либо снова услышу от тебя подобные вещи, я выгоню тебя из дома в ту же минуту.

- Я только передала то, что говорила миссис Дауэс, и ты спросила меня, что именно, — ответила мисс Фиби кротко и смиренно. — Дороти, тебе не следовало этого делать.

- Неважно, следовало или не следовало. Сейчас дело не в этом. Что я должна решить, так это как остановить все эти лживые слухи.

- Но, Дороти, они вовсе не лживые... если ты называешь их так. Боюсь, некоторые слухи правдивы, хотя когда миссис Дауэс пересказала мне их, я придерживалась мнения, что это все ложь.

- Если я пойду к миссис Дауэс, и она повторит их мне, боюсь, я влеплю ей пощечину или оплеуху, поскольку не смогу вынести, чтобы о дочери бедной Мэри говорили так, словно их взбудоражила новость о двухголовом поросенке Джеймса Хоррокса, — заметила мисс Браунинг, рассуждая вслух. — Это причинит вред вместо пользы. Фиби, мне, в самом деле, жаль, что я дала тебе оплеуху, только я снова это сделаю, если ты скажешь подобное, — Фиби села рядом с сестрой, взяла ее морщинистую руку и начала гладить, тем самым она принимала раскаяние сестры. — Если я поговорю с Молли, девочка станет это отрицать, словно она вполтину такая же никчемная, как о ней говорят. А если не поговорю, она лишь изведет себя до смерти. Нет, этого не стоит делать. Миссис Гудинаф — ослица, даже если мне удастся убедить ее, она не сможет убедить кого-то другого. Нет. Миссис Дауэс, которая рассказала тебе, расскажет мне, и я свяжу себе руки и буду обречена сохранить мир. И когда я услышу то, что должно быть услышано, я передам дело в руки мистера Гибсона. Вот, что я сделаю. Поэтому, Фиби, тебе бесполезно говорить что-либо против этого, я не стану тебя слушать.

Мисс Браунинг отправилась к миссис Дауэс и начала достаточно вежливо расспрашивать ее о ходящих в Холлингфорде слухах, касательно Молли и мистера Престона. И миссис Дауэс, попав в ловушку, рассказала обо всех настоящих и вымышленных обстоятельствах истории, совершенно не подозревая о грозе, что готова была разразиться над ней, как только она замолчит. Но миссис Дауэс не имела долгой привычки благоговения перед мисс Браунинг, которой придерживалось большинство холлингфордских дам. Она защищала себя и собственную правоту, разглашая новый скандал, в который по ее словам, она не верит, в отличие

от многих. И привела такое множество свидетельств, подтверждавших правоту ее слов, что мисс Браунинг была почти подавлена, и когда миссис Дауэс покончила с собственными оправданиями, ее собеседница сидела молчаливая и несчастная.

- Что ж! — произнесла она наконец, поднимаясь со стула. — Мне очень жаль, что я дожила до этого дня. Для меня это стало ударом, как будто я услышала о проступках собственной плоти и крови. Я полагаю, мне следует извиниться перед вами, миссис Дауэс, за свои слова. Но я не решусь это сделать сегодня. Мне не следовало бы так говорить. Но это не относится к делу.

- Я надеюсь, вы отдаете мне должное, понимая, что я только повторила то, что услышала из достойных источников, мисс Браунинг, — сказала миссис Дауэс в ответ.

- Моя дорогая, какими бы авторитетными не были источники, не повторяйте зло, пока, произнося его, вы не сможете сделать добро, — ответила мисс Браунинг, положив руку на плечо миссис Дауэс. — Я не добродетельная женщина, но я знаю, что такое хорошо, и это совет. Думаю, теперь я могу сказать вам, что прошу прощения за то, что так налетела на вас. Но Богу известно, какую боль вы мне причинили. Вы простите меня, не так ли, дорогая? — миссис Дауэс почувствовала, как дрожит рука на ее плече и увидела, как искренне расстроена мисс Браунинг, поэтому ей было нетрудно даровать требуемое прощение. Затем мисс Браунинг пошла домой и обменялась всего парой слов с Фиби, которая довольно хорошо поняла, что сестра услышала подтверждение слухов, и ей не нужно больше объяснять причину едва тронутого ужина, коротких фраз и печальных взглядов. Некоторое время спустя мисс Браунинг села и написала короткую записку. Затем она позвонила в колокольчик и приказала служанке отнести записку мистеру Гибсону, а если его не будет дома, проследить, чтобы ее передали ему, как только он вернется домой. Затем она пошла и надела свой воскресный чепец, и мисс Фиби знала, что сестра пригласила мистера Гибсона прийти к ним, чтобы рассказать ему о слухах, касающихся его дочери. Мисс Браунинг была сильно расстроена полученными новостями и задачей, которая стояла перед ней. Она чувствовала себя ужасно неловко и раздражалась на мисс Фиби, хлопковая пряжа, которой она вязала, постоянно рвалась от резких движений ее нервных рук. Когда раздался стук в дверь — хорошо знакомый стук доктора — мисс Браунинг сняла очки и, бросив их на ковер, разбила. Затем она попросила мисс Фиби выйти из комнаты, словно ее присутствие могло сглазить и причинить несчастье. Ей хотелось выглядеть

естественно, но она была расстроена, позабыв, как обычно принимала его, сидя или стоя.

- Ну! — сказал он, бодро входя, и потер озябшие руки, подойдя к камину, — что с нами случилось? Это Фиби, полагаю? Надеюсь, ее прежние спазмы не повторились? Тем не менее, доза или две все приведет в порядок.

- О, мистер Гибсон, хотелось бы мне, чтобы это была Фиби или я! — произнесла мисс Браунинг, дрожа все больше.

Он терпеливо присел рядом с ней, заметив ее волнение, и взял за руку как добрый друг.

- Не торопитесь... не спешите. Полагаю, все не так плохо, как вы думаете. Мы позаботимся об этом. В мире много помощи, как бы мы не злоупотребляли ею.

- Мистер Гибсон, — сказала она, — это ваша Молли, я так сожалею. Теперь все раскрылось, и Бог поможет нам обоим, и бедной девочке тоже, я уверена, она сбилась с пути и не поступила бы так по своей собственной воле.

- Молли! — воскликнул он, защищаясь от ее слов. — Что моя маленькая Молли сделала или сказала?

- О, мистер Гибсон, я не знаю, как вам сказать. Я бы никогда не упомянула об этом, если бы меня не убедили совершенно против моей воли.

- Во всяком случае, позвольте мне услышать то, что вы узнали, — сказал он, ставя локоть на стол и прикрывая глаза рукой. — Не то чтобы я немного боюсь того, что вы слышали о моей девочке, — продолжил он. — Только в этом маленьком рассаднике сплетен хорошо бы знать, о чем говорят люди.

- Они говорят... о! Как мне рассказать вам?

- Продолжайте, — попросил он, убирая руку от горящих глаз. — Я не собираюсь этому верить, поэтому не бойтесь!

- Боюсь, вы должны в это поверить. Я не могла не поверить в это. Она поддерживала тайную переписку с мистером Престоном!

- Мистером Престоном?! — воскликнул он.

- И встречалась с ним во всех неподобающих местах и непристойное время, на улице... в темноте... падала в обморок ему... ему на руки, если я должна это выговорить. Весь городок говорит об этом, — мистер Гибсон снова прикрыл глаза рукой, не подав ей знака замолчать, поэтому мисс Браунинг продолжила, добавляя по чуть-чуть. — Мистер Шипшэнкс видел их вместе. Они обменялись записками в лавке Гринстеда. Она побежала за

ним туда.

- Успокойтесь, — сказал мистер Гибсон, убирая руку и показывая суровое, неподвижное лицо. — Я услышал достаточно. Не продолжайте. Я сказал, что не поверю в это, и я не верю. Полагаю, я должен поблагодарить вас за то, что вы рассказали мне, но я не могу.

- Мне не нужны ваши благодарности, — ответила мисс Браунинг, почти крича. — Я подумала, что вам следует знать. Хотя вы снова женились, я не могу забыть, что когда-то вы были мужем бедной Мэри, а Молли — ее дитя.

- Я бы предпочел больше не говорить об этом сейчас, — произнес он, вовсе не отвечая на последние слова мисс Браунинг. — Я не могу контролировать себя, как должно. Мне только хочется встретиться с Престоном и отхлестать его до полусмерти. Я бы хотел излечиться от этих клеветнических слухов. Я бы заставил их языки замолчать на некоторое время. Моя маленькая девочка! Какой вред она причинила им всем, что они запятнали ее честное имя?

- Боюсь, мистер Гибсон, это все правда. Я бы не послала за вами, если бы все не проверила. Выясните правду, прежде чем совершать какое-либо насилие — хлестать кнутом или отравлять.

Мистер Гибсон рассмеялся, что было нелогично для разгневанного человека:

- Что я сказал об избиении и отравлении? Вы думаете, я бы позволил, чтобы имя Молли склоняли на улицах в связи с каким-либо насилием с моей стороны? Позволим слухам умереть, еще не родившись. Время докажет их ложность.

- Я так не думаю, и мне жаль, — ответила мисс Браунинг. — Вы должны что-то сделать, но я не знаю, что.

- Я поеду домой и расспрошу саму Молли, что все это значит. Вот все, что я сделаю. Это слишком нелепо... я хорошо знаю Молли, это совершенно нелепо, — он встал и прошелся по комнате поспешными шагами, время от времени посмеиваясь короткими смешками. — Что же они скажут затем? "Сатана всегда найдет недостойное дело для праздных рук".

- Пожалуйста, не говорите о сатане в этом доме. Никто не знает, что может случиться, если помянуть его, — умоляла мисс Браунинг.

Он, не обращая на нее внимания, продолжил говорить сам с собой:

- Я был не прочь уехать из города; и какую пищу для слухов преподнесет этот глупый поступок! — некоторое время он молчал, засунув руки в карманы, и, опустив глаза в пол, продолжил свое движение по

шканцам. Внезапно он остановился рядом со стулом мисс Браунинг: — Я совершенно неблагодарен вам за тот истинный знак дружбы, который вы мне оказали. Будь это правдой или ложью, вы правильно решили, что мне следовало знать о мерзких слухах. Вам было неприятно рассказывать их мне. Благодарю вас от всей глубины моего сердца.

- В самом деле, мистер Гибсон, если бы это было ложью, я бы никогда об этом не упомянула, но пусть слухи утихнут.

- Это неправда! — сказал он упрямо, уронив руку, которую протянул в своем излиянии благодарности.

Она покачала головой: — Я всегда буду любить Молли ради ее матери, — сказала она. И это было великое признание от правильной мисс Браунинг. Но отец Молли не понял этого.

- Вам следовало бы любить ее ради нее самой. Она не сделала ничего, чтобы опозорить себя. Я немедленно отправлюсь домой и добьюсь правды.

- Как будто бедная девочка, которую уже вовлекли в обман, будет долго колебаться перед тем, как солгать, — ответила мисс Браунинг на эти последние слова мистера Гибсона. Но она была достаточно благоразумна, чтобы произнести это, когда он находился уже вне пределов слышимости.

Глава XLVIII

Невинная преступница

Наклонив голову, словно ему в лицо дул резкий ветер, — хотя на улице было тихо, — мистер Гибсон быстрым шагом шел к своему дому. Он позвонил в колокольчик, с его стороны это был необычный поступок. Мария открыла дверь.

- Пойдите и скажите мисс Молли, что ее ждут в столовой. Не говорите, кто ее ждет, — что-то в словах мистера Гибсона заставило Марию с точностью выполнить его поручение, несмотря на вопрос удивленной Молли:

- Ждут меня? Кто, Мария?

Мистер Гибсон прошел в гостиную и закрыл дверь, чтобы остаться в одиночестве. Он подошел к камину, оперся о каминную полку и склонил голову на руки, стараясь успокоить биение сердца.

Дверь открылась. Он знал, что Молли стоит у дверей еще до того, как услышал ее удивленный возглас:

- Папа?!

- Тише! — произнес он, резко оборачиваясь. — Закрой дверь. Подойди сюда.

Молли подошла к нему, гадая, что случилось. Она тут же подумала о Хэмли.

- Это Осборн? — спросила она, не дыша. Если бы мистер Гибсон не был настолько взволнован, чтобы рассуждать спокойно, из этих двух слов он мог бы сделать утешительный вывод.

Но вместо того, чтобы позволить себе искать утешение из второстепенных свидетельств, он спросил:

- Молли, что это я узнал? Ты тайком общалась с мистером Престоном... встречалась с ним в отдаленных местах, украдкой обменивалась с ним письмами?

Хотя он признался, что не верит во все эти слухи, и в глубине души не верил им, его голос был твердым и жестким, лицо — бледным и мрачным, а взгляд, прикованный к Молли, остро следил за ней. Она задрожала с головы до ног, но не сделала попытки отвести глаза. Если она молчала некоторое время, то только потому, что поспешно обдумывала свою причастность к делам Синтии. Молчание длилось всего мгновение, но для того, кто страстно ожидал негодующего отрицания, оно казалось долгим. Мистер Гибсон схватил ее за запястья. Он не осознавал своего поступка, но так как его нетерпение росло, он сжимал ее руки все крепче, пока она непроизвольно не застонала от боли. И тогда он отпустил ее, Молли смотрела на свои истерзанные руки, и слезы быстро наворачивались ей на глаза, стоило только подумать, что ее отец, мог причинить ей боль. В этот момент ей это показалось более странным, чем то, что он, должно быть, узнал правду — даже в преувеличенной форме. Словно маленький ребенок, она протянула к нему руки, ожидая, что ее пожалеют, но ничего не получила.

- Уф! — воскликнул он, взглянув на отметины, — это ничего... ничего. Ответь на мой вопрос. Ты... ты встречалась с этим человеком наедине?

- Да, папа, встречалась. Но я не думаю, что это было предосудительно.

Мистер Гибсон был удовлетворен: — Предосудительно! — с горечью повторил он. — Вовсе не предосудительно? Что ж! Как-нибудь я должен это выдержать. Твоя мама умерла. Одно это утешает. Верно, не так ли? Я не верил этому... не мог. Я смеялся исподтишка над их легковерием. А все это время я был в дураках!

- Папа, я не могу рассказать тебе всего. Это не моя тайна, иначе ты непременно обо всем узнал. Ты будешь сожалеть... я никогда не

обманивала тебя, разве я могла? — она пыталась взять его за руку, но он упрямо держал руки в карманах, его глаза изучали рисунок на ковре. — Папа! — произнесла Молли, снова умоляя, — разве я тебя когда-либо обманивала?

- Что я могу сказать? Я узнал об этом из городских пересудов. Я не знаю, что из этого может выйти!

- Городских пересудов?! — испуганно повторила Молли. — Какое им дело до этого?

- Каждый считает, что это его дело облить грязью имя девушки, которая пренебрегла всеобщими правилами скромности и пристойности.

- Папа, ты очень жесток. Пренебрегла скромностью! Я скажу тебе точно, что я сделала. Я один раз встретила с мистером Престоном... в тот вечер, когда ты высадил меня, чтобы я прошла через Кростон-Хит... а там с ним был другой человек. Я встретила с ним во второй раз... в этот раз, как было условлено... никто, кроме нас двоих... в парке Тауэrsa. Это все, папа. Ты должен доверять мне. Я не могу объяснить больше. Ты должен доверять мне.

Он не мог не смягчиться от ее слов — в тоне, котором они были произнесены, была такая искренность. Но он молчал и не двигался несколько минут. Затем поднял на нее глаза впервые с тех пор, как она призналась ему. Лицо Молли было очень бледным, но на нем был отпечаток последней искренности смерти, когда истинное выражение побеждает временное притворство.

- А письма? — спросил он, почти устыдившись, своих сомнений.

- Я отдала ему одно письмо... в котором я не написала ни строчки, и которое, на самом деле, было просто конвертом, без написанного содержимого. Передача того письма... две встречи, которые я упоминала... это все личное общение, которое состоялось у меня с мистером Престоном. О! папа, что они говорили такого, что огорчило... настолько тебя потрясло?

- Не имеет значения. По нынешним временам, то, что ты сделала, Молли, уже достаточное основание для слухов. Ты должна рассказать мне все. Я должен суметь опровергнуть эти слухи от начала до конца.

- Как их можно опровергнуть, когда ты говоришь, что правда, в которой я призналась, достаточное основание для того, чтобы о ней говорили.

- Ты говоришь, что действовала не для себя, а для другого человека. Если ты расскажешь мне, кто был этим другим... если ты расскажешь мне все целиком, я сделаю все возможное, чтобы защитить ее — конечно, я

догадываюсь, что это была Синтия — пока я оправдываю тебя.

- Нет, папа! — сказала Молли, немного подумав. — Я рассказала тебе все, что могла. Это все касается меня. Я пообещала больше не рассказывать ни слова.

- Тогда твоя репутация будет поставлена под сомнение. Этого не миновать, пока ты не дашь самого полного объяснения этим тайным встречам. Я намерен вырвать всю правду из уст самого Престона!

- Папа! Еще раз прошу тебя доверять мне. Если ты спросишь мистера Престона, скорее всего, ты услышишь всю правду, но именно правду я пытаюсь с таким трудом скрыть, поскольку, если она выйдет наружу, это сделает несчастными нескольких человек, а со всей этой историей теперь покончено.

- Но не с твоим участием в ней. Мисс Браунинг послала за мной сегодня вечером, чтобы рассказать мне, что о тебе говорят люди. Она намекала, что ты полностью утратила свое доброе имя. Ты не знаешь, Молли, что даже самая малость может очернить репутацию девушки на всю жизнь. Все, что она сказала, было очень тяжело вынести, хотя я не верил ни единому слову. А теперь ты говоришь мне, что многое из сказанного, правда.

- Но я думаю, ты — храбрый человек, папа. И ты веришь мне, не так ли? Мы переживем эти слухи, не бойся.

- Ты не знаешь, насколько сильны языки недоброжелателей, дитя, — сказал он.

- Раз ты снова называешь меня "дитя", я ничего не боюсь. Дорогой, любимый папа, я уверена, самое лучшее и самое мудрое решение — не обращать внимания на эти толки. В конце концов, они вовсе не подразумевают недоброжелательности. Уверена, что мисс Браунинг не имела ввиду ничего подобного. Со временем люди почти забудут, сколь много они раздули из малого... а если даже не забудут, ты ведь не заставишь меня нарушить клятву?

- Возможно, нет. Но я не могу так легко забыть о людях, которые, пользуясь твоей щедростью, поставили тебя в это затруднительное положение. Ты очень юна и смотришь на подобные вещи как на временное зло. У меня больше опыта.

- Все же, я не понимаю, что я могу сейчас сделать, папа. Возможно, я поступила глупо, но то, что я сделала, я сделала сама. Меня не заставляли. И я уверена, с точки зрения морали это не было предосудительно, как бы об этом ни судили. Как я сказала, все уже кончено, то, что я сделала, завершило дело, и мой поступок был совершен именно с этой целью. Если

люди предпочитают говорить обо мне, я должна смириться, и так же должен сделать ты, дорогой папа.

- Твоя мама... миссис Гибсон... знает что-нибудь об этом? — спросил он с внезапным беспокойством.

- Нет, ничего, ни слова. Прошу, не говори ей. Это может привести к еще большему недоразумению. Я рассказала тебе все, что была вольна рассказать.

Мистер Гибсон с большим облегчением узнал, что его страх оказался безосновательным. Его охватил внезапный ужас при мысли, что та, которую он выбрал в жены, дабы она исполняла роль защитницы и проводника для его дочери, была осведомлена об этом неблагоприятном приключении с мистером Престоном. Даже более того, что она могла подстрекать Молли, чтобы спасти свою собственную дочь. То, что Синтия была истинной причиной всего произошедшего, он ничуть не сомневался. Во всяком случае, миссис Гибсон не играла в этой истории вероломную роль, это единственное утешение, которое он смог вынести из таинственного признания Молли.

- Тогда что нужно сделать? — спросил он. — Эти слухи распространяются, мне ничего не предпринимать, чтобы прекратить их? Я должен ходить, улыбаться и довольствоваться этими разговорами о тебе, переходя от одной пустой сплетни к другой?

- Боюсь, что так. Мне очень жаль, поскольку я не хотела, чтобы ты что-нибудь узнал, и теперь я понимаю, как это, должно быть, расстраивает тебя. Конечно, раз больше ничего не случится, и из произошедшего ничего не выйдет, удивление и слухи должны затихнуть. Я знаю, ты веришь каждому моему слову и веришь мне, папа. Пожалуйста, ради меня, терпеливо относись ко всем этим слухам и болтовне.

- Мне будет трудно, Молли, — заметил он.

- Ради меня, папа!

- Я не понимаю, что еще я могу сделать, — повторил он уныло, — только поколотить Престона.

- Это было бы хуже всего. От этого пойдут разговоры. И, в конце концов, возможно, не стоит его столь сильно винить. Да! Он замешан в этой истории. Но он вел себя со мной по возможности порядочно, — сказала она, внезапно вспомнив его слова, когда мистер Шипшэнкс появился в парке Тауэrsa: "Не двигайтесь, вы не сделали ничего постыдного".

- Это правда. Ссоры между мужчинами, которая затрагивает имя женщины, стоит избегать любой ценой. Но рано или поздно я должен

выяснить отношения с Престоном. Он поймет, что не так приятно ставить мою дочь в двусмысленное положение.

- Он не ставил меня. Он не знал, что я приду, не ожидал увидеть меня оба раза, и скорее всего, если бы мог, не взял бы письмо, которое я передала ему.

- Все это тайна. Мне ненавистно думать, что ты втянута в тайны.

- Ненавижу быть втянутой. Но что я могу поделать? Мне известно о другой тайне, о которой я обещала не говорить.

- Что ж, все, что я могу сказать: никогда не будь хранительницей тайны, если приходится быть соучастницей. Полагаю, я должен уступить твоим желаниям и позволить этому скандалу пройти без внимания с моей стороны?

- Что ты еще можешь сделать в этих обстоятельствах?

- В самом деле, что? Как ты это вынесешь?

Через мгновение быстрые горячие слезы выступили у нее на глазах; девушке, которая никогда не думала и не говорила зло о людях, казалось, тяжело будет вынести, чтобы все... весь ее мир... думал о ней дурно. Но она улыбнулась, отвечая отцу:

- Это как выдернуть зуб, через некоторое время будет кончено. Было бы намного хуже, если бы я действительно поступила дурно.

- Пусть Синтия поостережется... — начал он. Но Молли закрыла его рот своей рукой.

- Папа, Синтию не должно обвинять или подозревать. Ты прогонишь ее из дома, если так будешь делать, она такая гордая, кроме тебя ее некому защитить. И Роджер... ради Роджера ты никогда не сделаешь и не скажешь ничего, чтобы отослать Синтию, раз он доверил нам позаботиться о ней и любить ее в его отсутствие. О! Я думаю, что если бы она, в самом деле, была злой, я бы вовсе не любила ее, я бы чувствовала себя обязанной присматривать за ней, ведь он так сильно любит ее. У нее очень доброе сердце, и я сильно люблю ее. Ты не должен волновать или причинять боль Синтии, папа... запомни, она зависит от тебя!

- Я думаю, мир стал бы довольно хорошим, если бы в нем не было женщин. Они изведут любого. Из-за тебя я позабыл о бедном старом Джобе Хоутоне, которого должен был осмотреть час назад.

Молли подставила губы для поцелуя.

- Ты не сердись теперь на меня, папа, правда?

- Уйди с глаз моих, — ответил он, целуя ее. — Если я и не сержусь на тебя, то мне следовало бы. Ты причинила мне столько беспокойства, что я еще не скоро от него избавлюсь, могу тебе сказать.

Во время этого разговора, несмотря на всю храбрость, Молли пострадала больше, чем ее отец. Он избегал этих пересудов, а она постоянно оказывалась в маленьком обществе городка. Сама миссис Гибсон простудилась и более того, ее не прельстила спокойная, старомодная поездка в гости, планируемая как раз в это время, и вызванная приездом двух милых, неучтивых племянниц миссис Дауэс, которые смеялись, болтали, ели и охотно бы флиртовали с мистером Эштоном, викарием, если бы ему представилась возможность понять, что происходит. Мистер Престон отказывался принимать приглашения на Холлингфордские чаепития с той же пылкой признательностью, что и год назад; иначе тень, которая нависла над Молли и нанесла жестокую обиду женской добродетели городка, могла распространиться и на него, ее соучастника в тайных встречах. Саму Молли приглашали на вечерние чаепития, поскольку не стоило проявлять столь явного пренебрежения ни мистером, ни миссис Гибсон; но существовал молчаливый и тайный протест против того, чтобы принимать Молли на прежних основаниях. Все были вежливы с ней, но в этой вежливости не было сердечности. Их поведение с ней не было прежним, в нем ощущались очень заметные перемены — но они не поддавались очертанию и определению. И Молли, несмотря на все свое ясное сознание и храброе сердце, остро ощущала, что ее только терпят, а не радушно встречают. Она уловила гудящий шепот обеих мисс Оукс, которые, впервые встретив героиню господствующего скандала, косо на нее посмотрели и критиковали ее притязание на привлекательную внешность, едва ли стараясь понизить голос. Молли пыталась быть благодарной, что ее отец не в настроении наносить визиты. Чувствуя такое равнодушие и унижение от жителей городка, она была даже рада, что ее мачеха слишком больна, чтобы выходить. Сама мисс Браунинг, верная старая подруга, разговаривала с ней с прохладным достоинством и весьма сдержанно. Она так и не услышала ни слова от мистера Гибсона с того вечера, когда причинила себе столько боли, рассказывая ему о неприятных слухах, касающихся его дочери.

Только мисс Фиби искала общества Молли даже с большей нежностью, чем прежде, и это испытывало спокойствие Молли даже больше, чем все пренебрежение, вместе взятое. Нежная рука, пожимавшая ее руку под столом, постоянное обращение к ней, словно для того, чтобы вернуть ее к разговору, трогали Молли почти до слез. Порой бедная девушка размышляла про себя, не была ли эта перемена в поведении ее знакомых всего лишь ее собственной фантазией; или, не будь того разговора с отцом, который она вынесла так смело, обнаружила бы она

перемену в обращении с собой? Она никогда не рассказывала отцу, каково ей было чувствовать это постоянное пренебрежение: по своей доброй воле она предпочла нести это бремя. Нет, более того, она настаивала, чтобы ей позволили так поступить. Огорчать отца теперь, показывая, что она избегает последствий своего собственного поступка, было бы противно ее натуре. Поэтому она никогда не искала повода, чтобы не пойти немного развлечься или отказаться присоединиться к обществу Холлингфорда. Она вдруг перестала сдерживать напряжение, в котором жила, лишь однажды вечером, когда отец сказал ей, что всерьез обеспокоен кашлем миссис Гибсон, и хотел бы, чтобы Молли отказалась от вечера у миссис Гудинаф, на который пригласили их всех троих, но на который Молли собиралась пойти одна. Сердце Молли радостно заколотилось при мысли о том, что она может остаться дома, хотя в следующее мгновение ей пришлось винить себя за радость по поводу временной передышки, которая была куплена страданиями другого. Тем не менее, лекарство, предписанное мужем, пошло на пользу миссис Гибсон. И она была особенно признательна и ласкова с Молли.

- Право слово, дорогая! — сказала она, глядя Молли по голове, — я думаю, твои волосы становятся мягче и теряют эту неприятную волнистость.

Молли знала, что ее мачеха пребывает в хорошем настроении — гладкость или волнистость ее волос были бесспорными признаками расположения, в котором пребывала в данный момент миссис Гибсон.

- Мне так жаль, что из-за меня тебе не пришлось пойти на этот вечер, но твой дорогой отец так беспокоился. Я всегда была чем-то вроде домашнего питомца для джентльменов, и бедный мистер Киркпатрик никогда не знал, где остановиться в заботе обо мне. Но я думаю, мистер Гибсон даже более безрассудно нежен: напоследок он произнес: "Берегите себя, Гиацинта". А затем снова вернулся и сказал: "Если вы не последуете моим указаниям, я не стану отвечать за последствия". Я погрозила ему пальцем и ответила: "Не беспокойтесь, глупенький".

- Я надеюсь, мы выполнили все, что он велел, — заметила Молли.

- О да! Я чувствую себя намного лучше. Знаешь, я думаю, ты еще можешь пойти к миссис Гудинаф. Мария могла бы проводить тебя. Мне бы хотелось видеть тебя красиво одетой. Когда неделю или две носишь скучную теплую одежду, начинаешь страстно желать ярких цветов и вечерних платьев. Поэтому иди и подготовься, дорогая, тогда, возможно, ты принесешь мне какие-нибудь новости, поскольку последние две недели я не видела никого, кроме тебя и твоего отца. Я вполне нахандрилась и

напечалилась и не выношу, когда молодых людей удерживают от веселья, подходящего их возрасту.

- О, прошу, мама! Я бы предпочла не ходить!

- Очень хорошо! Очень хорошо! Только я думаю, с твоей стороны довольно эгоистично отказываться, когда ты видишь, как мне хочется принести жертву ради тебя.

- Но раз вы говорите, что это для вас жертва, я не хочу идти.

- Очень хорошо. Разве я не сказала, что ты могла бы остаться дома? Только прошу, не пререкайся, ничто так не утомляет больного человека.

Некоторое время они молчали. Миссис Гибсон нарушила тишину, вяло произнеся:

- Ты можешь рассказать что-нибудь забавное, Молли?

Молли вытянула из глубин своей памяти несколько незначительных банальностей, о которых она почти забыла, но поняла, что они совсем не забавны, и миссис Гибсон, казалось, почувствовав это, сказала:

- Как бы мне хотелось, чтобы Синтия была дома, — и Молли восприняла ее слова как упрек собственной несообразительности.

- Мне написать ей и попросить вернуться?

- Ну, я не уверена. Мне хотелось бы знать многое. Ты не слышала ничего о бедном Осборне Хэмли за последнее время?

Помня наказ отца не говорить о здоровье Осборна, Молли не ответила, но в ответе не было нужды, поскольку миссис Гибсон продолжала размышлять вслух.

- Видишь ли, если мистер Хендерсон был таким же внимательным, каким он был весной... а шансы Роджера... я буду сильно сожалеть, если что-нибудь случится с этим молодым человеком, таким неуклюжим, но должна признать, что Африка не просто нездоровая... она дикая... и даже в некоторых районах каннибальская. Я часто думаю обо всем, что прочитала в географических книгах, лежа без сна по ночам, и если мистер Хендерсон в самом деле испытывает привязанность... Будущее скрыто от нас безграничной мудростью, Молли, но мне хотелось бы узнать его. Можно было бы просчитать свое поведение в настоящем намного лучше, если бы только знать, какие события должны последовать. Но я думаю, нам лучше не тревожить Синтию. Если бы только узнать вовремя, мы могли бы спланировать так, чтобы она приехала с лордом Камнором и миледи.

- Они возвращаются? Леди Камнор достаточно выздоровела для поездок?

- Да, разумеется. Иначе я бы не обсуждала, могла бы Синтия приехать с ними или нет. Это бы звучало очень хорошо... более чем уважительно, и

придало бы ей положения в юридическом кругу Лондона.

- Значит леди Камнор лучше?

- Конечно. Я думала, твой отец рассказал тебе об этом. Но, разумеется, он всегда так тщательно заботится о том, чтобы не говорить о своих пациентах. Вполне правильно... вполне правильно и деликатно. Он едва ли рассказывает мне, как у них дела. Да! Граф и графиня, и леди Харриет, и лорд, и леди Куксхавен, и леди Агнес. Я заказала новую зимнюю шляпку и черный атласный плащ.

Глава XLIX

Молли Гибсон находит защитника

Леди Камнор настолько оправилась от жестоких приступов своей болезни и прошедшей операции, что смогла перебраться в Тауэрс, дабы переменить климат. Туда ее препроводила вся семья со всей роскошью и великолепием, подобающим больной супруге пэра. Существовала вероятность, что "семейство" задержится в Тауэрсе немного дольше, чем в последние несколько лет, в течение которых они скитались туда и сюда в поисках здоровья. Так или иначе, было приятно спокойно приехать в старинный фамильный дом, и каждый член семьи по-своему этому радовался. Лорд Камнор больше всех. Его склонность к болтовне и любовь к мельчайшим подробностям едва ли пришлось кстати в суеде лондонской жизни и были пресечены в корне во время его временного пребывания на континенте, поскольку он не говорил бегло по-французски, и с трудом понимал французскую речь. Кроме того, он был большим собственником и хотел знать, как идут дела на его земле, как его арендаторы преуспевают в жизни. Он любил узнавать об их рождениях, браках и смертях и имел отличную память на лица. Короче говоря, лорд Камнор был пэром, напоминающим старушку-сплетницу. Но очень добродушную старушку: он разъезжал на своей дородной старой лошади, набив карманы монетками в полпенни для детей и маленькими мешочками с нюхательным табаком для стариков. Подобно старушке ему нравилось выпивать послеполуденный чай в гостиной своей жены, и за чашкой вызывавшего болтовню напитка он повторял все новости, услышанные им за день. Леди Камнор пребывала именно в том состоянии выздоравливающего человека, когда разговоры, подобные тем, что вел ее муж, были ей чрезвычайно приятны, но она всю свою жизнь так сурово презирала привычку слушать

сплетни, что полагала должным следовать логике — сначала выслушать, а после выразить презрительный протест. Тем не менее, в их семейный обычай вошло собираться всем вместе в комнате леди Камнор после возвращения с дневных прогулок пешком, поездок или после прогулок верхом, устраиваться возле камина, потягивать чай во время ее ранней трапезы, рассказывать отрывки местных новостей, которые они узнали за утро. После того как члены семьи изложили все, что хотели сказать (но не ранее), им всегда приходилось выслушивать короткую проповедь от ее светлости на избитые темы: о том, как низко обсуждать людей, о том, что услышанные новости, вероятно, лживые, и о том, как деградирует человек, повторяя их. В один из тех ноябрьских вечеров вся семья собралась в комнате леди Камнор. Она лежала, вся задрапированная в белое и укрытая индийской шалью, на софе возле камина. Леди Харриет сидела на коврике, возле камина, и, подбирая падающие угольки миниатюрными щипцами, водружала их на красную и душистую грудку в центре очага. Служанка леди Камнор пыталась разливать чай при свете одной маленькой свечи, поскольку из-за ослабленного зрения леди Камнор не выносила яркого света. И огромные безлиственные ветви деревьев за стенами дома скребли по окнам, подгоняемые усиливающимся ветром.

У леди Камнор была привычка бранить тех, кого она любила сильнее всего. Она постоянно бранила своего супруга, и тем не менее, скучала по нему теперь, когда он немного задерживался, и заявила, что не желает чаю. Но семья знала, это только потому, что его не было рядом, чтобы она могла поворчать на него за его неизменную глупость — он забывал, что ей нравилось класть сахар в чашку прежде, чем наливать сливки. Наконец, лорд Камнор ворвался в комнату:

- Прошу прощения, миледи... я припозднился немного дольше, чем следовало. Как?! Вы еще не пили свой чай? — воскликнул он, засуетившись, чтобы приготовить чай своей жене.

- Вы же знаете, что я никогда не наливаю сливки, пока не положу сахар, — сказала она, делая даже более сильное ударение на слове "никогда", чем обычно.

- О, боже! Какой я простофиля! На этот раз я мог бы это запомнить. Видите ли, я встретил старого Шипшэнкса, в этом причина.

- Причина того, что вы протягиваете мне сливки прежде сахара? — спросила его жена. Это была одна из ее грозных шуток.

- Нет, нет! Ха, ха! Полагаю, сегодня вечером вам лучше, моя дорогая. Но, как я говорил, Шипшэнкс неизменный любитель поговорить, от него не сбежишь, я не имел представления, что уже так поздно!

- Ну, самое малое, что вы можете сделать, это пересказать нам что-нибудь из беседы мистера Шипшэнкса, раз уж вы оторвались от него.

- Беседы?! Я назвал это беседой? Не думаю, что я много говорил. Я слушал. Ему, в самом деле, всегда есть что порассказать. Больше, чем, например, Престону. И, между прочим, он рассказал мне кое-что о Престоне... Старина Шипшэнкс полагает, что тот вскоре женится... он говорит, что ходит много слухов о нем и дочери Гибсона. Видели, как они встречаются в парке, переписываются, и всякое такое, что, похоже, приведет к свадьбе.

- Мне будет очень жаль, — заметила леди Харриет. — Мне всегда нравилась эта девочка. И я не выношу папин образчик управляющего.

- Полагаю, это неправда, — очень отчетливо произнесла леди Камнор в сторону леди Харриет. — Сегодня папа собирает истории, чтобы на следующий день их же и опровергнуть.

- Но эта история похожа на правду. Шипшэнкс сказал, что все пожилые дамы в городке ухватились за нее, и из этого выходит огромный скандал.

- Не думаю, что эта история кажется прекрасной. Интересно, как могла Клэр позволить, чтобы подобное произошло, — заметила леди Куксхавен.

- Думаю, что скорее родная дочь Клэр — та довольно хитрая мисс Киркпатрик — настоящая героиня этой истории, — сказала леди Харриет. — Она похожа на героиню благородной комедии. Такие юные леди были способны на множество невинных интриг, если я правильно помню. Теперь крошка Молли Гибсон бесспорно находится в затруднительном положении, которое сделает ее неспособной к любым тайным проступкам. К тому же, "тайным"! Девочка сама правдивость. Папа, ты уверен, что мистер Шипшэнкс сказал, что именно Молли Гибсон вызвала скандал в Холлингфорде? Разве это была не мисс Киркпатрик? Стоит вспомнить ее и мистера Престона, и их женитьба не кажется такой уж нелепой. Но если это мой маленький дружок Молли, я пойду в церковь и заявлю протест против заключения брака.

- Право, Харриет, я не понимаю, что заставляет тебя всегда проявлять такой интерес ко всем этим мелким холлингфордским делам.

- Мама, это всего лишь отплата. Люди проявляют живейший интерес ко всему, что мы говорим и делаем. Если бы я собиралась выходить замуж, им бы хотелось узнать все возможные подробности: когда мы впервые встретились, что мы впервые сказали друг другу, что на мне было надето, сделал ли он предложение письменно или лично. Уверена, эти

добропорядочные барышни Браунинг были прекрасно информированы о методах, какими Мэри управляется со своими детьми, об образовании ее девочек, поэтому это всего лишь достойное возвращение любезностей, чтобы с нашей стороны узнать, как у них идут дела. Я поддерживаю папу. Мне нравится слушать местные толки.

- Особенно, когда они приправлены щепоткой скандала и непристойности, как в данном случае, — заметила леди Камнор с мгновенной обидой выздоравливающей больной. Леди Харриет покраснела от досады. Но затем, обретя мужество, она сказала более серьезно, чем прежде:

- Мне действительно интересна эта история с Молли Гибсон, признаю. Я и люблю, и уважаю ее, и мне не нравится слышать, как ее имя склоняют вместе с именем мистера Престона. Я не могу не предположить, что папа допустил какую-то ошибку.

- Нет, моя дорогая. Уверен, я повторил то, что услышал. Мне жаль, что я рассказал об этом, если это беспокоит тебя и миледи. Шипшэнкс говорил именно о мисс Гибсон, и он сказал, что ему жаль, что такая девушка позволила говорить о себе; поскольку их манера флиртовать и вызвала все эти сплетни. Сам Престон был очень привлекательной партией для нее, и никто не стал бы возражать против их брака. Но я постараюсь узнать больше приятных новостей. Старая Марджери из приюта умерла. И теперь не знают, где найти того, кто учил бы крахмалить в вашей школе. А Роберт Холл заработал сорок фунтов на яблоках в прошлом году, — они отдалились от Молли и ее дел, только леди Харриет продолжала возвращаться к тому, что она услышала, с интересом и удивлением.

- Я предупреждала ее против него в день свадьбы ее отца. И какой честный, откровенный разговор состоялся тогда! Я не верю этому. Это всего лишь одна из историй Шипшэнкса, наполовину выдумка, наполовину ослышка.

На следующий день леди Харриет отправилась в Холлингфорд, и, чтобы успокоить свое любопытство, она заехала к барышням Браунинг и завела разговор. Она бы не заговорила о слухах с тем, кто не был близким другом Молли. Если бы мистер Шипшэнкс предпочел упомянуть об этом, когда она каталась верхом со своим отцом, леди Харриет очень скоро заставила бы его замолчать одним из своих высокомерных взглядов, которыми она прекрасно умела пользоваться. Но она чувствовала, что должна узнать правду, и соответственно, начала с того, что неожиданно заехала к барышням Браунинг: — Что это я услышала о моей маленькой

подруге Молли Гибсон и мистере Престоне?

- О, леди Харриет! Вы слышали об этом? Нам так жаль!

- Жаль чего?

- Думаю, принеся вашей светлости извинения, нам лучше не говорить больше, пока мы не узнаем, сколько известно вам, — сказала мисс Браунинг.

- Нет, — ответила леди Харриет, засмеявшись, — я не расскажу вам, что я знаю, пока не уверюсь, что вам известно больше. Тогда мы обменяемся, если хотите.

- Боюсь, для бедной Молли нет повода для смеха, — заметила мисс Браунинг, покачивая головой. — Люди говорят такое!

- Но я не верю им. В самом деле, не верю, — выкрикнула мисс Фиби, едва не плача.

- Не больше, чем я, — согласилась леди Харриет, беря за руку добрую женщину.

- Это очень прекрасно, Фиби, говорить, что ты не веришь им, но мне хотелось бы знать, кто тогда убеждал меня против моей воли?

- Я только пересказала тебе факты именно так, как мне рассказала миссис Гудинаф, сестра. Но я уверена, если бы ты видела, как бедная, терпеливая Молли сидела в углу комнаты и рассматривала "Красоты Англии и Уэльса", пока, должно быть, не устала от них, и никто не заговорил с ней. А она такая кроткая и милая, как всегда в конце вечера, хотя может быть, немного бледная... факты или не факты, я не поверю ни одному слову против нее.

Так заявила мисс Фиби вопреки безрадостным фактам.

- И, как я сказала ранее, я вполне согласна с вами, — повторила леди Харриет.

- Но как ваша светлость объяснит ее встречи с мистером Престоном во всех неподобающих местах? — спросила мисс Браунинг, которая, надо отдать ей должное, была бы только рада присоединиться к сторонникам Молли, если бы в то же самое время могла сохранить свою репутацию, следуя логическим выводам. — Я зашла так далеко, что послала за ее отцом и все ему рассказала. Я подумала, самое меньшее, что он сделает, отхлестает мистера Престона. Но он, кажется, не обратил на это внимания.

- Тогда мы можем быть вполне уверены, что в отличие от нас он знает, как объяснить произошедшее, — решительно произнесла леди Харриет. — В конце концов, этому можно дать сто пятьдесят совершенно естественных и оправдывающих объяснений.

- Мистер Гибсон не знал ни одного, когда я считала, что это мой долг

поговорить с ним, — ответила мисс Браунинг.

- Ну, предположим, что мистер Престон помолвлен с мисс Киркпатрик, а Молли выступает в роли наперсницы и посыльного?

- Я не вижу, чтобы предположение вашей светлости намного смягчило вину. Если он честно помолвлен с Синтией Киркпатрик, почему он открыто не навещает ее в доме мистера Гибсона? Почему Молли позволяет впутывать себя в тайные переговоры?

- Никто не просчитает всего, — ответила леди Харриет немного раздраженно, поскольку довод был направлен против нее. — Но я предпочла поверить Молли Гибсон. Я уверена, она не сделала ничего постыдного. Я намерена пойти и навестить ее — миссис Гибсон вынуждена сидеть в своей комнате из-за этой жуткой инфлюэнцы — и взять ее с собой на прогулку с визитами по этому маленькому болтливому городку... к миссис Гудинаф или Бэдинаф[1], которая, кажется, распространяет все эти сплетни. Но сегодня у меня нет времени. Мне нужно встретиться с папой в три, а уже больше трех. Только помните, мисс Фиби, именно мы с вами выступаем против света в защиту страдающей девицы.

- Дон Кихот и Санчо Панса! — сказала она себе, легко сбега по старомодной лестнице барышень Браунинг.

- Но я не думаю, Фиби, что вас будет достаточно, — сказала мисс Браунинг с некоторым неудовольствием, как только осталась наедине с сестрой. — Во-первых, ты убедила меня против моей воли и сделала меня очень несчастной. И мне пришлось делать неприятные вещи, а все потому, что ты заставила меня поверить, что некоторые утверждения являются правдой. А затем ты изменилась и заплакала, сказав, что не веришь ни одному слову, превратив меня в страшного человека и клеветницу. Нет! Это бесполезно. Я не стану тебя слушать, — поэтому она оставила мисс Фиби в слезах и заперлась в своей комнате.

Леди Харриет, тем временем, возвращалась домой верхом вместе с отцом, делая вид, что прислушивается к тому, что ему хотелось сказать, но на самом деле, обдумывая возможности и вероятности, которые могли бы объяснить эти странные встречи между Молли и мистером Престоном. Это был случай, когда *parler de l'ane et l'on en voit les Oreilles*[2]. На повороте дороги они увидели мистера Престона, он направлялся к ним на хорошей лошади, тщательно одетый для верховой езды.

Граф в своем потрепанном сюртуке и на старой коричневой кобыле радостно его окликнул:

- Ага! Вот и Престон. Доброго дня. Я как раз хотел спросить вас о той полоске земли на выгоне у Хоум Фарм. Джон Бриккилл хочет вспахать и засеять ее. Это не два акра, в лучшем случае.

Пока они разговаривали об этом куске земли, леди Харриет приняла решение. Как только ее отец замолчал, она сказала: — Мистер Престон, возможно, вы позволите мне задать вам один или два вопроса, чтобы успокоить меня, поскольку сейчас я нахожусь в некотором затруднении.

- Разумеется. Я буду только рад предоставить вам всю информацию, что в моих силах, — но в следующую секунду после таких вежливых слов он вспомнил слова Молли — что она обратится за помощью к леди Харриет. Но письма были возвращены, и вопрос был улажен. Она удалилась победителем, он — проигравшим. Конечно, она бы никогда не поступила так неблагородно, обратившись за помощью, когда все закончилось.

- Среди холлингфордских слухов ходит молва о вас и о Молли Гибсон. Мы можем поздравить вас с помолвкой с этой юной леди?

- Ах! Между прочим, Престон, нам следовало это сделать прежде, — вмешался лорд Камнор с поспешной доброжелательностью. Но его дочь промолвила тихо: — Мистер Престон еще не ответил нам, подтверждается ли молва, папа.

Она посмотрела на него с видом человека, ожидающего ответа, и ожидающего правдивого ответа.

- Я не столь удачлив, — ответил он, стараясь вынудить свою лошадь беспокойно топтаться, при этом не привлекая к себе внимания.

- Тогда я могу опровергнуть этот слух? — быстро спросила леди Харриет. — Или есть другая причина поверить в то, что через какое-то время он может оказаться правдой? Я спрашиваю потому, что подобные слухи, если они ни на чем не основаны, причиняют вред молодым девушкам.

- Воздержитесь от других возлюбленных, — вставил лорд Камнор, весьма довольный собственной проницательностью. Леди Харриет продолжила:

- И я весьма заинтересована в мисс Гибсон.

Из ее расспросов мистер Престон понял, что "попался", как он выразился про себя. Вопрос был в том, сколь много или сколь мало ей известно?

- Я не возлагаю надежд когда-нибудь ближе, чем в данный момент, заинтересовать мисс Гибсон. Я буду только рад, если этот прямой ответ избавит вашу светлость от беспокойства.

Он не мог не произнести свои последние слова с налетом высокомерия. Оно было не в самих словах, и не в тоне, которым они были произнесены, не во взгляде, который сопровождал их, оно было во всем. Оно подразумевало сомнения в праве леди Харриет расспрашивать его подобным образом. Но это неуловимое высокомерие раззадорило леди Харриет. Она была не из тех, кто сдерживается, во всяком случае, ради мнения подчиненного.

- Тогда, сэр, вы осознаете вред, который можете причинить репутации юной девушки, если встречаетесь и подолгу с ней разговариваете, когда она прогуливается в одиночестве, никем не сопровождаемая? Вы положите начало... вы положили начало этим слухам.

- Моя дорогая Харриет, ты не слишком далеко зашла? Ты не знаешь... у мистера Престона могли быть намерения... неизвестные намерения.

- Нет, милорд. Я не имею намерений в отношении мисс Гибсон. Она, возможно, очень достойная юная девушка, я в этом не сомневаюсь. Леди Харриет, кажется, решила поставить меня в такое положение, что я не могу не признаться... не завидно... неприятно это признавать... но я, на самом деле, брошенный человек. Брошенный мисс Киркпатрик после довольно долгой помолвки. Мои встречи с мисс Гибсон были не самого приятного рода — как вы можете заключить, когда я расскажу вам, что она была доверенным лицом, и в каком-то роде зачинщицей, в этом последнем шаге мисс Киркпатрик. Любопытство вашей светлости (с ударением на первом слове) удовлетворено этим довольно унижительным для меня признанием?

- Харриет, моя дорогая, ты зашла слишком далеко... у нас не было права вмешиваться в дела мистера Престона.

- Разумеется, — ответила леди Харриет с улыбкой победившей непосредственности: первой улыбкой, которую она адресовала мистеру Престону за долгое время. Впервые с того времени, много лет назад, когда он, злоупотребляя своей красотой, допустил тон галантной фамильярности по отношению к леди Харриет и отпустил ей личные комплименты, словно обращался к равной. — Но он извинит меня, я надеюсь, — продолжила она по-прежнему с той же любезностью, которая заставила его почувствовать, что теперь он занял более высокое место в ее мнении, чем прежде, в начале их знакомства, — когда он узнает, что назойливые языки холлингфордских кумушек говорили о моей подруге, мисс Гибсон, в самой непростительной манере, извлекая неправомерные заключения из ее общения с мистером Престоном, природу которого он только что посчитал своей обязанностью объяснить мне.

- Думаю, мне едва ли нужно требовать у леди Харриет обещания

сохранить это объяснение в тайне, — сказал мистер Престон.

- Разумеется, разумеется! — ответил граф, — каждый это понимает.

И он поехал домой, где пересказал своей жене и леди Куксхавен весь разговор между леди Харриет и мистером Престоном, разумеется, при условии строжайшей секретности. Несколько дней спустя леди Харриет пришлось выдержать довольно много критики по поводу своего поведения и отсутствия надлежащего достоинства. Тем не менее, она успокоилась тем, что нанесла визит Гибсонам; и, узнав, что миссис Гибсон (которая все еще была нездорова) дремлет в это время, она не испытала трудностей в том, чтобы вывести ничего не подозревавшую Молли на прогулку, во время которой леди Харриет ухитрилась дважды пройти по всей длине главной улицы городка, побыть у Гринстеда полчаса и закончить визитом к мисс Браунинг, которой, к сожалению леди Харриет, не оказалось дома.

- Возможно, это к лучшему, — произнесла она, после минутного раздумья. — Я оставлю свою карточку и припишу твое имя, Молли.

Весь день Молли немного озадачивало подобное поведение, в которое ее вовлекли, словно неодушевленный предмет, и она воскликнула: — Прошу вас, леди Харриет... я никогда не оставляю карточек. У меня их нет, ни для мисс Браунинг, ни для других. Я вхожу и выхожу, когда мне вздумается.

- Не беспокойся, дорогая. Сегодня ты все сделаешь как надо, согласно правилам этикета.

- А теперь передай миссис Гибсон, чтобы она приехала в Тауэрс на весь день. Мы пошлем экипаж за ней, когда она даст нам знать, что уже достаточно окрепла, чтобы выходить. Ей лучше приехать на несколько дней, в это время года не стоит больному человеку проводить вечера на улице, даже в экипаже, — так говорила леди Харриет, стоя на белой лестнице дома барышень Браунинг и держа Молли за руку, пока прощалась с ней. — Тебе лучше сказать ей, дорогая, что я приходила повидать ее... но, застав ее спящей, я убежала с тобой, и не забудь сказать о том, чтобы она приехала погостить у нас, дабы сменить климат... маме это понравится, я уверена — об экипаже и тому подобном. А теперь до свидания, сегодня днем мы хорошо поработали! Лучше, чем ты себе представляешь, — продолжила она, все еще обращаясь к Молли, хотя последняя уже этого не слышала. — Я не выберу Холлингфорд, если он не изменит мнение в пользу мисс Гибсон после того, как я сегодня позаботилась об этой девочке.

[1] Здесь игра слов good — (англ.) хороший, bad — (англ.) плохой.

[2] Говоришь об осле и видишь его уши (фр.)

Глава I

Синтия в отчаянном положении

Миссис Гибсон медленно восстанавливала силы после простуды, и прежде чем она достаточно окрепла, чтобы принять приглашение в Тауэрс от леди Харриет, Синтия вернулась из Лондона домой. Если Молли и считала, что при расставании сестра едва ли вела себя нежно и деликатно — если такая мысль на мгновение закралась ей в голову, то она раскаялась, как только Синтия вернулась, поскольку девушки встретились с прежней семейной нежностью, поднялись наверх в гостиную, приобняв друг друга за талию и уселись вместе, рука об руку. Синтия вела себя намного спокойнее, чем до отъезда, когда неприятная тайна грузом лежала у нее на сердце, и она становилась попеременно то унылой, то капризной.

- В конце концов, — сказала Синтия, — очень приятно чувствовать себя дома. Но мне бы хотелось видеть тебя более здоровой, мама! Это единственное неприятное обстоятельство. Молли, почему ты не послала за мной?

- Я хотела..., - начала Молли.

- Но я не позволила ей, — перебила миссис Гибсон. — В Лондоне тебе было намного лучше, чем здесь, ты бы не помогла мне, а твои письма было очень приятно читать. А теперь и Хелен стало лучше, и я почти здорова. И ты приехала домой как раз вовремя, потому что все только и говорят, что о Благотворительном бале.

- Но мы не пойдем в этом году, мама, — решительно произнесла Синтия. — Он ведь будет 25-го? И мне кажется, ты недостаточно поправишься, чтобы вывезти нас.

- Кажется, ты определенно решила приписать мне худшее состояние, чем есть на самом деле, дитя, — произнесла миссис Гибсон довольно капризно, она была из тех, кто преувеличивает свой пустяковый недуг, но не желает жертвовать удовольствиями, признаваясь в том, что болезнь довольно серьезна. В этом случае для миссис Гибсон было хорошо, что ее муж проявил свою власть и запретил ехать на этот бал, которого она страстно ждала. Но последствием этого запрета явились бесконечные жалобы, и Молли часто оказывалось тяжело поддерживать настроение двух других членов семьи, а также свое собственное. Нездоровье могло вызвать упадок духа миссис Гибсон, но почему Синтия была так

молчалива, если не сказать, грустна? Молли была озадачена этим, и все больше озадачивалась, потому что время от времени Синтия призывала сестру похвалить ее за какую-то неизвестную и таинственную добродетель, которой та обучилась. И Молли по своей неопытности верила в то, что после некоторых упражнений в добродетели настроение поднимается, поощренное одобрением совести. Тем не менее, в случае с Синтией этого не произошло. Порой, когда Синтия была особенно вялой и унылой, она говорила подобные вещи:

- Ах, Молли, ты должна позволить моей добродетели какое-то время оставаться нетронутой! В этом году она принесла такой замечательный урожай. Я вела себя так мило... если бы ты все знала!

Или:

- Право, Молли, моя добродетель должна спуститься с небес! Ее в высшей степени испытывали в Лондоне — я нахожу, ее подобной воздушному змею — она то парит в вышине, то внезапно падает и запутывается во всевозможных колючках и ежевике. Это все аллегория, если только ты заставишь себя поверить в мою выдающуюся добродетель за время моего отсутствия — дав мне некое подобие права упасть грязной во все мамины колючки и ежевику.

Но Молли научилась справляться с причудами Синтии — постоянными намеками на тайну, которую та не предполагала раскрывать, пока не закончится история с мистером Престоном, и хотя эта тайна постоянно задевала любопытство Молли, она пропускала мимо ушей намеки Синтии на нечто большее. Однажды завеса тайны приоткрылась, и стало ясно, что речь идет о предложении, сделанном Синтии мистером Хендерсоном — отвергнутом предложении. При данных обстоятельствах Молли не могла не оценить героическую добродетель, на которую так часто намекала ее сестра. Тайна, наконец, открылась следующим образом. Миссис Гибсон завтракала в постели: это повелось у нее с тех пор, как она простудилась, и, следовательно, ее личную почту всегда приносили на подносе вместе с завтраком. Однажды утром она вошла в гостиную раньше, чем прежде, с открытым письмом в руке.

- Я получила письмо от тети Киркпатрик, Синтия. Она присылает мне мои дивиденды — твой дядя так занят. Но что она подразумевает под этим, Синтия? — протягивая ей письмо и указывая пальцем на определенный абзац. Синтия отложила вязание в сторону и взглянула на написанное. Внезапно ее лицо покраснело, а затем мертвенно побледнело. Она взглянула на Молли, словно для того, чтобы набраться мужества у безмятежного лица сестры.

- Это означает... мама, я могу сказать тебе сразу... мистер Хендерсон сделал мне предложение, когда я была в Лондоне, и я отказала ему.

- Отказала ему... и не сказала мне, позволив случайно узнать обо всем! Право слово, Синтия, я думаю, ты очень жестока. И что тебя заставило отказать мистеру Хендерсону? Такой замечательный молодой человек... такой джентльмен! Твой дядя рассказывал мне, что помимо всего у него довольно большое состояние.

- Мама, ты забываешь, что я обещала выйти за Роджера Хэмли? — тихо спросила Синтия.

- Нет, конечно, я не забыла... как я могла забыть, если Молли всякий раз назойливо жужжит мне в уши слово «помолвка»? Но на самом деле, когда взвесишь все неопределенности... и, в конце концов, ее обещание не было определенным... он, казалось, мог предвидеть нечто подобное.

- Предвидеть что, мама? — резко спросила Синтия.

- Ну, более приемлемое предложение. Он, должно быть, знал, что ты можешь изменить свое решение и встретить того, кто понравится тебе больше: ты так мало видела свет, — Синтия сделала нетерпеливое движение, словно для того, чтобы остановить свою мать.

- Я никогда не говорила, что он мне нравится больше... как ты можешь так говорить, мама? Я выйду замуж за Роджера, и покончим с этим. Я не буду больше говорить об этом, — она встала и вышла из комнаты.

- Выйду замуж за Роджера! Это замечательно. Но кто гарантирует, что он вернется живым? А если и вернется, почему они должны пожениться, хотелось бы мне знать? Я не говорю, что она должна была принять предложение мистера Хендерсона, хотя я уверена, что он нравится ей. А истинная любовь должна иметь свое течение, и ей не нужно препятствовать. Но ей не нужно было окончательно отказывать ему, пока... пока мы не узнаем, как повернется дело. Я так больна! От этой новости у меня участилось сердцебиение. Я бы назвала поступок Синтии бесчувственным.

- Конечно... — начала Молли, но затем вспомнила, что здоровье мачехи еще не окрепло, и она не в состоянии без недовольства вынести протест. Поэтому она изменила свои слова, предложив лекарство от сердцебиения, и сдержалась, чтобы не высказать ей возмущение. Но когда сестры остались одни, и Синтия начала разговор на эту тему, Молли была менее милосердной. Синтия сказала:

- Что ж, Молли, теперь ты знаешь все! Мне так хотелось рассказать тебе... но так или иначе, я не могла.

- Полагаю, это было повторение истории с мистером Коксом, — рассудительно заметила Молли. — Ты была любезна, и он принял это за нечто большее.

- Я не знаю, — вздохнула Синтия. — Я имею ввиду, что не знаю, была ли я любезна или нет. Он был очень добрый... очень приятный... но я не ожидала, что все этим закончится. Тем не менее, бесполезно думать об этом.

- Да! — просто ответила Молли. Она не могла сравнивать просто приятного и доброго человека с Роджером. Он стоял сам по себе. Следующие слова Синтии — а они последовали не очень скоро — затрагивали совершенно другую тему, и были произнесены довольно обиженным тоном. Она не упомянула с шутливой грустью о своих последних достижениях в добродетели.

Через какое-то время миссис Гибсон смогла принять часто повторяемое приглашение приехать в Тауэрс и провести там пару дней. Леди Харриет сказала миссис Гибсон, что та окажет любезность леди Камнор, приехав и составив ей компанию в ее уединенном образе жизни, который последняя была вынуждена вести. И миссис Гибсон была польщена и испытывала неясное, неосознанное удовольствие от того, что в ней, в самом деле, нуждаются, и она не обманывается приятной фантазией. Леди Камнор выздоравливала так же, как и многие больные. Источник ее жизни снова начал бить ключом, а с его течением вернулись прежние желания, замыслы и планы, к которым за время худшего периода ее болезни она стала безразлична. Но все-таки физически она была еще не столь сильна, чтобы управлять своей энергичной душой, а из-за трудностей передвижения плохо сочетаемой пары тела и воли — одно слабое и вялое, другая — сильная и суровая — ее светлость сделалась очень раздражительной. Сама миссис Гибсон была не вполне здорова, чтобы быть "souffre-douleur"[1], и визит в Тауэрс оказался в целом не таким счастливым, каким она себе его представляла. Леди Куксхавен и леди Харриет, обе знавшие о состоянии здоровья и настроении своей матери, в разговоре друг с другом всего лишь слегка упомянули о необходимости следить за тем, чтобы не оставлять «Клэр» слишком долго с леди Камнор. Но несколько раз, когда то одна, то другая приходили, чтобы сменить караул, они заставляли Клэр в слезах, а леди Камнор рассуждала на темы, о которых она размышляла в безмолвные часы своей болезни, и ради которых, ей казалось, она рождена: как привести мир в порядок. Миссис Гибсон всегда считала, что подобные замечания направлены в ее адрес из-

за некоторых, сделанных ею ошибок, и в споре защищала свои промахи с правом собственности, к чему бы это ни привело. Во второй и последний день ее пребывания в Тауэрсе, вошла леди Харриет и застала свою мать рассуждающей повышенным тоном, а Клэр — покорной, несчастной и подавленной.

- Что случилось, дорогая мама? Вы не устали беседовать?

- Нет, вовсе нет! Я только говорила о глупости людей, которые одеваются выше своего положения. Я начала рассказывать Клэр о модах моей бабушки, когда у каждого класса был собственный фасон костюма, и слуги не подражали торговцам, а торговцы — ремесленникам, и так далее... И что же сделала глупая женщина? Начала оправдываться, словно я обвиняла ее или думала о ней. Какая чепуха! Право слово, Клэр, ваш муж сильно вас испортил, если вы не можете никого слушать, чтобы не подумать, что намекают на вас. Люди льстят себе, воображая, что другие только выискивают их ошибки, так же как и те, кто верит, что общество всегда пристально разглядывает их неповторимый шарм и добродетели.

- Мне сказали, леди Камнор, что цена на этот шелк снизилась. Я купила его в Ватерлоо Хаус после окончания сезона, — сказала миссис Гибсон, касаясь того самого прекрасного платья, что было надето на ней, возражая леди Камнор и натываясь на тот самый источник недовольства.

- Снова, Клэр! Сколько я должна говорить вам, что я не думала ни о вас, ни о ваших платьях, стоят ли они много или мало. Ваш муж обязан платить за них, и это его касается, тратите ли вы на ваши платья больше, чем должно.

- Платье стоило всего лишь пять гиней, — оправдывалась миссис Гибсон.

- И оно очень милое, — заметила леди Харриет, наклоняясь, чтобы рассмотреть его, и тем самым надеясь успокоить бедную обиженную женщину. Но леди Камнор продолжила:

- Нет! Вам следовало узнать меня лучше к этому времени. Когда я думаю о чем-то, я это высказываю. Я не хожу вокруг да около. Я пользуюсь простым языком. Я расскажу вам, где, вы, Клэр, по моему мнению, допустили ошибку, если хотите знать, — нравилось ей это или нет, сейчас шел откровенный разговор. — Вы испортили вашу девочку, она не знает свою собственную душу. Она повела себя отвратительно с мистером Престоном. И это все последствия ошибок в ее образовании. Вам за многое придется ответить.

- Мама, мама! — воскликнула леди Харриет, — мистер Престон не хотел говорить об этом.

И в то же самое мгновение миссис Гибсон воскликнула: «Синтия... мистер Престон!» — таким удивленным тоном, что если бы у леди Камнор было в привычке наблюдать за эффектом от своих слов, она бы обнаружила, что миссис Гибсон совершенно не знала об упомянутой истории.

- Что касается желаний мистера Престона, полагаю, я не обязана считаться с ними, когда чувствую, что мой долг порицать за ошибки, — надменно произнесла леди Камнор для леди Харриет. — Клэр, вы хотите сказать, что не знали, что ваша дочь некоторое время была помолвлена с мистером Престоном... несколько лет, я полагаю... и, наконец, предпочла разорвать помолвку... и воспользовалась дочкой Гибсона... я забыла ее имя... как марионеткой, сделав ее и себя темой для городских пересудов... мишенью для всех Холлингфордских сплетниц? Я помню, когда я была молода, у нас была девочка по имени Изменница Джесси. Вам следует присматривать за вашей юной леди, иначе она получит подобное имя. Я говорю с вами как друг, Клэр, по моему мнению, ваша девочка доставит себе еще больше неприятностей, прежде чем удачно выйдет замуж. Не то, чтобы я совершенно безразлично отношусь к чувствам мистера Престона. Я даже не знаю, есть ли у него чувства или нет. Но я знаю, что станется с молодой женщиной, бросающей женихов. А теперь вы обе можете идти и прислать ко мне Брэдли, я устала и хочу немного вздремнуть.

- В самом деле, леди Камнор... вы мне верите? Я не думаю, что Синтия была когда-либо помолвлена с мистером Престоном. Это был давний флирт. Я боюсь...

- Позовите Брэдли, — устало произнесла леди Камнор, ее глаза закрылись. Леди Харриет слишком хорошо знала настроения своей матери, чтобы едва ли не насильно увести миссис Гибсон, тем временем продолжавшую говорить, что едва ли в подобном утверждении есть хоть доля правды, даже если его произнесла дорогая леди Камнор.

Оказавшись в своей комнате, леди Харриет сказала:

- Теперь, Клэр, я расскажу вам обо всем. Думаю, вам придется в это поверить, поскольку сам мистер Престон рассказал мне об этом. Узнав о большой суматохе в Холлингфорде вокруг мистера Престона, я встретила с ним на прогулке верхом и расспросила его, отчего вся эта суеда. Он, явно, не хотел об этом говорить. Полагаю, никто бы не захотел признаваться, что его бросили. И он взял с меня и с моего отца обещание, что мы никому не расскажем. Но папа рассказал... сами понимаете, это то, что послужило маме основанием, и довольно хорошим.

- Но Синтия помолвлена с другим человеком... это правда. И еще

один — очень хорошая партия — делал ей предложение в Лондоне. Мистер Престон всегда является источником неприятностей.

- Нет! Я полагаю, что в этом случае должно быть именно ваша прелестная мисс Синтия привлекла одного мужчину и обручилась с ним... точнее — с двумя, а третий сделал ей предложение. Я не выношу мистера Престона, но думаю, что довольно жестоко обвинять его за то, что он рассержен на соперников, которые, как я полагаю, являются причиной того, что его бросили.

- Я не знаю. Я всегда чувствовала, что он злится на меня, у мужчин столько способов быть злыми. Вы должны признать, что если бы он не встретился вам, я бы так не разозлила дорогую леди Камнор.

- Она только хотела предупредить вас о Синтии. Мама всегда была очень пристрастна к собственным дочерям. Она была очень сурова к малейшему проявлению флирта, и Мэри будет похожа на нее!

- Но Синтия будет флиртовать, я ничего не могу с этим поделать. Она не шумит и не хихикает. Она всегда леди... это все должны признать. Но у нее есть способ привлечь мужчин, должно быть, она унаследовала его от меня, — здесь миссис Гибсон слабо улыбнулась и не возражала бы против подтверждающего комплимента, но его не последовало. — Тем не менее, я поговорю с ней. Я доберусь до сути дела. Пожалуйста, передайте леди Камнор, что меня так потрясло то, как она говорила о моем платье и прочем. Оно стоит всего пять гиней, а могло бы стоить восемь.

- Что ж, не беспокойтесь. Вы очень покраснелись, у вас почти лихорадочный румянец! Я слишком долго продержала вас в жаркой маминной комнате. Знаете ли вы, она весьма довольна, что вы здесь?

Леди Камнор в самом деле была довольна, несмотря на постоянные нотации, которые она читала «Клэр», от которых бедная миссис Гибсон уворачивалась так же беспомощно, как гусеница. И леди Харриет ласкала миссис Гибсон больше обычного, чтобы возместить то, через что ей пришлось пройти в комнате выздоравливающей. Леди Куксхавен разумно с ней говорила, перемешав щепотки науки и глубоких мыслей, что было очень лестно, хотя в общем, непонятно. Лорд Камнор, добродушный, с веселым нравом и без предрассудков, был всецело благодарен ей за ее любезность, и за то, что она приехала повидать леди Камнор. И его благодарность приняла материальную форму в виде телячьей вырезки и дичи. Вспоминая о своем визите по пути домой в уединенной роскоши тауэрского экипажа, миссис Гибсон нашла всего лишь одну большую неприятность — недовольство леди Камнор — и она предпочла считать виной всему Синтию, вместо того, чтобы увидеть, что источник

недовольства графини в состоянии ее здоровья. Миссис Гибсон совершенно не собиралась карать Синтию за это неудобство, как и не собиралась ругать ее за необъяснимое поведение, которое можно было как-то оправдать. Но застав дочь спокойно отдыхающей в гостиной, она уныло села в собственное легкое кресло и в ответ на быстрые слова Синтии:

- Ну, мама, как ты? Мы не ждали тебя так рано! Позволь мне снять с тебя шляпку и шаль! — ответила печально:

- Этот визит не был таким счастливым, чтобы мне хотелось продолжить его, — ее взгляд был сосредоточен на ковре, а лицо оставалось обиженным.

- Что случилось? — спросила Синтия со всей искренностью.

- Ты! Синтия — ты! Я не думала, когда ты родилась, что мне придется терпеть подобные разговоры о тебе.

Синтия откинула голову назад, и злой огонек мелькнул в ее глазах.

- Какое им дело до меня? Как они смеют говорить обо мне?

- Все говорят о тебе. И неудивительно. Лорд Камнор всегда узнает обо всем. Тебе следовало больше заботиться о том, что ты делаешь, Синтия, если ты не хочешь, чтобы о тебе говорили.

- Скорее зависит от того, что говорят люди, — сказала Синтия, показывая легкость, которой не чувствовала. Она предвидела, что за этим последует.

- Во всяком случае, мне это не нравится. Мне неприятно слушать об ошибках своей дочери, о ее флирте, о ее измене от леди Камнор, выслушивать от нее нотацию, будто я имела к этому какое-то отношение. Заверяю тебя, ты испортила мой визит. Нет! Не тронь мою шаль! Когда я пойду к себе в комнату, я возьму ее сама.

Синтия оказалась припертой к стенке и, сев, осталась с матерью, которая для виду время от времени вздыхала.

- Ты бы не хотела рассказать мне, что они говорили? Если меня повсюду обвиняют, мне следует знать, за что. Вот и Молли, — девушка как раз вошла в комнату, посвежевшая после утренней прогулки. — Молли, мама вернулась из Тауэrsa, милорд и миледи оказали мне честь, обсуждая мои преступления и провинности. И я спрашиваю маму, что они говорили. Я не более добродетельна, чем другие, но я не могу понять, что графу и графине придется делать со мной, бедняжкой.

- Это не ради тебя! — возразила миссис Гибсон. — Это было ради меня. Они сочувствовали мне, поскольку неприятно слышать, что имя твоей дочери у всех на устах.

- Как я сказала ранее, это зависит от того, как это звучит из уст других.

Если бы я собралась замуж за лорда Холлингфорда, я не сомневаюсь, что все говорили бы обо мне, и ни ты, ни я, в конце концов, не возражали бы против этого.

- Но это не замужество с лордом Холлингфордом, поэтому бессмысленно говорить об этом. Они говорят, что ты обручилась с мистером Престоном, а теперь отказалась выйти за него, и говорят, что ты его бросила.

- Ты хочешь, чтобы я вышла за него, мама? — спросила Синтия, ее лицо пылало, а глаза были потуплены. Молли стояла рядом, очень взволнованная, но не вполне это понимающая. Она оставалась на своем месте в надежде пригодиться в роли подсластителя или миротворца, или помощника.

- Нет, — ответила миссис Гибсон, явно смущенная вопросом. — Конечно же, не хочу. Ты взяла и связала себя с Роджером Хэмли, очень достойным молодым человеком. Но никто не знает, где он сейчас, жив ли или мертв. А если и жив, то за душой у него не пенни.

- Прошу прощения. Я знаю, что он унаследовал некоторое состояние от своей матери. Оно может быть не столь большое, но он не без гроша. И он, без сомнения, достигнет славы и отличной репутации, а с этим у него будут деньги, — возразила Синтия.

- Ты связала себя с ним, и сделала нечто подобное с мистером Престоном, попав в такую запутанную ситуацию, — миссис Гибсон не сказала «беду», хотя слово было у нее на уме, — да так, что когда появляется по-настоящему подходящий человек, красивый, приятный и вполне джентльмен — с довольно большим состоянием в придачу, тебе приходится отказать ему. Ты кончишь, как старая дева, Синтия, и это разобьет мне сердце.

- Полагаю, так и будет, — тихо ответила Синтия. — Порой мне кажется, что я из того типа людей, из которых выходят старые девы! — она говорила серьезно и немного печально.

Миссис Гибсон снова начала: — Я не хочу знать твои секреты до тех пор, пока они остаются секретами, но когда весь город говорит о тебе, думаю, мне нужно их знать.

- Но, мама, я не знала, что представляю такую тему для разговоров, и даже теперь я не могу понять, откуда все узнали.

- Не более, чем я. Я только знаю, что говорят, будто бы ты была помолвлена с мистером Престоном, и должна была выйти за него, и что я ничего не могу поделать, раз ты предпочла не выходить за него, не больше, чем я могла бы предотвратить твой отказ мистеру Хендерсону. И все же

меня постоянно винят в твоём дурном поведении. Думаю, это очень жестоко, — миссис Гибсон начала плакать. Как раз в этот момент вошел ее муж.

- Вы здесь, моя дорогая! Добро пожаловать домой, — произнес он, с учтивостью подходя к ней, и целуя ее в щеку. — Ну, в чем дело? Слезы? — и мистер Гибсон искренне пожелал снова уйти.

- Да! — сказала она, приподнимаясь, и хватаясь за сочувствие любого рода, чего бы оно ни стоило. — Я снова приехала домой и рассказываю Синтии, как леди Камнор была так сердита на меня, и все из-за нее. Вы знали, что она обручилась с мистером Престоном, а затем разорвала помолвку? Все говорят об этом, и слухи дошли до Тауэrsa.

На мгновение он встретился взглядом с Молли и все понял. Он сложил губы словно для свиста, но не издал ни звука. Синтия совсем утратила свою дерзость, как только ее мать заговорила с мистером Гибсоном. Молли села рядом с ней.

- Синтия! — произнес он очень серьезно.

- Да! — ответила она мягко.

- Это правда? Я что-то слышал из этого прежде... немного. Но сплетен достаточно, и тебе желательно иметь для себя какого-нибудь защитника... некоего друга, который бы знал всю правду.

Ответа не было. Наконец, она сказала:

- Молли знает все.

Благоговейный страх перед строгостью мужа заставил миссис Гибсон замолчать, ей не нравилось давать выход ревности, хотя в душе она ревновала к тому, что Молли знала секрет, о котором она не ведала. Мистер Гибсон ответил Синтии с некоторой суровостью:

- Да! Я знаю, что Молли все знает, и ей пришлось вынести клевету и злые слова ради тебя, Синтия. Но она отказалась рассказывать мне больше.

- Она уже достаточно вам рассказала, разве не так? — обиженно спросила Синтия.

- Я ничего не могла поделать, — сказала Молли.

- Она не называла твоего имени, — сказал мистер Гибсон. — Тогда, я полагаю, она считала, что скрыла его, но трудно было ошибиться в том, кто это был.

- Почему она рассказала обо всем? — спросила Синтия с некоторой горечью. Ее тон — ее вопрос разволновал чувства мистера Гибсона.

- Это было необходимо, чтобы она могла оправдаться передо мной... я узнал, что репутацию моей дочери критикуют за личные встречи с мистером Престоном... я пришел к ней за объяснением. Не нужно быть

мелочной, Синтия, поскольку ты флиртowała, а потом изменила, даже отчасти облив имя Молли той же грязью.

Синтия подняла склоненную голову и посмотрела на него.

- Вы говорите так обо мне, мистер Гибсон? Не зная обстоятельств, вы так говорите?

Он говорил слишком строго, он знал это. Но в тот момент не мог заставить себя признать это. Мысль о его доброй, невинной Молли, которая сносила все так терпеливо, мешала отречься от своих слов.

- Да! — сказал он, — я говорю это. Ты не можешь понять, какие дурные истолкования приписываются поступкам девушек, всего лишь немного вышедшим за рамки пристойности. Я говорю, что Молли пришлось много вынести вследствие твоей тайной помолвки, Синтия, — у тебя могли быть смягчающие обстоятельства, я признаю — но тебе нужно будет вспомнить их, чтобы извиниться за свое поведение перед Роджером Хэмли, когда он вернется домой. Я просил тебя рассказать мне всю правду, чтобы пока он не приехал и имел полное право защитить тебя, это мог бы сделать я, — молчание. — Конечно, этому требуется объяснение, — продолжил он. — Вот ты... обручилась сразу с двумя мужчинами, по всей видимости, — по-прежнему нет ответа. — Разумеется, городские пересуды еще не подобрали тот факт, что Роджер Хэмли является твоим признанным возлюбленным, но слухи обрушились на Молли, а должны были обрушиться на тебя, Синтия... за скрываемую помолвку с мистером Престоном — вынужденные встречи в разных местах неизвестны твоим друзьям.

- Папа, — сказала Молли, — если бы ты знал все, ты бы не говорил так с Синтией. Я бы хотела, чтобы она сама рассказала тебе все, что рассказала мне.

- Я готов услышать все, что бы она ни рассказала, — ответил он. Но Синтия возразила:

- Нет! Вы осудили меня, вы говорили со мной так, как не имели права говорить. Я отказываюсь довериться вам или принять вашу помощь. Люди очень жестоки ко мне... — ее голос дрогнул на мгновение. — Не думала, что вы будете таким. Но я могу это вынести.

И затем, несмотря на Молли, которая удерживала ее силой, она вырвалась и поспешно покинула комнату.

- О, папа! — воскликнула Молли, плача и прижимаясь к нему, — позволь мне все тебе рассказать, — а затем, внезапно вспомнив, что некоторые подробности неловко рассказывать перед миссис Гибсон, она неожиданно замолчала.

- Я думаю, мистер Гибсон, вы были очень жестоки к моей бедной девочке, выросшей без отца, — заметила миссис Гибсон, выглядывая из-за своего носового платка. — Мне бы только хотелось, чтобы ее бедный отец был жив, и всего этого никогда бы не произошло.

- Очень возможно. Все же я не могу понять, на что и вам, и ей приходится жаловаться. Поскольку как могли, мы с моей дочерью приютили ее! Я полюбил ее. Я люблю ее почти как свою собственную дочь... так же, как Молли, я не притворяюсь.

- Вот оно, мистер Гибсон. Вы не относитесь к ней, как к своему собственному ребенку, — но в разгаре этого спора Молли выскользнула из комнаты и отправилась на поиски Синтии. Она полагала, что несет оливковую ветвь спасения при звуках только что произнесенных слов отца: «Я люблю ее почти как свою собственную дочь». Но Синтия заперлась в своей комнате и отказалась открыть дверь.

- Открой мне, пожалуйста, — умоляла Молли. — У меня есть, что сказать тебе... я хочу увидеть тебя... открой же!

- Нет! — ответила Синтия. — Не сейчас. Я занята. Оставь меня в покое. Я не хочу слышать то, что ты хочешь сказать. Я не хочу тебя видеть. Вскоре мы увидимся и тогда... — Молли стояла очень тихо, размышляя, какие новые слова убеждения она может использовать. Через пару минут Синтия выкрикнула: — Ты еще там, Молли? — И когда Молли ответила: «Да», надеясь, что сестра смягчилась, она услышала тот же твердый металлический голос, полный решимости: «Уходи. Я не выношу твоего присутствия... ожидания и подслушивания. Иди вниз... из дома... куда-нибудь. Это самое большее, что ты можешь сделать для меня сейчас».

[1] С фр. — козел отпущения.

Глава LI

Бедя никогда не приходит одна

Молли гуляла на свежем воздухе, еле передвигая ноги, словно ее заставляли это делать. С тяжестью на сердце она с трудом дошла до поля, не столь далекого, где, будучи еще ребенком, искала утешения в одиночестве. И там, под живой изгородью, она села, спрятав лицо в ладонях, содрогаясь при одной мысли о страданиях Синтии, которых она не могла коснуться и облегчить. Она не знала, сколько провела там времени, но ланч давно уже прошел, когда она проскользнула к себе в комнату. Дверь напротив была широко распахнута — Синтии не было в

комнате. Молли привела в порядок платье и спустилась в гостиную. Синтия с матерью сидели там в суровом спокойствии вооруженного нейтралитета. Лицо Синтии, казалось, сделано из камня, судя по его суровому выражению. Но она вязала кружева, словно ничего необычного не случилось. Иначе обстояло дело с миссис Гибсон. На ее лице виднелись явные следы слез, она посмотрела и поприветствовала появившуюся Молли слабой улыбкой. Синтия продолжала вязать, как будто не слышала, как открылась дверь, и не слышала приближающееся шуршание платья Молли. Молли взяла книгу — не для чтения, а для того, чтобы иметь подобие некоего занятия, которое позволило бы ей не вести необходимого разговора.

Нельзя было измерить, сколько длилась эта повисшая тишина. Молли стала представлять себе, что некое древнее волшебство тяготеет над их языками и вынуждает их безмолвствовать. Наконец, Синтия заговорила, но ей пришлось начать еще раз, прежде чем ее слова стали понятными:

- Я хочу, чтобы вы обе знали: с этих пор между мной и Роджером Хэмли все кончено.

Молли уронила книгу на колени; распахнув глаза и открыв рот, она пыталась вникнуть в смысл слов Синтии. Миссис Гибсон заговорила недовольно, словно обиженно:

- Я бы поняла, если бы это произошло три месяца назад... когда ты была в Лондоне, но теперь это просто чепуха, Синтия, и ты знаешь, что так не думаешь.

Синтия не ответила, и решительное выражение ее лица не изменилось, когда Молли наконец произнесла:

- Синтия, подумай о нем! Это разобьет его сердце!

- Нет! — ответила Синтия, — не разобьет. Но даже если и так, я ничего не могу поделать.

- Все эти разговоры скоро утихнут! — сказала Молли, — и когда он узнает правду из твоих собственных...

- Из моих собственных уст он никогда ее не узнает. Я не люблю его настолько сильно, чтобы пройти через стыд оправдания... через мольбы, поверить мне, простить и отнестись по-доброму... Признание может быть... я никогда не поверю, что оно приятно, но оно может облегчить душу, если сделать его перед некоторыми людьми... перед неким человеком... и может быть просить прощения не столь унижительно. Я не могу сказать. Все, что я знаю..., и я знаю это ясно и буду действовать решительно... что... — и здесь она резко остановилась.

- Я думаю, ты могла бы закончить свое предложение, — сказала ее

мать, помолчав пять секунд.

- Мне невыносимо оправдываться перед Роджером Хэмли. Мне невыносимо, если он будет думать обо мне хуже, чем прежде, какими бы глупыми не были его суждения. Я скорее соглашусь больше никогда не видеть его по этим двум причинам. А правда в том, что я не люблю его. Он мне нравится, я уважаю его, но я не выйду за него. Я так и написала ему. Это было просто облегчение для меня... и я написала старому мистеру Хэмли. Облегчение это единственная приятная вещь, которая из всего этого получается. Так отрадно чувствовать себя снова свободной. Мне было утомительно думать, что нужно стремиться достичь его уровня добродетели. «Оправдать мое поведение!» — заключила она, процитировав слова мистера Гибсона.

Все же, когда мистер Гибсон пришел домой, после ужина, прошедшего в молчании, она попросила поговорить с ним наедине, в его кабинете, и там выложила все начистоту. Напоследок она сказала:

- А теперь, мистер Гибсон... я по-прежнему отношусь к вам, как к другу..., помогите мне найти дом где-нибудь далеко, где все злые слухи и разговоры, о которых мне рассказывает мама, не смогут найти меня и преследовать. Может быть, неправильно заботиться о том, чтобы люди хорошо думали о тебе, но это я, и я не могу измениться. Вы, Молли, все люди в городе... у меня нет терпения пережить кратковременную сенсацию... Я хочу уехать и стать гувернанткой.

- Но моя дорогая Синтия... Роджер скоро вернется. Он — надежная опора!

- Разве мама не сказала вам, что я разорвала все отношения с Роджером? Я написала письмо этим утром. Я написала письмо его отцу. Это письмо дойдет завтра. Я написала Роджеру. Если он когда-либо получит это письмо... Я надеюсь, что буду далеко к этому времени, может быть, в России.

- Чепуха. Такую помолвку, как ваша, невозможно разорвать иначе, как по обоюдному согласию. Ты только причинишь другим много боли, не освободив себя. А также пожалеешь об этом через месяц. Когда ты сможешь рассуждать спокойно, ты будешь только рада подумать о помощи и поддержке такого мужа, как Роджер. Ты была виновата и поначалу вела себя глупо, возможно, неправильно; но ты же не хочешь, чтобы твой муж считал тебя безупречной?

- Нет, хочу, — ответила Синтия. — Во всяком случае, мой любимый должен так обо мне думать. И оттого, что я даже не люблю его в той степени, как могла бы любить, я чувствую, что мне было бы невыносимо

сказать ему «мне жаль» и стоять перед ним, как ребенок, которого ругают, чтобы получить увещание и прощение.

- Но сейчас ты точно в таком же положении передо мной, Синтия!

- Да, но я люблю вас сильнее, чем Роджера. Я часто говорила об этом Молли. И я бы сказала вам, если бы не предполагала надолго вас покинуть. Я смотрела, появляются ли у вас воспоминания обо всем прошедшем, я видела их в ваших глазах. Должно быть, я знаю это интуитивно. У меня прекрасное чутье — я могу читать мысли других, когда они касаются меня. Мне почти ненавистна мысль, что Роджер будет судить меня по своим собственным стандартам, которые не были установлены для меня, и в конце концов милостиво простит.

- Тогда полагаю, что ты вправе разорвать помолвку, — сказал мистер Гибсон, словно размышляя про себя. — Бедный, бедный парень! Но для него так будет лучше. И он переживет это. У него здоровое, сильное сердце. Бедный старина Роджер!

На одну минуту упрямая иллюзия Синтии потянулась за предметом, ускользающим из ее рук — любовь Роджера на мгновение стала сокровищем. Но с другой стороны, она знала, что отныне лишилась возвышенного, абсолютного пиетета любви, а также пылкого отношения; из-за ошибки, которую сама Синтия и допустила. Она потеряла эту любовь, и ничего уже нельзя было поделать. И все же часто, спустя годы, она размышляла и пыталась проникнуть в необъяснимую тайну того, «что могло бы быть».

- Успокойся, отложи до завтра, прежде чем ты будешь действовать согласно своему решению, — медленно произнес мистер Гибсон. — Какие бы ошибки ты не допустила, прежде всего, они были просто девичьими ошибками и привели тебя к обману, я полагаю.

- Не затрудняйтесь определять оттенки черноты, — горько промолвила Синтия. — Я не настолько бестолкова, я знаю их лучше, чем все остальные. А что касается моего решения, я сразу же последовала ему. Может пройти немало времени, прежде чем Роджер получит письмо, но я надеюсь, он непременно получит его рано или поздно... и, как я сказала, я сообщила его отцу. Это не ранит его! О, сэр, я думаю, если бы меня иначе воспитывали, у меня бы не было страдающего злого сердца. Вот! Нет, мне не нужно благоразумного утешения. Я не выношу этого. Мне всегда будет не доставать восхищения, поклонения и доброго суждения от мужчин. Эти жестокие слухи! Поразить Молли своими жестокими словами! О, боже! Я думаю, жизнь очень безотраднa.

Синтия положила голову на руки — она устала душевно и физически.

Так думал мистер Гибсон. Он понимал, что чем больше он говорит, тем больше она станет волноваться и тем хуже будет для нее. Он вышел из комнаты и позвал уныло сидевшую Молли: — Ступай к Синтии! — прошептал он, и Молли пошла. Она обняла Синтию с нежной властностью, положила ее голову себе на грудь, словно она была матерью, а ее сестра — ребенком.

- О, моя дорогая! — пробормотала она. — Я так люблю тебя, дорогая, милая Синтия! — она гладила ее волосы, целовала веки. Синтия, оставаясь все это время безучастной, внезапно вздрогнула, пораженная новой мыслью, и, взглянув прямо в лицо Молли, произнесла:

- Молли, Роджер женится на тебе! Представь! Вы оба хорошие...

Но Молли оттолкнула ее с внезапной жесткостью:

- Нет! — ответила она. Она покраснела от стыда и возмущения. — Утром твой муж, а вечером — мой! За кого ты его принимаешь?

- За мужчину! — улыбнулась Синтия. — Поэтому, если ты не хочешь, чтобы я называла его непостоянным, я придумаю новое слово и назову его утешившимся! — но Молли не ответила ей улыбкой. В эту минуту служанка Мария вошла в кабинет доктора, где находились обе девушки. У нее был испуганный вид.

- Разве хозяин не здесь? — спросила она, словно не доверяя собственным глазам.

- Нет! — ответила Синтия. — Я слышала, как он вышел. Входная дверь хлопнула не более пяти минут назад.

- О, боже! — воскликнула Мария. — Из Хэмли Холла верхом прискакал человек, он говорит, что мистер Осборн мертв, и что хозяин должен немедленно ехать к сквайру.

- Осборн Хэмли мертв?! — повторила Синтия с трепетом. Молли вышла через входную дверь, ища посыльного в сумерках, она прошла в конюшню, где слуга неподвижно сидел на своей темной лошади, покрытой пеной. Пена виднелась в отсветах фонаря, который поставили на ближайшую стремянку слуги. Их тоже потрясли новости о красивом молодом человеке, исполненном изящества и обаяния, который часто приезжал в дом их хозяина. Молли подошла к мужчине, чьи мысли были заполнены воспоминаниями о том зрелище, которое он оставил в особняке.

Она положила ладонь на горячий, влажный загривок лошади, мужчина вздрогнул.

- Доктор идет, мисс? — при тусклом свете фонаря он заметил, кто пришел.

- Он умер, верно? — тихим голосом спросила Молли.

- Боюсь, что так... по крайней мере, нет сомнения в том, что говорят. Но я скакал во весь опор! Может быть, есть еще шанс. Доктор идет, мисс?

- Он ушел. Полагаю, его ищут. Я поеду сама. О! Бедный старый сквайр! — Молли пошла на кухню — прошла через дом, со всей стремительностью собирая сведения о том, где может быть отец. Слуги знали не больше, чем она. Поскольку все были озабочены, они пропустили мимо ушей хлопок закрывающейся входной двери. Молли поспешно поднялась наверх в гостиную, где в дверях стояла миссис Гибсон, прислушиваясь к необычной суматохе в доме.

- Что это, Молли? Почему ты такая бледная, дитя?

- Где, папа?

- Вышел. Что случилось?

- Куда?

- Откуда мне знать? Я спала. Дженни поднялась наверх, направляясь в спальни. Эта девушка никогда не выполняет свою работу, и Мария пользуется ею в своих интересах.

- Дженни, Дженни! — неистово закричала Молли из-за произошедшей заминки.

- Не кричи, дорогая... позвони в колокольчик. Что могло случиться?

- О, Дженни! — воскликнула Молли, поднявшись до середины лестницы ей навстречу, — кому понадобился папа?

Синтия присоединилась к ним, она тоже пыталась разузнать новости о мистере Гибсоне.

- Что случилось? — спросила миссис Гибсон. — Неужели никто не может ответить на вопрос?

- Осборн Хэмли умер! — серьезно ответила Синтия.

- Умер?! Осборн! Бедняжка! Я знала, что такое может быть, хотя... я была уверена в этом. Но мистер Гибсон ничего не сможет сделать, если он мертв. Бедный молодой человек! Интересно, где сейчас Роджер? Он должен приехать домой.

Дженни получила порицание за то, что пошла в гостиную вместо Марии, в чьи обязанности входила уборка этой комнаты, и по этой причине утратила последние остатки разума. Ее ответы совершенно не удовлетворили поспешные вопросы Молли. Мужчина подъехал к задней двери — она не видела, кто это был — она не спросила его имени. Он хотел поговорить с хозяином, хозяин, кажется, торопился, и только остановился, чтобы взять свою шляпу.

- Он не будет долго отсутствовать, — подумала Молли, — иначе бы он обмолвился о том, куда поедет. Ох! Бедный отец остался совсем

один! — и тогда ей в голову пришла мысль, которой она немедленно последовала. — Иди к Джеймсу и скажи ему установить дамское седло, на котором в ноябре я ездила на Норе Крейн. Не плачь, Дженни. Для этого нет времени. Никто на тебя не сердится. Беги!

Спустившись вниз Молли уже была одета в жакет и юбку, в ее глазах была решимость, а уголки губ дрожали.

- Ради всего святого, — сказала миссис Гибсон, — Молли, что ты задумала? — но Синтия сразу же поняла ее замысел и приводила в порядок поспешно выбранное платье Молли, пока та проходила мимо.

- Я ухожу. Я должна идти. Мне невыносимо думать, что он там один. Когда папа вернется, он непременно поедет в Хэмли, и если я буду не нужна, я смогу вернуться домой с ним, — она слышала протестующий возглас миссис Гибсон, но не остановилась. Ей пришлось ждать в конюшне, пока гонец ел и пил пиво, принесенное ему слугами. Ее появление прервало разговор, но она уловила лишь слова: «среди запутанной травы», и «сквайр не позволил бы никому к нему прикоснуться: он взял его на руки как ребенка; ему пришлось много раз отдыхать, и однажды он опустился с ним на траву, но не выпустил из рук; мы думали, что не сможем снова поднять его — его самого и тело».

«Тело!»

Молли не осознавала, что Осборн действительно мертв, пока не услышала этих слов. Они быстро ехали под сенью деревьев живой изгороди, но когда сбавляли скорость, чтобы проехать по мосткам или дать лошадям передохнуть, Молли снова слышала у себя в ушах это короткое слово и снова проговаривала его про себя, в надежде убедить свой смятенный рассудок принять суровую правду. Вот они оказались в поле зрения массивной неподвижности дома, освещенного лунным светом — луна вышла к этому времени — Молли затаила дыхание, на мгновение ей показалось, что она никогда не сможет войти и столкнуться с настоящим в этом жилище. Одно окно горело желтым светом, споря с серебряным сиянием, льющим с неба. Мужчина указал на него, это было почти первое слово, произнесенное им с того времени, как они покинули Холлингфорд.

- Это старая детская. Они отнесли его туда. Сквайр не выдержал на нижней площадке лестницы, и слуги отнесли тело в подготовленную комнату. Я уверен, сквайр там, и старый Робин тоже. Они позвали его, как понимающего в хворах бессловесных животных, пока не придет настоящий доктор.

Молли спрыгнула с седла, не дожидаясь, пока ей помогут спешиться.

Она подобрала юбки и не остановилась подумать, что ждет ее впереди. Она бежала вдоль знакомых поворотов, быстро поднялась наверх, прошла через двери, пока не оказалась перед последней. Там она остановилась и прислушалась. Стояла мертвая тишина. Она открыла дверь — сквайр сидел в одиночестве у кровати, держа умершего за руку, и глядел прямо перед собой в пространство. Когда Молли вошла, он не пошевелился и не двинулся, даже его веки не дрогнули. Правда уже проникла в его душу, и он знал, что ни доктор, будь он даже самым искусным, со всем своим старанием, не вдохнет жизнь в это тело. Мягко ступая, Молли подошла к нему, насколько могла, успокоив дыхание. Она не говорила, поскольку не знала, что сказать. Она понимала, что у него больше не осталось надежды на земное искусство, поэтому какого проку было говорить о ее отце и о том, что он задерживается? Стоя рядом с пожилым человеком, она немного помедлила, а потом соскользнула на пол и села у его ног. Возможно, ее присутствие могло послужить утешением, но произносить слова было бесполезно. Он, должно быть, знал о ее присутствии, но не выказал явного внимания. Так они и сидели, молчаливые и неподвижные, он — на стуле, она — на полу; умерший — под простыней — третий. Ей казалось, что она, должно быть, помешала отцу созерцать спокойное лицо, скрытое от глаз более чем на половину. Время никогда не казалось таким безмерным, тишина никогда не казалась такой бесшумной для сидевшей там Молли. Обостренным слухом она уловила звук шагов, поднимающихся по дальней лестнице, медленно приближавшихся все ближе. Она знала, что это не мог быть ее отец, и это все, что ее сейчас волновало. Ближе и ближе... рядом с дверью... пауза и мягкий стук. Огромная сухопарая фигура, сидевшая рядом с ней, вздрогнула от этого звука. Молли поднялась и подошла к двери, это был Робинсон, старый дворецкий, державший в руке накрытую чашку супа.

- Благослови вас Бог, мисс, — произнес он, — заставьте его хоть немного поесть. Он ничего не ел после завтрака, а уже второй час ночи.

Он бесшумно снял крышку, Молли взяла чашку и вернулась на свое место рядом со сквайром. Она не говорила, она не совсем знала, что сказать, или как напомнить об этой простой потребности тому, кто так поглощен горем. Но она поднесла ложку к его губам и смочила их пряным бульоном, словно он был больным ребенком, а она — его няней. И инстинктивно сквайр проглотил первую ложку супа. Но через минуту, едва не опрокинув чашку жестом исступления, он отвел ее руку и произнес, всхлипывая и указывая на кровать:

- Он больше никогда не будет есть... никогда.

Затем сквайр бросился ничком на тело и зарыдал так неистово, что Молли испугалась, как бы он тоже не умер — не надорвал себе сердце. Он больше не обращал внимания ни на ее слова, ни на ее слезы, ни на ее присутствие, как не обращал внимания на луну, заглядывающую в распахнутое окно бесстрастным взглядом. Ее отец встал рядом с ними до того, как они оба почувствовали его присутствие.

- Спускайся вниз, Молли, — произнес он строго, но, пока она поднималась, нежно погладил ее по голове. — Иди в столовую, — теперь она чувствовала, как самоконтроль подводит ее. Она дрожала от страха, идя по залитым лунным светом коридорам. Ей казалось, будто она встретит Осборна и услышит от него объяснение — как ему пришлось умереть, что он теперь чувствует, думает и хочет, чтобы она сделала. Она спустилась в столовую — последние несколько ступеней преодолела, борясь с приливом ужаса — бессмысленно страшась того, что могло бы стоять за ее спиной; там она обнаружила накрытый к ужину стол, зажженные свечи и суетившегося Робинсона, переливавшего вино из бутылки в графин. Ей хотелось плакать, укрыться в каком-нибудь тихом местечке и выплакать все свое чрезмерное горе, но здесь Молли едва ли смогла бы это сделать. Она только чувствовала сильную усталость и полное безразличие ко всему на свете. Но яркость жизни вернулась, когда она почувствовала, как Робинсон держит бокал вина у ее губ, а она сама сидит в большом кожаном кресле, в которое села, не осознав этого.

- Выпейте, мисс. Это старая добрая мадера. Ваш папа сказал, что вы должны немного поесть. Он говорит: «Моя дочь, может быть, останется здесь, мистер Робинсон, она слишком молода для такого дела. Убедите ее съесть что-нибудь, иначе она не выдержит». Это были его собственные слова.

Молли ничего не сказала. У нее не было сил для сопротивления. Она выпила вина и немного поела, следуя уговорам старого слуги, а затем попросила его, оставить ее одну, вернулась к своему креслу и позволила себе заплакать, чтобы облегчить сердце.

Глава LII

Горе сквайра Хэмли

Казалось, что прошло довольно много времени, прежде чем мистер Гибсон спустился вниз. Он вошел в комнату, встал спиной к погасшему

камину и помолчал несколько минут.

— Он лег спать, — произнес наконец мистер Гибсон. — Мы с Робинсоном уложили его. Но только я собрался покинуть его, он подозвал меня и попросил позволить тебе остаться. Право, я не знаю... но в такую минуту не хочется отказывать.

— Я бы хотела остаться, — сказала Молли.

— Правда? Ты — добрая девочка. Но как ты справишься?

— О, не беспокойся об этом. Я могу справиться. Папа..., — Молли замолчала, — ... отчего умер Осборн? — спросила она тихим, дрожащим голосом.

— Что-то не в порядке с сердцем. Ты не поймешь, если я скажу тебе. Я ожидал подобного с некоторого времени. Но лучше не говорить о таких вещах дома. Когда я видел его в четверг, неделю назад, он, казалось, выглядел лучше, чем прежде. Я так и сказал доктору Николсу. Но в таких заболеваниях ничего нельзя просчитать.

— Ты видел его в прошлый четверг? Ты не упоминал об этом! — воскликнула Молли.

— Нет. Я не говорю о своих пациентах дома. Кроме того, мне не хотелось, чтобы он считал меня своим доктором, а только другом. Любая тревога относительно его здоровья только бы ускорила трагедию.

— Тогда он не знал, что болен... болен серьезно, я имею ввиду, настолько, что мог умереть, как и случилось?

— Нет, конечно, нет. Тогда он бы только наблюдал за своими симптомами, ускоряя процесс.

— О, папа! — произнесла потрясенная Молли.

— У меня нет времени объяснять тебе, — продолжил мистер Гибсон. — А пока ты не знаешь, что должно говорить обеим сторонам в каждом случае, ты не годишься для того, чтобы судить. Мы должны сосредоточить свое внимание на ближайших обязанностях. Ты проведешь здесь остаток ночи?

— Да.

— Обещай мне, что пойдешь спать как обычно. Ты можешь не думать об этом, но скорее всего ты тотчас же заснешь. В твоём возрасте так и происходит.

— Папа, думаю, я должна рассказать тебе кое-что. Я знаю большую тайну Осборна, которую обещала торжественно хранить. Но в последний раз, когда мы с ним виделись, он, должно быть, боялся чего-то подобного, — к горлу Молли подступили рыдания, ее отец испугался, что они закончатся истерикой. Но внезапно она справилась с ними, взглянула в

его озабоченное лицо и улыбнулась, чтобы его приободрить.

— Я ничего не могла поделать, папа!

— Да. Я знаю. Продолжай, о чем ты говорила. Тебе следует быть в постели, но если у тебя есть тайна в сердце, ты не уснешь.

— Осборн был женат, — сказала она, сосредоточив взгляд на лице отца. — Это и есть тайна.

— Женат?! Чепуха! Почему ты так думаешь?

— Он сказал мне. То есть, я была в библиотеке... читала там, давно. Вошел Роджер и заговорил с Осборном о его жене. Роджер не видел меня, а Осборн видел. Они взяли с меня обещание молчать. Не думаю, что я поступила неправильно.

— Не утруждайся сейчас определять, что правильно, а что неправильно. Расскажи мне об этом побольше.

— Я знала не больше тебя шесть месяцев назад... в прошлом ноябре, когда ты поехал к леди Камнор. Тогда он пришел и дал мне адрес своей жены, но это все еще было нашим общим секретом. И кроме этих двух раз и одного, когда Роджер как-то обмолвился, я не слышала, чтобы кто-то упомянул об этом. Я думаю, что в последний раз он бы больше рассказал мне, если бы не пришла мисс Фиби.

— Где живет эта его жена?

— На юге, возле Винчестера. Он сказал, что она француженка и католичка. И он сказал, что она была служанкой, — добавила Молли.

— Уф! — мистер Гибсон издал что-то среднее между долгим вздохом и свистом, пытаясь справиться со смятением.

— И, — продолжила Молли, — он говорил о ребенке. Теперь ты знаешь столько же, сколько я, папа, кроме адреса. Он хранится дома в безопасности.

Явно забыв, что время уже перевалило за полночь, доктор сел, вытянул перед собой ноги и, засунув руки в карманы, начал размышлять. Молли тоже молчала, слишком устав, чтобы делать или говорить еще что-нибудь.

— Что ж! — произнес он наконец, поднявшись, — ночью ничего поделать нельзя. К завтрашнему утру я, быть может, смогу разузнать. Бедное бледное личико! — обхватив лицо Молли ладонями, он поцеловал ее. — Бедное, милое, бледное личико! — затем он позвонил в колокольчик и попросил Робинсона прислать какую-нибудь служанку, чтобы проводить мисс Гибсон в ее комнату.

— Он не встанет рано, — произнес он при расставании. — Потрясение слишком ослабило его. Пришли ему завтрак в его комнату. Я снова приеду

сюда около десяти.

Он сдержал свое слово и утром снова был на месте.

— Теперь, Молли, — сказал он, — мы с тобой должны рассказать ему правду. Я не знаю, как он воспримет ее, но у меня есть крошечная надежда; как бы то ни было, ему следует знать об этом.

— Робинсон говорит, он снова пошел в комнату, и он боится, что сквайр запер дверь изнутри.

— Не беспокойся. Я позвоню в колокольчик и pošлю Робинсона сказать, что я здесь и хочу поговорить с ним.

Робинсон принес ответ: «У сквайра сердечная печаль, и он не может повидаться с мистером Гибсоном сейчас». Слуга добавил: «Прошло много времени, прежде чем он ответил это, сэр».

— Снова поднимись наверх и скажи ему, что я могу подождать, когда ему будет удобно. А вот это ложь, — сказал мистер Гибсон, поворачиваясь к Молли, как только Робинсон вышел из комнаты. — Мне следует быть достаточно далеко в двенадцать часов, но если я не ошибаюсь, врожденные привычки джентльмена заставят его беспокоиться, что он вынуждает меня ждать его благоволения, и приведут его из той комнаты в эту скорее, чем любые просьбы.

Тем не менее, прежде чем они слышали шаги сквайра на лестнице, мистер Гибсон стал терять терпение. Сквайр шел явно медленно и неохотно. Он вошел почти как слепой, и, нащупывая опору, хватался за стул или стол, пока не дошел до мистера Гибсона. Сквайр ничего не сказал, когда взял доктора за руку. Он только продолжал вяло пожимать руку в знак приветствия.

— Мне так тяжело, сэр. Я полагаю, это воля Божья. Но мне так больно. Он был моим первенцем, — сквайр произнес эти слова так, словно разговаривал с незнакомцем, сообщая ему факты, о которых тот не знал.

— Вот Молли, — сказал мистер Гибсон, немного задохнувшись от эмоций, и подталкивая дочь вперед.

— Прошу прощения. Я не заметил вас сначала. Моя голова сейчас очень занята, — сквайр тяжело опустился на стул, а затем, казалось, почти забыл об их присутствии. Молли гадала, что за этим последует. Внезапно заговорил ее отец:

— Где Роджер? — спросил он. — Похоже, он не скоро вернется с Мыса[1]? — мистер Гибсон встал, бросив взгляд на нераспечатанные письма, принесенные с утренней почтой; среди них одно было написано почерком Синтии. И Молли, и он заметили это одновременно. Сколь далеко от них было вчерашнее утро! Но сквайр не обратил внимания на их

взгляды.

— Полагаю, вы будете рады видеть Роджера дома, как можно скорее, сэр. Сначала должно пройти несколько месяцев; но я уверен, он вернется, как можно быстрее.

Сквайр что-то ответил очень тихим голосом. И отец, и дочь напрягли слух, чтобы услышать, что он сказал. Они оба поняли, что сквайр произнес: «Роджер не Осборн!». И мистер Гибсон согласился с этим убеждением. Молли прежде не слышала, чтобы он говорил так тихо.

— Да! Мы это знаем. Как бы мне хотелось, чтобы все, что мог сделать Роджер, или я, или любой другой человек, утешило бы вас. Но это за пределами человеческой помощи.

— Я пытаюсь сказать «На все воля божья», сэр, — произнес сквайр, впервые взглянув на мистера Гибсона, в его голосе стало больше жизни, — но покорным быть труднее, нежели полагают счастливые люди, — они все немного помолчали. Сам сквайр заговорил первым: — Он был моим первенцем, сэр, моим старшим сыном. А в последние годы мы были... — его голос сорвался, но он совладал с собой: — мы не были столь хорошими друзьями, как хотелось бы. И я не уверен... не уверен, что он знал, как я любил его, — а теперь он зарыдал громко и безмерно горько.

— Так лучше! — прошептал мистер Гибсон Молли. — Когда он немного успокоится, не бойся, расскажи ему все, что ты знаешь, точно так, как все произошло.

Молли начала рассказывать. Ее голос звучал высоко и неестественно для нее самой, как будто говорил кто-то другой, но она заставляла себя отчетливо произносить слова. Сквайр не пытался слушать, во всяком случае, поначалу.

— Однажды, когда я была здесь, во время последней болезни миссис Хэмли, — здесь сквайр сдержал судорожное дыхание, — я читала в библиотеке, вошел Осборн. Он сказал, что зашел только за книгой, и чтобы я не обращала на него внимания, поэтому я продолжила читать. Некоторое время спустя Роджер прошел по мощенной садовой дорожке за окном, которое было распахнуто. Он не заметил меня в углу, где я сидела, и сказал Осборну: «Вот письмо от твоей жены!»

Теперь сквайр был весь внимание, впервые его опухшие от слез глаза встретились с глазами другого человека, он смотрел на Молли с пытливым беспокойством, повторив: — Его жена! Осборн был женат!

Молли продолжила:

— Осборн рассердился на Роджера за то, что тот заговорил в моем присутствии, и они взяли с меня обещание никогда никому не говорить об

этом, даже при них не упоминать. До прошлой ночи я даже не рассказывала папе.

— Продолжай, — сказал мистер Гибсон. — Расскажи сквайру о визите Осборна — что рассказывала мне! — сквайр по-прежнему не сводил глаз с ее губ, прислушиваясь к каждому слову.

— Несколько месяцев назад Осборн навестил нас. Он был нездоров и хотел повидать папу. Папы не было дома, и я была одна. Я точно не помню, как это вышло, но он заговорил со мной о своей жене в первый и единственный раз с того случая в библиотеке, — она взглянула на отца, словно спрашивая его, желательно ли рассказывать о дальнейших подробностях. Губы сквайра были сухими и непослушными, но ему удалось сказать: — Расскажите мне все... обо всем, — и Молли поняла едва произнесенные слова.

— Он сказал, что его жена порядочная женщина, что он сильно ее любит; но она француженка и католичка, и..., — снова взглянула на отца, — она когда-то была служанкой. Это все, что он рассказал, кроме того дома у меня есть ее адрес. Он записал и отдал его мне.

— Ну и ну! — простонал сквайр. — Теперь все кончено. Все кончено. Все в прошлом. Мы не станем осуждать его... нет; жаль, что он не рассказал мне. Мы с ним жили вместе, а один из нас хранил такую тайну. Сейчас мне неудивительно... ничему не стоит удивляться, никто не скажет, что на сердце у человека. Давно женат! А мы сидели вместе за столом... и жили вместе. Я все ему рассказывал! Слишком часто, быть может, я показывал ему все свои чувства и тяжелый характер! Так давно женат! Ох, Осборн, Осборн, тебе следовало рассказать мне!

— Да, ему следовало рассказать, — согласился мистер Гибсон. — Полагаю, он знал, как вам не понравится сделанный им выбор. Но ему следовало рассказать вам!

— Вы ничего не знаете об этом, сэр, — резко произнес сквайр. — Вы не знаете, в каких мы были отношениях. Ни в сердечных, ни в доверительных. Я сердился на него много раз, злился на него за то, что он вялый, бедняга... а он держал всю эту тяжесть на душе. Мне не нужно, чтобы люди вмешивались и судили об отношениях между мной и моими сыновьями. И Роджер тоже! Он знал обо всем и скрыл это от меня!

— Осборн, очевидно, связал его клятвой, точно так же, как и меня, — заметила Молли. — Роджер ничего не мог поделать.

— Осборн был из тех, кто убеждает людей и склоняет на свою сторону, — мечтательно произнес сквайр. — Я помню... но какого проку вспоминать? Все кончено, и Осборн умер, не открыв мне свое сердце. Я

мог бы относиться к нему нежнее, я мог бы. Но теперь он не узнает об этом.

— Но мы можем предположить, какое самое сильное желание было у него в душе, из этого мы знаем о его жизни, — сказал мистер Гибсон.

— Какое, сэр? — спросил сквайр, явно подозревая, что за этим последует.

— В последние минуты он думал о своей жене, разве нет?

— Откуда мне знать, что она была его женой? Вы думаете, он бы поехал и женился на французской девке из служанок? Вся эта история может быть выдуманна.

— Остановитесь, сквайр. Я не прочь защитить правдивость своей дочери. Но там наверху лежит мертвое тело — его душа с Богом — подумайте дважды, прежде, чем вы произнесете еще больше необдуманных слов, ставя под сомнение его репутацию, если она не его жена, тогда кто она?

— Прошу прощения. Я едва ли сознаю, что говорю. Я упрекнул Осборна? О, мой сын, мой сын... ты мог бы доверять своему старому отцу! Он обычно звал меня своим «старым отцом», когда был маленьким ребенком, не больше этого, — показав рукой определенный рост. — Я не хотел сказать, что он был не тем... не тем, о котором хотелось бы думать теперь... его душа с Богом, как вы очень справедливо заметили... я уверен, она там...

— Что ж! Сквайр, — сказал мистер Гибсон, пытаясь сдержать блуждающие мысли сквайра, — вернемся к его жене...

— И ребенку, — прошептала Молли отцу. Тихий шепот поразил слух сквайра.

— Что!? — спросил он, неожиданно оборачиваясь к ней, — ... ребенку? Вы не упоминали об этом? Есть ребенок? Муж и отец, а я не знал! Бог благослови дитя Осборна! Бог благослови! — он почтительно выпрямился, двое других инстинктивно поднялись. Он сложил руки в молитве. Затем снова сел, изнуренный, и протянул свою руку Молли.

— Вы — хорошая девушка. Благодарю вас... Расскажите мне, что я должен сделать, и я это сделаю, — это относилось к мистеру Гибсону.

— Я почти так же озадачен, как и вы, сквайр, — ответил он. — Я вполне верю во всю эту историю, но я думаю, тому должно быть какое-то письменное подтверждение, которое следует найти немедленно, прежде чем мы будем действовать. Более вероятно обнаружить его среди бумаг Осборна. Вы посмотрите среди них сейчас же? Молли вернется со мной и найдет адрес, который оставил ей Осборн, пока вы заняты...

— Она вернется снова? — пылко спросил сквайр. — Вы... она не оставит меня наедине?

— Нет! Она вернется этим вечером. Как-нибудь я сумею отправить ее. Но у нее нет одежды кроме той, в которой она приехала, и мне нужна моя лошадь, на которой она уехала.

— Возьмите экипаж, — сказал сквайр. — Возьмите все. Я отдам распоряжения. Вы тоже вернетесь?

— Нет! Боюсь, что нет, не сегодня. Я приеду завтра, рано утром. Молли вернется этим вечером, когда вы пошлете за ней.

— После полудня. Экипаж будет у вашего дома в три. Я не смею смотреть на бумаги... бумаги Осборна один, без кого-то из вас. И тем не менее, я не смогу отдохнуть, пока не узнаю больше.

— Я пошлю Робинсона за конторкой, прежде чем уеду. И... могу я немного перекусить до отъезда?

Мало по малу он убедил сквайра немного поесть. Укрепив его физически и ободрив духовно, мистер Гибсон мог надеяться, что сквайр начнет свои поиски во время отсутствия Молли.

Было что-то трогательное в тоскливом взгляде, которым сквайр провожал уезжавшую девушку. Чужой человек мог бы вообразить, что она является его дочерью, а не мистера Гибсона. Кроткий и рассеянный отец, лишившийся ребенка, никогда не казался более трогательными, чем в ту минуту, когда он подозвал доктора и Молли к своему креслу — казалось, что он слишком слаб, чтобы подняться — и произнес, словно запоздалая мысль пришла ему на ум: «Передайте мой привет мисс Киркпатрик. Скажите ей, что я считаю ее одной из семьи. Я буду рад видеть ее после... после похорон. Не думаю, что смогу раньше».

— Он ничего не знает о решении Синтии расстаться с Роджером, — заметил мистер Гибсон по пути домой. — Я долго разговаривал с ней прошлым вечером, но она такая же решительная, как и всегда. Из того, что твоя мама рассказывает мне, в Лондоне есть третий поклонник, которому она уже отказала. Я рад, что у тебя совсем нет поклонников, Молли, если мистера Кокса, давно и безуспешно попытавшегося сделать предложение, можно назвать поклонником.

— Я ничего не знала об этом, папа! — воскликнула Молли.

— О, да! Я забыл. Какой я глупец! Разве ты не помнишь, с какой поспешностью я отправил тебя в Хэмли Холл в самый первый раз? А все потому, что я перехватил отчаянное любовное письмо Кокса, адресованное тебе.

Но Молли слишком устала, чтобы позабавиться или даже

заинтересоваться. Она не могла избавиться от образа вытянутого тела, укрытого простыней, сквозь которую все же угадывались очертания — все, что осталось от Осборна. Ее отец слишком понадеялся на прогулку верхом и смену обстановки после мрачного дома. Он заметил свою ошибку.

— Кто-то должен написать миссис Осборн Хэмли, — сказал он. — Полагаю, у нее есть законное право носить это имя. Так или иначе, ей следует сообщить, что отец ее ребенка умер. Ты это сделаешь или я?

— Ты, папа, пожалуйста!

— Я напишу, если хочешь. Но она могла слышать о тебе как о друге ее мертвого мужа. Тогда как обо мне — простом деревенском докторе — очень возможно, никогда не слышала.

— Если я должна, я напишу.

Мистеру Гибсону не понравилась эта быстрая уступка, выраженная всего в нескольких словах.

— Вот и шпиль Холлингфордской церкви, — заметила Молли некоторое время спустя, когда они приблизились к городу и заметили церковь сквозь деревья. — Думаю, мне бы не хотелось уезжать далеко от нее.

— Чепуха! — сказал он. — Все твои путешествия еще впереди, а если протянут эти новомодные рельсы, как говорят, мы все будем кружиться по свету, «сидя в чайниках», как выражается Фиби Браунинг. Мисс Браунинг написала такое превосходное письмо — совет мисс Хорнблауэр. Я услышал об этом у Миллеров. Мисс Хорнблауэр собирается впервые путешествовать по железной дороге; и Дороти была очень обеспокоена и послала ей указания, как себя вести, и совет не сидеть на паровом котле.

Молли немного посмеялась, как и было положено в этом месте.

— Вот мы и дома, наконец.

Миссис Гибсон оказала Молли теплый прием. Прежде всего потому, что Синтия была в немилости; во-вторых, Молли приехала из центра новостей; в третьих, миссис Гибсон по-своему любила эту девочку, и ей было жаль видеть, как она бледна и грустна.

— Подумать только, все это произошло так неожиданно! Не то чтобы я не ожидала этого! Так досадно! И как раз тогда, когда Синтия рассталась с Роджером! Если бы только она подождала один день! Что сквайр говорит обо всем этом?

— Он убит горем, — ответила Молли.

— Несомненно! Я не представляла, что ему настолько нравится эта помолвка.

— Какая помолвка?

— Роджера и Синтии, разумеется. Я спросила тебя, как сквайр воспринял ее письмо, извещающее о разрыве помолвки?

— О... простите. Он не открывал свою почту сегодня. Я видела письмо Синтии среди других писем.

— Вот то, что я называю явным неуважением.

— Я не знаю. Он не хотел ничего подобного. Где Синтия?

— Вышла в сад. Ты непременно там ее найдешь. Я хотела, чтобы она выполнила несколько поручений для меня, но она категорически отказалась выйти в город. Боюсь, она плохо справляется с делами. Но она не позволит мне вмешаться. Мне невыносимо смотреть на подобные вещи с точки зрения корысти, но досадно видеть, как она теряет такие две хорошие партии. Сначала мистер Хендерсон, а теперь Роджер Хэмли. Когда сквайр ожидает приезда Роджера? Он думает, что тот вернется раньше из-за смерти бедного Осборна?

— Я не знаю. Едва ли он думает о чем-то еще кроме Осборна. Мне показалось, он почти забыл обо всех. Но возможно, новость о том, что Осборн был женат и имеет ребенка, сможет взбодрить его.

Молли не сомневалась, что Осборн был действительно и законно женат, как не допускала мысли, что ее отец выболтает факты, о которых она рассказала ему прошлой ночью, своей жене или Синтии. Но мистер Гибсон немного сомневался в полной законности брака и не собирался говорить об этом со своей женой, пока так или иначе в этом не убедится. Поэтому когда миссис Гибсон воскликнула: «Что ты имеешь ввиду, дитя? Женат?! Осборн женат?! Кто так говорит?», Молли смутилась.

— О боже! Полагаю, мне не следовало упоминать об этом. Я очень бестолкова сегодня. Да, Осборн давно был женат, но сквайр не знал об этом до сегодняшнего утра. Думаю, эта новость пошла ему на пользу. Но я не знаю.

— Кто его жена? Я называю постыдным жить как холостяк, и быть тем временем женатым! Если что и возмущает меня, то это двуличность. Кто эта дама? Расскажи мне все, что знаешь об этом, дорогая.

— Она француженка, католичка, — сказала Молли.

— Француженка! Они такие притягательные женщины, а он так часто бывал за границей! Ты сказала, что есть ребенок... это мальчик или девочка?

— Я не знаю. Я не спрашивала.

Молли не считала необходимым рассказывать больше, чем просто отвечать на вопросы. На самом деле она была рассержена, что рассказала о том, что ее отец явно желал сохранить в секрете. Как раз в этот момент

Синтия вошла в комнату. Выражение ее лица было беспечным, но Молли сразу угадала, что на самом деле ее сестра печальна. Синтия не слышала, как приехала Молли, и не имела представления, что та вернулась, пока не заметила ее в комнате.

— Молли, дорогая! Это ты? Ты так же желанна, как цветы в мае, хотя ты отсутствовала меньше суток. Дом совсем не такой, когда тебя нет!

— И она привезла такие новости! — заметила миссис Гибсон. — Я почти рада, что ты вчера написала сквайру, потому что если бы ты дожидалась сегодняшнего дня... тогда я подумала, что ты слишком поторопилась — он мог бы подумать, что у тебя есть какая-то корыстная причина разорвать помолвку. Осборн Хэмли все это время был женат на какой-то неизвестной даме, и у него есть ребенок.

— Осборн женат! — воскликнула Синтия. — Если какой-то мужчина и выглядел в полной мере холостяком, то это был он. Бедный Осборн! Со своей учивой тонкой элегантностью он казался совсем мальчишкой!

— Да! Это был великий обман, я не могу так легко простить его за это. Только подумайте! Если бы он обращал особенное внимание на одну из вас, вы бы влюбились в него! Он мог бы разбить твое или сердце Молли. Я не могу простить его, несмотря на то, что он умер, бедняга!

— Ну, раз он не обращал внимания ни на одну из нас, и раз ни одна из нас не влюбилась в него, я думаю, только посочувствую, что у него были неприятности, и он беспокоился о том, как все скрыть, — Синтия довольно хорошо помнила о том, сколько неприятностей и беспокойства доставили ей ее собственный тайны.

— А теперь, конечно, этот сын и станет наследником, а Роджер, как и прежде останется без денег. Я надеюсь, ты, Молли, позаботишься, чтобы сквайр узнал, что Синтия совершенно ничего не ведала об этих новых обстоятельствах, открывшихся, когда она уже написала эти письма? Мне бы не хотелось, чтобы подозрения в мелочности возлагали на того, к кому я имею отношение.

— Он еще не читал письма Синтии. О, позвольте мне вернуть его домой неоткрытым, — предложила Молли. — Пошлите Роджеру другое письмо... сейчас... немедленно. Оно дойдет до него в то же самое время. Он получит оба, когда приедет на Мыс и поймет, что последнее — настоящее. Подумайте! Он узнает о смерти Осборна в то же самое время... две такие печальные новости! Напиши, Синтия!

— Нет, моя дорогая, — сказала миссис Гибсон. — Я не могу этого позволить, даже если бы Синтия была расположена это сделать. Просить заново обручиться с ним! Во всяком случае, она должна ждать, пока он

снова не сделает предложения, а мы посмотрим, как обернется дело.

Но Молли сосредоточила умоляющий взгляд на Синтии.

— Нет! — твердо ответила Синтия, немного подумав. — Это невозможно. Я более довольна этим своим поступком, чем всем тем, что сделала за прошедшие недели. Я рада быть свободной. Я страшусь великодушия Роджера и его поучений, и всего такого прочего. Это было не по мне, и я не думаю, что когда-нибудь вышла бы за него замуж, даже если бы он не знал обо всех этих недоброжелательных историях, которые рассказывают обо мне, и о которых он бы узнал и ждал, что я объясню их и буду сожалеть, буду кающейся и покорной. Я знаю, что он бы не смог сделать меня счастливой, и не верю, что он был бы счастлив со мной. Все должно оставаться так, как есть. Я скорее стану гувернанткой, чем выйду за него. Я бы уставала от него каждый божий день.

— Устать от Роджера! — повторила Молли про себя. — Я понимаю, самое лучшее — оставить так, как есть, — ответила она вслух. — Только мне очень жаль его, очень. Он так любил тебя. Никто не будет любить тебя так сильно, как он!

— Очень хорошо. Я должна рискнуть. Слишком много любви подавляет меня. Мне нравится большая, широко простирающаяся любовь, а не ограниченная одним единственным возлюбленным.

— Я не верю тебе, — сказала Молли. — Но давай больше не говорить об этом. Лучше оставить как есть. Я подумала... я почти уверена, тебе будет жаль. Но мы оставим его в покое, — она села, безмолвно глядя в окно, ее сердце болезненно сжималось, она едва ли знала почему. Но она не могла говорить. Скорее всего, она бы начала плакать, если бы заговорила. Некоторое время спустя Синтия бесшумно прокралась к ней.

— Ты сердишься на меня, Молли, — начала она тихим голосом. Но Молли резко обернулась:

— Я?! Мне нет до этого никакого дела. Тебе судить. Делай то, что считаешь правильным. Полагаю, ты поступишь правильно. Только я не хочу это обсуждать и касаться этого в разговоре. Я очень сильно устала, дорогая, — теперь она говорила с нежностью, — я едва ли знаю, что сказать. Если я кажусь сердитой, не обращай внимания.

Синтия не ответила сразу. Потом она произнесла:

— Думаешь, я могла бы поехать с тобой и помочь тебе? Я могла бы вчера поехать; ты сказала, он еще не открыл мое письмо, значит, он еще не знает. Я всегда любила бедного Осборна, по-своему, ты знаешь.

— Я не могу сказать. Я не имею права говорить, — ответила Молли,

едва понимая мотивы Синтии, которые, в конце концов, были всего лишь порывами. — Папа мог бы осудить. Думаю, тебе лучше не ехать. Но не поступай согласно моему мнению. Я могу только сказать, что бы мне хотелось сделать на твоём месте.

— Я бы так поступила ради тебя, как и ради любого другого, Молли, — сказала Синтия.

— О, тогда не езжай! Сегодня я устала, но завтра я буду в порядке. И мне бы не понравилось, если бы ради меня ты вошла в дом, в такой момент.

— Очень хорошо! — согласилась Синтия, отчасти радуясь, что ее порывистое предложение отклонили. А про себя она подумала: «В конце концов, это было бы неудобно». Поэтому Молли вернулась в экипаже одна, размышляя, каким она найдет сквайра; какие документы он обнаружил среди бумаг Осборна, и к каким убеждениям не придет.

[1] Мыс — сокр. От Мыса Доброй Надежды (на юге Африки).

Глава LIII

Неожиданный приезд

Робинсон открыл для Молли дверь еще до того, как экипаж подкатил к Хэмли Холлу, и рассказал ей, что сквайр не раз посылал его к верхнему окну, из которого можно мельком увидеть холмистую дорогу между Холлингфордом и Хэмли, чтобы узнать, не появился ли в поле зрения экипаж. Когда девушка вошла в гостиную, сквайр стоял посреди комнаты, ожидая ее — на самом деле, ему не терпелось выйти и встретить Молли, но его сдерживал официальный этикет, мешающий ему свободно передвигаться в этом доме скорби. В руках, дрожащих от нетерпения и эмоций, он держал бумаги; на столе перед ним были разбросаны четыре или пять открытых писем.

— Это все правда, — начал он, — она его жена, а он — ее муж... был ее мужем... так правильно... был! Бедняга! Бедняга! Он много за это заплатил. Видит Бог, это не моя вина. Прочтите это, моя дорогая. Это свидетельство. Оно настоящее — Осборн Хэмли на Мари-Эми Шерер — приходская церковь и все такое, и засвидетельствовано. О боже! — он сел на ближайший стул и застонал. Молли села рядом с ним и прочитала юридический документ, который убеждал ее в том, в чем она и без того была уверена: брак был законным и действительным. Она держала бумагу в руках, закончив чтение, и ожидала следующих связных слов сквайра,

поскольку он продолжал говорить сам с собой обрывочными предложениями. — Да, да! Это происходит из характера и несдержанности. Она была единственной, кто мог, — а я стал хуже после того, как она ушла. Хуже! Хуже! И посмотрите, к чему это привело! Он боялся меня... да... боялся. Правда в том, что... боялся. И ему приходилось держать все в себе, и забота убила его. Они могут называть это сердечным недугом... О, мой сын, мой сын, теперь я знаю его лучше; но слишком поздно... это острая боль... слишком поздно, слишком поздно! — он закрыл лицо и закачался взад и вперед, Молли не смогла дольше это выносить.

— Здесь несколько писем, — сказала она, — можно я прочту некоторые из них? — в другой раз она бы не осмелилась спросить, но сейчас ей было невыносимо видеть бессловесное горе старого человека.

— Да, прочтите их, прочтите их, — разрешил он. — Может быть, вы сможете. Я только могу выхватить слово то там, то тут. Я положил их здесь, чтобы вы посмотрели и рассказали, что в них.

Знания Молли в французском в те дни заключались в основном в чтении *Memoires de Sully*[1], она не преуспела ни в орфографии, ни в написании писем. Но ей удалось перевести на достаточно хороший разговорный английский несколько невинных предложений о любви и послушании воле Осборна — словно его суждения были безошибочны — и о вере в его цели — небольшие предложения на «маленьком английском», что нашли прибежище в сердце сквайра. Возможно, если бы Молли читала по-французски более легко, она бы не смогла перевести их так трогательно, обыденно, прерывисто. То здесь, то там встречались выражения на английском; их жаждущий сквайр прочитал, пока ждал возвращения Молли. Каждый раз, когда она останавливалась, он говорил: — Продолжайте. — Он продолжал прятать лицо и только повторял это слово при каждой заминке. Она поднялась, чтобы найти еще несколько писем Эми. Но изучая документы, она наткнулась на одно особенное письмо.

— Вы видели это, сэр? Это свидетельство о крещении (читает вслух) «Роджера Стивена Осборна Хэмли, рожденного июня 21-го числа, 183-года, Осборном Хэмли и Мари-Эми, его женой...»

— Дайте его мне, — попросил сквайр срывающимся голосом, протягивая жаждущую руку. — Роджер, это мое имя, Стивен — это мой бедный старый отец. Он умер, когда был не так стар, как я, но я всегда считал его очень старым. Он был главным в нашей семье и любил Осборна, когда тот был еще мал. Хорошо, что парень подумал о моем отце Стивене. Да, так его звали. И Осборн... Осборн Хэмли! Один Осборн Хэмли лежит

мертвый в своей постели... а другой — другого я никогда не видел, и никогда не слышал о нем до сегодняшнего дня. Его должно звать Осборном, Молли. Вот Роджер, их два, если на то пошло, но один ничемный старик, и Осборна никогда бы больше не было, если бы не этот малыш, названный Осборном. Мы привезем его сюда, найдем для него няню и обеспечим его матери достойную жизнь в ее собственной стране. Я сделаю это, Молли. Вы хорошая девушка, что нашли это. Осборн Хэмли! И если Господь окажет мне милость, он никогда не услышит от меня сердитого слова... никогда! Он не будет бояться меня. О, мой Осборн, мой Осборн! — разрыдался он, — знаешь ли ты, как горько и больно у меня на сердце из-за каждого жестокого слова, которое я сказал тебе? Знаешь ли ты, как я любил тебя... моего мальчика... моего мальчика?

Судя по содержанию писем, Молли сомневалась, согласится ли мать так легко, как, ожидает сквайр, расстаться со своим ребенком. Возможно, письма не отличались благоразумием, (хотя об этом Молли не задумывалась), но сердце, полное любви произносило нежные слова в каждой строчке. Все же, Молли решила не говорить о своих сомнениях, а постаралась подробно остановиться на достоинствах и обаянии маленького Роджера Стивена Осборна Хэмли. Она позволила сквайру изнурять себя, размышляя о подробностях каждого события, помогая ему строить догадки; и оба они из своих неполных знаний, строили самые любопытные, фантастичные и невозможные предположения. Так прошел этот день, и наступила ночь.

Не столь много людей имели право присутствовать на похоронах. Мистер Гибсон и потомственный поверенный в делах сквайра взяли на себя заботу о приглашенных. Но когда мистер Гибсон рано приехал на следующее утро, Молли обратилась к нему с вопросом, который пришел ей на ум, хотя очевидно не на ум сквайру: какое сообщение о смерти нужно послать вдове, живущей в одиночестве возле Винчестера, ожидающей и высматривающей если не приезда того, кто лежал мертвым в далеком доме, то, по крайней мере, его писем. Одно письмо от нее, написанное иностранным почерком, уже пришло на почту, куда направлялась вся ее корреспонденция, но, конечно, об этом в Хэмли Холле никто ничего не знал.

— Ей нужно сообщить, — задумчиво произнес мистер Гибсон.

— Да, она должна узнать, — ответила его дочь. — Но как?

— Пару дней ожидания не причинят вреда, — сказал он, словно желал отсрочить решение проблемы. — Она, бедняжка, станет беспокоиться и

начнет строить всевозможные мрачные предположения — среди них будет верное; это будет своего рода подготовка.

— Для чего? Что-то нужно сделать, в конце концов, — заметила Молли.

— Да, верно. Полагаю, ты напишешь и скажешь, что он очень болен; напиши завтра. Мне кажется, они не отказывали себе в ежедневных посланиях, а тут три дня она не будет получать писем. Ты расскажешь, как тебе довелось узнать обо всем. Думаю, она должна знать, что он очень болен... в большой опасности, если хочешь. А на следующий день ты можешь рассказать всю правду. Я бы не стал беспокоить этим сквайра. После похорон мы поговорим о ребенке.

— Она никогда не расстанется с ним, — заметила Молли.

— Уф! Пока не увижу женщину, я не могу сказать, — ответил ей отец, — некоторые женщины расстаются. Она будет хорошо обеспечена, судя по тому, что ты говоришь. И она — иностранка, и очень возможно, что она захочет вернуться к своему народу и родственникам. Здесь есть, о чем подумать.

— Ты всегда так говоришь, папа. Но в этом случае, я верю, ты поймешь, что я права. Я сужу только по ее письмам. Но, мне кажется, я права.

— Ты всегда так говоришь, дочка. Время покажет. Значит, ребенок — мальчик? Миссис Гибсон попросила меня особенно это разузнать. Это существенно примирит ее с отказом Синтии Роджеру. Но на самом деле, для них обоих очень хорошо, что они расстались, хотя, конечно, пройдет немало времени, прежде чем он станет так думать. Они не подходили друг другу. Бедный Роджер! Вчера мне было трудно написать ему, и кто знает, что может с нимиться! Ну, что ж! Так или иначе, ты должен справиться. Тем не менее, я рад, что этот маленький паренек оказался наследником. Мне бы не хотелось, чтобы собственность отошла к ирландским Хэмли, которые будут следующими наследниками, как однажды рассказал мне Осборн. Теперь, Молли, напиши это письмо бедной француженке. Оно подготовит ее. И мы должны немного подумать, как, ради Осборна, избавить ее от потрясения.

Написать это письмо оказалось для Молли очень трудным делом, она разорвала две или три копии, прежде чем смогла удовлетвориться написанным. И, наконец, отчаявшись сочинить письмо еще лучше, она отправила его, даже не перечитав. На следующий день письмо далось легче. Она смогла рассказать смерти Осборна кратко и с сочувствием. Но когда второе письмо было отправлено, сердце Молли начало болеть при

мысли о бедной женщине, которая лишилось мужа в чужой стране, он сейчас вдали от нее, мертвый и похороненный, а ей не дано было даже возможности запечатлеть в памяти дорогие сердцу черты последним жадным взглядом. Заполнив мысли неизвестной Эми, Молли много говорила о ней в тот день со сквайром. Он бы выслушал любые догадки, какими бы дикими они не были, о своем внуке, но постоянно содрогался от любых разговоров о «француженке», как он ее называл; недоброжелательно, но в его душе она была просто француженкой — болтливой, темноглазой, вызывающей и, возможно, даже румяной. Он бы относился к ней с уважением, как к вдове его сына и даже постарался бы не думать о женском обольщении, в которое верил. Он бы обеспечил ее денежным пособием в размере своего обязательства: но он надеялся и верил, что никогда не увидится с ней. Его стряпчий, Гибсон, всякий и каждый, должны быть вызваны, чтобы сформировать фалангу защиты, которая закрыла бы его от этой опасности.

А в это самое время молодая сероглазая женщина совершала свой путь — не к нему, но к его мертвому сыну, которого до сих пор считала своим живым мужем. Она знала, что действует вопреки его высказанному желанию; но он никогда не пугал ее опасением за свое здоровье. И она, радуясь жизни, никогда не предполагала, что смерть унесет того, кого она так любит. Он был болен — очень болен, в письме от незнакомой девушки говорилось об этом; но Эми ухаживала за своими родителями и знала, какой бывает болезнь. Французский доктор хвалил ее умение и ловкость сиделки, и даже если бы она была самой неловкой из женщин, не он ли был ее мужем... всецело принадлежавшим ей? И не она ли была его женой, чье место быть рядом, у изголовья его постели? Поэтому, даже без стольких рассуждений, которые были приведены здесь, Эми приготовилась и проглотила слезы, что застилали ее глаза и капали в маленький дорожный сундук, который она упаковывала так тщательно. Рядом с ней, на полу, сидел ребенок почти двух лет от роду. Для него у Эми всегда находилась улыбка и ободряющее слово. Служанка любила ее и верила ей; а это была женщина в том возрасте, когда уже имеется опыт общения с людьми. Эми рассказала ей, что ее муж болен, и служанка знала достаточно много семейных историй, чтобы понимать, что Эми была непризнанной женой. Но она одобрила быстрое решение своей хозяйки немедленно поехать к мужу, где бы он ни был. Осторожность происходит от подготовки того или иного рода, а Эми не была напугана предупреждениями; только служанка настойчиво просила оставить ребенка. «Он бы составил мне компанию, —

говорила она, — он так утомит свою мать в путешествии. И может быть, его отец окажется слишком болен, чтобы видеть его». На что Эми отвечала: «Хорошая компания для вас, но лучшая для меня. Женщина никогда не устает нести свое собственное дитя» (что было неправдой; но в этих словах было достаточно правды, чтобы заставить поверить и хозяйку, и служанку), «и если месье сможет к чему-то проявить интерес, он обрадуется, услышав лепет своего маленького сына». Поэтому Эми села на вечерний экипаж до Лондона на ближайшем перекрестке, Марта стояла рядом как компаньонка и подруга, чтобы проводить ее и подать ей крупного и толстого ребенка, кричащего от восторга при виде лошадей. Мать и сын направились в магазин дамского белья, который держала француженка, знакомство с ней Эми завела еще в те дни, когда работала в Лондоне няней, туда она и обратилась, предпочтя его гостинице, чтобы провести несколько ночных часов, остававшихся до отправления кареты на Бирмингем ранним утром. Она спала или бодрствовала на софе в салоне, поскольку лишних кроватей не было. Но мадам Полин появилась вовремя с доброй чашкой кофе для матери и с бульоном для мальчика. Они снова вышли в широкий мир, пытаясь найти «его», в нем сосредоточилось все человеческое для них обоих. Эми помнила, как произносится название деревни, где, как часто ей рассказывал Осборн, он выходил из кареты, чтобы отправиться домой. И хотя она никогда прежде не произносила странное, непривычное слово, все же она произнесла его достаточно медленно и отчетливо охраннику, спросив его на ломаном английском, когда они должны приехать? Не ранее четырех часов. Увы! А что может случиться до этого! Будь она с ним, она бы не боялась. Она была уверена, что могла быть ему полезной. Но что может случиться до того, как он окажется под ее нежной заботой? Во многих отношениях она была очень способной, хотя по-детски невинной в других. Она была готова к тому, что ей предстояло выполнить, когда карета высадила ее в Фивершеме. Она попросила слугу вынести ее сундучок и показать ей дорогу к Хэмли Холлу.

— Хэмли Холл! — произнес хозяин трактира. — Да! Сейчас там немало горя.

— Я знаю, я знаю, — сказала она, поспешая за тележкой, в которой везли ее сундучок, и, задыхаясь, старалась держаться бодро, тяжелый ребенок спал у нее на руках. Биение пульса отдавалось во всем теле, она с трудом могла видеть. Для нее, иностранки, опущенные занавеси на окнах не были знаком траура[2]. Торопясь, она споткнулась.

— К задней двери или входной, миссис? — спросил чистильщик обуви из гостиницы.

— К самой ближайшей, — ответила она. И входная дверь оказалась «самой ближайшей». Молли сидела вместе со сквайром в затемненной гостиной, перечитывая переводы писем Эми ее мужу. Сквайру не надоедало слушать их. Сам звук голоса Молли успокаивал и утешал его, он был таким приятным и тихим. И сквайр останавливал ее, как делает ребенок, если при втором прочтении одного и того же письма она заменяла одно слово другим. В доме было очень тихо в это время дня — тихо, как было в течение нескольких дней. Все слуги, хотя это было ненужно, передвигались на цыпочках, говорили приглушенными голосами и закрывали двери насколько возможно мягко. Шум издавали лишь грачи на деревьях, ведя свою весеннюю деловую болтовню. Внезапно в этой тишине раздался звонок от входной двери, он продолжал трезвонить по всему дому, дергаемый рукой несведущего, но решительного человека. Молли перестала читать, они со сквайром переглянулись друг с другом в удивленном испуге. Возможно, мысль о внезапном возвращении Роджера пришла им обоим на ум, но никто не произнес ни слова. Они слышали, как Робинсон спешил ответить на непривычный вызов. Они прислушивались; но услышали не более. Почти ничего нельзя было расслышать. Когда старый слуга открыл дверь, на пороге стояла женщина с ребенком на руках. Она, задышавшись, произнесла свое заранее заготовленное предложение на английском:

— Могу я видеть мистера Осборна Хэмли? Он болен, я знаю, но я его жена.

Робинсон знал, что есть какая-то тайна, о чем давно подозревали слуги, и наконец, она вышла наружу перед хозяином, — он догадывался, что дело было в молодой женщине. Но когда эта женщина стояла перед ним, спрашивая своего умершего мужа, словно он был жив, присутствие духа покинуло его. Он не мог сказать ей правду — он только смог оставить дверь открытой и сказать ей: — Подождите немного, я вернусь, — и отправился в гостиную, где находилась Молли. Он подошел к ней, дрожа от спешки, и прошептал что-то, от чего она в испуге побледнела.

— Что там? Что там? — спросил сквайр, дрожа от волнения. — Не скрывайте от меня. Я могу вынести. Роджер...

Они оба подумали, что он упадет в обморок; неизвестность была хуже всего.

— Миссис Осборн Хэмли здесь, — сказала Молли, — Я написала ей, что ее муж очень болен, и она приехала.

— По-видимому, она не знает, что произошло, — заметил Робинсон.

— Я не могу видеть ее... я не могу видеть ее, — повторял сквайр,

удаляясь в угол. — Вы пойдете, Молли, правда? Вы пойдете.

Молли простояла в нерешительности минуту или две. Она тоже избегала встречи с ней. Робинсон вставил слово:

— Она выглядит слабой, несла большого ребенка, я не успел спросить, сколь далеко...

В этот момент дверь мягко отворилась, и прямо перед ними появилась маленькая фигурка в сером, явно готовая упасть под тяжестью собственного ребенка.

— Вы Молли, — сказала она, не сразу заметив сквайра. — Девушка, которая написала мне. Он иногда говорил о вас. Вы позволите мне пойти к нему.

Молли не ответила, именно в такие моменты глаза говорят возвышенно и исчерпывающе. Эми прочитала их выражение. Все, что она сказала, было:

— Он не... о, мой муж... мой муж! — Ее руки расслабились, она покачнулась, ребенок вскрикнул и протянул руки за помощью. И эта помощь пришла к нему от его бабушки, как раз перед тем, как Эми без чувств упала на пол.

— Маман, маман! — закричал мальчик, пытаясь вырваться, чтобы вернуться к ней, туда, где она лежала. Он вырывался так сильно, что сквайру пришлось поставить его на пол, и он пополз к безжизненному телу женщины, которой Молли поддерживала голову. Тем временем Робинсон бросился за водой, вином и кем-то из слуганок.

— Бедняжка, бедняжка! — произнес сквайр, склоняясь над ней и заново плача, видя ее страдания. — Она очень молода, Молли, и должно быть, любила его сильно.

— Без сомнения, — быстро согласилась Молли. Она развязывала шляпку и снимала поношенные, но аккуратно починенные перчатки. У женщины были мягкие, пышные черные волосы, оттенявшие бледное, невинное лицо, маленькие, примечательные смуглые руки[3], на которых единственным украшением было обручальное кольцо. Ребенок обхватил ручонками ее пальцы и прильнул к ней в горестном плаче, все больше и больше причитая: «Маман, маман!» Ее рука дрогнула, губы задрожали, сознание понемногу возвращалось. Она не открывала глаз, но крупные, тяжелые слезы потекли из-под опущенных ресниц. Молли удерживала ее голову на своей груди; они попытались дать ей немного вина, но она отвернулась, а затем отвергла и воду. Наконец, она попыталась сказать: «Уведите меня, — произнесла она, — в темноту. Оставьте меня одну».

Поэтому Молли и служанка подняли ее и увели, положили на кровать

в лучшей спальне в доме, и затемнили комнату, в которой уже царил полумрак. Сама Эми не помогала им и не отвергала все их действия. Но в тот момент, когда Молли выходила из комнаты, чтобы принять вахту за дверями, она скорее почувствовала, чем услышала, что Эми заговорила с ней.

— Еда... хлеб и молоко для малыша.

Но когда ей самой принесли еду, она только уклонилась и отвернула лицо к стене без слов. В спешке ребенка оставили с Робинсоном и сквайром. По какой-то неизвестной, но самой удачной случайности он невзлюбил красное лицо и грубый голос Робинсона, и выказал несомненное предпочтение своему дедушке.

Когда Молли спустилась вниз, сквайр кормил ребенка с более мирным выражением на лице, чем за все эти дни. Мальчик то и дело отказывался брать хлеб и молоко, чтобы показать свою нелюбовь к Робинсону словом и жестом: поступок, который только забавлял старого слугу, в то время как весьма радовал попавшего в более привилегированное положение сквайра.

— Она лежит очень неподвижно, не говорит и не ест. Я не думаю, что она плачет, — сказала Молли, не дожидаясь вопроса, поскольку сквайр в данный момент был слишком занят своим внуком.

Робинсон вставил свое слово:

— Дик Хейворд, он чистильщик обуви в Хэмли Армз, говорит, что карета, на которой она прибыла, выехала из Лондона в пять утра, и пассажиры рассказывали, что она много плакала в дороге, когда думала, что люди не видят. Она не выходила перекусить и отдохнуть, а оставалась, чтобы накормить ребенка.

— Она совершенно измотана, мы должны дать ей отдохнуть, — сказал сквайр. — Полагаю, этот паренек заснет у меня на руках. Благослови его Бог!

Но Молли выскользнула из комнаты и отправила гонца в Холлингфорд с запиской для отца. Ей начинала нравиться бедная незнакомка, и она не знала, чем можно ей помочь.

Молли выходила время от времени посмотреть на девушку, едва ли старше ее самой, которая лежала с открытыми глазами, по-прежнему неподвижная, словно мертвая. Она нежно укрыла ее и время от времени давала ей почувствовать свое присутствие и сочувствие. Это все, что ей было позволено сделать. Сквайр был увлечен ребенком, но величайшая нежность Молли была отдана матери. Не то, чтобы она не восхищалась крепким, смелым и здоровым мальчиком, все части тела которого и каждый квадратный дюйм одежды указывали на нежную и бережную

заботу о нем. Через некоторое время сквайр произнес шепотом:

— Она не похожа на француженку, правда, Молли?

— Я не знаю. Я не знаю, какие бывают француженки. Говорят, что Синтия — француженка.

— И она не выглядит как служанка? Мы не будем говорить о Синтии, раз уж она так обошлась с моим Роджером. Я начал думать, как только смог думать после этого, как я бы сделал Роджера счастливым и сразу поженил бы их. И тут пришло это письмо! Я не хотел, чтобы она была моей невесткой, не хотел. Но, кажется, он хотел. А он не из тех, кто хочет для себя многого. Но теперь все кончено, только мы не станем говорить о ней. И, может быть, как вы говорите, она была больше француженкой, чем англичанкой. Думаю, эта бедняжка выглядит как благородная женщина. Надеюсь, у нее есть друзья, которые позаботятся о ней... ей не может быть больше двадцати. Я думал, что она, должно быть, старше, чем мой бедный сын!

— Она благородное, милое создание, — заметила Молли. — Но... но иногда мне кажется, что эта новость убила ее; она лежит, как мертвая, — и Молли не смогла сдержаться и заплакала от этой мысли.

— Нет, нет, — сказал сквайр. — Не так легко разбить сердце. Порой мне хотелось, чтобы так и было. Но приходится продолжать жить... «весь назначенный срок», как говорится в Библии. Мы сделаем для нее все возможное. Мы не позволим ей уехать, пока она не будет готова к путешествию.

Молли в глубине души размышляла об этом отъезде, на который, казалось, всецело был настроен сквайр. Она была уверена, что он намерен оставить ребенка. Возможно, он имел законное право так поступить; но разве мать расстанется с ним? Ее отец разрешил бы эту трудность, ее отец, на которого она всегда смотрела как на человека с ясной головой и опытом. Она ожидала его приезда. Приближался февральский вечер; ребенок спал на руках сквайра, пока дедушка не устал и не положил его на софу — большую, широкую и желтую софу, на которой миссис Хэмли обычно полулежала, поддерживаемая подушками... С того времени софу поставили у стены, и она служила просто предметом мебели, дабы заполнить комнату. Но снова на ней лежал человек — маленькое человеческое создание, словно херувим со старой итальянской картины. Сквайр вспомнил свою жену, когда положил ребенка. Он подумал о ней, когда сказал Молли:

— Как она была бы довольна! — но Молли думала о бедной молодой вдове, лежащей наверху. В первый момент она подумала, что «она» это

Эми. Некоторое время спустя — но казалось, прошло довольно много времени — она услышала быстрые шаги, сообщившие о приезде ее отца. Он вошел в комнату, освещенную только неярким, мерцающим светом камина.

[1] *Memoires de Sully* — Мемуары Сюлли (с фр.). Максимильтен де Бетюн, герцог де Сюлли (1559–1641), французский государственный деятель и министр Генриха IV. Его «Мемуары» (1638) часто переиздавались.

[2] Во французских домах обычно закрывают ставни, а не опускают занавеси, для Эми знаком траура стала бы черная драпировка вокруг двери.

[3] Это говорит о том, что Эми была привычна к домашней работе.

Глава LIV

Молли Гибсон оценили по достоинству

Мистер Гибсон вошел, потирая руки после поездки по морозу. Судя по выражению глаз отца, Молли поняла, что он знает о настоящем положении дел в поместье. Но он просто подошел поприветствовать сквайра и ждал, что ему расскажут. Сквайр теребил уголок письменного стола и, прежде чем ответить, зажег свечу, затем, жестом показав своему другу, следовать за ним, он бесшумно подошел к софе и указал ему на спящего ребенка, с превеликой осторожностью стараясь не разбудить того ни светом, ни звуком.

— Что ж! Это прекрасный молодой джентльмен, — произнес мистер Гибсон, вернувшись к камину гораздо раньше, чем ожидал сквайр. — И, как я понимаю, у вас здесь его мать. Миссис Осборн Хэмли, как мы должны называть ее, бедняжку! Для нее это печальный приезд, насколько я знаю, она ничего не знала о его смерти, — он говорил, ни к кому не обращаясь, поэтому и Молли, и сквайр могли ответить так, как пожелают. Сквайр сказал:

— Да! Она испытала ужасное потрясение. Она наверху в самой лучшей спальне. Мне бы хотелось, чтобы вы осмотрели ее, Гибсон, если она позволит вам. Мы должны выполнить свой долг перед ней, ради моего бедного сына. Как бы мне хотелось, чтобы он смог увидеть, как его мальчик лежит здесь. Полагаю, ему было мучительно держать все в себе. Хотя, он мог бы знать меня. Он мог бы знать, что я больше лаю, чем кусаю. Теперь все кончено, и Бог простит меня, если я был слишком резок. Теперь

я наказан.

Молли не терпелось вернуться к матери мальчика.

— Папа, мне кажется, она очень больна, возможно, ей хуже, чем мы думаем. Ты не осмотришь ее прямо сейчас?

Мистер Гибсон последовал за ней наверх, сквайр пошел с ними, думая, что сейчас исполнит свой долг, и даже чувствуя какое-то самодовольство за то, что преодолел свое желание остаться с ребенком. Они вошли в комнату, где лежала молодая женщина. Она оставалась совершенно неподвижной в том же положении, как ее уложили. Ее глаза были открыты, и в них не было слез, взгляд был устремлен на стену. Мистер Гибсон заговорил с ней, но она не ответила. Он поднял ее руку, чтобы прослушать пульс, она даже не заметила этого.

— Принеси-ка немного вина и распорядись приготовить мясной бульон, — сказал мистер Гибсон Молли.

Но когда он попытался влить вино в рот больной, то оно пролилось на подушку, так как она не сделала попытки проглотить его. Мистер Гибсон внезапно вышел из комнаты; Молли растирала маленькую неподвижную руку, сквайр стоял рядом в безмолвном смятении, тронутый вопреки собственным убеждениям безысходным страданием такой юной девушки, которая, должно быть, так сильно любила.

Возвращаясь, мистер Гибсон шагал через две ступени; на руках он нес почти проснувшегося ребенка. Без колебаний он окончательно разбудил его и не огорчился, когда тот захныкал. Его взгляд был прикован к женщине на кровати, которая вся задрожала при этих звуках. И когда ребенка положили ей за спину, и он начал нежно протискиваться еще ближе, Эми повернулась и взяла его на руки, баюкала и успокаивала его с привычной мягкостью материнской любви.

И прежде чем она лишилась этого слабого сознания, в котором она действовала скорее по привычке или инстинктивно, нежели обдуманно, мистер Гибсон заговорил с ней по-французски. Одно детское слово «тапан» подсказало ему ключ к разгадке. Именно этот язык был самым понятным для ее притупленного разума, и так уж сложилось — только мистер Гибсон не подумал об этом — именно на этом языке ей приказывали, и она научилась подчиняться.

Поначалу речь мистера Гибсона была немного сбивчивой, но постепенно он стал говорить с прежней беглостью. Он добился от нее кратких ответов, затем подлиннее, время от времени потчuya ее каплей вина, пока бульон не окажется под рукой. Молли была поражена тихим отцовским тоном, полным утешения и сочувствия, хотя она не могла

уследить за достаточно быстрой речью и понять значение произносимых фраз.

Вскоре, тем не менее, когда ее отец сделал все, что мог, и они снова спустились вниз, он рассказал им о ее путешествии больше, чем они знали. Поспешность, решимость действовать вопреки запрету, непреодолимое беспокойство, беспокойная ночь и усталость от путешествия — все это подготовило ее к потрясению, но мистер Гибсон был всерьез обеспокоен его последствиями. Она была странно непоследовательна в своих ответах, он понял, что она рассеянна и приложил огромные усилия, чтобы воззвать к ее рассудку. Но мистер Гибсон предвидел, что потрясение вызовет некую телесную болезнь, и допоздна задержался этой ночью, подготовив многое вместе с Молли и сквайром. Одно, единственное, утешение следовало из ее состояния — возможность совершенно не осознавать, что завтра днем состоятся похороны. Изнуренный борьбой с эмоциями за весь день, сквайр, казалось, был теперь не в состоянии заглянуть за боль и испытания последующих двенадцати часов. Он сидел, положив голову на руки, и отказывался идти в постель, отказывался сосредоточиться на мыслях о своем внуке — не более трех часов назад столь дорогим для него. Мистер Гибсон дал кое-какие указания одной из служанок, как ухаживать за миссис Осборн Хэмли, и настоял на том, чтобы Молли пошла спать. Когда она умоляюще просила, что ей необходимо остаться рядом с больной, он сказал:

— А теперь, Молли, посмотри, насколько меньше неприятностей получил бы дорогой сквайр, если бы слушался приказов. Он только добавляет беспокойства, потакая себе. Тем не менее, единственное извинение всему — чрезмерное горе. В последующие дни у тебя будет достаточно дел, чтобы применить все свои силы, а теперь ты должна пойти лечь спать. Мне бы только хотелось так же ясно видеть свой путь, как я вижу твои ближайшие обязанности. Хотелось бы мне, чтобы я никогда не позволял Роджеру уезжать, он тоже этого пожелает, бедняга! Я не рассказывал тебе, что Синтия собирается в спешке уехать к своему дяде Киркпатрику? Подозреваю, визит к нему станет заменой поездки в Россию в качестве гувернантки.

— Я уверена, что она вполне серьезно этого желает.

— Да, да! Временами. Я не сомневаюсь, что она была искренна в своем намерении уехать. Но самым большим ее желанием было избавиться от неприятностей настоящего времени и этого места. А дядя Киркпатрик подойдет для этого лучше, чем место гувернантки в ледовом дворце в Нижнем Новгороде.

Он придал мыслям Молли новый поворот, чего и добивался. Она не могла не вспомнить мистера Хендерсона, его предложение и все последующие намеки. И размышляла, и желала — чего она желала? Или она спала? Прежде чем она вполне выяснила этот вопрос, она уже действительно спала.

После этого долгие дни проходили в монотонной круговерти забот. Никто, казалось, не думал о том, чтобы Молли уехала из поместья во время скорбной болезни, что приключилась с миссис Осборн Хэмли. Не то, чтобы отец не позволял ей принимать активное участие в уходе за больной. Сквайр предоставил им *carte-blanche* и нанял двух умелых сиделок из госпиталя, чтобы присматривать за находившейся без сознания Эми. Но Молли нужна была для того, чтобы получать более точные указания относительно ее лечения и диеты. Не то, чтобы ей не хотелось заботиться о маленьком мальчике; сквайр был слишком ревнив к детской любви, и одну из служанок наняли, чтобы заботиться о нем. Но сквайру требовался кто-то, кто мог выслушать его, когда неистовое горе по умершему сыну прорывалось наружу, и когда он обнаруживал какие-нибудь замечательные черты в ребенке своего сына. И к тому же, когда он был подавлен неопределенностью длительной болезни Эми. Молли была не такой хорошей и не такой очаровательной слушательницей обычных разговоров, как Синтия, но там, где ее сердце было затронуто, ее сочувствие было глубоким и неисчерпаемым. В этом случае она единственно желала, чтобы сквайр мог действительно почувствовать, что Эми вовсе не помеха, какой он ее явно считал. Не то, чтобы он не признал этот факт, если бы его изложили ему простыми словами. Он боролся против смутного сознания, укоренившегося в его душе. Он постоянно говорил о терпении, когда единственный из всех он был нетерпелив. Он часто говорил, что когда ей станет лучше, ей не должно позволять покидать Хэмли Холл, пока она совершенно не окрепнет, когда никто, кроме него, даже не рассматривал отдаленную возможность, чтобы она оставила ребенка. Молли дважды спрашивала своего отца, может ли она поговорить со сквайром и показать, как будет трудно отослать ее — как невероятно то, что она согласится покинуть своего мальчика и тому подобное. Мистер Гибсон только ответил:

— Подождем. Времени будет достаточно, когда природа и обстоятельства, используя свои возможности, потерпели неудачу.

Хорошо, что Молли была любимицей среди старых слуг; ей часто

приходилось сдерживать их и руководить ими. Конечно, ее поддерживал авторитет отца, и они знали, что там, где затронуты ее собственные удобство, покой и удовольствие, она никогда не вмешается, а подчинится их воле. Если бы сквайр знал о недостаточном уходе, которому она подчинялась с самым совершенным смирением, поскольку она сама и была единственной пострадавшей, он бы пришел в неопишемую ярость. Но Молли едва ли думала об этом, беспокоясь о том, как бы сделать все, что в ее силах, для других, и помнить о различных указаниях, которые давал ей отец во время своих дневных визитов. Возможно, он недостаточно берег свою дочь, она была исполнительницей и безропотной, но однажды, после того, как миссис Осборн Хэмли «переменилась», как называли это сиделки: она все еще была слаба, как новорожденный ребенок, но все ее способности восстановились, и лихорадка ушла, — когда распустились весенние бутоны и весенние птицы весело пели — Молли ответила на неожиданный вопрос отца, что она чувствует себя безмерно уставшей; что у нее сильно болит голова, и что она ощущает замедленность мыслей, которую приходится преодолевать болезненным усилием.

— Не продолжай, — прервал ее мистер Гибсон, внезапный приступ беспокойства, почти раскаяния, поразил его. — Ложись сюда — спиной к свету. Я вернусь и осмотрю тебя до того, как уеду, — и он ушел искать сквайра. Он совершил довольно долгую прогулку, прежде чем подошел к мистеру Хэмли в пшеничном поле, где женщины пололи сорняки, а его маленький внук держался за его палец в перерывах между короткими прогулками, дабы изучить самые грязные места, с которыми могли справиться его крепкие маленькие ножки.

— Ну, Гибсон, как дела у пациентки? Ей лучше? Как бы мне хотелось, чтобы мы смогли вывести ее погулять в такой прекрасный день. Это подкрепило бы ее силы намного быстрее. Обычно я просил моего бедного сына больше выходить. Может быть, я беспокоился за него, но свежий воздух — самая прекрасная вещь для подкрепления сил, которую я знаю. Хотя, возможно, она не расцветет на английском воздухе так, как если бы родилась здесь. И она не будет вполне здорова, пока не вернется в родные места, где бы они ни были.

— Я не знаю. Я начинаю думать, что мы поселим ее где-нибудь здесь; не думаю, что она могла бы найти лучшее место. Но разговор не о ней. Могу я заказать экипаж для Молли? — голос мистера Гибсона прозвучал так, словно он немного задохнулся, произнося эти последние слова.

— Разумеется, — ответил сквайр, опуская ребенка на землю. Он держал его на руках последние несколько минут. Но теперь ему хотелось

сосредоточить взгляд на лице мистера Гибсона. — Послушайте, — произнес он, хватая мистера Гибсона за руку, — в чем дело, дружище? Не передергивайте так лицом, а говорите!

— Ничего не случилось, — поспешно ответил мистер Гибсон. — Я всего лишь хочу забрать ее домой, под собственный присмотр, — и он повернулся, чтобы идти к дому. Но сквайр покинул поле полольщиц и присоединился к мистеру Гибсону. Он хотел поговорить, но его сердце было переполнено настолько, что он не знал, что сказать. — Послушайте, Гибсон, — произнес он, наконец, — ваша Молли мне скорее как дочь, и я полагаю, мы все слишком много взвалили на нее. Вы же не думаете, что это очень плохо?

— Как сказать? — ответил мистер Гибсон, почти разгневанно. Но любая вспыльчивость характера была инстинктивно понята сквайром, и он не обиделся, хотя больше не заговаривал, пока они не достигли дома. Затем он приказал заложить экипаж и стоял с несчастным видом, пока запрягали лошадей. Ему казалось, что он не знает, что ему делать без Молли. Он думал, что до сих пор не понимал ее ценности. Но он хранил молчание — усилие, достойное похвалы для того, кто обычно позволял очевидцам видеть и слышать, сколь много чувств его обуревают, словно у него было окно в груди[1]. Он стоял рядом, пока мистер Гибсон помогал слабо улыбавшейся и плачущей Молли сесть в экипаж. Затем сквайр поднялся на ступеньку и поцеловал ей руку. Но пытаясь благодарить и благословить ее, он не выдержал, и как только спустился на землю, мистер Гибсон крикнул вознице трогать. Так Молли покинула Хэмли Холл. Время от времени ее отец подъезжал к окну экипажа и делал несколько незначительных, ободряющих и явно беззаботных замечаний. Когда они оказались в двух милях от Холлингфорда, он пришпорил свою лошадь и быстро проскакал мимо окна экипажа, поцеловав руку его пассажирке. Он поехал приготовить дом к приезду Молли: когда она прибыла, миссис Гибсон уже была готова приветствовать ее. Мистер Гибсон отдал пару своих четких и настоятельных распоряжений, и миссис Гибсон почувствовала себя довольно одиноко «дома без двух ее дорогих девочек», как она выразилась про себя, а так же для других.

— Моя милая Молли, это неожиданное удовольствие. Только сегодня утром я говорила твоему отцу: «Как вы думаете, когда мы снова увидим нашу Молли?» Он мало сказал... он никогда не говорит, ты знаешь. Но я уверена, он тотчас же подумал сделать мне сюрприз, доставить такое удовольствие. Ты выглядишь немного... как бы мне назвать это? Я помню такую милую строфу «скорее блестящих, чем светлых глаз!»[2] — так

будем звать тебя блестящей.

— Вам лучше никак не называть ее, но позвольте ей пойти в ее комнату и отдохнуть как можно скорее. У вас в доме не найдется пары дрянных романчиков? Такая литература быстро ее сморит.

Он не оставлял Молли до тех пор, пока она не легла на софу в затемненной комнате с каким-то небольшим предлогом для чтения в руке. Затем он вышел, увел свою жену, которая обернулась на пороге, чтобы послать Молли воздушный поцелуй и состроила недовольное лицо от того, что ее уводят.

— Теперь, Гиацинта, — сказал он, вводя жену в гостиную, — ей потребуется много заботы. Она перетрудилась, а я был глупцом. Это все. Мы должны оградить ее от всех беспокойств и тревог, — но я не поручусь за то, что из-за всего этого она не заболеет!

— Бедняжка! Она выглядит изможденной. Она чем-то похожа на меня, ее чувства слишком много значат для нее. Но теперь она приехала домой и найдет нас по возможности жизнерадостными. Я могу ручаться за себя, а вы должны улыбаться, мой дорогой — ничто так не угнетает больного, как унылое выражение на лицах тех, кто его окружает. Я получила такое приятное письмо от Синтии сегодня. Дядя Киркпатрик в самом деле, кажется, так много делает для нее, он относится к ней как к дочери, он подарил ей билет на концерты старинной музыки; и мистер Хендерсон заглянул к ней, несмотря на все, что произошло ранее.

На мгновение мистер Гибсон подумал, что его жене достаточно легко быть жизнерадостной, следуя приятным мыслям и предвкушениям, зародившимися в ее душе, но для него немного трудно избавиться от унылого выражения, когда его собственное дитя страдает и может быть находится на пороге более серьезного заболевания. Но он всегда был человеком немедленных действий, как только решал, какого направления придерживаться; и он знал, что «тот караулит, этот — спит, уж так устроен свет».[3]

Болезнь, которую он предчувствовал, захватила Молли, не настолько жестоко, чтобы нужно было опасаться за ее жизнь, но она долго вытягивала ее силы, которые, казалось, таяли день за днем, до тех пор, пока ее отец не испугался, что она может остаться больной надолго. Не было ничего определенного или тревожного, чтобы рассказать Синтии, и в письмах миссис Гибсон утаивала от нее плохие новости. «Молли чувствительна к весенней погоде», или «Молли слишком сильно перетрудилась, пока оставалась в поместье Хэмли, и восстанавливает силы». Такие короткие предложения ничего не говорили о настоящем

состоянии девушки. Но, как сказала себе миссис Гибсон, было бы жаль расстраивать удовольствие Синтии, рассказывая многое о Молли. В самом деле, рассказывать было особо нечего, один день был похож на другой. Но так случилось, что леди Харриет, которая приезжала всякий раз, когда могла недолго посидеть с Молли, поначалу против воли миссис Гибсон, а затем с ее полного согласия, — по собственным причинам леди Харриет написала письмо Синтии, к которому ее побудила миссис Гибсон. Это произошло следующим образом: однажды, когда леди Харриет сидела в гостиной после того, как повидалась с Молли, она сказала:

— Право слово, Клэр, я провела столько времени в вашем доме, что собираюсь установить здесь рабочую корзину. Мэри заразила меня своей значительностью, и я собираюсь вышить маме чехол на скамеечку для ног. Это будет сюрприз, и если я буду вышивать ее здесь, никто ничего не узнает. Только в этом милом городке я не могу подобрать золотой бисер, который требуется мне для анютиных глазок. И Холлингфорд, который мог бы достать мне звезды и планеты, если бы я попросила, смог подобрать бисер не более, чем...

— Моя дорогая леди Харриет! Вы забыли о Синтии! Подумайте, какое удовольствие ей доставит что-нибудь сделать для вас.

— Неужели? Тогда у нее их будет множество. Но смотрите, это вы отвечаете за нее. Она достанет мне немного шерсти. Как я добра, что дарю столько удовольствия ближнему! Но серьезно, вы думаете я могла бы написать и дать ей несколько поручений? Ни Агнес, ни Мэри нет в городе...

— Уверена, она будет рада, — сказала миссис Гибсон, которая также приняла во внимание мысль об аристократической чести, что выпадет на долю Синтии, если она получит письмо от леди Харриет, живя у мистера Киркпатрика. Поэтому она дала адрес, и леди Харриет написала письмо. Вся первая часть письма была отведена извинениям и поручениям, но потом, нисколько не сомневаясь в том, что Синтии известно о состоянии Молли, она написала:

«Этим утром я видела Молли. Дважды мне были запрещены посещения, поскольку она слишком больна, чтобы видеть кого-нибудь кроме собственной семьи. Хотелось бы мне, чтобы мы начали ощущать перемены к лучшему, но она с каждым разом выглядит более увядшей, и я боюсь, что мистер Гибсон считает ее случай очень серьезным».

Не прошло и дня после оправления письма, как Синтия вошла в гостиную дома с таким видимым спокойствием, словно покинула его не более часа назад. Миссис Гибсон дремала, убеждая себя, что читает. Она

провела с Молли большую часть утра, и теперь, после ланча, под предлогом того, что больная рано пообедала, она считала, что имеет право немного отдохнуть. Как только Синтия вошла, она вздрогнула:

— Синтия! Дорогое дитя, откуда ты взялась? Ради всего святого, почему ты приехала? Мои бедные нервы! Мое сердце колотится, что не удивительно из-за всего этого беспокойства, которое мне приходится выносить. Почему ты вернулась?

— По причине того беспокойства, о котором ты говоришь, мама. Я не знала... вы не сказали мне, как больна Молли.

— Чепуха! Прошу прощения, моя дорогая, но это настоящая чепуха. Болезнь Молли всего лишь нервы, как говорит мистер Гибсон. Нервная горячка, но ты должна помнить, что нервы это просто каприз, и ей становится лучше. Какая жалость, что ты уехала от своего дяди. Кто рассказал тебе о Молли?

— Леди Харриет. Она написала о шерсти...

— Я знаю... я знаю. Но ты могла бы знать, что она всегда преувеличивает. Не то, чтобы уход за Молли почти измотал меня. Возможно, в конце концов, хорошо, что ты приехала, моя дорогая, а теперь ты спустишься в столовую и немного перекусишь, расскажешь мне все новости Гайд Парка... в моей комнате... не поднимайся пока в свою... Молли так чувствительна к шуму.

Пока Синтия обедала, миссис Гибсон продолжила расспросы.

— А твоя тетя, как ее простуда? А Хелен, вполне окрепла? Маргаретта по-прежнему мила? Мальчики в Хэрроу, я полагаю? А мой давний любимец мистер Хендерсон? — она не могла не ухитриться в этом последнем вопросе вскользь упомянуть его имя; вопреки себе ее тон сменился, подчеркнув рвение.

Синтия не ответила тот час же, весьма неторопливо она налила себе немного воды, а затем произнесла:

— Моя тетя чувствует себя вполне хорошо. Хелен по-прежнему здорова, и Маргаретта очень мила. Мальчики в Хэрроу, и в завершение, мистер Хендерсон отличается обычным здоровьем, поскольку сегодня должен был обедать с дядей.

— Осторожно, Синтия. Посмотри, как ты режешь этот пирог с крыжовником, — заметила миссис Гибсон с острым раздражением, которое вызвали вовсе не настоящие действия Синтии, хотя они дали ей причину для выхода чувств. — Я не могу помыслить, как ты могла уехать так неожиданно. Уверена, твой отъезд обеспокоил твоих дядю и тетю. Смею сказать, они больше не пригласят тебя.

— Напротив, я должна вернуться туда, как только с легкостью смогу оставить Молли.

— «С легкостью оставить Молли». Это чепуха и скорее нелестный отзыв обо мне, должна сказать: я забочусь о ней каждый день и почти каждую ночь. Я просыпалась много раз, когда вставал мистер Гибсон и шел посмотреть, приняла ли она лекарство должным образом.

— Боюсь, она очень больна? — спросила Синтия.

— Да, очень, с одной стороны, но не с другой. Эту болезнь я называю скорее утомительной, нежели интересной. Непосредственной опасности не было, но она долго лежала в одном и том же положении день изо дня.

— Если бы я знала! — вздохнула Синтия. — Ты думаешь, я могла бы пойти и навестить ее сейчас?

— Я пойду и подготовлю ее. Ты увидишь, что она чувствует себя лучше, чем прежде. А, вот и мистер Гибсон!

Он вошел в столовую, услышав голоса. Синтия подумала, что он постарел.

— Ты здесь! — воскликнул он, проходя вперед, чтобы пожать руку. — Как ты приехала?

— На «Арбитре». Я не знала, что Молли так больна, иначе я бы тотчас же приехала, — в ее глазах стояли слезы, мистер Гибсон был тронут. Он снова пожал руку и пробормотал:

— Ты хорошая девушка, Синтия.

— Она узнала одно из преувеличенных мнений дорогой леди Харриет, — заметила миссис Гибсон, — и тотчас приехала. Я говорю ей, что это очень глупо, поскольку Молли сейчас намного лучше.

— Очень глупо, — повторил мистер Гибсон слова жены, но улыбаясь Синтии. — Но иногда глупые люди нравятся своей глупостью больше, чем мудрецы — своей мудростью.

— Боюсь, глупость всегда раздражает меня, — ответила его жена. — Тем не менее, Синтия здесь, и что сделано, то сделано.

— Очень верно, моя дорогая. А теперь я забегу проведать мою маленькую девочку и сообщить ей хорошие новости. Тебе лучше присоединиться ко мне через пару минут, — это относилось к Синтии.

Радость Молли при виде подруги проявилась слезами счастья, а затем нежной лаской и невнятными словами любви. Пару раз она начинала: «Это такое удовольствие»... — а затем резко останавливалась. Но красноречие этих трех слов глубоко тронуло сердце Синтии. Она вернулась как раз вовремя, когда Молли требовался нежное побуждение общества свежего, но все же знакомого человека. Тактичность Синтии заставляла ее то

говорить, то молчать, быть веселой или серьезной, как того требовало меняющееся настроение Молли. Она слушала с видимым, если не искренним, неустанным интересом постоянные воспоминания Молли обо всем том времени боли и горя в Хэмли Холле, и о сценах, которые так глубоко тронули ее впечатлительную натуру. Синтия инстинктивно знала, что повторение всех этих болезненных воспоминаний облегчит подавленную память, которая отказывалась сосредоточиться на каких-то других событиях, кроме тех, что произошли за время лихорадочного расстройства здоровья. Она ни разу не прервала Молли, как это часто делала миссис Гибсон — «Ты рассказывала мне все это раньше, моя дорогая. Давай поговорим о чем-нибудь еще». Или «Право, я не могу позволить тебе всегда задерживаться на болезненных мыслях. Постарайся быть немного радостней. Молодость — это веселье. Ты молода, и значит, тебе следует быть веселой. Это вложено в известную форму речи, я забыла, как она точно называется».

Поэтому здоровье и душевное состояние Молли быстро восстанавливались после возвращения Синтии. И хотя этим летом она должна была соблюдать режим больной, она могла совершать поездки и наслаждаться прекрасной погодой; и только ее чувствительной натуре требовалось некое руководство. Все жители Холлингфорда забыли, что когда-то думали о ней иначе, нежели как о любимице городка. И каждый из них по-своему показывал сердечную заинтересованность в дочери доктора. Мисс Браунинг и мисс Фиби считали всецело привилегией, что им позволялось видеть ее в течение двух или трех недель до того, как это смог сделать кто-то еще. Миссис Гудинаф, нацепив очки на нос, помещивала вкусное варено в серебряной соуснице для Молли. Из Тауэrsa присылали книги, фрукты и новые карикатуры, незнакомую и изысканную домашнюю птицу; скромные пациенты «доктора», как обычно именовали мистера Гибсона, оставляли самую раннюю цветную капусту, которую они смогли вырастить в своих домашних огородах, со «своим уважением к мисс».

И самым последним из всех, хотя и был самым стойким, самым сострадающим, самым заинтересованным визитером был сам сквайр Хэмли. Когда Молли было хуже всего, он заезжал каждый день узнать мельчайшие подробности, даже встретиться с миссис Гибсон (вызывавшей у него отвращение), если ее мужа не было дома, чтобы спросить и узнать, спросить и узнать, пока слезы неосознанно не потекли по его щекам. Каждый тайник его сердца, его дома или его земли был исследован и использован, чтобы доставить ей мгновенное удовольствие. И что бы ни

доставляли от него, в дни ее самого худшего состояния, оно вызывало слабую улыбку на ее лице.

[1] Это напоминает Момуса, древнегреческого бога насмешки, который полагал, что человеку надлежит сделать окно в груди, дабы видеть его чувства и мысли.

[2] Строфа из поэмы Сэмюэля Тейлора Кольриджа "Кристабель". Пер. Г. Иванова.

[3] Строфа из трагедии Шекспира "Гамлет". Пер. М. Лозинского.

Глава LV

Отсутствовавший влюбленный возвращается

Наступил конец июня, и благодаря твердости Молли и ее отца, мягкой настойчивости и покровительству мистера и миссис Киркпатрик, Синтия уехала в Лондон, чтобы закончить свой прерванный визит, но не раньше, чем слухи о ее внезапном возвращении и желании непременно ухаживать за Молли, прочно укрепили ее репутацию у переменчивых обитателей маленького городка. Ее доброе сердце, о котором все говорили, затмило ее отношения с мистером Престоном. С постепенным выздоровлением Молли все виделось в розовых красках, тем более, что, в самом деле, пришло время, когда полностью распустились розы.

Однажды утром миссис Гибсон принесла Молли огромную корзину цветов, которую доставили из поместья Хэмли. Молли по-прежнему завтракала в постели, но она только что спустилась и чувствовала себя довольно хорошо, чтобы украсить цветами гостиную; расставляя их, она комментировала каждый цветок.

- Ах! Эти белые гвоздики! Они были любимыми цветами миссис Хэмли и так ей нравились! Это маленький, но ароматный шиповник, его запах наполнит комнату. Я уколола свои пальцы, но ничего. О, мама, посмотрите на эту розу! Я забыла ее название, но она очень редкая и растет в укромном уголке у стены, возле шелковицы. Роджер купил это дерево для своей матери за собственные деньги, когда был еще мальчиком. Он показал его мне, заставив обратить на него внимание.

- Полагаю, именно Роджер прислал ее сейчас. Ты слышала, папа говорил, что видел его вчера.

- Нет! Роджер! Роджер вернулся домой! — воскликнула Молли, сначала покраснев, а затем сильно побледнев.

- Да. О, я помню, ты ушла спать прежде, чем пришел твой папа, и рано

утром его вызвали к утомительной миссис Бел. Да, Роджер появился в поместье позавчера.

Но Молли откинулась на стуле, слишком ослабев, чтобы заниматься цветами. Она была поражена неожиданными новостями. «Роджер вернулся домой!»

Так случилась, что в этот особенный день мистер Гибсон был чрезмерно занят и пришел домой лишь поздним вечером. Но Молли все это время просидела в гостиной, даже не собираясь, как обычно, прилечь после обеда, настолько она страстно желала узнать все подробности о возвращении Роджера, которое казалось ей почти невероятным. Но в действительности оказалось вполне естественным: из-за длительной болезни она потеряла счет времени. Когда Роджер покинул Англию, он собирался обогнуть Африку, проплыв вдоль ее восточного побережья, пока не достигнет Мыса, а оттуда в дальнейшем предпринять либо сухопутное, либо морское путешествие для достижения научных целей. До последнего времени все письма адресовались ему на Кейптаун; и там двумя месяцами ранее он получил известие о смерти Осборна, а так же поспешное письмо Синтии о расторжении помолвки. Он посчитал правильным, немедленно вернуться в Англию, и обратился к джентльменам, которые отправили его в путешествие, объяснив им обстоятельства, касающиеся женитьбы Осборна и его внезапной смерти. Он предложил, и они приняли его предложение, снова вернуться в Африку на любой срок, чтобы отработать оставшиеся пять месяцев. Многие из них, будучи собственниками, поняли, насколько важно подтвердить женитьбу старшего сына и ввести его ребенка в права наследования поместья. Только эти сведения, но в более сокращенной форме, мистер Гибсон сообщил Молли за несколько минут. Она сидела на софе и выглядела очень мило с румянцем на щеках и блеском в глазах.

- И? — сказала она, когда отец остановился.

- Что и? — весело переспросил он.

- О! Так мало. Я прождала весь день, чтобы расспросить тебя обо всем. Как он выглядит?

- Если молодой человек двадцати четырех лет может стать выше, я бы так и сказал, что он стал выше. А так, полагаю, он всего лишь стал шире в плечах и сильнее.

- О! Он изменился? — спросила Молли, немного обеспокоенная на этот счет.

- Нет, не изменился; и все же он не тот самый Роджер. Только он сильно загорел, и борода у него такая же прекрасная и широкая, как хвост у

моей гнедой кобылы.

- Борода! Но продолжай, папа. Он разговаривает так же, как прежде? Я бы узнала его голос из десятков тысяч.

- Я не уловил никакого готтентотского выговора, если ты это имеешь в виду. Он не говорит «Цезарь и Помпей как ягоды похожи, особенно Помпей», это единственный пример негритянского языка[1], который я могу вспомнить в данную минуту.

- Этой остроты я никогда не могла понять, — заметила миссис Гибсон, которая вошла в комнату после того, как начался разговор. Молли занервничала, ей хотелось продолжать расспрашивать отца и заставить его давать четкие ответы по существу, но она знала, что когда жена встречается в разговор, мистер Гибсон склонен находить причину уйти по неотложным делам.

- Расскажи мне, как они все поладили? — это был вопрос, который Молли вообще не собиралась задавать до прихода миссис Гибсон, поскольку они с отцом тактично согласились хранить молчание по поводу того, что им было известно о трех людях, что составляли семью в поместье Хэмли в настоящее время.

- О! — сказал мистер Гибсон, — Роджер явно все исправит по-своему решительно и тихо.

- «Исправит». А что не так? — быстро спросила миссис Гибсон. — Сквайр и французская невестка не очень ладят, я полагаю? Я так рада, что Синтия действовала так расторопно, было бы очень неудобно для нее путаться во всех этих сложностях. Бедный Роджер! Приехав домой, обнаружить, что тебя вытеснил ребенок!

- Вас не было в комнате, моя дорогая, когда я рассказывал Молли о причинах возвращения Роджера. Он вернулся для того, чтобы обеспечить ребенку брата законное положение. Поэтому теперь, когда он находит, что работа частично сделана, он счастлив и доволен.

- Тогда он не слишком поражен тем, что Синтия разорвала помолвку? — теперь миссис Гибсон могла позволить себе называть это «помолвкой». — Я никогда не верила, что он способен на глубокие чувства.

- Напротив, он очень остро переживает. Вчера мы с ним долго говорили об этом.

И Молли, и миссис Гибсон хотелось бы услышать немного больше об этом разговоре, но мистер Гибсон предпочел не продолжать эту тему. Единственное, что он сообщил, это то, что Роджер настаивал на своем праве лично переговорить с Синтией. И, узнав, что сейчас она в Лондоне,

отложил дальнейшее объяснение и уговоры посредством писем, предпочтя дожидаться ее возвращения.

Молли продолжила расспросы:

- А миссис Осборн Хэмли? Как она?

- Поразительно оживилась от присутствия Роджера. Не думаю, что прежде видел, как она улыбается, но время от времени она дарит ему милые улыбки. Они явно хорошие друзья, у нее пропадает странный, испуганный взгляд, когда она говорит с ним. Подозреваю, что ей хорошо известно желание сквайра, чтобы она вернулась во Францию, и ей пришлось решать, покинуть ребенка или нет. Она была совершенно разбита горем и болезнью, и до приезда Роджера у нее не было никого, с кем бы она могла посоветоваться, а с ним у нее явно сложились теплые отношения. Он кое-что рассказал мне об этом сам.

- Кажется, у тебя с ним был довольно долгий разговор, папа.

- Да, я собирался навестить старого Абрахама и проезжал мимо, когда сквайр окликнул меня через изгородь. Он рассказал мне новости; сложно было сопротивляться его приглашению вернуться и пообедать с ним. Кроме того, из слов Роджера извлекаешь много смысла. Это не заняло много времени.

- Я думаю, он приедет и скоро навестит нас, — сказала миссис Гибсон Молли, — и тогда мы посмотрим, сколь много мы сумеем услышать.

- Ты думаешь, он приедет, папа? — спросила Молли с сомнением в голосе. Она помнила последний раз, когда он был в этой самой комнате, и надежду, с которой покидал их. Ей показалось, что она смогла заметить, как при словах жены у отца промелькнула та же мысль.

- Не могу сказать, дорогая. До тех пор пока он не убедится в намерениях Синтии, ему будет не очень приятно приехать с простым визитом вежливости в дом, в котором он познакомился с ней. Но он из тех, кто всегда делает то, что считает правильным, приятно это или нет.

Миссис Гибсон едва смогла дождаться, пока ее муж закончит свое предложение, прежде чем высказаться против его части.

- «Не убедится в намерениях Синтии!» Я бы сказала, что она обозначила их совершенно ясно! Что еще хочет этот человек?

- Он еще не убежден, что письмо не было написано в порыве чувств. Я сказал ему, что это правда, хотя считаю, что не мое дело объяснять ему причины тех чувств. Он верит, что может убедить ее возобновить прежние отношения. Я — нет. Я так и сказал ему, но, конечно, ему требуется полная уверенность, которую может дать только она одна.

- Бедная Синтия! Мое бедное дитя! — жалобно произнесла миссис

Гибсон. — Чему она подверглась, позволив себя принудить этому человеку!

Глаза мистера Гибсона вспыхнули огнем. Но он сжал губы и только произнес шепотом:

- Вот уж действительно, этот человек!

Молли тоже была поражена несколькими выражениями отца. «Простой визит вежливости!» Разве можно это так назвать? Так или иначе, Роджер появился в их доме спустя много дней. То, что он чувствовал неловкость своего положения перед миссис Гибсон, что на самом деле все это время страдал от боли — все это было слишком очевидно для Молли, но, конечно, миссис Гибсон ничего не увидела, испытывая удовольствие от должного уважения, с которым относился к ней тот, чье имя в связи с возвращением упоминалось в газетах, и о ком уже наводили справки лорд Камнор и семейство из Тауэrsa. Молли в прелестном белом платье сидела, то читая, то задремывая, у открытого окна, поскольку июньский воздух был знойным, в саду все цвело, а деревья были покрыты густой листвой. Миссис Гибсон постоянно отвлекала ее замечаниями об образце своей вышивки. Ланч — общепринятое время визитов — уже прошел, когда Мария ввела мистера Роджера Хэмли. Молли вскочила и стояла робкая и молчаливая возле своего места, в то время как в комнату вошел загорелый, бородатый и важный мужчина, в лице которого ей поначалу пришлось искать веселые мальчишеские черты, знакомые ей до мелочей всего лишь два года назад. Но месяцы, проведенные там, где путешествовал Роджер, состарили его, как годы, прожитые на родине. Постоянные мысли и беспокойство, ежедневные опасности углубили морщины на лице. Более того, обстоятельства, недавно коснувшиеся его лично, не могли сделать его бодрым и жизнерадостным. Но голос его остался прежним; именно этот первый признак старого друга уловила Молли, когда он обратился к ней тоном более мягким, чем обычно высказывал учтивости ее мачехе.

- Я с сожалением узнал, как вы были больны! Вы выглядите слабой!

Молли вся покраснела, осознав его заботу. Для того, чтобы положить этому конец, она взглянула на него, и он вдруг заметил то, чего не видел прежде: как прекрасны ее серые глаза. Она улыбнулась ему, краснея еще сильнее, и сказала:

- О! Сейчас я вполне окрепла. Было бы стыдно болеть, когда все вокруг наполнено летней красотой.

- Я узнал, как глубоко мы... я обязан вам... мой отец не находит слов, чтобы воздать вам должное...

- Пожалуйста, не продолжайте, — попросила Молли, против воли слезы навернулись ей на глаза. Роджер, казалось, тотчас же ее понял и повернулся к миссис Гибсон:

- Право слово, моя маленькая невестка никогда не устает говорить о Monsieur le Docteur, как она называет вашего мужа!

- Я еще не имела удовольствия познакомиться с миссис Осборн Хэмли, — заметила миссис Гибсон, внезапно осознавая, что еще не успела исполнить эту обязанность, — и я должна попросить у вас прощения за свою небрежность. Но Молли доставила мне столько забот и беспокойства, вы знаете, я приглядывала за ней, как за своей собственной дочерью... что никуда не выезжала: кроме Тауэrsa, который, я бы сказала, мне как второй дом. И тогда я поняла, что миссис Осборн Хэмли подумывает вскоре вернуться во Францию? Все же это было очень беспечно.

Маленькая ловушка, установленная для того, чтобы узнать новости о событиях в семье Хэмли, оказалась довольно успешной. Роджер ответил так:

- Я уверен, миссис Осборн Хэмли будет очень рада видеть друзей семьи, как только немного окрепнет. Надеюсь, она вообще не вернется во Францию. Она — сирота, и я полагаю, мы с отцом уговорим ее остаться. Но в настоящее время ничего не улажено, — затем, словно он был рад покончить со своим «визитом вежливости», он поднялся, чтобы уйти. Стоя уже у дверей, он оглянулся, желая что-то сказать, но совершенно забыл, о чем хотел сказать, поскольку удивился пристальному взгляду Молли, обнаружив это, он внезапно смутился и ушел, как можно скорее.

- Бедный Осборн был прав! — сказал он. — Она превратилась в утонченную, изысканную красавицу, как раз так, как он говорил. Или это характер отразился на ее лице? В следующий раз, когда я войду в эти двери, я узнаю свою судьбу!

Мистер Гибсон рассказал своей жене о желании Роджера лично переговорить с Синтией, скорее с целью повторить ей то, что он рассказал своей дочери. Он не видел никакой необходимости для этого, но считал, что было бы разумно, если бы она знала всю правду, которая ее касалась. Но она взяла дело в свои собственные руки, и хотя, по всей видимости, согласилась с мистером Гибсоном, Синтии об этом никогда не упоминала. Вот что она сообщила дочери:

«Твой бывший поклонник Роджер Хэмли вернулся домой в большой спешке, вследствие неожиданной кончины бедного Осборна. Он, должно быть, сильно удивился, обнаружив, что в поместье поселились его вдова и

маленький сын. Он приехал сюда с визитом на днях и вел себя довольно мило, хотя его манеры не улучшены обществом, в котором он вращался в путешествии. Все же я предсказываю, что его будут считать светским «львом», и возможно, очень грубым, что противоречит моему чувству утонченности, могут даже восхищаться ученым путешественником, которые побывал в безлюдных местах и ел более странную пищу, чем любой другой англичанин. Полагаю, он утратил все шансы наследовать поместье, поскольку я слышала, как он говорит о возвращении в Африку и о том, чтобы стать постоянным скитальцем. Твое имя не было упомянуто, но я полагаю, он справлялся о тебе у мистера Гибсона».

- Вот! — сказала она себе, складывая письмо и подписывая адрес, — это не побеспокоит ее и не причинит неудобств. К тому же все это правда, или близко к ней. Конечно, ему захочется ее увидеть, когда он вернется, но к этому времени, я надеюсь, мистер Хендерсон снова сделает ей предложение, и дело будет решено.

Но Синтия вернулась в Холлингфорд утром во вторник, и в ответ на беспокойные расспросы матери по этому поводу, только сказала, что мистер Хендерсон не делал снова предложения. Почему он должен был это делать? Однажды она отказала ему, и он не знал причин ее отказа, по крайней мере, одну из причин. Она не знала, следует ли ей принять его предложение, если бы на свете не было такого человека, как Роджер Хэмли. Нет! Дядя и тетя Кирпатрик ничего не знали о предложении Роджера, как и ее кузины. Она всегда заявляла о своем желании сохранить помолвку в секрете, и никому не упоминала о ней, как бы ни поступали другие.

За этим легким и беззаботным тоном скрывались другие чувства, но миссис Гибсон была не из тех, кто видит, скрытое под поверхностью. Она страстно желала, чтобы мистер Хендерсон женился на Синтии еще со времени зарождения их знакомства. И зная, во-первых, что тоже самое желание пришло ему на ум, и что привязанность Роджера к Синтии с ее последствиями, является помехой; и во-вторых, что самой Синтии, не смотря на все возможности родства, которые у нее недавно появились, не удалось вызвать повторного предложения руки и сердца, — всего этого, как выразилась миссис Гибсон, было «достаточно, чтобы вывести из себя святого». Весь остаток дня она отзывалась о Синтии как о разочаровавшей ее неблагодарной дочери. Молли не могла понять, почему, и обижалась за Синтию, пока последняя не сказала с горечью:

- Не беспокойся, Молли. Мама только рассержена из-за того, что мистер... потому что я не вернулась помолвленной.

- Да! И я уверена, ты могла бы довести дело до помолвки, — вот неблагодарность! Я не настолько несправедлива, чтобы желать от тебя поступков, которые ты не сможешь совершить! — проворчала миссис Гибсон.

- Но где неблагодарность, мама? Я очень устала, и, возможно, поэтому я такая глупая. Но я не вижу неблагодарности, — Синтия говорила очень устало, откинув голову на диванные подушки, словно ее не заботил ответ.

- Разве ты не видишь, что мы делаем все, что можем для тебя: хорошо тебя одеваем, посылаем тебя в Лондон, и когда ты могла бы освободить нас от расходов на все это, ты этого не делаешь.

- Нет! Синтия, я буду говорить, — возразила Молли, вся пунцовая от возмущения, отталкивая удерживавшую ее руку сестры. — Я уверена, что папа не возражает против расходов, которые он взял на себя, чтобы обеспечить своих дочерей. И мне довольно хорошо известно, что ему бы не хотелось, чтобы мы выходили замуж, пока... — она запнулась и замолчала.

- Пока что? — спросила миссис Гибсон полунасмешливо.

- Пока мы не полюбим кого-нибудь очень сильно, — закончила Молли тихим, но твердым голосом.

- Что ж, после этой тирады... довольно бестактной, должна сказать... я закончила. Я не буду ни помогать, ни препятствовать вашим любовным отношениям, юные леди. В мое время мы радовались совету старших, — и Клер покинула комнату, чтобы привести в исполнение мысль, которая только что поразила ее — нужно написать доверительное письмо миссис Киркпатрик и изложить ей версию «несчастливого положения» Синтии, и «утонченного чувства чести», и намекнуть на ее полное безразличие ко всей мужской половине человечества, ловко исключив мистера Хендерсона из этой категории.

- О, дорогая! — произнесла Молли, садясь на стул со вздохом облегчения, как только миссис Гибсон вышла из комнаты. — Какой раздражительной я становлюсь с тех пор, как заболела! Но мне невыносимо слышать, как она говорит, будто папа жалеет денег для тебя.

- Уверена, он так не делает, Молли. Тебе не нужно защищать его. Но мне жаль, что мама по-прежнему смотрит на меня как на «обузу», как называют нас, несчастных детей, рекламные объявления в «Таймз». Но я была для нее обузой всю свою жизнь. Я слишком впадаю в отчаяние, Молли. Я попытаю удачи в России. Я узнала о месте английской гувернантки в Москве, в семье, которая владеет целой провинцией и почти сотней крепостных. Я откладывала написание письма до возвращения домой. Там я не буду мешать, словно я вышла замуж. О, дорогая!

Путешествовать всю ночь — не очень полезно для душевного настроения. Как мистер Престон?

- О, он принял Камнор Грейндж, в трех милях отсюда, и теперь никогда не приезжает на чаепития в Холлингфорд. Я видела его однажды на улице, но это вопрос, кто из нас упрямо пытался уйти с дороги другого.

- Ты еще ничего не сказала о Роджере.

- Да, я не знала, хочешь ли ты знать о нем. Он очень повзрослел, он теперь — сильный, взрослый мужчина. И папа говорит, он намного серьезнее. Задавай мне вопросы, если тебе хочется знать, но я только однажды виделась с ним.

- Я надеялась, что к этому времени он покинет поместье. Мама говорила, он снова собирается в путешествие.

- Не могу сказать, — ответила Молли. — Я полагаю, ты знаешь, — продолжила она, но немного замешкалась, прежде чем сказала: — что он желает увидеть тебя?

- Нет! Я не знала. Мне бы хотелось, чтобы он довольствовался моим письмом. Насколько можно, все было определено. Если я говорю, что не увижусь с ним, интересно, моя или его воля окажется самой сильной?

- Его, — ответила Молли. — Но ты должна увидаться с ним. Ты обязана ему. Он никогда не успокоится без этого.

- Полагаю, он опять станет уговаривать меня возобновить помолвку? Я бы снова разорвала ее.

- Думаю, тебя нельзя «уговорить», если ты настроена против. Но, возможно, на самом деле все не так, Синтия? — спросила девушка с тоскливым беспокойством, что отразилось у нее на лице.

- Все вполне решено. Я собираюсь учить маленьких русских девочек, и я ни за кого не выйду замуж.

- Ты говоришь несерьезно, Синтия. И все-таки это очень серьезные вещи.

Но Синтия впала в одно из своих диких настроений, когда на нее не действовали никакие разумные доводы.

[1] На готтентотском языке говорили жители Намибии, которые некогда населяли область Мыса Доброй Надежды, для него характерны щелкающие согласные. Он служит признаком бездумного расизма того периода, что даже Гаскелл повторяет избитые шутки негров, которых считали глупыми и похожими между собой. Цезарь и Помпей ироничные типы имен, употребляемые по отношению к рабам.

Глава LVI

"Прощай, старая любовь, и здравствуй, новая"

Следующее утро миссис Гибсон встретила в довольном расположении духа. Она написала и отправила письмо, и следующим своим шагом намеревалась наставить Синтию в благоразумии (как это называла миссис Гибсон), другими словами — постараться уговорить ее быть послушной. Но то были тщетные усилия. Синтия уже получила письмо от мистера Хендерсона до того, как спустилась к завтраку — признание в любви, предложение руки и сердца, настолько недвусмысленное, насколько можно выразить словами; вместе с сообщением о том, что из-за невозможности дожидаться почты он собрался последовать за ней в Холлингфорд и прибудет в то же самое время, что и она сама предыдущим днем. Синтия никому ничего не сказала об этом письме. Она поздно спустилась к завтраку, после того, как мистер и миссис Гибсон покончили с трапезой, но ее непунктуальность объяснялась тем, что она путешествовала всю прошлую ночь. Молли еще недостаточно окрепла, чтобы подняться так рано. Синтия почти не разговаривала и не притронулась к еде. Мистер Гибсон отправился по своим дневным делам, и Синтия осталась наедине с матерью.

- Моя дорогая, — заметила миссис Гибсон, — ты не завтракаешь, как следует. Боюсь, наша еда кажется тебе слишком простой и домашней по сравнению с той, что подается на стол в Гайд Парке?

- Вовсе нет, — ответила Синтия. — Я не голодна, вот и все.

- Если бы мы были так же богаты, как твой дядя, я бы посчитала долгом и удовольствием подавать изысканный обед. Но ограниченные средства — печальная помеха для человеческих желаний. Я не думаю, что работая так, как пожелает, мистер Гибсон сможет заработать больше, чем он зарабатывает в настоящий момент. В то время как возможности закона безграничны. Лорд канцлер! Титулы так же хороши, как состояние!

Синтия была слишком поглощена в собственные воспоминания, чтобы ответить, но она сказала:

- Сотни адвокатов не имеют практики. Прими это в расчет, мама.

- Хорошо, но я заметила, что у многих из них имеется личное состояние.

- Возможно. Мама, я ожидаю, что мистер Хендерсон приедет и нанесет нам визит этим утром.

- О, мое бесценное дитя! Но откуда ты знаешь? Моя дорогая Синтия, я должна поздравить тебя?

- Нет! Полагаю, я должна рассказать тебе. Этим утром я получила письмо от него, сегодня он придет на «Арбитре».

- Но он сделал предложение? Во всяком случае, он намеревается сделать предложение?

Синтия поиграла чайной ложечкой, прежде чем ответить. Затем она подняла глаза, словно очнулась ото сна, и повторила вопрос матери.

- Сделал предложение? Да, полагаю так и есть.

- И ты приняла его? Скажи «да», Синтия, сделай меня счастливой!

- Я не стану говорить «да» ради того, чтобы сделать кого-то счастливым кроме себя самой, к тому же поездка в Россию имеет для меня большое очарование, — должно признаться, она ответила так, чтобы помучить свою мать и преуменьшить избыточную радость миссис Гибсон, поскольку в душе почти все решила. Но эти слова не тронули ее мать, которая ни на минуту не поверила им. Она знала, что мысль поселиться в новой, незнакомой стране среди новых, незнакомых людей не слишком привлекала Синтию.

- Ты всегда выглядишь прекрасно, дорогая, но ты не думаешь, что тебе лучше надеть то прелестное сиреневое платье из шелка?

- Я не поменяю ни нитки, ни клочка из того, что сейчас на мне надето.

- Милая, ты, упрямое создание! Ты знаешь, что выглядишь прекрасно, чтобы ни было на тебе надето, — поцеловав свою дочь, миссис Гибсон вышла из комнаты, намереваясь поразить мистера Хендерсона скромной изысканностью ланча.

Синтия поднялась наверх к Молли, она собиралась рассказать ей о мистере Хендерсоне, но оказалось, что ей нелегко заговорить на эту тему, поэтому она отложила ее на время, чтобы приоткрыть будущее по возможности постепенно. Молли выглядела усталой после плохо проведенной ночи, и ее отец, в спешке заскочив проведать свое дорогое дитя до отъезда, посоветовал ей оставаться наверху большую часть утра и спокойно просидеть в своей комнате, пока не наступит время раннего обеда, поэтому у Времени не было благоприятных шансов поведать ей о том, что у него имелось в запасе. Миссис Гибсон послала Молли извинения, что не пришла к ней с обычным утренним визитом, и наказала Синтии считать возможный приезд мистера Хендерсона поводом для занятий внизу. Но Синтия не послушалась. Она поцеловала Молли и сидела молча рядом с ней, держа ее за руку, пока, наконец не вскочила и не сказала:

- Сейчас ты останешься одна, малышка. Я хочу, чтобы ты хорошо себя чувствовала и была радостной сегодня днем: поэтому отдыхай сейчас.

Синтия оставила ее, пошла в свою комнату и, заперев дверь, начала думать.

Некто тоже думал о ней в это самое время, и это был не мистер Хендерсон. Роджер узнал от мистера Гибсона, что Синтия вернулась домой, и решился поехать к ней немедленно и предпринять решительную и отважную попытку преодолеть препятствия, какими бы они ни были — о природе которых он не вполне догадывался — что она противилась продолжению их отношений. Он покинул отца... он покинул их всех... и отправился в лес, чтобы побыть наедине, пока не придет время и он не сможет взобраться на лошадь и поехать, чтобы подвергнуть свою судьбу испытанию. Он был осмотрителен, чтобы не помешать занятиям в утренние часы, в которые ему прежде было запрещено появляться. Но ожидание оказалось для него тяжелым занятием, когда он знал, что она находится так близко, а время неумолимо приближается.

Все же, по пути к ней он ехал медленно, принуждая себя к спокойствию и терпению.

- Миссис Гибсон дома? Мисс Киркпатрик? — спросил он у служанки Марии, которая открыла дверь. Она была смущена, но он этого не заметил.

- Думаю, да... я не уверена! Вы не пройдете в гостиную, сэр? Мисс Гибсон там, я знаю.

Он поднялся наверх, все его нервы были натянуты перед грядущим разговором с Синтией. Он не знал, было ли то, что в комнате он застал только Молли, облегчением или разочарованием. Молли полулежала на кушетке в эркере окна, выходявшего в сад. Укутанная в мягкую белую ткань, сама очень бледная и с повязанным кружевным платком на голове, чтобы оградить ее от любых нездоровых воздействий свежего воздуха, залетавшего в открытое окно. Он настолько готовился к разговору с Синтией, что едва ли знал, о чем говорить с кем-то еще.

- Боюсь, вы не очень здоровы, — сказал он Молли, которая села, чтобы принять его, и которая неожиданно начала дрожать от волнения.

- Я всего лишь немного устала, — ответила она, а затем замолчала, надеясь, что он, возможно, уйдет, и все же желая, чтобы он остался. Но он взял стул, поставил его рядом с ней, напротив окна. Он подумал, что Мария расскажет мисс Киркпатрик, что ее ожидают, и что в любой момент он может услышать звук ее легких шагов на лестнице. Он чувствовал, что ему следует говорить, но не мог придумать, что сказать. Розовый румянец выступил на щеках Молли; пару раз она готова была заговорить, но снова еще больше задумывалась, и паузы между их слабыми, несвязными замечаниями становились все длиннее и длиннее. Внезапно, в одной из

таких пауз, веселый гул далеких счастливых голосов в саду стал доноситься все ближе и ближе. Молли становилась все более и более беспокойной и румяной, но вопреки себе, она продолжала наблюдать за лицом Роджера. Ему был виден сад поверх ее головы. Внезапно лицо его залилось краской, словно сердце пустило кровь бежать по жилам быстрее. В поле зрения появились Синтия и мистер Хендерсон; он пылко разговаривал с ней и, наклонившись вперед, вглядывался в ее лицо. Она, наполовину отвернувшись с прелестной робостью, явно кокетничала, они говорили о каких-то цветах, которые она то ли не подарила, то ли не взяла. Как раз в этот момент, когда влюбленные вышли из-за кустов на относительно открытое место, они заметили приближающуюся к ним Марию. По-женски тактично она убедила Синтию покинуть поклонника и отойти на несколько шагов, а затем шепотом сообщила ей, что мистер Роджер Хэмли в доме и желает поговорить с ней. Роджер заметил ее испуганный жест; она отвернувшись, чтобы что-то сказать мистеру Хендерсону, прежде чем направиться к дому. Теперь Роджер заговорил с Молли — заговорил поспешно, заговорил хрипло.

- Молли, скажите мне! Мне слишком поздно разговаривать с Синтией? Я пришел поговорить. Кто этот человек?

- Мистер Хендерсон. Он приехал только сегодня... но теперь он ее признанный поклонник. О, Роджер, простите меня за боль.

- Передайте ей, что я был и ушел. Передайте ей эти слова. Не позволяйте ей прервать себя.

Роджер сбежал по лестнице быстрым шагом, и Молли услышала несдерживаемый лязг входной двери. Он едва успел покинуть дом, как Синтия вошла в комнату, бледная и решительная.

- Где он? — спросила она, оглядываясь по сторонам, словно он мог спрятаться.

- Ушел! — очень слабо ответила Молли.

- Ушел. О, какое облегчение. Кажется, что мне судьбой предначертано не расставаться с прежним поклонником до того, как появится новый, и все же я написала ему как могла решительно. Молли, что случилось? — Молли потеряла сознание. Синтия подлетела к колокольчику, вызвала Марию, наказала принести воду, нюхательные соли, вино и т. п. И как только Молли, задыхающаяся и несчастная, снова пришла в себя, Синтия написала маленькую записку мистеру Хендерсону, прося его вернуться в «Георг», откуда он приехал утром, и сообщив, что если он немедленно послушает ее, ему будет позволено снова прийти вечером, иначе она не увидится с ним до следующего дня. Записку она отправила с Марией, и этот

несчастный человек полагал, что именно внезапное недомогание мисс Гибсон в первую очередь лишило его очаровательной компании. В эти долгие часы, проведенные в уединении, он утешился тем, что написал и рассказал друзьям о своем счастье, не забыв написать дяде и тете Кирпатрик, получившим его письмо с той же почтой, что и рассудительное послание миссис Гибсон, которое она осмотнительно подготовила, рассказав лишь то, что ей хотелось, не более.

- Он был очень ужасен? — спросила Синтия, сидя вместе с Молли в тишине гардеробной миссис Гибсон.

- О, Синтия, так больно было видеть его, он так страдал!

- Мне не нравятся люди с сильными чувствами, — заметила Синтия, надув губы. — Они не подходят мне. Почему он не мог позволить мне уйти без этой суеты? Я не достойна его заботы!

- У тебя есть счастливый дар заставлять людей любить тебя. Вспомни мистера Престона... он тоже не терял надежды.

- Сейчас мне не хочется, чтобы ты ставила Роджера и мистера Престона вместе в одном предложении. Один для меня слишком плох, тогда как другой слишком хорош. Сейчас я надеюсь, что тот мужчина в саду — золотая середина, как и я сама, поскольку не думаю, что я порочна, и не считаю, что я добродетельна.

- Он тебе действительно нравится настолько, что ты согласна выйти за него замуж? — настойчиво спросила Молли. — Подумай, Синтия. Не стоит продолжать отвергать своих поклонников. Ты причиняешь боль, хотя я уверена, что ты не желаешь этого... что ты не понимаешь.

- Возможно, не понимаю. Я не обижаюсь. Я никогда не выдаю себя за ту, кем не являюсь, и знаю, что я непостоянна. Я так и сказала мистеру Хендерсону... — она замолчала, краснея и улыбаясь при этом воспоминании.

- Сказала?! И что он ответил?

- Что я нравлюсь ему такой, какая я есть. Видишь, он честно предупрежден. Только он немного напуган, я полагаю... он хочет, чтобы я вышла за него очень скоро, почти немедленно. Но я не знаю, уступлю ли я... ты едва видела его, Молли... но он придет сюда вечером снова, запомни, я никогда не прощу тебя, если ты не считаешь его весьма очаровательным. Полагаю, я полюбила его, когда он сделал предложение несколько месяцев назад, но я старалась думать, что не люблю его. Только иногда я была так несчастна, я думала, что должна надеть железный обруч на свое сердце, чтобы оно не разорвалось, как Верный Йохан в немецкой сказке, помнишь, Молли? — Когда его хозяин обрел свою корону,

богатство и возлюбленную после бесчисленных испытаний и унижений, и когда счастливая чета отъезжала от церкви, где их поженили, в экипаже, запряженным шестеркой лошадей, с Верным Йоханом на запятках, они услышали три последовательных щелчка, как оказалось это были железные обручи, сковывавшие сердце Верного Йохана все то время, пока страдал его хозяин, чтобы сердце не разорвалось[1].

Вечером приехал мистер Хендерсон. Молли было любопытно посмотреть на него, и увидев его, она не была уверена, нравится ли он ей или нет. Он был красив без самодовольства, держался с достоинством, без глупого чванства. Он легко вел беседу и не произносил глупостей. Он был прекрасно одет, и все же казалось, что не задумывался о своем платье. Он был добродушен и, кажется, по настоящему добр, не без некоторого веселого легкомыслия, которое свойственно его возрасту и профессии, и которое люди его возраста и профессии склонны принимать за остроумие. Но в глазах Молли ему чего-то недоставало — во всяком случае, при первом разговоре, в глубине сердца она посчитала его довольно обычным. Но конечно, ничего этого она не сказала Синтии, которая, насколько могла, была счастлива. Миссис Гибсон тоже пребывала на седьмом небе от счастья и мало разговаривала. Но то, что она говорила, выражало высокие чувства самым прекрасным языком. Мистер Гибсон не пробыл с ними долго, но пока он был там, он изучал ничего не подозревающего мистера Хендерсона темными проницательными глазами. Мистер Хендерсон вел себя так, как ему должно было вести себя со всеми: уважительно с мистером Гибсоном, почтительно с миссис Гибсон, дружелюбно с Молли и любяще с Синтией.

Следующий раз, застав Молли одну, мистер Гибсон начал разговор с вопроса:

- Ну, и как тебе нравится новый будущий родственник?
- Трудно сказать. Думаю, он очень хороший во всех отношениях, но... довольно скучный в целом.
- Я считаю его совершенством, — ответил мистер Гибсон к удивлению Молли; но через мгновение она поняла, что он говорит иронически. Он продолжил: — Не удивительно, что она предпочла его Роджеру Хэмли. Такой аромат! Такие перчатки! А потом его прическа и галстук!
- Папа, ты не справедлив. В нем намного больше всего этого. Любой заметит, что он очень доброжелателен, красив и очень привязан к ней.
- Как и Роджер. Тем не менее, я должен признаться, что буду только рад, если она выйдет замуж. Она — девушка, у которой всегда наготове

какая-нибудь любовная история, и которая всегда будет склонна ускользать сквозь пальцы мужчины, если он не будет казаться суровым. Как я говорил Роджеру...

- Ты видел его после того, как он побывал здесь?

- Встретился с ним на улице.

- Как он?

- Не думаю, что он пережил самые приятные моменты в жизни, но он скоро их преодолет. Он говорил со здравым смыслом и смирением, и сказал мало. Но можно было заметить, что он очень остро переживает. Вспомни, у него было три месяца, чтобы обдумать случившееся. Сквайр, я полагаю, выказывает больше возмущения. Он выходит из себя из-за того, что кто-то мог отказать его сыну! Кажется, что прежде чудовищность греха не казалась ему столь явной, когда теперь он видит, как это затронуло Роджера. В самом деле, я больше не знаю ни одного благоразумного отца, кроме себя самого, да, Молли?

Каким бы ни был мистер Хендерсон, он был нетерпеливым влюбленным. Ему хотелось, чтобы Синтия вышла за него немедленно — на следующей неделе... неделю спустя; во всяком случае, до летних каникул в суде, чтобы они могли сразу же уехать за границу. Приданое и подготовительные церемонии он отбросил. Утро или два спустя после помолвки, мистер Гибсон, как обычно щедрый, отозвал Синтию в сторону и вложил ей в руку стофунтовую банкноту.

- Вот! Это чтобы оплатить твои расходы в России и вернуться. Надеюсь, твои ученики будут послушными. К его удивлению, а скорее к замешательству, Синтия обвила его руками за шею и поцеловала:

- Вы самый добрый человек, которого я знаю, — сказала она, — я не знаю, какими словами вас благодарить.

- Если ты снова помнешь мои воротнички подобным образом, я заставлю тебя их стирать. И именно сейчас, когда мне доставляет столько труда быть опрятным и элегантным, как твой мистер Хендерсон.

- Но он вам нравится, ведь так? — умоляюще спросила Синтия. — Вы так ему нравитесь.

- Конечно. Сейчас мы все ангелы, а вы — архангелы. Надеюсь, он оденется так же хорошо, как Роджер.

Синтия выглядела серьезной:

- Это был очень глупый поступок, — сказала она. — Мы оба не подходим друг другу...

- Все кончено, и этого достаточно. Кроме того, я не могу больше терять время, твой элегантный молодой человек спешно едет сюда.

Мистер и миссис Киркпатрик прислали все возможные поздравления, и миссис Гибсон, в личном письме заверила миссис Киркпатрик, что ее несвоевременное признание о Роджере должно считаться совершенно секретным. Но как только мистер Хендерсон появился в Холлингфорде, она написала второе письмо, умоляя не упоминать ни о чем из того, что говорилось в первом. Которое, она сказала, было написано в таком волнении после того, как открылась истинная привязанность ее дочери, что она едва ли помнит, о чем писала, и преувеличила некоторые вещи и неправильно поняла другие. Все, что ей было известно теперь, это то, что мистер Хендерсон сделал предложение Синтии, и оно было принято, и что они на редкость счастливы и («извините за материнское тщеславие») составили самую прекрасную пару. Поэтому мистер и миссис Киркпатрик написали в ответ в равной степени любезное письмо, восхваляя мистера Хендерсона, восхищаясь Синтией, и настаивая вдобавок, что свадьба должна состояться в их доме на Гайд Парк стрит, и что мистер и миссис Гибсон, и Молли должны приехать и навестить их. В конце была небольшая приписка. «Конечно, вы не имеете ввиду известного путешественника Хэмли, открытиями которого так восхищаются все наши научные мужи. Вы говорите о нем, как о молодом Хэмли, который ездил в Африку. Ответьте, прошу, на этот вопрос, Хелен очень не терпится узнать». Этот постскриптум был сделан рукой Хелен. Ликуя по поводу благоприятного исхода и желая получить сочувствие, миссис Гибсон прочитала части этого письма Молли, среди них и постскриптум. Он произвел на Молли более глубокое впечатление, чем предложение приехать в Лондон.

Состоялось несколько семейных совещаний, и в результате было решено, что следует принять предложение Киркпатриков. Для этого имелось много незначительных причин, которые открыто признавались, но было одно общее и невыраженное желание, чтобы церемония прошла как можно дальше от тех двух мужчин, которым Синтия прежде... отказала. Именно теперь это слово применялось к ее отношениям с ними. Поэтому Молли приказывали, предписывали и умоляли выздороветь как можно быстрее, чтобы состояние ее здоровья не могло препятствовать ее присутствию на свадьбе. Сам мистер Гибсон, хотя и считал, что это его долг ослабить ликующие предвкушения жены и дочери, вовсе не питал неприязни к перспективе поехать в Лондон и повидаться с полудюжиной друзей, посетить многие научные выставки, независимо от весьма изрядной симпатии, которую он испытывал к хозяину, самому мистеру

Киркпатрику.

[1] Сказка "Король-лягушонок, или Железный Генрих" братьев Гримм. Гаскелл перепутала имя "Верный Йохан" с именем героя из другой сказки.

Глава LVII

Предсвадебные визиты и прощание

Весь Холлингфорд пришел поздравить невесту и разузнать подробности. Некоторые — и миссис Гудинаф во главе этой группы недовольных — в самом деле считали, что, устраивая свадьбу Синтии в Лондоне, их обманом лишили прекрасного зрелища. Даже леди Камнор была вовлечена в сие действие. Она, которая едва ли наносила визиты людям, "не относящимся к ее собственному кругу", которая только однажды виделась с "Клэр" в своем собственном доме — она пришла поздравить невесту в своей манере. Мария только лишь успела забежать в гостиную однажды утром и сказать:

- Прошу прощения, мэм, огромный экипаж из Тауэrsa подъезжает к воротам, и миледи графиня сидит в нем.

Было уже одиннадцать часов, и миссис Гибсон была бы крайне недовольна любым человеком незнатного происхождения, который осмелился бы прийти с визитом в такой неурочный час, но в случае с аристократами правила домашней этики ослаблялись.

Семья "стояла наготове", ожидая, пока леди Камнор появится в гостиной, затем ее усадили в самое лучшее кресло и притушили свечи, прежде чем началось что-то похожее на разговор. Она начала первой; и леди Харриет, которая сказала несколько слов Молли, замолчала.

- Я провожала Мэри — леди Куксхавен — до железнодорожной станции на этой новой ветке между Бирмингемом и Лондоном, и подумала, что заеду сюда и выражу вам свои поздравления. Клэр, которая из юных леди? — надев очки, она рассматривала Синтию и Молли, которые были одеты почти одинаково. — Не думала, что будет неуместным дать вам маленький совет, моя дорогая, — сказала она, когда ей должным образом указали на Синтию, как на избранную невесту. — Я много слышала о вас, и я только рада, ради вашей матери — ваша матушка очень достойная женщина, и исполняла свой долг очень хорошо, когда жила в нашей семье — я искренне обрадовалась, узнав, что вы собираетесь составить такую достойную партию. Я надеюсь, замужество сгладит ваши прежние ошибки

в поведении, которые, мы будем надеяться, были всего лишь незначительными проступками, и что вы будете жить, дабы стать утешением для вашей матери, к которой и лорд Камнор, и я питаем самое искреннее уважение. Но вы должны вести себя благоразумно, в какую бы жизненную ситуацию не поставил вас Бог, будь вы замужем или нет. Вы должны уважать своего мужа и подчиняться его мнению во всем. Уважайте его, как своего главу, и ничего не делайте, не посоветовавшись с ним. — Хорошо, что лорда Камнора не было среди слушателей, иначе он мог бы сравнить наставление с практикой. — Строго контролируйте расходы и помните о своем положении в жизни. Я понимаю, что мистер... — оглянувшись, чтобы ей помогли вспомнить имя, которое она забыла, — Андерсон... Хендерсон — юрист. Хотя существует всеобщее предубеждение против поверенных, я знавала двух или трех, считавшихся очень уважаемыми людьми. И я уверена, мистер Хендерсон один из них, иначе ваша добрая матушка и наш старый друг Гибсон не одобрили бы помолвку.

- Он — адвокат, — вставила Синтия, не в силах больше сдерживаться. — Барристер.[1]

- Ах, да. Адвокат. Барристер. Я понимаю, вам не нужно говорить так громко, моя дорогая. Что я собиралась сказать до того, как вы перебили меня? Когда вы немного будете бывать в обществе, вы поймете, что перебивать считается плохой манерой. Мне было, что сказать вам, а из-за вас все вылетело у меня из головы. Харриет, что твой отец хотел, чтобы я спросила?

- Я полагаю, вы имеете ввиду мистера Хэмли?

- Ах, да! Мы намерены пригласить целый дом друзей лорда Холлингфорда в следующем месяце, и лорд Камнор особенно желает заполучить мистера Хэмли.

- Сквайра? — спросила миссис Гибсон в некотором недоумении. Леди Камнор небрежно кивнула, словно говоря, "если бы вы не прерывали меня, я бы объяснила".

- Я имею в виду известного путешественника и ученого, мистера Хэмли. Я полагаю, он — сын сквайра. Лорд Холлингфорд хорошо с ним знаком, но когда мы раньше приглашали его, он отказывался прийти и не объяснял причины.

Неужели Роджера приглашали в Тауэрс и он отказывался? Миссис Гибсон не могла этого понять. Леди Камнор продолжила:

- Сейчас мы особенно желаем заполучить его. Мой сын, лорд Холлингфорд, не вернется в Англию до той самой недели, пока к нам не

приедет герцог Атерстоун. Я полагаю, мистер Гибсон очень близко знаком с мистером Хэмли. Как вы думаете, он мог бы убедить его почтить нас своим присутствием?

И это гордая леди Камнор говорит о Роджере Хэмли, которого она, миссис Гибсон, выставила из гостиной два года назад за то, что он пришел в неурочный час, и которого Синтия вычеркнула из своего сердца? Миссис Гибсон была удивлена и смогла только пробормотать, что мистер Гибсон сделает все, что пожелает ее светлость.

- Благодарю. Вы знаете меня достаточно хорошо, чтобы понимать, что я не тот человек, и Тауэрс не тот дом, чтобы упрашивать гостей. Но в этом случае я склоняю голову; высший свет должен всегда первым оказывать честь тем, кто отличился на поприще искусства или науки.

- Кроме того, мама, — заметила леди Харриет, — папа всегда говорит, что Хэмли поселились на своих землях еще до завоевания Англии[2]; тогда как мы приехали в графство столетие назад. И существует предание, что первый Камнор заработал свое состояние, продавая табак в царствование короля Джеймса.

Если леди Камнор и не переместила аккуратно свою слуховую трубку и тут же не понюхала табак, то вела она себя подобно этому. Она начала тихий, но тем не менее властный разговор с Клэр о подробностях свадьбы, который продолжался до тех пор, пока она не посчитала, что настало время уходить; тогда она резко оборвала леди Харриет и увела ее в самом разгаре беседы, в которой та описывала Синтии развлечения Спа[3], куда должны будут отправиться молодожены в свадебное путешествие.

Тем не менее, она подготовила приятный подарок для невесты — Библию и молитвенник, обшитый бархатом, с серебряными застежками; а также собрание домашних расчетных книг, на первой странице которых леди Камнор собственноручно написала надлежащее еженедельное пособие на хлеб, масло, яйца, мясо, бакалею с расчетом на одного человека, проставив лондонские цены из статей, чтобы самая неопытная домохозяйка могла убедиться, не превышают ли ее расходы положенные средства, как она выразилась в записке, которую отправила с красивым и скучным подарком.

- Если ты поедешь в Холлингфорд, Харриет, возможно, ты возьмешь эти книги для мисс Киркпатрик, — со всей прямолинейностью и правильностью, присущим безупречному характеру графини, сказала леди Камнор, запечатав свою записку. — Я понимаю, они все уезжают завтра в Лондон на эту свадьбу, несмотря на то, что я сказала Клэр о том, что она должна провести свадебную церемонию в собственном церковном

приходе. В тот раз она ответила мне, что совершенно согласна со мной, но у ее мужа такое сильное желание поехать в Лондон, что она не знает, как сможет возразить ему в соответствии со своим долгом жены. Я посоветовала ей повторить ему мои доводы, дабы они подумали о том, что было бы неблагоразумно устраивать свадьбу в городе. Но я боюсь, что над ней одержали победу. Когда она жила с нами, это было ее огромным недостатком; она всегда была так уступчива и никогда не знала, как сказать "нет".

- Мама! — произнесла леди Харриет кротким тоном убеждения. — Ты думаешь, что любила бы ее, если бы она возражала тебе и говорила "нет", когда тебе хотелось, чтобы она сказала "да"?

- Разумеется, любила бы, моя дорогая. Мне нравятся все, у кого есть собственное мнение; только когда мнения основаны на мыслях и опыте, люди имеют возможность их принять. Я думаю, это характерно отличает их от тех, кто позволяет убеждать себя. Я думаю, что единственно упрямство не дает им признать, что они поддаются убеждению. Надеюсь, я не деспот? — спросила она с некоторым беспокойством.

- Если и так, дорогая мама, — ответила леди Харриет, целуя очень нежно суровое запрокинутое лицо, — мне нравится деспотизм больше, чем республика, и я, должно быть, очень деспотична со своими пони, поскольку уже становится очень поздно для поездок в Эш-холт.

Но когда она прибыла к Гибсонам, то ее надолго задержала там ситуация, сложившаяся в семье, и она отказалась от поездки в Эш-холт.

Молли сидела в гостиной бледная и дрожащая, сдерживая себя неимоверным усилием. Кроме нее там никого не было, когда вошла леди Харриет: в комнате царил беспорядок, всюду были разбросаны подарки и бумага, из картонных коробок наполовину выглядывали предметы одежды.

- Ты выглядишь, как Марий[4], сидящий среди развалин Карфагена, моя дорогая! Что случилось? Почему у тебя такое горестное лицо? Ведь эту свадьбу не отменили? Хотя я ничему не удивлюсь, если здесь замешана прекрасная Синтия.

- О, нет! Все в порядке. Но я подхватила простуду, и папа говорит, что мне лучше не ездить на свадьбу.

- Бедняжка! И к тому же это твой первый визит в Лондон!

- Да, Но что меня больше всего волнует, что я не буду с Синтией до конца, и потом папа... — она остановилась, поскольку не могла продолжать без слез, но ей не хотелось показывать их. Она прочистила горло. — Папа, — продолжила она, — так ждал этого отпуска... чтобы

увидеться... и... пойти... О! я не могу сказать вам, куда. Но у него составлен целый список людей и мест, которых нужно повидать... а теперь он говорит, что ему будет неудобно оставлять меня одну более чем на три дня... два для поездки, и один — для свадьбы, — как раз в этот момент вошла миссис Гибсон, по-своему слишком взволнованная, хотя присутствие леди Харриет ее замечательно успокаивало.

- Моя дорогая леди Харриет... как вы добры! Ах, да, я вижу это несчастное дитя рассказало вам о своей неудаче. Как раз, когда все так замечательно складывалось. Уверена, это из-за того открытого окна за твоей спиной, Молли... помнишь, как ты настаивала, что оно не причинит тебе вреда, а теперь посмотри на свое несчастье! Уверена, что не смогу радоваться... на свадьбе своей единственной дочери... без тебя. Я не могу оставить тебя без Марии. Я бы скорее пожертвовала собой, чем думала, что о тебе некому позаботиться и ты хандришь дома.

- Без сомнения, Молли так же сожалеет, — заметила леди Харриет.

- Нет, не думаю, — ответила миссис Гибсон, пренебрегая хронологией событий, — иначе позавчера она бы не сидела спиной к открытому окну, когда я говорила ей так не делать. Но теперь ничего не поделаешь. Папа тоже... но это мой долг сделать все возможное и смотреть на радостную сторону жизни. Мне бы хотелось убедить ее сделать то же самое, — поворачиваясь и обращаясь к леди Харриет. — Но видите ли, для девушки ее возраста огромным огорчением является потеря возможности впервые отправиться в Лондон.

- Что ж, Клэр! Думаю, мы с вами можем все уладить, если вы поможете мне с планом, который я придумала. Мистер Гибсон останется как можно дольше в Лондоне, и о Молли хорошо позаботятся, она сменит климат и обстановку, что ей нужно больше всего, по моему скромному мнению. Я не могу доставить ее на свадьбу и показать ей достопримечательности Лондона, но я могу отвезти ее в Тауэрс и сама поухаживать за ней, отсылая ежедневные бюллетени в Лондон, поэтому мистер Гибсон может чувствовать себя спокойно и оставаться с вами сколь угодно долго. Что вы скажете на это, Клэр?

- О, я не могу поехать, — возразила Молли, — я только доставлю вам всем хлопот.

- Никто не спрашивал твоего мнения, малышка. Если мы мудрые взрослые решаем, что ты поедешь, ты должна молча подчиниться.

Тем временем миссис Гибсон быстро взвешивала преимущества и неудобства. Среди последних господствовала ревность. Среди первых — план был хорош, тогда Мария могла сопровождать Синтию и ее саму как

"их служанка". Мистер Гибсон остался бы с ней подольше, ведь всегда желательно иметь в своем распоряжении мужчину в таком месте, как Лондон. Кроме того, тот же самый мужчина был воспитан и хорошо выглядел, и считался любимцем ее процветающего деверя. Доводы "за" победили.

- Какой очаровательный план! Я не могу придумать ничего более доброго и приятного для этой бедной девочки. Только... что скажет леди Камнор? Моя семья скромна, сколь и я сама. Она не станет...

- Вы знаете, что чувство гостеприимства мамы удовлетворено лишь тогда, когда дом полон гостей, и папа такой же, как она. Кроме того, она любит вас и признательна нашему доброму мистеру Гибсону, и будет любить тебя, малышка, когда узнает тебя так же, как я.

Молли впала в отчаяние от ожидавшего ее будущего. Кроме того единственного вечера во время свадьбы отца, она больше никогда не видела Тауэрс с того несчастливого дня в детстве, когда заснула в кровати Клэр. Она испытывала благоговейный страх перед графиней и не любила тот дом. Этот план, который казалось, решал проблему, на самом деле причинял ей столько страданий. Она хранила молчание, хотя время от времени ее губы подрагивали. Ох, если бы мисс Браунинг не выбрали это время для своего ежемесячного визита к мисс Хорнблауэр! Если бы она могла поехать к ним, вести старомодный, тихий и простой образ жизни, вместо того, чтобы слушать без возражений планы, в которых ее обсуждают, словно она бессловесная невольница!

- У нее будет южная розовая комната, отделенная от моей единственной дверью, вы помните, и гардеробная будет обустроена в удобную гостиную для нее, в том случае, если ей захочется побыть одной. Паркс будет прислуживать ей, я уверена, к этому времени мистер Гибсон должен был оценить способности Паркс, как сиделки. В доме у нас будут всякого рода приятные люди, чтобы развлечь ее. И когда она избавится от этих приступов простуды, я буду выезжать с ней каждый день, писать ежедневные бюллетени, как уже сказала. Прошу, расскажите мистеру Гибсону обо всем этом, и пусть это уже будет решено. Я приеду за ней в закрытом экипаже завтра, в одиннадцать. А теперь, могу я увидеть прекрасную невесту и передать ей мамин подарок и мои собственные добрые пожелания?

Вошла Синтия и скромно приняла очень уместный подарок и равно надлежащие поздравления, не выказывая ни огромной радости, ни признательности ни от одного, ни от другого, поскольку она быстро поняла, что ни подарок, ни пожелания не сопровождал большой наплыв

чувств. Но когда она услышала, как ее мать поспешно повторяет все подробности плана, касающегося Молли, глаза Синтии заблестели от радости, и к удивлению леди Харриет, она поблагодарила ее так, словно та оказала ей, Синтии, личную услугу. Леди Харриет увидела, что та тихонько взяла Молли за руку и держала ее все это время, словно не желала думать об их предстоящем расставании — так или иначе, они с леди Харриет сблизилась от этого незначительного поступка больше, чем когда-либо прежде.

Если Молли надеялась, что ее отец сможет найти какие-то возражения этому плану, она была разочарована. Но, на самом деле, она была довольна, когда поняла, что, вверяя ее заботам леди Харриет и Паркс, он избавился от беспокойства. Деревенский воздух и отсутствие волнений — единственное место, где он мог бы обеспечить ей такие преимущества был Хэмли Холл. Но он боялся воспоминаний о начале ее настоящей болезни.

Поэтому на следующий день Молли увезли, она оставляла свой собственный дом в беспорядке от скопления коробок и сундуков в холле, и со всеми другими признаками предстоящего отъезда семьи в Лондон и на свадьбу. Все утро Синтия провела с ней в ее комнате, наблюдая за тем, как укладывали ее одежду, наказывая ей, что с чем надевать, и подшучивая над щегольским нарядом, который был сшит для Молли, как для подружки невесты, и которому теперь было уготовано украсить ее визит в Тауэрс. И Молли, и Синтия разговаривали о платьях, словно они были самой целью их жизней, поскольку каждая опасалась затрагивать более серьезные темы, Синтия больше боялась за Молли, чем за себя. Только когда сообщили о прибытии экипажа, и Молли приготовилась спуститься вниз, Синтия сказала:

- Я не стану благодарить тебя, Молли, или говорить, как я люблю тебя.
- Не стоит, — ответила Молли, — я не вынесу этого.
- Только знай, что ты должна быть моей первой гостьей, и если ты наденешь коричневые ленты к зеленому платью, я откажу тебе от дома! — так они расстались. Мистер Гибсон ожидал в холле, чтобы проводить Молли. Он был сильно подавлен и теперь давал ей последние указания относительно ее здоровья.

- Думай о нас в четверг, — сказал он. — Заявляю, что не знаю, кого из трех своих поклонников на роль жениха она позовет в самый последний момент, я решительно ничему не удивлюсь, и поведу ее с готовностью, кто бы нас ни ждал.

Они поехали, и пока экипаж был в пределах видимости дома, Молли высунулась в окно, продолжая возвращать воздушные поцелуи,

посылаемые ей мачехой из окна гостиной, тогда как в то же самое время ее взгляд был сосредоточен на белом платке, трепетавшем в чердачном окне, из которого она сама наблюдала за отъездом Роджера почти два года назад. Как все изменилось со временем!

Когда Молли прибыла в Тауэрс, леди Харриет проводила ее к леди Камнор. Это был знак уважения хозяйке дома, которого, как знала леди Харриет, ее мать ожидает. Но ей хотелось покончить с этим и показать Молли комнату, которую она обустроила для нее. Леди Камнор, тем не менее, была очень добра, если не любезна.

- Ты гостя леди Харриет, моя дорогая, — сказала она, — я надеюсь, она хорошо о тебе позаботится. А если нет, приди и пожалуйся мне на нее.

Эти слова были настолько близки к шутке, насколько позволяло воображение леди Камнор, и из этого леди Харриет заключила, что ее мать осталась довольна манерами и внешним видом Молли.

- Ну, теперь ты в своем собственном королевстве. И в эту комнату я не осмелюсь войти без разрешения. Вот последний выпуск "Куотерли", и последний новый роман, и последний выпуск "Очерков". Ну, моя дорогая, сегодня тебе не нужно опять спускаться вниз, если тебе не хочется. Паркс принесет тебе все, что ты захочешь. Ты должна окрепнуть как можно быстрее, поскольку завтра и послезавтра приедут всякого рода великие и известные люди, и я думаю, тебе захочется повидать их. Положим, сегодня ты только спустишься на ланч, и если захочешь, вечером. Обед это такая долгая и утомительная трапеза для того, кто не крепок здоровьем; ты не многое пропустишь, сейчас в доме только мой кузен Чарльз, а он — воплощение разумной тишины.

Молли была только рада позволить леди Харриет все решать за нее. Начался дождь, и в целом день для августа оказался мрачным. В камине гостиной, предназначенной для нее, на ароматных поленьях весело потрескивал огонь. Из высокого окна открывался вид на широкий и красивый парк, отсюда виднелся шпиль Холлингфордской церкви, что навело Молли на приятную мысль о близком соседстве с домом. Она осталась одна, прилегла на софу, положив книгу рядом с собой, дрова потрескивали и ярко пылали, отклоняемый порывами ветра дождь стучал в окно, что усиливало ощущение контраста внутреннего уюта с непогодой за окном. Паркс распаковывала ее вещи. Леди Харриет представила Паркс Молли, сказав: — Вот, Молли, это миссис Паркс, единственный человек, которого я боюсь. Она бранит меня, если я выпачкаюсь красками, словно я маленький ребенок; она заставляет меня лечь в кровать, когда мне хочется

посидеть подольше, — Паркс все это время мрачно улыбалась, — поэтому, чтобы избавиться от ее тирании, я отдаю тебя ей в жертву. Паркс, управляй мисс Гибсон железной рукой. Заставь ее есть и пить, отдыхать и спать, одеваться так, как по-твоему будет разумнее и лучше.

Паркс начала царствование с того, что уложила Молли на софу и произнесла:

- Если вы дадите мне свои ключи, мисс, я распакую ваши вещи, и дам вам знать, когда наступит время укладывать ваши волосы, готовясь к ланчу.

Если леди Харриет использовала время от времени в разговоре заурядные выражения, то она, конечно, выучила их не от Паркс, которая гордилась правильностью своей речи.

Когда Молли спустилась вниз на ланч, она увидела за столом "кузена Чарльза" с его тетей, леди Камнор. Он был неким сэром Чарльзом Мортонем, сыном сестры леди Камнор: обыкновенным человеком тридцати пяти лет с рыжеватыми волосами; невероятно богатым, очень благоразумным, неуклюжим и замкнутым. Он питал хроническую привязанность, длившуюся много лет, к своей кузине, леди Харриет, которая совсем его не замечала, хотя этот брак настойчиво навязывался ей ее матерью. Леди Харриет, тем не менее, была с ним в дружеских отношениях, приказывала ему и говорила, что делать, что оставить несделанным, даже не сомневаясь в его готовности к послушанию. Она подала ему намек относительно Молли.

- Ну, Чарльз, девушка хочет развлечься, не причиняя себе трудностей. У нее слишком хрупкое здоровье, чтобы быть очень активной умом и телом. Просто присмотри за ней, когда в доме будет полно гостей, и усади ее туда, где она сможет услышать и увидеть всех и каждого, без шумихи и недоразумений.

Поэтому сэр Чарльз начал этот день, взяв Молли за ланчем под свою молчаливую защиту. Он мало говорил с ней, но то, что он сказал, было полно дружелюбия и сочувствия, и Молли начала, как леди Харриет и рассчитывали, испытывать к нему приятное доверие. Тем же вечером, когда остальное семейство сидело за ужином — после выпитого чая Молли с часок прилегла отдохнуть, Паркс пришла и передела ее в какое-то новое платье, подготовленное для визита к Киркпатрикам, уложила ей волосы в какую-то новую и милую прическу, что когда Молли взглянула на себя в психе,[5] она едва ли узнала в элегантной даме себя саму. Леди Харриет проводила ее в гостиную, которая в детстве представлялась Молли бесконечной. В дальнем конце комнаты сидела леди Камнор с вышивкой в

руках. Свет огня и свечей, казалось, всецело сосредоточился на этой яркой части, где сейчас леди Харриет готовила чай, дремал лорд Камнор, а сэр Чарльз вслух зачитывал отрывки из "Эдинбург Ревью" трем дамам, сидящим за шитьем.

Отправляясь ко сну, Молли вынуждена была признать, что пребывание в Тауэрсе в качестве гостя очень приятно. Она пыталась примирить старые впечатления с новыми, пока не уснула. Прежде чем ожидаемые гости начали пребывать вечером, прошел еще один относительно спокойный день. Леди Харриет взяла Молли на прогулку в своем небольшом экипаже, и впервые за многие недели Молли начала чувствовать прилив сил и возвращение здоровья на свежем воздухе, который очистился дождем в предыдущий день.

[1] Барристер — адвокат, имеющий право выступать в высших судах.

[2] Завоевание Англии норманнами под предводительством Вильгельма Завоевателя [Conqueror] в 1066 г.

[3] Спа — город-курорт в Бельгии.

[4] Марий (Marius) Гай — (ок. 157-86 до н. э.) — римский полководец, консул. В 105 одержал победу над царем Нумидии Югуртой, разбил племена тевтонов (в 102) и кимвров (в 101). Проведенные им преобразования в армии способствовали профессионализации войска. Противник Суллы, Марий в союзе с Цинной взял в 87-м Рим, жестоко расправившись со своими врагами.

[5] Псише — старинное зеркало в раме с особыми стержнями, позволявшими устанавливать его в наклонном положении.

Глава LVIII

Воскресшие надежды и радостное будущее.

— Если не будешь чувствовать усталости, дорогая, спустись сегодня к обеду. Ты увидишь как гости прибывают один за одним, вместо того, чтобы неожиданно встретиться с толпой незнакомых людей. Холлингфорд тоже будет здесь. Надеюсь, обед окажется для тебя приятным.

Поэтому Молли появилась на обеде в тот день и узнала, по крайней мере, в лицо, некоторых из самых знаменитых гостей Тауэрса. На следующий день, в четверг, была назначена свадьба Синтии; какой бы она ни была в Лондоне, для деревни это было блестящее и роскошное торжество. Когда Молли спустилась к позднему завтраку, её ожидали

письма несколько писем от домашних. Каждый день, каждый час она набиралась сил и здоровья и не желала больше, чем необходимо, придерживаться своих привычек больной. Она выглядела настолько лучше, что сэр Чарльз упоминул об этом леди Харриет; и некоторые гости отозвались о ней этим утром, как об очень милой, воспитанной и привлекательной девушке. Это был четверг. А в пятницу леди Харриет рассказала ей, что некоторые гости — ближайшие их соседи — останутся до воскресенья, но не упомянула их имен, и когда Молли спустилась в гостинную перед обедом, она почти испугалась, заметив Роджера Хемли в центре группы джентельменов, которые горячо беседовали, и как ей показалось, сделали его объектом своего внимания. У него произошла заминка в разговоре, он не понял смысла вопроса, адресованного ему, ответил довольно поспешно и направился к месту, где сидела Молли, немного позади леди Харриет. Он слышал, что она гостит в Тауэрсе, но был почти так же удивлен её присутствием, как и она его неожиданным появлением, поскольку видел её только пару раз с тех пор вернулся из Африки, и то не здоровой. Теперь она была в прелестном вечернем платье, с красиво уложенными волосами, её утонченное лицо вспыхнуло от застенчивости, хотя движения и манеры свидетельствовали о спокойствии, Роджер едва узнал Молли, хотя признал в ней знакомые черты. Он начал испытывать то восхищенное уважение, которое чувствуют молодые люди, разговаривая с очень милой девушкой: желание завоевать её доброе мнение, нечто большее, чем его прежнее привычное дружелюбие. Он рассердился, когда сэр Чарльз, под особой опекой которого находилась Молли, подошел, чтобы отвести её к обеденному столу. Он не вполне понял улыбку обоюдного понимания, которой обменялись эти двое, каждый из них знал о плане леди Харриет защитить Молли от необходимости говорить, и действовать в соответствии с её желаниями, так же, как и с их собственными. Роджер чувствовал себя озадаченным и время от времени наблюдал за ними во время обеда. И снова вечером он искал её, но нашел занятой разговором с одним из молодых людей, гостивших в особняке, у которого было преимущество — два дня оюдного интереса и знакомство с ежедневными событиями, шутками и заботами семейного круга. Молли желала прервать весь этот обыденный разговор и освободить место для Роджера. Ей так хотелось расспросить обо всем, что происходит в поместье. Эти последние два месяца, даже больше, он оставался для них всех совершенно незнакомым человеком. Но хотя им обоим хотелось поговорить друг с другом больше, чем кому-то еще в зале все, казалось, складывалось так, чтобы помешать этому. Лорд Холлингфорд отвел

Роджера к группе мужчин среднего возраста, ему хотелось, чтобы тот высказал свое мнение по какой-то научной теме. Мистер Эрнульфус Уотсон, молодой человек, упомянутый выше, занял свое место рядом с Молли, самой прелестной девушкой в зале, и почти ошеломил её своим нескончаемым потоком светской болтовни. Она выглядела такой усталой и бледной, что наблюдательная леди Харриет послала сэра Чарльза на выручку, и Роджер заметил, как сказав несколько слов леди Харриет, Молли покинула комнату. Уловив пару фраз, которыми леди Харриет обменялась со своим кузеном, он понял, что Молли отправилась в спальню. Эти фразы несли для него другое истолкование, нежели очевидное.

— Право слово, Чарльз, учитывая, что она находится на твоём попечении, думаю, ты мог бы спасти её от пустых разговоров мистера Уотсона. Я могу вынести их только тогда, когда у меня крепкое здоровье.

Почему Молли находилась на попечении сэра Чарльза? Почему? Потом Роджер вспомнил много незначительных фактов, которые смогли подтвердить ту фантазию, которую он вбил себе в голову. Он отправился спать озадаченный и обеспокоенный. Предполагаемая помолвка казалась ему какой-то нелепой, поспешной, да и была ли она в самом деле? В субботу им посчастливилось больше: у них состоялся долгий разговор наедине в самом общественном месте в доме — на диване в холле, где Молли отдыхала по требованию леди Харриет, прежде чем подняться наверх после прогулки. Роджер проходил мимо и, увидев её, подошел к ней. Стоя перед ней, он делал вид, что играет с золотой рыбкой в огромном мраморном бассейне поблизости.

— Я был очень неудачлив, — сказал он. — Мне хотелось подойти к вам прошлым вечером, но это было совершенно невозможно. Вы были так заняты разговором с мистером Уотсоном, пока не пришел Чарльз Мортон и не увел вас... с таким властным видом! Вы давно с ним знакомы?

Это был не тот тон, которым Роджер заранее решил поговорить с Молли о сэре Чарльзе. Но слова вырвались у него помимо воли.

— Нет, недавно. Я не встречала его до того, как приехала сюда... во вторник. Но леди Харриет попросила его присматривать за мной, чтобы я не уставала, если мне захочется сойти вниз. Вы знаете, что я еще не окрепла. Он — кузен леди Харриет и делает всё, что она ему скажет.

— О! Он некрасив, но, полагаю, очень благоразумный человек.

— Да! Я так думаю. Хотя он настолько молчалив, что мне трудно судить.

— У него очень хорошая репутация в графстве, — заметил Роджер,

желая теперь отдать ему должное.

Молли встала.

— Я должна подняться наверх, — сказала она. — Я только присела на пару минут, потому что леди Харриет попросила меня.

— Оставайтесь немного подольше, — попросил он. — Это действительно самое приятное место. Этот бассейн с водяными лилиями дает ощущение прохлады. Кроме того...кажется, что я не видел вас так давно, и у меня есть послание отца, адресованное вам. Он очень сердит на вас.

— Сердит на меня? — переспросила удивленная Молли.

— Да! Он узнал, что вы приехали сюда, чтобы сменить обстановку, и обиделся на вас, что вы не приехали к нам... в поместье. Он сказал, что вам следовало помнить о старых друзьях!

Молли восприняла его слова довольно серьезно, и не сразу заметила улыбку на его лице.

— О! Мне так жаль, — скачала она. — Пожалуйста, расскажите ему, как это всё случилось. Леди Харрет приехала навестить нас в тот самый день, когда было решено, что я не должна ехать на..., «свадьбу Синтии» хотелось добавить ей, но она внезапно замолчала и густо покраснела, вместо этого сказав, — поехать в Лондон, она спланировала все в одну минуту, убедив маму и папу, и настояла на своем. Никто не противился ей.

— Думаю, вы сами расскажете все это моему отцу сами, если намерены сохранить хорошие отношения. Почему бы вам не приехать в Хэмли Холл, когда вы покинете Тауэрс?

Хладнокровно переезжать из одного дому к другому в поисках впечатлений, вовсе не согласовывалось со старомодными представлениями Молли о скромности. Она ответила:

— Мне бы очень этого хотелось через некоторое время. Но сначала я должна поехать домой. Моя семья нуждается во мне больше, чем прежде...

Снова она почувствовала, что затрагивает болезненную тему и неожиданно замолчала. Роджер стал сердиться на нее за то, что она постоянно предполагает, что он, должно быть, чувствует при упоминании замужества Синтии. Она понимала, что такие мысли должны причинять ему боль, и, возможно, она так же знала, что ему не хотелось бы показывать, насколько он задет. Но ей не хватало присутствия духа или остроумия, чтобы умело придать разговору новый поворот. Всё это сердило Роджера, хотя он не знал, почему. Он решился взять метфорического быка за рога. Пока он этого не сделает, его положение с Молли всегда будет неустойчивым, как это всегда бывает между двумя друзьями, которые обоюдно избегают тем,

вокруг которых постоянно вращаются их мысли.

— Ах, да! — воскликнул он. — Конечно, вы должно быть, стали вдвойне важнее теперь, рах мисс Кирпатрик покинула вас. Я прочитал о её замужестве вчера в «Таймз».

Тон его голоса изменился, но имя Синтии было упомянуто между ними, и это было огромное свершение.

— Все же, — продолжил он. — думаю, я должен настаивать на требовании отца, чтобы вы ненадолго посетили нас, и более того потому, что я могу видеть явные улучшения в вашем здоровье с тех пор, как приехал сюда,...только вчера. Кроме того, Молли, — сейчас сней разговаривал тот прежний, давно знакомый Роджер, — думаю, вы могли бы помочь нам дома. Эми робеет и чувствует себя неловко с отцом, и он не относится к ней с дружелюбием, тем не менее, я знаю, что они любят и ценят друг друга, если бы только кто-то смог свести вместе,...до моего отъезда это стало бы большим утешением для меня.

— Отъезда...Вы снова собираетесь уехать?

— Да. Разве вы не знали? Я не завершил свои обязательства. Я снова уеду в сентябре на шесть месяцев.

— Я помню. Но так или иначе, я подумала...что вы, кажется, обосновались как прежде, в поместье.

— Кажется, так думает и мой отец. Но не похоже, что когда-либо сделаю Хэмли Холл своим домом, и это отчасти причина, почему мне хочется, принял мысль, что Эми будет жить с ним. А вот и гости возвращаются с прогулки. Тем не менее, я снова вас увижу. Возможно, днем мы найдем несколько спокойных минут, мне нужно о многом посоветоваться с вами.

Затем они расстались, и Молли поднялась наверх очень счастливая, довольная и влюбленная. Так приятно, что Роджер снова разговаривал с ней в дружеской манере. Она подумала, что никогда бы не смогла посмотреть на этого великана, бородатого и знаменитого человека по-прежнему: как на старшего брата. Но теперь всё шло правильно. Правда, вечером у них не было возможности воспользоваться вновь обретенной доверительностью. Молли отправилась на прогулку в качестве четвертой спутницы с двумя вдовами и одной старой девой, но было приятно думать, что она снова увидит его за обедом и завтра. Воскресным вечером, когда все гости сидели или бродили по лужайке перед обедом, Роджер продолжил говорить о том, что должен был сказать: о положении своей невестки в доме отца. И мать, и дедушку обоюдно связывал ребенок, который также, из-за ревности, являлся яблоком раздора. Роджер упомянул

еще много незначительных подробностей, чтобы Молли всецело поняла трудность положения с обеих сторон. Молодой человек и девушка увлеклись разговором и ушли в тень длинной аллеи. Леди Харриет отделилась от группы и подошла к лорду Холлингфорду, который прохаживался немного в стороне и, взяв его под руку с фамильярностью любимой сестры, она спросила:

— Ты не думаешь, что образцовый молодой человек и моя любимая юная особа находят друг в друге хорошие качества?

Он не был столь наблюдателен, как она.

— Кого ты имеешь в виду? — спросил он.

— Посмотри на аллею. Кто там?

— Мистер Хэмли и...разве это не мисс Гибсон? Я не могу разглядеть. О! если ты позволишь соей фантазии увлечь тебя в этом направлении, могу сказать тебе, что эта пустая трата времени. Роджер Хэмли это тот человек, который скоро завоюет европейскую репутацию.

— Очень возможно, и все же это не изменит моего мнения. Молли Гибсон способна оценить его.

— Она очень милая, добрая деревенская девушка. Я не хочу говорить ничего против неё, но...

— Вспомни Благотворительный бал. Ты назвал её «необычайно умной», потанцевав там с ней. Но, тем не менее, мы похожи на джинна и фею из представления «Арабской ночи», которые расхваливали достоинства принца Карамалзамана и принцессы Будур.

— Хэмли не из тех, кто женится.

— Откуда тебе знать?

— Мне известно, что у него очень маленькое состояние, и я знаю, что наука — невыгодная профессия, если её можно назвать профессией.

— О, если это всё...много чего может случиться — кто-то может оставить ему состояние...или этот утомительный маленький наследник, которого никто не ждал, может умереть.

— Тише, Харриет, самое худшее — позволять себе планировать будущее далеко наперед. Ты так уверенно рассуждаешь о смерти человека и полагаешься на случайность, как на влиятельное событие.

— Как будто юристы не всегда делают что-то подобное!

— Оставь это тем, кому это необходимо. Мне равным образом не нравится планировать свадьбы и ожидать смертей.

— Ты становишься очень прозаичным и утомительным, Холлингфорд!

— Только становлюсь! — заметил он, улыбаясь. — Я полагал, что ты всегда смотрела на меня, как на утомительного сухаря.

— Если ты напрашиваешься на комплимент, я ухожу. Только вспомни о моем пророчестве, когда мои видения начнут сбываться; или заключим пари, и тот, кто выиграет, потратит деньги на подарок принцу Карамалзаману или принцессе Будур, смотря по обстоятельствам.

Лорд Холлингфорд вспомнил о словах сестры, услышав, как Роджер говорит Молли, уезжая из Тауэрс на следующий день:

— Тогда я могу сказать своему отцу, что вы приедете и навестите его на следующей неделе? Вы не представляете, какое удовольствие это доставит ему, — он собирался сказать «доставит нам», но инстинкт подсказал ему, сделать так, чтобы пообещала нанести визит исключительно к его отцу.

На следующий день Молли отправилась домой, она была поражена тем, что ей жаль покидать Тауэрс, и признала, насколько трудно, почти невозможно, примирить давнее и устоявшееся представление об особняке, как о месте, в котором ребенок страдал от испуга и безысходности, со своими новыми и свежими впечатлениями. Её здоровье окрепло, она испытала удовольствие, слабый аромат новой и непризнанной надежды закрался в её жизнь. Неудивительно, что мистер Гибсон был поражен улучшениями в её внешности, и миссис Гибсон находилась под впечатлением от её грации.

— Ах, Молли, — сказала она. — это поистине удивительно видеть, как небольшое приятное общество действует на девушку. Ты общалась неделю с такими людьми, которых можно встретить в Тауэрсе, а как кто-то сказал о даме из высшего сословия, чье имя, «вежливость образует сама по себе». В тебе что-то изменилось... а *je ne sais quoi*[1] — что подсказало бы мне однажды, что ты будешь возвращаться в аристократическом обществе. Именно этого хотелось моей дорогой Синтии. Не то чтобы мистер Хендерсон не был с ней согласен, поскольку более преданного влюбленного трудно себе представить. Он купил ей парюр[2] из бриллиантов. Я была обязана сказать ему, что учила её сохранять простоту вкуса, и что он не должен портить её излишней роскошью. Но я так разочарована, что они уехали без горничной. Это был единственный недостаток в приготовлениях — пятно на солнце. Дорогая Синтия, когда я думаю о ней, уверяю тебя, Молли, в своей ночной молитве я прошу помочь мне найти тебе другого мужа. И за все время это время ты не рассказала мне, кого встретила в Тауэрсе?

Молли перечислила ряд имен. Имя Роджера Хэмли она назвала последним.

— Честное слово! Этот молодой человек наступает на пятки!

— Семья Хэмли более старинная, чем Камноры, — заметила Молли, краснея.

— Молли, я не могу позволить тебе быть такой демократичной. Титул — это огромное отличие. Вполне достаточно того, что у твоего дорогого отца склонность к демократичности. Но мы не станем ссориться. Мы с тобой теперь остались одни, мы должны быть сердечными подругами, и я надеюсь, ими мы и будем. Полагаю, Роджер Хэмли не много говорил об этом несчастном малыше Осбоне Хэмли?

— Напротив, он говорит, что его отец души не чает в ребенке. И кажется, он гордится им.

— Я подумала, сквайр, должно быть, становится слишком чувствительным. Полагаю, французская мать заботится об этом. Что ж! Он едва ли обращал внимание на тебя этот месяц, а до этого ты была для него всем.

Прошло шесть недель с тех пор, как о помолвке Синтии стало публично известно, и это могло повлиять на забывчивость сквайра, подумала Молли. Но вслух сказала:

— Сквайр прислал мне приглашение приехать к ним на следующей неделе, если вы не возражаете, мама. Кажется, им нужна компаньонка для миссис Осборн Хэмли, которая не слишком здорова.

- Я, право, не знаю, что сказать... мне не хочется, чтобы ты общалась с француженкой сомнительного положения; и мне невыносимо думать, что я лишусь своего ребенка... отныне моей единственной дочери. Я пригласила Хелен Кирпатрик, но она не может приехать в ближайшее время, а в доме нужно кое-то переделать. Пап, наконец, согласился построить мне еще одну комнату для того, чтобы Синтия и мистер Хендерсон приехали и навестили нас. Я надеюсь, у нас будет намного больше гостей, и твоя спальня превратится в превосходный чулан, а Мария хочет недельный отпуск. Я всегда так не расположена чинить препятствия чьим-либо желаниям,...не слишком расположена, полагаю, но, конечно, было бы очень удобно, чтобы ты уехала из дома на несколько дней. Поэтому, один раз я поступлюсь собственным желанием насладиться твоим обществом и посодействую в твоём деле перед папой.

Барышни Браунинг навестили их, дабы услышать двойную порцию новостей. Миссис Гудинаф заглянула к ним в тот же самый день, когда вернулась от мисс Хорнблауэр, чтобы рассказать о поразительном событии — Молли Гибсон уехала с визитом в Тауэрс, но не вернулась домой к ночи, а осталась ночевать и пробыла там несколько дней, словно она знатная дама. Поэтому обе мисс Браунинг пришли узнать все подробности

свадебной церемонии от миссис Гибсон, а так же рассказ Молли о визите в Тауэрс. Но миссис Гибсон не понравилось такое разделение интереса, и ее прежняя ревность к близким отношениям Молли с семейством Тауэрс вернулись.

— Ну, Молли, — сказала мисс Браунинг, — позволь нам услышать, как ты держалась среди знатных людей. Ты, должно быть, не была обделена их вниманием. Помни, что они оказывали его благодаря твоему отцу.

— Молли, я думаю, вполне понимает, — вставила миссис Гибсон самым мягким и слабым голосом, — что она обязана своей привелегией посетить такой особняк великодушному желанию леди Канмор освободить меня на время свадьбы Синтии. Как только я вернулась, Молли приехала домой. Я подумала, что будет неправильным позволять ей злоупотреблять их добротой больше, чем это необходимо.

Молли почувствовала себя неловко, хотя прекрасно знала, насколько ошибочны эти слова.

— Ну, Молли! — сказала мисс Браунинг, — неважно, поехала ли ты туда ради собственных заслуг, ради заслуг своего достойного отца или заслуг миссис Гибсон, все равно расскажи нам, что ты там делала, пока была в гостях.

Поэтому Молли начала рассказывать о том, что говорилось и делалось, она бы смогла сделать свой рассказ более интересным для мисс Браунинг и мисс Фиби, если бы не осознавала, что мачеха неодобрительно прислушивается. Ей пришлось рассказывать, мысленно прищуриваясь; а это надежный способ испортить повествование. Миссис Гибсон также постоянно исправляла малозначительные детали в её повествовании. Но что её обеспокоило больше всего, это последние слова миссис Гибсон перед уходом мисс Браунинг.

— У Молли появилась привычка к кочевому образу жизни из-за всех этих визитов, из-за них она становится такой важной, словно в особняке никого не принимали, кроме неё самой. На следующий день она собирается в Хэмли Холл...ставший довольно безнравственным.

Все же с миссис Гудинаф, следующей гостьей, с тем же самым поручением — поздравить со свадьбой, — тон миссис Гибсон был совсем иной. Между ними обеими всегда царила молчаливая неприязнь.

Миссис Гудинаф заметила:

— Что ж! Миссис Гибсон, полагаю, я должна поздравить вас с замужеством мисс Синтии. Мне следует посочувствовать некоторым матерям, которые лишились своих дочерей, но вы не из их числа, полагаю.

Поскольку миссис Гибсон не была вполне уверена, какому «числу» матерей была предназначена величайшая заслуга, она испытала затруднение, как её ответить.

— Дорогая Синтия! — ответила она. — Остается только порадоваться её счастью! И все же... она закончила свою реплику вздохом.

— Да. У этой молодой девушки всегда водились поклонники. По правде сказать, она была самым прелестным созданием, которое я видела в своей жизни. И более всего ей требовался опытный наставник. Я, например, уверена, что рада тому, что она сама сделала правильный выбор. Говорят, у мистера Хендерсона состояние намного больше того, что он зарабатывает юриспруденцией.

— Не стоит опасаться, что у моей Синтии не будет всего того, что может дать этот мир! — произнесла миссис Гибсон с достоинством.

— Ну, ну! Она всегда была моей любимицей. И как я говорила своей внучке — (её сопровождала молодая девушка, которая страстно поглядывала на свадебный пирог), — я никогда не принадлежала к тем, кто презрительно отней отзывается и называл её кокеткой и изменницей. Я рада слышать, что она, судя по всему, богата. А теперь, полагаю, вы приметесь делать что-то подобное для Молли?

— Если вы имеете в виду, что делая все, что в моих силах, я ускорю её замужество, и тем самым лишу себя общества той, которая стала мне почти как родная дочь, вы сильно ошибаетесь, миссис Гудинаф. И прошу, запомните, я последний человек на земле, который устраивает браки. Синтия познакомилась с мистером Хендерсоном у своего дяди в Лондоне.

— Да! Я думала, её кузина очень больна и нуждается в уходе, а вы были очень проникательны, посчитав, что Синтия будет там полезна. Я не утверждаю, что это не право матери. Я только заступаюсь за мисс Молли.

— Благодарю, миссис Гудинаф, — ответила Молли, отчасти рассердившись, отчасти засмеявшись. — Когда мне захочется выйти замуж, я не стану беспокоить маму. Я сама о себе позабочусь.

— Молли становится такой популярной. Я едва ли знаю, как удержать её дома, — сказала миссис Гибсон. — Я сильно по ней скучаю, но как я сказала мистеру Гибсону, позвольте молодым меняться и видеть свет, пока они молоды. У не было огромное преимущество, пока она гостила в Тауэрсе среди множества таких умных и выдающихся людей. Я уже заметила разницу в тоне её разговора: она выбирает возвышенные темы. А сейчас она собирается в Хэмли Холл. Уверяю вас, я испытываю гордость матери, когда вижу, как ищут её общества. А моя другая дочь... моя Синтия...пишет такие письма из Парижа!

— Со времени моей молодости многое изменилось, — заметила миссис Гудинаф, — Поэтому не мне судить. Когда я в первый раз вышла замуж, мы с моим мужем отправились в почтовой карете в дом его отца, расположенный, самое большое, в двадцати милях; и сели за хороший ужин среди его друзей и родственников. Это было мое первое свадебное путешествие. Второе состоялось, когда я лучше узнала себе цену, как невесты, и подумала, что теперь или никогда я должна увидеть Лондон. Но меня посчитали слишком расточительной — ехать так далеко и тратить деньги, хотя Гарри оставил меня исключительно обеспеченной. Но теперь молодые люди едут в Париж и не задумываются о затратах. Это хорошо, если необдуманные траты не создадут горестной нехватки денег до того, как они умрут. Но я признательна, что кое-что делается для счастья мисс Молли, как уже сказала ранее. Это не вполне то, чего бы мне хотелось для моей Аннабель. Но, как я уже сказала, времена меняются.

[1] Я не знаю (франц.)

[2] Парюра — (фр. *Parure* — убор, украшение) — набор ювелирных украшений, подобранных по качеству и виду камней, по материалу и единству художественного решения.

Глава LIX

Молли Гибсон в Хэмли Холле

Здесь разговор на время прервался. Принесли свадебный торт и вино, Молли стала ухаживать за гостями. Но последние слова миссис Гудинаф звенели в ее ушах, и она пыталась истолковать их к собственному удовлетворению любым способом, кроме явного. И к тому же, тому было предназначено подтверждение. Как раз после ухода миссис Гудинаф, миссис Гибсон пожелала, чтобы Молли перенесла поднос на стол, стоявший у открытого углового окна, там яства могли дожидаться будущих гостей. Под окном проходила тропинка от двери дома до дороги. Молли услышала, как миссис Гудинаф говорит своей внучке:

— Эта миссис Гибсон серьезная женщина. Вот мистер Роджер Хэмли, похоже не наследует поместье Хэмли, а она отсылает Молли с визитом... — затем она вышла из пределов слышимости.

Молли едва не расплакалась, внезапно осознав то, на что намекала миссис Гудинаф: на неуместность визита Молли в Хэмли Холл, когда Роджер был дома. Конечно, миссис Гудинаф была заурядной, грубой женщиной. Миссис Гибсон, казалось, не заметила намека. Мистер Гибсон

воспринял как нечто само собой разумеющееся, что Молли может поехать в поместье Хэмли также свободно, как она это делала прежде. Роджер говорил об этом так прямо, будто показывал, что не считает неуместным этот визит, и до сих пор ей было так приятно ожидать эту поездку в поместье. Молли чувствовала, что ни с кем не сможет поговорить о том, на какие мысли навели ее слова миссис Гудинаф. Она никогда бы не смогла первой спросить, не будет ли ее визит неуместным, и, думая об этом, она краснела.

Затем она пыталась успокоить себя разумными доводами. Если бы это было неправильно, навязчиво, бестактно, крайне неуместно, кто, как не ее отец, с готовностью запретил бы эту поездку? Но разумные доводы были бесполезны, после того как Молли забрала слова миссис Гудинаф себе в голову. Чем больше она старалась прогнать прочь эти фантазии, тем больше они отвечали ей (как Дэниэль О'Рурк отвечал Лунному человеку, когда тот просил Дэна отпустить лунный серп и лететь в пустое пространство[1]): — «Чем больше вы нас просите, тем крепче мы станем держаться».

Можно улыбнуться, видя мучения юной девушки, но для нее они были неподдельными и причиняли острую боль. Все, на что Молли могла решиться: присматривать за добрым старым сквайром, обеспечить ему душевный и физический отдых, постараться положить конец любым ссорам, которые могут возникнуть между ним и Эми, и насколько возможно, избегать Роджера. Милый Роджер! Добрый Роджер! Дорогой Роджер! Будет очень тяжело держать его на расстоянии, соблюдая обычную вежливость. Но это будет правильно. И когда она будет с ним, она должна быть по возможности естественной, иначе он сможет заметить некоторую перемену в ее поведении. Но что значит быть естественной? Как часто она должна избегать его присутствия? Заметит ли он, что она стала более осторожной и немногословной в его обществе? Увы! Простота их общения уже нарушена. Она придумала себе правила. Она решила посвятить себя сквайру и Эми, забыть глупые речи миссис Гудинаф. Но ее свобода ушла, и посторонние люди, не знавшие ее прежде, не увидят и половины ее способностей. Они, возможно, посчитают ее суровой и неловкой, склонной говорить, а затем брать свои слова обратно.

Молли настолько отличалась от себя прежней, что Роджер заметил в ней перемену, как только она приехала в поместье. Она тщательно определила дни своего визита, их было ровно столько, сколько она провела в Тауэрсе. Она боялась, что если останется в Хэмли на более короткий срок, сквайр может забеспокоиться.

И все же, когда она приехала, каким очаровательным показалось ей это место в красках ранней осени! Роджер стоял у входной двери, встречая ее. А теперь он отошел, очевидно, чтобы позвать невестку, которая скромно вышла вперед в своем глубоком вдовьем трауре, держа мальчика на руках, словно защищая свою робость. Но мальчуган вырвался и побежал к экипажу, желая поприветствовать своего друга кучера и получить обещанную поездку. Роджер сказал мало, ему хотелось, чтобы Эми чувствовала себя дочерью этого дома, но она слишком робела, чтобы много говорить. Она только взяла Молли за руку и повела ее в гостиную, туда, где от внезапного порыва благодарности за всю нежную заботу, которую получила во время своей болезни, она обняла Молли и крепко расцеловала ее. И после этого они стали подругами.

Приближалось время ланча, а сквайр всегда появлялся за столом скорее ради удовольствия видеть, как обедает его внук, чем для того, чтобы утолить свой голод. Теперь Молли сразу же заметила, как обстоят дела в семье. Даже если бы Роджер ничего не рассказал о них в Тауэрсе, она бы сразу поняла, что ни отец, ни его невестка до сих пор не нашли ключа к характеру друг друга, хотя уже прожили несколько месяцев под одной крышей. Эми, казалось, в своей нервозности забыла английский и смотрела ревнивым взглядом недовольной матери на то, как сквайр забавлялся с ее маленьким мальчиком. Должно признать, его забавы были не самыми благоразумными: ребенок потягивал крепкий эль с явным удовольствием и громко требовал все, что доставляло удовольствие взрослым. Эми едва ли могла уделить внимание Молли из-за своего беспокойства по поводу того, что делал или ел ее ребенок; и, тем не менее, она ничего не говорила. Роджер сел на противоположном конце стола, напротив того места, где сидели дедушка и внук. После того, как первые требования мальчика были удовлетворены, сквайр сам обратился к Молли.

— Ну! Значит, вы приехали навестить нас, хотя вращались в знатном обществе. Я подумал, вы собираетесь порвать с нами, мисс Молли, когда узнал, что вы уехали в Тауэрс. Не могли найти другого места погостить, пока отец и мать в отъезде, кроме как у графа, да?

— Они пригласили меня, и я поехала, — ответила Молли. — Теперь вы пригласили меня, и я приехала сюда.

— Думаю, вы могли бы знать, что будете всегда желанной гостьей здесь, не ожидая приглашения. Что ж, Молли! Я считаю, что для меня вы больше, чем дочь, нежели та мадам! — произнес сквайр, немного понизив голос, и возможно, полагая, что детский лепет заглушит его слова. — Нет, не стоит смотреть на меня так жалостливо, она с трудом понимает

английский.

— Думаю, понимает! — возразила Молли тихим голосом, тем не менее, не поднимая глаз из-за страха увидеть выражение безысходности и печали на лице Эми. Она почувствовала признательность, словно ей оказали личную услугу, когда услышала, как Роджер заговорил с Эми мгновение спустя нежным тоном братского дружелюбия; и некоторое время спустя эти двое были полностью заняты беседой, позволив сквайру и Молли продолжить разговор.

— Он крепьш, верно? — спросил сквайр, глядя маленького Роджера по кудрявой головке. — Он может выпустить четыре облака дыма из дедушкиной трубки, и не закашляться, правда?

— Я больше не буду пускать облачка, — решительно произнес мальчик. — Мама говорит: "Нет, нельзя".

— Это так похоже на нее, — заметил сквайр, тем не менее, на этот раз понизив голос. — Как будто это может причинить ребенку вред!

Молли посчитала своим долгом, повернуть разговор от всех личных тем и заставить сквайра рассказывать о том, как продвигается осушение земель, весь остаток ланча. Он предложил ей самой посмотреть на эти работы, она приняла предложение, думая, тем временем, как мало ей пришлось ожидать слишком близких столкновений с Роджером, который, казалось, посвятил себя своей невестке. Но вечером, когда Эми поднялась наверх уложить ребенка спать, и сквайр задремал в своем кресле, Молли внезапно вспомнила слова миссис Гудинаф. Она фактически осталась наедине с Роджером, как уже бывало много раз, но сейчас она не могла не признать, что между ними существует напряженность. Она не встречалась с ним прежним, открытым взглядом. Она бралась за книгу во время пауз в разговоре, оставляя его озадаченным и недовольным переменой в ее поведении. И так продолжалось все время ее визита. Если порой она забывалась и позволяла себе прежнюю естественность, то в иное время она сдерживала себя и становилась чопорной. Роджер страдал от всего этого, и с каждым днем его страдания усиливались; он все больше желал найти этому причину. Эми тоже, молча заметила, как менялась Молли в присутствии Роджера. Однажды она не выдержала и сказала Молли:

— Вам не нравится Роджер? Он бы вам понравился, если бы только вы узнали, какой он хороший! Он ученый, но это ничего. Им восхищаются и любят за его доброту.

— Он очень хороший, — согласилась Молли. — Я знакома с ним достаточно давно, чтобы знать это.

— Но вы не считаете его приятным? Он не похож на моего бедного

мужа, разумеется. А вы тоже хорошо его знали. Ах, расскажите мне о нем как-нибудь. Когда вы впервые с ним познакомились? Когда его мать была жива? Молли очень любила Эми; когда последняя чувствовала себя непринужденно, у нее были очень очаровательные и привлекательные манеры. Но из-за неловкости своего положения в доме сквайра, она испытывала почти отвращение к нему, и он тоже вел себя с ней самым худшим образом. Роджер страстно желал примирить их обоих и несколько раз советовался с Молли, какими самыми лучшими средствами довести это дело до конца. Пока они разговаривали на эту тему, она говорила с ним спокойно и с благоразумием, которое унаследовала от своего отца. Но когда их обсуждение этой темы подошло к концу, она снова вернулась к надменности и сдержанности. Ей было очень трудно придерживаться этой новой манеры поведения, особенно когда пару раз она представила, что это причиняет ему боль. Она поднялась в свою комнату и внезапно расплакалась, пожелав, чтобы ее визит закончился, и чтобы она немедленно очутилась в бедной обстановке безмятежности собственного дома. И все же некоторое время спустя ее желание изменилось, она цеплялась за быстро пролетающие часы, словно удерживала счастье каждой минуты. Ей было неизвестно, что Роджер прилагал усилия, чтобы сделать ее визит приятным. Ему не хотелось казаться зачинщиком всех незначительных планов на каждый день, поскольку чувствовал, что, так или иначе, он утратил ее прежнее расположение. Однажды Эми предложила отправиться за орехами; на другой день они устроили маленькому Роджеру неслыханное удовольствие — чай на свежем воздухе; и на третий день было что-то приятное. И именно Роджер устроил все эти простые затеи — он знал, что они понравятся Молли. Но ей казалось, что он всего лишь следует идеям Эми. Неделя почти прошла, когда однажды утром сквайр нашел Роджера, сидящим в старой библиотеке — книга лежала перед ним, но в действительности он был так глубоко погружен в свои мысли, что вздрогнул при неожиданном появлении отца.

— Я подумал, что застаю тебя здесь, сынок! До зимы мы отделаем старую комнату. В ней довольно затхлый запах, и все же, я вижу, что это место для тебя! Я хочу, чтобы ты обошел со мной поле в пять акров. Я подумываю засеять их травой. Пора тебя вывести на свежий воздух, ты совсем помрачнел, сидя над книгами, книгами, книгами. Ничто так не крадет здоровье у человека, как они.

Роджер вышел с отцом, едва разговаривая с ним, пока они не удалились довольно далеко от дома. Затем он заговорил с такой внезапностью, что невольно отплатил своему отцу за испуг, который

испытал четверть часа назад.

— Отец, помните, что в следующем месяце я снова собираюсь уехать на Мыс Доброй Надежды! А вы говорите о ремонте библиотеки. Если она предназначена для меня, то меня не будет всю зиму.

— Разве ты не можешь обойтись без этого? — умолял его отец. — Я думал, возможно, ты забыл об этом.

— Конечно, нет! — ответил Роджер, улыбаясь.

— Ну, они могли бы найти другого человека, чтобы закончить твою работу.

— Никто не закончит ее, кроме меня. Кроме того, обязательство есть обязательство. Когда я написал лорду Холлингфорду и сообщил ему, что должен приехать домой, я обещал поехать туда снова на другие шесть месяцев.

— Да. Я знаю. Возможно, это вылетело у меня из головы. Мне всегда будет тяжело вдали от тебя. Но полагаю, это лучше для тебя.

Роджер покраснел:

— Полагаю, вы намекаете на... мисс Киркпатрик... миссис Хендерсон. Отец, позвольте мне рассказать вам все сразу, я думаю, это был довольно поспешный поступок. Я вполне уверен теперь, что мы не подходили друг другу. Мне было невыносимо, когда я получил ее письмо... на Мысе, я имею в виду... но, полагаю, это было к лучшему.

— Это правильно. Вот это мой собственный сын, — сказал сквайр, поворачиваясь и с горячностью пожимая ему руку. — А теперь расскажи мне, что я услышал на днях, когда был на встрече магистратов. Они все говорили, что она бросила Престона.

— Я не хочу слышать ничего, направленного против нее. Она может ошибаться, но я не могу забыть, как когда-то любил ее.

— Ну, ну! Возможно, это правильно. Я был не таким плохим, правда, Роджер? Бедному Осборну не нужно было иметь секреты от меня. Я пригласил твою мисс Синтию сюда, ее мать и прочее — я лаю, да не кусаю. Если бы у меня было желание, я бы хотел видеть Осборна женатым, как подобает наследнику старинного рода, а он уехал и выбрал эту французскую девушку, без рода, только...

— Не думайте о том, какой она была, посмотрите, какая она есть! Я удивляюсь, что вы не покорены ее смирением и добродушием, отец!

— Я даже не называю ее милой, — беспокожно ответил сквайр, поскольку испугался, что Роджер повторит доводы, которыми часто пользовался, чтобы заставить его воздать Эми должное. — Твоя мисс Синтия была красива, в этом плутовке не откажешь! Подумать только, вы,

двое парней, бросили вызов своему отцу и выбрали девушек из семей, сословием ниже вашего, и ни один из вас не занял свое воображение моей маленькой Молли. Смею сказать, в то время я был достаточно сердит, но девочка нашла путь к моему сердцу, как не смогла сделать ни эта француженка, ни кто-либо еще.

Роджер не ответил.

— Я не понимаю, почему ты до сих пор не смог принять ее. Сейчас я довольно скромнен в своих желаниях, и ты не наследник, как Осборн, который женился на служанке. Ты не думаешь, что мог бы обратить свои мысли на Молли Гибсон, Роджер?

— Нет! — коротко ответил Роджер. — Слишком поздно... слишком поздно. Давай больше не будем говорить о моей женитьбе. Разве это не поле в пять акров? — и вскоре он обсуждал относительную ценность луга, пахотных земель и пастбища настолько искренне, словно никогда не знал Молли и не любил Синтии. Но сквайр был не в столь приятном расположении духа, и продолжал обсуждение с тяжестью на сердце. В конце он сказал *apropos de bottes*[2]:

— Но тебе не кажется, что ты мог бы понравиться ей, если бы постарался, Роджер?

Роджер прекрасно понимал, на что намекает отец, но на мгновение он был готов притвориться, что не понимает. Наконец, он ответил тихо:

— Я не буду пытаться, отец. Давайте больше не будем говорить об этом. Как я уже сказал, слишком поздно.

Сквайр вел себя как ребенок, которому отказали в игрушке. Время от времени эти мысли возвращались к нему, и тогда он принимался винить Синтию как первопричину безразличия Роджера к женскому полу.

Так случилось, что в последнее утро ее визита в поместье Хэмли Молли получила письмо от Синтии — миссис Хендерсон. Это произошло как раз перед завтраком. Роджера не было дома, Эми еще не спустилась. Молли сидела в одиночестве в столовой, где был уже накрыт стол. Она только что закончила читать письмо, когда вошел сквайр, и она немедленно рассказала ему, что принесли ей этим утром. Но увидев лицо сквайра, она прикусила язык, и пожалела, что упомянула при нем имя Синтии. Он выглядел раздосадованным и подавленным.

— Хотелось бы мне больше никогда не слышать о ней. Она была бедствием для моего Роджера, вот кем она была. Я не спал полночи, и это по ее вине. А теперь мой мальчик говорит, что у него сердце не лежит к женитьбе, бедняга! Хотелось бы мне, чтобы именно вами, Молли,

увлеклись мои сыновья. Я говорил с Роджером на днях, и я сказал, что из-за того, что вы были по положению ниже той, на которой я хотел видеть их женатыми... что ж... это бесполезно... слишком поздно, как он выразился. Только больше не упоминайте при мне имени этой плутовки, вот и все, без обид к вам, девочка. Я знаю, вы любите эту девицу, но если вы примите слова старика, вы стоите больше ее. Хотелось бы мне, чтобы молодые люди думали так же, — пробормотал он, подходя к боковому столику, чтобы нарезать ветчины, пока Молли потягивала чай — ее сердце, всегда разгоряченное, действительно замолчало на время. Ей с огромным трудом удалось сдержать слезы огорчения. Вместе с тем она остро ощущала свое неуместное положение в этом особняке, который до последнего визита оставался для нее домом. Тогда замечания миссис Гудинаф, а теперь эта речь сквайра, намекающего — по крайней мере, так казалось ее восприимчивому воображению — что отец предлагал ее в жены Роджеру, и что от нее отказались — она была рада больше, чем могла выразить или даже подумать, что этим самым утром она едет домой. Роджер вернулся с прогулки, пока она находилась под влиянием этого чувства. Ему хватило мгновения заметить, что что-то расстроило Молли, ему хотелось снова иметь прежнее дружеское право спросить ее, что случилось. Но она целенаправленно держала его на слишком большом расстоянии в течение этих последних дней, чтобы он мог заговорить с ней с прежней прямолинейностью, как подобает брату. Особенно теперь, когда он понял все ее попытки скрыть свои чувства, лихорадочную спешку, с которой она допила свой чай, и взяла хлеб, только чтобы раскрошить его на своей тарелке, оставив нетронутым.

Но тут спустилась Эми, серьезная и озабоченная: ее малыш плохо спал ночью, и кажется, нездоров. Сейчас он забылся лихорадочным сном, и она не могла оставить его. Немедленно все сидящие за столом пришли в волнение. Сквайр отодвинул тарелку и больше не мог есть; Роджер попытался выпросить подробности у Эми, которая начала плакать. Молли быстро предложила, чтобы экипаж, который заказали, чтобы отвезти ее домой в одиннадцать, прибыл немедленно — она уже уложила все вещи — и сказала, что тотчас же отправит к ним своего отца. Она сказала, что если поспешит, то, возможно, сможет застать его дома, он как раз вернется после своего утреннего визита в город, прежде чем отправиться в более дальнюю поездку. С ее предложением согласились, и она поднялась наверх, чтобы одеться в дорогу. Она спустилась в гостиную уже в полной готовности, ожидая, что застанет там Эми и сквайра. Но за время ее отсутствия, обеспокоенной матери и дедушке сообщили, что малыш

проснулся в панике, и они оба бросились к своему любимому чаду. Но Роджер остался в гостиной, поджидать Молли, с большим букетом самых прекрасных цветов.

— Посмотрите, Молли! — сказал он, когда она собиралась покинуть комнату, застав его одного. — Я собрал эти цветы для вас перед завтраком.

— Благодарю вас! — ответила она. — Вы очень добры. Я очень обязана вам.

— Тогда вы должны что-то сделать для меня, — сказал он, решив не замечать ее скованности, и начиная перебирать цветы, которые она удерживала, как связь между ними, поэтому не смогла повиноваться своему импульсу и покинуть комнату.

— Скажите мне... честно, как я знаю, вы всегда говорите, — неужели я сделал что-то, рассердив вас, с тех самых пор, как мы были вместе счастливы в Тауэрсе?

Его голос был таким добрым и искренним — его манеры такими открытыми, он казался настолько огорченным, что Молли была бы рада все ему рассказать. Она верила, что он, больше чем кто бы то ни было, мог помочь ей понять, как следует правильно себя вести. Он бы избавил ее от фантазий, если бы только сам не находился в самом центре всех ее затруднений и беспокойств. Как она могла рассказать ему о словах миссис Гудинаф, беспокоивших ее девичью скромность? Как она могла повторить ему, что его отец сказал этим утром, и уверить его, что она, не больше, чем он, желала, чтобы их прежнюю дружбу беспокоили мысли о скором родстве?

— Нет, за всю мою жизнь вы ни разу меня не рассердили, Роджер, — сказала она, глядя ему прямо в глаза, впервые за многие дни.

— Я верю вам, потому что вы так говорите. Я не имею права спрашивать дальше. Молли, вы вернете мне один из этих цветков, как залог того, что вы сказали?

— Возьмите тот, который вам нравится, — ответила она, с готовностью предложив ему весь букет на выбор.

— Нет, вы должны выбрать и дать его мне.

Как раз в этот момент вошел сквайр. Роджер был бы рад, если бы Молли не продолжала так усердно изучать букет, чтобы выбрать наилучший цветок, в присутствии его отца, но она воскликнула:

— О, пожалуйста, мистер Хэмли, вы знаете, какой у Роджера любимый цветок?

— Нет. Роза, полагаю. Экипаж у дверей, Молли, моя дорогая, мне не хочется вас торопить, но...

— Я знаю. Вот, Роджер... вот роза!

(«И сама была красна, как роза».)

— Я найду папу, как только приеду домой. Как малыш?

— Боюсь, у него начинается лихорадка.

И сквайр проводил ее к экипажу, всю дорогу говоря о маленьком мальчике. Роджер следовал за ними и едва ли обращал внимание, что делает, отвечая на вопрос, который задавал самому себе: "Слишком поздно... или нет? Может ли она забыть, что моя первая глупая любовь была отдана той, совсем другой?"

Тем временем она, пока экипаж катился, продолжала говорить себе:

— Мы снова друзья. Я не думаю, что он будет помнить, что дорогой сквайр взял себе в голову, много дней. Так приятно быть снова в прежних отношениях! И какие прекрасные цветы!

[1] Ирландская народная сказка «Дурное место».

[2] Ни к селу, ни к городу (фр.)

Глава LX

Признание Роджера Хэмли

Роджеру было о чем подумать, когда он проводил взглядом экипаж, пока тот не скрылся из виду. Накануне он полагал, что Молли не могла не увидеть все признаки его возрастающей любви к ней — признаки, которые, как он считал, были так очевидны, — так же как и его отвратительное непостоянство к непостоянной Синтии; что она понимала, что привязанность, которая может быть так скоро перенесена на другую, не имеет ценности; и что ей хотелось показать все это своим изменившимся отношением к нему, и таким образом пресечь эту любовь в корне. Но этим утром ее прежняя милая искренность вернулась — в их последнем разговоре, во всяком случае. Он всерьез был озадачен, пытаясь выяснить, что могло расстроить ее за завтраком. Он даже дошел до того, что расспросил Робинсона, не получала ли мисс Гибсон каких-нибудь писем утром. И узнав, что она получила одно письмо, он пытался поверить, что оно в некотором смысле явилось причиной ее огорчения. Пока все хорошо. Они снова стали друзьями после безмолвного разногласия, но Роджеру этого было недостаточно. С каждым днем он все больше и больше убеждался, что она, и она одна, могла сделать его счастливым. Он понял это и отчасти перестал надеяться, в то время как отец действительно

призывал его выбрать ту самую линию поведения, которую ему больше всего хотелось принять. Не нужно "пытаться" полюбить ее, говорил он сам себе, — это уже почти сделано. И все же он был очень ревнив от ее имени. Была ли любовь, которая когда-то была отдана Синтии, достойна ее? Разве не была эта любовь слишком насмешливым подражанием последней влюбленности — он снова собирался покинуть Англию на определенное время, а если бы он последовал сейчас за ней в ее собственный дом — в ту самую гостиную, где он однажды сделал предложение Синтии? И тогда он твердо решил действовать следующим образом. Сейчас они друзья, и он поцеловал розу, которая являлась залогом ее дружбы. Отправляясь в Африку, он столкнется со смертельными опасностями, сейчас он лучше знал, что они из себя представляют, чем в начале прошлой поездки. Пока он не вернется, он даже не сделает попыток завоевать ее любовь. Но когда-нибудь он снова окажется дома, в безопасности, и никакие слабые фантазии о том, каким бы мог или не мог быть ее ответ, не помешают ему использовать все возможности, чтобы завоевать женщину, которая была для него единственной и выделялась из всех. Он не испытывал тщеславия, которое заботится больше о возможном унижении при отказе, чем о драгоценном согласии невесты, которое можно завоевать. Так или иначе, по велению Бога он вернется домой невредимым, он подвергнет свою судьбу испытанию. А до этих пор он будет терпеливым. Он больше не был юнцом, готовым мчаться за желанным объектом. Он был мужчиной, способным рассуждать и ждать.

Молли отправила отца в поместье, как только нашла его, а затем вернулась к прежней жизни в гостиной, где ей постоянно не доставало яркого присутствия Синтии. Миссис Гибсон была в довольно сварливом настроении, причиной которого явилось то, что Синтия несправедливо адресовала последнее письмо Молли, а не ей самой.

— Принимая во внимание все затруднения с ее приданым, я думаю, она могла бы написать мне.

— Но она написала... ее первое письмо было адресовано вам, мама, — ответила Молли, ее настоящие мысли все еще стремились в поместье... к больному ребенку... к Роджеру и его просьбе подарить цветок.

— Да, только первое письмо, в три страницы, учитывая, что она писала крест-накрест[1]. В то время как тебе она написала о моде, какие шляпки носят в Париже, и все возможные интересные вещи. Но, как я уяснила, бедным матерям не стоит ожидать доверительных писем.

— Вы можете посмотреть мое письмо, мама, — сказала Молли, — в

нем в самом деле ничего нет.

— Ах, я думаю о ее почерке и письме крест-накрест тебе, которая этого не ценит, тогда как мое бедное сердце тоскует по потерянной дочери! Право слово, временами жизнь невыносима.

Затем последовало молчание... ненадолго.

— Расскажи же мне о своем визите, Молли. У Роджера сильно разбито сердце? Он много говорит о Синтии?

— Нет, он не часто упоминает о ней. Едва ли упоминал.

— Я никогда не считала, что он способен на большое чувство. Если бы он сильно любил, он бы не позволил ей уйти так легко.

— Я не понимаю, как бы он мог это сделать. Когда он приехал повидать ее после своего возвращения, она была уже помолвлена с мистером Хендерсоном... он приехал в тот самый день, — заметила Молли, возможно, с большим раздражением, чем следовало.

— Моя бедная голова! — воскликнула миссис Гибсон, обхватив голову руками. — Можно подумать, ты гостила у людей с крепким здоровьем, и... прости меня за такие слова, Молли, по дружбе... и грубыми манерами, ты говоришь так громко. Но помни о моей голове, Молли. Значит, Роджер совершенно забыл Синтию, верно? Ох! Какие же непостоянные создания эти мужчины! Помяни мои слова, вскоре он влюбится в какую-нибудь знатную даму! Они делают из него любимца и знаменитость, он как раз из той породы слабых молодых людей, у которых из-за всего этого кружится голова. И сделает предложение какой-нибудь знатной даме, которая подумает о замужестве с ним не больше, чем о замужестве со своим лакеем.

— Не думаю, что так, — мужественно ответила Молли. — Роджер слишком разумен для чего-то подобного.

— Именно этот недостаток я всегда обнаруживала у него: разумный и бессердечный! Это тот тип характера, который, может быть, очень ценен, но который возмущает меня. Дайте мне тепло сердца, даже с малой толикой той несдержанности чувства, которая сбивает с толку и сопутствует романтическим отношениям. Бедный мистер Киркпатрик! У него был именно такой характер. Обычно я говорила ему, что его любовь ко мне довольно романтична. Думаю, я рассказывала тебе, как он прошел пешком пять миль под дождем, чтобы принести мне маффин, когда я была больна?

— Да! — ответила Молли. — Он был очень добр.

— И к тому же неблагоразумен! Как раз такой поступок ни один из твоих разумных, бессердечных, заурядных знакомых никогда бы не

помыслил совершить. С его-то кашлем.

— Надеюсь, он не пострадал от этого? — спросила Молли, пытаясь увести разговор от Хэмли, о котором они с мачехой всегда спорили, и ей было трудно сдерживать свой характер.

— Нет, пострадал! Он так и не оправился от простуды, которую подхватил в тот день. Как бы мне хотелось, чтобы ты знала его, Молли. Порой я задумываюсь о том, что случилось бы, если бы ты была моей родной дочерью, а Синтия — дочерью твоего дорогого отца, а мистер Киркпатрик и твоя родная мать были бы живы. Люди много говорят о природном сходстве. Это был бы вопрос для философа, — она начала размышлять над невозможностью сделанного ею предположения.

— Интересно, как там маленький мальчик? — спросила Молли, помолчав.

— Бедное дитя! Когда думаешь, как мало желательно его затянувшееся существование, понимаешь, что его смерть была бы благом.

— Мама! Что вы имеете в виду?! — воскликнула Молли, сильно потрясенная. — Все заботятся о его жизни, как о самой бесценной вещи! Вы никогда не видели его! Он самый здоровый, милый малыш на свете! Что вы имеете в виду?

— Я, было, подумала, что сквайру хотелось бы наследника более знатного происхождения, нежели отпрыск служанки — со всеми его представлениями о происхождении, родовитости и семье. И я, было, подумала, что немного унизительно для Роджера — который, как и следовало, должен видеть в себе наследника своего брата — обнаружить, что маленький ребенок, наполовину француз, наполовину англичанин, вторгся и занял его место.

— Вы не знаете, как они любят его... сквайр бережет его как зеницу ока.

— Молли! Молли! Прощу, не употребляй при мне такие старомодные выражения. Когда я научу тебя истинной утонченности... той утонченности, которая заключается в том, чтобы никогда даже в мыслях не использовать вульгарных, старинных выражений! Пословицы и идиомы никогда не используются образованными людьми. «Зеница ока»! Я поражена.

— Мне очень жаль, мама. Но все же, мне хотелось как можно сильнее выразить свою мысль, что сквайр любит малыша, как своего собственного ребенка. И что Роджер... О! Как не стыдно думать, что Роджер..., - и она внезапно замолчала, словно задохнулась.

— Я не удивлена твоим возмущением, моя дорогая! — ответила

миссис Гибсон. — Именно подобное я чувствовала в твоём возрасте. Но подлость человеческой натуры узнаешь с годами. Я ошиблась, открыв тебе глаза так рано... но вне зависимости от этого, мысль, о которой я упоминала, приходила в голову Роджеру Хэмли!

— Всякого рода мысли приходят нам в голову, все зависит от того, даёшь ли ты им прибежище и поощрение, — ответила Молли.

— Моя дорогая, если последнее слово должно остаться за тобой, пусть оно не будет избитой истиной. Давай поговорим на какую-нибудь более интересную тему. Я попросила Синтию купить мне в Париже шелковое платье и сказала, что напишу ей, какой цвет меня устроит... думаю, темно-синий — самый подходящий для меня цвет, что ты скажешь?

Молли согласилась, скорее для того, чтобы не утруждать себя мыслями об этом. Она была слишком поглощена молчаливым размышлением обо всех особенностях характера Роджера, который недавно привлек её внимание, что дало ложное направление предположениям мачехи. Вскоре они услышали шаги мистера Гибсона на лестнице. Но прошло некоторое время, прежде чем он вошёл в комнату, где они сидели.

— Как маленький Роджер? — спросила Молли в нетерпении.

— Боюсь, у него начинается скарлатина. Хорошо, что ты уехала, Молли. Ты никогда ею не болела. Мы должны на время прекратить все общение с Хэмли Холлом. Если я и боюсь, то только этого заболевания.

— Но ты поехал и вернулся к нам, папа.

— Да, но я всегда предпринимаю уйму предосторожностей. Тем не менее, не нужно говорить о рисках, что лежат на пути долга. Нам не стоит попусту рисковать.

— Он серьёзно заболеет? — спросила Молли.

— Не могу сказать. Я сделаю все возможное для маленького мальчугана.

Чувства мистера Гибсона были сильно затронуты, раз он был склонен вернуться к языку своей юности. Молли знала теперь, что он был очень заинтересован этим случаем.

Несколько дней неминуемая опасность угрожала маленькому мальчику. В течение нескольких недель пришлось бороться с тяжёлым течением этого заболевания, но когда угроза отступила, и отпала необходимость каждый день интересоваться, как протекает болезнь, Молли начала понимать, что из-за строгого карантина, который её отец явно считал необходимым ввести между двумя домами, она не увидит Роджера до его отъезда в Африку. О! Если бы она не упустила дни, проведенные с

ним в поместье! Те дни, когда она избегала его, отказывалась свободно говорить с ним, причиняла ему боль своим изменившимся поведением, поскольку читала в его глазах, слышала в его голосе, что он озадачен и испытывает боль. Теперь она сосредоточила свое воображение на его голосе и взглядах.

Однажды после ужина ее отец сказал:

— Как говорят деревенские жители, я сегодня переделал уйму работы. Мы с Роджером Хэмли обсудили и придумали план, по которому миссис Осборн и ее малыш уедут из Хэмли Холла.

— Что я говорила на днях, Молли? — спросила миссис Гибсон, вмешавшись в разговор, и бросив на Молли многозначительный взгляд.

— И поедут в сдаваемое жилье на ферме Дженнингса, не более чем в четырехстах ярдах от ворот Парк-филда, — продолжил мистер Гибсон. — Сквайр и его невестка намного сблизились у кровати больного малыша. Я думаю, теперь он понимает, что для матери невозможно покинуть свое дитя, уехать и жить счастливо во Франции, как все это время он считал, на самом деле, желая откупиться от нее. Но той единственной ночью, когда я был неуверен, смогу ли я вылечить мальчика, они вместе плакали и, словно сорвали занавес, висевший между ними; они стали, скорее друзьями, чем недругами, как было раньше. Все же Роджер... (Щеки Молли покраснели и глаза увлажнились, ей доставляло такое удовольствие слышать его имя)... и я, мы оба согласились, что его мать лучше знает, как справляться с мальчиком, чем дедушка. Я полагаю, это было единственным полезным приобретением, полученным ею от своей жестокосердной хозяйки. Она, конечно, хорошо обучена справляться с детьми. И становится нетерпеливой, недовольной и несчастной, когда видит, как сквайр дает ребенку орехи и эль, потакает всякого рода глупостям, портит его всеми возможными способами. Тем не менее, она трусиха, и не высказывает свои мысли. Теперь, она будет жить в съемном доме, и иметь собственных слуг — к тому же в прекрасных уютных комнатах. Мы поедем навестить их, и миссис Дженнингс обещала хорошо относиться к миссис Осборн Хэмли, и она очень польщена, и тому подобное — не дольше, как в десяти минутах от Хэмли, поэтому она и маленький паренек могут легко ходить туда — сюда, так часто, как им этого захочется, и тем не менее, она может сохранить контроль над дисциплиной и диетой ребенка. Короче говоря, я хорошо поработал днем, — продолжил он, чуть вытягиваясь, и затем, встряхнувшись, приготовился снова уйти, чтобы посмотреть пациента, который посылал за ним в его отсутствие.

— Хорошо поработал, — повторил он себе, спускаясь по лестнице. —

Я не знаю, когда был так счастлив! — он не рассказал Молли всего того, что произошло между ним и Роджером. Роджер начал новый разговор как раз тогда, когда мистер Гибсон второпях уезжал из Хэмли Холла, закончив приготовления для Эми и ее ребенка.

— Вы знаете, мистер Гибсон, что в следующий вторник я уезжаю? — спросил Роджер довольно неожиданно.

— Разумеется. Надеюсь, вы так же будете успешны в своих научных изысканиях, как и в прошлый раз, и вас по возвращении не будет ожидать горе.

— Благодарю вас. Да, надеюсь. Вы не считаете, что есть опасность заражения?

— Нет! Если бы болезнь распространилась по поместью, думаю, до сего времени мы бы уже заметили некоторые ее признаки. Но при скарлатине никто не может быть уверен, запомните.

Роджер помолчал минуту или две:

— Должно быть, вы боитесь, — произнес он, наконец, — увидеть меня в своем доме?

— Благодарю вас. Но думаю, я бы скорее отказался от удовольствия побыть здесь в вашем обществе в настоящее время. Прошло три — четыре недели, как ребенок заболел. Кроме того, я еще раз сюда загляну до того, как вы уедете. Я всегда опасаюсь симптомов водянки. Мне известно, что из этого происходит.

— Тогда я больше не увижу Молли! — сказал Роджер, в его голосе и взгляде сквозило огромное разочарование.

Мистер Гибсон бросил острый, внимательный взгляд на молодого человека, и посмотрел на него с такой проницательностью, словно у того начиналась неизвестная болезнь. Тогда доктор и отец сжал губы и издал долгий, понимающий свист. — Вот так так! — произнес он.

Загорелые щеки Роджера приобрели темный оттенок.

— Вы передадите ей от меня весточку, не так ли? Прощальное послание? — просительно сказал он.

— Только не я. Я не собираюсь быть посыльным между молодым человеком и юной девушкой. Я скажу своим женщинам, что запретил вам приближаться к дому, и что вы сожалеете о том, что уезжаете, не попрощавшись. Это все, что я скажу.

— Но вы не осуждаете?.. я вижу, вы догадались почему. О! Мистер Гибсон, просто скажите мне одно слово из того, что должно быть в вашем сердце, хотя вы притворяетесь, что не понимаете, почему я сделал бы все возможное, чтобы снова увидеть Молли до отъезда.

— Мой дорогой мальчик! — произнес мистер Гибсон, более тронутый, чем хотел показать, положив руку на плечо Роджера. Затем он взял себя в руки и произнес достаточно серьезно: — Запомните, Молли — не Синтия. Если она полюбит вас, она не из тех, кто перенесет свою любовь на следующего посетителя.

— Вы имеете ввиду, что не так охотно, как это сделал я, — ответил Роджер. — Мне только хотелось, чтобы вы знали, как отличается мое нынешнее чувство от той мальчишеской влюбленности в Синтию.

— Я не думал о вас, когда говорил об этом. Но, тем не менее, раз уж я вспомнил, что вы не оказались примером постоянства, давайте услышим, что вам есть сказать в свою защиту.

— Немного. Я сильно любил Синтию. Ее манеры и ее красота зачаровали меня, но ее письма — короткие, поспешные письма — иногда показывали, что на самом деле она не утруждает себя чтением моих — я не могу сказать вам, какую боль они причиняли мне! За двенадцать месяцев одиночества я часто подвергал свою жизнь опасности — лицом к лицу со смертью — порой год заменяет человеку опыт многих лет. Все же, я страстно ждал того времени, когда снова увижу ее милое лицо, услышу ее голос. Затем в Кейптаун пришло письмо! — и все же я надеялся. Но вы знаете, какой я нашел ее, когда пошел поговорить, надеясь, что могу возобновить наши отношения — она была помолвлена с мистером Хендерсоном. Я увидел, как она прогуливается с ним в саду, кокетничает, и болтает с ним о цветах точно так же, как делала со мной. Я заметил жалостливый взгляд Молли, когда она смотрела на меня. Я вижу его сейчас. И я могу побить себя за то, что был таким слепым глупцом... Что она должна была подумать обо мне? Как, должно быть, она презирала меня, выбравшего фальшивую Дуэссу.

— Полно, полно! Синтия не так плоха. Она очаровательное, хоть и несовершенно создание.

— Я знаю! Я знаю! Я никогда не позволю себе сказать хоть слово против нее. Если я назвал ее фальшивой Дуэссой, то только потому, что хотел выразить свое ощущение разницы между ней и Молли, как можно точнее. Вы должны позволить любовное преувеличение. Кроме того, все, что я хотел сказать... Вы думаете, Молли можно заставить выслушать меня, после того, как она видела и знала, что я любил человека настолько ниже ее?

— Я не знаю. Не могу сказать. Даже если бы мог, я бы не сказал. Единственно, если это успокоит вас, я могу сказать, чему научил меня мой опыт. Женщины странные, безрассудные создания, и, похоже, не любят

мужчин, которые отвергают свою любовь.

— Благодарю вас, сэр! — ответил Роджер, перебивая его. — Я понимаю, что вы одобряете меня. И я решился не давать Молли намека на то, что я чувствую, пока не вернусь... и тогда попытаться завоевать ее всеми средствами, что будут в моих силах. Я решился не повторять прежнюю сцену в прежней обстановке... в вашей гостиной... как бы меня не искушали. И возможно, она избегала меня, когда была здесь в последний раз.

— Что ж, Роджер, я слушал вас достаточно долго. Если вам не на что тратить свое время, кроме как говорить о моей дочери, то у меня есть. Когда вы вернетесь, у вас будет достаточно времени, чтобы узнать, насколько ваш отец одобряет подобную помолвку.

— Он сам заставлял меня на днях... но тогда я был в отчаянии... я думал, что уже слишком поздно.

— И какие средства у вас есть, чтобы завоевать себе жену? Я всегда считал, что вопрос решился слишком легко, когда вы устроили поспешную помолвку с Синтией. Я не корыстен... у Молли есть некоторые сбережения независимо от меня — о которых она, между прочим, ничего не знает... немного... и я могу выдать ей кое-что. Но все эти вопросы должны быть отложены до вашего возвращения.

— Значит, вы одобряете мою привязанность?

— Я не знаю, что вы имеете в виду под одобрением. Я ничего не могу поделать. Полагаю, потерять единственную дочь — неизбежное зло. Все же, — видя выражение разочарования на лице Роджера — будет честно сказать вам, я охотнее отдам свое дитя... мое единственное дитя, запомните! — вам, чем кому-либо еще на свете!

— Благодарю вас! — сказал Роджер, пожимая руку мистера Гибсона, почти против воли последнего.

— Могу я увидеться с ней всего один раз до отъезда?

— Решительно нет. Здесь я выступаю как доктор, а не как отец. Нет!

— Но, во всяком случае, вы передадите послание?

— Моей жене и ей, вместе обеим. Я не стану разделять их. Я ни в малейшей степени не буду посредником.

— Очень хорошо, — сказал Роджер. — Передайте им обеим как можно точнее, что я сожалею о вашем запрете. Понимаю, я должен подчиниться. Но если я не вернусь, я буду преследовать вас за то, что вы были таким злым.

— Давайте! Мне это нравится. Покажите мне влюбленного ученого мужа. Никому не дано быть с ним жестоким безнаказанно. Прощайте!

— Прощайте. Вы увидите Молли сегодня днем!

— Разумеется. А вы увидите своего отца. Но я не вздыхаю так зловеще тяжело при этой мысли.

Мистер Гибсон передал послание Роджера своей жене и Молли тем же вечером за ужином. Именно этого ожидала последняя, после того, что сказал отец об очень большой опасности заразиться. Но теперь ее ожидание, приобретя форму окончательного решения, лишило ее аппетита. Она молча покорила, но ее внимательный отец заметил, что после его слов она только играла с едой на тарелке, спрятав изрядное ее количество под ножом и вилкой.

— «Любимый против отца! — подумал он с грустью. — Любимый побеждает», — и он тоже стал безразличен к оставшемуся ужину. Миссис Гибсон тараторила, но ее никто не слушал.

Наступил день отъезда Роджера. Молли с трудом старалась забыть, вышивая подушку, которую она готовила Синтии в подарок. Люди занимались вышивкой в те дни. Один, два, три. Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь — все неправильно. Она думала о чем-то постороннем, и ей пришлось распарывать вышитое. К тому же день был дождливым. И миссис Гибсон, которая планировала выйти прогуляться и нанести несколько визитов, пришлось остаться дома. От этого она стала беспокойной и неугомонной. Она продолжала ходить туда-сюда между окнами в гостиной, чтобы посмотреть на погоду, словно полагала, что пока за одним окном льет дождь, за другим может светить солнце.

— Молли, подойди сюда! Кто этот человек, завернутый в плащ... там... возле парковой стены, под буком... он стоит там уже более получаса и не двигается, все время смотрит на этот дом! Я думаю, это очень подозрительно.

Молли выглянула в окно и в то же мгновение узнала Роджера, скрытого под плащом. Ее первым порывом было отпрянуть от окна. Но вместо этого она вышла вперед и сказала:

— Мама, это Роджер Хэмли! Взгляните — он целует руку. Он прощается с нами единственным способом, которым может попрощаться! — и она ответила на его знак, но не была уверена, понял ли он ее скромный, сдержанный жест, поскольку миссис Гибсон стала немедленно так демонстративно махать, что Молли подумала, что ее настойчивые, глупые пантомимические движения должны завладеть его вниманием.

— С его стороны это очень внимательно, — произнесла миссис

Гибсон в череде воздушных поцелуев. — Право слово, это очень романтично. Это напоминает мне былые дни... но он опоздает! Я должна отослать его, уже половина первого! — и она, достав свои часы, вытянула их и постучала по ним пальцем, заняв весь центр окна. Молли удавалось только высунуться то здесь, то там, ухитряясь выглянуть то снизу, то с этой стороны, то с той, постоянно передвигаясь. Ей показалось, что она увидела какое-то ответное движение со стороны Роджера. В итоге, он медленно ушел, медленно и часто оглядываясь назад. Миссис Гибсон, наконец, отошла, и Молли спокойно встала на ее место, чтобы увидеть Роджера еще раз, прежде чем он скроется за поворотом дороги. Он тоже знал, где можно бросить последний взгляд на дом мистера Гибсона, и еще раз обернулся, его белый платок проплыл в воздухе. Молли замахала своим платком высоко, страстно желая, чтобы его увидели. А затем он ушел! И Молли вернулась к своему рукоделию, счастливая, пылающая, грустная, удовлетворенная и думая про себя о том, как приятна... дружба!

Когда она вернулась в настоящее, миссис Гибсон говорила:

— Честное слово, хотя Роджер Хэмли никогда не был моим любимцем, этот маленький знак внимания напомнил мне против воли очень очаровательного молодого человека... *soupirant*, [2] как говорят французы — лейтенанта Харпера — ты, должно быть, слышала, как я говорила о нем, Молли?

— Думаю, слышала, — рассеянно ответила Молли.

— Тогда ты помнишь, как предан он был мне, когда я служила у миссис Данком, на своем первом месте, и мне было только семнадцать. И когда части призывников было приказано перебраться в другой город, бедный мистер Харпер пришел и стоял напротив окна классной комнаты почти час, и я знала, что по его просьбе оркестр играл «Девушку, которую я покидаю», когда они маршировали на следующий день. Бедный мистер Харпер! Это произошло до того, как я познакомилась с дорогим мистером Киркпатриком! Боже мой! Как часто моему бедному сердцу приходилось кровоточить в этой жизни! Разве что твой дорогой отец очень достойный человек и делает меня счастливой. Он бы испортил меня, если бы я позволила ему. Все же он не так богат, как мистер Хендерсон.

Это последнее предложение содержало зародыш нынешнего недовольства миссис Гибсон. Выдав Синтию замуж, и ставя себе это в заслугу, она стала немного ревниво относиться к счастью своей дочери, которая стала женой молодого, красивого, богатого и сдержанного модника, и которая жила в Лондоне. Однажды, когда она хандрила, и когда в ее мыслях присутствовало больше недовольства, чем обычно, она наивно

высказала свои чувства супругу.

— Такая жалость, — заметила она, — что я родилась так рано. Мне бы хотелось принадлежать этому поколению.

— Порой я чувствую то же самое, — ответил он. — Так много новых теорий открыты в науке, что мне бы хотелось, если бы было возможно, жить тогда, когда их истинность упрочится, чтобы увидеть, к чему они ведут. Но я полагаю, моя дорогая, что не по этой причине вы желаете быть на двадцать-тридцать лет моложе.

— Разумеется. Я просто не выразилась в такой жесткой, неприятной форме. Я только сказала, что мне бы хотелось принадлежать этому поколению. Говоря по правде, я думала о Синтии. Без тщеславия я полагаю, что была так же мила, как она... когда была девушкой, я имею в виду. У меня не было ее темных ресниц, но тогда мой нос был прямее. А теперь посмотрите, как все изменилось! Мне приходится жить в маленьком провинциальном городке, с тремя слугами, без экипажа. А она с ее посредственной красотой будет жить в Сассексе, держит слуг и собственный экипаж, и много еще чего. Но факт в том, что в этом поколении намного больше богатых молодых людей, чем в то время, когда я была девушкой.

— Ох-хо! Значит, вот в чем причина, моя дорогая? Если бы сейчас вы были молоды, вы могли бы выйти замуж за кого-то такого же богатого, как Уолтер?

— Да! — ответила она. — Думаю, это я имела ввиду. Конечно, мне бы хотелось, чтобы он был вами. Я всегда думаю, что если бы вы занимались адвокатурой, вы бы больше преуспели, и к тому же жили бы в Лондоне. Я не думаю, что Синтию сильно заботит, где она живет, тем не менее, вы видите, оно пришло к ней.

— Что пришло... Лондон?

— О, дорогой, вы шутник. Вот то самое, чем можно покорять присяжных. Я не думаю, что Уолтер когда-либо будет таким же умным, как вы. Все же он может отвезти Синтию в Париж, за границу, куда угодно. Я только надеюсь, что из-за всех этих потворств в характере Синтии не разовьются недостатки. Прошла неделя, как мы получили от нее письмо, а я писала так подробно и просила ее описать осенние моды, прежде чем куплю себе новую шляпку. Но богатство — великая ловушка.

— Благодарю Бога, дорогая, что ты избежала искушения.

— Нет, вовсе нет. Каждому нравится испытывать искушение. И, в конце концов, очень легко сопротивляться искушению, если захочешь.

— Я не нахожу, что это легко, — возразил ей муж.

— Вот лекарство для вас, мама, — сказала Молли, входя и протягивая письмо в руке. — Письмо от Синтии.

— О, дорогая, ты маленькая посланница хороших новостей! Было такое языческое божество в «Вопросах Мэнгнэлла», чьей обязанностью было приносить новости. Письмо из Кале. Они возвращаются домой. Она купила мне шали и шляпку! Дорогая! Всегда думает о других прежде себя. Богатство не испортило ее. От их отпуска осталось еще две недели! Их дом не вполне готов, они едут сюда. О, мистер Гибсон, мы должны приобрести новый столовый сервиз у Уоттса, я так давно присматриваюсь к нему. Синтия назвала этот дом «своим домом». Уверена, он был ей домом, бедняжке! Сомневаюсь, есть ли другой человек на свете, который бы относился к своей приемной дочери, как твой дорогой отец! И, Молли, у тебя должно быть новое платье.

— Полно, полно! Помните, что я не принадлежу к последнему поколению, — вставил мистер Гибсон.

— И Синтия не заметит, что на мне надето, — сказала Молли, испытывая удовольствие при мысли, что снова увидит ее.

— Нет, но Уолтер заметит. Он так внимателен к одежде, и думаю, тут я соперничаю с отцом. Если он хороший отчим, то я хорошая мачеха, и мне невыносимо видеть мою Молли в поношенной одежде, а не в самом лучшем платье. У меня тоже должно быть новое платье. Не стоит выглядеть так, словно у нас нет платьев, кроме тех, что мы надевали на свадьбу!

Но Молли выступила против нового платья для себя, и настояла на том, что если Синтия и Уолтер станут приезжать к ним чаще, им лучше видеть их такими, как есть, в платье и в привычной обстановке. Когда мистер Гибсон вышел из комнаты, миссис Гибсон мягко упрекнула Молли за ее упрямство.

— Ты могла бы позволить мне выпросить для тебя новое платье, Молли, тебе известно, как сильно я восхищалась тем травчатым шелком у Брауна на днях. А теперь, конечно, я не могу быть столь эгоистична, чтобы приобрести его для себя, а тебе ничего не купить. Тебе следует научиться понимать желания других людей. Все же, в целом, ты милая, прелестная девушка, и мне только хочется... я знаю, что я хочу, только дорогому отцу не нравится говорить об этом. А теперь укрой меня поплотнее и позволь мне уснуть и помечтать о моей дорогой Синтии и моей новой шали!

[1] Письмо́ крест-на́крест, или «крестом», или «вдоль и поперёк» (англ. crossed letter), — рукописное письмо, которое содержит строки, написанные вдоль, и строки, написанные перпендикулярно им или по

диагонали, поперёк написанного. К такой манере написания письма прибегали в начальный период развития почты в стремлении сэкономить на стоимости пересылки письма, поскольку она зависела от веса письма, расстояния, на которое оно пересылалось, наличия вложений, от того, на одном или на двух листах был написан текст.

[2] Soupirant — (фр.) вздыхатель.

Заключение

От редактора журнала «Корнхилл»[1]

Здесь история обрывается и уже никогда не будет дописана. То, что обещало стать завершающей работой жизни, стало памятником смерти. Еще несколько дней, и этот роман стал бы триумфальной колонной с капителью, увитой праздничными листьями и цветами. Теперь же это колонна другого вида — одна из тех, печальные белые столбы которых стоят разрушенными на церковном дворе.

Но если работа не вполне закончена, то к ней мало что осталось добавить, и это малое отчетливо отражено в наших душах. Мы знаем, что Роджер Хэмли женится на Молли, и это интересует нас больше всего. В самом деле, что еще стоит говорить. Будь писательница жива, она бы немедленно отправила своего героя обратно в Африку; и эти исследуемые части Африки находятся далеко от Хэмли. Что большое расстояние, что долгий срок — оба хороши. Сколько часов проходит в сутки, когда вы одни-одинешеньки в пустынном месте, в тысячах милях от счастья, которое могло бы стать вашим — если бы вы были готовы принять его? Сколько, когда от источников Топинамбо ваше сердце летит домой десять раз за день, как почтовый голубь, к тому единственному для тебя источнику будущего блага, и десять раз за день возвращается с неотправленным посланием? Намного больше, чем можно сосчитать по календарю. Так выяснил Роджер. Дни складывались в недели, разлучившие его с тем днем, когда Молли подарила ему некий маленький цветок, и в месяцы, отделившие его от Синтии, в которой он начал сомневаться еще до того, как убедился, что на нее не стоит слишком надеяться. И если таковыми были его дни, то какой казалась ему медленная вереница недель и месяцев в этих удаленных и пустынных землях? Они сравнялись с годами, прожитыми дома в свободе и досуге, он желал верить, что тем временем никто не ухаживает за Молли. Эффект от этого был такой, что задолго до того, как закончился срок его обязательства, все, чем являлась для Роджера Синтия, было удалено из его сердца, и все, чем была и могла бы стать Молли, полностью его заполнило.

Он вернулся, но когда снова увидел Молли, он вспомнил, что для нее время его отсутствия могло не показаться столь долгим, и был удручен прежним страхом, что она будет считать его непостоянным. Поэтому этот молодой джентльмен, такой уверенный в себе и здравомыслящий в научных вопросах, нашел трудным сказать Молли, как сильно он надеялся на то, что она любит его, и мог бы ошибиться, если бы не придумал начать с того, что показал ей тот цветок, что она вытащила из букета. Как очаровательно была бы описана эта сцена, доживи миссис Гаскелл до того времени, чтобы описать ее, мы можем только представить. Что это было бы очаровательно — то, что делала Молли, как смотрела и говорила — мы знаем.

Роджер и Молли поженились, и если один из них счастливее другого, то это Молли. Ее мужу не нужно сожалеть о том небольшом наследстве, которое досталось сыну бедного Осборна, поскольку он становится профессором в каком-нибудь значительном научном учреждении, и добивается успеха в этом мире. Сквайр почти так же доволен этим браком, как и его сын. Если кто и страдает из-за этого, то это мистер Гибсон. Но он берет компаньона, чтобы иметь возможность сбегать в Лондон, чтобы время от времени погостить у Молли несколько дней, и «чтобы немного отдохнуть от миссис Гибсон». О том, что произошло с Синтией после ее замужества, автор не согласилась много сказать, и в самом деле, кажется, что не нужно ничего добавлять. Один небольшой случай, очень характерный, тем не менее, был рассказан о ней миссис Гаскелл. Однажды, когда Синтия и ее муж гостили в Холлингфорде, мистер Хендерсон впервые узнал из невинного замечания мистера Гибсона, что известный путешественник Роджер Хэмли был знаком с семьей. Синтия ни разу не упомянула о нем. Как хорошо был бы описан этот небольшой случай!

Но бесполезно размышлять о том, что было бы написано искусной сильной рукой, которая не может больше создать ни Молли Гибсон, ни Роджеров Хэмли. Мы повторили в этой краткой заметке все, что известно о замыслах ее романа, который был бы завершен в следующей главе. Что касается романа, не стоит сильно сожалеть. На самом деле, те, кто знал ее меньше, сожалеют, что потеряна больше писательница, чем человек — одна из добрейших и мудрейших женщин своего времени. Но все же, если говорить о ней, как о романистке, то ее безвременная смерть — причина для глубокого сожаления. Очевидно, что в этом романе «Жены и дочери», в изысканной небольшой истории, что предшествовала ему, «Кузине Филлис», и в «Поклонниках Сильвии» миссис Гаскелл в течение этих пяти лет начала новую карьеру со всей свежестью юности и с душой, которая,

казалось, отбросила все земное и возродилась вновь. Но это «отбрасывание земного» должно восприниматься в узком смысле. Все души более или менее испачканы «грязными одеждами», в которые они заключены. Но некоторые души, показывают даже меньше низменного земного, чем у миссис Гаскелл. Это было так во все времена. Но позднее даже изначальный пренебрежительный оттенок, кажется, исчезает. В то время как вы читаете одну из последних трех книг, которые мы упомянули, вы чувствуете, что ускользаете из гнусного, злобного мира, кишящего эгоизмом и пахнущего низменными страстями, в тот, в котором много слабости, много ошибок, долгих и горьких страданий, но где людям возможно жить спокойной и полезной жизнью, и более того, вы чувствуете, что этот мир, по крайней мере, такой же настоящий, как другие. Добрый дух, который полагает, что никакое зло не проглядывает с ее страниц, освещает их, и пока мы читаем, мы дышим чистым разумом, который предпочитает иметь дело с эмоциями и страстями, пускающими живые корни в душах в рамках спасения, а не с теми, которые гниют без него. Этот дух особенно проявляется в «Кузине Филлис» и в «Женах и дочерях» — последних работах их автора. Кажется, они показывают, что для нее конец жизни не спуск между комьями почвы в долину, а восхождение в чистую атмосферу стремящихся в небеса холмов.

Сейчас мы ничего не говорим о просто интеллектуальных качествах, показанных в этих последних работах. Пройдет двадцать лет, и этот вопрос может считаться самым важным из двух. В настоящее время, находясь у ее могилы, мы не можем так думать. Но это правда, тем не менее, что как чистые произведения искусства и наблюдения, эти последние романы миссис Гаскелл входят в число самых прекрасных произведений своего времени. В «Кузине Филлис» есть сцена — Холман, убирая сено со своими людьми, заканчивает день чтением псалма, — которая не выделяется живописностью во всей современной литературе. И то же самое можно сказать о той главе в последнем романе, где Роджер выкуривает трубку с отцом после ссоры сквайра с Осборном. В этих обеих сценах или в двадцати других, которые следуют друг за другом, как драгоценные камни в шкатулке, мало есть того, за что обыкновенный писатель-романист может «ухватиться». Для него нет «материала» в полудюжине фермеров, поющих гимны в поле, или в недовольном старом джентльмене, курящем табак со своим сыном. Еще меньше он мог бы воспользоваться несчастьями маленькой девочки, которую отослали в роскошный дом, чтобы стать счастливой среди красивых людей. Но именно в подобных вещах истинный гений предстает самым ярким и самым недостижимым. То

же самое происходит с персонажами в работах миссис Гаскелл. Синтия одна из самых трудных героинь, которую когда-либо пытались изобразить в наше время. Совершенное искусство всегда скрывает трудности, которые оно преодолевает. И пока мы не постараемся следовать за процессом, во время которого создается такой герой, как Тито из «Ромолы»,^[2] например, мы не начнем понимать, какой это изумительный кусочек произведения. Разумеется, Синтия не является таким великим творением, как это замечательное достижение искусства и мысли — редчайшего мастерства, глубочайшей мысли. Но она также принадлежит тому типу героев, которые задумываются только в умах великих, чистых, гармоничных и справедливых, и которые могут быть изображены всецело, без недочетов, только рукой, послушной прекрасным движениям души. Если смотреть в этом свете, Синтия даже более важный кусочек произведения, чем Молли, утонченная, истинная и гармоничная. И то, что мы сказали о Синтии, можно сказать с равной справедливостью об Осборне Хэмли. Достоверное изображение подобного героя — замечательная проверка мастерства, как рисование ноги или руки, которые тоже кажутся легкими, но в изображении которых очень редко можно добиться совершенства. Миссис Гаскелл нарисовала дюжину героев, более поразительных, чем Осборн, с тех пор, как написала «Мэри Бартон», но ни один из них не демонстрирует более совершенной законченности.

Другой вопрос, на который нам позволено обратить внимание, потому что он имеет огромное и всеобщее значение. Может быть, правда, что это не подходящее место для критики, но с тех пор, как мы пишем об Осборне Хэмли, мы не можем устоять и не указать на необычный пример проникательного понимания, который лежит в основе всех действительно замечательных работ. Вот Осборн и Роджер, двое мужчин, каждая черта которых может быть «схвачена» для описания, совершенно разные создания. Телом и душой они совершенно непохожи. У них разные вкусы, они выбирают разные пути: это представители двух типов, которые в общественном смысле, никогда «не знают» друг с другом. И тем не менее, никакая братская кровь не чувствуется так явственно, как та, что течет в жилах этих двух человек. Показать это проявление, не позволив себе отклониться на единственное мгновение, было бы триумфом мастерства, но это «прикосновение за границами мастерства» делает их сходство и несходство такой привычной вещью, что мы удивляемся не больше, чем когда видим фрукты и цветы на одном побеге ежевики: мы всегда видим их вместе в сезон ежевики, и не удивляемся, и не думаем об этом. Посредственные писатели, даже те писатели, которые высоко

почитаются, наслаждались бы «контрастом», убеждая, что они совершают прекрасный анатомический и драматический поступок, выявляя его при каждой возможности. Для автора «Жен и дочерей» этот вид анатомии был просто недоразумением. Она начала с того, что герои ее истории родились обычным способом, а не выстроены, как монстр Франкенштейна. И таким образом, когда сквайр Хэмли взял себе жену, было предрешиено, что два его сына должны быть такие же естественные и разные, как ягоды и цветы на одной ветке ежевики. «Само собой разумеется». Именно этих различий можно было ожидать от союза сквайра Хэмли с городской, утонченной женщиной деликатной души. И привязанность молодых людей, их доброта (используем это слово сразу в старом и новом значении) не что иное, как воспроизведение этих неощутимых нитей любви, которые связывают равно различных отца и мать сильнее, чем узы крови.

Но мы больше не позволим себе писать в подобном тоне. Необходимо показать тем, кто знает, что такое настоящая и не настоящая литература, что миссис Гаскелл была одарена некими самыми прекрасными способностями, дарованными человеку. Что эти способности переросли в огромную силу и приобрели величайшую красоту на закате ее жизни. И что она даровала нам несколько самых настоящих, самых чистых произведений в литературе. И она была той, какой показывают ее творения — мудрой и доброй женщиной.

[1] «Корнхилл» (англ. «Cornhill Magazine») — литературный журнал викторианской эпохи, название которого образовано от улицы «Корнхилл» в Лондоне, на которой располагалась редакция журнала. Впервые роман «Жены и дочери» был опубликован в журнале «Корнхилл» отдельными частями, которые издавались с августа 1864 года по январь 1866 года.

[2] Тито — антигерой в историческом романе Джордж Элиот.